This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Tikhonravov, N. S.

ЛѢТОПИСИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРЕВНОСТИ.

ИЗДАВАЕМЫЯ

НИКОЛАЕМЪ ТИХОНРАВОВЫМЪ.

ТОМЪ V.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.
1863.

Дозволено цензурой. Москва. Октября 24 дня, 1863 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

—

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

стран.

Сравнительная миѳологія *Макса Мюллера*. Переводъ съ англійскаго *П. М. Живаго* 3

II. МАТЕРІЯЛЫ.

Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и членахъ Компаніи типографической. Сообщены *Д. И. Иловайскимъ*. Съ предисловіемъ *Н. С. Тихонравова* 3

Записка И. Г. Шварца объ отношеніяхъ къ нему И. И. Мелиссино 96

Исторія о вѣрѣ и челобитная о стрѣльцахъ Саввы Романова. 111

Плачь городецкихъ раскольниковъ при постройкѣ единовѣрческой церкви. Сообщено *А. С. Павловымъ* . . . 149

Обличеніе на Никона патріарха, написанное для царя Алексѣя Михайловича. 153

III. СМѢСЬ.

Матеріялы для исторіи Академіи Наукъ. Сообщены *К. П. Побѣдоносцевымъ* 3

Элегія Ѳеофана Прокоповича и отвѣтъ на нее А. Д. Кантемира. 37

Раскольничья сатира прошлаго вѣка 42

Извѣстіе о профессорѣ Мельманѣ. Сообщено *Д. И. Иловайскимъ* 44

Два стихотворенія Марина. Сообщены *А. Н. Аѳанасьевымъ*. 45

Опись библіотеки іеромонаха Евѳимія. Сообщена *А. Е. Викторовымъ* 50

стран.
Опись библіотеки графа Андрея Артамоновича Матвѣева и графини Матвѣевой 57
Духовные стихи раскольниковъ. Сообщены *А. С. Павловымъ*. 80
Для опредѣленія иностранныхъ источниковъ повѣсти о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ *Ѳ. И. Буслаева*. . . 84
Повѣсти о мудрыхъ женахъ. Сообщены *А. Н. Аѳанасьевымъ*. 86
Повѣсть о скверномъ бѣсѣ. Сообщена *А. С. Павловымъ*. . 89
Пять древнерусскихъ поученій. 90
Путешествіе инока Михаила во св. мѣста. Сообщено *А. С. Павловымъ* 103
Заговоръ отъ укушенія змѣи. Сообщенъ *П. И. Барсовымъ*. 105
Два раскольничьи стиха. Сообщены *Н. И. С-нымъ*. . . . 106
Нѣсколько народныхъ заговоровъ. 111
О напаствованіи протопопа Аввакума. 113
О заточеніи діакона Ѳеодора 117
Замѣтка для біографіи Сильвестра Медвѣдева. *И. Е. Забѣлина* 120
Къ матеріаламъ для исторіи Стоглава и его времени. *Н. И. С-на* 126
Замѣтка для исторіи Стоглава. *Н. С. Тихонравова* . . . 137
Слово о злыхъ женахъ 145

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИѲОЛОГІЯ.

МАКСА МЮЛЛЕРА.

(Изъ Oxford Essays, 1856.)

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО Н. М. ЖИВАГО.

Федръ. Видишь ли ты этотъ высокій платанъ?

Сократъ. А что?

Федръ. Подъ нимъ есть и тѣнь съ умѣренной прохладой, есть и трава, чтобы сѣсть или прилечь, если захотимъ.

Сократъ. Такъ веди туда.

Федръ Скажи, Сократъ, не здѣсь ли гдѣ-то, на берегахъ Иллиса, Оритія, какъ говорятъ, была похищена Бореемъ?

Сократъ. Да, говорятъ.

Федръ. Не съ этого ли именно мѣста? здѣсь, кажется, воды такъ чисты и прозрачны, и все такъ удобно для дѣвичьихъ игръ.

Сократъ. Нѣтъ, на двѣ или на три стадіи ниже, тамъ, гдѣ переходъ къ храму Агры; тамъ еще гдѣ-то есть и жертвенникъ Борею.

Федръ. Я этого не зналъ; но скажи, Сократъ, ради Зевса, вѣришь ли ты въ истину этого сказанія?

Сократъ. Неудивительно было бы, если бы и я, заодно со всѣми мудрыми людьми, сталъ отвергать это сказаніе; тогда бы и я сталъ мудрствовать и говорить, что Оритію унесло порывомъ сѣвернаго вѣтра съ одной изъ близь лежащихъ скалъ, гдѣ она играла съ своей подругой Фармакеей; а потомъ, когда она такимъ образомъ погибла, стали говорить, что она была похищена Бореемъ отсюда или съ холма Ареса: потому что существуетъ еще другое сказаніе, будто похищеніе совершилось съ того холма, а не отсюда. Но, Федръ, хотя я и признаю всю заманчивость подобныхъ объясненій, я думаю однако, что они требуютъ человѣка съ особенной энергіей мысли и

способностью къ усиленному труду, и притомъ едва ли участь такого человѣка была бы завидна, потому уже, что, покончивъ съ этимъ миѳомъ, онъ бы долженъ былъ тѣмъ же самымъ путемъ возстановлять первоначальный смыслъ Ипокентавровъ, потомъ Химеры, а тамъ нахлынетъ цѣлый сонмъ всѣхъ этихъ Горгонъ, Пегасовъ и другихъ необъяснимыхъ и по большей части нелѣпо-баснословныхъ существъ. Много нужно досуга тому, кто, не вѣря въ дѣйствительное бытіе всѣхъ этихъ существъ, захотѣлъ бы путемъ не очень тонкихъ умствованій, пріискать для каждаго изъ нихъ правдоподобное объясненіе. Что до меня касается, то у меня совсѣмъ нѣтъ на это времени, по той причинѣ, другъ мой, что до сихъ поръ я не успѣлъ еще, по предписанію дельфійскаго оракула, узнать самого себя: вотъ почему, мнѣ кажется, было бы странно, если бы, не узнавъ еще этого, я взялся за другое, постороннее. Потому, устраняя отъ себя всѣ такіе вопросы, и слѣдуя на этотъ счетъ общепринятымъ вѣрованіямъ, а самъ, какъ сейчасъ сказалъ, размышляя не объ этомъ, а о самомъ себѣ: что я такое? звѣрь ли какой, быть можетъ, сложнѣе и неукротимѣе самаго Тифона? или же существо болѣе кроткое и простое, которому природа назначила благородный и скромный удѣлъ? Но, другъ, не это ли то самое дерево, къ которому лежалъ нашъ путь?

Федръ. То самое.

Это мѣсто изъ вступленія къ *Федру* Платона было не разъ приводимо для того, чтобы показать, какъ мудрѣйшій изъ Грековъ думалъ о раціоналистахъ своей эпохи. Въ то время въ Аѳинахъ, какъ вездѣ и во всѣ времена, были люди, которые, утративъ вѣру въ чудесное и сверхъестественное, не имѣли достаточно нравственнаго мужества, чтобы безусловно отрицать то, вѣрить чему они не могли себя заставить, и потому старались найдти объясненіе, которымъ бы легенды, дошедшія по преданію и освященныя религіозными обрядами и авторитетомъ закона, примирялись съ требованіями разума и съ законами природы. Что Сократъ, хотя и самъ приговоренный къ смерти за невѣріе, имѣлъ не очень высокое мнѣніе о такихъ мыслителяхъ, что онъ считалъ ихъ объясненія нелѣпыми и невѣроятными болѣе самыхъ невѣроятныхъ вымысловъ греческой миѳологіи, и даже въ извѣстную пору своей жизни смотрѣлъ на эти попытки истолкованія миѳовъ, какъ на профанацію святыни — это ясно какъ изъ приведеннаго отрывка, такъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ, встрѣчающихся у Ксенофонта и у самого Платона. Но когда Гротъ въ своей классической „Исторіи Греціи“ пользуется этимъ мѣстомъ и другими сходнаго содержа-

нія, какъ бы для того, чтобы приравнять Сократа къ историкамъ и критикамъ нашего времени, когда онъ свидѣтельствомъ Сократа хочетъ доказать всю безполезность „доискиваться въ миѳахъ греческаго міра небывалой въ нихъ реальной, истинной основы;“ то нѣтъ сомнѣнія, что знаменитый историкъ хочетъ видѣть въ словахъ греческаго философа болѣе того, что въ нихъ дѣйствительно заключается. Цѣль, которую мы имѣемъ при изученіи миѳовъ какъ Грековъ, такъ и всякаго другаго народа древняго міра, такъ далека отъ той точки зрѣнія, на которой стоялъ Сократъ, что едва ли сказанное имъ въ укоръ современнымъ ему аѳинскимъ раціоналистамъ можетъ быть примѣнено къ намъ. Напротивъ, мы думаемъ, можно доказать, что съ нашей точки зрѣнія изученіе миѳовъ составляетъ часть той самой задачи, въ разрѣшеніи которой Сократъ полагалъ единственную достойную цѣль философіи. Ибо что въ настоящее время заставляетъ насъ задавать себѣ вопросъ о происхожденіи греческихъ миѳовъ? Зачѣмъ люди изучаютъ древнюю исторію, мертвые языки, зачѣмъ разбираютъ загадочныя надписи? Что заставляетъ ученыхъ интересоваться литературными памятниками не только Греціи и Рима, но и древней Индіи, Персіи, Египта и Вавилона? Отчего младенческія и часто весьма непзящныя преданія дикихъ племенъ привлекаютъ вниманіе ученаго и занимаютъ его мысль? Развѣ мало было говорено, что въ одномъ номерѣ Теймса болѣе мудрости, чѣмъ въ цѣломъ Ѳукидидѣ? Развѣ романы Вальтеръ-Скотта не занимательнѣе Аполлодора? И сочиненія Бэкона не поучительнѣе ли космогоніи индійскихъ Пуранъ? Что же даетъ жизнь изученію древняго міра? Что же въ нашъ дѣловой, практическій вѣкъ заставляетъ людей жертвовать своимъ досугомъ для занятій, которыя, повидимому, такъ непривлекательны и безполезны,—что иное, какъ не убѣжденіе, что, если мы, по совѣту дельфійскаго оракула, хотимъ узнать, что такое человѣкъ *есть*, мы должны напередъ узнать, *чѣмъ онъ былъ?* Отъ такого воззрѣнія Сократъ былъ такъ же далекъ, какъ и отъ всѣхъ началъ индуктивной философіи, съ помощію которыхъ люди подобные Колумбу, Леонардо-да-Винчи, Копернику, Кеплеру, Бэкону и Галилею, возродили и утвердили умственную жизнь новой Европы. Соглашаясь вмѣстѣ съ Сократомъ, что главная цѣль философіи есть самопознаніе, мы едва ли можемъ признать средства, предлагаемыя Сократомъ для достиженія этого познанія, вполнѣ соотвѣтствующими столь возвышенной цѣл[illegible]ъ видѣлъ въ человѣкѣ по преимуществу инди-

видуумъ, человѣческую душу саму по себѣ (an sich), не принимая въ соображеніе того, что каждый человѣкъ есть отдѣльное проявленіе одной общей силы, или, какъ бы выразился Сократъ, единой идеи, которая осуществляется въ безконечномъ разнообразіи человѣческихъ душъ. Сократъ пытается разгадать тайну человѣческой природы, постоянно углубляясь въ собственный духъ, наблюдая таинственныя движенія души, анализируя познавательныя способности, стараясь опредѣлить точныя границы, въ которыхъ совершается дѣятельность каждой изъ нихъ: такимъ путемъ окончательный выводъ, къ которому философія приводила Сократа, былъ тотъ, что онъ знаетъ только, что ничего не знаетъ. Для насъ человѣкъ уже не есть болѣе это изолированное, законченное и находящее удовлетвореніе въ самомъ себѣ существо: для насъ человѣкъ — братъ въ семьѣ братьевъ, членъ цѣлой расы и потому можетъ быть постигнутъ только въ совокупности всѣхъ ему подобныхъ. Для древнихъ самая земля наша была загадкой, потому что они видѣли въ ней нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто, не имѣющее ничего подобнаго себѣ во всемъ мірозданіи; но эта самая земля получила настоящее и новое значеніе, какъ скоро человѣкъ научился видѣть въ ней одну изъ множества планетъ, которыя всѣ управляются общими законами и обращаются вокругъ одного общаго центра. То же самое и относительно духовной природы человѣка: она представляется намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ сознавать и чувствовать себя членомъ единой великой семьи — какъ бы одну изъ міріадъ подвижныхъ звѣздъ, которыя всѣ повинуются однимъ общимъ законамъ, обращаются вокругъ одного общаго центра и заимствуютъ свѣтъ изъ одного общаго источника. Всемірная или, какъ ее обыкновенно называютъ, „всеобщая“ исторія проложила новые пути для мысли, обогативъ нашу рѣчь новымъ словомъ, котораго не произносили уста Сократа, Платона и Аристотеля. Это слово: человѣчество. Гдѣ Грекъ видѣлъ варваровъ, мы видимъ братьевъ; гдѣ Грекъ видѣлъ героевъ и полубоговъ, мы видимъ родичей и предковъ; гдѣ Грекъ видѣлъ отдѣльныя народности (ἔθνη), тамъ мы видимъ одно человѣчество, которое живетъ, борется и страдаетъ, разлученное океанами, раздѣленное языкомъ и народными распрями, но тѣмъ не менѣе неуклонно, подъ Божественнымъ верховодствомъ, стремящееся къ осуществленію тѣхъ неисповѣ-

димыхъ цѣлей, для которыхъ созданъ міръ и среди него поставленъ человѣкъ, носящій на себѣ образъ и подобіе божіе. Потому-то великая книга исторіи, съ ея листами, покрытыми пылью и плесенью вѣковъ, священна для насъ, такъ же, какъ и книга природы. Мы читаемъ или по крайней мѣрѣ пытаемся читать въ ней отраженіе вѣчныхъ законовъ. Какъ въ природѣ мы не признаемъ уже дѣйствія демоническихъ силъ или присутствія злаго начала, такъ и въ исторіи мы отвергаемъ безсмысленное стеченіе случайностей или произволъ нѣмаго рока. Мы убѣждены, что въ исторіи и въ природѣ нѣтъ ничего неразумнаго и что въ обѣихъ человѣкъ призванъ познавать и чтить проявленія Божественной Силы. Вотъ почему самыя ветхія и поблекшія страницы преданій такъ дороги намъ, быть можетъ, дороже наиболѣе обильныхъ содержаніемъ главъ въ исторіи новаго времени. Исторія этихъ отдаленныхъ вѣковъ и людей, столь чуждыхъ, по видимому, нашимъ современнымъ интересамъ, получаетъ высокую прелесть при мысли, что она открываетъ намъ исторію нашего собственнаго рода, нашей родной семьи, скажемъ болѣе — исторію насъ самихъ. Такъ иной разъ, — когда намъ случится, заглянувъ въ ящикъ письменнаго стола, который мы не открывали въ теченіи многихъ лѣтъ, перечитать письма, которыхъ мы въ теченіи многихъ лѣтъ не брали въ руки, — мы начинаемъ читать равнодушно, и хотя узнаемъ свой собственный почеркъ, хотя и встрѣчаемъ имена, когда-то близкія нашему сердцу; однако трудно вѣрится намъ, что *мы* писали эти строки, мы чувствовали эти страданія, мы раздѣляли эти радости..... Но вотъ мало по малу прошедшее, какъ будто придвигается къ намъ, мы сами какъ будто идемъ на встрѣчу этому прошедшему, сердце наше начинаетъ согрѣваться, и мы снова переживаемъ то, что чувствовали когда-то, давно, и вѣримъ, что эти письма дѣйствительно наши. Нѣчто подобное испытывается нами при чтеніи древней исторіи: сперва она кажется намъ какъ будто чуждой и странной; но чѣмъ пристальнѣе мы вчитываемся, тѣмъ болѣе увлекаемся, и исторія этихъ древнихъ, такъ давно отжившихъ поколѣній становится какъ бы исторіею нашего собственнаго прошедшаго — ихъ страданія нашими страданіями, ихъ радости нашими радостями. Безъ этого сочувствія къ прошедшему исторія — мертвая буква, и не жаль

было бы сжечь и забыть ея лѣтописи; но, оживленная этимъ чувствомъ симпатіи, исторія становится дорога не только для археолога, но и для всякаго живаго человѣка. Мы видимъ себя на сценѣ, на которой до нашего появленія уже сошло нѣсколько дѣйствій, и на которой мы въ свою очередь призваны играть. Чтобы узнать эту доставшуюся на нашу долю роль, мы должны предварительно познакомиться съ тѣми, кого намъ суждено замѣнить на сценѣ исторіи. Мы видимъ, что *одна* общая идея должна проходить чрезъ всю великую драму человѣчества. Потому естественно оглянуться назадъ, на тѣ явленія, на которыя уже опустилась завѣса прошедшаго. Тутъ приходитъ на помощь историческая наука и вручаетъ намъ путеводную нить, соединяющую прошедшее съ настоящимъ. Многія явленія прошедшаго исчезли невозвратно, и самыя любопытныя изъ нихъ, тѣ, которыми открывается младенчество человѣческаго рода, извѣстны намъ только въ скудныхъ обломкахъ. Вотъ почему, когда археологу удается открыть какой-нибудь новый останокъ этой отдаленной поры, онъ хватается за него съ жадностью біографа, которому нечаянно попались въ руки клочки, исписанные его героемъ еще въ дѣтствѣ — когда онъ былъ еще вполнѣ самимъ собою, когда жизнь еще не успѣла наложить на его челѣ свою тѣнь. Вотъ отчего каждое слово, каждая строка, на какомъ бы ни было языкѣ, такъ дороги намъ, если онѣ носятъ отпечатокъ раннихъ дней человѣчества. Вотъ отчего мы такъ тщательно собираемъ въ нашихъ музеяхъ безыскусственныя игрушки, занимавшія младенчество нашего героя, стараясь въ ихъ колоссальныхъ чертахъ угадать тѣ думы, символомъ которыхъ онѣ нѣкогда служили. Многое до сихъ поръ остается необъясненнымъ и гіероглифическій языкъ древности только вполовину выдаетъ первоначальныя безсознательныя стремленія человѣческаго духа. Не смотря на то, подъ какимъ то небомъ мы ни встрѣчали человѣка, мы убѣждаемся болѣе и болѣе, что искони его нравственный образъ былъ благороденъ и свѣтелъ; самыя его ошибки и сновидѣнія получаютъ смыслъ въ нашихъ глазахъ. На всемъ пространствѣ, на какомъ мы можемъ прослѣдить путь человѣчества въ глубину прошедшаго, даже на самыхъ низкихъ ступеняхъ исторіи, мы видимъ, что божественный лучъ разума былъ искони присущъ человѣку,

и въ настоящее время невозможна болѣе мысль, что человѣчество, для того, чтобы достигнуть своей настоящей высоты, должно было медленно и постепенно подниматься изъ состоянія грубой животности. Языкъ, первое созданіе творческаго духа человѣка, не только превосходящее древностью самые ранніе памятники письменности, но предваряющее даже первый лепетъ преданія, составляетъ непрерывную цѣпь, которая тянется отъ перваго разсвѣта исторіи до нашихъ дней. Мы говоримъ языкомъ, которымъ говорили первые родоначальники нашего племени; и этотъ языкъ съ его дивнымъ строеніемъ предоставляетъ неопровержимое свидѣтельство противъ такой грубой клеветы. Происхожденіе языка, образованіе корней, постепенное опредѣленіе значенія словъ, систематическая выработка грамматическихъ формъ, весь этотъ процессъ, который мы еще можемъ прослѣдить подъ поверхностью нашего слова, свидѣтельствуетъ, что въ человѣкѣ искони жила и дѣйствовала разумная душа: по достоинству творенія мы судимъ о самомъ художникѣ.

Періодъ, въ продолженіе котораго, такъ сказать, отчеканивались выраженія для самыхъ необходимыхъ понятій, каковы мѣстоименія, предлоги, числительныя и слова, относящіяся къ обиходу самой простой и безыскусственной домашней жизни — періодъ, къ которому должны быть отнесены первыя начала грамматики, не органической, а еще только агглютинативной, (еще незапечатлѣнной народными и индивидуальными особенностями, но уже заключающей въ себѣ зародыши всѣхъ туранскихъ, арійскихъ и симитическихъ формъ языка): — это есть первый періодъ въ исторіи человѣчества, первый по крайней мѣрѣ, до котораго можетъ проникнуть самый зоркій глазъ антикварія и философа — мы назовемъ его періодомъ образованія словъ (rhematic period).

За этимъ періодомъ необходимо предположить второй, въ теченіе котораго по крайней мѣрѣ двѣ семьи языковъ оставили первую степень, степень агглютинаціи, и приняли тотъ особый характеръ формаціи, который мы досель встрѣчаемъ во всѣхъ нарѣчіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ языковъ симитическихъ и арійскихъ, въ отличіе отъ языковъ туранскихъ, которые гораздо долѣе сохраняли и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и теперь еще сохраняютъ эту способность образованія словъ путемъ агглютинаціи, что дѣлаетъ невозможной или по крайней мѣрѣ зна-

чительно затрудняетъ всякую опредѣленную систему грамматики. Потому въ туранскихъ языкахъ, разсѣянныхъ отъ Китая до Пиренеи, отъ мыса Коморина чрезъ кавказскія горы до Лапландіи, мы не находимъ этого семейнаго родства, на основаніи котораго мы признаемъ языки нѣмецкій, славянскій, кельтскій, италійскій, греческій, иранскій и индусскій съ одной, и языки: арабскій, арамейскій и еврейскій съ другой стороны— за видоизмѣненія двухъ главныхъ основныхъ формъ языка, въ которыхъ очень рано и подъ вліяніемъ чисто-политическихъ, если даже не индивидуальныхъ личныхъ условій, колеблющіеся грамматическіе элементы установились и приняли характеръ амальгамы вмѣсто прежней агглютинаціи. Этотъ второй періодъ можно назвать періодомъ образованія діалектовъ, нарѣчій (dialectical period).

Послѣ этихъ двухъ періодовъ, но еще до появленія первыхъ памятниковъ народной литературы, идетъ еще періодъ, вездѣ ознаменованный одними общими характеристическими чертами: этотъ періодъ называютъ миѳопеническимъ или періодомъ происхожденія миѳовъ. Этотъ періодъ, который всего труднѣе объяснить себѣ въ исторіи человѣчества, всего болѣе способенъ потрясти вѣру въ правильный прогрессъ человѣческаго разума.

Мы можемъ составить себѣ довольно ясное понятіе о происхожденіи языка, о постепенномъ образованіи грамматики, о неизбѣжномъ раздѣленіи языковъ и нарѣчій. Мы можемъ объяснить себѣ первоначальное происхожденіе политическихъ обществъ, установленіе законовъ и обычаевъ, происхожденіе религіи и поэзіи. Но между этими двумя періодами лежитъ бездна, наполнить которую, кажется, не въ состояніи никакая философія. Этотъ періодъ называютъ миѳическимъ, и мы не можемъ привыкнуть къ мысли, что напримѣръ тѣмъ Грекамъ, какихъ мы знаемъ изъ поэмъ Гомера,—Грекамъ, такъ много успѣвшимъ въ изящныхъ искусствахъ, уже знакомымъ съ тѣми удобствами жизни, какія мы находимъ напримѣръ въ дворцахъ Алкиноя и Менелая, съ народными собраніями и гражданскимъ краснорѣчіемъ, съ зрѣлой мудростью Нестора и предпріимчивой хитростью Одиссея, съ такими идеалами женственной прелести, какъ Елена и Навсикая,—могло предшествовать поколѣніе людей,

находившихъ удовольствіе въ изобрѣтеніи нелѣпыхъ басенъ о богахъ и другихъ невѣроятныхъ существахъ, — поколѣніе людей, на могилѣ которыхъ эпиграмма о Биттонѣ и Ѳэнидѣ была бы самой умѣстной надписью, какую бы только могъ начертать историкъ. Хотя бы позднѣйшіе поэты могли нѣкоторымъ изъ этихъ басенъ придать прелесть поэзіи и заставить насъ видѣть въ нихъ не болѣе какъ вымыслъ творческой фантазіи, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что, взятые сами по себѣ, въ своемъ буквальномъ значеніи, эти древніе миѳы оказываются бо́льшею частію крайне нелѣпыми и очень часто находятся въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми основными началами разума, религіи и нравственности, которыя признавались Греками уже въ самую раннюю пору, какъ только они появляются на зарѣ миѳическаго періода исторіи. Кѣмъ же изобрѣтены эти сказанія, сказанія — замѣтимъ это разъ навсегда — отмѣченныя общими чертами и по формѣ и по характеру вездѣ, гдѣ бы мы ихъ ни встрѣчали — на индусской, персидской, греческой, римской, славянской или германской почвѣ? Неужели можно допустить въ исторіи человѣчества періодъ временнаго умопомѣшательства и притомъ такого, которое представляется въ тѣхъ же самыхъ существенныхъ чертахъ на югѣ Индіи и на отдаленномъ сѣверѣ Исландіи? Какъ повѣрить, чтобы народъ, изъ котораго уже въ періодъ младенчества мысли вышли такіе люди, какъ Ѳалесъ, Гераклитъ, Пиѳагоръ, едва за нѣсколько столѣтій до этихъ философовъ состоялъ изъ празднословныхъ мечтателей? Если даже взять только тотъ отдѣлъ миѳологіи, который относится собственно къ религіи, въ нашемъ смыслѣ этого слова, если взять напримѣръ миѳы, связанные съ высшими проблеммами философіи, каковы происхожденіе міра, отношеніе человѣка къ Божеству, жизнь и смерть, добро и зло — миѳы вообще позднѣйшаго происхожденія; то увидимъ, что даже эта малая доля, въ которой бы можно было предположить нѣсколько здравыхъ понятій, нѣсколько чистыхъ и возвышенныхъ идей, даже эта доля оказывается недостойною поколѣній, которыя были предками гомерическихъ пѣвцовъ или іонійскихъ философовъ. Читая, какъ говоритъ о божествѣ свинопасъ Эвмей, быть можетъ, непосвященный во всѣ подробности многосложной системы олимпійской миѳологіи, мы чувствуемъ,

что такъ могъ бы говорить каждый изъ насъ: „вкуси“ говоритъ онъ Одиссею „и насладись тѣмъ, что предложено; Богъ одно даетъ, другаго лишаетъ, какъ ему угодно, ибо все въ его власти“ [1]). Таковы, можно думать, были понятія простыхъ людей и во времена Гомера — понятія чистыя и возвышенныя, въ сравненіи съ тѣмъ, что долгое время считалось однимъ изъ самыхъ величавыхъ образовъ греческой миѳологіи. Я разумѣю то мѣсто Иліады, гдѣ Зевсъ, чтобы въ полномъ блескѣ изобразить свое всемогущество, обращаясь къ остальнымъ богамъ и богинямъ, говоритъ:

Или дерзайте, извѣдайте боги, да всѣ убѣдитесь:
Цѣпь золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,
Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини
Свѣсьтесь по ней; но совлечь не возможете съ неба на землю
Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились.

Можно ли представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе сказанія о томъ, какъ Девкаліонъ и Пирра сотворили родъ человѣческій, кидая за себя камни (миѳъ, своимъ происхожденіемъ обязанный единственно смѣшенію двухъ понятій: λάος — народъ и λᾶας — камень); между тѣмъ съ другой стороны трудно вообразить для язычниковъ болѣе глубокомысленное представленіе объ отношеніи человѣка къ божеству, какъ то, которое выражено въ изреченіи Гераклита: „люди — смертные боги, боги — безсмертные люди“.

Вспомнимъ о времени, которое произвело на свѣтъ Ликурга и Солона, которое основало ареопагъ и олимпійскія игры; какъ согласить съ этимъ, что за нѣсколько поколѣній передъ тѣмъ высшія представленія Грековъ о божествѣ нашли выраженіе въ миѳѣ о томъ, какъ Кронъ изуродовалъ Урана, или пожиралъ своихъ собственныхъ дѣтей, проглотилъ камень, подсунутый ему Реей и наконецъ живьемъ извергнулъ свое собственное, поглощенное имъ потомство?!

---

[1]) Od. X. 143.

Ἔσθιε, δαιμόνιε ξείνων, καὶ τέρπεο τοῖσδε
Οἷα πάρεστι; θεὸς δὲ τὸ μὲν δώσει τὸ δ' ἀάσει,
Ὅττί κεν ὦ θυμῷ ἐθέλῃ. δύναται γὰρ ἅπαντα.

Безобразнѣе и отвратительнѣе этого, едва ли найдется что-нибудь даже у племенъ Африки и Америки, находящихся на самой низкой ступени умственнаго и нравственнаго развитія! Утверждать съ Гротомъ, что вся эта миѳологія „прошедшее, никогда не бывшее настоящимъ“, значитъ сознательно отвращать глаза отъ затрудненій, которыя глядятъ намъ въ лицо. Видѣть въ этихъ миѳахъ язычества непонятые и искаженные отрывки дарованнаго нѣкогда цѣлому человѣчеству божественнаго откровенія — кажется намъ богохульствомъ, хотя такой взглядъ можно очень часто встрѣтить въ теологическихъ сочиненіяхъ. Эти миѳы созданы человѣкомъ въ извѣстный періодъ его исторіи. Была эпоха, которая произвела на свѣтъ эти миѳы, эпоха, составляющая переходъ отъ *періода діалектическаго*, въ которомъ совершался процессъ постепеннаго раздѣленія человѣчества на различные народы и языки, къ *„періоду народностей“*, который представляетъ намъ самыя раннія черты народности въ языкѣ и литературѣ Индусовъ, Персовъ, Грековъ, Итальянцевъ и Германцевъ.

Фактъ на лицо и мы должны или объяснить его или допустить въ исторіи человѣческаго духа, внезапные перевороты подобные тѣмъ, которые участвовали въ образованіи земной коры—перевороты, нарушавшіе правильную постепенность въ развитіи человѣчества и производившіе въ его духовной жизни судорожные перерывы и колебанія.

Мы много выиграемъ, если, не прибѣгая къ такой насильственной теоріи, будемъ въ состояніи объяснить происхожденіе миѳовъ путемъ болѣе естественнымъ. Распространеніе и существованіе миѳовъ въ позднѣйшее время, хотя во многихъ отношеніяхъ странное, объясняется гораздо легче. Человѣку врождено уваженіе къ прошедшему; благоговѣніе къ религіознымъ преданіямъ въ человѣкѣ взрослом исходитъ изъ того же самаго естественнаго источника, изъ какого въ ребенкѣ почтеніе къ родителямъ. Какъ бы ни казались странными, дикими, иногда даже безнравственными или нелѣпыми преданія старины, тѣмъ не менѣе каждое новое поколѣніе принимаетъ ихъ снова, только измѣняя и приспособляя ихъ къ степени своего развитія, на столько, что они могутъ продолжать свое существованіе и даже, въ этомъ измѣненномъ видѣ, получаютъ болѣе чистый и

глубокій смыслъ. Найдется много природныхъ Индусовъ, которыя не смотря на основательное знакомство съ европейской наукой и съ началами чистаго естественнаго богопознанія, продолжаютъ однако преклонять колѣна предъ изображеніями Вишну и Шивы. Они знаютъ, что эти изображенія бездушный камень; они не скрываютъ, что ихъ нравственное чувство возмущается противъ всего нечистаго, что приписывается ихъ богамъ тѣми самыми книгами, которыя они привыкли называть своимъ священнымъ писаніемъ; между тѣмъ есть честные брамины, совершенно искренне готовые утверждать, что въ этихъ сказаніяхъ заключается болѣе глубокое значеніе; что такъ какъ ничто безнравственное несогласимо съ понятіемъ о божествѣ, то въ этихъ освященныхъ временемъ сказаніяхъ *необходимо* предположить сокровенный таинственный смыслъ, въ который можетъ проникнуть духъ, благоговѣйно испытующій. Мало того, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность христіанскихъ проповѣдниковъ увѣнчивалась успѣхомъ, когда чистое христіанское ученіе одерживало побѣду надъ сердцемъ язычника и дѣлало для него невыносимыми нелѣпыя бредни Пуранъ, даже тогда вѣра дѣтства продолжаетъ въ обращенномъ таиться, въ глубинѣ его души, и при случаѣ, въ минуту увлеченія, всплываетъ на поверхность, подобно тѣнямъ языческой древности, которые закрались въ священныя легенды римской церкви [1]). Въ древней исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ указанія на то, что нѣкоторыя изъ греческихъ сказаній о богахъ смущали самихъ Грековъ, но такъ какъ даже въ наше время вѣра большей части людей основана не на сознаніи, а на авторитетѣ другихъ, то намъ становится понятно, отъ чего даже люди подобные Сократу, не охотно разставались съ вѣрою въ то, чему вѣрили ихъ отцы. По мѣрѣ того, какъ ихъ представленія о божествѣ очищались, они чувствовали, что идеалъ совершенства, нераздѣльный съ представленіемъ о высшемъ существѣ, исключаетъ возможность боговъ безнравственныхъ. Пиндаръ, какъ указалъ Отфридъ Мюллеръ [2]), измѣняетъ многіе

[1]) См. введеніе къ Deutsche Mythologie Гримма.

[2]) См. превосходное сочиненіе Отфр. Мюллера Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie 1825, стр. 87.

миѳы, которые, какъ не соотвѣтствующіе его собственнымъ, болѣе чистымъ представленіямъ о нравственномъ достоинствѣ боговъ и героевъ, по его мнѣнію, непремѣнно *должны* быть ложны. Въ томъ же духѣ разсуждаетъ Платонъ, разбирая различные варіанты миѳа объ Эротѣ, а въ „Пирѣ“ мы видимъ, что каждый изъ собесѣдниковъ признаетъ истиннымъ единственно то сказаніе объ Эротѣ, которое всего болѣе подходитъ къ его собственнымъ представленіямъ о существѣ этого бога: такъ Федръ называетъ его древнѣйшимъ, Агатонъ напротивъ младшимъ изъ боговъ, и между тѣмъ оба ссылаются на авторитетъ древняго сказанія [1]). Такъ люди, имѣвшіе самое ясное понятіе о всемогуществѣ и вездѣсущіи верховнаго божества, какое только можетъ открыть естественная религія, не переставали называть его Зевсомъ, забывая въ немъ развратнаго волокиту и отцеубійцу.

Ζεὺς ἀρχή, Ζεὺς μέσσα, Διὸς δ' ἐκ πάντα τέτυκται

„Зевсъ начало, Зевсъ средина, отъ Зевса все произошло“— изреченіе орфическое, но весьма древнее, если, какъ полагаетъ Гротъ, намекъ на него встрѣчается еще у Платона [2]). Поэты въ минуты истинно-молитвеннаго настроенія, когда въ сердцѣ чувствовалась потребность въ божественной помощи, обращались къ Зевсу, забывая, что этотъ самый Зевсъ былъ нѣкогда побѣжденъ Титаномъ и своимъ освобожденіемъ обязанъ помощи Гермеса [3]). Такъ Эсхилъ говоритъ: „Кто бы ни былъ Зевсъ, этимъ именемъ я призываю его, если только угодно ему, когда его зовутъ этимъ именемъ! Взвѣсивъ все, никого я съ Зевсомъ не могу поставить наравнѣ (т. е. я не знаю никого, къ кому бы можно было прибѣгнуть съ такимъ успѣхомъ), когда заботъ напрасныхъ бремя съ души желаешь скинуть“ [4]).

---

[1]) Symp. 178. C. οὕτως πολλαχόθεν ὁμολογεῖται ὁ Ἔρως ἐν τοῖς πρεσβυτάτοις εἶναι. πρεσβύτατος δὲ ὢν μεγίστων ἀγαθῶν ἡμῖν αἴτιός ἐστιν. 195 A. ἔστι δὲ κάλλιστος ὢν τοιόσδε. πρῶτον μὲν νεώτατος θεῶν, ὦ Φαῖδρε.

[2]) Lobeck, Aglaoph. p. 523.

Ζεὺς κεφαλή, Ζεὺς μέσσα, Διὸς δ' ἐκ πάντα τέτυκται.

См. Преллера греч. миѳолог. 1854, стр. 99.

[3]) Apollod. I, 6, 3. Grote, H. G. p. 4.

[4]) Предлагаемъ подлинный текстъ, такъ какъ онъ переводится столь различно:

Нѣтъ, не въ сохраненіи этихъ миѳическихъ именъ, не въ долговѣчной жизни этихъ вымысловъ, не въ томъ, что они удовлетворяли религіознымъ, поэтическимъ и нравственнымъ потребностямъ цѣлаго ряда поколѣній, заключается трудность объясненія миѳовъ. Прошедшее имѣетъ свое обаяніе; а преданіе встрѣчаетъ могущественнаго союзника въ языкѣ. Мы до сихъ поръ говоримъ, что солнце *восходитъ* и *заходитъ*, *встаетъ* и *садится*, говоримъ о громовыхъ *стрѣлахъ* и т. п., потому только, что эти выраженія освящены употребленіемъ въ языкѣ. Мы употребляемъ ихъ, хотя и не вѣримъ въ ихъ буквальное значеніе. Весь вопросъ въ томъ, какимъ образомъ въ духѣ человѣка могли родиться такіе вымыслы, какъ возникли эти имена и представленія, и до тѣхъ поръ, пока мы не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить этого вопроса, мы должны отказаться, какъ отъ ложной теоріи, отъ вѣры въ правильное и послѣдовательное развитіе человѣческаго разума всегда и вездѣ.

Нельзя сказать, чтобы мы были въ совершенномъ невѣдѣніи о томъ періодѣ, въ продолженіе коего еще нераздѣленные арійскіе народы, которыхъ мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, создавали свои религіозные миѳы. Если обратимъ вниманіе на глубокій мракъ, который лежитъ на духѣ Грековъ въ самомъ началѣ ихъ политической и литературной исторіи, то мы можемъ отсюда сдѣлать заключеніе о дѣйствительномъ характерѣ того вѣка, который долженъ былъ предшествовать первому разсвѣту народной литературы въ Греціи. Отфридъ Мюллеръ [1]), хотя ему былъ неизвѣстенъ новый свѣтъ, который сравнительная филологія проливаетъ на этотъ первоначальный арійскій періодъ, говоритъ: „Миѳическій способъ представленія, превращающій всѣ существа въ личности, всѣ отношенія въ дѣйствія, заключаетъ въ себѣ такъ много особаго и отличнаго, что мы его происхожденіе и развитіе должны отнести къ осо-

---

«Ζεύς, ὅστις ποτ' ἐστιν, εἰ τόδ' αὐ —
τῷ φίλον κεκλημένῳ,
τοῦτό νιν προσεννέπω.
οὐκ ἔχω προσεικάσαι,
πάντ' ἐπισταθμώμενος
πλὴν Διός, εἰ τὸ μάταν ἀπὸ φρενῶν ἄχθος
χρὴ βαλεῖν ἐτητύμως.»

[1]) Prol. Myth. 78

бому періоду въ цивилизаціи каждаго народа". Съ тѣхъ поръ сравнительная филологія успѣла цѣлый этотъ періодъ сдѣлать доступнымъ достовѣрному историческому знанію. Она дала намъ въ руки такой телескопъ, съ помощію котораго тамъ, гдѣ прежде намъ видѣлись одни туманные облака, мы теперь открываемъ опредѣленные образы и очертанія; мало того она указала намъ какъ бы современные памятники—свидѣтели этой отдаленной, доисторической поры, открывъ намъ состояніе мысли, языка, религіи и цивилизаціи въ періодъ, когда санскритскій языкъ еще не былъ санскритскимъ, греческій греческимъ, но когда и тотъ и другой вмѣстѣ съ латинскимъ, германскимъ и другими арійскими языками составляли одинъ нераздѣльный языкъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ можно сказать, что языки французскій, италіянскій и испанскій составляли нѣкогда одинъ нераздѣльный языкъ латинскій.

Сказанное нами требуетъ краткаго объясненія. Если бы мы ничего не знали о существованіи латинскаго языка, если бы всѣ историческіе памятники, ранѣе XV столѣтія, были утрачены, если бы самое преданіе умолчало о существованіи римской имперіи: то одно простое сравненіе шести романскихъ нарѣчій между собою указало бы намъ, что нѣкогда долженъ былъ существовать языкъ, который былъ общимъ источникомъ для всѣхъ этихъ нарѣчій; ибо только съ помощью такого предположенія могутъ быть объяснены явленія, представляемыя этими нарѣчіями. Взглянемъ для примѣра на спряженіе вспомогательнаго глагола. Мы находимъ слѣдующее:

	Итальян.	Валлашс.	Ретійс.	Испан.	Португ.	Французск.
я есмь	sono	sum(sunt)	sunt	soy	sou	suis
ты еси	sei	es	eis	eres	es	es
онъ есть	e	é (este)	ei	es	he	est
мы есмы	siamo	sùntemu	essen	somos	somos	sommes
вы есте	siete	sùnteti	esses	sois	sois	êtes (estes)
они суть	sono	sùnt	eân (sun)	son	são	sont

Самый бѣглый обзоръ этихъ формъ показываетъ во-первыхъ что всѣ они суть видоизмѣненія одного общаго типа; во-вторыхъ, что ни одну изъ этихъ формъ нельзя признать за первообразъ, отъ котораго бы можно было произвести всѣ остальныя. Къ этому можно прибавить въ третьихъ, что ни въ одномъ

изъ нарѣчій, которымъ принадлежатъ эти глагольныя формы, мы не находимъ составныхъ элементовъ, изъ которыхъ эти формы сложились. Элементы, изъ которыхъ образовалось напримѣръ французское: j'ai aimé, до сихъ поръ существуютъ во французскомъ языкѣ; то же самое можно сказать о такихъ грамматическихъ соединеніяхъ, какъ: j'aimerai, т. е. je-aimer-ai и т. п. Но переходъ отъ je suis къ tu es средствами одной только французской грамматики объяснить нельзя. Эти формы не могли, такъ сказать, возникнуть на французской почвѣ; онѣ были перенесены на нее, какъ остатки періода болѣе древняго — онѣ должны были образоваться въ языкѣ, который существовалъ въ пору, когда еще не было ни одного изъ романскихъ нарѣчій. Въ этомъ случаѣ мы къ счастію опираемся не на одни умозрѣнія, но, зная латинскій глаголъ, можемъ доказать, что каждая изъ приведенныхъ нами формъ есть мѣстное видоизмѣненіе основной латинской формы, образовавшееся путемъ звуковыхъ искаженій и невѣрныхъ аналогій.

Возьмемъ новый рядъ примѣровъ:

	Санскр.	Литов.	Зенд.	Дорич.	Церк.слав.	Латин.	Готск.	Арманск.
я есмь	ásmi	esmi	ahmi	ἐμμί	ѥсмь	sum	im	em
ты еси	ási	essi	ahi	ἐσσί	ѥси	es	is	es
онъ есть	ásti	esti	asti	ἐστί	ѥсть	est	ist	ê
мы(двое)есвы	'svás	esva	. .	. . . .	ѥсвѣ	. .	siju	. . .
вы(двое)есте	'sthás	esta	stho?	ἐστόν	ѥстѣ	. .	sijuts	. . .
они(двое)суть	'stás	(esti)	sto?	ἐστόν	ѥстѣ	. .	. . .	. . .
мы есмы	'smás	esmi	hmahi	ἐσμές	ѥсмы	sumus	sijum	emq
вы есте	'sthá	este	stha	ἐστέ	ѥсте	estis	sijudh	êq
они суть	sánti	(esti)	hẽnti	ἐντί	сѫть	sunt	sind	en.

Тщательный анализъ этихъ формъ приводитъ насъ къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ: а именно во 1-хъ, всѣ онѣ суть видоизмѣненія одного общаго типа; во 2-хъ, ни одну изъ нихъ нельзя признать за первообразъ, отъ котораго произошли всѣ остальныя; въ 3-хъ, и въ этомъ случаѣ элементы, изъ которыхъ образовались эти глагольныя формы, не находятся ни въ одномъ изъ языковъ, которымъ эти формы принадлежатъ. Что санскритъ не можетъ быть признанъ за первообразъ, отъ котораго произошли всѣ остальные языки (какъ въ былое время думали нѣкоторые ученые): это ясно изъ того, что

греческій въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранилъ болѣе первобытныя или, какъ принято говорить, болѣе органическія формы, чѣмъ санскритъ. Ἐσ-μές не можетъ быть произведено отъ санскритскаго smas, потому что smas утратило коренной звукъ *a*, уцѣлѣвшій въ греческомъ, ибо корень здѣсь as, mas окончаніе—мы. Равнымъ образомъ и греческій не можетъ быть признанъ за первоначальный языкъ, отъ котораго произошли другіе, ибо даже латинскій не можетъ быть названъ отраслью греческаго, на томъ основаніи, что языкъ Рима сохранилъ нѣкоторыя формы, которыя превосходятъ древностью соотвѣтствующія имъ формы греческаго языка; напримѣръ: sunt вм. ἐντί или ἐνσί. Здѣсь греческій языкъ совершенно утратилъ коренной слогъ, *as*, ибо ἐντί замѣняетъ ἐσεντι, между тѣмъ какъ латинскій, подобно санскриту, въ формѣ: sunt=santi, сохранилъ хотя коренной звукъ *s*.

Такимъ образомъ всѣ эти діалекты указываютъ на языкъ древнѣйшій, который былъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для романскихъ нарѣчій былъ языкъ латинскій, — съ тою только разницею, что въ тотъ отдаленный періодъ не было еще литературы, для того, чтобы сохранить намъ какіе-нибудь остатки этого праязыка, который угасъ, породивъ новѣйшіе арійскіе языки, каковы: санскритъ, зендъ, греческій, латинскій, готскій, славянскіе и кельтскій. Если признать и въ этомъ случаѣ вѣрность заключенія по наведенію, то языкъ этотъ былъ нѣкогда живымъ нарѣчіемъ, которымъ говорило въ Азіи небольшое племя или еще прежде небольшая семья, жившая подъ одной кровлей подобно тому, какъ и языкомъ Камоэнса, Сервантеса, Вольтера и Данта нѣкогда говорили немногочисленные поселяне, построившіе свои хижины на семи холмахъ у береговъ Тибра. Изъ сравненія двухъ приведенныхъ нами таблицъ оказывается, что между языкомъ Ведъ и нарѣчіемъ, которымъ теперь говоритъ литовскій рекрутъ въ Берлинѣ, гораздо больше сходства, чѣмъ между французскимъ и итальянскимъ. Теперь, когда Боппова „Сравнительная Грамматика“ доведена до надлежащей степени полноты, нельзя не убѣдиться, что всѣ существенныя формы грамматики успѣли вполнѣ выработаться и установиться прежде, чѣмъ совершилось первое раздѣленіе арійской семьи народовъ.

Но гораздо болѣе узнаемъ мы объ умственной жизни первобытной и еще нераздѣленной семьи арійскихъ народовъ, благодаря матеріаламъ, доставляемымъ намъ сравнительною филологіею: и здѣсь опять романскія нарѣчія укажутъ намъ путь къ архивамъ древнѣйшей эпохи арійскаго племени. Встрѣчая во всѣхъ романскихъ нарѣчіяхъ слово подобное французскому pont, въ итальянскомъ ponte, въ испанскомъ puente, въ валлашскомъ pod, слово общее всѣмъ нарѣчіямъ, и, принимая въ соображеніе особыя измѣненія, которыя это слово испытало у различныхъ народовъ, мы въ правѣ сказать, что слово, обозначающее *мостъ* было извѣстно *до* раздѣленія этихъ языковъ, изъ чего необходимо слѣдуетъ, что въ ту эпоху было уже извѣстно и самое искусство строить мосты. На этомъ же основаніи, даже ничего не зная о латинскомъ языкѣ и о Римѣ, мы могли бы утверждать, что по крайней мѣрѣ уже ранѣе X-го столѣтія книги, хлѣбъ, вино, дома, села, города, башни, ворота и т. п. были извѣстны тѣмъ народамъ, — какіе бы они впрочемъ ни были, — отъ которыхъ ведутъ свое начало новѣйшія нарѣчія южной Европы. Правда, мы не могли бы представить полной картины умственнаго состоянія римскаго народа, если бы пришлось строить его исторію при помощи такихъ скудныхъ матеріаловъ, тѣмъ не менѣе это дало бы намъ по крайней мѣрѣ возможность доказать, что такой народъ дѣйствительно существовалъ и, при отсутствіи всякихъ другихъ свѣдѣній, даже такія случайныя указанія были бы не безполезны. Но, съ полнымъ успѣхомъ пользуясь этимъ методомъ въ смыслѣ положительномъ, мы должны сознаться въ его неприложимости въ смыслѣ отрицательномъ. Изъ того, что каждое изъ романскихъ нарѣчій имѣетъ для нѣкоторыхъ предметовъ особое названіе, не повторяющееся въ другихъ, еще не слѣдуетъ, чтобы самые предметы не были извѣстны родоначальникамъ романскихъ племенъ. Бумага была извѣстна въ Римѣ, между тѣмъ понталіянски она называется *carta*, а по-французски *papier*.

Такъ какъ мы ничего не знаемъ объ арійскомъ племени до его раздробленія на различныя народности: индѣйскую, германскую, греческую, римскую, славянскую, тевтонскую и кельтскую, то этотъ методъ извлекать исторію древнѣйшей эпохи изъ самаго языка получаетъ великую цѣну, вводя въ область

исторической дѣйствительности тотъ періодъ въ исторіи человѣческаго рода, самое существованіе котораго было подвержено сомнѣнію, — тотъ самый періодъ, въ которомъ хотѣли видѣть „прошедшее, никогда не бывшее настоящимъ“. Мы не должны ожидать полной исторіи цивилизаціи, представляющей во всей подробности картину той эпохи, когда еще не существовалъ языкъ Гомера и Ведъ. Однако нѣкоторыя мелкія, но тѣмъ не менѣе многозначительныя черты свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что въ исторіи человѣческаго духа дѣйствительно былъ такой ранній періодъ, который по нѣкоторымъ соображеніямъ (объ этомъ рѣчь впереди) мы считаемъ тождественнымъ съ періодомъ *миѳопеическимъ* или періодомъ образованія миѳовъ.

	Санскр.	Зендъ	Греческ.	Латинск.	Готск.	Слав.	Ирландск.
отецъ	pitár	patar	πατήρ	pater	fadar	. . . .	athair
мать	mâtár	mâtar	μήτηρ	mater	. . . .	мати	mathair
братъ	bhrâtar	brâta	(φρατήρ)	frater	bróthar	братъ	brathair
сестра	svásar	khanha	. . . . .	soror	svistar	сестра	siur
дочь	duhitar	dughdhar	θυγάτηρ	. . . .	dauhtar	дъштерь	dear

Тотъ фактъ, что названія *отца*, *матери*, *брата*, *сестры* и *дочери* одинаковы въ большей части арійскихъ нарѣчій, можетъ съ перваго раза показаться лишеннымъ всякаго значенія; между тѣмъ, эти названія очень важны. То обстоятельство, что названіе отца явилось уже въ эту раннюю пору, показываетъ, что отецъ сознавалъ свои права и обязанности въ отношеніи къ дѣтищу, рожденному его женой; признавалъ его своимъ, ибо только въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ право на имя отца. Слова: pitár, patar, πατήρ и др. происходятъ отъ корня, который значитъ не *рождать*, но *охранять* и *питать*. Отецъ, въ значеніи *родителя*, имѣлъ въ санскритѣ другое названіе džanitar, называясь pitár въ смыслѣ покровителя и питателя своихъ дѣтей. Потому въ Ведахъ эти два названія употребляются вмѣстѣ, когда нужно выразить полную идею отца. Такъ поэтъ говоритъ (I, 164, 33):

Dyaús me pitâ' džanitâ' *)
Jovis mei pater genitor.
Ζεὺς ἐμοῦ πατὴρ γενετήρ.

*) Въ транскрипціи санскритскихъ словъ мы, руководствуясь указаніями проф. П. Я. Петрова, отступили отъ Макса Мюллера въ передачѣ слѣдующихъ зан. буквъ: Мюллерово *k* у насъ передается посредствомъ *tscA* (русск. ч); *kh* посредствомъ tscbh (рус чъ); *s*=sh (рус. ш); sh=sch (рус. щ); *g*=dž (рус. дж).

Точно также къ названію матери: mâtar присоединяется другое: dżanitri, genitrix, т. е. *родительница*. Это показываетъ, что слово mâtar скоро утратило свой первоначальный этимологическій смыслъ, ставъ выраженіемъ почтенія и нѣжности. У древнѣйшихъ аріевъ, mâtar имѣло значеніе *производительницы* отъ корня *Ma*— творить, и въ этомъ смыслѣ и съ тѣмъ же самымъ удареніемъ, какъ въ греческомъ: μήτηρ, слово mâtar, еще не принявшее болѣе опредѣленнаго женскаго аффикса, употребляется въ Ведахъ, въ мужской формѣ. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ: (Ригъ B. VIII, 41, 4): Sáh ma' tâ pûrvyâm padâm, т. е. „Онъ, Варуна (Uranos), творецъ древняго мѣста".

Должно замѣтить, что mâtar, также какъ и pitar, есть только одно изъ многихъ названій, которыми можетъ быть выражена идея *отца* и *матери*. Если бы даже мы захотѣли ограничиться корнемъ *Pa* и приняли охраненіе дѣтей за самую характеристическую принадлежность *отца*, то могло бы быть,—и дѣйствительно есть,—много словъ, которыя одинаково могли бы выражать понятіе объ отцѣ. Въ санскритѣ понятіе о *покровителѣ* можетъ быть выражено корнемъ Pâ, въ соединеніи не съ однимъ только суффиксомъ *tar*, но и съ другими *суффиксами*, напр. *pâ-la*, *pâ-laka*, *pâ-yû*, три слова, которыя всѣ одинаково значатъ: *покровитель*. Это обстоятельство, что изъ многихъ возможныхъ формъ одна только эта вошла въ словари всѣхъ арійскихъ народовъ, доказываетъ существованіе въ языкѣ чего-то въ родѣ установившагося преданія задолго до раздѣленія арійской семьи. Кромѣ того были другіе корни, отъ которыхъ могло бы быть произведено названіе отца, какъ напримѣръ: dżan, отъ котораго произошли слова: dżanitar, genitor, γεννητήρ; или Tak, откуда греческое τοκεύς; или Par, откуда латинское parens, не говоря о многихъ другихъ названіяхъ, равно способныхъ выразить ту или другую особенно выдающуюся черту въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ. Если бы каждое изъ арійскихъ нарѣчій образовало свое особое названіе *отца* отъ одного изъ многихъ корней, принадлежащихъ всѣмъ арійскимъ нарѣчіямъ вообще, то изъ этого слѣдовало бы только, что между всѣми этими языками существовало коренное родственное сходство; но этимъ бы еще не доказывалось,—что гораздо важнѣе,—ихъ историческое общеніе или происхожденіе отъ одного языка, уже выработавшаго *опредѣленный самостоятельный характеръ*.

Не смотря на то, даже ограничиваясь этими наиболѣе необходимыми терминами зачинающейся цивилизаціи, мы замѣчаемъ, что нѣкоторыя изъ арійскихъ нарѣчій утратили древнѣйшее выраженіе и замѣнили его новымъ. Обще-арійскихъ названій *брата* и *сестры* напримѣръ, нѣтъ въ греческомъ, гдѣ *братъ* и *сестра* называются: ἀδελφός и ἀδελφή. Было бы ошибочно заключать изъ этого, что въ то время, когда Греки покинули свою арійскую прародину, названія *брата* и *сестры* еще не успѣли выработаться Также нѣтъ причины предполагать, что Греки выселились первые, и если мы находимъ, что другія племена, какъ тевтонское или кельтское, не имѣвшія никакихъ соприкосновеній съ населеніемъ Индіи, послѣ того какъ совершилось первое раздѣленіе, имѣютъ однако для брата и сестры названія, общія съ санскритомъ: то можно быть увѣреннымъ, что это названіе существовало уже въ древнѣйшемъ арійскомъ языкѣ. Точно такъ же существованіе одного и того же слова въ валашскомъ и португальскомъ свидѣтельствовало бы объ его латинскомъ происхожденіи, не смотря на отсутствіе его въ остальныхъ романскихъ нарѣчіяхъ. Безъ сомнѣнія развитіе языка совершается по неизмѣннымъ законамъ, но въ тоже время вліяніе случая здѣсь гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо области естественныхъ наукъ; и хотя въ этомъ случаѣ можно открыть законъ, отъ котораго зависитъ случайная утрата *) въ греческомъ древнѣйшихъ названій брата и сестры: но это бываетъ возможно не во всякомъ данномъ случаѣ, и мы часто видимъ, что въ томъ или другомъ изъ арійскихъ нарѣчій нѣтъ какого-либо выраженія, которое между тѣмъ на основаніи принятой нами теоріи мы имѣемъ полное право отнести къ древнѣйшему періоду арійскаго языка.

Взаимныя отношенія между братомъ и сестрою въ жизни опредѣлились уже въ этомъ древнѣйшемъ періодѣ и были освящены названіями, которыя успѣли *совершенно установиться*, прежде чѣмъ семья Аріевъ распалась на отдѣльныя колоніи. Первоначально слово bhrâtar, кажется, значило: *носящій* или *помогающій*, svâsar—означало ту, которая *нравится* или *утѣшаетъ*, потому что Svasti въ санскритѣ значитъ: *радость* или *счастіе*. Слово duhitar опять одно изъ тѣхъ, которыя должны были установиться

*) См. Edinburgh Review, Oct. 1851, p. 320.

задолго до раздѣленія. Это — имя общее всѣмъ нарѣчіямъ, кромѣ латинскаго, и между тѣмъ только въ санскритѣ сохранилось сознаніе нарицательнаго значенія этого слова. Duhitar, какъ доказалъ профессоръ Лассенъ, происходитъ отъ корня Duh, который значитъ въ санскритскомъ *доить*. Быть можетъ, отсюда же происходитъ латинское duco и переходъ значенія тотъ же самый, какъ отъ trahere *нести* къ французскому traire, *доить*. Названіе дочери *доильницей* раскрываетъ предъ нашими глазами цѣлую идиллію изъ поэтической и пастушеской жизни древнихъ Аріевъ. Къ немногому, чѣмъ дочь до замужества могла быть полезна въ кочевомъ хозяйствѣ, относилось доеніе коровъ и если представить себѣ, что отецъ звалъ свою дочь duhitar чаще, нежели sutâ, т. е. *рожденная* или filia, т. е. *питающаяся грудью*, то въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть проблеска нѣжности и юмора, озаряющаго даже самое первобытное состояніе общества. Но это значеніе было вѣроятно забыто задолго до раздѣленія Аріевъ. Duhitar перестало быть ласкательнымъ эпитетомъ и сдѣлалось условнымъ терминомъ. Въ послѣдствіи мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что многія другія слова образовались тѣмъ же самымъ путемъ и имѣли смыслъ только въ кочевомъ бытѣ. Но такъ какъ переходъ словъ отъ такого спеціальнаго значенія въ общіе термины, лишенные живаго этимологическаго смысла, можетъ показаться страннымъ; то мы представимъ нѣсколько примѣровъ того, какъ въ основѣ самыхъ обыкновенныхъ и общеупотребительныхъ выраженій можно открыть, при помощи этимологическаго анализа, понятія изъ древней кочевой жизни арійскихъ народовъ. Возьмемъ для примѣра англійское слово „peculiar". „Peculiar" теперь значитъ *отдѣльный, особый, чрезвычайный*, но первоначально имъ означалась *частная, личная* собственность въ противоположность *общей*; оно произведено отъ peculium. Латинское peculium замѣнило pecudium (какъ consilium вмѣсто considium) и будучи произведено отъ pecus, pecudis первоначально значило: рогатый скотъ. У народа земледѣльческаго рогатый скотъ составляетъ главный видъ личной собственности; отсюда понятно, какимъ образомъ слово peculiar, выражая первоначально понятіе о личной собственности, стало потомъ значить: *не общій*, и наконецъ въ нашей современной рѣчи получило значеніе: *необыкновенный, особый*. Едва ли нужно напоминать общеизвѣстное производство латинскаго pecunia, которое, происходя отъ того же

самаго слова реси и потому означая стада, въ послѣдствіи получило значеніе *денегъ*, совершенно такъ же, какъ англо-саксонское feoh, нѣмецкое Vieh, т. е. *скотъ* (по производству Гримма, тождественное съ латинскимъ pecu), съ теченіемъ времени получило значеніе *денежной награды* (англійское fee). Явленія, совершающіяся во очію въ новѣйшихъ языкахъ, не должны удивлять насъ въ эпоху болѣе отдаленную. Быкъ и корова были самыми полезными животными изъ породы рогатаго скота, и, кажется, составляли у арійскихъ народовъ главное богатство и самыя важныя средства къ жизни. Быкъ и корова въ санскритѣ называются gô. множ. gâvas, то же самое что и древне-верхне-нѣмецкое chuo множ. chuowi, а съ перемѣной гортанной въ губную греческое βοῦς, βόες и латинское bôs — bôves. Въ славянскихъ нарѣчіяхъ также сохранились слѣды этого древняго названія; напримѣръ: леттское gohws. славянское говадо, сербское говедар, т. е. *пастухъ*. Отъ βοῦς въ греческомъ происходитъ βουκόλος, что первоначально значило: *коровій пастухъ*, но въ глаголѣ βουκολέω понятіе объ уходѣ за коровами потерялось въ общемъ понятіи объ уходѣ за рогатымъ скотомъ и даже стало употребляться въ переносномъ смыслѣ, какъ наприм. Ἐλπίσι βουκολοῦμαι, т. е. я питаюсь пустыми надеждами. Тоже самое слово прилагается къ лошадямъ и такимъ образомъ мы встрѣчаемъ слово ἱππο-βούκολος, т. е. собственно „коровій пастухъ лошадей", — выраженіе, которое можно сравнить развѣ съ санскритскимъ goyuga, что значитъ собственно *пара воловъ*, а употребляется для означенія всякой *пары* вообще, такъ что, желая сказать: *пара воловъ* прибавляютъ еще разъ go и такимъ образомъ составляется слово: go-go-yuga. Такъ въ санскритѣ go-ра первоначально значило: *стадо коровъ*; но, скоро утративъ это спеціальное значеніе, стало употребляться въ значеніи *пастыря* и наконецъ подобно греческому: „ποιμὴν λαῶν, пастырь народовъ", въ значеніи *царя*. Отъ слова go-ра образовался новый глаголъ gopayati, въ которомъ не осталось и слѣдовъ его первоначальнаго значенія: глаголъ этотъ значитъ просто *покровительствовать*. Какъ gopa значило *стадо коровъ*, такъ go-tra въ санскритѣ первоначально значило *коровій хлѣвъ*, т. е. ограда, которая защищала стадо отъ воровъ и мѣшала ему разбѣжаться. Въ позднѣйшемъ санскритѣ gotra почти совершенно утратило

свое коренное этимологическое значеніе, такъ что только въ женскомъ gotrâ уцѣлѣло значеніе коровьяго стада. Въ древнія времена, когда войны по большей части имѣли цѣлью не сохраненіе политическаго равновѣсія Азіи или Европы, а завладѣніе хорошимъ пастбищемъ или большими стадами рогатаго скота [1]), въ эти древнія времена изгороди для скота естественно обращались въ укрѣпленія, а люди, жившіе за одними стѣнами, стали называться gotra, т. е. семья, родъ, племя. Еще въ Ведахъ слово gotra употребляется въ смыслѣ загона: такъ мы читаемъ: Nákir êshâm nindità' mártyeshu Yé asmâ'kam pitárah góshu yodhâ'h Índrah eshâm drinhità' mâ'hinâvân Ut gotrâ'ṇi sasridže dansánâvân, т. е. нѣтъ человѣка, который бы дерзнулъ издѣваться надъ нашими отцами, сражавшимися среди коровъ. Могучій Индра — ихъ защитникъ; онъ всемогущій расширилъ ихъ загоны (т. е. ихъ владѣнія).

Слово goshuyúdh, т. е. „сражающійся среди коровъ или за коровъ“ въ Ведахъ употребляется въ значеніи воина вообще (I, 112, 22), а одно изъ наиболѣе употребительныхъ словъ для названія битвы есть gáv-ishti, т. е. буквально „борьба за коровъ“. Но въ позднѣйшемъ санскритѣ gaveshaṇa значитъ уже *розыскъ*, *изслѣдованіе* (въ вещественномъ или отвлеченномъ смыслѣ), gavesch *изслѣдовать*. Далѣе goschtha собственно значитъ хлѣвъ или стойло (βοΰστασμον), но съ теченіемъ времени и съ успѣхами цивилизаціи получило значеніе *собранія* и даже *бесѣды*, т. е. разговора, совершенно также, какъ англійское gossip первоначально значило *кумъ*, *кума*, а потомъ уже было перенесено на пустые разговоры, праздную болтовню.

Всѣ эти слова, составленныя съ корнемъ go, т. е. скотъ,—которыхъ мы могли бы привести гораздо болѣе, если бы не боялись подвергнуть слишкомъ тяжелому испытанію терпѣніе нашихъ читателей—всѣ эти слова свидѣтельствуютъ, что народъ, среди котораго они образовались, долженъ былъ вести полукочевую, пастушескую жизнь, и намъ становится ясно, какимъ образомъ тотъ же самый народъ могъ употреблять слово duhitar въ значеніи дочери. Говорятъ, что въ языкѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается степень образованія и бытъ говорящаго этимъ язы-

[1]) Ὑπὲρ νομῆς ἢ λείας μαχόμεθα. Тоже. 36. Гримм, Gesch. d. deutsch. Sprache, p. 17.

комъ народа, такъ что, разбирая языкъ народа приморскаго, мы нашли бы, вѣроятно, что вмѣсто рогатаго скота и пастбищъ, какъ у народовъ кочевыхъ и пастушескихъ, въ составъ многихъ словъ, въ послѣдствіи получившихъ болѣе общее значеніе, входятъ понятія о кораблѣ и водѣ. Будемъ разбирать другія выраженія, которыя заключаютъ въ себѣ намеки на состояніе общества, предшествовавшее раздѣленію арійскаго племени; мы увѣрены, что такой разборъ придастъ нашей картинѣ характеръ исторической истины, убѣдительный даже для того, кто никогда не видѣлъ подлинника.

Мы не останавливаемся на словахъ для названія сына, отчасти потому, что этимологія этихъ словъ не представляетъ ничего любопытнаго, такъ какъ всѣ онѣ значатъ: natus [1]), *рожденный*, отчасти же потому, что положеніе сына въ семьѣ, какъ преемника и наслѣдника отцовскаго богатства и власти, потребовало особаго названія гораздо ранѣе, чѣмъ положеніе дочери, сестры или брата. Кровныя отношенія, выражаемыя словами: *отецъ* и *мать*, *сынъ* и *дочь*, *братъ* и *сестра*, установлены, можно сказать, законами самой природы и ихъ существованіе въ языкѣ не можетъ доказать особыхъ успѣховъ цивилизаціи, какъ бы характеристично ни были выбраны самыя названія. Но есть другія отношенія болѣе поздняго происхожденія и съ болѣе условнымъ характеромъ, которыя освящаются законами общественными, но не даются самой природой, — отношенія, которыя совершенно вѣрно выражаются по-англійски прибавленіемъ слова in-law (по закону), какъ напримѣръ father-in-law, mother, son, daughter, brother и sister in-law т. е. тесть или свекоръ, теща или свекровь, невѣстка, зять и т. д. Если бы мы могли доказать существованіе въ древнѣйшемъ періодѣ арійской цивилизаціи названій, выражающихъ эти степени свойства, мы этимъ выиграли бы очень много, потому что едва ли найдется въ Африкѣ или въ Австраліи нарѣчіе, въ которомъ бы не было словъ для выраженія понятій: *сынъ*, *дочь*,

[1]) Напр. скр. sûnú, готск sunus, лит. sunus, всѣ три отъ одного корня su, родить, откуда греч. υἱός, только съ инымъ суффиксомъ. Скр. putra, сынъ, сомнительнаго происхожденія, но, вѣроятно, значительной древности, такъ какъ оно встрѣчается и у кельтской вѣтви (бретон. paotr). Отъ того же корня производятъ латинское puer.

братъ и *сестра*, или племя, которому бы не были извѣстны эти естественные виды кровнаго родства; но есть языки, которымъ не достаетъ выраженій для дальнѣйшихъ степеней свойства, есть племена, которыя даже не имѣютъ понятія объ этихъ степеняхъ.

Санскрит.		Греческ.	Латинск.	Готск.	Славян.	Кельтск.
svâshura	свекоръ	ἑκυρός	socer	svaihra	свекръ	chwegrwn
svashrû	свекровь	ἑκυρά	socrus	svaihro	свекры	B. chwegyr
dîâ'mâtar	зять	γαμβρός	gener	.....	....	.....
snuschâ	сноха	νυός	nurus	snûr	сноха	.....
dêvar (ἀνδράδελφος) деверь		δαήρ	levir	tâcor	J. doveris	.....
(nânandar) золовка		γάλως (ἀνδραδέλφη)	glos	.....	.....	.....
yâtaras (жены братьевъ)		εἰνάτερες	janitrices	.....	П. jatrew	.....
shyâlâ (братъ жены)		ἀδελφοὶ и	.....	.....	.....	.....
shyâlî (сестра жены)		ἐδελφίδεοι (мужья сестеръ)	.....	.....	.....	.....

Предложенная таблица показываетъ, что до раздѣленія арійскаго племени каждая изъ степеней свойства уже имѣла соотвѣтствующее выраженіе въ языкѣ; ибо, хотя въ нѣкоторыхъ языкахъ мы должны были оставить пробѣлъ для той или другой степени, тѣмъ не менѣе совпаденіе названій въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, даетъ намъ право сдѣлать одно общее заключеніе. Когда мы встрѣчаемъ въ санскритѣ слово *putra* сынъ, а въ кельтскомъ paotr также сынъ, то тождество корней и суффиксовъ доказываетъ, что, хотя ни въ одномъ изъ остальныхъ арійскихъ нарѣчій это слово не сохранилось въ той же самой формѣ, однако тождество его въ кельтскомъ и санскритскомъ можетъ быть объяснено только съ помощію предположенія, что putra былъ обще-арійскій терминъ, образовавшійся прежде, чѣмъ какая-нибудь отрасль этой семьи успѣла отдѣлиться отъ общаго корня.

Въ языкахъ новѣйшихъ мы могли бы въ подобномъ случаѣ допустить позднѣйшее общеніе народовъ, но относительно древнихъ языковъ нельзя предположить такого общенія, послѣ того какъ южная вѣтвь арійской семьи уже перешла за Гималай, а сѣверная вступила въ предѣлы Европы. Другаго

рода вопросы возникаютъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ напр. въ словахъ: gâmatar и γαμβρός, первоначально означавшихъ жениха или супруга [1]), а потомъ уже зятя, мы можемъ только доказать, что въ основу ихъ былъ положенъ одинъ и тотъ же корень, а потому и основное понятіе въ греческомъ, какъ и въ санскритѣ, должно предположить одно и тоже, между тѣмъ какъ образованіе этихъ словъ въ обоихъ языкахъ иное. Здѣсь безъ сомнѣнія мы должны быть осторожнѣе въ заключеніяхъ, но вообще мы найдемъ, что эти различія формъ принадлежатъ къ числу такихъ, которыя встрѣчаются въ нарѣчіяхъ одного языка, и образуются вслѣдствіе того, что изъ многихъ возможныхъ формъ, употреблявшихся сначала безразлично, одинъ поэтъ выбиралъ одну, другой другую, а впослѣдствіи та или другая изъ этихъ формъ установилась навсегда въ народномъ употребленіи. Это во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе, что, желая выразить отношеніе, для выраженія котораго есть столько различныхъ способовъ, Грекъ выбралъ корень γαμ и образовалъ изъ него γαμρός, γαμβρός, между тѣмъ какъ Индусъ, взялъ для выраженія того же самого понятія тотъ же самый корень только въ падежной формѣ (какъ въ словѣ bhrâtar вм. bhartar) и привѣсилъ къ нему суффиксъ tar, откуда образовалось dźâ'-mâtar — вмѣсто dźamara или yamara. Далѣе, если случается, что одинъ изъ этихъ языковъ утратилъ общій терминъ, мы иногда можемъ отыскать его въ производныхъ. Въ греческомъ, напримѣръ, по крайней мѣрѣ въ языкѣ литературномъ, нѣтъ слѣдовъ слова nepos внукъ, которому соотвѣтствуетъ санскритское nápât, германское nefo; также какъ нѣтъ и слова neptis, скр. napti, герм. nift. Но въ греческомъ есть ἀ-νεψιός, двоюродный братъ, т. е. тотъ, кто вмѣстѣ съ нами доводится кому нибудь внукомъ (такъ какъ и дядя зовется собственно *дѣдушкой*, *avunculus*, уменьшительнымъ отъ *avus*). Слово ἀνεψιός образовалось подобно латинскому consobrinus, т. е. consororinus (такъ называются дѣти сестеръ), далѣе новѣйшее франц. и англ. cousin, итал. cugino, почти не сохранившія слѣдовъ кореннаго существительнаго soror, отъ котораго они однако произведены. Слово: ἀ-νεψιός доказываетъ, что и въ греческомъ было

[1]) Γαμβρὸς καλεῖται ὁ γήμας ὑπὸ τῶν οἰκείων τῆς γαμηθείσης.

слово νεπους въ значеніи сына или внука. Такимъ же образомъ можно доказать существованіе въ греческомъ языкѣ выраженія, соотвѣтствующаго санскритскому *shyâla*, т. е. шуринъ. Въ санскритѣ мужъ называетъ брата своей жены shyâla, сестру жены syâlî. Потому по-гречески Пелей—Амфитриту, а Посидонъ—Ѳетиду назвали бы своими shyâlî: такъ какъ они были женаты на сестрахъ, то у нихъ были общія shyâlî, а сами они между собою были бы ἀ-ξλοι, ибо въ греческомъ shy между двухъ гласныхъ обыкновенно выпускается, и единственное уклоненіе этого греч. слова отъ скр. заключается въ томъ, что краткое ε замѣнило санскритское долгое â.

До насъ дошло нѣсколько словъ, которыя проливаютъ тусклый свѣтъ на устройство арійской семейной жизни въ древнѣйшемъ періодѣ. Такъ напр., положеніе вдовы было признано языкомъ и закономъ, и нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ этотъ ранній періодъ лишившаяся мужа осуждалась умереть вмѣстѣ съ нимъ. Еслибъ этотъ обычай уже существовалъ, то не было бы нужды и въ особомъ названіи для вдовы или по крайней мѣрѣ въ этомъ названіи долженъ былъ бы сказаться какой-нибудь намекъ на этотъ безчеловѣчный обычай. Мужъ въ санскритѣ называется dhava, слово, котораго, по видимому, нѣтъ ни въ одномъ изъ остальныхъ арійскихъ нарѣчій, развѣ за исключеніемъ кельтскаго, въ которомъ Пиктѣ находятъ сходную форму—dea, мужчина. Отъ dhava санскритъ образуетъ названіе вдовы, прибавляя предлогъ vi, т. е. безъ; отсюда vi-dhavâ безмужная, вдова. Это сложное слово сохранилось въ нарѣчіяхъ, утратившихъ коренное dhava, что доказываетъ высокую древность этого наименованія. Мы встрѣчаемъ его не только въ кельтскомъ feadbh, но и въ готскомъ viduvo, слав. вдова, древне-прусск. widdewû и латинскомъ vidua. Если бы обычай сожиганія женъ существовалъ уже въ этомъ раннемъ періодѣ, то не было бы и вдовъ, т. е. безмужныхъ, ибо всѣ онѣ умирали бы вслѣдъ за своими умершими мужьями. Потому самое существованіе такого термина указываетъ на позднѣйшее происхожденіе индусскаго обычая сжигать женъ. Не смотря на то, когда англійское правительство рѣшилось запретить этотъ отвратительный обычай и когда вслѣдствіе этого въ Индіи готовилось вспыхнуть религіозное возстаніе, браманы ссылались на авторитетъ Ведъ,

освящающій, какъ они утверждали, этотъ древній обычай, и такъ какъ англійское правительство обѣщало не вмѣшиваться въ религіозныя дѣла Индусовъ, то, опираясь на это, браманы стояли за неприкосновенность и этого обычая. Они приводили главу и стихъ изъ Ригъ-Веды, и дѣйствительно, переводъ этого текста, сдѣланный Кольбрукомъ [1]), добросовѣстнѣйшимъ и ученѣйшимъ санскритологомъ, какой когда-нибудь былъ въ Англіи, вполнѣ подтверждаетъ притязанія браманов. Вотъ этотъ переводъ:

„Омъ! Пускай эти жены, добрыя жены, убранныя коллиріумомъ, съ очищеннымъ масломъ въ рукахъ, предаются огню, дабы не овдовѣть! безсмертныя, не бездѣтныя, не безмужныя, пускай украшенныя драгоцѣнностями идутъ онѣ въ огонь, первоначальная стихія котораго есть вода!“ (изъ *Ригъ-Веды*).

Это одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ того, до какой недобросовѣстности способенъ дойти фанатизмъ религіозной касты. Гибли тысячи и тысячи жизней, цѣлой странѣ угрожало фанатическое возстаніе, и все это на основаніи одного текста, искаженнаго, неправильно переведеннаго, неправильно истолкованнаго. Если бы въ то время кто-нибудь могъ повѣрить этотъ текстъ, то браманы были бы поражены собственнымъ оружіемъ и ихъ вліянію былъ бы нанесенъ чувствительный ударъ. Ригъ-Веда, которую теперь едва ли кто изъ ста браманов способенъ читать, не только не требуетъ сожиганія вдовъ, но напротивъ того неопровержимо свидѣтельствуетъ, что этотъ обычай не былъ извѣстенъ въ древнѣйшемъ періодѣ индусской исторіи. Согласно съ гимнами Ригъ-Веды и обрядовыми установленіями (Grihya-sûtras) жена сопровождаетъ трупъ мужа до погребальнаго костра, но здѣсь къ ней обращается стихъ изъ *Ригъ-Веды*, которымъ внушается ей оставить мужа и возвратиться въ міръ живыхъ [2]). „Встань, женщина“, говорятъ ей: „воротись въ міръ жизни; ты лежишь подлѣ того, чья жизнь отлетѣла. Возвратись къ намъ.

---

[1]) См. его разсужд. «Объ обязанностяхъ вѣрной жены» въ Asiatic Researches, vol. IV, pp. 209, 219. Calcutta, 1795.

[2]) См. статью Гримма: Ueber Verbrennung d. Todten; статью Рота: о погребеніи у Индусовъ; статью профессора Вильсона: On the supposed Vaidic authority for the burning of Hindu widows, и мой собственный переводъ всѣхъ относящихся сюда свидѣтельствъ въ Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, т. IX, вып. 4. Профес. Вильсонъ первый указалъ перемѣну словъ «yonim agre» въ «yonim agneh».

Ты исполнила долгъ жены въ отношеніи къ мужу, которому ты нѣкогда отдала свою руку и который сдѣлалъ тебя матерью".

Передъ этимъ стихомъ читается стихъ, искаженный позднѣйшими браманами и приводимый ими въ подтвержденіе своего кровожаднаго вѣроученія. Чтеніе этого текста не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, ибо для Ригъ-Веды нѣтъ разночтеній въ нашемъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того мы имѣемъ комментаріи, собранія обрядовъ, и — нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго разногласія касательно чтенія или значенія этого текста. Слова его обращены къ другимъ, присутствующимъ при погребеніи женамъ, на которыхъ обрядъ возлагаетъ обязанность возливать на костеръ растительное и коровье масло:

„Пускай эти жены, которыя не овдовѣли, у которыхъ есть добрые мужья, приступятъ, неся елей и масло. Пускай тѣ изъ нихъ, которыя уже сдѣлались матерями, первыя приступятъ къ жертвеннику, безъ слезъ, безъ скорби, но покрытыя драгоцѣнными украшеніями".

Слова: „пускай женщины первыя подойдутъ къ алтарю", по-санскритски читаются такъ: «â rohantu džanayo yonim agre», и вотъ эти-то слова браманы передѣлали въ слѣдующія: «â rohantu džanayo yonim agneh»—перемѣна, по видимому ничтожная, въ одной буквѣ, но этой легкой перемѣны было достаточно, чтобы сдѣлать жертвою огня (agneh) тысячи несчастныхъ женщинъ [1]).

Послѣ этого отступленія мы возвращаемся къ тому древнѣйшему періоду исторіи, свѣдѣнія о которомъ можно найти только въ языкѣ. Къ этому періоду мы отнесли названіе вдовы или безмужной. Неудивительно, что названіе мужа до сего дня въ большей части арійскихъ нарѣчій удержалось тоже самое, которое возникло еще до раздѣленія Аріевъ. Въ санскритскомъ это слово pati, которое первоначально значитъ: *сильный, крѣпкій, могучій* подобно латинскому potis или potens. Въ литовскомъ—та же самая форма patis, которая по закону

[1]) Такимъ же образомъ обычай сожиганія вдовъ былъ внесенъ браманами въ одно мѣсто, вставленное въ индійскую драму о царѣ Судракѣ, которая была переведена проф. Вильсономъ и недавно сыграна въ Парижѣ. Le chariot d'enfant. Drame en vers en cinq actes et sept tableaux, traduction du drame indien du Roi Soudraka, par MM. Méry et Gerard de Nerval. Paris, 1850.

Гримма, въ готскомъ превращается въ faths. Въ греческомъ мы находимъ πόσις вмѣсто πότις. Женскій родъ отъ pati, въ санскритск. patnî, и безъ всякаго сомнѣнія древне-прусское pattin, въ винительномъ waispattin и греческое πότνια (и то и другое значитъ: *госпожа*), — ничто иное, какъ видоизмѣненія первоначальнаго pati.

Чѣмъ мужъ былъ въ своемъ домѣ, т. е. господиномъ, сильнымъ покровителемъ, тѣмъ самымъ былъ царь для цѣлаго народа. Общее названіе народа въ санскритѣ было vis, откуда названіе третьей касты домовладѣльцевъ—Вансіи. Оно происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли санскритск. vesha *домъ*, греч. οἶκος, лат. vicus, готск. veihs, герм. wich, наконецъ новѣйшее англійское окончаніе wich въ названіяхъ многихъ мѣстностей. Потому въ санскритск. vishpati значило *царь*, т. е. владыка народа; это сложное слово было въ общемъ употребленіи у Аріевъ до ихъ раздѣленія, что страннымъ образомъ подтверждается литовскими формами: wiêsz-patis *господинъ*, wiesz—patene *госпожа*, которыя прямо указываютъ на санскритское vish-patis и patnî. Стало быть, въ этотъ ранній періодъ была уже не только благоустроенная семейная жизнь, но даже семья начинала поглощаться государствомъ, вслѣдствіе чего явились приведенныя нами названія главы народа, которыя возникли и стали переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію за 2000 лѣтъ прежде, чѣмъ явился титулъ кесаря.

Такъ какъ въ санскр. народъ называется еще dâsa или dasyu, то dâsa-pati, безъ сомнѣнія, было также одно изъ древнѣйшихъ названій царя. Но между vis и dâsa та огромная разница, что первое значитъ: народъ, а вторымъ означались подданные, т. е. покоренные, подвластные народы и первоначально даже — враги. Dasyu въ Ведахъ значитъ *врагъ*, а въ Зендавестѣ: *области* или *племена* (покоренныя—gentes) и самъ Дарій въ надписи на одной скалѣ называетъ себя „царемъ Персіи и областей» (Kshâyathîya Pârsaiya, Kschâyathîya dahyunâm). Потому едва ли можно сомнѣваться, что греческое δεσ-πότης соотвѣтствуетъ санскритскому dâsa-pati владыка народовъ; но нельзя допустить, чтобы слово, „господарь“, какъ утверждаетъ Боппъ, было тождественно съ санскритскимъ vispati или dâsapati. Въ литовскомъ есть слово gaspadorus; въ цер. слав.

господь, господинъ и господарь, въ польскомъ gospodarz, въ чешскомъ hospodář. Славянскій звукъ: г не соотвѣтствуетъ санскритскому w или d, и t въ pati не могло перейти въ d [1]). Бенфей, производя слово господь отъ ведійскаго dźâspati, этимъ разрѣшаетъ первую трудность, но послѣдняя остается въ своей силѣ и, разумѣется, гораздо лучше признать эти трудности, чѣмъ посредствомъ натяжекъ пріискивать арійскіе корни вопреки основнымъ лингвистическимъ законамъ.

Третье общеарійское названіе для царя есть râdź, встрѣчающееся въ Ведахъ; въ лат. rex, regis, въ готск. reiks, существующее до сихъ поръ въ нѣмецкомъ въ формѣ reich, regnum, откуда Frankreich, т. е. царство франковъ, ирландское riogh, валійское ri.

Четвертое названіе царя и царицы просто: *отецъ и мать*. Dźanaka въ санскритѣ значитъ *родитель*, отъ dźan *родить*; оно встрѣчается также въ Ведахъ, какъ имя одного довольно извѣстнаго царя. Это древне-нѣмецкое chuning, англійское king. Мать въ санскритск. dźani, въ греческ. γυνή, въ готскомъ qinô, въ славянскомъ: жена, въ англійскомъ queen, королева. Итакъ слово queen первоначально значило: *мать*, новый примѣръ того, какъ языкъ семейный постепенно переходилъ въ государственный языкъ древнѣйшаго арійскаго государства, и семейное, кровное братство—въ государственную φρατρία.

Мы видѣли, что еще прежде, чѣмъ семья Аріевъ успѣла раздѣлиться на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна направилась на сѣверъ, другая на югъ, названіе *дома* было уже извѣстно. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ этомъ, сравнимъ санскр. dama съ греч. δόμος, лат. domus, слав. домъ, кельт. daimh, гот. timrjan, *строить*, откуда англійское timber, хотя мы сомнѣваемся въ тождествѣ славянскаго градъ, русск. городъ, литовскаго grod съ готскимъ gards, лат. hort-us, греч. χόρτος, которыя всѣ означаютъ огороженный участокъ земли. Такъ какъ самая важная принадлежность дома въ древнѣйшую пору, была дверь, хорошо утвержденная и способная противостоять нападеніямъ непріятеля, то мы съ удовольствіемъ находимъ, что древнѣйшее названіе двери сохранилось въ санскритскомъ dvar, dvâras, готск. daur, лит. dur-

[1]) См. превосходныя замѣчанія Шлейхера въ его: Formenlehre der kirchenslawischen Sprache 1852, стр. 107.

rys, кельт. dor, греч. θύρα, лат. fores. Строитель или архитекторъ называется одинаково какъ въ греческомъ, такъ и въ санскритскомъ, ибо takschan есть греч. τέκτων. Греч. ἄστυ сравнивали съ санскр. vâstu, *домъ*; греч. κώμη съ готск. haims, *село* и англ. home. Еще убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ о раннемъ существованіи городовъ санскритское puri, сохранившееся въ греческомъ названіи города πόλις. Что пути сообщенія были также извѣстны, это видно изъ санскритскихъ словъ: path, pathi, panthan и pâthas, которыя всѣ имѣютъ одно общее значеніе *путь* и которымъ соотвѣтствуютъ греч. πάτος, готск. fad, которыя Боппъ считаетъ тождественными съ лат. pons, pontis и славянскимъ путь.

Пришлось бы наполнить цѣлый томъ, если бы мы стали разбирать всѣ остатки древнѣйшаго языка, хотя, безъ сомнѣнія, каждое новое слово давало бы новое подтвержденіе нашей основной мысли, прибавляя какъ бы новый камень для возсозданія древнихъ, почтенныхъ развалинъ духовной жизни Аріевъ. Не смотря на то, примѣры, приведенные нами, достаточно свидѣтельствуютъ, что племя, способное создать эти, уцѣлѣвшія до нашего времени, слова, не могло состоять изъ дикихъ, грубыхъ кочевниковъ или звѣролововъ. Мало того, слѣдуетъ замѣтить, что большая часть выраженій, связанныхъ со звѣриной ловлей и военнымъ ремесломъ, различны во всѣхъ арійскихъ нарѣчіяхъ, между тѣмъ какъ слова, относящіяся къ занятіямъ болѣе мирнымъ, составляютъ общее наслѣдство этихъ языковъ. Толкованіе этого явленія, предложенное знаменитымъ Нибуромъ, который за...втилъ его въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, не можетъ быть допущено при современномъ состояніи науки. Правильная оцѣнка этого явленія приводитъ къ тому заключенію, что всѣ арійскія племена до раздѣленія долгое время вели жизнь мирную, и что ихъ языкъ успѣлъ сложиться и выработать всѣ національныя особенности къ тому времени, когда отдѣлившіяся отъ него племена отправились искать новыхъ селищъ. Слѣдующія поколѣнія создали новыя слова, на которыхъ отразился воинственный и кочевой характеръ ихъ быта въ эпоху переселенія. Отсюда произошло, что не только греческій и латинскій, но и всѣ арійскіе языки имѣютъ общія слова для выраженія понятій мирной жизни и совершен-

по расходятся въ обозначеніи понятій относящихся къ войнѣ. Такимъ образомъ домашнія животныя въ Англіи называются тѣми же именами, какъ и въ Индіи, между тѣмъ какъ хищныя животныя носятъ разныя названія даже въ латинскомъ и греческомъ языкахъ. Мы позволимъ себѣ представить сравнительную таблицу, которая должна говорить сама за себя: какъ ни поучительно было бы вѣрное объясненіе коренного значенія этихъ словъ, которыя могутъ быть названы живыми свидѣтелями быта и духовной жизни арійскаго племени въ древнѣйшую эпоху его исторіи, — подробный этимологическій разборъ потребовалъ бы слишкомъ много времени.

	Санскр. и	Зендъ	Греч.	Италья.	Тевтон.	Литов.	Славян.	Кельт.
рогатый скотъ	pashu	pasu	πῶυ	pecu	H. faihu др-вер-н. fihu	Прус. pecku	. . . . .	. . . .
быкъ и корова	go (имен. gaus)	gâo	βοῦς	bos	др-вер-н. chuo	Латыш. gohw	. . . . .	. . . .
быкъ	ukschan	ukshan vakhsva	. . . .	vacca?	н. auhsan	. . . .	. . . . .	ych
волъ	sthûrâ	stavra	ταῦρος	taurus	stuir	. . . .	туръ	. . . .
телица	stari	. . . . .	στεῖρα	(sterilis)	stairo	. . . .	. . . . .	. . . .
лошадь	âshu, ashva	aspa	ἵππος	equus	н. aihus	aszwa	. . . . .	osw
курица	. . . . .	. . . . .	πῶλος	pullus	н. fula	. . . .	. . . . .	. . . .
собака:	shvan	spâ спáка	κύων	canis	др-в-н. hund	szu	русск. собака Болг. kuce	cu
овца	avi	. . . . .	ὄϊς	ovis	н. avi-str E. ewe	awi	слав. овьца	. . . .
теленокъ	vatsa	. . . . .	ἔαλος	vitulus	. . . . .	. . . .	. . . . .	. . . .
козелъ	. . . . .	. . . . .	κάπρος	caper	Др-в-н. hafr	. . . .	. . . . .	. . . .
коза	adžâ	. . . . .	αἶξ	. . . . .	. . . . .	ozis	. . . . .	aighe
свинья (самка)	sû(kara)	. . . . .	ὗς	sus	Др-в-н. sû	. . . .	свиніа	. . . .
поросенокъ	prischat	. . . . .	πόρκος	porcus	др-в-н. farah	parszas	Пол. prosię	. . . .
боровъ	grischvi	. . . . .	χοῖρος	. . . . .	Д-н. gris	. . . .	. . . . .	. . . .
оселъ	. . . . .	. . . . .	ὄνος	asinus	asilo	. . . .	. . . . .	. . . .
мышь	mûsch	. . . . .	μῦς	mus	Др-в-н. mûs	. . . .	Пол. mysz	. . . .
муха	makschikâ	. . . . .	μυῖα	musci	д-в-н. micco	musse	Рус. муха	. . . .
гусь	hansa	. . . . .	χήν	anser	Д-в-н. Kans	zasis	Чешск. hus	ganra

Изъ дикихъ звѣрей нѣкоторые были извѣстны Аріямъ прежде ихъ раздѣленія, и случайно это были два звѣря, и теперь еще живущіе какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ: волкъ и медвѣдь.

	Санскрит.	Греческ.	Итальянск.	Нѣмецк.	Славянск.
медвѣдь:	riksha	ἄρκτος	ursus		
волкъ:	vrika	λύκος	lupus, (v)irpus	vulfs	влькъ

Къ нимъ должно присоединить змѣю:

змѣя:	ahi, sarpa	ἔχις, (ἔγχελος), ἕρπετον	anguis, (anguilla), serpens	ungury	агорь рус. угорь

Не останавливаясь на различныхъ названіяхъ этихъ звѣрей,—изъ которыхъ нѣкоторые стали ручными и домашними, между тѣмъ какъ другіе до сихъ поръ остались естественными врагами пастыря и его стадъ—мы назовемъ нѣсколько словъ, которыя показываютъ, что и этой древнѣйшей пастушеской жизни не были чужды нѣкоторые виды искусствъ и ремеслъ, каковы напримѣръ земледѣліе, искусство молоть зерновой хлѣбъ, ткацье и обдѣлка драгоцѣнныхъ или полезныхъ металловъ.

Древнѣйшее выраженіе для пахатія есть Ar, которое повторяется въ лат. arare, въ греч. ἀροῦν, древне-верхне-нѣмецкомъ aran, въ слав. орати, въ лит. arti и гаэлическомъ ar. Отъ этого глагола происходитъ общее названіе плуга ἄροτρον, aratrum, древне-саксонск. erida, древ. скан. ardis, слав. орало и ралло. литов. arimnas и корнв. aradar. Отъ того же корня происходятъ, вѣроятно, греч. ἄρουρα и лат. arvum. Но болѣе общее названіе поля представляютъ санск. pada, греч. πέδον, умбр. perum, пол. pole, сакс. folda, др.-в.-н. feld, field; или ἀγρός, ager и готск. akrs.

Хлѣбныя растенія, родившіяся въ азійской прародинѣ Аріевъ, разумѣется, не могли быть тѣ же самыя, которыя имъ довелось воздѣлывать впослѣдствіи въ странахъ болѣе сѣверныхъ. Но смотря на то, нѣкоторыя изъ относящихся сюда названій сохранились и можно предполагать, что съ ними соединялось, если не совершенно тождественное, то по крайней мѣрѣ сходное ботаническое значеніе. Таковы санскритское yava, въ зенд.

yava, литовск. jawas, что въ греческомъ, должно измѣниться въ ζέα. Скр. shveta значитъ бѣлый и соотвѣтствуетъ готскому hveit, д-в-нѣм. huiz и wiz, англосакс. hvît, и литовск kwẽtys.

Но названіе *цвѣта* перешло въ названіе *бѣлаго зерна* и такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ готскомъ hvaitei, лит. kwec'io, анг. wheat; съ этими словами нѣкоторые ученые сближали слав. жито и греч. σῖτος. Названіе *зерно* значило первоначально раздавленное, смолотое. Такъ kûrna въ санскритѣ значитъ *смолотый*, и отъ этого самаго корня, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ производить русское *зерно*, готск. kaurn, лат. granum. Въ литовскомъ girna значитъ *жернова*, а множественнымъ girnôs называется *ручная мельница*. Въ русскомъ опять *жернова*, въ готск. мельница называется qvairnus (позднѣе quirn). Англійское названіе мельницы mill также довольно древняго происхожденія, ибо оно оказывается не только въ др.-верх.-нѣм. muli, но и въ литов. malunas, чешск. mlyn, валашск. melin, латин. mola и греч. μύλη.

Мы могли бы привести еще названія, относящіяся къ варенью и печенью, и рано установившееся различіе между сырымъ и вареным мясомъ, въ доказательство того, что отвращеніе, выраженное въ позднѣйшее время въ Ведахъ къ племенамъ, которыя употребляютъ въ пищу сырое мясо, чувствовалось уже въ древнѣйшемъ, до-историческомъ періодѣ. Названія kravya-ad (κρέας-ἔδω) и âma-ad (ὠμός-ἔδω) прилагаются въ Индіи къ варварамъ и для Индуса съ ними соединяется тоже самое чувство отвращенія, какое для Грека соединялось съ словами ὠμοφάγοι и κρεοφάγοι. Но теперь мы можемъ только слегка коснуться этихъ пунктовъ, оставляя до другаго времени интересную задачу изобразить въ большей полнотѣ картину этой древнѣйшей эпохи въ жизни человѣчества.

Такъ какъ названія одежды у всѣхъ арійскихъ народовъ одинаковы,—въ санскр. vastra, въ готск. vasti, въ латин. vestis, въ греч. ἐσθής, въ кельтск. gwisk,—то мы въ правѣ предположить, что нашимъ арійскимъ предкамъ было извѣстно искусство тканья и шитья. Ткать по скр. *ve*, а въ причинной формѣ: *vap*. Съ первымъ (ve) совпадаютъ лат. vieo и коренной слогъ въ греч. Fύ-τρον; со вторымъ (vap)—др.-верх.-нѣм. vab, англ. weave, греч. ὑ-αίνω.

Шить по скр. siv, откуда sûtra, *нить*. Тотъ же самый корень сохранился въ лат. suo, въ готск. siuja, въ др.-вер.-нѣм. siwu, англ. to sew, литов. suwú, слав. шію, греч. κασσύω вм. κατασύω. Другой скр. корень съ весьма близкимъ значеніемъ *Nak*, который, вѣроятно, существовалъ въ формахъ *nabh* и *nadh*. Отъ nah происходитъ лат. neo и necto, греч. νέω, нѣм. nâhan, и nâvan, шить, отъ nadh, греч. νήθω; отъ nabh, скритск. nâbhi, и nâbha или ûrnanâbha, *паукъ*, въ буквальномъ переводѣ — *волну* или *шерсть прядущій*.

Есть четвертый корень, который, кажется, первоначально имѣлъ спеціальное значеніе: *шить* или *ткать;* но въ послѣдствіи въ санскритѣ получилъ болѣе общее значеніе *дѣлать*. Этотъ корень rak, который, быть можетъ, соотвѣтствуетъ греч. ῥάπτω — сшивать или ткать; этимъ корнемъ можно объяснить греческ. названіе паука ἀράχνη, въ латинск. aranea и классическое названіе тканой шерсти λάχνος или λάχνη, лат. lana.

Немного найдется словъ, свидѣтельствующихъ, что цѣнность и польза нѣкоторыхъ металловъ была извѣстна Аріямъ до раздѣленія на племена; названія для большей части металловъ различны у народовъ индо-европейской семьи. Не смотря на то, не можетъ быть сомнѣнія, что желѣзо и его употребленіе какъ для обороны, такъ и для нападенія было извѣстно. Какое бы ни было его древнее арійское названіе, ясно, что санскритское ayas, латинск. ahes, (въ aheneus,) и даже сокращенная форма aes, aeris, готск. ais, др.-вер.-нѣм. er, и англ. iron, суть названія, вылитыя по одной формѣ и испытавшія только нѣкоторыя легкія измѣненія въ теченіи столѣтій. Болѣе потерпѣли названія драгоцѣнныхъ металловъ, каковы золото и серебро. Но, не смотря на то, мы можемъ даже въ кельтскомъ airgiod открыть слѣды санскритскаго radžata, греч. ἄργυρος, лат. argentum даже въ готскомъ guld, gold открывается сходство съ слав. злато, русскимъ *золото*, греч. χρύσος и санскр. hiranyam, только въ окончаніяхъ значительная разница. Общій корень былъ, кажется, harat, откуда санскр. harit *цвѣтъ солнца* и *зари*, какъ и въ латинскомъ слова aurora и aurum также имѣютъ одинъ общій корень. Нѣкоторыя изъ желѣзныхъ орудій, служившихъ для мирныхъ или для воинственныхъ цѣлей, удержали свои первоначальныя названія. Любопытный въ этомъ отношеніи фактъ

представляетъ тождество санскритскаго parasu съ греческимъ πέλεκυς, *секира*, или санскр. asi, *мечъ* съ латин. ensis.

Новыя понятія принимаются не вдругъ; въ духѣ человѣка есть наклонность противиться новымъ убѣжденіямъ до послѣдней возможности. Потому только рядомъ тщательно и систематически подобранныхъ фактовъ и путемъ строгихъ лингвистическихъ выводовъ можно надѣяться сдѣлать мало по малу очевиднымъ, что въ исторіи человѣчества былъ періодъ *до* появленія древнѣйшихъ между извѣстными арійскими нарѣчіями,— *до* происхожденія санскритскаго и греческаго языковъ, *до* того времени, когда первые Греки, прибывъ на берега Малой Азіи и обозрѣвая представлявшееся имъ на западъ и сѣверъ широкое раздолье водъ и материка, назвали новую часть свѣта *Европой*. Допросимъ другаго свидѣтеля, отрицательныя показанія котораго имѣютъ большой вѣсъ. Должно предполагать, что въ періодѣ, о которомъ мы говоримъ, родоначальники арійскаго племени жили въ центральной Азіи, откуда впослѣдствіи южныя отрасли двинулись къ Индіи, а сѣверныя потянули на сѣверозападъ, по направленію къ Малой Азіи и Европѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что до раздѣленія они не могли знать моря и, если допустить вѣрность принятой нами теоріи, названія моря должны были явиться у нихъ позднѣе, послѣ раздѣленія, а потому и не могутъ быть одинаковы въ различныхъ языкахъ арійской семьи. Такой выводъ блистательно оправдывается самымъ дѣломъ. Дѣйствительно, названія моря, тождественныя въ греческомъ и латинскомъ, различны у сѣверныхъ и южныхъ отраслей арійской семьи, и даже у самыхъ Грековъ и Римлянъ— названія моря—выраженія очевидно переносныя, которыя первоначально, въ древнемъ языкѣ, имѣли иное значеніе и уже впослѣдствіи были перенесены на новое явленіе *моря*, до того времени неизвѣстное, и потому еще не имѣвшее въ языкѣ соотвѣтствующаго названія. Лат. pontus и греч. πόντος тоже самое, что гомеровское ὑγρὰ κέλευθα (т. е. влажный путь), ибо pontus происходитъ отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли въ лат: pons, pontis и санскр. pantha (если даже не самое pâthas, путь). Не преградой казалось море родоначальникамъ Грековъ и Римлянъ, а пространнымъ, открытымъ путемъ, болѣе всякаго другаго пути удобнымъ для путешествій

и торговыхъ предпріятій. Потому профессоръ Курціусъ *) совершенно вѣрно въ греческихъ выраженіяхъ: πόντος ἁλὸς πολιῆς и θάλασσα πόντου видитъ доказательство того, что самые Греки сознавали еще первоначальное значеніе слова πόντος. Напрасно было бы заключать о знакомствѣ древнѣйшихъ Аріевъ съ моремъ изъ общихъ всѣмъ арійскимъ племенамъ названій соли, каковы: санскр. salila, лат. sal, и греч. ἅλς, ἁλός. Если эти слова и доказываютъ что-нибудь, то развѣ то только, что родоначальникамъ арійскаго племени было извѣстно употребленіе соли, ибо переносное значеніе моря всѣ эти слова получили уже въ позднѣйшее время. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить о такихъ словахъ, какъ латин. aequor (первоначально вообще *равнина*, а потомъ уже *ровная* поверхность моря) или греч. πέλαγος.

Извѣстно, что θάλασσα есть діалектическое измѣненіе θάρασσα или τάρασσα, т. е. *возмущенная, взволнованная поверхность моря* (ἐτάραξε δὲ πόντον Ποσειδῶν) и если латинское mare тоже самое, что санскритское vâri, то не слѣдуетъ забывать, что vâri въ санскритѣ значитъ не *море*, а вообще *вода*, и потому служитъ только новымъ подтвержденіемъ того, что, какъ мы уже сказали, всѣ арійскія племена, когда настала потребность образовать названіе для моря, выбрали для этого какое-нибудь выраженіе изъ существовавшаго уже въ языкѣ запаса словъ съ общимъ значеніемъ. Названіе mare первоначально означало скорѣе мертвую или стоячую воду, ибо, подобно санскритскому maru, *пустыня*, оно происходитъ отъ mṛi *умирать* и, хотя mare тождественно съ готск. marei, славян. море, ирланд. muir, тѣмъ не менѣе вѣроятно, что всѣ эти слова первоначально не имѣли значенія океана, а получили его уже впослѣдствіи. Но, не зная моря, арійскія племена еще въ періодъ *до* развѣтвленія ихъ общаго языка на различныя нарѣчія, умѣли уже плавать на судахъ. Англійскія слова: oar и rudder (весло) можно прослѣдить въ различныхъ языкахъ до самаго санскрита, а названія *корабля* совершенно тождественны въ санскр. (naus, nâvas), лат. (navis), греч. (ναῦς) и германск. (др.-вер.-нѣм. nacho, англосакс. naca).

---

*) См. въ Zeitschr. für vergl. Sprachforschung Куна I, 34. Проф. Курціусъ предлагаетъ такое уравненіе: πόντος: πάτος=πένθος: πάθος=βένθος: βάθος.

Обозрѣвая собранныя нами данныя,—число которыхъ, если бы то дозволялъ объемъ нашей статьи, можно было бы значительно дополнить *), — нельзя не убѣдиться, что всѣ приведенныя нами слова — остатки языка, которымъ говорило нѣкогда единое цѣлое племя, въ эпоху, самое существованіе которой еще до послѣдняго времени историкъ осмѣливался предполагать развѣ только на основаніи священныхъ преданій еврейскаго народа. Между тѣмъ теперь, благодаря сравнительной филологіи, у насъ въ рукахъ живые памятники этого отдаленнаго періода. Оказывается, что мы до сихъ поръ употребляемъ тѣ же самыя слова,—только нѣсколько измѣненныя подъ вліяніемъ фонетическихъ превратностей, — которыя употреблялись родоначальниками арійскаго племени. Оказывается, что ихъ мысль и слово также близки намъ, какъ Итальянцамъ и Французамъ близки мысль и слово древнихъ Римлянъ. Если бы потребовалось новое доказательство дѣйствительнаго историческаго существованія этого періода, который, какъ сказано, долженъ былъ предшествовать разселенію арійскаго племени, то арійскія числительныя могутъ представить неопровержимое свидѣтельство той умственной жизни, которою жило и *давно* жило въ этомъ періодѣ арійское племя. Несомнѣнно, что древніе Аріи имѣли уже десятичную систему счисленія, — одно изъ самыхъ изумительныхъ созданій человѣческаго духа, ибо эта система предполагаетъ въ своей основѣ отвлеченное понятіе о количествѣ, а въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи способность умозрительной классификаціи: между тѣмъ эта система была задумана и успѣла окончательно опредѣлиться уже въ ту незапамятную пору, когда на европейской почвѣ еще не было ни Грековъ, ни Римлянъ, ни Славянъ, ни Германцевъ. Эта система могла выработаться только въ тѣсныхъ предѣлахъ немногочисленной общины, ибо болѣе, чѣмъ всякій другой элементъ языка, заставляетъ до-

*) Богатое собраніе обще-арійскихъ словъ можно найти въ Исторіи нѣмецкаго языка Я. Гримма. Первая попытка воспользоваться такими словами для историческихъ выводовъ принадлежитъ Эйхгофу; но съ тѣхъ поръ весьма полезныя дополненія въ этомъ отношеніи были сдѣланы Уиннингомъ (Winning) въ его Manual of Comparative Philology 1838, потомъ Куномъ, Курціусомъ и Фёрстеманомъ. Много новыхъ матеріаловъ можно найти въ *Glossarii* Боппа и въ Etymologische Forschungen Потта.

пустить условное соглашеніе между людьми, среди которыхъ впервые сложились арійскія названія числъ — отъ единицы до ста. Вообразимъ, на сколько это теперь возможно,—что насъ заставили бы вдругъ изобрѣсти новыя названія для единицы, двухъ, трехъ и т. д., и мы поймемъ, какую трудную задачу представляло первоначальное образованіе и установленіе именъ числительныхъ. Гораздо легче придумать названія для предметовъ міра вещественнаго, потому что каждый изъ такихъ предметовъ представляетъ извѣстные атрибуты, признаки, которые языкъ можетъ выразить описательно — и названія для этихъ предметовъ готовы. Такъ напримѣръ море можно назвать „соленой водой", дождь—„небесной влагой", рѣки—„чадами земли". Но числа по самому существу своему—понятія до такой степени отвлеченныя, что напрасно было бы искать въ нихъ какихъ либо конкретныхъ признаковъ, которые могли бы послужить основой для образованія числительныхъ именъ. Всего легче управиться съ первыми числами: *одинъ*, *два;* — потому эти два числа имѣютъ въ арійскихъ языкахъ по нѣсколько названій. Но самое это обиліе могло бы только повести къ новымъ затрудненіямъ. Положимъ, что для обозначенія одного и того же числа существуетъ нѣсколько названій: не затемняется ли самое значеніе этихъ названій? Положимъ для примѣра, что число *пять*, называясь словомъ, имѣющимъ значеніе „открытая ладонь", въ то же время могло бы выражаться еще словомъ *пальцы*: эти два синонима были бы совершенно неудобны для размѣна мыслей. Или положимъ, что одно и тоже слово, означающее „пальцы на рукахъ или на ногахъ", могло бы употребляться для выраженія числа *пяти* и числа *десяти:* не подало ли бы это повода къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ? Потому, чтобы образовать и установить рядъ словъ для выраженія чиселъ: единицы, двухъ, трехъ, четырехъ и проч., родоначальники Аріевъ необходимо должны были положительно условиться для обозначенія каждаго числа не употреблять болѣе одного термина, соединяя съ каждымъ изъ этихъ терминовъ не болѣе одного опредѣленнаго значенія. Относительно другихъ словъ такого соглашенія не требовалось и на самомъ дѣлѣ не было, что лучше всего доказывается множествомъ синонимическихъ и полионимическихъ (многозначущихъ) выраженій, обиліе ко-

торыхъ составляетъ отличительную черту каждаго древняго языка. Этотъ избытокъ, свойственный языку въ раннемъ періодѣ его жизни, умѣряется только впослѣдствіи долговременнымъ обращеніемъ языка въ литературномъ и житейскомъ употребленіи: только въ такомъ долговременномъ обращеніи каждый предметъ получаетъ одно опредѣленное названіе и за каждымъ названіемъ утверждается одно спеціальное значеніе.

Относительно арійскихъ числительныхъ именъ весь этотъ процессъ долженъ былъ совершиться еще въ ту пору, когда Греки не были Греками, Германцы—Германцами и т. д., ибо этимъ только можно объяснить то совпаденіе въ названіяхъ чиселъ, которое представляется намъ въ слѣдующей таблицѣ:

	Санскрит.	Греческ.	Латин.	Литовск	Готск.
I	ekas	εἷς (οἴνη)	unus	wienas	ains
II	dvau	δύω	duo	du	tvai
III	trayas	τρεῖς	tres	trys	threis
IV	tschatvâras	τέτταρες (Эол. πίσυρες)	quatuor (Оскс. petora)	keturi	fidvôr
V	pantschan	πέντε	quinque (Оскс pomtis)	penki	fimf
VI	schasch	ἕξ	sex	szeszi	saihs
VII	sapta	ἑπτά	septem	septyni	sibun
VIII	aschtau	ὀκτώ	octo	aztûni	ahtau
IX	nava	ἐννέα	novem	dewyni	niun
X	dasha	δέκα	decem	deszimt	taihun
XI	ekâdasha	ἕνδεκα	undecim	wieno-lika	ain-lif
XII	dvâdasha	δώδεκα	duodecim	dwy-lika	tva-lif
XX	vinshati	εἴκοσι	viginti	dwi-deszimti	tvaitigjus
C	shatam	ἑκατόν	centum	szimtas	taihun taihund
M	sahasram	χῦλιοι	mille	tukstantis	thusundi

Если нельзя объяснить сходства числительныхъ во французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ и валашскомъ языкахъ, не допустивъ, что всѣ они произошли отъ одного общаго латинскаго типа, то къ тому же самому заключенію приводитъ и сличеніе числительныхъ у всѣхъ арійскихъ народовъ. Названія чиселъ были готовы уже въ томъ языкѣ, которому одинаково обязаны своимъ происхожденіемъ и санскритъ и языкъ валашскій, — *но не далѣе сотни*. Для „тысячи“ у древнихъ Аріевъ, очевидно, еще не было соотвѣтствующаго рѣченія, и вотъ почему названія *тысячи* въ разныхъ арійскихъ

языкахъ различны, хотя впрочемъ въ самомъ этомъ различіи заключаются нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу арійскаго племени. Такъ, находя въ санскритѣ и въ зендѣ общее названіе для *тысячи* (скр. sahasra, зенд. hazanra), мы заключаемъ, что уже послѣ отдѣленія южной вѣтви арійскаго племени отъ сѣверной, предки брамановъ и предки послѣдователей Зороастра въ теченіи нѣкотораго времени продолжали говорить однимъ языкомъ. Такое же заключеніе вытекаетъ изъ сходства готскаго thusundi съ древне-прусскимъ tûsimtons (виндт.), литовск. tukstantis и славянск. тысѧща, между тѣмъ какъ Греки и Римляне не сходятся въ этомъ случаѣ съ остальными соплеменными народами; потому можно полагать съ полной вѣроятностью, что греческій и римскій народъ образовали свои именованія для тысячи, каждый отдѣльно, внѣ общенія съ другими арійскими народами.

Этотъ-то древнѣйшій періодъ, предшествовавшій выдѣленію народностей, я и называю *миѳопеическимъ*, ибо каждое изъ этихъ обще-арійскихъ словъ есть въ извѣстномъ смыслѣ — *миѳъ*. Слова эти первоначально имѣли нарицательное значеніе, выражая какой-нибудь одинъ изъ многихъ характеристическихъ аттрибутовъ извѣстнаго предмета, и какъ въ выборѣ этихъ аттрибутовъ, такъ и въ самомъ выраженіи ихъ въ языкѣ, обнаруживается нѣкотораго рода безсознательная поэзія, совершенно утраченная новѣйшими языками.

Кто-то сказалъ, что языкъ — ископаемая поэзія. Но какъ художникъ не знаетъ, что въ гипсѣ, изъ котораго онъ лѣпитъ свою статую, заключены останки органической жизни, такъ современный Англичанинъ, Нѣмецъ или Французъ не знаетъ, что, произнося слова father, vater, père, онъ зоветъ своего отца покровителемъ. Такъ же точно Греки, употребляя слово δαήρ, т. е. деверь, не подозрѣвали, что это наименованіе первоначально относилось только къ младшимъ братьямъ мужа, остававшимся дома съ женою старшаго брата, когда этотъ послѣдній отправлялся на поле или въ лѣсъ. Санскритское devar первоначально значило: „товарищъ или участникъ игръ (play-mate)“: такъ въ самомъ словѣ сказывалась его исторія; слово было — миѳомъ (миѳъ собств. значитъ *повѣствованіе*, *разсказъ*); въ греческомъ оно вывѣтрилось въ простое названіе, въ

условный терминъ. Однако и въ греческомъ еще слово θυγήρ не допускаетъ женской формы, точно такъ же, какъ даже въ наше время никто не рѣшится произвести мужскую форму отъ слова „дочь“, хотя его первоначальное значеніе уже давно забыто.

Этимологическое сознаніе скоро теряется въ языкахъ: такъ въ латинскомъ мы находимъ не только женскую форму vidua т. е. *безмужная* (Penelope tam diu vidua viro suo caruit), но мужскую форму: viduus, которая, если разобрать ее этимологически, имѣетъ такъ же мало смысла, какъ и русское: вдовецъ, нѣмецкое wittwer и т. д. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что древне-латинское viduus [1]), одно изъ именъ подземнаго бога (Orcus), которому былъ воздвигнутъ храмъ за стѣнами Рима, заставляетъ, не смотря на замѣчательное звуковое сходство, серіозно сомнѣваться въ тождествѣ латинскаго vidua съ санскритскимъ vidhavâ. Остается предположить, что отъ vidua образовался глаголъ viduare, отъ котораго уже потомъ было произведено новое прилагательное viduus съ болѣе общимъ значеніемъ: *лишенный*, *не имѣющій* (privatus).

Но, спросятъ, какимъ же образомъ существованіе во всѣхъ арійскихъ языкахъ этого древняго наслѣдія общихъ рѣченій, или открытіе, что всѣ эти рѣченія первоначально имѣли поэтическій изобразительный смыслъ, можетъ объяснить повторяющееся у всѣхъ народовъ этой семьи явленіе миѳологическаго языка? Какимъ образомъ объясняется этимъ тотъ особый фазисъ въ развитіи человѣческаго духа, то особое умонастроеніе, изъ котораго возникли эти небылицы о богахъ и герояхъ, о горгонахъ и химерахъ, о существахъ, однимъ словомъ, которыхъ не видѣлъ ни одинъ человѣческій глазъ и ни какой человѣческій разумъ въ нормальномъ состояніи не могъ выдумать?

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы, мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній касательно образованія словъ. Какъ ни утомительно можетъ показаться это для нашихъ читателей, мы надѣемся, что соображенія, которыя мы имѣемъ предложить ихъ вниманію, помогутъ намъ разсѣять

[1]) Hartung, Die Religion der Römer, II, 90.

мало по малу густую мглу баснословія и за туманными облаками, которыя окружаютъ первую зорю человѣческой мысли и языка, — разгадать дѣйствительность, такъ долго ускользавшую отъ насъ въ смутныхъ призракахъ миѳологіи.

Всѣ обще-арійскія слова, какія мы до сихъ поръ разбирали, суть названія извѣстныхъ предметовъ. Всѣ эти слова — существительныя (substantives), ибо всѣ означаютъ нѣчто „вещественно-существующее“ (substantial), доступное чувственному познанію. Это очень естественно, потому что языкъ въ первую пору своего развитія и не могъ выражать ничего иного, кромѣ предметовъ — посредствомъ именъ существительныхъ, и свойствъ — посредствомъ глаголовъ. Потому единственное опредѣленіе, какое можно дать языку въ эту раннюю пору, будетъ слѣдующее: языкъ есть сознательное выраженіе въ звукахъ впечатлѣній, воспринятыхъ различными чувствами человѣка.

Мы такъ свыклись съ употребленіемъ отвлеченныхъ рѣченій, что едва ли можемъ составить себѣ отчетливое понятіе о томъ, какъ медленно и трудно вырабатывались они первоначально. Мы теперь едва можемъ представить себѣ языкъ безъ отвлеченныхъ выраженій, а между тѣмъ до сихъ поръ существуютъ языки, которые совсѣмъ не имѣютъ ихъ и, чѣмъ далѣе мы углубляемся назадъ въ древнѣйшій періодъ исторіи языковъ, тѣмъ менѣе встрѣчается этихъ столь необходимыхъ для человѣческой мысли выраженій. По отношенію къ языку каждое отвлеченное выраженіе—ничто иное какъ прилагательное, возведенное на степень существительнаго; но дойти до того, чтобы мыслить качество, какъ субъектъ, какъ существо,—дѣло очень трудное и собственно, въ строго-логическомъ смыслѣ, даже невозможное. Говоря: „я люблю добродѣтель“, мы рѣдко соединяемъ опредѣленное понятіе съ послѣднимъ словомъ. Добродѣтель не имѣетъ конкретнаго, индивидуальнаго, дѣятельнаго, личнаго бытія, не есть нѣчто такое, что могло бы непосредственно самимъ собою вызвать въ насъ впечатлѣніе. Слово *добродѣтель* не болѣе, какъ употребляемый для краткости условный терминъ, и тотъ, кто въ первые сказалъ: „я люблю добродѣтель“, говоря это, разумѣлъ собственно: „я люблю все, что добродѣтельно“.

Но есть другія слова, которыя мы теперь едва ли отнесемъ къ разряду отвлеченныхъ, которыя между тѣмъ первоначально были и въ строгомъ смыслѣ до сихъ поръ остаются отвлеченными. Я имѣю въ виду такія слова, какъ: *день* и *ночь*, *весна* и *зима*, *заря* и *сумерки*, *буря* и *гроза*. Что въ самомъ дѣлѣ мы разумѣемъ, говоря: *день* и *ночь*, *весна* и *зима?* Намъ отвѣтятъ: извѣстную пору года или вообще опредѣленный періодъ времени. Но самое время? какъ мы его себѣ представляемъ? Время тоже не имѣетъ вещественнаго (substantial), индивидуальнаго бытія;—это не болѣе, какъ свойство, которому языкъ далъ предикаты субстанціи. Въ самомъ дѣлѣ, говоря: *день наступаетъ*, *ночь приближается*, мы придаемъ предикатъ *дѣйствія* тому, что, какъ мы очень хорошо знаемъ, дѣйствовать не можетъ; мы строимъ предложеніе, въ которомъ, если подвергнуть его логическому разбору, не окажется опредѣленнаго подлежащаго. (Этимъ объясняются всѣ безличные обороты рѣчи: *смеркается*, *разсвѣтаетъ* и т. п.)

Тоже самое относится ко всѣмъ словамъ собирательнымъ, каковы: *небо*, *земля*, *роса* и *дождь* — даже *рѣки* и *горы*. Вѣдь говоря: „земля питаетъ человѣка“, мы разумѣемъ не какой-нибудь извѣстный, осязаемый участокъ земной поверхности, но землю *вообще*, какъ недѣлимое цѣлое. Такъ же точно *небомъ* мы называемъ не тотъ клочекъ горизонта, который можетъ обнять нашъ глазъ. Въ обоихъ случаяхъ мы представляемъ себѣ нѣчто, не подлежащее нашимъ чувствамъ; но, какъ бы мы ни понимали это „нѣчто“ — какъ цѣлое, какъ силу, какъ идею,—во всякомъ случаѣ, переводя это „нѣчто“ въ слово, мы, невольно и сами того не подозрѣвая, придаемъ ему аттрибуты личнаго, индивидуальнаго бытія. Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что въ древнемъ языкѣ каждое имя имѣло опредѣленное родовое окончаніе, которымъ естественно вызывалось опредѣленное представленіе о полѣ мужскомъ или женскомъ, такъ что эти имена имѣли не только индивидуальный, но и половой характеръ. Не было ни одного существительнаго, съ которымъ бы не соединялось понятіе о полѣ мужскомъ или женскомъ (имена существительныя средніе — позднѣйшаго происхожденія и отъ мужскихъ и женскихъ могутъ быть отличены большею частію только въ именительномъ). Что же отсюда должно было произойти?

Пока народъ относился къ языку сознательно, пока онъ мыслилъ въ языкѣ, нельзя было говорить объ утрѣ или вечерѣ, веснѣ или зимѣ, не придавая этимъ представленіямъ до извѣстной степени индивидуальнаго, дѣятельнаго, половаго и наконецъ личнаго характера. Одно изъ двухъ: или и въ древнѣйшую пору языка эти слова были условныя выраженія чего-то на самомъ дѣлѣ несуществующаго, какими стали они теперь для нашей безцвѣтной мысли, или за ними признавалось реальное содержаніе; въ послѣднемъ случаѣ съ ними соединялось представленіе не о силахъ, или свойствахъ, а о *существахъ*, съ извѣстными силами и свойствами. Даже теперь, представляя себѣ природу какъ силу, не разумѣемъ ли мы подъ словомъ *сила* — нѣчто сильное, обладающее совокупностью извѣстныхъ силъ? А въ древнѣйшемъ періодѣ языка *природа* разумѣлась какъ Natura (т. е. Natura — отглагольное прилагательное, обращенное въ имя существительное) въ буквальномъ переводѣ: *имѣющая родить*, *родительница* (мать-природа), *непрерывно производящая*, *рождающая*. Не было ли такое представленіе въ тысячу разъ опредѣленнѣе того, которое мы теперь соединяемъ съ словомъ: *природа*?! Обратимся къ поэтамъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ мыслить и чувствовать въ языкѣ, которые не произносятъ ни одного слова, не вложивъ въ него, такъ сказать, живой души, не соединяя съ ними яснаго, живаго образа, которые относятся къ языку не безразлично и въ этомъ смыслѣ могутъ быть названы μυθόλογοι. Развѣ истинный поэтъ можетъ, не наслуя своего чувства, говорить о природѣ и тому подобномъ, какъ о безразличныхъ, бездушныхъ силахъ? Откроемъ Вордсворта, и мы едва ли найдемъ у него хотя одинъ отвлеченный терминъ, которому бы поэтъ не съумѣлъ дать сколько-нибудь, такъ сказать, живой плоти и крови. Подтвердимъ это примѣрами:

Зима. *)

Художники, чтобъ намекнуть слегка
На то, какъ старость губитъ наши силы, —

*) За переводъ приводимыхъ здѣсь стиховъ Вордсворта редакція приноситъ глубокую благодарность профессору Д. Е. Мину.

Рисуютъ Зиму въ видѣ старика:
На посохъ опираясь, странникъ хилый,
Больной, въ лохмотьяхъ, онъ бредетъ одинъ
Въ ненастный день средь снѣговыхъ равнинъ.
Иль для того, чтобъ выразить измѣну
И грозную могучесть зимнихъ вьюгъ,
Они влагаютъ скипетра въ замѣну
Сухую вѣтвь въ персты застывшихъ рукъ, —
Девизъ достойный старости унылой,
Но не Зимы съ ея могучей силой!
Зима! Не твой ли ужасъ сокрушилъ,
Опутавъ адской сѣтью фронтъ и тылъ,
Ту рать, что въ бѣгствѣ изъ страны полярной
Разбила въ прахъ свой замыселъ коварный, —
Ту рать, что, дерзко перейдя за грань
Возможнаго, съ Творцомъ вступила въ брань.
Но какъ отецъ разитъ сыновъ крамолу,
Сразила ты цвѣтъ юношей-бойцовъ;
Ты призвала лихой морозъ — и долу
Повергласъ мощь мужей среди снѣговъ.....

Вотъ еще отрывокъ изъ стихотворенія *Старость и Часы*.

Вокругъ чела, о Старость, свей
Вѣнокъ душистый изъ лилей!
Зови подъ сѣнь густыхъ лѣсовъ
Толпу смѣющихся Часовъ!
Вели имъ пѣть, плясать весь годъ
И къ нимъ вмѣшайся въ хороводъ!

Кладя на бумагу эти строки, Вордсвортъ едва ли думалъ о Горахъ (Часахъ) классической миѳологіи: этотъ свѣтлый, улыбающійся образъ возникъ въ его душѣ такъ же непосредственно, какъ нѣкогда въ душѣ греческаго поэта возникъ художественный образъ *Горъ*. Или вотъ еще отрывокъ изъ піэсы *Бури и Времена года*:

Владыкѣ вашему хвалу гласите, Бури!
Ты, Лѣто, ты, Весна, златая Осень, — тамъ,

Въ странахъ полуденныхъ, въ полудорогѣ къ намъ,
Гдѣ *Время*, вашъ отецъ, на васъ съ полей эѳира
Глядитъ съ улыбкою, — столпившись въ хороводъ,
Побѣдный пойте гимнъ въ честь зимнихъ непогодъ!

Мы привыкли называть такой способъ выраженія поэтическимъ стилемъ (poetical diction), въ которомъ снисходительно можно допустить то, въ чемъ мы видимъ не болѣе, какъ гиперболическое украшеніе языка. Но для поэта въ этихъ и тому подобныхъ выраженіяхъ нѣтъ ничего гиперболическаго, какъ не было его и для нашихъ праотцевъ, которые, создавая языкъ, были безсознательными поэтами. Поэзія древнѣе прозы и отвлеченная рѣчь дается человѣку труднѣе полнаго поэтическаго сочувствія природѣ. Нужно усиліе рефлексіи для того, чтобы отнять у природы ея живые образы и видѣть въ быстро несущихся облакахъ только водянистыя испаренія, въ грозно-нахмуренной скалѣ — только каменную массу, а въ блескѣ молній — электрическія искры. Вордсвортъ *чувствуетъ*, что говоритъ, когда взываетъ „къ горамъ, долинамъ и волнамъ, призывая ихъ въ свидѣтели и участники праведнаго негодованія“ (собств. презрѣнія, disdain):

Mountains, and Vales, and Floods, I call on you
To share the passion of a just disdain.

Когда онъ говоритъ о томъ, какъ „послѣдній холмъ шлетъ прощальный привѣтъ заходящему солнцу“ (the last hill that parleys with the setting sun), то это выраженіе вылилось у него изъ души въ минуту живаго общенія съ природой; въ этомъ сказалась мысль, еще не переведенная на казенную прозу нашей будничной рѣчи — мысль, которую древніе не нашли бы неумѣстной и въ простомъ, ежедневномъ разговорѣ.

У Вордсворта, этого „античнаго“ поэта новыхъ временъ (*this modern ancient*), есть цѣлыя произведенія, въ которыхъ, можно сказать, все — миѳологія, отъ начала до конца. И такъ какъ намъ впослѣдствіи представится случай еще разъ сослаться на Вордсворта, то я позволю себѣ выписать еще отрывокъ, жи-

вой смыслъ котораго Индусу или древнему Греку былъ бы гораздо болѣе понятенъ, нежели намъ:

Солнце.

Привѣтъ тебѣ, ночей восточный побѣдитель!
Своею благостью, о первенецъ Творца!
Ты въ силахъ умягчить и грубыя сердца,
Когда пылаешь ты, обычный посѣтитель,
Въ чертогахъ роскоши, гдѣ властвуютъ цари,
Иль входишь къ пахарю въ смиренную обитель,
Какъ всѣмъ доступный гость, съ сіяніемъ зари! —
Съ восторгомъ вижу я восходъ твой лучезарный
На небо чистое отъ сумраковъ и тучъ,
Бѣгущихъ заслонить твой животворный лучъ, —
Лучъ, ослѣпляющій и средь зимы полярной
Отважный взоръ высокопарный,
Дерзнувшій испытать, сколь пламень твой могучъ! —
Ты сей великій день приводишь въ міръ со славой,
Съ какой дозволено тебѣ сіять зимой
На той дорогѣ величавой,
Гдѣ ты, прикованный Всесильнаго рукой,
Отъ вѣка шествуешь незримыми шагами,
Доколѣ не прейдутъ земля и небеса! —
Молчанье мертвое надъ этими лугами
Подъ легкимъ инеемъ и тихая краса
Въ эѳиръ ушедшихъ горъ, бѣлѣющихъ снѣгами,
Ихъ сонъ торжественный и дивный блескъ вершинъ,
Гласящій жителямъ долинъ
О миновавшей бури дикой, —
Все возвѣщаетъ намъ, что день насталъ великій! —
О свѣтъ божественный, который лишь одинъ
Всего доступнѣй намъ, взводящимъ къ небу взоры!
Ты, льющій кроткій блескъ на эти снѣжны горы,
Не забывающій и мирныхъ сихъ долинъ!
О ты, чьимъ пламенемъ вся грудь земли согрѣта,
Чей огнь былъ въ древности, какъ нашъ источникъ свѣта
Боготворимъ не безъ причинъ!
Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, о Солнце, радость міра!
Сіяй же цѣлый день сегодня намъ съ эѳира!

И такъ, если мы сами, говоря о солнцѣ или о бурях, о снѣ и смерти, о землѣ и зарѣ, или не соединяемъ съ этими словами никакого яснаго представленія (distinct idea), или смутно чувствуемъ въ нихъ вѣяніе поэзіи давно-минувшихъ дней; если мы, когда намъ случается говорить съ свойственной сердцу человѣка теплотой, взываемъ къ вѣтрамъ, къ солнцу, къ океану или къ облакамъ, какъ будто бы они могли внимать намъ; если привыкшая къ пластичнымъ образамъ мысль поэта не можетъ представить ни одного изъ этихъ явленій, ни одной изъ этихъ силъ, не придавъ имъ если не человѣческій образъ, то по крайней мѣрѣ бытіе и чувства человѣческія: — что же удивительнаго, если древніе, языкъ которыхъ кипѣлъ жизнью и обиліемъ красокъ, что удивительнаго, если вмѣсто блѣдныхъ очертаній нашей современной мысли, они представляли природу и ея явленія въ цѣломъ рядѣ живыхъ образовъ, одаренныхъ силами человѣческими, или, скорѣе — выше человѣческихъ, по скольку блескъ солнца превосходитъ блескъ человѣческаго глаза, или ревъ бури громче человѣческаго голоса? Мы, люди книжные, конечно можемъ объяснить наукообразно происхожденіе дожда и росы, бури и грома; но для огромнаго большинства человѣчества эти явленія остались тѣмъ же, чѣмъ были онѣ для Гомера, только, быть можетъ, въ современныхъ представленіяхъ менѣе красоты, менѣе поэзіи, менѣе реальности и жизни. Вотъ что мы считали нужнымъ сказать объ особой трудности, соединенной съ выраженіемъ понятій отвлеченныхъ или собирательныхъ: — эта трудность, какъ мы увидимъ, поможетъ намъ объяснить многіе затруднительные пункты миѳологіи.

Обратимся теперь къ другой однородной чертѣ древнѣйшихъ языковъ — къ глаголамъ вспомогательнымъ. Между глаголами они занимаютъ тоже самое мѣсто, какое наименованія отвлеченныхъ понятій — между существительными. Всѣ эти глаголы позднѣйшаго происхожденія и первоначально имѣли болѣе реальное, конкретное значеніе. Наши вспомогательные глаголы должны были испытать длинный рядъ всякихъ превратностей, прежде нежели окончательно приняли тотъ блѣдный и безжизненный характеръ, благодаря которому они такъ пригодны для разныхъ потребъ отвлеченной прозы. Такъ, напримѣръ самый глаголъ

habere, который теперь во всѣхъ романскихъ нарѣчіяхъ служитъ просто для обозначенія прошедшаго времени: j'ai aimé, *я любилъ*, этотъ самый глаголъ первоначально имѣлъ конкретное значеніе: *держать, удерживать*, что доказывается производнымъ существительнымъ: habenae—*бразды, вожди* (собств. *то, чѣмъ держатъ, сдерживаютъ*). Глаголъ *tenere* держать, въ испанскомъ языкѣ сталъ точно такъ же вспомогательнымъ, и почти съ тѣмъ же значеніемъ, какъ *habere*. Греческое ἔχω, соотвѣтствующее санскритскому sah, первоначально значило: *быть сильнымъ, быть способнымъ*. Латинское *fui*, *я былъ* (санскритское bhû, *быть*) соотвѣтствуетъ греческому φύω, и въ этой послѣдней формѣ доселѣ сохранило свое первоначальное конкретное значеніе: *расти* и *ростить, возрощать*. As, общій корень санскритскаго as-mi, греческаго ἐμ-μί, литовскаго as-mi, слав. ѥсмь, вѣроятно состоитъ въ близкой связи съ другимъ корнемъ âs, *сидѣть*, который встрѣчается въ греческомъ ἧσ-ται и санскритскомъ âs-te. Stare, *стоять*, въ языкахъ романскихъ также нисходитъ на степень простаго вспомогательнаго, напр.: j'ai été, *я былъ*, соб. habeo statum, *я сталъ*: j'ai été convaincu *я былъ убѣжденъ*, собств. *я сталъ* убѣжденнымъ; звуковой переходъ statum въ été подтверждается переходомъ латинск. status въ французск. état. Нѣмецкое werden, которое служитъ для образованія будущаго времени и страдательнаго залога, въ готскомъ varth, указываетъ на санскритское vrit, латинское verto. Will, въ англійской формѣ будущаго: *he will go*, точно также утратило свое коренное значеніе: *желать, хотѣть*. А въ глаголѣ shall (нѣм. soll), которое употребляется также въ будущемъ, I shall go, даже для филолога трудно открыть первоначальное значеніе юридическаго или нравственнаго обязательства. Между тѣмъ нѣмецкое существительное Schuld значитъ *долгъ* или *вина*, и глаголъ soll до сихъ поръ имѣетъ еще не одно только исключительно служебное, вспомогательное значеніе (для образованія будущаго, какъ англ. shall), первые слѣды котораго однако можно открыть въ именахъ трехъ тевтонскихъ паркъ: *Urdh*, *Urdhandi* и *Skuld*,—*прошедшее, настоящее* и *будущее* [1]). Но какое же могло быть первоначальное значеніе глагола, который, какъ мы

[1]) Kuhn, Zeitschrift fur vergleichende Sprachforschung, III, 449.

сейчасъ видѣли, уже въ самомъ раннемъ примѣненіи своемъ имѣетъ отвлеченный смыслъ нравственнаго долга или юридическаго обязательства? Гдѣ могъ языкъ, который вѣдь изъ одного вещественнаго міра заимствуетъ матеріалъ для образованія именъ и глаголовъ, гдѣ, говорю я, языкъ могъ найти что-либо соотвѣтствующее отвлеченной идеѣ: *они должны* заплатить, или: онъ *бы долженъ былъ* уступить? Я. Гриммъ, который старался проникнуть въ самые сокровенные тайники германскаго языка, предлагаетъ для этого глагола такое толкованіе, которое имѣетъ полное право на серьезное вниманіе съ нашей стороны, какъ бы ни показалось оно намъ на первый разъ страннымъ и невѣроятнымъ.

Англ. *shall* (нѣм. soll) и его прошедшее *should* (sollte) въ готскомъ имѣютъ слѣдующія формы:

настоящ.	прошед.
skal	skulda
skalt	skuldôs
skal	skulda
skulum	skuldedum
skuludh	skuldedudh
skulun	skuldedun

Въ готскомъ эта форма *skal*, которую съ перваго раза можно принять за настоящее, оказывается архаической, устарѣлой формой прошедшаго, въ родѣ греческихъ прошедшихъ съ значеніемъ настоящаго, какъ напр. οἶδα. Въ нѣмецкомъ также есть нѣсколько такихъ глаголовъ, а въ англійскомъ ихъ отличительнымъ признакомъ служитъ отсутствіе буквы *s* въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени.

И такъ skal, по мнѣнію Гримма, значитъ: я долженъ, я обязанъ, но первоначально значило: я убилъ. Главное преступленіе, которое осуждалось древне-германскимъ правомъ было убійство, за которое, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускалась денежная пеня (вира, Wergeld). Потому skal буквально значило: *я виновенъ въ преступленіи* (ich bin schuldig, I am guilty); а впослѣдствіи, когда это конкретное выраженіе обратилось въ условный юридическій терминъ, тогда стали возможны новые обороты въ родѣ слѣдующихъ: вмѣсто того чтобы

сказать: „я убилъ свободнаго человѣка, раба», говорили: «я повиненъ въ свободномъ человѣкѣ, въ рабѣ», (т. е. въ его смерти) и наконецъ: «я въ долгу (т. е. долженъ уплатить пеню за убійство) за раба, за свободнаго человѣка». Тѣмъ же самымъ путемъ Гриммъ объясняетъ еще позднѣйшія и еще менѣе нормальныя выраженія, каковы: «he shall pay, er soll zahlen», онъ *долженъ* заплатить, т. е. собств. онъ *виновенъ*, *повиненъ* заплатить, er ist *shuldig* zu zahlen; he schall go, er soll gehen, т. е. онъ *долженъ* идти и наконецъ I schall withdraw т. е. я чувствую себя обязаннымъ, повиннымъ удалиться.

Такой рѣзкій переходъ значенія кажется, безъ сомнѣнія, насильственнымъ и произвольнымъ, но мы бы допустили его съ бо́льшимъ довѣріемъ, если бы только обратили вниманіе на то, что почти на каждомъ изъ нынѣ употребительныхъ словъ можно наблюдать рядъ точно такихъ же превращеній: стоитъ только подвергнуть какое-нибудь слово этимологическому анализу и прослѣдить его исторію. Когда мы говоримъ: я *обязанъ* идти, я *обязанъ* заплатить, мы забываемъ, что происхожденіе этихъ выраженій относится къ тѣмъ временамъ, когда людей дѣйствительно *вязали* для того, чтобы обязать ихъ идти или платить. Hoc me fallit значитъ по латыни: «это меня обманываетъ», «ускользаетъ отъ меня». Впослѣдствіи это выраженіе получило другой смыслъ: «это отдалено отъ меня», «я имѣю въ этомъ нужду», я долженъ, хочу имѣть это: отсюда, французское *il me faut*, я долженъ. Далѣе англійское *I may*, я могу, есть готское: mag, maht, mag, magum, magudh, magun, и первоначально значило: я *силенъ*. Mag (стало быть I may) первоначально было тоже прошедшимъ и происходило отъ корня, который значилъ *рождать*, откуда готское magus, сынъ — *т. е.* рожденный, шотландское *Mac*, и готское magaths, дочь, нѣмецкое и англійское maid — дѣва.

Въ языкѣ миѳологическомъ мы должны замѣтить разъ на всегда отсутствіе глаголовъ съ исключительно-вспомогательнымъ, служебнымъ значеніемъ. Въ періодъ миѳо-творенія каждое слово, глаголъ или существительное, сохраняло во всей силѣ свой первоначальный конкретный смыслъ. Слова были не податливы, не легко допускали новые оттѣнки въ своемъ значеніи. Они выражали болѣе, чѣмъ требовалось для простаго

выраженія мысли. Отсюда многія странности миѳологическаго языка, которыя мы можемъ объяснить, только имѣя въ виду естественное развитіе языка. Мы теперь говоримъ: *солнце всходитъ вслѣдъ за зарею*, а древніе говорили: *солнце любитъ зарю и преслѣдуетъ ее своими объятіями*. Въ томъ, что мы называемъ *солнечнымъ закатомъ*, имъ видѣлось *старѣющее*, *изнемогшее* или *умирающее* солнце. Когда *всходило* солнце, имъ представлялось, что *ночь родила лучезарнаго сына*. Съ весной они опять соединяли представленіе о солнцѣ или небѣ: имъ казалось, что оно *заключаетъ землю въ свои горячія объятія и сыплетъ свои дары въ нѣдра природы*. У Гесіода есть много миѳовъ позднѣйшаго происхожденія, въ которыхъ стоитъ только конкретный глаголъ замѣнить вспомогательнымъ, и языкъ миѳическій превратится въ обыкновенную логическую рѣчь. Гезіодъ называетъ ночь (Nyx) матерью Рока (Moros) и мрачную Керу (Разрушенье) — матерью смерти, сна и сонма сновѣдѣній (Oneiroi), — потомства, по преданію, порожденнаго ею безъ отца. Далѣе, она называется матерью Момуса (Порицаніе), скорбной Oizys (Горе) и Гесперидъ (вечернія звѣзды), стерегущихъ по ту сторону Океана прекрасныя золотыя яблоки и плодоносныя деревья. Отъ нея же родились: Немезида (Мщеніе), Apatê (Обманъ), Philotês (Наслажденіе) и губительная Geras (Старость) и суровая Eris (Соревнованіе, споръ, вражда, раздоръ). Возьмемъ теперь наши теперешнія, обыкновенныя выраженія, какъ напр. „звѣзды появляются при приближеніи ночи“, „мы спимъ“, „намъ видится во снѣ“, „мы умираемъ“, „мы подвергаемся опасности во время ночи“, „пированье по ночамъ ведетъ за собою раздоръ, ссоры, и горе“, „съ каждой ночью мы приближаемся къ старости и наконецъ къ смерти“, „преступленіе, хотя и совершенное во мракѣ ночи, рано или поздно открывается днемъ“, „сама ночь отметитъ за себя злодѣю“, поставимъ эти выраженія вмѣсто гезіодовскихъ, и мы перевели языкъ Гезіода, — языкъ большею частію совершенно ясный для народа, къ которому онъ обращался — въ формы нашей современной мысли и рѣчи [1]. Все это едва ли можетъ быть названо языкомъ

[1]) Шекспировская Джульетта вѣрно понимала, въ какомъ смыслѣ Philotes (наслажденіе любви) могла быть названа рожденьемъ Ночи. Вотъ, какъ обращается она къ Ночи:

миѳологическимъ, въ собственномъ смыслѣ; это не болѣе, какъ поэтическій иносказательный способъ выраженія, общій всѣмъ поэтамъ новаго и древняго времени, съ какимъ и теперь очень часто встрѣтишься въ языкѣ простаго народа. Уранъ, на языкѣ Гезіода, употребляется какъ названіе неба; онъ созданъ или рожденъ „быть твердью (твердымъ жилищемъ) для пребыванія блаженныхъ боговъ“ [1]). У Гезіода сказано дважды, что Уранъ покрываетъ все (ст. 127) и что, когда онъ приводитъ ночь, то распростертый повсюду, заключаетъ землю въ свои объятія. Это выраженіе почти заставляетъ думать, что въ греческомъ миѳѣ сохранилось воспоминаніе о первоначальномъ этимологическомъ значеніи слова Uranos. Уранъ есть санскритское Varuna отъ корня VAR, покрывать. Въ Ведахъ Varuna—хотя употребляется вообще какъ одно изъ названій небесной тверди, но преимущественно означаетъ ночное небо и потому противополагается Митрѣ, т. е. дню. Во всякомъ случаѣ въ словѣ Uranos Грекамъ слышался какой-то отголосокъ его первоначальнаго значенія; когда мы читаемъ, что ему придается эпитетъ, ἀστερόεις (звѣздное небо), никогда не соединявшійся съ именами Аполлона или Діониса, намъ вѣрится съ трудомъ, что „для Грека, какъ думаетъ Гротъ, съ именами Uranos, Nyx, Hypnos и Oneiros (Уранъ, ночь, сонъ и сновидѣніе) соединялись такія же личныя представленія, какъ съ именами Зевса и Аполлона“. Стоитъ только прочесть нѣсколько строкъ далѣе у Гезіода, чтобы убѣдиться, что потомство Геи, въ которомъ Уранъ занимаетъ первое мѣсто, еще не достигло

О Ночь, прибѣжище любви, приди
И распусти свой занавѣсъ густой,
Чтобы затмился взоръ идущихъ мимо,
Чтобъ Ромео пришелъ въ мои объятья
Невидимый, никѣмъ не осужденный!
Любовникамъ довольно ужъ свѣтло
Отъ блеска ихъ взаимной красоты!
Къ тому жъ, какъ говорятъ, слѣпа Любовь —
Чтожъ можетъ съ ней дружить Ночи быть?
По переводу М. П. Каткова.

[1]) Гезіод. Θεογ. 128 —

Γαῖα δέ τοι πρῶτον μὲν ἐγείνατο ἶσον ἑαυτῇ
Οὐρανὸν ἀστερόεντ' ἵνα μιν περὶ πάντα καλύπτοι
ὄφρ' εἴη μακάρεσσι θεοῖς ἕδος ἀσφαλὲς αἰεί.

того полнаго миѳологическаго олицетворенія, той кристаллизаціи, которая дѣлаетъ столь загадочнымъ первоначальный характеръ большей части олимпійскихъ боговъ. Въ своемъ введеніи Гезіодъ обращается къ музамъ съ вопросомъ: какъ родились боги и земля, какъ произошли рѣки и безбрежный Океанъ, свѣтлыя звѣзды и необъятное небо простертое сверху. (οὐρανὸς εὐρὺς ὑπερθεν)? Вся *Θεογονία* составляетъ отвѣтъ на эти вопросы; и потому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Греки нѣкоторыя изъ именъ, которыя приводятся затѣмъ у Гезіода, понимали просто какъ поэтическія представленія явленій вещественнаго міра, какъ напр. земли, рѣкъ, горъ. Уранъ, первенецъ Геи, впослѣдствіи былъ возведенъ на степень божества — съ человѣческими чувствами и аттрибутами; но слѣдующее затѣмъ порожденіе Геи Οὐρέα μακρά, — великія горы, даже въ языкѣ отмѣчены среднимъ родомъ и потому ихъ едва ли можно разсматривать, какъ личности, подобныя Зевсу и Аполлону.

Гротъ заходитъ слишкомъ далеко, настаивая на чисто-буквальномъ разумѣніи всей греческой миѳологіи. Нѣкоторыя миѳологическія иносказанія оставались въ греческомъ языкѣ до весьма поздняго времени и были совершенно понятны, т. е. нуждались также мало въ объясненіяхъ, какъ наши теперешнія выраженія: „солнце садится“, или „солнце встаетъ“. Гротъ чувствуетъ необходимость допустить это, но отказывается отъ всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые прямо вытекаютъ отсюда. „Хотя“ говоритъ онъ, „нѣкоторые изъ аттрибутовъ и дѣйствій, приписываемыхъ этимъ лицамъ часто могутъ быть объяснены иносказательно, аллегорически, но рядъ ихъ, вся система не допускаетъ такого способа толкованія: допустивъ этотъ способъ объясненія миѳовъ, изслѣдователь сначала ступаетъ легко и свободно, но, сдѣлавъ два, три шага, скоро убѣждается, что путь, который сначала казался ему такимъ легкимъ и удобнымъ, вдругъ засорился, и ему приходится прокладать дорогу посредствомъ произвольныхъ ухищреній и догадокъ“. Такъ Гротъ допускаетъ, что въ миѳологію входитъ и аллегорія, какъ одинъ изъ ея составныхъ ингредіентовъ; но далѣе онъ не идетъ, оставляя всю миѳологію, какъ загадку, пытаться разрѣшать которую напрасно, да и не слѣдуетъ,

какъ нѣчто нераціональное — какъ прошедшее, которое никогда не было настоящимъ; онъ не хочетъ даже попытаться объяснить, хотя бы только въ частностяхъ, эту важную проблему въ исторіи греческаго духа. Развитіе сколькихъ системъ могло бы быть задержано такимъ недостаткомъ „ученой смѣлости“ (scientific courage) — системъ, которыя, не смотря на то, что ихъ первые шаги были робки и неувѣренны, съ теченіемъ времени достигли блестящихъ результатовъ! Въ наукахъ палеонтологическихъ нужно пріучить себя къ мысли, что мы многаго не знаемъ и никогда не узнаемъ, и сказанное Свѣтоніемъ о грамматикахъ: „boni grammatici est nonnulla etiam nescire“, т. е. хорошему грамматику слѣдуетъ и не знать кое-чего, можетъ быть въ особенности примѣнено къ тому, кто занимается миѳологическими изысканіями. Напрасно было бы пытаться разгадать тайну каждаго имени, и никто не признавался въ этомъ съ большей скромностью, какъ тотъ, кто заложилъ самое прочное основаніе сравнительной миѳологіи — Я. Гриммъ. Въ своемъ введеніи къ „нѣмецкой миѳологіи“ онъ не обинуясь говоритъ: „хочу объяснить все, что могу, но не могу объяснить многаго, что̀ бы мнѣ хотѣлось“. Отфридъ Мюллеръ проложилъ путь въ причудливый лабиринтъ греческой миѳологіи: ученый съ дарованіями и свѣдѣніями Грота могъ бы слѣдовать по этому пути или по крайней мѣрѣ опредѣлить, на сколько этотъ путь вѣренъ или не вѣренъ. На миѳѣ о Киренѣ (см. въ Proleg. 65 стр.) О. Мюллеръ показалъ, какъ долго былъ въ ходу между Греками миѳологическій способъ выраженія. Кирена, греческая колонія, была основана въ Ливіи около 37 олимпіады; поколѣніе киринейскихъ царей вело свой родъ отъ Миніевъ, которые господствовали главнымъ образомъ въ Іолкосѣ, въ южной Ѳессаліи; главнымъ поводомъ къ основанію колоніи послужило изрѣченіе оракула Аполлона пиѳійскаго. Отсюда возникъ миѳъ: „Аполлонъ, полюбивъ Кирену, героическую дѣву, которая жила въ Ѳессаліи, похитилъ ее и перенесъ въ Ливію“, между тѣмъ какъ мы на нашемъ обыкновенномъ языкѣ, это событіе выразили бы такъ: „Ѳессалійскій городъ Кирена выселилъ колонію въ Ливію, подъ ауспиціями (under the auspices) Аполлона.“ Можно привести много другихъ примѣровъ, гдѣ простая замѣна одного глагола другимъ,

болѣе вещественнаго значенія, разомъ снимаетъ съ миѳа его чудесную оболочку *).

Кавнъ называется сыномъ Милета, т. е. въ переводѣ на обыкновенный языкъ: критскіе колонисты изъ Милета основали городъ Кавнъ въ Ликіи. Далѣе миѳъ гласитъ, что Кавнъ бѣжалъ изъ Милета въ Ликію, а сестра его Библосъ, съ горя объ утратѣ брата, превратилась въ источникъ. Здѣсь по ошибкѣ, какъ пользовавшійся бо̀льшею извѣстностію, чѣмъ критскій Милетъ, попалъ Милетъ іонійскій, ибо Библосъ не болѣе, какъ незначительная рѣчка близъ іонійскаго Милета. Еще примѣръ: Павзаній передаетъ за историческій фактъ, что Милетъ, прекрасный отрокъ, бѣжалъ изъ Крита въ Іонію, спасаясь отъ ревности Миноса,—между тѣмъ дѣло состоитъ просто въ томъ, что іонійскій Милетъ былъ колоніею критскаго Милета, а Миносъ славнѣйшимъ изъ критскихъ царей. Или, напримѣръ, Марпесса называется дочерью Эвена — и одинъ миѳъ разсказываетъ, что она была увезена Идой (Idas), — знаменитымъ героемъ изъ роднаго города Марпессы. Въ этомъ миѳѣ заключается тотъ подтверждаемый и другими несомнѣнными свидѣтельствами историческій фактъ, что колонія, вышедшая отъ береговъ рѣки Эвена, основала въ Мессинѣ городъ Марпессу. И здѣсь опять миѳъ не забылъ прибавить, что Эвенъ, послѣ тщетныхъ попытокъ отвоевать дочь у похитителя, съ горя объ утратѣ Марпессы, превратился въ рѣку, подобно сестрѣ Милета—Библосъ.

Когда Греки называютъ себя автохтонами (αὐτόχθονες), намъ кажется, что мы понимаемъ смыслъ этого выраженія. Но, когда преданіе говоритъ намъ, что древнѣйшее названіе Ѳессаліи было πύῤῥα и что Геллинъ былъ сынъ Пирры, Гротъ хочетъ видѣть въ этомъ миѳѣ и утверждаетъ, что сами Греки, по крайней мѣрѣ, никогда не сомнѣвались въ существованіи исторической личности, которая называлась Геллеромъ и женщины, которую звали Пиррой. Быть можетъ, справедливо утверждать это въ отношеніи къ позднѣйшимъ Грекамъ, каковы Гомеръ и Гезіодъ; но понималось ли, могло ли это пониматься такимъ образомъ съ самаго начала? Языкъ всегда былъ тоже, что и теперь: слово всегда имѣло первоначально какое-нибудь зна-

*) См. Mythologie von Kanne § 10, p. XXXII.

ченіе, и тотъ, кто бы онъ впрочемъ ни былъ, кто первый, вмѣсто того, чтобы сказать, что Геллены родились отъ земли, говорилъ о какой-то Пиррѣ, матери Геллена, желалъ, говоря это, выразить какую-нибудь понятную и разумную мысль; не могъ же онъ въ самомъ дѣлѣ разумѣть какого-нибудь Геллена изъ своихъ знакомыхъ и старуху, по имени Пирру; однимъ словомъ: онъ долженъ былъ разумѣть тоже самое, что разумѣемъ мы, когда называемъ Италію—матерью искусствъ.

Даже во времена болѣе близкія къ намъ, нежели тѣ, о которыхъ говоритъ Отфридъ Мюллеръ, мы находимъ, что „миѳологическій способъ выраженія“ былъ въ ходу у поэтовъ и философовъ. Павзаній жалуется на тѣхъ, которые „всюду вносятъ генеалогію и дѣлаютъ Пиѳія сыномъ Дельфа“. Исторія Эрота въ Платоновомъ Федрѣ тоже названа миѳомъ (μῦθος, 254 D, λόγος 257 B), но это не мѣшаетъ Сократу замѣтить иронически — что эта исторія „принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ можно вѣрить и невѣрить“ (τούτοις δὴ ἔξεστι μὲν πείθεσθαι, ἔξεστι δὲ μή). Тамъ же, приводя сказаніе объ египетскомъ богѣ Тейтѣ, онъ выдаетъ его за „сказаніе древности“ (ἀκοὴν γ' ἔχω λέγειν τῶν πρότερων), но Федръ ни на минуту не сомнѣвается, что это — собственное изобрѣтеніе Сократа: „Сократъ“, говоритъ Федръ своему учителю, „какъ легко изобрѣтаешь ты египетскія и всякія сказанія“ (λόγοι). Когда Пиндаръ называетъ Апофазисъ (извиненіе, оправданіе, тоже что, апологія) дочерью Эпиметея, то каждый Грекъ понималъ это миѳологическое выраженіе не иначе, какъ если бы Пиндаръ говорилъ: „оглядка ведетъ къ извиненію“, или: „одумавшись, человѣкъ извиняется“ [1]). Даже у Гомера, когда онъ говоритъ, что хромыя Litae (Мольбы) слѣдуютъ за

---

[1]) Ἐπιμηθεύς—послѣ поступка обдумывающій отъ ἐπιμηθέομαι—обдумывать послѣ поступка противупол. προμηθέομαι, откуда: Προμηθεύς. О Мюллеръ показалъ, что различные поэты придавали различныхъ родителей *Эринніямъ*, смотря по тому, съ какимъ характеромъ выводили послѣднихъ. «Очевидно» — говоритъ онъ въ своемъ «*Опытѣ объ Эвменидахъ*, стр. 181,— эта генеалогія лучше соотвѣтствовала поэтическимъ цѣлямъ и образамъ Эсхила, нежели какая-нибудь изъ ходячихъ генеалогій, производившихъ Эринній отъ Скотоса и Геи (Софоклъ), Кроноса и Эвриномы (въ одномъ произведеніи, приписываемомъ Эпименидѣ), отъ Форкиды (Эвфоріонъ), Геи Эвриноме (Истронъ), отъ Ахеронта и Ночи (Евдемъ), Гадеса и Персефоны (орфическіе гимны), Гадеса и Стикса (Аѳенодоръ и Мнасеасъ). См., впрочемъ, H. D. Müller, *Ares*, p. 67.

Судьбою (Аѵѣ), стараясь умилостивить ее, Грекъ разумѣлъ тоже самое, что разумѣемъ мы, когда говоримъ: „послѣ смерти покаянья не бываетъ“, или когда употребляемъ извѣстную французскую поговорку: „l'enfer est pavé de bonnes intentions“. Точно такъ же и выраженіе: „мольбы, суть дщери Зевса“, едва ли можетъ быть отнесено къ области собственно миѳологіи, ибо Зевсъ считался у Грековъ покровителемъ молящихся, Ζεὺς ἱκετέσιος — отсюда Мольбы называются его дщерями, какъ англичанинъ свободу называетъ дочерью Англіи, или какъ мы говоримъ: „Молитва раждается въ душѣ“.

Но не смотря на ихъ миѳическую окраску, всѣ эти выраженія еще нельзя признать миѳами. Существенный характеръ настоящаго миѳа состоитъ именно въ томъ, что для объясненія его оказываются недостаточными сближенія съ оборотами обыкновенной разговорной рѣчи. Одною пластической изобразительностью языка въ древнюю пору (смотри сказанное выше объ образованіи именъ и глаголовъ) нельзя объяснить, какимъ образомъ миѳъ можетъ утратить способность выражать первоначально заключавшійся въ немъ смыслъ, какимъ образомъ утрачивается самое сознаніе этого первоначальнаго смысла. Трудностью образованія именъ и глаголовъ съ отвлеченнымъ значеніемъ мы можемъ объяснить только присутствіе аллегорическаго элемента въ поэзіи древнихъ, но миѳологія остается по прежнему загадкой. Поэтому должно призвать на помощь другой могучій элементъ, участвовавшій въ образованіи древняго языка, элементъ, для котораго я не нахожу лучшаго названія, какъ: *поліонимизмъ* (polyonymy, многоименность) и *синонимизмъ* (synonymy, соименность). [1]) Большая часть названій, какъ мы это видѣли прежде, были первоначально нарицательными или эпитетами, въ которыхъ выражалось то свойство, которое въ данный моментъ представлялось наиболѣе выдающимся, наиболѣе характеристическимъ признакомъ какого-нибудь предмета. Но такъ какъ у каждаго предмета есть нѣсколько признаковъ и такъ какъ съ извѣстной точки зрѣнія каждый изъ этихъ признаковъ могъ послужить поводомъ для наименованія предмета, то естественно большая часть предметовъ въ эту раннюю

[1]) См. мое письмо къ Бунзену *О туранскихъ языкахъ* p. 35.

пору носили нѣсколько наименованій. Съ теченіемъ времени бо́льшая часть изъ нихъ оказались лишними и въ литературномъ, классическомъ языкѣ были замѣнены какимъ-нибудь однимъ, которое стало какъ бы собственнымъ именемъ предмета. Чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ онъ богаче синонимами (сименными).

Постоянное употребленіе синонимовъ должно было съ другой стороны вызвать множество гомонимовъ. Положимъ, что у насъ будетъ пятьдесятъ различныхъ названій солнца, изъ которыхъ каждое выражаетъ какое-нибудь свойство этого свѣтила: между этими названіями непремѣнно должны оказаться нѣкоторыя, которыя будутъ приложимы къ другимъ предметамъ, имѣющимъ то или другое общее съ солнцемъ свойство. Всѣ эти предметы получатъ одно общее названіе, будутъ гомонимы (одноименныя).

Такъ, напр. въ Ведахъ земля называется: urvî (пространная), prithwî (широкая), mahî (великая), и кромѣ того имѣетъ множество другихъ наименованій, число конхъ, по показаніямъ Nighantu, въ совокупности доходитъ до двадцати одного. Всѣ эти двадцать одно слово — синонимы. Но словомъ urvî (пространная) называется не только земля, но и рѣка; Prithwî называютъ не только землю, но и небо и зорю. Эпитетъ mahî (великій, сильный) наравнѣ съ землею прилагается къ коровѣ и къ человѣческой рѣчи. Потому земля, рѣка, небо, заря, корова, рѣчь— гомонимы. Впрочемъ всѣ эти наименованія просты и понимаются сами собою. Но большая часть древнихъ наименованій, которыя языкъ создаетъ, находясь на первыхъ ступеняхъ своей жизни, такъ сказать, въ первомъ порывѣ поэтическаго одушевленія юности, основаны на смѣлыхъ метафорахъ. Какъ скоро забывались эти метафоры — всего чаще меркло и измѣнялось первоначальное значеніе корней, отъ которыхъ произошли эти слова. Многія изъ этихъ словъ, естественно, должны были утратить не только свой этимологическій, коренной, но и переносный, поэтическій смыслъ. Изъ поэтическихъ метафоръ они обращались въ простыя, условныя названія и уже безсознательно по преданію переходили отъ одного поколѣнія къ другому: вполнѣ понятныя, быть можетъ, дѣду, еще довольно вразумительныя для отца, они непремѣнно становились чуждыми для сына и бывали превратно перетолкованы внукомъ. Такія превратныя толкованія или недоразумѣнія могли возник-

нуть разными путями. Могло забыться коренное значеніе слова: тогда слово, первоначально бывшее нарицательнымъ (appellative) или *именемъ*—nomen, въ этимологическомъ значеніи этого слова (nomen вмѣсто gnomen, quo gnoscimus res, то, почему узнается предметъ, какъ natus отъ gnatus), обращается въ простой звукъ, становится *именемъ* въ настоящемъ значеніи этого слова, т. е. простымъ условнымъ названіемъ. Такъ Ζεύς, — первоначально одно изъ названій неба, подобно санскритскому *dyâus*, мало по малу обратилось въ собственное имя, нарицательное значеніе котораго просвѣчиваетъ только въ нѣкоторыхъ поговоркахъ, каковы: Ζεύς ὕει (дождитъ, идетъ дождь) или «sub Jove frigido» (подъ открытымъ небомъ).

Часто случалось, что, забывъ настоящій этимологическій смыслъ какого-нибудь слова, навязывали ему новое значеніе, руководясь въ этомъ случаѣ какимъ-то этимологическимъ чутьемъ, которое не совершенно утратилось даже въ новыхъ языкахъ. Такъ Λυκηγενής, т. е. *свѣторожденный*, *сынъ свѣта*—Аполлонъ превратился въ сына Ликіи (*отъ Ликіи рожденный*); эпитетъ Δήλιος, т. е. свѣтлый — послужилъ поводомъ къ происхожденію мѳа о рожденіи Аполлона на островѣ Делосѣ.

Съ другой стороны въ тѣхъ случаяхъ, когда въ языкѣ было два названія для одного предмета или явленія, изъ этихъ двухъ названій возникали двѣ отдѣльныя личности, и такъ какъ каждой изъ нихъ приписывалась также самая судьба, о каждой разсказывались однѣ и тѣ же похожденія, то эти двѣ личности естественно представлялись или братомъ и сестрой, или отцемъ и сыномъ и т. д. Вотъ почему мы находимъ у Грековъ Selene *мѣсяцъ* рядомъ съ Мене, тоже *мѣсяцъ*, Helios, *солнце*, и Phoebos — тоже самое; въ большей части греческихъ героевъ можно открыть очеловѣченныя черты греческихъ боговъ, а въ именахъ этихъ героевъ—первоначальные эпитеты ихъ божественныхъ прототиповъ. Еще чаще случалось, что прилагательное, постоянно соединяемое съ извѣстнымъ именемъ для обозначенія какого-нибудь предмета, вмѣстѣ съ этимъ именемъ переносилось и на другой предметъ. Что говорилось напр. о морѣ, потомъ приписывалось и небу; или напримѣръ солнце, разъ будучи названо львомъ или волкомъ, скоро получало когти и гриву въ постоянный аттрибутъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

животная метафора совершенно не имѣлась въ виду. Такимъ образомъ солнце съ его золотыми лучами могло быть названо *златоруким*, потому только что слово *рука* значило въ то же время и *лучъ*. Но въ приложеніи къ Аполлону или къ Индрѣ, эпитетъ „златорукій“ развивался въ цѣлый миѳъ, который мы встрѣчаемъ какъ въ германской, такъ и въ санскритской миѳологіи: и та и другая повѣствуютъ, что Индра лишился руки, которая потомъ была замѣнена *золотой*.

Такимъ образомъ мы уже имѣемъ нѣсколько ключей къ тайнамъ миѳологіи, но самому способу ихъ употребленія можно научиться только съ помощію сравнительной филологіи. Какъ во французскомъ языкѣ трудно бываетъ угадать коренное значеніе многихъ словъ, не прибѣгая къ сравненіямъ съ родственными словами въ языкахъ итальянскомъ, испанскомъ или провансальскомъ; такъ точно и происхожденія многихъ греческихъ словъ нельзя объяснить безъ сближеній съ болѣе или менѣе сохранившимися остатками родственныхъ словъ въ языкахъ: нѣмецкомъ, латинскомъ, славянскомъ и санскритскомъ. Къ сожалѣнію между этими древнѣйшими языками ни одинъ не имѣетъ такого значенія, какое для романскихъ языковъ имѣетъ языкъ латинскій, съ помощію котораго мы можемъ опредѣлить, въ какой степени первообразна форма каждаго слова въ языкахъ: французскомъ, итальянскомъ и испанскомъ. Санскритскій нельзя назвать отцемъ латинскаго и греческаго языка, какъ латинскій можно назвать отцемъ всѣхъ романскихъ нарѣчій. Но, хотя санскритъ только братъ между братьями, тѣмъ не менѣе братъ старшій, потому что его грамматическія формы дошли до насъ въ древнѣйшемъ, болѣе первобытномъ видѣ; вотъ почему, какъ скоро удастся прослѣдить видоизмѣненія какого-нибудь греческаго или латинскаго слова до соотвѣтствующей ему формы въ санскритѣ, это уже почти всегда дастъ намъ возможность объяснить его построеніе (formation) и опредѣлить его первоначальное значеніе. Какъ бы мы, напримѣръ, узнали первоначальное значеніе словъ: πατήρ, μήτηρ и θυγάτηρ *), если бы наши изысканія должны были

*) Вотъ образчикъ этимологическаго словотолкованія ученыхъ древней Греціи изъ Etymologicum Magnum: — Θυγάτηρ, παρὰ τὸ θύειν καὶ ὀχμᾶν κατὰ γαστρός. ἐκ τοῦ θύω καὶ τοῦ γαστήρ. λέγεται γὰρ τὰ θήλεα ταχὺ κινεῖσθαι ἐν τῇ μήτρᾳ.

ограничиться однимъ греческимъ языкомъ? Но какъ скоро мы возводимъ эти слова къ санскриту, ихъ первоначальный смыслъ становится совершенно яснымъ. О. Миллеръ одинъ изъ первыхъ увидѣлъ и призналъ, что классическая филологія всѣ этимологическія изысканія должна предоставить филологіи сравнительной, и что происхожденіе греческихъ словъ средствами одного только греческаго языка объяснено быть не можетъ. Это имѣетъ особую силу въ примѣненіи къ именамъ миѳологическимъ. Для того, чтобы какое-нибудь слово получило миѳологическій смыслъ, необходимо, чтобы въ языкѣ утратилось или затемнилось сознаніе первоначальнаго, собственнаго значенія этого слова. Такимъ образомъ слово, которое въ одномъ языкѣ является съ миѳологическимъ значеніемъ, очень часто въ другомъ имѣетъ совершенно простой и общепонятный смыслъ. Напримѣръ Англичане (такъ же какъ и Русскіе) говорятъ: „солнце садится“ («the sun sets») и говорятъ это, конечно, безсознательно, по привычкѣ; а между тѣмъ въ германской миѳологіи солнцу дѣйствительно придается сѣдалище или престолъ, на которомъ оно возсѣдаетъ, подобно тому какъ у древнихъ Грековъ Эосъ (заря) также называлась „златотронной“, „χρυσόθρονος“, или какъ новые Греки о заходящемъ солнцѣ говорятъ: ἥλιος βασιλεύει. Мы не соединяемъ никакого представленія съ именемъ Гекаты, но понимаемъ съ перваго раза, что значитъ Ἑκατος и Ἑκατηβόλος (далеко-разящій, эпитетъ Аполлона). Мы не знаемъ, что такое Lucina, но ни мало не затрудняемся на счетъ слова Luna, которое между тѣмъ есть ничто иное, какъ сокращенное Lucna. Такъ называемая индусская миѳологія имѣетъ мало или вовсе не имѣетъ значенія для сравнительныхъ изслѣдованій. Всѣ сказанія о Шивѣ, Вишну, Магадевѣ, Парвати, Кали, Кришнѣ и пр.— позднаго происхожденія; они возникли уже на индійской почвѣ, (т. е. уже послѣ выдѣленія Индусовъ изъ обще-арійской семьи) и исполнены странныхъ и фантастическихъ вымысловъ. Но между тѣмъ какъ позднѣйшая миѳологія Пуранъ и эпическихъ поэмъ не представляетъ почти никакого матеріала для занимающагося сравнительной миѳологіей, въ Ведахъ сохранился цѣлый міръ первобытной, естественной и удобопонятной миѳологіи. Миѳологія Ведъ для сравнительной миѳологіи имѣетъ тоже самое значеніе, какое санскритъ имѣетъ для сравнительной грамматики.

Къ счастію въ Ведахъ миѳологія не успѣла еще сложиться въ опредѣленную систему. Одни и тѣже рѣченія употребляются въ одномъ гимнѣ какъ нарицательныя, въ другомъ—какъ имена боговъ. Одно и тоже божество занимаетъ разныя мѣста, становится то выше, то ниже остальныхъ боговъ, то уравнивается съ ними. Все существо ведійскихъ боговъ, такъ сказать, еще прозрачно; первоначальныя представленія, изъ которыхъ возникли эти божественные типы, еще совершенно ясны. Родословныя и брачныя связи боговъ еще не установились: отецъ иногда оказывается сыномъ, братъ — мужемъ; богиня, которая въ одномъ миѳѣ является матерью, въ другомъ играетъ роль жены. Мѣнялись представленія поэтовъ — мѣнялись свойства и роли боговъ. Нигдѣ такъ рѣзко не чувствуется огромное разстояніе, отдѣляющее древнія поэмы Индіи отъ самыхъ раннихъ начатковъ греческой литературы, какъ при сравненіи еще неуспѣвшихъ установиться, находящихся еще въ процессѣ развитія ведійскихъ миѳовъ съ достигшими полнаго, окончательнаго развитія и уже разлагающимися миѳами, на которыхъ основана поэзія Гомера. Настоящая ѳеогонія арійскихъ племенъ—Веды, между тѣмъ какъ Ѳеогонія Гезіода не болѣе, какъ искаженная карикатура первоначальнаго образа. Чтобы убѣдиться, въ какой степени духъ человѣческій, хотя ему отъ природы присуще сознаніе высшей божественной силы, неизбѣжно подчиняется неотразимому вліянію языка во всемъ, что касается сверхъестественныхъ и отвлеченныхъ представленій, слѣдуетъ читать *Веды*. Если хотите объяснить Индусу, что боги, которымъ онъ поклоняется—не болѣе, какъ названія явленій природы, — названія, которыя мало по малу утратили собственный, первоначальный смыслъ, олицетворились, наконецъ были обоготворены,—чтобы объяснить это Индусу, заставьте его читать *Веды*. Едвали разсчетливо поступали древніе отцы церкви, признавая языческихъ боговъ [1]) за демоновъ, за злыхъ духовъ;

[1]) Аристотель высказалъ свое мнѣніе о греческихъ богахъ въ одномъ мѣстѣ своей *Метафизики*. Онъ нападаетъ на идеи Платона, старается показать заключающіяся въ нихъ противорѣчія, называетъ ихъ αἰθηταὶ ἀΐδια, безсмертными смертными (eternal uneternals), т. е. не имѣющими дѣйствительнаго, реальнаго существованія, какое при-

будемъ остерегаться, чтобы не впасть въ ту же самую ошибку относительно боговъ индусскихъ. Эти боги имѣютъ не болѣе правъ на признаніе за ними реальнаго существованія (substantive existence), чѣмъ греческія Эосъ (заря) или Гемера (день), чѣмъ Ночь (Nyx) или Апатэ (обманъ). Это маски, за которыми никогда не было живыхъ актеровъ, — не создатели человѣка, а его собственныя созданія; nomina (имена, названія), а не numina (божества); имена безъ содержанія, а не существа, которымъ нѣтъ имени.

Безъ сомнѣнія, есть примѣры, что греческій, латинскій или германскій миѳъ можетъ быть объясненъ изъ элементовъ одного греческаго, латинскаго или германскаго языка, подобно тому, какъ въ греческомъ много словъ, этимологическій смыслъ которыхъ можетъ быть объясненъ безъ помощи санскрита или готскаго языка. Мы начнемъ съ миѳовъ этого послѣдняго разбора, какъ болѣе легкихъ, чтобы потомъ уже перейти къ болѣе труднымъ, для которыхъ приходится добывать свѣтъ издалека. отъ снѣжныхъ скалъ Исландіи, изъ пѣсней *Эдды* или съ береговъ „Седмирѣчія“, изъ гимновъ Ведъ.

Роскошное воображеніе, быстрота постиженія, живость умственныхъ способностей и неистощимое разнообразіе фантазіи, отличавшія Грековъ, легко объясняютъ, почему послѣ раздѣленія арійскаго племени не было языка богаче греческаго, не было миѳологіи разнообразнѣе греческой миѳологіи Создаваясь съ изумительной легкостью, слова забывались также легко, съ той безпечностью, которую придаетъ геніальнымъ людямъ сознаніе въ себѣ неистощимыхъ творческихъ силъ. Первоначальное созданіе каждаго слова было цѣлой маленькой поэмой, въ которой воплощались или смѣлая метафора или свѣтлое воззрѣніе на міръ. Но, подобно народной поэзіи Грековъ, эти слова, будучи разъ усвоены преданіемъ и ужившись въ языкѣ семьи, города или цѣлаго племени, въ мѣстныхъ діалектахъ или во всенародной рѣчи Греціи, скоро, если такъ можно выразиться, забывали о

писываются имъ людьми, которые утверждаютъ, что боги существуютъ, но въ то же время придаютъ имъ человѣческій образъ, дѣлая изъ нихъ такимъ образомъ «безсмертныхъ смертныхъ» — противорѣчіе, само себя уничтожающее.

томъ, кто ихъ создалъ, о поэтѣ, которому они были обязаны своимъ происхожденіемъ. Ихъ родословная и первоначальный смыслъ были неизвѣстны самимъ Грекамъ; этимологическое значеніе ихъ затруднило бы самаго остроумнаго антикварія. Но Греки заботились объ этимологической генеалогіи словъ своего языка такъ же мало, какъ мало интересовались они знать имя каждаго пѣвца, который, первый, сложилъ пѣсню о подвигахъ какого-нибудь Менелая или Діомеда. Какъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи ихъ любознательность удовлетворялась однимъ Гомеромъ, такъ точно они хватались за всякое этимологическое производство, объяснявшее хотя одну какую-нибудь сторону въ значеніи слова, тѣмъ болѣе, что остроумнымъ догадкамъ, не стѣсненнымъ никакими историческими соображеніями, открывалось обширное поле. Извѣстно, какъ Сократъ, подъ вліяніемъ минуты, превращаетъ Эрота въ бога крыльевъ; Гомеръ такъ же мало затрудняется на счетъ этимологическихъ производствъ, полезныхъ по стольку, по скольку они доказываютъ, что настоящее этимологическое значеніе именъ боговъ было утрачено и забыто еще задолго до Гомера.

Всего удобнѣе проникнуть въ первоначальный смыслъ греческаго мѳа, когда у нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ въ ономъ лицъ сохранились имена, смыслъ которыхъ понятенъ изъ греческаго языка. Такія имена, какъ Эосъ, Селена, Геліосъ, Герса даютъ свою собственную исторію, даютъ точку опоры (πού στῶ) для истолкованія всего остальнаго содержанія мѳа. Возьмемъ прекрасный мѳъ о Селенѣ и Эндиміонѣ. Эндиміонъ — сынъ Зевса и Калики, но въ тоже время сынъ элидскаго царя Аэтлія, который въ свою очередь считается сыномъ Зевса и которому Эндиміонъ, по преданію, наслѣдовалъ на элидскомъ престолѣ. Это обстоятельство указываетъ на мѣстное значеніе нашего мѳа, свидѣтельствуя во всякомъ случаѣ, что мѣстомъ его происхожденія была Элида и что, по греческому обычаю, элидскіе цари вели свою родословную отъ Зевса. Тотъ же самый обычай господствовалъ въ Индіи; оттого произошли два великіе царственные рода древней Индіи, такъ называемый—*рода солнца и рода луны* (Solar and Lunar races). Пуруравасъ, о которомъ подробнѣе впослѣдствіи,

говоритъ о себѣ: „великій владыка дня и царь ночи—мои предки; я внукъ ихъ“....

Потому можно допустить существованіе въ Элидѣ царя Аэтлія; у него могъ быть сынъ Эндиміонъ; но съ царемъ элидскимъ не могло случиться того, что миѳъ повѣствуетъ объ Эндиміонѣ. Миѳъ переноситъ Эндиміона въ Карію, на гору Латмосъ, потому что въ пещерѣ этой горы Селена увидѣла спящаго красавца, здѣсь плѣнилась имъ и здѣсь же утратила своего возлюбленнаго. Значеніе Селены не подлежитъ никакому сомнѣнію; и, если бы даже въ преданіи сохранилось одно только другое ея имя, Asterodia, мы тѣмъ не менѣе не могли бы перевести этого синонима иначе, какъ словомъ: мѣсяцъ, потому что Asterodia значитъ: «Путникъ среди звѣздъ». Но кто же былъ Эндиміонъ? Это одно изъ многихъ именъ солнца, но въ особенности заходящаго или умирающаго солнца. Это слово происходитъ отъ глагола ἐν-δύω, который, въ классическомъ языкѣ Греціи, никогда не употребляется о солнцѣ въ смыслѣ захожденія, ибо это послѣднее значеніе утвердилось разъ навсегда за простымъ глаголомъ δύω. Выраженію Δυσμαὶ ἡλίου, захожденіе, противополагается ἀνατολαί, восхожденію солнца. Δύω первоначально значило *погружаться*; и такія выраженія, какъ: ἥλιος δ᾽ ἂρ ἔδυ, солнце погрузилось, предполагаютъ болѣе раннее представленіе: ἔδυ πόντον — погрузилось въ море. Припомнимъ слова, съ которыми Ѳетида обращается къ своимъ спутницамъ, Ил. XVIII, 140:

Ὑμεῖς μὲν νῦν δῦτε θαλάσσης εὐρέα κόλπον,
Сестры мои! Погрузитеся въ лоно пространное моря.

Тоже самое представленіе солнца, погружающагося въ морскія волны, мы встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ, преимущественно у народовъ приморскихъ; напримѣръ, въ латинскомъ: «Cur *mergat* seras aequore flammas» [1]). Въ древне-скандинавскомъ: «Sôl gengr i aegi». Нѣкоторыя изъ племенъ славянскихъ представляютъ солнце женщиной, которая предъ наступленіемъ ночи погружается въ купальню, а утромъ встаетъ освѣженная и омытая, или называютъ море матерью солнца, въ объятія которой оно опускается каждый вечеръ. Потому можно

[1]) Grimm's Mythologie p. 704.

предположить, что въ какомъ-нибудь греческомъ нарѣчіи ἐνδύω имѣло тоже самое значеніе и что отъ ἐνδύω произошло ἐνδύμα — захожденіе солнца. Отъ ἐνδύμα потомъ образовалось ἐνδυμίων, какъ отъ οὐρανός — οὐρανίων и какъ большая часть названій греческихъ мѣсяцевъ. Если бы ἐνδύμα вошло въ употребленіе, какъ общепринятый терминъ для означенія солнечнаго заката, то никогда не могло бы возникнуть миѳа объ Эндиміонѣ. Но какъ скоро первоначальное значеніе Эндиміона было забыто, осталось одно собственное имя, къ которому стали относить все, что первоначально относилось къ солнцу. Чтобы сохранить какой-нибудь смыслъ, это имя должно было олицетвориться въ образѣ бога или героя. *Прежде* говорили, что заходящее солнце спитъ въ Латмійской пещерѣ, т. е. въ пещерѣ ночи, ибо Латмосъ происходитъ отъ одного корня съ словами: Лѣто, Латона, ночь; *потомъ* пещера ночи была замѣнена опредѣленной географической мѣстностью, а именно горой Латмосъ въ Каріи. *Прежде* подъ этимъ Эндиміономъ, который погружается въ вѣчный сонъ послѣ однодневной жизни, разумѣлось заходящее солнце — сынъ Зевса, т. е. яснаго неба, и Калике — все покрывающей ночи (отъ καλύπτω), а по другому сказанію, сынъ Зевса и Протогеніи, т. е. перворожденной богини — Зари, которая постоянно представляется матерью, сестрой или покинутой супругой Солнца. *Потомъ* въ Эндиміонѣ стали видѣть элидскаго царевича: поводомъ къ этому, вѣроятно, послужило извѣстное обыкновеніе греческихъ царей выбирать для своихъ дѣтей имена съ добрымъ предзнаменованіемъ (of good omen), имѣвшія какое-нибудь отношеніе къ солнцу, мѣсяцу или звѣздамъ. Въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ именемъ свѣтила на его смертнаго соименника переносился и самый миѳъ, съ этимъ именемъ связанный. На древнемъ поэтическомъ языкѣ Элиды существовало нѣсколько изрѣченій: „Селена любитъ Эндиміона и сторожитъ его“, т. е. становится поздно, вечереетъ; „Селена заключаетъ Эндиміона въ свои объятія“, т. е. мѣсяцъ всходитъ, когда сядетъ солнце; „Селена

*) Лауеръ въ своемъ сочиненіи: System der griechischen Mythologie, переводитъ: Endymion словомъ Taucher т. е. погружающійся. Герхардъ (Gerhard) въ своей Griech. Mythologie утверждаетъ, что ἐνδυμίων значитъ: ὁ ἐν δύμῃ ὤν.

своими поцѣлуями погружаетъ въ сонъ Эндиміона", т. е. настаетъ ночь. Народъ давно пересталъ понимать первоначальный смыслъ этихъ изрѣченій, но самыя изрѣченія продолжали употребляться долгое время спустя, и такъ какъ человѣкъ стремится узнать причину каждаго явленія и готовъ выдумать какую-нибудь, когда настоящая причина неизвѣстна, то въ народѣ, какъ бы по общему соглашенію и независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ, сложилось представленіе, что этотъ Эндиміонъ былъ какой-то юноша, любимый юною дѣвой, по имени Селеной. И если дѣти, не довольствуясь такимъ объясненіемъ, съ свойственнымъ дѣтскому возрасту любопытствомъ домогались узнать объ этомъ поподробнѣе, то всегда находилась какая-нибудь старушка-бабушка, готовая добавить, что этотъ юный Эндиміонъ былъ сынъ Протогенеп (при чемъ сама разскащица развѣ смутно сознавала, что подъ этимъ именемъ первоначально разумѣлась Заря, изъ нѣдръ которой родится Солнце), или сынъ Калики, мрачной и все одѣвающей своимъ покровомъ Ночи. Сколько другихъ, новыхъ нитей затрогивалось въ связи съ именемъ Эндиміона! Такъ напримѣръ, можно было предположить три или четыре (какъ мы дѣйствительно и находимъ у древнихъ поэтовъ) различныхъ причины для объясненія этого непробуднаго сна, которымъ былъ объятъ Эндиміонъ, и стоило какому-нибудь народному пѣвцу намекнуть на одну изъ этихъ причинъ, чтобы она стала миѳологическимъ фактомъ, который потомъ повторялся позднѣйшими поэтами; и вотъ Эндиміонъ мало по малу сталъ типомъ, не уже не заходящаго солнца, а просто цвѣтущаго юноши, любимаго чистой дѣвой, и для какого-нибудь царевича нельзя было найдти болѣе приличнаго имени, чѣмъ Эндиміонъ. Много миѳовъ было такимъ образомъ, на основаніи одного только сходства въ имени, перенесено на дѣйствительныя личности, хотя, касательно Эндиміона, должно сознаться, мы не имѣемъ никакихъ историческихъ доказательствъ, что въ Элидѣ дѣйствительно существовалъ когда-нибудь царевичъ этого имени.

Такъ растетъ и развивается сказаніе, первоначально — простое слово, ῥῆσις, вѣроятно, изъ многочисленнаго разряда словъ съ областнымъ значеніемъ, которыя ходятъ только въ извѣстной мѣстности, и внѣ оной теряютъ свою силу. Такія слова не

употребляются при ежедневномъ размѣнѣ мыслей, они—то же, что для массы - вышедшая изъ обращенія монета, которую не бросаютъ однако, а берегутъ, какъ любопытную рѣдкость, или какъ украшеніе, пока наконецъ черезъ нѣсколько столѣтій она попадетъ въ руки антикварія и этотъ послѣдній разгадаетъ ея надпись и настоящее значеніе. Къ сожалѣнію греческія сказанія не дошли до насъ въ томъ первобытномъ видѣ, въ какомъ онѣ переходили нѣкогда изъ устъ въ уста между сельскимъ или горнымъ населеніемъ древней Греціи (подобно тѣмъ преданіямъ, которыя Гриммъ собралъ въ своей Миѳологіи изъ устъ нѣмецкаго простонародья),—въ томъ видѣ, какъ ихъ передавали нѣкогда молодому, подростающему поколѣнію старшіе члены семьи, уже сами только въ половину понимая настоящій смыслъ передаваемаго, совершенно непонятный для молодыхъ, — въ томъ видѣ, какъ эти сказанія пѣлись нѣкогда среди возникающаго города какимъ-нибудь поэтомъ, который, соединяя ходившія въ околодкѣ сказанія въ стройную, связную поэму, тѣмъ самымъ сообщалъ этимъ сказаніямъ однажды навсегда постоянную, опредѣленную форму. У Гомера,—кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ передаетъ какое-нибудь мѣстное сказаніе,—все уже приведено въ систему, начало которой составляетъ ѳеогонія, центръ—осада Трои, конецъ—возвращеніе героевъ. Но сколькихъ отдѣловъ греческой миѳологіи Гомеръ ни разу даже не коснулся! За Гомеромъ слѣдуетъ Гезіодъ — моралистъ и догматикъ; онъ также даетъ не болѣе, какъ только ничтожный отрывокъ миѳологическаго языка Греціи. Такимъ образомъ нашъ главный источникъ составляютъ древніе лѣтописцы (chroniclers), которые смотрѣли на миѳологію, какъ на исторію, и брали изъ нея лишь столько, сколько было нужно для ихъ цѣли. Но эти лѣтописцы также не дошли до насъ, и мы можемъ только предполагать, что они послужили источникомъ, изъ котораго заимствовали свои свѣдѣнія позднѣйшіе писатели, каковы Аполлодоръ и схоліасты. Потому первое дѣло всякаго, кто занимается миѳологическими изслѣдованіями, состоитъ въ томъ, чтобы распутать эту сѣть, отдѣлить позднѣйшую наслойку, отдѣлить все систематизирующее, и возстановить каждый миѳъ въ его первоначальномъ видѣ, еще не подведенномъ подъ извѣстную систему. Много случайнаго и несущественнаго придется совсѣмъ

откинуть, и когда намъ удастся снять слой ржавчины, нанесенный вѣками, тогда мы должны, какъ это дѣлаютъ съ старинной монетой, прежде всего опредѣлить,—такъ сказать по характеру чекана, — мѣстность и, если можно, вѣкъ каждаго миѳа; и какъ старинныя монеты, по металлу, изъ котораго онѣ вычеканены, сортируютъ на золотыя, серебряныя и мѣдныя, такъ и въ миѳахъ слѣдуетъ тщательно отдѣлить сказанія о богахъ отъ сказаній о герояхъ и сказаній о простыхъ смертныхъ. Тогда, если мы наконецъ успѣемъ разгадать древнія имена и сказанія греческой или какой бы то ни было другой миѳологіи, мы увидимъ, что прошедшее, которое намъ представляется въ греческой миѳологіи, когда-то было настоящимъ, что въ этихъ окаменѣлыхъ остаткахъ заключены слѣды органической мысли, и что эти окаменѣлости жили нѣкогда на поверхности греческаго языка. Такъ, сказаніе объ Эндиміонѣ было настоящимъ въ то время, когда жителю Элиды былъ понятенъ смыслъ древняго выраженія: *луна* (Селена) *поднимается подъ покровомъ ночи* (иначе: въ Латмійской пещерѣ), *и, въ безмолвномъ упоеніи, любуется красой заходящаго солнца* — спящаго Эндиміона, Зевсова сына, которому достался отъ отца двойной даръ: непрерывнаго сна и вѣчной юности.

Въ Эндиміонѣ не слѣдуетъ видѣть солнце, въ значеніи божества, какимъ оно является въ образѣ Феба-Аполлона; Эндиміонъ есть воплощеніе свѣтила въ его ежедневномъ теченіи; рано утромъ оно встаетъ изъ нѣдръ зари, и вечеромъ, свершивъ свой блестящій, но скоротечный путь, заходитъ, чтобы никогда болѣе не возвращаться къ этому смертному бытію. Такія представленія очень обыкновенны въ арійской миѳологіи, и съ этой-то точки зрѣнія солнце представляется то божественнымъ, но непричастнымъ безсмертію, то — живымъ, но погруженнымъ въ сонъ, то — смертнымъ, осчастливленнымъ любовью богини, но обреченнымъ общей участи смертнаго человѣчества. Такъ *Тиѳонъ* (это имя происходитъ отъ того же корня, какъ и Титанъ [1]) первоначально также выражалъ идею солнца въ дневномъ или годичномъ значеніи свѣтила. Тиѳонъ, подобно Эндиміону, не обладаетъ полнымъ без-

[1]) Ἀφελὼς δ' ἔλαμψε Τίταν. — *Anakreontea*, 47.

смертіемъ Зевса или Аполлона. Онъ пребываетъ вѣчно-юнымъ, но въ то же время осужденъ на вѣчный сонъ. Тиѳону боги даровали безсмертіе, но Эосъ забыла испросить вѣчную юность для своего любимца, и вотъ онъ, дряхлый старикъ, осужденъ вѣчно томиться въ объятіяхъ своей вѣчно-юной супруги, которая любила его, когда онъ былъ цвѣтущимъ юношей, и не перестаетъ лелѣять, когда онъ состарѣлся. Другія сказанія, не задумываясь надъ противорѣчіями или готовыя разрѣшить ихъ иногда самымъ насильственнымъ способомъ, называютъ Тиѳона сыномъ Эосъ и Кефала, подобно тому, какъ Эндиміона называли сыномъ Протогенеи, т. е. Зари. Эта свобода въ обращеніи съ миѳомъ показываетъ, что въ первое время Грекъ сознавалъ очень хорошо, что̀ такое значили слова: *каждое утро Эосъ покидаетъ ложе Тиѳона*. Пока этотъ способъ выраженія былъ понятенъ, миѳъ, можно сказать, былъ настоящимъ; онъ обратился въ прошедшее, какъ скоро Тиѳонъ превратился въ юношу изъ рода троянскихъ царей, одного изъ сыновей Лаомедона, брата Пріамова. Тогда выраженіе: „Эосъ утромъ покидаетъ ложе Тиѳона“ получило миѳическій характеръ и условный смыслъ. Далѣе, такъ какъ Тиѳонъ превратился въ троянскаго царевича, то сыну его, Эѳіопскому Мемнону должна была достаться роль въ Троянской войнѣ. И между тѣмъ — какъ странно! — даже въ эту пору, въ сознаніи поэта, казалось, еще смутно просвѣчивала древняя миѳическая основа! — ибо въ сказаніи о томъ, какъ Эосъ оплакиваетъ своего сына, прекраснаго Мемнона, слезы ея называются „утренней росой“, такъ что въ этомъ случаѣ, прошедшее можно сказать, было еще въ половину настоящимъ.

Упомянувъ о Кефалѣ, какъ о возлюбленномъ Эосъ и отцѣ Тиѳона, мы можемъ прибавить, что Кефалъ, подобно Тиѳону и Эндиміону, было однимъ изъ многочисленныхъ именъ солнца. Кефалъ — восходящее солнце, глава свѣта — выраженіе, нерѣдко, въ различныхъ миѳологіяхъ, прилагаемое къ солнцу. Въ *Ведахъ*, гдѣ очень часто встрѣчаются обращенія къ солнцу подъ именемъ коня, главой коня всегда именуется восходящее солнце. Такъ, поэтъ говоритъ (Ригъ-В. I, 163, 6): „я позналъ тебя духомъ, когда ты былъ еще далеко, — тебя, птица, возносящаяся изъ-подъ облаковъ; я узрѣлъ окрыленную гла-

ву, текущую путями ровными и чистыми отъ праха". Германскіе народы также иногда именуютъ солнце глазомъ (подобно тому, какъ Гезіодъ говоритъ о всевидящемъ и все обозрѣвающемъ окѣ Зевса: πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμὸς καὶ πάντα νοήσας), или лукомъ Одина *). Въ Ведахъ солнце также называется (I, 115, 1) „лукомъ боговъ" или „лукомъ Aditi" (I. 113, 9): „вѣтры", читаемъ въ Ведахъ, „омрачаютъ око солнца потоками дождя" (V. 59, 5). Подобному же представленію у Грековъ соотвѣтствуетъ имя Кефала; и, если Кефалъ называется сыномъ Герсы — Росы, то на языкѣ миѳологіи это значило то самое, что мы выразили бы такъ: „солнце всходитъ надъ росистыми полями". О Кефалѣ повѣствуется, что онъ былъ сыномъ Прокриды, любилъ ее и оба поклялись въ вѣчной вѣрности другъ другу. Эосъ, пылая любовью къ Кефалу, признался ему въ своемъ чувствѣ, но Кефалъ, вѣрный обѣту, отвергъ любовь богини. Эосъ знала, кто ея соперница, и предложила Кефалу оставаться вѣрнымъ женѣ, пока Прокриса, первая, не нарушитъ обѣта вѣрности. Кефалъ принялъ вызовъ: переодѣтый путникомъ явился къ своей супругѣ, и, не узнанный ею, успѣлъ снискать ея любовь. Узнавъ свой позоръ, Прокриса скрылась на островъ Критъ. Здѣсь Діана подарила ей копье и собаку, которыя не знаютъ промаха, и съ этимъ даромъ Прокриса возвратилась къ мужу, переодѣвшись охотникомъ. Они отправились вмѣстѣ на охоту, и Кефалъ сталъ просить ее уступить ему чудесную собаку и копье. Прокриса согласилась, но въ замѣнъ потребовала его любви, и, когда онъ уступилъ ея желаніямъ, она открылась ему и была снова принята Кефаломъ. Но Прокриса не переставала трепетать прелестей Эосъ, и разъ, въ то время, когда она ревниво подглядывала за мужемъ, онъ неумышленно убилъ ее тѣмъ самымъ копьемъ, которое никогда не пролеталo мимо цѣли.

Прежде чѣмъ приступимъ къ объясненію этого мива, который, впрочемъ, имѣетъ множество варіантовъ у греческихъ и латинскихъ поэтовъ, мы предварительно должны разложить его на составные элементы.

---

*) Grimm, Mythologie, 666.

Вопервыхъ: „Кефалъ любитъ Прокрису“. Для объясненія Прокрисы необходимо обратиться къ Санскриту, гдѣ слова: prusch и prisch имѣютъ значеніе *брызгать*, *кропить*, и употребляются главнымъ образомъ о дождевыхъ каплахъ. Напримѣръ Ригъ-В. I, 168, 8: „Молніи, улыбаясь землѣ, озаряютъ ее, а вѣтры кропятъ ее дождемъ“.

Тотъ же самый корень въ германскихъ нарѣчіяхъ получилъ новое значеніе: „морозъ“ (frost), и Бопъ сближаетъ prusch съ древне-верхне-нѣм. frus, frigere, *зябнуть*, *мерзнуть*. Къ тому же корню слѣдуетъ отнести: πρώξ, πρωχός — капля росы, и Prōcris — роса. Такимъ образомъ жена Кефала ничто иное, какъ повтореніе Герсы, ея матери, такъ какъ *Герса* — роса, происходитъ отъ санскритскаго vrisch — *брызгать*. И такъ первая половина нашего мѳа въ переводѣ на обыкновенную рѣчь значитъ просто: „солнце лобзаетъ утреннюю росу“.

Второе выраженіе: „Эосъ любитъ Кефала“ не нуждается въ объясненіи. Это старая исторія, повторяющаяся сто разъ въ арійской мѳологіи: „заря любитъ солнце“.

Третій моментъ мѳа: „Прокриса нарушаетъ вѣрность супругу, но тотъ, для кого она измѣнила мужу, никто иной, какъ тотъ же самый Кефалъ, только принявшій на себя новый видъ“. Это можно объяснить, какъ поэтическій образъ солнечныхъ лучей, которые принимаютъ разные цвѣта, преломляясь въ каплахъ росы: въ этомъ смыслѣ о Прокрисѣ можно сказать, что ея любовь достается многимъ: но эти многіе — одинъ и тотъ же Кефалъ, который измѣнилъ свой видъ, но напослѣдокъ былъ узнанъ.

Наконецъ послѣдній моментъ: „Прокриса гибнетъ отъ Кефала“ значитъ: „роса поглощается лучами солнца“. Прокриса гибнетъ жертвою любви къ Кефалу, которому суждено сдѣлаться убійцею любимой женщины. Въ этомъ мы видимъ постепенное и неизбѣжное поглощеніе росы палящими лучами солнца, — явленіе, выраженное съ такой поэтической истиной въ образѣ неотразимаго копья, которымъ Кефалъ ненамѣренно умертвилъ свою ревнивую супругу, въ то время, когда она притаилась въ лѣсной чащѣ [1]).

---

[1]) La rugiada
Pugna col sole. Dante, Purgatorio, I, 121.

Стоитъ только свести вмѣстѣ приведенныя нами четыре рѣченія, и на основаніи ихъ любой поэтъ создастъ поэму о Кефалѣ, Прокрисѣ и Эосъ, объ ихъ любви и ревности. Если бы понадобились новыя доказательства для того, чтобы подтвердить связь Кефала съ солнцемъ, мы могли бы указать на то обстоятельство, что первое свиданіе Кефала и Прокрисы происходитъ на горѣ Гиметтѣ и что Кефалъ, ставъ невольнымъ убійцей жены, въ отчаяніи свергается въ море съ высоты левкадскаго мыса. Припомнимъ далѣе, что весь этотъ миѳъ цѣликомъ принадлежитъ Аттикѣ, для жителей которой солнце, въ теченіи большей части года, поднимается, въ видѣ лучезарной главы, надъ вершиной Гиметта. Прямая линія, проведенная отъ этого крайняго пункта Греціи на востокѣ до ея крайней западной оконечности, приведетъ насъ къ левкадскому мысу: потому было весьма естественно сказать, что Кефалъ именно здѣсь въ волнахъ океана схоронилъ свою скорбь объ утратѣ нѣжно-любимой супруги.

Другую великолѣпную картину солнечнаго заката представляетъ миѳъ о смерти Геркулеса. Его двойственный характеръ, какъ бога и какъ героя, засвидѣтельствованъ даже Геродотомъ, — и достаточно знать нѣкоторые изъ его эпитетовъ, чтобы убѣдиться въ его связи именно съ солнцемъ, хотя ни съ однимъ именемъ не соединялось, быть можетъ, такого множества разнообразныхъ сказаній миѳологическаго, историческаго и этическаго характера, какъ съ именемъ Геркулеса. Съ Зевсомъ и Аполлономъ онъ раздѣляетъ слѣдующіе эпитеты: Δαφνηφόρος, Ἀλεξίκακος, Μάντις, Ἰδαῖος, Ὀλύμπιος, Παγγενέτωρ.

Въ своемъ послѣднемъ странствіи Геркулесъ, подобно Кефалу, направляется отъ востока къ западу. На кинейскомъ мысѣ острова Эвбеи онъ совершаетъ жертвоприношеніе Зевсу въ это же самое время получаетъ отъ Деяниры роковую одежду, и вслѣдъ за тѣмъ, въ бѣшенствѣ, свергаетъ въ море Лихаса, который превращается въ Лихадскіе острова. Отсюда герой переправляется въ Трахисъ, потомъ на гору Эту, воздвигаетъ здѣсь свой похоронный костеръ и сгараетъ, послѣ чего сквозь облака возносится въ небесные чертоги безсмертныхъ боговъ, самъ получаетъ безсмертіе и становится супругомъ богини юности, Гебы. Одежда, присланная герою Деянирой, есть

образъ, нерѣдко повторяющійся и въ другихъ миѳологіяхъ; это та самая одежда, которую въ Ведахъ „матери ткутъ для своего лучезарнаго сына“, — это облака, поднимающіяся надъ водами и облегающія солнце, подобно мрачной одеждѣ. Геркулесъ силится сорвать роковую одежду: его могучій блескъ расторгаетъ густѣющую пелену мрака — но только на мгновенье: снова огнистыя испаренья, сливаясь съ послѣдними лучами солнца, охватываютъ его, и сквозь разсыпанные на закатѣ облака человѣку съ миѳологически-настроенной душой видится умирающій герой, который рветъ въ клочья свое собственное тѣло, пока это свѣтлое тѣло не истлѣетъ наконецъ въ общемъ, отовсюду объемлющемъ его, пожарѣ. Замѣтимъ, что имя послѣдней возлюбленной Геркулеса — Iole (фіалка — быть можетъ, вечернія, фіолетоваго цвѣта, облака) напоминаетъ намъ греческое ἰός ядъ (хотя звукъ ι долгій) и потому весьма легко могло послужить поводомъ для происхожденія миѳа о напитанной ядомъ одеждѣ Деяниры.

Почти всѣ данныя для раціональнаго объясненія приведенныхъ нами сказаній есть въ греческомъ языкѣ, хотя позднѣйшіе Греки, — я разумѣю Гомера и Гезіода, — въ бо́льшей части случаевъ конечно не подозрѣвали первоначальнаго значенія передаваемыхъ ими сказаній. Но какъ есть греческія слова, которыя не могутъ быть объяснены изъ одного греческаго языка, и которыя безъ пособія санскрита и другихъ родственныхъ нарѣчій для филолога остались бы навсегда пустыми звуками съ условнымъ значеніемъ, такъ есть и имена боговъ и героевъ, необъяснимыя съ греческой точки зрѣнія, которыя, чтобы разгадать ихъ первоначальный смыслъ, необходимо поставить лицемъ къ лицу съ соотвѣтствующими имъ по времени данными индусской, персидской, итальянской или германской миѳологіи. Мы объяснимъ это всего лучше, если приведемъ еще одинъ миѳъ о зарѣ:

— Ahan по-санскритски значитъ — день и собственно замѣняетъ *dahan*, какъ *ashru* слеза вмѣсто dashru, греческ. δάκρυ. Слѣдуетъ ли допустить дѣйствительную утрату начальнаго звука *d* или считать это *d* приставнымъ звукомъ, съ помощію котораго корень *ah* обособился въ dah, это вопросъ, не касающійся насъ въ настоящемъ случаѣ. Въ санскритѣ есть корень *dah*, что значитъ

горѣть, откуда могло произойти названіе дня, какъ *dyu* день произошло отъ dyu блистать. Такъ же мало значенія имѣетъ для насъ и другой вопросъ: отъ того же ли самаго или отъ другаго корня происходитъ готское *dags*, день? По этимологическому закону Гримма санскритское *daha* въ готскомъ должно было бы обратиться въ *taga*, а не въ *daga*. Но законъ Гримма терпитъ исключенія въ нѣкоторыхъ древнихъ общеарійскихъ именахъ, и Боппъ, кажется, расположенъ допустить тождественное происхожденіе словъ: daha и daga. Несомнѣнно, что названіе зари образовалось отъ того же самаго корня, отъ котораго произошли нѣмецкія названія дня. Нѣмцы говорятъ: „der Morgen tagt“, а въ древнемъ англійскомъ вмѣсто современнаго day, день назывался dawe, новѣйшему же англійскому dawn (свѣтать) соотвѣтствовало англо-саксонское dagian (нѣм. tagen). Въ Ведахъ, въ числѣ другихъ названій зари, одинъ разъ встрѣчается Ahanâ, а именно, Ригъ-В. I, 123, 4:

Grihám griham Ahanâ 'yâti *atschtschhâ*
Divédive ádhi nâ'ma dádhânâ
Sisâsanti Dyotanâ 'shâshvat â'agât
A'gram agram it bhadžate vásûnâm, т. е.

„Ahanâ (заря) приближается къ каждому жилищу — она, знаменующая наступленіе каждаго дня.

„Dyotanâ (заря), быстрая (active) дѣва, возвращается снова — она всегда первая пользуется всѣми благами“.

Мы уже имѣли случай видѣть зарю въ различныхъ отношеніяхъ къ солнцу; но еще не встрѣчали ее въ роли его возлюбленной, которая убѣгаетъ отъ него и гибнетъ отъ его прикосновенія. Между тѣмъ это было одно изъ выраженій, очень обыкновенныхъ въ миѳологическомъ языкѣ древнихъ Аріевъ. Заря умерла въ объятіяхъ солнца, заря убѣгаетъ отъ солнца или солнце ниспровергло колесницу зари — всѣ эти выраженія, значили просто: заря скрылась съ восходомъ солнца. Такъ въ одномъ гимнѣ Ригъ-Веды, гдѣ прославляются подвиги Индры, главнаго солнечнаго божества Ведъ, мы читаемъ:

„Еще одинъ мужественный и доблестный подвигъ совершилъ ты, о Индра, поразивъ дщерь Dyaus'a (зарю), жену, которую трудно было одолѣть.

„Да, даже превознесенную дщерь Dyaus, зарю, ты, о Индра, великій герой, сокрушилъ на части.

„Заря торопливо исчезла съ своей сокрушенной колесницы, страшась, чтобы Индра-быкъ, не поразилъ ее.

„Колесница ея лежала на мѣстѣ, сокрушенная на части, а сама она скрылась далеко".

Хотя въ этомъ случаѣ Индра обходится довольно нецеремонно съ дочерью неба, но въ другихъ мѣстахъ Ведъ она составляетъ предметъ любви и страстныхъ желаній для всѣхъ свѣтлыхъ боговъ неба, не исключая и ея собственнаго отца. Солнце, говорится въ Ригъ-В. I, 115, 2, слѣдуетъ за нею позади, какъ мужчина слѣдуетъ за женщиной. „Ее, Зарю, колесницу которой везутъ бѣлые кони, уносятъ въ торжествѣ два Ашвина", подобно Левкиппидамъ, которыхъ похищаютъ Діоскуры.

Если перевести или, лучше сказать, переложить слово Dahanâ на греческій, передъ нами явится Дафна, и намъ будетъ понятна вся ея исторія. Дафна „молода и прекрасна — ея любви ищетъ Аполлонъ — она убѣгаетъ отъ него, и умираетъ отъ его лучезарныхъ объятій", или, какъ это выражено у Ведійскаго поэта (X, 189): „Заря приближается къ нему — она умираетъ, какъ скоро онъ начинаетъ дышать, какъ скоро могучій своими лучами озаряетъ небо". У кого есть глаза, открытые видѣть, у кого есть сердце, способное чувствовать заодно съ природой, подобно поэтамъ древности, тотъ можетъ и теперь еще ежедневно видѣть Дафну и Аполлона — видѣть, какъ робко и трепетно разливается на небѣ заря и какъ она исчезаетъ при внезапномъ появленіи свѣтоноснаго бога. Превращеніе Дафны въ лавръ составляетъ уже чисто-греческое продолженіе того же обще-арійскаго мѳа. Слово „Дафна" у Грековъ перестало означать зарю и обратилось въ названіе лавра. Отсюда дерево „Дафна" считалось посвященнымъ возлюбленному Дафны—зари, а о самой Дафнѣ сложилось сказаніе, что она превратилась въ дерево въ то время, когда умоляла свою мать укрыть ее отъ преслѣдованій Аполлона *).

Безъ пособія *Ведъ* имя Дафны и связанное съ нею сказаніе осталось бы непонятнымъ, ибо позднѣйшій санскритъ не даетъ ключа къ этому имени — новое доказательство высокаго

*) Ср. Rv. IV. 30.

значенія Ведъ въ дѣлѣ сравнительной миѳологіи, которая, безъ помощи Ведъ, осталась бы навсегда загадочной и лишенной опредѣленныхъ началъ и прочной основы.

Желая показать, сколько различныхъ ладовъ можетъ быть въ миѳологическомъ языкѣ для выраженія одной и той же идеи, я ограничился названіями Зари. Въ самомъ дѣлѣ заря—одна изъ самыхъ богатыхъ жилъ арійской миѳологіи; другой рядъ сказаній, которыя служатъ воплощеніемъ борьбы зимы съ лѣтомъ, возвращенія весны, воскресенія природы, въ бо́льшей части языковъ представляетъ не болѣе, какъ только отраженіе или дополненіе древнѣйшихъ сказаній о борьбѣ дня и ночи и возвратѣ утра, когда оживаетъ весь міръ. Далѣе, сказанія о герояхъ солнечной породы, которые, въ грозѣ, борятся съ враждебными силами мрака, вытекли изъ того же самаго источника; и эти коровы, такъ часто упоминаемыя въ Ведахъ, которыхъ уводитъ Вритра, а Индра возвращаетъ назадъ, въ сущности это тѣже свѣтлыя коровы, которыхъ заря каждое утро выводитъ на пажить — это облака, проливающія изъ своихъ тучныхъ сосцевъ освѣжительный и плодотворный дождь или росу на поверхность томимой жаждою земли. Даже для насъ, которые знаемъ изъ философіи, что „nil admirari“ есть высшая степень человѣческой мудрости — ни одно зрѣлище не можетъ сравниться въ величіи съ зарею. Но въ древности способность удивляться составляла высшее благо, данное въ удѣлъ человѣчеству; и когда же духъ человѣка могъ сильнѣе проникаться чувствомъ удивленія, когда же сердце его могло болѣе переполняться отрадой и восторгомъ, какъ не въ минуту приближенія

„Владыки свѣта,
Жизни, любви и радости?“

Мракъ ночи поселяетъ въ душѣ человѣка благоговѣйный трепетъ, тревожное чувство смущенія и страха и приводитъ въ содроганіе всѣ его нервы. И вотъ онъ стоитъ, какъ заблудившееся дитя, въ тоскливомъ ожиданіи устремивъ взоры на востокъ, мѣсто рожденія дня, гдѣ уже столько разъ на глазахъ его зажигалось свѣтило міра. Какъ отецъ ожидаетъ рожденія своего дѣтища, такъ поэтически-настроенный человѣкъ древняго міра сторожилъ то мгновеніе, когда ночь готовится родить свое лучезарное чадо,

свѣтило новаго дня. И вотъ какъ будто медленно разверзаются врата небесъ и высыпаютъ изъ своего мрачнаго заключенія свѣтлыя стада зари на свою ежедневную пажить. Кому не случалось слѣдить за постепеннымъ развитіемъ этого свѣтлаго шествія,—когда небо представляется отдаленнымъ моремъ, въ которомъ плещутъ и переливаются золотыя волны,—когда вырвутся первые лучи восходящаго солнца, точно лучезарные кони, готовые облетѣть все поприще горизонта,—когда облака на востокѣ загорятся разными цвѣтами, зажигая, каждое, своимъ румянымъ блескомъ другія облака, болѣе отдаленныя отъ источника свѣта? Вотъ ужь загорѣлся не одинъ востокъ: со всѣхъ сторонъ, съ запада, юга и сѣвера, озарился небесный сводъ, и какъ бы въ срѣтеніе небесному свѣту, благоговѣйный поклонникъ зажигаетъ свой скудный огонекъ на очагѣ, этомъ семейномъ жертвенникѣ, и лепечетъ слова — слабое выраженіе радости, наполняющей природу и сердце человѣка: „Пробудитесь! говоритъ онъ: жизнь наша, духъ нашъ возвратился! мракъ исчезъ, приближается свѣтъ!“.

Если народы древности называли эти вѣчныя свѣтила неба своими богами, т. е. свѣтлыми (deva), то Заря, перворожденная (Протогенея), въ семьѣ боговъ вѣчно юная, вѣчно свѣжая, была самымъ милымъ человѣку божествомъ. Но если бы ей не досталось въ удѣлъ безсмертія, если бы ей удивлялись только, какъ благому существу, которое рождается каждое утро какъ бы для того только, чтобы разбудить сыновъ человѣческихъ, то невольно явился бы вопросъ: отъ чего жь она такъ кратковѣчна? Такъ быстро гаснетъ и умираетъ она, едва лишь явится источникъ свѣта во всемъ своемъ лучезарномъ величіи и своимъ первымъ быстрымъ взоромъ окинетъ небесный сводъ! Мы не можемъ понять того чувства, съ которымъ взиралъ на эти явленія природы древній человѣкъ. Намъ во всемъ видится законъ, порядокъ, необходимость. Мы разочли силу преломленія атмосферы, измѣрили возможное продолженіе зари въ каждомъ поясѣ, и ежедневное появленіе солнца сдѣлалось для насъ столь же обыкновеннымъ, какъ извѣстная аксіома: дважды два — четыре. Но, если бы мы какимъ-нибудь чудомъ могли снова увѣровать, что въ солнцѣ обитаетъ живое существо, подобное намъ, что въ зарѣ есть живая душа, доступная

человѣческимъ чувствамъ—если бы мы хоть на одно мгновеніе могли представить себѣ эти силы существами, одаренными личностью, свободой, способными сдѣлаться предметомъ обожанія, о какъ различно было бы то чувство, съ которымъ бы мы встрѣчали тогда первый румянецъ дня! Эта титаническая увѣренность, съ которой мы теперь говоримъ: „солнце *должно* взойти“, была неизвѣстна древнимъ въ періодъ поклоненія силамъ природы, или, если ихъ и начинала поражать вѣчно-неизмѣнная правильность, съ которою солнце и другія свѣтила совершаютъ свое дневное поприще, тѣмъ не менѣе они не переставали видѣть въ нихъ существа, которыя подпали только временному принужденію, только на время связанныя—утратили свою свободную волю и подчинились высшей власти, но которыхъ, подобно Геркулесу, когда совершится ихъ призваніе, ожидаетъ горняя слава. Намъ представляются дѣтскими встрѣчающіяся въ Ведахъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: „взойдетъ ли солнце?“ „возвратится ли заря, нашъ давнишній благодѣтель“? „восторжествуетъ ли божество свѣта надъ темными силами ночи“?! И когда наконецъ всходило солнце, дивились люди, какимъ образомъ, едва родясь, оно является такимъ могучимъ, что, подобно Геркулесу, какъ будто еще въ колыбели одерживаетъ побѣду надъ чудовищами ночи? Они задавали себѣ вопросъ: какимъ образомъ оно идетъ по небу? отчего нѣтъ пыли на его дорогѣ? отчего оно не скатится внизъ съ своего небеснаго пути? Рядъ этихъ размышленій они кончали тѣмъ, что привѣтствовали солнце, какъ привѣтствуетъ его и современный намъ поэтъ:

Привѣтъ тебѣ, ночей восточный побѣдитель!

Человѣкъ чувствовалъ, что взоръ его не въ состояніи вынести лучезарнаго величія Того, кто назывался „жизнью, дыханіемъ, лучезарнымъ владыкой и отцемъ“.

Такъ восхожденіе солнца было откровеніемъ природы; оно вызывало въ душѣ человѣка то чувство зависимости, безсилія, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды, радости и вѣры въ высшія силы, въ которомъ заключается источникъ всякаго знанія, живой родникъ всякой религіи. Но если восходъ солнца внушалъ первыя молитвы, зажигалъ первое жертвенное пламя, то захожденіе солнца составляло другой моментъ, когда снова потря-

салось все нравственное существо человѣка. Вотъ приближаются тѣни ночи, человѣкъ не въ состояніи противиться неодолимой силѣ сна, которая охватываетъ его среди самыхъ его наслажденій, друзья расходятся,—человѣкъ остается одинъ— и въ одиночествѣ мысль его снова обращается къвысшимъ силамъ. Когда умираетъ день, поэтъ оплакиваетъ преждевременную кончину своего свѣтлаго друга; — скажемъ болѣе: въ его кратковременномъ поприщѣ онъ видитъ подобіе своей собственной жизни. Кто знаетъ, и его очи, быть можетъ, навѣки смежатся сномъ, и для него, быть можетъ, никогда болѣе не взойдетъ солнце, и вотъ—то мѣсто на далекомъ западѣ, гдѣ скрылось солнце, представляется ему обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда „до него отошли его отцы“ и гдѣ всѣ мудрые, всѣ праведники наслаждаются „новой жизнью вмѣстѣ съ Ямой и Варуной“. Или онъ могъ видѣть въ солнцѣ уже не кратковѣчнаго героя, но существо вѣчно-юное, которое пребываетъ вѣчно-неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ поколѣнія смертныхъ, одно за другимъ, сходятъ съ лица земли. Отсюда, единственно въ силу контраста, возникала первая мысль о существахъ не увядающихъ и не гибнущихъ—о существахъ безсмертныхъ, о безсмертіи! Тогда поэтъ обращался къ безсмертному солнцу съ мольбой — возвратиться, даровать спящему новое утро. Богъ дня становился такимъ образомъ богомъ времени, жизни и смерти. Потомъ вечерняя заря, сестра зари утренней, повторяя, хотя съ нѣсколько мрачнымъ оттѣнкомъ, всѣ чудеса картины утра,—какъ много чувствъ должна была она пробуждать въ объятой думою душѣ поэта — сколько поэтическихъ аккордовъ она должна была вызывать на неполномъ жизни языкѣ древнихъ временъ! Утренняя ли это заря выходитъ снова, чтобы въ послѣдній разъ обнять того, кто разстался съ нею утромъ? Безсмертная ли она, каждое утро неизмѣнно вновь являющаяся богиня, а онъ— смертное, каждый день умирающее солнце? Или она — смертная, которая въ послѣдній разъ прощается съ своимъ безсмертнымъ возлюбленнымъ, и какъ будто сгараетъ вмѣстѣ съ нимъ на одномъ кострѣ, изъ пепла котораго онъ возносится въ чертоги боговъ, между тѣмъ какъ она умираетъ?

Переложимъ эти ежедневныя явленія природы на языкъ древности, и мы увидимъ, что насъ со всѣхъ сторонъ охва-

тываетъ миѳологія, исполненная противорѣчій и несообразностей: тоже самое существо представляется въ одно и то же время смертнымъ и безсмертнымъ, мужчиной или женщиной, по мѣрѣ того какъ человѣкъ переставляетъ поэтическую точку зрѣнія и придаетъ таинственной игрѣ природныхъ силъ краски, заимствованныя отъ своей собственной, человѣческой природы. Одинъ изъ миѳовъ, въ которомъ Веды выражаютъ это соотношеніе зари и солнца, эту любовь между смертной и безсмертнымъ и тождество вечернихъ сумерокъ съ утренней зарею—есть миѳъ объ Урваши и Пуруравасѣ. Эти два имени, Урваши и Пуруравасъ, для Индуса — не болѣе какъ имена собственныя; даже въ Ведахъ сознаніе ихъ первоначальнаго значенія почти совершенно утратилось. Въ Ригъ-Ведѣ есть разговоръ между Урваши и Пуруравасомъ, въ которомъ оба являются въ тѣхъ же самыхъ олицетвореніяхъ, какъ и въ драмѣ *Калидаса*. И такъ прежде всего предстоитъ доказать, что Урваши было сначала именемъ нарицательнымъ и означало—зарю.

Этимологія имени Урваши представляетъ нѣкоторыя трудности. Оно не можетъ быть произведено отъ urva съ помощію суффикса *sha* *), какъ предлагаетъ д-ръ Кунъ, потому вопервыхъ, что слова *urva* не существуетъ въ санскритѣ, и во вторыхъ, потому что слова производныя съ окончаніемъ *sha*, какъ tomashá, yuvashá и пр. имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Потому я скорѣе готовъ допустить общее индусское толкованіе, по которому это имя происходитъ отъ *uru*, пространный (εὐρυ) и корня *ash* (обтекать), сближая этимъ путемъ имя uru-asî съ другимъ весьма употребительнымъ эпитетомъ зари urûtschî, женской формой отъ uru-atsch далеко-ходящій. Безъ сомнѣнія, наиболѣе поразительную черту, которою заря отличалась отъ остальныхъ небожителей, составляло то, что она въ одинъ мигъ разливается по всему необъятному пространству небесъ, и что ея кони, какъ бы съ быстротою мысли, обтекаютъ цѣлый горизонтъ. Потому мы видимъ, что имена на *uru* въ санскритѣ и на εὐρυ въ греческомъ составляютъ почти постоянно древнія миѳологическія названія зари утренней и вечерней. Земля, правда,

*) Pân. V. 2, 100.

также носитъ этотъ эпитетъ, но не въ тѣхъ соединеніяхъ, въ какихъ онъ прилагается къ лучезарной богинѣ зари. Къ именамъ зари принадлежатъ: Эврифаэсса, мать Геліоса, Эвриклея или Эврипила, дочь Эндиміона, Эвримеда, супруга Главка, Эвринома, мать Харитъ, и Эвридика, супруга Орфея, значеніе котораго, какъ древняго божества, мы разсмотримъ впослѣдствіи. Въ *Ведахъ* имя Uschas или Эосъ не встрѣчается почти ни разу безъ-какого нибудь намека на ея пространно—разливающійся блескъ; какъ напр. „urviyâ vibhâti", она широкая сіяетъ; „urviyâ vitschâksche", она широкая обозрѣваетъ; variyâsi—широкая или пространная *), между тѣмъ какъ солнце представляется не *въ широту* простирающимъ, а мещущимъ *въ даль* свои лучи.

Но кромѣ самаго имени Урваши, мы имѣемъ другія указанія, заставляющія предполагать, что первоначально она была богиней зари. Слово Васишта (Vasischtha), хотя наиболѣе извѣстное какъ имя одного изъ главныхъ творцевъ Ведъ, есть превосходная степень отъ vasu, свѣтлый и принадлежитъ также къ числу названій солнца. Такимъ образомъ названія, приложимыя собственно только къ солнцу, были перенесены на древняго поэта. Онъ называется сыномъ Митры и Варуны т. е. ночи и дня,—названіе, имѣющее смыслъ только по отношенію къ Васиштѣ, солнцу; и такъ какъ солнце часто называется рожденнымъ отъ зари, то и поэтъ Васишта считается сыномъ Урваши (Ригъ-В. VII, 31, 11). Обстоятельства его рожденія сильно напоминаютъ рожденіе Аѳродиты, какъ оно описано у Гезіода.

Далѣе мы находимъ, что въ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ Ригъ-Веда упоминаетъ имя Урваши, этой послѣдней приписываются тѣже самыя свойства и дѣйствія, которыя обыкновенно составляютъ принадлежность Uschâs, Зари.

---

*) Изъ именъ греческихъ къ Урваши, кажется, всего ближе *Европа*, ибо небному sh въ греческомъ иногда соотвѣтствуетъ π, какъ напр. *ashva*=ἵππος. Единственную трудность представляетъ долгое ω въ греческомъ, иначе Европа, которую уноситъ бѣлый быкъ (vrischâ, мужчина, быкъ, жеребецъ, въ Ведахъ одно изъ часто встрѣчающихся названій солнца, и *shveta*, бѣлый, эпитетъ, прилагаемый къ тому же божеству), уноситъ на своей спинѣ (заря часто представляется на спинѣ солнца, Эвридики), въ отдаленную пещеру (вечерній сумракъ), мать *Аполлона*, божества дневнаго свѣта, и *Миноса* (Ману, смертный Зевсъ)—всѣ эти черты представляютъ много общаго съ богиней зари.

Объ Uschâs часто говорится, что она продолжаетъ жизнь человѣческую, и то же самое разсказывается объ Урваши́ (Рв. IV, 2, 18; V. 41, 19; X. 95, 10). Въ одномъ мѣстѣ Урваши́ принимается даже какъ множественное, въ томъ смыслѣ, что изъ многихъ зорь, иначе изъ многихъ дней составляется продолженіе человѣческой жизни; этимъ доказывается, что нарицательное значеніе этого имени не было еще совершенно забыто. Далѣе, она называется antarîkschaprâ, наполняющая воздухъ, — обычный эпитетъ солнца, brihaddivâ, широкая блескомъ: все это указываетъ на свѣтлое явленіе зари. Но самое убѣдительное доказательство того, что Урваши́ была заря, представляетъ сказаніе объ ея любви къ Пуруравасу, сказаніе, которое можетъ относиться только къ солнцу и зарѣ. Что *Пуруравасъ* (Purûravas) — самое приличное имя для солнечнаго героя, это едва ли требуетъ доказательствъ. Пуруравасъ значило тоже самое, что πολυδεύκης „одаренный великимъ свѣтомъ"; ибо хотя rava говорится собственно о звукѣ, но корень ru, который первоначально значитъ: кричать, прилагается также и къ цвѣту *), въ смыслѣ рѣзкаго, преимущественно краснаго цвѣта (rudhirâ, ἐρυθρός, ruber, rufus, лит. rauda, др.-верх.-нѣм. rôt). Кромѣ того Пуруравасъ самъ себя называетъ Vasisch*th*a, что, какъ мы видѣли, есть одно изъ именъ солнца; и, если онъ называется также Aira, сыномъ Иры (Irâ), то въ другомъ мѣстѣ (Ригъ-В. III. 29. 3) то же самое имя прилагается къ Agni, огню.

Миѳъ о связи Урваши́ и Пуруравасa въ его древнѣйшей, первобытной формѣ, мы находимъ въ Брахманѣ *Яджуръ-Веды*. Тамъ мы читаемъ:

„Урваши́, изъ рода фей, полюбила Пуруравасa, сына Иры, и, встрѣтясь съ нимъ, сказала ему: — „три раза въ день ты можешь заключать меня въ свои объятія, но никогда противъ моей воли и никогда не давай мнѣ увидѣть себя безъ твоей царской одежды!" Такимъ образомъ она жила съ нимъ долгое время. Тогда Гандарвы, ея прежніе друзья, сказали: „долго жила Урваши́ между смертными; пускай возвратится она къ намъ". Къ ложу, на которомъ покоились Урваши́ и Пуруравасъ, была привязана овца съ двумя ягнятами. Гандарвы похитили одного изъ нихъ. Тогда Урваши́ сказала:

*) Такъ Рв. VI. 3, 6 сказано: огонь *кричитъ* свѣтомъ (shotschischâ) rarapiti; двѣ спартанскія Хариты называются Κλητά и φαεννά, т. е. Clara, ясно-звучащая и ясно-свѣтящаяся. О восходящемъ солнцѣ въ Ведахъ говорится: «дитя кричитъ».

„они похищаютъ моего любимца, какъ-будто я живу въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни одного героя, ни одного мужа!“ Гандарвы похитили другаго ягненка, и она стала опять подстрекать своего мужа. Тогда Пуруравасъ взглянулъ и сказалъ: „Какъ можетъ не быть героевъ и мужей въ землѣ, гдѣ я живу“? И онъ вскочилъ нагой, подумавъ, что было бы слишкомъ долго надѣвать платье. Тогда Гандарвы послали молнію, и Урваши увидѣла своего мужа нагимъ, такъ ясно, какъ бы это было днемъ. Въ ту же минуту она скрылась; „я возвращусь“, сказала она — и исчезла. Тогда въ горькой скорби онъ сталъ оплакивать свою утраченную любовь и отправился въ окрестности Курукшетры. Тамъ есть озеро, по имени Anyatalaplakhscha, наполненное цвѣтами лотоса. Между тѣмъ, какъ царь ходилъ по берегамъ его, феи играли въ водѣ, въ образѣ птицъ. Урваши узнала его и сказала: „вотъ человѣкъ, съ которымъ я жила такъ долго“. Подруги ея сказали: „покажемся ему“. Она согласилась, и онѣ предстали предъ нимъ. Тогда царь узналъ ее и воскликнулъ: „а! жена моя! остановись, жестокая сердцемъ! обмѣнямъ нѣсколько словъ! Наши тайны, если мы не выскажемъ ихъ другъ другу сегодня, не принесутъ намъ счастья никогда въ будущемъ“. Она возразила: „что мнѣ дѣлать съ твоею рѣчью? я исчезла, какъ исчезаетъ первая заря. Пуруравасъ! возвратись домой! Уловить меня такъ же трудно, какъ трудно уловить вѣтеръ“. Тогда, въ отчаяніи, онъ воскликнулъ: „такъ пускай же падетъ тотъ, кто прежде былъ твоимъ возлюбленнымъ, пускай падетъ онъ, чтобы никогда болѣе не вставать; пускай онъ скроется далеко, далеко! пускай онъ ляжетъ на порогѣ смерти, пускай растерзаютъ его хищные волки“!—„Не умирай! о, Пуруравасъ“! возразила она. „Не падай, и да не растерзаютъ тебя хищные волки! нѣтъ дружбы съ женщинами, ихъ сердца—сердца волковъ. Когда я въ другомъ образѣ обитала между смертными, когда я провела съ тобою много ночей въ теченіе четырехъ осеней, я вкушала однажды въ день по небольшому куску масла—и даже теперь, при мысли объ этомъ, я чувствую наслажденіе“. Такъ-то, наконецъ, ея сердце смягчилось, и она сказала: „приходи ко мнѣ на послѣднюю ночь въ году, ты проведешь со мною эту ночь и у тебя родится сынъ“. Въ послѣднюю ночь года онъ отправился къ золотымъ чертогамъ, и когда онъ стоялъ одинъ и дожидался, ему приказали взойти на верхъ, и прислали къ нему Урваши. Она сказала ему: „завтра Гандарвы исполнятъ тебѣ одно желаніе; выбирай!“ Онъ сказалъ: „выбери за меня“! Она отвѣчала: „скажи имъ: пускай я буду однимъ изъ васъ“. Рано на слѣдующее утро, Гандарвы предложили ему выборъ; но, когда онъ сказалъ: „пускай я буду однимъ изъ васъ“, они возразили: „еще невѣдомъ человѣку тотъ видъ священнаго огня, посредствомъ котораго онъ могъ бы совершить жертвоприношеніе, чтобы стать однимъ изъ насъ“. Затѣмъ они открыли Пуруравасу тайну одного жертвоприношенія, и, когда онъ совершилъ его, онъ самъ сталъ однимъ изъ Гандарвовъ“.

Вотъ простой разсказъ, который приводится въ Брахманѣ съ цѣлію показать важное значеніе извѣстнаго священнаго обряда; обрядъ, съ помощію котораго Пуруравасъ достигъ безсмертія, заключался въ зажженіи огня посредствомъ тренія. Стихи, встрѣчающіеся въ разсказѣ, взяты изъ Ригъ-Веды, гдѣ, въ послѣдней книгѣ, между многими загадочными остатками

народной поэзіи, мы находимъ и разговоръ двухъ возлюбленныхъ. Онъ состоитъ изъ семнадцати стиховъ, изъ которыхъ авторъ Брахманы зналъ только пятнадцать. Но въ одномъ изъ приводимыхъ имъ стиховъ Урваши говоритъ: „Я скрылась навсегда, подобно первой изъ зорь“. Это показываетъ, что въ душѣ поэта смутно мерцалъ древній миѳъ и напоминаетъ намъ слезы, которыя мать Мемнона проливала надъ тѣломъ своего сына, и которыя даже позднѣйшіе поэты называли утренней росой. Далѣе, въ четвертомъ стихѣ, Урваши, обращаясь къ самой себѣ, говоритъ: „эта женщина (т. е. я сама), когда была его супругой, о заря! приходила къ нему въ домъ, и наслаждалась его объятіями днемъ и ночью“. Далѣе, она разсказываетъ своему супругу, что онъ былъ созданъ богами для того, чтобы противустоять силамъ мрака (dasyuhatyâya): извѣстно, что это назначеніе приписывается постоянно Индрѣ и другимъ существамъ солнечнаго происхожденія. Даже самыя имена спутницъ Урваши указываютъ на зорю, и Пуруравасъ говоритъ:

„Когда я, смертный, обнималъ моими руками этихъ неуловимыхъ безсмертныхъ, они трепетно ускользали отъ меня, какъ трепетная голубица, какъ кони, которые бьются въ упряжи“.

Ни одна богиня не называется такъ часто другомъ человѣка, какъ заря. „Она посѣщаетъ каждое жилище“ (I. 123, 4); „она заботится о жилищѣ человѣка“ (I. 123, 1); „она не пренебрегаетъ ни великимъ, ни малымъ“ (I. 124, 6); „она приноситъ богатство“ (I. 48, 1) „она всегда одинакова, безсмертная, божественная“ (I. 124, 4; I. 123, 8); „она не старѣется“ (I. 113, 15); „сама она—юная богиня, но старитъ человѣка“ (I. 92, 11). Такъ Пуруравасъ называлъ Урваши „безсмертною между смертными“; и въ послѣднемъ стихѣ обращался къ своей возлюбленной съ такими словами:

„Я, пресвѣтлое солнце, я держу Урваши, ее, которая воздухъ наполняетъ (свѣтомъ), и разстилаетъ небо. Да будетъ на тебѣ благословеніе твоего благаго дѣла! Воротись, сердце горитъ во мнѣ“.

Затѣмъ поэтъ продолжаетъ:

„Такъ, о сынъ Иры, вѣщали тебѣ боги: чтобы тебѣ, обреченному смерти, стать таковымъ (безсмертнымъ), твоя порода должна чтить боговъ приношеніями! Тогда и ты удостоишься наслаждаться на небесахъ".

Разумѣется, необходимо допустить, что даже поэтамъ Ведъ также мало былъ извѣстенъ первоначальный смыслъ именъ Урваши и Пуруравса, какъ мало Гомеръ зналъ первоначальный смыслъ имени Тиѳона, если не самой Эосъ. Для нихъ они были герои, существа неопредѣленныя, люди — не люди, боги — не боги. Но намъ, хотя и несравненно болѣе отдаленнымъ по времени, ясно ихъ первоначальное коренное значеніе. Какъ Вордсвортъ говоритъ:

Съ восторгомъ вижу я восходъ твой лучезарный
На небо чистое отъ сумраковъ и тучъ, —

такъ и древніе представляли себѣ солнце обнаженнымъ и говорили, что стыдливая заря скрываетъ лицо свое при видѣ супруга. Не смотря на то, она обѣщаетъ возвратиться. И, дѣйствительно, когда солнце, совершивъ свое странствіе по бѣлому свѣту, въ напрасныхъ поискахъ по своей возлюбленной, приближается къ порогу смерти, готовясь кончить свое одинокое теченіе, она является снова, во всемъ подобная утренней зарѣ, — какъ и у Гомера день начинается и оканчивается явленіемъ розоперстой Эосъ, — и уводитъ его съ собою въ золотые чертоги безсмертныхъ боговъ *).

Я выбралъ этотъ мнѣ главнымъ образомъ для того, чтобы показать, что древняя поэзія не болѣе, какъ слабый отголосокъ древняго языка, и въ примѣръ того, какъ простая драма явленій, совершающихся въ природѣ, вдохновляла древняго поэта, представляясь ему глубокимъ зеркаломъ, въ которомъ онъ могъ видѣть отраженіе страстей своей собственной души. Ибо пока сердце человѣческое полно горькимъ чувствомъ одной только своей собственной, личной скорби, до тѣхъ поръ оно мрачно и безмолвно, до тѣхъ поръ оно не можетъ высказать своей любви и своихъ утратъ. Въ одинокой скорби, можетъ быть, есть своего рода безмолвная поэзія, но

*) Od. V. 390. Съ третьимъ явилася днемъ лучезарно-кудрявая Эосъ.

Мнемозина, задумчивая богиня воспоминаній, хотя и считается матерью музъ, сама не принадлежитъ къ ихъ числу. Только сочувствіе чужой скорби открываетъ уста нѣмаго отчаянія и даетъ поэту слова для выраженія собственной скорби. И если скорбь его была такъ глубока, такъ свята, что онъ не могъ найти для нея подобія въ мукахъ другаго человѣческаго сердца, у него оставалось общеніе съ природой, въ безмолвныхъ страданіяхъ которой ему представлялся величавый образъ того, что чувствовалъ и чѣмъ страдалъ онъ самъ, въ глубинѣ собственнаго духа. Когда, послѣ темной ночи, возвращался дневной свѣтъ, онъ думалъ о той, которая была свѣтомъ для его души и которую онъ утратилъ безвозвратно. Когда онъ видѣлъ, какъ солнце лобзаетъ зарю, онъ предавался мечтамъ о дняхъ и ночахъ, которымъ никогда болѣе не повториться. И когда заря трепетала въ небесахъ, блѣднѣла и гасла, а солнце, казалось, какъ будто озиралось, и искало своей подруги, теряя ее тѣмъ полнѣе, чѣмъ зорче глядѣло оно своимъ лучезарнымъ окомъ, — тогда въ душѣ поэта вставалъ дорогой образъ: онъ въ одно и тоже время и припоминалъ собственную судьбу, и находилъ усладу забвенія, разсказывая мѣрнымъ словомъ повѣсть любви и утраты, которую испытываетъ солнце. Таково было происхожденіе поэзіи. Вечеръ имѣлъ своего рода прелесть. Когда, подъ конецъ своего труднаго дневнаго поприща, солнце, казалось, замирало, медленно угасая на далекомъ западѣ, и не переставая искать взоромъ подругу, покинувшую его на востокѣ, и когда въ эту минуту какъ будто вдругъ растворялось небо, и снова появлялся образъ зари во всей ея красѣ, съ оттѣнкомъ грусти, который придавалъ ей новую прелесть — поэтъ не сводилъ глазъ съ дивнаго зрѣлища, пока не угасалъ послѣдній лучъ, и этотъ послѣдній угасающій лучъ, глубоко западая ему въ душу, зажигалъ въ ней надежду иной новой жизни, въ которой онъ найдетъ то, что любилъ и утратилъ на землѣ.

There is a radiant, though a short-lived flame,
That burns for poets in the dawning east;
And oft my soul has kindled at the same,
When the captivity of sleep had ceased,

говоритъ поэтъ (т. е. „зари румянецъ пламенный, но кратковѣчный, тая для призванныхъ поэзіи огонь святой, мнѣ часто душу вдохновеньемъ согрѣвалъ, когда, стряхнувъ оковы сна, я наблюдалъ явленье лучезарнаго свѣта“).

Въ природѣ много трагическаго, много страданій — нужны только глаза, способные видѣть нѣмое горе, и эта-то именно трагедія—трагедія природы—составляетъ живой источникъ всѣхъ трагедій древняго міра. Сказаніе о юномъ героѣ,—какъ бы онъ ни назывался: Бальдуромъ, Сигурдомъ, Сигфридомъ, Ахилломъ, Мелеагромъ или Кефаломъ,—умирающемъ въ цвѣтѣ юности, сказаніе, которое такъ часто пересказывалось, пріурочиваемое къ разнымъ мѣстностямъ и лицамъ, было внушено судьбою солнца, которое умираетъ во всемъ цвѣтѣ юношескихъ силъ, въ концѣ дня или въ концѣ лѣтней поры, уязвленное терномъ зимы. Далѣе этотъ приговоръ рока, которымъ всѣ эти герои обречены утратить свою первую возлюбленную, измѣнить ей или сами сдѣлаться жертвой измѣны—это черта, также заимствованная отъ природы. Трагическая судьба этихъ героевъ неизбѣжна: имъ суждено пасть отъ руки или отъ невольной измѣны своихъ ближайшихъ друзей или родственниковъ. Солнце измѣняетъ зарѣ и, по неумолимому приговору судьбы, умираетъ въ концѣ дня, оплакиваемое цѣлой природой. Или весеннее солнце вступаетъ въ брачный союзъ съ землею, потомъ отвергаетъ свою супругу, охладѣваетъ къ ней и наконецъ гибнетъ отъ терна зимы. Эта, говоря словами Гейне, „старая исторія“, принимаетъ вѣчно-новые образы въ миѳологіи и въ сказаніяхъ древняго міра. Такъ Бальдура скандинавской Эдды, этотъ божественный прототипъ Сигурда и Сигфрита, любитъ все твореніе. Боги и люди и вся природа, все, что живетъ и ростетъ, дали клятву его матери не наносить вреда свѣтлому герою. При этой общей клятвѣ забыли одну омелу, которая ростетъ не на землѣ, а на деревьяхъ, и вотъ стрѣлою, сдѣланною изъ этого-то самого растенія, былъ убитъ Бальдуръ въ пору зимняго солнцестоянія. „Гіодуръ, по наущенію Локи, взялъ вѣтку и бросилъ ее въ Бальдура. Полетѣла вѣтка и пронзила Бальдура, такъ что онъ палъ мертвый—такъ постигло боговъ величайшее бѣдствіе. Когда Бальдуръ палъ, всѣ Асы стояли какъ бы лишенные слова, имъ даже не приходило на

мысль поднять убитаго. Одинъ глядѣлъ на другаго; мысль ихъ была устремлена на того, кто совершилъ это злодѣяніе.... Когда же къ Асамъ возвратилось слово, они стали плакать такъ сильно, что ни одинъ изъ нихъ не могъ словами передать другому своего горя".

Точно такъ же въ персидскомъ эпосѣ никакое оружіе не можетъ вредить Исфендіару, но ему суждено погибнуть отъ вѣтки терновника, которую Рустемъ пустилъ ему въ глазъ въ видѣ стрѣлы. Рустемъ, въ свою очередь, можетъ пасть только отъ руки своего брата; Геркулесъ умираетъ отъ несчастнаго подарка жены; Сигфридъ дѣлается жертвой нѣжной заботливости Кримгильды или ревности отвергнутой имъ Брунегильды. Подобно Ахиллу онъ уязвимъ только въ одномъ мѣстѣ, и сюда-то именно поражаетъ его Гагенъ (терновникъ). Все это отрывки солнечныхъ миѳовъ. Вся природа была раздѣлена на двѣ области: одна мрачная, холодная, зимняя область смерти; другая — область свѣта, тепла, весны и жизни. Сигурдъ — такъ называется солнечный герой въ Эддѣ,—потомокъ Одина, убиваетъ змѣя Фафнира и овладѣваетъ золотомъ, надъ которымъ карло Андвари изрекъ свое проклятіе. Это есть сокровище Нифлунговъ, сокровище земли, которое похитили туманныя силы зимы и мрака. Весеннее солнце возвращаетъ похищенное и земля, подобно греческой Церерѣ, которую дѣлаетъ богатой обладаніе возвращенной дочерью, снова обогащается драгоцѣнными дарами весны. Сигурдъ, повѣствуетъ Эдда, освобождаетъ Брингильду, которую Одинъ погрузилъ въ сонъ, уколовъ ее волшебнымъ терніемъ, и которую, подобно землѣ, пробуждающейся послѣ зимняго сна, возвратила къ новой жизни любовь Сигурда. Но его самого, обладателя сокровища (vasupati), неудержимо влечетъ судьба. Онъ заручаетъ себя Брингильдѣ и даетъ ей роковое кольцо, которое онъ взялъ изъ сокровища. Но онъ долженъ былъ покинуть ее; когда онъ прибылъ въ замокъ Гуннара, Кримгильда, жена Гуннара, чарами заставляетъ его забыть Брингильду, и онъ женится на ея дочери Гудрунѣ. Съ этихъ поръ судьба его начинаетъ склоняться къ закату. Онъ связанъ съ Гуннаромъ, и вынужденъ помогать ему при овладѣніи Брингильдой, съ которой онъ самъ обручился и которая теперь становится же-

ной Гуннара. Гуннаръ Гіукасонъ, кажется, значитъ мракъ, и такимъ образомъ мы видимъ, что пробуждающаяся и начинающая оживляться весна пропала, похищенная Гуннаромъ, какъ Прозерпина была похищена Плутономъ, или Сита — Раваной. Гудруна, дочь Кримгильды, и сама называемая иногда Кримгильдой, — неизвѣстно, разумѣть ли подъ этимъ послѣднимъ именемъ лѣто (срав. gharma въ санскритѣ) или землю и природу въ послѣднее время года, — эта Кримгильда — сестра мрачнаго Гуннара, и, хотя она стала супругою свѣтлаго Сигурда, но по своему рожденію сама принадлежитъ къ туманному царству. Гуннаръ, заставившій Сигурда уступить ему Брингильду, задумалъ смерть своего зятя, потому что Брингильда узнала въ Сигурдѣ своего обрученника и требуетъ мести. Гёгни старается отклонить брата отъ убійства, но наконецъ третій братъ Гіодръ убиваетъ Сигурда во время сна, въ пору зимняго солнцестоянія. Брингильда всегда любила его, и, когда герой убитъ, она раздаетъ свои сокровища, и, подобно Пашѣ, сожигаетъ себя на одномъ кострѣ съ Сигурдомъ, отдѣленная отъ него мечемъ. Гудруна также оплакиваетъ смерть своего мужа, но потомъ скоро забываетъ его и выходитъ за Атли, брата Брингильды. Атли, основываясь на правахъ своей жены, требуетъ отъ Гуннара и Гёгни сокровищъ Сигурда, и когда они отказываются выдать сокровища, онъ, подъ видомъ родственной дружбы, приглашаетъ ихъ къ себѣ и заключаетъ въ оковы. Гуннаръ упорно отказывается открыть мѣсто, гдѣ схоронено сокровище, пока ему не принесутъ сердца его брата Гёгни. Ему приносятъ сердце, но оно дрожитъ на блюдѣ и Гуннаръ говоритъ: „Не братнино это сердце". Наконецъ принесли настоящее сердце Гёгни и Гуннаръ сказалъ: „теперь я одинъ знаю, гдѣ лежитъ сокровище, и скорѣе оно достанется Рейну, чѣмъ тебѣ!" Тогда Атли приказалъ его, связаннаго, бросить къ змѣямъ, но онъ укрощаетъ самыхъ змѣй, играя зубами на арфѣ, пока наконецъ одна ехидна подползла къ его сердцу и ужалила его до смерти.

Какъ измѣнился этотъ миѳъ въ пѣсни о Нибелунгахъ, въ томъ видѣ, какъ она была записана въ Германіи въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія! Всѣ герои — христіане и всѣ они слились съ историческими личностями четвертаго, пятаго и ше-

стаго столѣтій. Гунтеръ пріуроченъ къ Бургундіи, гдѣ, какъ извѣстно, въ 435 г. дѣйствительно жилъ король Гундихари или Гундахари, тотъ самый, который, по свидѣтельству Кассіодора, былъ побѣжденъ сначала Аэціемъ, а потомъ Гуннами Аттилы. Вслѣдствіе этого Атли, братъ Брингильды и второй мужъ Гудруны (или Кримгильды), превратился въ Аттилу, предводителя Гунновъ (453); мало того, даже братъ Аттилы, Бледа, былъ внесенъ въ пѣсню о Нибелунгахъ подъ именемъ Бледелина, который первый открылъ нападеніе на Бургундовъ и палъ отъ руки Данкварта. И другія историческія личности были увлечены въ круговоротъ народнаго сказанія,—личности, которыхъ мы бы напрасно стали искать въ пѣсняхъ Эдды. Такъ въ пѣсни о Нибелунгахъ мы встрѣчаемся съ Дитрихомъ бернскимъ, который есть никто иной, какъ Теодорихъ великій (455—525), тотъ самый, который разбилъ Одоакра въ битвѣ при Равеннѣ (знаменитой Rabenschlacht) и жилъ въ Веронѣ, по нѣмецки Бернъ. Далѣе, упоминаемый въ пѣсни о Нибелунгахъ Пренфридъ, ландграфъ тюрингскій, оказывается Германфридомъ, королемъ тюрингскимъ, который былъ женатъ на Амалабергѣ, племянницѣ Теодориха готскаго. Но наиболѣе странному отождествленію подвергся Сигурдъ, вѣроломный любовникъ Брингильды: поздѣйшая обработка сказанія смѣшала его съ Сигбертомъ, королемъ Австразіи (561—575), который дѣйствительно былъ мужемъ знаменитой Брунгильды (Brunehault), дѣйствительно разбилъ Гунновъ и дѣйствительно погибъ при самыхъ трагическихъ обстоятельствахъ отъ козней Фредегунды, любовницы брата его Хильперика. Это совпаденіе исторіи и миѳа простирается такъ далеко, что соблазнило нѣкоторыхъ критиковъ изъ школы евгемеристовъ все сказаніе о Нибелунгахъ выводить изъ австразійской исторіи и видѣть въ смерти Сигберта отъ Фредегунды основу сказанія объ убіеніи Сигфрида или Сигурда по наущенію Брингильды. Къ счастію эти германскіе послѣдователи Евгемера опровергаются несравненно легче, нежели греческіе, потому что изъ современныхъ историческихъ памятниковъ видно, что Іорнанду, писавшему свою исторію по крайней мѣрѣ за двадцать лѣтъ до смерти австразійскаго Сигберта, уже была извѣстна Свангильда, дочь миѳическаго Сигурда, рожденная, по свидѣ-

тельству Эды, по смерти отца, та самая, которую впослѣдствіи умертвилъ Гермунрекръ, въ поэмѣ о Нибелунгахъ преобразившійся также въ историческую личность Германика, готскаго вождя четвертаго столѣтія.

Попробуемъ теперь приложить къ греческимъ миѳамъ результаты, къ которымъ мы успѣли прійти, прослѣдивъ постепенное развитіе германской саги. Очевидно, что въ основѣ миѳа о Геркулесѣ есть историческое зерно, около котораго кристаллизовались миѳическія сказанія, хотя, по неимѣнію современныхъ историческихъ свидѣтельствъ, мы не можемъ выдѣлить эти миѳическіе наросты такъ отчетливо, какъ въ миѳѣ о Нибелунгахъ. Но такъ какъ миѳъ производитъ Геркулеса, героя, изъ рода аргосскихъ царей, то можно допустить дѣйствительное существованіе какого-нибудь Геркулеса, который дѣйствительно могъ быть сыномъ царя, по имени Амфитріона, котораго потомки, послѣ временнаго изгнанія, снова завоевали область Греціи, прежде находившуюся подъ властію Геркулеса. Сказанія объ его чудесномъ рожденіи, о бо́льшей части его геройскихъ подвиговъ, о его смерти, такъ же мало принадлежатъ исторіи, какъ и сказанія о Зигфритѣ. Въ Геркулесѣ, убивающемъ Химеру и другія чудовища, мы видимъ отраженіе дельфійскаго Аполлона, который убиваетъ змѣя Пиѳона, или — самого Зевса, бога лучезарнаго неба, съ которымъ Геркулесъ раздѣляетъ общіе эпитеты идейскаго, олимпійскаго и Пангенетора. Подобно тому, какъ миѳъ о Сигурдѣ и Гуннарѣ послѣдними потухающими лучами озарилъ королей бургундскихъ и величавыя личности Аттилы и Теодориха, — миѳъ о солнечномъ Геркулесѣ получилъ историческій обликъ въ какомъ-нибудь полу-историческомъ князѣ Аргоса или Микенъ. Имя Геркулеса принадлежало, быть можетъ, какому-нибудь національному божеству Гераклидовъ, и этимъ достаточно объясняется вражда Геры, культъ которой до переселенія Дорянъ процвѣталъ въ Аргосѣ. То, что прежде относилось къ богу, впослѣдствіи перешло на Геркулеса или Геракла, предводителя Гераклидовъ, поклонниковъ или сыновей Геракла, между тѣмъ какъ, въ тоже самое время, многіе мѣстные и историческіе факты, связанные съ родомъ Гераклидовъ и ихъ вождей, были переплетены съ миѳомъ о божественномъ героѣ. Пред-

ставленіе о Геркулесѣ, который живетъ въ кабалѣ у Еврисѳея и совершаетъ для него чудесные подвиги, это представленіе носитъ на себѣ явные слѣды связи съ солнечнымъ миѳомъ: это—солнце, совершающее свой ежедневный подвигъ на пользу смертныхъ, которыхъ оно такъ несравненно превосходитъ по своему могуществу и божественнымъ совершенствамъ. Такъ Сигфритъ трудится для Гуннара; такъ наконецъ и самъ Аполлонъ въ продолженіе одного года служитъ Лаомедону—выраженія знаменательныя, вызванныя отсутствіемъ глаголовъ съ болѣе отвлеченнымъ значеніемъ и встрѣчающіяся даже у новѣйшихъ поэтовъ: —

На той дорогѣ величавой,
Гдѣ ты, прикованный Всесильнаго рукой,
Отъ вѣка шествуешь незримыми шагами,
Доколѣ не пройдутъ земля и небеса!

Дальнѣйшее развитіе эпической и трагической поэзіи могло совершаться на греческой, индусской или германской почвѣ; оно могло воспринимать въ себя оттѣнки различныхъ странъ, разнообразную температуру различныхъ климатовъ; оно могло наконецъ захватить и поглотить въ себя много случайнаго и историческаго. Но стоитъ коснуться этихъ сказаній острымъ ножемъ анализа, и мы убѣдимся, что одна и таже кровь течетъ въ жилахъ древнѣйшей поэзіи всѣхъ народовъ: это — одинъ и тотъ же миѳологическій эпосъ. Атмосфера, среди которой возникла древнѣйшая поэзія Аріевъ, была насквозь проникнута миѳологіей; въ этой атмосферѣ было что-то такое, чему не могли противустоять люди, дышавшіе ею. Это было обаяніе, подобное чарующей гармоніи новой рифмы, которая внушила такъ много обыкновенныхъ мыслей поэтамъ, писавшимъ обыкновеннымъ языкомъ.

Мы знаемъ, что́ сдѣлали изъ своихъ эпическихъ героевъ греческіе и германскіе поэты; посмотримъ теперь, удалось ли жителю тропиковъ—Индусу окружить такимъ же прекраснымъ поэтическимъ сіяніемъ имена своихъ миѳическихъ преданій.

Исторія любви Пуруравса и Урваши не разъ пересказывалась индусскими поэтами. Мы находимъ ее въ ихъ эпическихъ поэмахъ, въ ихъ Пуранахъ и въ Бригатъ-Катѣ (Brihat-kathâ),

Великомъ сказаніи, сборникѣ народныхъ сказаній Индіи. Хотя она подверглась многимъ измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе въ самой драмѣ Калидасы [1]), изъ которой ниже я намѣренъ представить краткое извлеченіе, мы узнаемъ отдаленный миѳическій фонъ, и удивляемся искусству, съ которымъ поэтъ вдохнулъ новую жизнь и человѣческое чувство въ поблеклыя имена давно забытаго миѳическаго языка.

Первое дѣйствіе открывается сценой въ Гималайскихъ горахъ. Небесныя нимфы, возвращаясь изъ собранія боговъ, подверглись нападенію и оплакиваютъ утрату Урваши, унесенной демономъ. Является на своей колесницѣ царь Пуруравасъ, и, узнавъ причину ихъ скорби, поспѣшаетъ для освобожденія нимфы. Онъ скоро возвращается, одолѣвъ похитителя, и возвращаетъ Урваши ея небеснымъ подругамъ. Но въ то время какъ онъ везъ Урваши на колесницѣ къ ея подругамъ, онъ полюбилъ прекрасную нимфу и успѣлъ внушить ей то же самое чувство. Онъ разсказываетъ, какъ она, на глазахъ его, постепенно оправлялась отъ испытаннаго страха:

„Она оправилась, но медленно. Такъ ночныя тѣни отступаютъ мало по малу предъ лучами восходящей луны; такъ пламя истребителя жертвъ,—огня не вдругъ пробивается сквозь дымящійся хворостъ: такъ Гангесъ постепенно проясняетъ свои возмущенныя струи, поглотивъ преграду, которою обрушившійся берегъ прерываетъ его стремительное теченіе, и снова течетъ яснымъ и величественнымъ потокомъ".

Когда они разстались, Урваши хочетъ обернуться, чтобы еще разъ взглянуть на удаляющагося царя. Подъ предлогомъ, что цѣпкая лоза задѣла ея вѣнокъ и какъ будто стараясь освободиться отъ оной, она подзываетъ одну изъ своихъ подругъ и проситъ ея помощи. „Боюсь, отвѣчаетъ подруга: не такъ легко исполнить твою просьбу; ты, кажется, запуталась

---

[1] Профессоръ Вильсонъ представилъ первый и превосходный переводъ этой драмы въ своемъ изданіи: *Specimens of the Hindu Theatre*. Подлинникъ впервые вышелъ въ Калькуттѣ и съ тѣхъ поръ былъ нѣсколько разъ перепечатываемъ. Весьма полезное изданіе этого произведенія принадлежитъ, за послѣднее время, Профессору Вилльямсу.

Въ передачѣ отрывковъ изъ Урваши мы слѣдовали не Вильсону, но буквальному переводу съ подлинника, сдѣланному для настоящаго изданія профессоромъ П. И. Петровымъ, которому и приносимъ нашу глубокую благодарность.

Перев.

такъ крѣпко, что освободить тебя едва ли будетъ можно, но, что́ бы ни случилось, будь увѣрена въ моей дружбѣ".

Тогда взоръ царя встрѣтился со взоромъ Урваши́, и онъ воскликнулъ:

„Будь благословенна, лоза, удержавшая на одно лишнее мгновеніе ея уходъ, такъ что я могъ еще разъ увидѣть въ половину обращенный ко мнѣ лицъ моей красавицы (собств. при поворотѣ въ полъ-лица увидѣлъ эту длинноокую)!"

Во второмъ дѣйствіи мы видимъ царя въ его стольномъ городѣ Аллагабадѣ. Онъ гуляетъ въ саду въ обществѣ брахмана, который въ индусской драмѣ играетъ роль граціозо. Онъ сопровождаетъ царя, въ качествѣ конфидента, и ему-то царь повѣряетъ тайну своей любви. Брахманъ такъ боится выдать то, что должно остаться тайной для всего двора и особенно для царицы, что удаляется въ уединенный храмъ. Но и въ этомъ убѣжищѣ его отыскала одна изъ служанокъ царицы, и такъ какъ тайнѣ такъ же трудно удержаться въ груди брахмана, какъ трудно уцѣлѣть каплямъ утренней росы на травѣ, то она скоро успѣла выпытать у него, отчего царь такъ измѣнился со времени возвращенія изъ боя съ демономъ, и съ этой вѣстью поспѣшила къ царицѣ. Между тѣмъ царь въ отчаяніи и изливаетъ свою тоску —

подобно тому, кто, влекомый потокомъ, не въ силахъ одолѣть противной быстрины.

Но Урваши́ не менѣе вздыхаетъ о своемъ возлюбленномъ, и мы вдругъ видимъ, какъ она въ сопровожденіи подруги, является по воздуху для свиданія съ царемъ. Сначала обѣ остаются невидимы для смертныхъ очей царя и, незримыя, выслушиваютъ исповѣдь его страсти. Урваши́, написавъ стихъ на листкѣ какого-то дерева, роняетъ его подлѣ бесѣдки, гдѣ тоскуетъ ея возлюбленный. Потомъ онѣ открываются его взорамъ: сначала подруга Урваши́, а наконецъ и сама она. Но едва прошло нѣсколько мгновеній, какъ является посланникъ боговъ, и призываетъ назадъ обѣихъ нимфъ, а Пуруравасъ остается снова одинъ съ своимъ шутомъ. Онъ ищетъ листокъ, которому Урваши́ повѣрила свою любовь, но увы! драгоцѣнный листокъ исчезъ, унесенный вѣтромъ.

„О южный вѣтръ, любви союзникъ, другъ весенней поры года! похищая благовонную пыль цвѣтовъ, ты разливаешь въ воздухѣ благоуханія, но,

свяжи, зачѣмъ было лишать меня этихъ строкъ, начертанныхъ ея рукой въ залогъ ея любви? Зачѣмъ было лишать этой послѣдней услады безнадежно-томимаго огнемъ любви?"

Но случилось еще хуже: роковый листокъ былъ поднятъ царицей, въ то время какъ она шла садомъ, отыскивая царя. Слѣдуетъ семейная сцена довольно бурнаго характера, послѣ которой ея величество удаляется, взволнованная, подобно потоку, разлившемуся отъ дождей. Царь чувствуетъ себя вдвойнѣ несчастнымъ, потому что, не смотря на свою новую страсть къ Урваши, онъ не перестаетъ питать самое искреннее уваженіе къ царицѣ. Наконецъ и онъ уходитъ.

Ужь за полдень: павлинъ, томимый жаждою, погрузился въ водоемъ, омывающій корни одного изъ высокихъ деревьевъ сада; лѣниво дремлютъ пчелы (соб. шестиногія) подъ сѣнью лепестковъ въ раскрытыхъ чашечкахъ цвѣтка кариикоры (лотоса); утки дикія, покинувъ отъ солнечныхъ лучей нагрѣвшуюся воду, ищутъ прохладнаго пріюта въ густой грядѣ прибрежныхъ лотосовъ, а въ бесѣдкѣ попугай, отъ жажды въ клѣткѣ изнывая, проситъ кринами воды.

Въ началѣ третьяго дѣйствія мы прежде всего узнаемъ, что сталось съ Урваши, послѣ того какъ она была отозвана на небо Индры. Ее призвали участвовать въ драматическомъ зрѣлищѣ, которое должно было совершиться въ присутствіи Индры, и на ея долю выпала роль богини красоты, избирающей въ супруги бога Вишну. Въ числѣ другихъ именъ Вишну носитъ имя: Пурушоттама, но бѣдная Урваши, въ ту минуту, когда по ходу пьесы ей пришлось назвать имя, избраннаго ея сердцемъ, измѣнила роли, и вмѣсто того чтобы сказать: „я люблю Пурушоттаму", назвала Пуруравса. Эта обмолвка привела автора піесы въ негодованіе, столь сильное, что онъ проклялъ Урваши, которая вслѣдствіе этого проклятія лишилась дара божественнаго вѣдѣнія. Но когда кончилось представленіе, Индра, замѣтивъ, что Урваши стоитъ въ сторонѣ, смущенная и неутѣшная, ласково подозвалъ ее къ себѣ и открылъ ей, что смертный, которымъ заняты ея мысли, доказалъ ему свою преданность въ минуты опасности; этотъ смертный помогалъ ему въ борьбѣ съ врагами боговъ и тѣмъ снискалъ себѣ право на его признательность. Въ воздаяніе за то Урваши получаетъ дозволеніе возвратиться къ царю и оста-

ваться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока царь „увидитъ въ первый разъ лице младенца, который ему родится отъ нея".

Слѣдуетъ новое явленіе въ дворцовомъ саду. Покончивъ съ дѣлами правленія, при наступленіи вечера, царь удаляется на свою половину.

„Днемъ заботы государя не давали мѣста личной скорби, но какъ-то проведу я неоконченныя стражи безутѣшной ночи?" (У Индусовъ ночь дѣлилась на три стражи, по три часа каждая.)

Приходитъ вѣстникъ отъ царицы: она проситъ свиданія съ супругомъ на террасѣ павильона. Царь повинуется — и всходитъ по хрустальнымъ ступенямъ къ назначенному мѣсту: это было передъ восхожденіемъ луны, когда востокъ подернулся пурпурнымъ свѣтомъ, —

Рѣдѣя отъ лучей луны, хотя еще невидимой за горизонтомъ на востокѣ, вечерняя мгла разступалась по обѣ стороны, а въ серединѣ алѣлъ востокъ (собств. страна пѣгоконнаго Индры), точно румяное лице (женщины), окаймленное темной рамкой назадъ откинутыхъ кудрей.

Въ то время, какъ онъ дожидался прихода царицы, въ душѣ его съ новой силой проснулась тоска объ Урваши.

„Встрѣчая преграды на пути къ удовлетворенію, любовь моя, кажется, пріобрѣтаетъ все новыя силы, подобно потоку, который стремится тѣмъ неудержимѣй, чѣмъ уже русло его, стѣсненное напоромъ скалъ.

Любовь моя растетъ съ приближеньемъ ночи, подобно лунѣ, которая, поднимаясь выше и выше, все шире кидаетъ свой свѣтъ."

Въ эту минуту опускается небесная колесница и въ ней Урваши, въ сопровожденіи той же подруги. По прежнему невидимыя для царя, онѣ еще разъ подслушиваютъ нѣжныя изліянія его сердечной тоски; но въ то мгновеніе, когда Урваши уже готова откинуть покрывало, чтобы предстать взорамъ царя, входитъ царица. Одѣтая въ бѣлое, безъ всякихъ украшеній, она явилась произнести въ присутствіи царя торжественный обѣтъ. Цѣль этого обѣта — возвратить расположеніе отчужденнаго супруга.

Царь. Въ бѣломъ одѣяніи, вмѣсто всякаго убранства — съ отпрысками пышной дурвы (священная трава) въ волосахъ, съ выраженьемъ покорной кротости въ лицѣ, смѣнившимъ прежній гнѣвный видъ (является она).

Царица. Нынѣ чувство долга моего предъ государемъ внушило мнѣ свершить обѣтъ священный. Такъ — умоляю! дозволь на краткій срокъ обременить тебя присутствіемъ моимъ!

Царь. Не бремя — милость для меня присутствіе твое! но что тебѣ внушило мысль — измурять обѣтомъ твое тѣло, нѣжнѣйшее фибръ лотоса? Предъ тобою рабъ, готовый самъ о милости молить тебя: тебѣ ль заботиться о томъ, чтобы его на милость преклонить?

Царица. Такъ не напрасенъ, видно, мой обѣтъ, когда теперь ужь я снискать успѣла привѣтливое слово господина моего.

Затѣмъ царица торжественно произноситъ свой обѣтъ, призывая въ свидѣтели божество луны.

Царица. Внемлите, боги, священному обѣту, цѣль котораго — на милость моего супруга преклонить. Вотъ мой обѣтъ: отнынѣ женщина, которая любима государемъ, желанья полная съ нимъ раздѣлить союзъ любви, пускай живетъ съ нимъ, не встрѣчая ни единой преграды отъ меня.

Брахманъ (Повѣренный царя, въ сторону, обращаясь къ царю). Вотъ такъ преступникъ, успѣвшій казни избѣжать, зарокъ даетъ — никогда опасности подобной вновь не подвергать себя! (Громко). Вотъ какъ? неужели къ супругу такъ царица равнодушна?

Царица. Желая супруга осчастливить, я собственное счастье въ жертву приношу. Суди жь, онъ дорогъ мнѣ, иль нѣтъ?

Царь. Неблагосклонная! ты вольна отдать меня другой, иль удержать своимъ рабомъ. Подозрѣнія твои несправедливы (собственно: я не таковъ въ отношеніи къ тебѣ, какъ ты подозрѣваешь!)

Царица. Умилостивленья обѣтъ свершился, какъ я предполагала. Дѣвы! удалимся!

Царь. Помедли! не должно такъ скоро покидать того, кого умилостивить желала ты!

Царица. Государь! обѣтъ свершенъ!

Не въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ представляется характеръ царя, когда вслѣдъ за этой трогательной сценой супружескаго примиренія является Урваши. Она присутствовала, хотя и невидимо, въ продолженіе предшествующей бесѣды между нимъ и царицей: теперь, по уходѣ этой послѣдней, она подкрадывается къ царю сзади и руками закрываетъ ему глаза.

Царь. То она, прекрасная, (собств. прекрасная чреслами), рожденная изъ лядей Нараяны (т. е. Урваши)! Какъ объяснить иначе этотъ сладкій трепетъ, объявшій мое тѣло! Такъ вѣдь красавицы ночей (цвѣтокъ, belle de nuit) лучъ солнца не разбудитъ Чтобы раскрыться, она ждетъ, пока взойдетъ луна.

Урваши, какъ нельзя серьознѣе, приняла отреченіе царицы и заявляетъ свои права на обладаніе царемъ. Подруга улетаетъ, и она остается съ царемъ одна, его любимою супругой.

Урваши. Предъ государемъ я виновна, что медлила такъ долго (его желаніе исполнить).

Царь. Нѣтъ, напрасно! Полнѣй блаженство, когда цѣной страданій куплено оно. Такъ истомленный зноемъ (путникъ) одинъ вполнѣ способенъ оцѣнить прохладной тѣни сладкую отраду!

Слѣдующее дѣйствіе можно назвать перломъ цѣлой драмы, хотя трудно представить себѣ, какимъ образомъ оно могло выполняться на сценѣ, требуя такой обстановки, которая была бы не подъ силу даже для нашихъ современныхъ театровъ. Это мело-драматическая интермедія, по стилю рѣзко отличающаяся отъ остальныхъ частей пьесы. Относительно стихосложенія и ритма, стихи, которыми она написана, представляютъ верхъ художественнаго совершенства, отъ начала до конца. Кромѣ того языкъ, который мы встрѣчаемъ въ этой части драмы, не санскритъ, а пракритъ. Составляя lingua vulgaris Индіи и, уступая санскриту относительно богатства формъ, онъ несравненно превосходитъ этотъ послѣдній относительно благозвучія. Нѣкоторыя строфы составляютъ что-то въ родѣ арій, и, кажется, были назначены для исполненія хоромъ, но сценическія указанія, встрѣчающіяся въ рукописяхъ, заключаютъ такія техническія подробности, объясненіе которыхъ въ высшей степени затруднительно.

Дѣйствіе открывается хоромъ нимфъ, оплакивающихъ печальную судьбу, постигшую Урваши. Нѣкоторое время она жила съ царемъ въ сѣни лѣса и наслаждалась невозмутимымъ счастьемъ, но вотъ —

однажды, на берегу Мандакини, царственный мудрецъ (царь) остановилъ свои взоры на одной изъ нимфъ, игравшихъ на пескѣ прибрежья. Вспыхнула гнѣвомъ Урваши, милая подруга царя, и, не внемля нѣжнымъ мольбамъ супруга, съ сердцемъ, смятеннымъ отъ ревности, забывъ завѣтъ боговъ, вступила въ заповѣдный для женщинъ лѣсъ Кумары (бога войны) — и вотъ! едва очутилась она за чертою лѣса, какъ внезапно преобразилась въ гибкую ліану!

Въ воздухѣ раздается грустное пѣніе нимфъ: улетая вмѣстѣ, онѣ оплакиваютъ скрывшуюся подругу.

Такъ иногда, тоскуя объ утратѣ милыхъ, томясь на пышныхъ волнахъ озера, льетъ слезы лебедей нѣжная чета.

Такъ лебедь одинокая груститъ въ разлукѣ съ милымъ, плавая по озеру, устланному роскошной пеленой цвѣтущихъ лилій.

Входитъ царь — на лицѣ его написано умственное разстройство, одежда въ безпорядкѣ. Сцена представляетъ глу-

хой лѣсъ, небо заволакиваютъ тучи, на землѣ видны группы разнаго рода животныхъ: слоны, павлины, лебеди и другія птицы. Декорація представляетъ скалы и водопады; сверкаютъ молніи и льется крупный дождь. Царь сперва, въ бѣшенствѣ, кидается въ погоню за облакомъ, которое онъ принялъ за демона, похитившаго его возлюбленную.

„Стой, злодѣй! Предатель-демонъ (Ра̀кшаса), стой! куда, похитивъ мою милую, ты мчишь ее? Что? Никакъ онъ съ горной выси къ небу поднялся и на меня оттуда сыплетъ градомъ стрѣлъ? (Хватаетъ глыбу земли и бѣжитъ поразить воображаемаго демона, потомъ, вглядѣвшись въ небо, продолжаетъ): Ахъ, нѣтъ! обманутъ я! то не гордый Ра̀кшаса, то туча, вооруженная громами, то не лукъ и стрѣлы (демона), то божій лукъ (собств. лукъ Индры т. е радуга), раскинутый въ пространствѣ дугою необъятной: не стрѣлъ, а лавина крупнаго паденье (я ощутилъ). То не свѣтлый образъ нимфы, а молній блѣдное сіянье, сіянье нѣжное, какъ слѣдъ, золотомъ оставленный на камнѣ осколка.“

Эти порывы безумной скорби опять смѣняются хорами, которые поютъ о страданіяхъ разлученной четы; но чтобы дать понятіе о высокой прелести цѣлаго, намъ пришлось бы выписать гораздо болѣе, нежели сколько мы можемъ себѣ дозволить. Ограничимся слѣдующими мѣстами:

„Все, на что я ни взгляну, говоритъ мнѣ объ утраченной подругѣ! Такъ и эта молодая кадàли (цвѣтокъ, съ красными полосками), на листкахъ которой дрожатъ капли росы, напоминаетъ мнѣ очи Урваши, когда на нихъ, бывало, въ минуту гнѣва выступаютъ слезы! О какъ найти мнѣ слѣдъ, который бы указалъ мнѣ путь моей негодующей подруги!“

Затѣмъ онъ начинаетъ обращаться къ различнымъ птицамъ, съ вопросомъ: не встрѣчались ли они въ своемъ воздушномъ странствіи съ его возлюбленной? Онъ обращается—къ павлину „красавцу съ темноголубой шеей и глазами изъ агата“,—къ кукушкѣ, „которую влюбленные зовутъ посланницей любви“, — къ лебедямъ „которые летятъ на сѣверъ: — ужь не встрѣтили ль они ее? ужь не у нея ли переняли грацію полета своего?“ — и къ какравакѣ, птицѣ, которая каждую ночь томится въ разлукѣ съ своей подругой. Но ни одна изъ пернатыхъ не дала ему отвѣта. Никто не видѣлъ исчезнувшей: ни пернатыя, ни пчелы, которыя жужжатъ среди лепестковъ лотоса, ни царственный слонъ, который покоится съ своей подругой подъ тѣнью дерева кадàмбы.

Царь. Какъ онъ играетъ съ этимъ обломкомъ шаллэки, покрытымъ молодыми отпрысками, вкуснымъ и благоуханнымъ, какъ вино, который подала ему его подруга!

Гляди! вонъ прекрасная, съ вершиной плоскою, гора, любимое жилище водныхъ нимфъ, по имени Сурабъ-и-Кандара! Ахъ, еслибы моя красавица (собств. прекрасная тѣломъ) нашлась гдѣ-нибудь здѣсь, въ тѣнистыхъ ущельяхъ горы! (входитъ, *по видимому*, въ пещеру) Какая тьма? Ужели молнія мой путь не освѣтитъ? Ужели такъ велико мое несчастье, что даже тучи не хотятъ ссудить мнѣ долю свѣта своего? (Буквально: отъ превратностей бѣдствій моихъ, даже и скопище тучъ сдѣлалось пусто отъ молній.) Однакожь нѣтъ! не осмотрѣвъ всѣхъ этихъ скалъ, я не уйду отсюда!

Арія. Такъ копытомъ жесткимъ роя землю, вепрь усталый, сквозь чащу пролагая путь, преслѣдуетъ упорно свою цѣль.

Царь. О гора, широкимъ скатомъ ограждающая лѣсъ! Стройная станомъ не искала ли пріюта подъ сѣнью рощъ твоихъ, гдѣ царитъ богъ любви? И на твоихъ ступеняхъ не склонялась ли для отдыха прекрасная? (Собственно: широкая чреслами женщина.)

Гора молчитъ? Боюсь, что отдаленіе мѣшаетъ мнѣ внимать ея отвѣту! Коль такъ, я подойду поближе и снова вопрошу!

О ты, сверкающая кристаллами (водопадовъ), увѣнчанная цвѣтами, оглашаемая дивной пѣснію киннаровъ (небесные пѣвцы), о земледержица (гора)! покажи мнѣ мою милую!

О царица земледержцевъ! подъ очарованною сѣнью твоихъ чащъ не видѣла ли ты утраченную мною, мою красавицу (собств. всѣми членами прекрасную), мою милую? Не видѣла?

Что? Она вѣщаетъ внятно: видѣла! О гдѣ жь она?—Увы! то отзвукъ моихъ словъ, пещеры сводомъ отраженный, долетаетъ до меня! Увы! какъ я усталъ! Дай, покуда отдохну на берегу этого горнаго потока и освѣжуся вѣющей отъ волнъ его прохладой. Но, странно! отчего жь мнѣ душу такой отрадой наполняетъ видъ этого потока, возмущеннаго отъ вновь прибывшихъ водъ?

Рябыя струйки волнъ, словно дугой нахмуренныя брови, и эти трепетныя стаи рѣчныхъ птицъ, точно поясъ пересѣкающія теченіе потока, и эта пѣна, несущаяся мимо бѣлой полосой, точно одежда женщины, которая влачится по землѣ! Какъ все это напоминаетъ мнѣ мою красавицу въ тотъ мигъ, когда, волнуемая гнѣвной думой о проступкѣ супруга, она порывисто ступала! Ужь не она ли это, Урваши́ моя, несется мимо, превращенная въ потокъ? Не попытаться ли склонить ее на милость? . . . . Пойду въ то мѣсто, гдѣ скрылись отъ меня ея прекрасные очи! (Собств гдѣ скрылась отъ меня эта прекрасноокая.) Спрошу у этого оленя: что дѣлаетъ моя милая? Но онъ не внемлетъ. Онъ не сводитъ глазъ съ своей подруги, которая къ нему подходитъ, медленно ступая: дѣтенышъ, грудь ея сосущій, ея походку замедляетъ!

Наконецъ царь находитъ драгоцѣнный камень, съ огнистымъ отливомъ; это камень единенія, могучій талисманъ, который долженъ возвратить ему Урваши́. Съ этимъ талисманомъ въ рукахъ, онъ обнимаетъ лозу и передъ нимъ—Урваши́, принявшая свой прежній видъ. Чудесный камень становится укра-

шеніемъ ея чела, и царь вмѣстѣ съ своей небесной супругой возвращается въ Аллагабадъ:

„Неси же насъ, крылатое облако! Ты намъ коней замѣнишь! Извивы молній пусть будутъ спицами нашей колесницы, а колесницей — горящій яркими цвѣтами, пышный Индры лукъ (радуга)!“ *(Улетаютъ. Музыка.)*

Пятое и послѣднее дѣйствіе начинается несчастнымъ событіемъ. Рубинъ единенія похищенъ соколомъ. Царь отдалъ повелѣніе преслѣдовать хищника, и вскорѣ лѣсной стражъ приноситъ драгоцѣнный камень и стрѣлу, которая пронзила сокола. На древкѣ стрѣлы оказывается надпись, изъ которой видно, что эта стрѣла принадлежитъ Айусу, сыну Урваши и Пуруравса. Царь не зналъ, что Урваши родила ему сына; но, не успѣлъ онъ прійти въ себя отъ изумленія, какъ является пустынница и вводитъ отрока съ лукомъ въ рукахъ. Этотъ отрокъ Айусъ, сынъ Урваши; она ввѣрила его благочестивой Кіаванѣ, которая воспитала его въ лѣсу и теперь возвращаетъ матери. Царь признаетъ въ немъ своего сына: подходитъ и Урваши, чтобы обнять его.

Съ сына не сводитъ очей, и грудь ея волнуется, высоко поднимаясь, какъ матери одной лишь можетъ волноваться грудь!

Но зачѣмъ же такъ долго скрывала она рожденье сына? Зачѣмъ же и теперь, въ минуту свиданья, она вдругъ залилась слезами? Послушаемъ, какъ она сама объясняетъ причину своей скорби:

„Внемли, великій государь! Въ ту пору, когда великій государь мое похитилъ сердце, я, подъ бременемъ томясь лежавшаго на мнѣ тяжелаго проклятья, на срокъ была отпущена къ тебѣ великимъ Индрою. Какъ скоро — такъ вѣщалъ могучій Индра — царь, любимецъ мой, увидитъ въ первый разъ лице рожденнаго тобою сына, немедленно ты возвратишься ко мнѣ, въ небесные чертоги.

Вотъ сынъ нашъ! Онъ возраста достигнулъ, когда говорить передъ отцемъ и самъ онъ можетъ за себя! (собств.: когда онъ и самъ можетъ расположить къ себѣ отца), а мнѣ — не жить ужь долѣй съ государемъ!“

Царь. Едва утѣшило меня свиданье съ сыномъ, какъ вотъ ужь новая грозитъ съ тобою, станомъ стройная, разлука! Такъ, иногда бываетъ, туча сначала дерево дождемъ отъ зноя исцѣлитъ, для того лишь, чтобъ вслѣдъ за тѣмъ сразить его стрѣлой перуна безпощадно!

Урваши. О горе мнѣ, несчастной! Покидая сына въ сладкій мигъ свиданья и съ землею разставаясь, я исполнию долгъ повиновенья, но — какъ знать? — государь увидитъ въ этомъ можетъ желанье съ нимъ разстаться поскорѣй. (Собственно: послѣ исполненія мною долга почтетъ меня имѣющею лице къ разлукѣ.)

Царь Не такъ, прекрасная! Влечетъ тебя покорность высшей волѣ, не собственная воля! Иди! Велѣньямъ Бога покориться должно! Я жъ, сыну царство передавъ, удалюсь въ пустынные лѣса, гдѣ бродятъ лишь одни стада газелей (собств удалюсь въ лѣса, посѣщаемые стадами газелей)!

На сценѣ дѣлаются приготовленія къ торжественному провозглашенію царевича государемъ, какъ вдругъ является новый deus ex machina—то Нара́да, вѣстникъ Индры.

Нара́да Всевидецъ, могучій Магха́ванъ (жертвенный эпитетъ Индры), вѣдая, что покинуть царство ты намѣренъ, шлетъ тебѣ свои велѣнья.

Царь. Что повелитъ онъ?

Нара́да. Волею боговъ (собств. волею созерцающихъ трехъ-міріе) готовится война боговъ съ титанами (асурами): потому, боговъ воинственный союзникъ, теперь оружія слагать не долженъ ты, а Урваши по смерть останется съ тобою, твоей подругою законной.

Затѣмъ дѣйствіе быстро идетъ къ счастливой развязкѣ. Съ неба являются нимфы, и приносятъ золотой сосудъ, съ водой изъ небеснаго Ганга, престолъ и другія принадлежности священнаго обряда; все это располагается на сценѣ: царевича провозглашаютъ соправителемъ царя-отца, и всѣ вмѣстѣ отправляются на поклоненіе царицѣ, которая такъ великодушно пожертвовала своими правами для небесной нимфы Урваши.

И такъ, мы видѣли полный разцвѣтъ того цвѣтка, котораго постепенное развитіе и возрастаніе можно прослѣдить чрезъ Пураны и Магабгарату до Брагманъ и Ведъ, котораго первый зародышъ таится глубоко въ той плодоносной почвѣ первобытнаго языка, изъ которой пріемлютъ свою силу и питаніе всѣ арійскіе языки. Глубокое пониманіе миѳологіи, проникающее въ самое сердце ея, обнаружилъ Карлэйль, замѣтивъ, — „что сказаніе, подобно банану, отъ одного едва замѣтнаго ростка, разрастается въ цѣлый лабиринтъ деревьевъ“. Первоначальный корень всѣхъ сказаній о Пурураваѣ и Урваши заключается въ краткихъ поговорочныхъ изрѣченіяхъ, къ которымъ обнаруживаютъ такую склонность всѣ древніе языки. Такъ—„Урваши любитъ Пурураваса“ значило „встаетъ солнце“; „Урваши исчезаетъ, увидѣвъ обнаженнаго Пурураваса“ значило „заря скрылась“; „Урваши возвращается къ своему возлюбленному“ значило „солнце заходитъ“. Имена: „Пурураваъ и Урваши“ индусскаго происхожденія, и должно отказаться отъ надежды — встрѣтить ихъ безъ измѣненія въ

другихъ арійскихъ нарѣчіяхъ. Но самыя представленія, соотвѣтствующія этимъ именамъ, мы находимъ и въ миѳологическомъ языкѣ Греціи. У Грековъ одно изъ многочисленныхъ названій зари было Эвридика. Имя ея мужа, подобно многимъ греческимъ словамъ, необъяснимо, но Орфей соотвѣтствуетъ санскритскому *R*ibhu или Arbhu, которое, хотя всего извѣстнѣе, какъ имя трехъ Рибу (*R*ibhu), встрѣчается въ Ведахъ, какъ эпитетъ Индры и одно изъ названій солнца. Вотъ что повѣствуетъ древнее преданіе: — „Эвридика, ужаленная змѣей (эта змѣя — ночь) умираетъ, и, послѣ смерти, исходитъ въ область Аида. Орфей слѣдуетъ за нею въ царство тѣней, и тронутые его скорбью боги, дозволяютъ Эвридикѣ возвратиться вмѣстѣ съ нимъ, если только на пути изъ подземнаго царства онъ ни разу не оглянется назадъ. Орфей обѣщаетъ и отправляется въ обратный путь изъ мрачнаго Аида въ міръ живыхъ; Эвридика слѣдуетъ за нимъ, но, увлеченный любовью или сомнѣніемъ, онъ оглянулся и Эвридика исчезла—такъ, какъ „при первомъ лучѣ“ или „при первомъ взорѣ“ солнца исчезаетъ заря. Быть можетъ, въ глубокой древности дѣйствительно существовалъ поэтъ, по имени Орфей, — древніе пѣвцы любили выбирать имена, заимствованныя отъ солнца;—но—былъ или не былъ такой поэтъ въ дѣйствительности — несомнѣнно одно, что сказаніе объ Орфеѣ и Эвридикѣ съ одной стороны не могло родиться изъ дѣйствительнаго событія, съ другой—необходимо предположить какой-нибудь поводъ для того, чтобы оно возникло. Въ Индіи, вслѣдствіе простаго созвучія именъ, миѳъ о Рибу (*R*ibhus) принялъ колоритъ мѣстный и историческій. Одно лицо или цѣлое племя по имени Bribu (Ригъ-В. VI, 46, 29)*) было принято въ общину Брахмановъ. Люди этого племени были искусные строители, и очевидно успѣли оказать существенныя услуги Барадва́джѣ. Такъ какъ они не знали ведійскихъ боговъ, то ихъ передали подъ покровительство Рибу́, и этимъ богамъ было приписано многое, что первоначально относилось только къ племени ихъ смертныхъ сотменниковъ (*B*ribu). Эти факты, относящіеся къ области исторической дѣйствительности, не поддаются миѳологическому

*) Этимъ объясняется мѣсто въ Ману X. 107 и показывается, какъ оно должно быть исправлено.

анализу, между тѣмъ какъ настоящіе миѳологическіе факты раскрываютъ свой смыслъ сами собою — надобно только умѣть обращаться съ ними. Чтобы перевести этотъ древній языкъ на обыкновенную рѣчь Аріевъ — нужна особая грамматика.

Я долженъ спѣшить заключеніемъ—какъ ни тяжело разставаться съ предметомъ, въ которомъ, какъ въ сводѣ, каждый отдѣльный камень, самъ по себѣ, грозитъ паденіемъ, между тѣмъ какъ цѣлый сводъ можетъ устоять противъ самыхъ сильныхъ потрясеній. Возьмемъ еще одинъ миѳъ. — Отношенія солнца и зари, какъ мы видѣли, послужили источникомъ для происхожденія столькихъ миѳовъ эротическаго характера, что возникаетъ вопросъ, извѣстенъ ли былъ Аріямъ, до ихъ разселенія, самый древній изъ боговъ, богъ Любви. Извѣстенъ ли былъ *Эротъ* въ этотъ отдаленный періодъ, на разсвѣтѣ исторіи, и что означало имя, которымъ называли его Аріи?

Имя Эрота принято производить отъ санскритскаго корня vṛi или var, т. е. избирать, отличать. Такое производство могло бы имѣть смыслъ, если бы имя Любви получило свое начало въ нашихъ современныхъ гостиныхъ; но можно ли сомнѣваться, что здоровое и наивное сердце первобытнаго человѣка не могло видѣть наиболѣе характеристичную черту любви въ осторожномъ, обдуманномъ взвѣшиваніи, сравненіи и выборѣ. Представимъ себѣ, насколько это возможно, здоровыя и сильныя ощущенія юношески-свѣжаго поколѣнія древнихъ людей, которое могло свободно отдаваться влеченіямъ сердца, не зная условныхъ законовъ и предразсудковъ утонченной цивилизаціи, и руководясь единственно тѣми законами, которые природа и естественное чувство изящнаго начертали въ сердцѣ каждаго человѣка. Представимъ себѣ, что такія сердца вдругъ озарила любовь—чувство, о которомъ они не знали, откуда оно пришло и куда оно можетъ повести, котораго они не умѣли ни опредѣлить, ни назвать. Когда имъ понадобилось назвать это чувство, куда же могли они обратиться за именемъ? Не должна ли была любовь представляться имъ пробужденіемъ отъ сна? Не казалась ли она имъ утромъ, которое озаряетъ душу божественнымъ сіяніемъ, наполняетъ сердце теплотою, своимъ свѣжимъ дыханіемъ очищаетъ все сущест-

во человѣка и проливаетъ новый свѣтъ на цѣлый міръ вокругъ него? Если это было такъ, то единственное соотвѣтствующее имя, которымъ они могли выразить чувство любви — единственное явленіе, которому они могли уподобить ея зарю — это румянецъ разсвѣта — восходъ солнца. „Солнышко взошло“ говорили они, быть можетъ, когда мы говоримъ: „я люблю;“ „закатилось солнце“,—когда мы говоримъ объ утраченной любви.

Это предположеніе, которое должно было бы представиться намъ само собою, если бы мы только могли отрѣшиться отъ нашей современной рѣчи, совершенно подтверждается этимологическимъ анализомъ древняго языка. Санскритское названіе зари uschas, греческое Ἠώς оба женскаго рода. Но Веды знаютъ зарю и мужескаго рода, собственно — восходящее солнце (Agni auschasya, Ἠφως); отсюда можно предположить, что Uschas въ греческомъ приняло форму Ἔρως. *S* часто измѣняется въ *r*. Въ санскритѣ общее правило, что *s*, за которымъ слѣдуетъ средній звукъ, превращается въ *r*. Въ греческомъ (въ лаконскомъ нарѣчіи) существуютъ формы на ορ вм. ος. (Ahrens D. D. § 8); въ латинскомъ *r*, между двухъ гласныхъ, въ древнихъ надписяхъ часто замѣняется болѣе первобытнымъ звукомъ *s* (asa=ara). Самое слово *uschas* въ латинскомъ превратилось въ *aurora*, которое произведено отъ посредствующаго auros, auroris, какъ flora отъ flos, oris.

Но, какъ бы ни казались заманчивыми подобныя аналогіи — доказывать этимъ путемъ переходъ санскритскаго *sch* въ греческой *r*, значило бы только — пускать пыль въ глаза. Нѣтъ, какія бы аналогіи ни представлялись въ другихъ нарѣчіяхъ, санскритское *sch* среди двухъ гласныхъ никогда еще не замѣнялось въ греческомъ звукомъ *r*. Потому Ἔρως не можетъ быть тоже самое, что *Uschas*.

Не смотря на то, Эротъ все-таки — восходящее солнце. Солнце въ Ведахъ часто называется бѣгуномъ, быстроногимъ или просто конемъ, между тѣмъ какъ въ болѣе пропитанной антропоморфизмомъ миѳологіи греческой, равно какъ и во многихъ отдѣлахъ Ведъ, солнце представляется въ образѣ человѣка, стоящаго на колесницѣ, которую въ Ведахъ влекутъ два, семь, или десять коней: въ греческой миѳологіи также — „колесница, везомая четырьмя конями“;

Ἅρματα μὲν τάδε λαμπρὰ τεθρίππων . . . . . .
Ἥλιος ἤδη λάμπει κατὰ γῆν. т. е.

„Колесница лучезарная о четырехъ конѣхъ и Геліосъ сіяетъ на землю„.

Эти кони также называются Haritas, и притомъ постоянно—женскаго рода. Кромѣ того ихъ называютъ: bhadrâs, т. е. *бодрые*, веселые (I,115,3); tschitrâ's—разноцвѣтные (I, 115,3); ghritasnâs, купающіеся въ росѣ (IV. 6,9); svaṁthschas—съ прекрасной поступью; vitaprischṭhâs, съ прекрасными хребтами (V. 45,10.) Такъ мы читаемъ — Ригъ-В. IV, 63,9: „Солнце впрягло десять Харитъ для своего теченія“.

Ригъ-В. I, 56,8. „Семь Харитъ да привлекутъ свѣтлое солнце на твоей колесницѣ“.

Ригъ-В. IV, 13,3. „Семь Харитъ везутъ его, солнце, соглядатая всего міра“.

Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ онѣ принимаютъ болѣе человѣческій образъ, и подобно тому, какъ заря, иногда называемая просто ashvâ—кобылицей, извѣстна также подъ именемъ сестры, такъ и эти Хариты именуются семью сестрами (VII. 66,5); а въ одномъ мѣстѣ (IX. 86,37) онѣ названы „прекрасно-крылыми Харитами“. Послѣ всего сказаннаго едвали нужно добавлять, что мы имѣемъ дѣло съ прототипомъ греческихъ *Харитъ*.

Какъ бы ни хотѣлось слѣдовать далѣе по пути, который открывается для сравнительной миѳологіи этимъ сближеніемъ греческихъ и санскритскихъ Харитъ, мы должны возвратиться къ Эроту, свиту котораго онѣ такъ часто составляютъ. Если, согласно съ законами, по которымъ совершаются превращенія обще-арійскихъ словъ въ греческомъ или въ санскритѣ, мы попробуемъ переложить Ἔρως на санскритскій, то окажется прежде всего, что производный суффиксъ ως, ωτος въ греческомъ — ничто иное, какъ окончаніе прошедшаго причастія, которому въ санскритѣ соотвѣтствуетъ окончаніе — *vant*; именит. *vâ* (вм. vân), род. *vatas*. Такъ какъ въ санскритѣ нѣтъ краткаго *e*, а греческій ρ соотвѣтствуетъ санскритскому *r*, то Ἔρως, ωτος, если бы только такое слово существовало вообще въ сан-

скритѣ, имѣло бы форму *Árvan*, *árvalas*. Arvan въ позднѣйшемъ санскритѣ значитъ: *конь*, но въ Ведахъ оно удержало отчасти другое, болѣе близкое къ первоначальному, значеніе: быстрый, бѣгущій, стремительный. Оно часто прилагается какъ эпитетъ къ солнцу, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служитъ названіемъ солнца, между тѣмъ какъ въ другихъ употребляется какъ существительное, съ значеніемъ коня или всадника. Такъ, подъ неотразимымъ вліяніемъ синонимическаго характера древняго языка, и безъ малѣйшаго старанія — выразиться фигурно, тотъ, кто называлъ солнце arvan, необходимо соединялъ съ этимъ словомъ представленіе о конѣ или всадникѣ. Слово arvan, хотя ему и не придавалось другаго значенія, какъ только: *быстрое солнце*, затрогивало и вызывало другія представленія, подъ вліяніемъ которыхъ солнце превратилось мало по малу въ коня или всадника. Arvan значитъ *конь* въ такихъ мѣстахъ, какъ напр. I, 91,20: —

„Богъ Сома даетъ намъ корову; Сома даетъ намъ быстраго коня; Сома даетъ сильнаго сына“.

Тоже самое слово значитъ: всадникъ, Ригъ-В. I. 132,5: —

„Всадникъ родится безъ коня, безъ узды“.

Здѣсь подъ всадникомъ разумѣется восходящее солнце, и существуетъ даже цѣлый гимнъ, обращенный къ нему, какъ коню. Мало того, развитіе языка и мысли совершается такъ быстро, что въ Ведахъ мнѣ обращается какъ бы вспять къ своему собственному началу, и одинъ изъ поэтовъ (I. 163,21) прославляетъ свѣтлыхъ Васу, ибо „изъ нѣдръ солнца они исторгли коня“. Такимъ образомъ árvan, само по себѣ, безъ всякаго прилагательнаго или эпитета, становится однимъ изъ именъ солнца, наравнѣ съ другими изъ древнѣйшихъ именъ того же свѣтила, каковы sûrya, âditya и др. Въ Ригъ-В. I, 163,3 поэтъ, обращаясь къ солнцу, говоритъ: „Ты, о Арванъ (конь), ты — Адитья“ (солнце); а (VI. 12.6) опять подъ тѣмъ же самымъ именемъ призывается Агни или солнце: „ты, о Арванъ, сохрани насъ отъ злаго нареканія! О Агни, блестящій всѣми огнями! ты подаешь сокровища, ты отгоняешь всякое зло; даруй намъ прожить въ счастіи сто зимъ; пошли намъ доброе потомство“.

Прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи указать нити, посредствомъ которыхъ это имя солнца въ Индіи связано съ первоначальнымъ представленіемъ греческаго бога Любви, должно замѣтить, что иногда кони, т. е. лучи солнца называются не только Harítas, но rohítas и áruschis, напр. Ригъ-В. I. 14,12, „впряги Арушисъ (A'ruschîs) въ твою колесницу, о свѣтлый Агни, Харитъ, Рохитъ и на нихъ привези намъ боговъ!“ Эти имена могли быть первоначально простыми прилагательными, которыя значили бѣлый, свѣтлый и темный *), но скоро они превратились въ названія извѣстныхъ животныхъ, принадлежащихъ богамъ, согласно съ ихъ различнымъ цвѣтомъ и характеромъ. Такъ мы читаемъ: —

Ригъ-В. II. 10,2.—„Внемли, лучезарный Агни, моей молитвѣ; два ли черныхъ (syâvâ), два ли гнѣдыхъ (róhitâ), или два бѣлыхъ (aruschâ) коня влекутъ твою колесницу“.

И далѣе—Ригъ-В. VII. 42,2:—„Впряги Харитъ и Рохитъ, или Арушисъ, которыя находятся въ твоемъ стойлѣ“.

Какъ árvat—въ значеніи коня, такъ áruschî употребляется въ значеніи коровы; напримѣръ, VIII. 55,3, гдѣ поэтъ говоритъ, что онъ получилъ четыреста коровъ (áruschîṇâm Kátuḥtsch shatâm). Эти áruschîs или свѣтлыя коровы болѣе исключительно принадлежатъ зарѣ, и вмѣсто того, чтобы сказать: „занимается заря“ древніе поэты *Веда* часто говорятъ: „возвращаются свѣтлыя коровы“ (Ригъ-В I. 92,1). Мы видѣли, что Хариты иногда превращались въ семь сестеръ; Аруши, первоначально свѣтлыя коровы, испытали ту же самую метаморфозу: —

Ригъ-В. X, 5, 5.—„Семь сестеръ, Аруши (свѣтлыя коровы) знали о солнцѣ“; или (X, 8, 3,)—„когда возносилось солнце, Аруши освѣжили свое тѣло въ водѣ“.

Ученымъ санскритологамъ едва ли нужно напоминать, что áruschî собственно женскій родъ отъ arvâ или arvân, хотя

*) Poi che l'altro mattin la bella Aurora
L'aer seren fe' bianco e rosso e giallo.
Ariosto, XXIII, 52.
Si che le bianche e le vermiglie guance,
Là dove io era, della bella Aurora
Per troppa etate divenivan rance.—
Dante, Purgatorio, II. 7.

существуетъ и другая форма женскаго рода árvati. Какъ vidvâ'n, вѣдущій, въ женскомъ родѣ имѣетъ vidúschî (tschikitvâ'n, tschikitúschî), такъ árvâ(n) имѣетъ áruschî,—форма, вполнѣ объясняющая образованіе женскаго рода отъ прошедшаго причастія въ греческомъ языкѣ. Это можно выразить слѣдующимъ уравненіемъ: vidvâ'n: vidúschî = εἰδώς: εἰδυῖα. Переходъ árvâ въ áruschî имѣетъ для насъ очень важное значеніе, потому что броситъ новый свѣтъ на происхожденіе другаго слова, произведеннаго отъ arvat, солнце; это слово—aruschá, существительное мужескаго рода, опять составляющее въ Ведахъ одно изъ употребительнѣйшихъ наименованій солнца. Aruschá, род. —âsya слѣдуетъ слабому склоненію и образовалось точно такъ же, какъ въ греческомъ—διάκτορος, ου вмѣсто διάκτωρ, ορος, а въ латинскомъ vasum, i, вмѣсто vas, vasis, или въ пракритѣ tscharantescha вмѣсто tscharatsu, или въ новогреческомъ ἡ νύκτα вмѣсто ἡ νύξ. Для санскритологовъ это всего лучше представить въ видѣ слѣдующаго уравненія:—árvâ (бѣгущій): árus: aruschá=párva (узелъ): párus: paruschá.

Это слово arushá, въ томъ значеніи, въ какомъ оно употребляется въ Ведахъ, подводитъ насъ какъ нельзя ближе къ греческому Эроту; ибо aruschá употребляется въ значеніи: свѣтлый —

Ригъ-В. VII. 75, 6.—„Видно, какъ свѣтлые, покрытые пятнами, кони влекутъ къ намъ блестящую зарю.“

Кони *) Индры, кони Агни и Бригаспати, быстрые какъ вѣтеръ и свѣтлые какъ солнце, которые лижутъ сосцы темной коровы, т. е. ночи, называются aruschá; паръ, который поднимается отъ палящихъ лучей солнца на разсвѣтѣ дня, члены, съ помощію которыхъ солнце взбирается на высоту небеснаго свода, громовая стрѣла Индры, огонь, видимый днемъ и ночью,—называются общимъ именемъ: aruschá.

„Наполняющій небо и землю свѣтомъ, сквозь мракъ пролагающій себѣ путь по небу, являющійся среди черныхъ коровъ ночи“ называется aruschá или свѣтлымъ быкомъ (aruschó vríschâ.)

*) Aruscha, si voisin d'Aruna (cocher du soleil) et d'Arus (le soleil), se retrouve en Zend sous la forme d'Aurusha (dont Anquetil fait Eorosh, l'oiseau), les chevaux qui traînent Serosh. — Burnouf, *Bhag. Pur.* LXXIX.

Но этотъ же самый *Aruscha* въ Ведахъ, также какъ и въ греческой миѳологіи представляется ребенкомъ:— Ригъ-В. III, 1, 4 — „Семь сестеръ вскормили его, радостнаго, бѣлаго, когда родился онъ, Aruscha, одаренный великимъ могуществомъ; какъ кони собираются къ народившемуся жеребенку, такъ боги воспитали солнце, когда оно родилось."

Въ Ведахъ Aruscha постоянно означаетъ юное солнце, солнце, прогоняющее мрачную ночь и посылающее свои первые лучи — воззвать отъ сна вселенную.

Ригъ-В. VII. 71, 1. „Ночь отходитъ отъ Зари, сестры своей; мрачная, открываетъ путь для Аруши."

Хотя въ нѣкоторыхъ изъ ведійскихъ названій солнца и заключается какъ бы неумышленный намекъ на его первоначально-животные аттрибуты, тѣмъ не менѣе оно скоро принимаетъ чисто-человѣческій образъ. Оно называется Nritschakschâs (III. 15, 3) „имѣющій человѣческія очи" и даже первые слѣды его крыльевъ, — обстоятельство, которому бы очень обрадовался Гримъ [1]), — являются уже въ Ведахъ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ онъ называется „Aruschâh suparnâs," „свѣтлое солнце съ прекрасными крыльями."

Τὸν δ' ἤτοι θνητοὶ μὲν Ἔρωτα καλοῦσι πτηνόν,
Ἀθάνατοι δὲ Πτέρωτα, διὰ πτεροφύτορ ἀνάγκην.

(Плат. Федръ 252, с: смертные еще Эрота крылатымъ называютъ, безсмертные же его *окрыляющимъ* зовутъ, ради (любви присущей) неудержимой, крылья придающей (влюбленнымъ), силы).

Какъ Эротъ—сынъ Зевса, такъ Аруша называется сыномъ Діауса (Divâh shishus):

Ригъ-В. VII, 15, 6—„Его, бога Агни, они снаряжаютъ и очищаютъ ежедневно подобно коню, совершившему свой бѣгъ,— подобно Арушѣ, свѣтлому солнцу, юному чаду Діауса (неба)".

Ригъ-В. VI. 49, 2.—„Поклонимся Агни, чаду небесъ, сыну силы, Арушѣ, свѣтлому пламени жертвы."

---

[1]) См Як. Гримма: Ueber den Liebesgott.

Этотъ сынъ—перворожденный изъ боговъ, ибо онъ является (V. 1, 5) „agre ahnâm", на разсвѣтѣ дней; „uschasâm agre" (X. 45, 7) въ началѣ зорь; но въ одномъ мѣстѣ ему приписываются двѣ дочери—различныя по внѣшнему виду—одна, усѣянная звѣздами, другая, озаренная свѣтомъ солнца — День и Ночь, которыя въ другомъ мѣстѣ называются дщерями солнца. Аруша не встрѣчается въ роли бога Любви, въ греческомъ значеніи этого бога; любовь, какъ чувство, не обоготворялось въ Ведахъ ни подъ какимъ именемъ. Кама, богъ любви въ позднѣйшемъ санскритѣ, въ Ведахъ никогда не имѣетъ личныхъ или божественныхъ аттрибутовъ, за исключеніемъ одного мѣста въ десятой книгѣ, и даже здѣсь любовь представляется скорѣе космогоническою силой, чѣмъ личнымъ существомъ.

Но есть другое мѣсто въ Ведахъ, гдѣ Кама, любовь, ясно сближается съ восходящимъ солнцемъ. Цѣлый гимнъ (II. 38, 6) обращенъ къ Savitar,—солнцу. Здѣсь говорится: „оно поднимается, подобно сильному пламени,—простираетъ свои мощныя руки,—уподобляясь даже вѣтру! Когда онъ остановитъ своихъ коней, прекращается всякое движеніе и по стопамъ его слѣдуетъ ночь. Но прежде чѣмъ она успѣетъ до половины окончить свою ткань, солнце восходитъ снова. Тогда Агни является всѣмъ людямъ и проникаетъ во всѣ жилища: свѣтъ его могучъ, и его мать, заря, отдаетъ ему лучшую долю, первое поклоненіе людей". Потомъ поэтъ продолжаетъ:—

„Онъ возвратился большими шагами, жаждущій побѣды; приблизился онъ, предметъ любви для всѣхъ людей (собств. любовь всѣхъ людей). Вѣчный приблизился, оставляя трудъ (Ночи) въ половину оконченнымъ; онъ послѣдовалъ велѣніямъ небеснаго Савитара.

„Любовь всѣхъ людей" можетъ значить: тотъ, кто любимъ всѣми людьми, или кто исполняетъ желанія всѣхъ людей. Я не думаю однако, чтобы названіе: Кама, любовь, придавалась восходящему солнцу—совершенно случайно.

Первоначальный солнечный характеръ бога любви, возлюбленнаго зари, не былъ забытъ даже въ позднѣйшихъ преданіяхъ Пуранъ. Мы находимъ, что одно изъ названій, придава-

емыхъ сыну Камы, Анирудде, (неодолимый, ἀνίκατος μάχαν),— Uschâpati, владыка Зари.

Если мы соберемъ мысленно всѣ представленія и намеки, сложившіеся въ Ведахъ около именъ: Arvat и Aruscha, то разнообразные мѳы объ Эротѣ, которые съ перваго раза кажутся исполненными столькихъ противорѣчій, становятся совершенно понятными. У Гесіода Эротъ—древнѣйшій изъ боговъ, рожденный въ то время, когда существовали только Хаосъ и Земля. Не есть ли это ведійскій Аруша,—„рожденный въ началѣ всѣхъ дней"? Онъ—младшій изъ боговъ, сынъ Зевса, любимецъ Харитъ, и въ то же время сынъ главной изъ нихъ, Афродиты, въ которой не трудно узнать женскаго Эрота (Uschâ вмѣсто Agni auschasya). Ключъ къ каждому изъ этихъ мѳовъ можно подыскать въ Ведахъ. Тамъ онъ „дитя, сынъ Діауса"; онъ впрягаетъ Харитъ, и оказывается, если не сыномъ *), то по крайней мѣрѣ „возлюбленнымъ Зари". Кромѣ того, въ греческой мѳологіи Эротъ точно такъ же имѣетъ многихъ отцовъ и матерей; родители, которыхъ приписываетъ ему Сафо,—Небо и Земля, тождественны съ его ведійскими родителями: Діаусомъ и Прою (Jdâ). Тѣмъ не менѣе Индія—не Греція, и, хотя мы можемъ прослѣдить корни и зародыши греческихъ словъ и представленій вплоть до ихъ первоначальнаго источника въ богатой мѳами почвѣ Индіи, тѣмъ не менѣе полный расцвѣтъ арійскаго языка, арійской поэзіи и мѳологіи принадлежитъ Элладѣ, гдѣ Платонъ объяснилъ намъ значеніе Эрота, и гдѣ Софоклъ воспѣлъ его въ слѣдующихъ стихахъ:

Ἔρως ἀνίκατε μάχαν,
Ἔρως, ὃς ἐν κτήμασι πίπτεις
ὃς ἐν μαλακαῖς παρειαῖς
νεάνιδος ἐννυχεύεις:
φοιτᾷς δ' ὑπερπόντιος, ἐν τ'
ἀγρονόμοις αὐλαῖς.
καί σ' οὔτ' ἀθανάτων φύξιμος οὐδείς

*) Ср. Maxim. Tyr XXIV. τὸν Ἔρωτά φησιν ἡ Διοτίμα τῷ Σωκράτει οὐ παῖδα, ἀλλ' ἀκόλουθον τῆς Ἀφροδίτης καὶ θεράποντα εἶναι. Ср. Preller, Griech. Mythologie, p. 238.

οὔθ' ἁμερίων ἐπ' ἀν-
θρώπων. ὁ δ' ἔχων μέμηνεν. *)

Если открытіе общаго происхожденія языковъ греческаго и санскритскаго Гегель называетъ открытіемъ новаго міра, то тоже самое можно сказать относительно общаго происхожденія греческой и санскритской миѳологіи. Открытіе совершилось, и наука сравнительной миѳологіи скоро займетъ въ ряду наукъ не менѣе важное мѣсто, какъ и сравнительная филологія. Въ настоящемъ трудѣ я успѣлъ объяснить два, три миѳа, но всѣ они принадлежатъ одному небольшому циклу, и къ разобраннымъ мною миѳологическимъ именамъ можно было бы примкнуть много другихъ, родственныхъ.

Интересующихся „геологіей языка" я могу отослать къ „Журналу сравнительнаго языковѣдѣнія" (Zeitschrift für vergl. Sprachforschung), издаваемому въ Берлинѣ моимъ ученымъ другомъ, докторомъ Куномъ, который въ своемъ изданіи далъ мѣсто сравнительной миѳологіи, совершенно основательно видя въ ней одинъ изъ составныхъ отдѣловъ сравнительной филологіи, и въ собственныхъ изслѣдованіяхъ указалъ нѣкоторыя черты поразительнаго сходства между сказаніями Ведъ и миѳологическими именами другихъ арійскихъ племенъ. Самые „Иппокентавры, Химера, Горгоны, Пегасъ и другія чудовищныя созданія" объяснились удовлетворительнымъ образомъ. Не раздѣляя во многомъ взглядовъ д-ра Куна и въ особенности расходясь съ нимъ во всемъ, что касается стихійнаго значенія боговъ (которыхъ онъ, вмѣстѣ съ Лауэромъ, авторомъ „Системы греческой миѳологіи", ставитъ въ слишкомъ исключительную связь съ измѣнчивыми явленіями облаковъ, грозы и грома, тогда какъ, мнѣ кажется, ихъ первоначальнаго значенія почти всегда слѣдуетъ искать въ связи съ солнцемъ), я убѣжденъ однако, что какъ у Куна такъ и у Лауэра можно научиться весьма многому.

*) Эротъ непобѣдный въ бою,
Эротъ побѣдитель богатства,
На нѣжныхъ занятахъ дѣвицы любишь покоиться ты,
Далеко за море идешь, въ пастушій вступаешь шалашъ.
Ни изъ вѣчныхъ боговъ, ни изъ смертныхъ людей,
Ни одинъ отъ тебя не бѣжитъ. (Антигона, 750, перев. С. Д. Шестакова).

Еще очень много, конечно, остается сдѣлать, и *вполнѣ* греческая миѳологія никогда не будетъ уяснена и истолкована — даже при пособіи Ведъ. Но должно ли это останавливать изслѣдователя? Въ греческомъ языкѣ много словъ, этимологическаго смысла которыхъ мы не можемъ объяснить себѣ даже при помощи санскрита. Слѣдуетъ ли изъ этого, что весь греческій языкъ чуждъ этимологической организаціи? Открывая извѣстныя разумныя начала въ образованіи хотя незначительной части греческихъ словъ, мы имѣемъ право заключить, что начала, проявляющіяся въ одной долѣ, легли въ основу развитія цѣлаго языка. Изъ того, что мы не въ силахъ выяснить этимологическій корень каждаго слова, еще не слѣдуетъ, что весь языкъ не имѣлъ этимологическаго начала, или что этимологія занимается „прошедшимъ, которое никогда не было настоящимъ“. Я вполнѣ допускаю, что позднѣйшіе Греки, каковы Гомеръ и Гесіодъ, не знали значенія (λόγος) своихъ миѳовъ (μῦθοι), но не болѣе было имъ извѣстно и настоящее начало (τὸ ἔτυμον) словъ ихъ роднаго языка. Что оказывается вѣрнымъ относительно этимологіи, то не менѣе вѣрно и въ отношеніи миѳологіи. Сравнительная филологія доказала, что въ языкѣ нѣтъ ничего случайнаго, неправильнаго, и тѣ явленія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, которыя прежде считались неправильными, теперь признаны за наиболѣе правильныя и первообразныя грамматическія формы. Такихъ же точно результатовъ, я увѣренъ, можно достигнуть въ области миѳологіи, и вмѣсто того чтобы выводить миѳологію, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, ab ingenii humani imbecillitate et a dictionis egestate (т. е. изъ немощи человѣческаго разума и изъ скудости человѣческой рѣчи), можно, кажется, наоборотъ искать для нея болѣе вѣрнаго объясненія въ „ingenii humani sapientia и dictionis abundantia“ (т. е. въ силѣ человѣческаго разума и богатствѣ человѣческой рѣчи). Миѳологія — ничто иное, какъ особая рѣчь, древнѣйшая оболочка языка. Миѳологія, обращаясь главнымъ образомъ къ природѣ и изъ явленій природы преимущественно къ тѣмъ, которыя носятъ отпечатокъ закона, порядка, силы и мудрости, въ тоже время простиралась на все. Въ миѳологіи все находило свое мѣсто и выраженіе: и начала прав-

ственности, и философія, и исторія, и религія—словомъ, ничто не избѣжало обаянія этой древней сивиллы. Но въ тоже время не слѣдуетъ забывать, что миѳологія сама по себѣ не есть — ни философія, ни исторія, ни религія, ни этика въ отдѣльности. Миѳологія, если дозволено будетъ употребить схоластическій терминъ, есть *quale*, а не *quid*, *форма*, а не *содержаніе*, и подобно поэзіи, скульптурѣ, живописи, обнимаетъ все, что могло быть предметомъ удивленія или поклоненія въ древнемъ мірѣ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О Н. И. НОВИКОВѢ

И ЧЛЕНАХЪ КОМПАНІИ ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ.

Сообщены Д. И. Иловайскимъ.

Предисловіе.

Печальная катастрофа 1792 года, которая въ конецъ разрушила литературную дѣятельность Новикова и его ученыхъ друзей и потрясла въ самыхъ основаніяхъ книжную торговлю въ Москвѣ, до сихъ поръ извѣстна была только въ общихъ и блѣдныхъ чертахъ. Документы, сообщаемые Д. И. Иловайскимъ, проливаютъ на нее яркій свѣтъ. Перечитывая эти криминальные памятники недалекаго отъ насъ прошедшаго, видимъ, какими громадными предпріятіями двигалъ Новиковъ и его ученые друзья и какихъ ничтожныхъ интригъ со стороны Прозоровскаго достаточно было, чтобы разрушить ихъ мгновенно.

Императрица давно съ неудовольствіемъ смотрѣла на дѣятельность Новикова. Недобрые замыслы предполагала Она въ этомъ вліятельномъ членѣ таинственнаго масонскаго кружка. Въ декабрѣ 1785 года, Екатерина II, «въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги», повелѣла «испытать его въ законѣ нашемъ», книги, изданныя имъ, разсмотрѣть и наконецъ всѣ городскія школы и больницы отдать въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія. Въ исполненіе этихъ Высочайшихъ повелѣній тогдашній московскій гражданскій губернаторъ П. В. Лопухинъ представилъ Императрицѣ слѣдующее донесеніе: [1])

Всемилостивѣйшая Государыня!

Два высочайшіе Вашего Императорскаго Величества указа отъ 23 дня генваря имѣлъ счастіе получить: *первой* объ изъясненіи содер-

[1]) Въ Москвитянинѣ 1842, № 3 это донесеніе напечатано было съ большими пропусками. Мы помѣщаемъ его вполнѣ.

жателю типографіи Новикову, что типографіи учреждены для заведенія книгъ, обществу полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; а какъ изъ его Новикова типографіи вышло не малое количество таковыхъ книгъ, то чтобъ его допросить о причинахъ, побудившихъ къ изданію тѣхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи имъ то дѣлано было; *второй* о вѣденіи Приказу Общественнаго Призрѣнія всѣхъ школъ и больницъ, въ городѣ состоящихъ, исключая только тѣхъ, кои особыми привиллегіями или жалованными грамотами снабдѣны или повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества поручены особому правленію духовному или свѣтскому, и объ осмотрѣ заведенной въ Москвѣ больницы отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, равно буде отъ онаго заведены какія школы, то объ освидѣтельствованіи оныхъ во всей подробности и о наблюденіи, чтобъ школы не инако учреждаемы были, какъ подъ начальствомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, имѣли свое производство на основаніи общихъ законовъ, и чтобъ тутъ расколъ, праздность и обманъ не скрывался.

Вслѣдствіе сихъ вашего Императорскаго Величества высочайшихъ повелѣній содержатель Новиковъ чрезъ управу благочинія сысканъ и представленъ въ губериское правленіе, гдѣ въ присутствіи, по изъясненіи ему, что типографіи учреждены для печатанія книгъ нужныхъ и полезныхъ, а не для того, чтобы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ, формально допрашиванъ: какъ изъ его типографіи вышло таковыхъ книгъ немалое число, то съ какимъ намѣреніемъ и по какимъ причинамъ оныя издавалъ? Который показалъ, что всѣ печатанныя книги въ его, Новикова, типографіи были представляемы имъ для разсматриванія опредѣленнымъ отъ правительства цензорамъ, по дозволенію коихъ и печаталъ, и почиталъ въ разсужденіи ихъ одобренія полезными, и при печатаніи книгъ другаго никакого намѣренія не имѣлъ, кромѣ пріобрѣтенія прибыли. Для легчайшаго жъ усмотрѣнія его показаніевъ при семъ всеподданнѣйше подношу его Новикова подлинный допросъ.

Касательно жъ до заведенія больницы и школъ отъ составляющихъ скопище извѣстнаго новаго раскола, то на сіе всеподданнѣйше имѣю счастіе донести, что оныхъ совершенно теперь нѣтъ, а пользовались прежде въ домѣ содержателя Новикова находящіеся при его типографіи работники, посторонніихъ же для пользованія никого принимаемо не было. Нынѣшняго жъ году генваря съ 1 дня взято имъ

для случающихся при типографіи больныхъ работниковъ изъ Приказа Общественнаго призрѣнія четыре годовыя кровати, и съ того времени въ его домѣ никто болѣе не пользуется, а ежели и сверхъ онаго числа случатся больные, то отсылаются въ публичныя больницы.

Школы жь и пенсіоны всѣ, сколько ихъ въ городѣ имѣется, еще прежде сего вслѣдствіе полученнаго отъ Вашего Императорскаго Величества къ господину Главнокомандующему Высочайшаго повелѣнія, опредѣленными отъ Преосвященнаго Московскаго, отъ Университета и отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія членами осматриваны и неспособные къ обученію учители всѣ исключены, закону жь обучать въ оныхъ дозволено единственно только тѣмъ, кои отъ Преосвященнаго Московскаго къ тому удостоены.

Въ прошломъ 1782 году при открытіи въ Москвѣ, съ дозволенія бывшаго г. Главнокомандующаго, Дружескаго Общества положено было въ ономъ содержать на коштѣ того Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по нѣскольку студентовъ, коихъ и содержалось до 30 человѣкъ и изъ нихъ каждому производилось въ годъ по 100 руб. и жили въ домѣ, принадлежащемъ профессору Шварцу, который надъ оными и надзиралъ. Присланы же были сіи обучающіеся по прошенію Общества отъ епархіальныхъ архіереевъ. Теперь же оныхъ осталось только 15 человѣкъ. А какъ содержатель Новиковъ и его товарищи въ содержаніи оной состоятъ почти всѣ и въ Дружескомъ Обществѣ, то мною посланъ былъ Исправляющій должность Оберъ-Полиціймеистера Полковникъ Толь для осмотрѣнія жилища сихъ содержащихся на коштѣ Общества, кои имъ распрашиваны и показали всѣ единогласно: что содержутся они единственно на счетъ Общества, а обучаются въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и Академіи наукамъ и богословіи, болѣе жь нигдѣ и ничему не обучаются; на содержаніе жь деньги получаютъ отъ Титулярнаго Совѣтника, князя Енгалычева, который надъ ними и присмотръ имѣетъ. Университета жь Директоръ Господинъ Фонъ-Визинъ по призывѣ ко мнѣ объявилъ, что дѣйствительно оные воспитанники ходятъ обучаться въ Университетъ какъ по утру, такъ и по полудни, и что ему извѣстно, что отъ Общества Дружескаго препоручено имѣть смотрѣніе за оными профессору Университета Чеботареву. Впрочемъ симъ осмѣливаюсь Ваше Императорское Величество удостовѣрить всеподданнѣйше, что въ Москвѣ теперь ни заведенныхъ школъ, кромѣ предуставленнымъ порядкомъ, ни больницъ кромѣ казенныхъ, ниже какихъ непозволенныхъ законами собраній не состоитъ. Предая жь все сіе на благоразсмотрѣніе Вашего Импе-

раторскаго Величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить на оное Вашего Высокомонаршаго повелѣнія

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ Петръ Лопухинъ.

Генваря 30 дня
1786 года.

Результатомъ этого осмотра было запрещеніе нѣсколькихъ масонскихъ книгъ.

Въ 1789 году долженъ былъ кончиться контрактъ Новикова съ Университетомъ относительно арендованія имъ университетской типографіи. Императрица не хотѣла оставить послѣдней въ рукахъ «мартиниста, хуже Радищева» и 17 октября 1788 года дала Московскому Военному Генералъ-Губернатору Еропкину слѣдующее повелѣніе:

«Петръ Дмитріевичъ!

Подтверждаемъ и теперь прежнее Наше повелѣніе, чтобъ университетская типографія по истеченіи срока въ содержаніе Порутчику Новикову не была отдана, о чемъ Вы Кураторамъ Университета Московскаго объявить. Пребываемъ впрочемъ Вамъ благосклонны.

Екатерина».

Дѣло 1792 года началось сомнѣніемъ, не была ли *Пращица* Питирима напечатана внѣ духовной типографіи и не имѣлось ли церковныхъ буквъ въ типографіи Новикова.

Сдѣлавши о томъ (22 апр. 1792 г.) запросъ начальнику Московской типографской конторы Петру Вас. Гурьеву, Московскій генералъ-губернаторъ князь А. А. Прозоровскій предписалъ въ то же время князю Жевахову изготовиться «близъ города Никитска взять подъ присмотръ одного нужнаго человѣка», а Московскому губернатору Петру Лопухину приказалъ предписать «освидѣтельствовать находящіяся здѣсь разныхъ хозяевъ книжныя лавки: нѣтъ ли въ оныхъ такихъ книгъ, кои въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія въ продажу производить запрещено». Почти во всѣхъ Московскихъ книжныхъ лавкахъ найдены были запрещенныя масонскія книги. Книгопродавческія связи Новикова обнимали всѣхъ московскихъ торговцевъ книгами какъ русскими, такъ и иностранными. Книгопродавецъ Переплетчиковъ «съ 1789 г. торговалъ въ своей лавкѣ на Никольской получаемыми отъ Новикова книгами съ уступкою 20%; въ 1790 году Новиковъ взялъ его комиссіонеромъ и посадилъ въ своей лавкѣ у Никольскихъ воротъ безъ вся-

каго письменнаго условія». Прикащикъ Новикова Никита Кольчугинъ имѣлъ свою лавку въ Петербургѣ, гдѣ торговалъ Василій Степановичъ Сопиковъ. Кромѣ того книгопродавцы Тимоѳей Полежаевъ, Никита Кольчугинъ, Матвѣй Глазуновъ и университетскій переплетчикъ Никита Водопьяновъ около 1785 года составили съ Новиковымъ условіе, чтобъ брать у него «всякой вновь выходящей, печатанной въ его типографіи книги по 50 экземпляровъ», старыхъ сколько пожелаютъ, съ уступкою 30% или 20%. Но это условіе осталось безъ дѣйствія. Въ 1789 году Кольчугинъ взялъ у Новикова для продажи разныхъ книгъ 80,000 экземпляровъ. Торговавшіе иностранными книгами въ Москвѣ также находились въ сношеніяхъ съ Новиковымъ. Иностранныя книги послѣдній выписывалъ чрезъ книгопродавца Бибера; товарищъ Бибера и управлявшій продажею его книгъ Утовъ (Uthof?) получалъ отъ Новикова для продажи книги и, хотя до начала слѣдствія уѣхалъ за границу, возвративши Новикову непроданныя книги, но Биберъ все-таки былъ призванъ къ допросу.

Такимъ образомъ подъ слѣдствіе разомъ попали всѣ занимавшіеся книжною торговлею въ Москвѣ. «Утговъ, Биберъ, переплетчикъ Занд-Марка, Переплетчиковъ, Полежаевъ и прочіе производили продажу книгъ отъ Новикова съ компаніею».

Самого Новикова держали въ его домѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Прозоровскій писалъ Жевахову: «Рецепты въ аптеку писать позволяйте доктору при себѣ, а по написаніи, взявъ оный подъ видомъ посылки въ аптеку, присылайте прежде въ мою канцелярію, а оттуда уже получая, отправлять оныя въ аптеку». Въ свидѣтельствованныхъ книжныхъ лавкахъ слѣдователи нашли книги запрещенныя [1]) и книги, напечатанныя безъ указнаго дозволенія [2]). Многія изъ книгъ

---

[1]) Сюда принадлежали: a) Избранная библіотека; b) Избранная библіотека для бѣдныхъ; c) *О заблужденіяхъ и истинѣ*, d) Хризомандеръ; e) Карманная книжка; f) Наука обращаться съ Богомъ; g) Правила христіанскаго воспитанія дѣтей; h) Толкованіе на одиннадцать утреннихъ евангелій (книга, запрещенная именнымъ указомъ 1788 года); i) Опытъ подвига въ благочестіи; k) Новая Киропедія; l) Мессіа, поэма; m) Апологія в. к.; n) 3-я часть проповѣдей Мнатія; o) Братскія увѣщанія; p) Образъ житія Енохова; q) Священная сатира на суету міра или эклисіастъ; r) Іоанна Арндта о истинномъ христіанствѣ; s) Изслѣдованіе философическихъ проповѣдей; t) Сединдневникъ Евдонадевхаріонъ; u) Судьба религіи. Всего полныхъ и по частямъ 5569 экземпляровъ.

[2]) Сюда отнесены были: 1) Иліотропіонъ или созерцаніе воли человѣческой съ волею божіею; 2) Священныя размышленія или бесѣды со Христомъ; 3) Священныя размышленія, ведущія къ исправленію христіанской жизни; 4) Наука благополучно умирать; 5) Разсужденіе о началѣ и концѣ и состояніи будущаго

показались слѣдователямъ подозрительными и отнесены въ число «напечатанныхъ безъ указнаго дозволенія», по видимому, безъ всякой на то причины.

Конфисковавъ всѣ подозрительныя книги и запечатавъ книжныя лавки, Прозоровскій занялся разборомъ бумагъ, захваченныхъ въ деревнѣ Новикова, и результаты своихъ изслѣдованій постоянно сообщалъ Императрицѣ. По настоянію Прозоровскаго Новикова рѣшено было передать для дальнѣйшихъ допросовъ Шешковскому. Отправивши Новикова въ Шлиссельбургъ подъ сильнымъ конвоемъ и съ мельчайшими предосторожностями, Прозоровскій немедленно донесъ о томъ Императрицѣ и прибавилъ: «Позвольте мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня, объяснить Вашему Императорскому Величеству, какъ нѣтъ ли иногда въ предыдущихъ моихъ всеподданническихъ донесеніяхъ описки о типографіяхъ Новикова или компаніи ихъ. Типографія въ 20 станахъ была учреждена въ бывшемъ домѣ графа Гендрикова, который купя, они сдѣлали великую пристройку да и прочія всѣ заведенія у нихъ были заведены въ томъ же домѣ и ложа, или по ихъ храмъ, тамъ же была. А Иванъ Лопухинъ, какъ изъ усердныхъ его компаньоновъ, имѣлъ небольшую въ особомъ домѣ типографію, какъ многія книги и означены печатью оной типографіи. А наконецъ онъ Лопухинъ присоединилъ свою типографію въ Гендрикова домъ къ

вірѣ; 6) Надгробныя размышленія; 7) Житіе св. Григорія Назіанзина; 8) Бесѣды Василія Великаго; 9) Гарвонда радостныя мысли; 10) Драгоцѣнная меду капля изъ ранъ Христа; 11) Увѣщаніе къ христіанскому жизни препровожденію; 12) Филонъ Іудеянинъ о суботѣ; 13) Натура и благодать; 14) Христіанское нравоученіе; 15) Блаженнаго Августина единобесѣдованіе души съ Богомъ; 16) Бесѣды избранныя Іоанна Златоустаго; 17) Почерпнутыя мысли изъ Енкизіаста; 18) Таинственное путешествіе въ островъ добродѣтели; 19) Райскіе цвѣты въ седьми цвѣтникахъ; 20) О дѣвствѣ св. Іоанна Златоустаго; 21) Бесѣды Макарія Египетскаго; 22) Вѣра, надежда, любовь. 23) Іоанна Масона познаніе самого себя; 24) Христіанская философія или руководство къ небесамъ; 25) Діоптра или мірозрительное зерцало; 26) Покоящійся Трудолюбецъ; 27) Сочиненія Іоанна Бюніана; 28) Драгоцѣнная книжка о внутренней гордости; 29) Лучи мудрости въ тип. Гиппіуса; 30) Богословское ученіе о состояніи неповрежденнаго человѣка, т. Пономарева; 31) Ангола, индѣйская повѣсть, т. Поном.; 32) Путешествія Кировы; 33) Смерть и страданіе Іисуса Христа, въ т. Гиппіуса; 34) Посрамленный безбожникъ и натуралистъ, т. Гип.; 35) Христіанинъ—воинъ Христовъ; 36) Путь къ безсмертному сожитію ангеловъ т. Гиппіуса; 37) Приключенія Теостриха Иліебъ-розы, т. Понон.; 38) Плоды трудовъ Галлера; 39) Щитъ противу болѣзни и смерти; 40) Златая книжица о прилѣпленіи къ Богу; 41) Лактанція Фирміана божественныя наставленія; 42) Утѣшительныя разсужденія; 43) Домъ молчанія; 44) Іоанна Мельхіора Генена; 45) Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Тула 1790 г; 46) Собранные полезные цвѣты; 47) Свойства счастія; 48) Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, 1781.

Новиковской или же къ компаніи. И такъ теперь существуетъ только одна, какъ вышеупомянулъ, въ бывшемъ домѣ гр. Гендрикова, который домъ весь запечатанъ и подробно пересматриванъ и нѣсколько нужныхъ къ свѣдѣнью оттуда взято бумагъ..... и въ которомъ находится не малыя библіотеки. Типографія жь работой остановлена впредь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, а только аптека оставлена свободной въ продажѣ медикаментовъ, которая имѣетъ хорошее учрежденіе, какъ аптекарь у нихъ искусный въ дѣлѣ своемъ и сверхъ того надсматриваетъ надъ оной, докторъ, ими нанятой..... Съ симъ всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству знатную часть бумагъ, взятыхъ у Новикова въ деревнѣ и въ домѣ его, въ Москвѣ, что прежде былъ гр. Гендрикова: въ нихъ важно, что на генеральной конвенціи въ Вольфенбютелѣ, гдѣ и герцогъ Брауншвейгскій присутствовалъ, отъ всѣхъ ложъ орденъ тамплiеръ запрещается возобновлять, а здѣсь они 5-ю степень называютъ тамплiнръ». Съ слѣдующей реляціей Прозоровскій отправилъ Императрицѣ «нѣкоторыя знаки ихъ секты» и прибавилъ въ заключеніе письма: «Прежде доносилъ я Вашему Величеству, что нашелъ только степени розовыхъ и золотыхъ крестовъ до 6-ти, а послѣ нашелъ, до 8 степени, которую въ бумагахъ отправленныхъ найти изволите, равно и экстрактъ изъ секретной инструкціи».

16 мая Прозоровскій просилъ митрополита Платона «назначить изъ духовныхъ чиновъ двухъ персонъ, ученіемъ и разумомъ извѣстныхъ», чтобы прочесть рукописныя сочиненія и переводы и «сдѣлать замѣчанія, въ чемъ они не согласуютъ православной вѣрѣ нашей или уставамъ церкви». Митрополитъ назначилъ Ректора Академіи Арх. Меѳодія и протопопа церкви Трехъ Святителей Василія Прокопіева.

Въ августѣ Прозоровскій по желанію Шешковскаго, сдѣлалъ допросъ И. В. Лопухину, кн. Трубецкому и И. П. Тургеневу, за которымъ 11 августа отправленъ былъ въ Симбирскъ подпоручикъ Ievлевъ. Въ томъ же мѣсяцѣ этимъ тремъ лицамъ объявлено было Высочайшее повелѣніе немедленно выѣхать изъ столицы и жить въ дальнихъ своихъ имѣніяхъ. 29 августа Прозоровскій донесъ Императрицѣ объ отъѣздѣ изъ Москвы кн. Трубецкаго и Тургенева и съ этимъ донесеніемъ препроводилъ къ Ней статью «изъ бумагъ барона Шрейдера подъ литерою *А. о призывѣ духовъ*». Прозоровскій не упустилъ при этомъ случаѣ замѣтить, что люди, которые даютъ подобнымъ вещамъ «видъ вѣроятія» — «безумцы или мошенники».

Въ тоже время дѣятельно разсматривались особыми цензорами, — Брянцевымъ и Геймомъ отъ Университета, и другими со стороны духо-

вества, книги во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ. Прозоровскій далъ цензорамъ строгую инструкцію. Въ апрѣлѣ 1794 г. въ Гендриковскомъ домѣ была найдена новая палата съ книгами, которая при первомъ осмотрѣ не была отперта. Въ ордерѣ, данномъ по этому случаю цензорамъ, Прозоровскій говоритъ между прочимъ: «Но я при семъ случаѣ долгомъ поставляю напомянуть вамъ цензировать книги съ всеприлежнѣйшимъ вниманіемъ, какъ отъ каждаго требуетъ вѣрноподданническій долгъ. Изъ книгъ, вами непризнанныхъ за неозволенныя, трагедія *Смерть Кесарева* весьма недостойна существовать». Вслѣдъ за тѣмъ Прозоровскій предписалъ Курбатову (23 апр. 1794 г.) «чтобы въ число вредныхъ книгъ отложили Вы книгу подъ названіемъ *Размышленія о дѣлахъ божіихъ* также и двѣ трагедіи подъ названіемъ: первая *Смерть Цесарева* и вторая *Юлій Цесарь*». Такъ подвергся уничтоженію одинъ изъ лучшихъ трудовъ Карамзина — переводъ Шекспировой трагедіи *Юлій Цезарь*.

Результатомъ осмотра книжной собственности Новикова было то, что изъ принадлежавшихъ ему книгъ 1964 книги отданы были въ Академію, 5194 въ Университетъ, 18,656 сожжены.

Донесеніемъ 24 августа Прозоровскій испрашивалъ соизволенія Императрицы «не отсылать книгопродавцевъ къ суду, а обязавъ ихъ подписками, зачтя въ штрафъ четырехъ-мѣсячное запечатаніе книгъ, оныя повелѣть распечатать и имъ позволить производить продажу». Но вскорѣ Прозоровскій приказалъ Московскому Городскому Магистрату «въ самой скорости сдѣлать надъ книгопродавцами рѣшеніе по законамъ». Въ Магистратѣ нашлось одно лицо, (младшій членъ онаго Захаръ Горюшкинъ, впослѣдствіи профессоръ Московскаго Университета), которое на основаніи дѣйствовавшихъ законовъ старалось доказать, что книгопродавцы за свою вину подлежатъ довольно легкому наказанію. Большинство членовъ Магистрата было другаго мнѣнія. Сдѣлавши строгій выговоръ смѣлому адвокату московскихъ книгопродавцовъ, Прозоровскій сталъ ожидать Высочайшаго рѣшенія по ихъ дѣлу. 27 октября 1795 года преемникъ Прозоровскаго Генералъ-Губернаторъ Измайловъ просилъ увѣдомить его о Высочайшей волѣ относительно виновныхъ. По случаю рожденія В. Кн. Николая Павловича имъ объявлено было помилованіе..... 11 ноября 1796 года императоръ Павелъ I повелѣлъ освободить Новикова изъ заключенія. Тургеневу, Лопухину, Трубецкому разрѣшенъ былъ въѣздъ въ столицы.

Новиковъ вышелъ изъ Шлюссельбургской крѣпости почти нищимъ. Долги его были неоплатны. На него со всѣхъ сторонъ посыпались взысканія. Относящіеся къ этому дѣлу документы будутъ напечатаны въ слѣдующемъ томѣ «Лѣтописей».

Н. Тихонравовъ.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Спѣшу Вашему Императорскому Величеству съ симъ нарочнымъ всеподданнѣйше донести, что Высочайшій Вашего Величества указъ отъ 13 сего апрѣля я удостоился получить 18 тогожъ теченія къ вечеру; но исполненіемъ пріостановился для 21 числа, дня дражайшаго для насъ рожденія Вашего Императорскаго Величества. А между тѣмъ скромно старался я развѣдать, нѣтъ ли означенной въ указѣ Вашего Величества книги въ продажѣ въ Москвѣ, въ лавкахъ. И такъ я поручилъ одному довѣренному мнѣ человѣку изъ благородныхъ людей,—не сказывая однако болѣе, что я слышалъ, что продается будто какая-то книга о раскольникахъ,—чтобы онъ съѣздилъ посмотрѣть и купить для меня по лавкамъ, который купилъ мнѣ о раскольникахъ книжку церковной печати, и я оную здѣсь на усмотрѣніе Вашего Величества прилагаю; но сія есть другая. Однако я послалъ Оберъ-Прокурора Конторы св. Синода Гурьева, чтобы сказалъ мнѣ, въ Синодской ли Типографіи оная печатана; но еще отвѣтствія не получилъ. А тутъ-же оной купилъ изъ числа запрещенныхъ Вашимъ Величествомъ книгъ *Новая Киропедія*, почему и заключилъ я, что Новиковъ, опять вновь напечатавъ ихъ, выпустилъ; а прежніе въ Синодальной Конторѣ поставлены за печатью. А 21 числа, далъ наставленье совѣтнику Уголовной Палаты Алсуфьеву, какъ надежнымъ я его почелъ ко исполненію сей коммиссіи, а съ нимъ назначилъ людей надежныхъ же, губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Данилова и засѣдателя верхняго земскаго суда Писарева съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобы по окончаніи осмотра и его, Николая Новикова, съ собою привезли ко мнѣ, которыя къ вечеру отправилися въ деревню Новикова верстахъ въ 60 отъ Москвы въ Никитскомъ уѣздѣ.

На другой день, созвалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера и полицеймейстера, которымъ поручилъ прямо отъ меня ѣхать осмотрѣть близь Сухаревой башни ихъ Типографію. Прокурору Колычеву съ однимъ частнымъ приставомъ Ивановымъ поручилъ осмотрѣть лавку и магазинъ книгъ евожъ, Новикова, и въ евожъ домѣ у Никольскихъ воротъ совѣтнику ка-

зенной палаты Буланину съ двумя частными приставами Семеновымъ и Пименовымъ осмотрѣть всѣ вольныя лавки книжныя, въ которыхъ во всѣхъ нашли всѣ запрещенныя Вашимъ Величествомъ книги; но только въ каталогахъ не означены, а скрытно продавались. Равно въ лавкѣ у Никольскихъ воротъ, тожъ въ магазинѣ и въ домѣ бывшемъ графа Гендрикова оныя найдены. Я лавки всѣ вообще запечаталъ и книгопродавцовъ взялъ подъ стражу и иныхъ допрашивалъ; они сперва не хотѣли сказывать, что брали у Новикова, а потомъ признались, а особливо прикащикъ Новикова, племянникъ умершаго Никиты Павлова и съ нѣкоторымъ достаткомъ, во всемъ чистосердечно признался и показалъ, что у нихъ сіи книги есть еще на Гостинномъ дворѣ и за Москвою рѣкою, въ старомъ Монетномъ Кадашевскомъ дворѣ, что нынѣ суконная фабрика, гдѣ они всѣ и запечатаны. И по его показанію всѣхъ таковыхъ книгъ по ихъ цѣнѣ на 5000 рублей, но вновь ли они печатаны, онъ не знаетъ, какъ онъ третій только годъ у Новикова прикащикомъ при домѣ на Никольской улицѣ и отъ него ихъ получилъ изъ магазейну Типографіи. Но, кажется, нѣтъ, Всемилостивѣйшая Государыня, сумнѣнья, чтобы они не были послѣ запечатанья вновь тиснены, или тогда полиція худо осмотръ имъ здѣлала. Съ негожъ взято двѣ подписки во время главнокомандованія графа Брюса о другихъ еще книгахъ, которыя по указужъ Вашего Величества запечатаны и оставлены въ лавкѣ его въ коробахъ, которыя и теперь находятся: что впредь таковыхъ книгъ въ тисненье не давать и не торговать. Потомъ предмѣстникъ мой Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ подобную той взялъ росписку съ него, гдѣ подписалися еще Гамалей и прочія члены, и объявленъ указъ Вашего Величества, что, впредь естьли противо онаго поступитъ, лишается права имѣть Типографію. Въ пополненіе и то больные книгопродавцы объявили, что они ихъ и по ярмонкамъ возили продавать. Примѣчанья и сіе, Всемилостивѣйшая Государыня, достойно, что означенный прикащикъ Кольчугинъ объявилъ притомъ мнѣ, что онъ оставилъ расколъ и подалъ прошеніе здѣшнему митрополиту о пріобщеніи его къ нашей церкви. Какъ же всѣ сіи книгопродавцы подвергли себя по законамъ Вашего Величества жестокому наказанію и ссылкѣ,

а какъ ихъ будетъ болѣе десяти человѣкъ; для чего и удержался я ихъ отсылать къ суду, и велѣлъ подробно разобрать ихъ лавки и всѣ непозволенныя книги отобрать. А не соизволители повелѣть, Всемилостивѣйшая Государыня, положить изъ милосердія какой-либо на нихъ штрафъ? А только будутъ содержаны до окончанія дѣла прикащикъ и сидѣльцы книжной лавки Новикова.

Вчерась пополудни возвратился совѣтникъ Алсуфьевъ съ его товарищи и привезъ многія письмы и не мало напечатанныхъ книгъ; но какъ тамъ ниже малой Типографіи не нашлось такъ и буквъ церковныхъ, такъ равно и въ Типографіи его въ Москвѣ таковыхъ буквъ не отыскалось. Бумагъ же доставлено ко мнѣ не мало и я все, Государыня, не имѣлъ время разсмотрѣть, а только что въ вечеру по поверхности ихъ разсматривалъ. И тутъ все масонскія бумаги и кажется, что секты *розенкрейцъ*. А его съ собой за тѣмъ не взялъ совѣтникъ Алсуфьевъ, что онъ его нашелъ нездоровымъ, а его неожидаемый пріѣздъ сдѣлалъ въ немъ великую революцію, а особливо какъ начали письма пересматривать, то онъ падалъ почти въ обморокъ отъ чрезвычайныхъ спазмовъ. При немъ есть докторъ Багрянскій, который отъ нихъ былъ въ чужихъ краяхъ и прошлаго году пріѣхалъ и коллегіей медицинской признанъ докторомъ, и еще лѣкарь отставной отъ службы, то Алсуфьевъ поручилъ его городничему съ командой. Но какъ городничій не очень человѣкъ надежный, то я вчера съ вечера отправилъ туда маіора гусарскихъ ескадроновъ, князя Жевахова, офицера исправнаго и надежнаго, съ 12 гусарами, съ однимъ оберъ- и ундеръ-офицеромъ и капраломъ, который сего утра рано долженъ быть тамъ, приказалъ ему, какъ болѣзнь Новикова позволитъ, привезти его сюда. А тогда посажу его подъ карауломъ въ домѣ его на Никольской, какъ сей домъ близъ самаго подворья, гдѣ Тайная Экспедиція находится; да во ономъ домѣ и поставленъ уже карауль при офицерѣ для стражи дому и книгъ. А въ видѣ томъ сіе я здѣлалъ, какъ ожидалъ прибытія Новикова. Но какъ несомнѣнно по бумагамъ масонскимъ должно будетъ быть слѣдствію не малому, то всенижайше прошу Вашего Величества, чтобы всемилостивѣйше изволили прислать къ сему слѣдствію

въ помощники мнѣ тайнаго совѣтника Шешковскаго, какъ къ таковымъ производствамъ пріобыкшаго. Секретарь же Тайной Експедиціи, хотя человѣкъ добрый и трудолюбивый, но не одаренъ натурой для таковыхъ изворотливыхъ слѣдствій, о чемъ и Шешковскій знаетъ. А я теперь осмѣлился къ разсмотрѣнію бумагъ присоединить къ себѣ губернатора Лопухина, ибо всѣ почти немалыя тетради, тожь и прочія исполненія по сей коммиссіи ему поручены.

Между прочимъ близь Сухаревой башни въ домѣ Типографіи найдены двѣ библіотеки въ довольномъ числѣ книгъ на разныхъ діалектахъ, въ числѣ которомъ, сказываютъ, есть старинныхъ авторовъ: принадлежатъ оныя — одна умершему Шварцу, а другая Николаю Новикову или компаніи ихъ: то что со оными повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, здѣлать? А права Типографіи они лишены быть должны, да и всѣ напечатанныя уже книги должно разобрать, на что требуется время немалое, и по отобраніи запрещенныхъ книгъ, что съ прочими повелите здѣлать? Компаніяль сей отдать или какъ преступившихъ Высочайшія Вашего Величества повелѣнія конфисковать и съ публичнаго торгу продать въ пользу Приказу общественнаго призрѣнія? Женажь Шварцова съ дѣтьми находится въ домѣ Типографіи, гдѣ и полковникъ Гамалей и братъ Новикова жительство имѣютъ. На что все буду всеподданнѣйше ожидать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

24 апрѣля 1792 года.

2.

Секретно.

Порутчикъ Николай Новиковъ, изъ Никитска сего апрѣля 25 числа доставленный, въ домѣ главнокомандующаго о нижеслѣдующемъ показалъ.

Вопросъ. Какъ помянутый Новиковъ по общему объ немъ свѣдѣнію есть человѣкъ, не стяжавшій никакого имѣнія ни по рожденію его, ни по наслѣдству, ниже другими извѣстными и законными средствами; а нынѣ почитается въ числѣ весма достаточныхъ людей, напачеже знатными зданіями и заведеніями; то откуда онъ и какимъ образомъ все то пріобрѣлъ?

Отвѣтъ. Сначала когда принялъ Университетскую Типографію, было еще у него обще съ братомъ наслѣдственнаго послѣ отца имѣнія въ Мещовскомъ уѣздѣ двѣсти пятьдесятъ душъ, которую продали Тютчеву за осмьнадцать или за двадцать тысячь, не упомнитъ, которыя на принятіе Университетской Типографіи обращены. Отъ Типографіи получалъ первые годы доходъ онъ одинъ и черезъ четыре или пять лѣтъ имѣлъ онъ въ книгахъ капиталу до полутораста тысячь рублей. Вторыя онъ пять лѣтъ содержалъ съ компаніею, которою принято книгъ на восемьдесятъ тысячь за заплатою его долговъ изъ числа вышеписанной суммы.

Компанія состоитъ изъ 14 членовъ:

1. Князь Юрей Никитичь } Трубецкіе.
2. Князь Николай Никитичь } положили капиталъ около 10,000 рублей.
3. Князь Алексѣй Александровичь Черкасской — помнится, 5 или 6 тысячь положили;
4. Иванъ Петровичь Тургеневъ положилъ 5 тысячь;
5. Алексѣй Михайловичь Кутузовъ далъ 3 тысячи;
6. Баронъ Шрейдеръ Прусской націи служилъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку порутчикомъ, а теперь въ чужихъ краяхъ — положилъ 3500 рублей.
7. Василей Васильевичь Чулковъ — 5 тысячь.
8. Семенъ Ивановичь Гамалея — безъ капиталу.
9. Князь Енгалычевъ — безъ капиталу.
10. Алексѣй Ѳедоровичь Ладыженской положилъ 5 тысячь рублей.
11. Петръ } Володимеровичи Лопухины больше всѣхъ поло-
12. Иванъ } жили въ капиталъ, около 20 тысячь.
13. Братъ Новикова.
14. Онъ Новиковъ.

Упомянуто выше, что книгъ на 80 тысячь отъ обоихъ.

На сей капиталъ съ получаемою на оный прибылью и съ кредитомъ построили строеніе и протчія завели заведенія.

Со ста двадцати душъ получаемый доходъ и занятыя двадцать тысячь употребилъ онъ на строеніе въ деревнѣ, имѣя въ своихъ дачахъ камень, лѣсъ и другой матеріалъ; деревня была заложена въ Воспитательный домъ, а потомъ выкупилъ

прошлаго года занявши у Походяшина безъ процентовъ и безъ закладу и безъ всякаго обязательства 50,000; Походяшинъ же ему знакомъ, но ничѣмъ обязанъ не былъ.

На Компаніи состоитъ долгу разнымъ людямъ, которымъ и долговыя обязательства нѣсколько лѣтъ переписываются, болѣе 300,000 рублей; часть долгу подъ закладъ имѣнія Черкасскаго, Кутузова, стапятидесяти душъ и оба дома, общей одинъ въ Воспитательномъ домѣ, а другой въ партикулярныхъ рукахъ, а протчіи долги по векселямъ.

Имѣніе все Компаніи состоитъ въ тѣхъ домахъ и книгахъ, а денегъ очень немного въ оборотѣ. Домъ, Типографія, аптека стали Компаніи около полутораста тысячь А въ деревнѣ его строеніе стоитъ одного денежнаго платежа, тысячь двацать или двадцати пяти; домъ на Никольской прежде принадлежалъ ему, а теперь Компаніи; оный стоилъ съ передѣлкою тысячь тридцать.

Вопросъ. Найдены мною въ лавкахъ вашихъ и въ другихъ мѣстахъзапрещенныя Ея Императорскимъ Величествомъ книги. Для чего вы продавали оныя въ противность Высочайшаго указа за данными вами подписками?

На что отвѣчалъ:

Что онъ тѣ книги изъ прежде напечатанныхъ отдалъ съ прочими книгами, прикащику своему Московскому купцу Колчугину съ тѣмъ, чтобы оныя продавать, въ чемъ и признаетъ свою вину.

Вопросъ. Какой предметъ былъ печатать книги, большою частію толкующія священное писаніе, которыя по Высочайшему указу печатать должно отъ Синода; а во оныхъ много противнаго богословію толкуется: то съ какимъ намѣреніемъ книги сіи издавали? какъ и вновь переведенныя найдены книги всѣ духовныя?

Сначала печатали книги разныя, а послѣ примѣтя, что духовныя болѣе выходятъ, начали ихъ больше и печатать; а впротчемъ, когда онъ былъ содержатель Университетской Типографіи, тогда духовныя цензировали; когда же заведены вольныя Типографіи, тогда духовные чины не стали принимать цензировать, а онъ отдавалъ оберъ-полицыймейстеру и

университетскому цензору; прежде же цензоры не имѣли въ подписываніи на книгахъ нынѣшней формы, а отмѣчали только въ началѣ книги, что печатать дозволяется.

Къ сему показанію Порутчикъ Николай Ивановъ сынъ Новиковъ руку приложилъ.

3.

Секретно.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Послѣ отправленія моего 24 сего апрѣля всеподданическаго къ Вашему Императорскому Величеству донесенія, посланнымъ отъ меня маіоромъ княземъ Жеваховымъ Новиковъ вчера въ вечеру ко мнѣ доставленъ, и я его вопрошалъ въ силу Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, гдѣ онъ пріобрѣлъ имѣнія, а къ тому открывшіяся обстоятельствы. И мучась съ нимъ болѣе трехъ часовъ, не могъ больше добиться, какъ что изъ прилагаемаго здѣсь въ копіи его допроса увидѣть соизволите. Таковаго коварнаго и лукаваго человѣка я, Всемилостивѣйшая Государыня, мало видалъ; а къ тому жъ человѣкъ натуры острой, догадливой и характеръ смѣлой и дерзкой: хотя видно, что онъ робѣетъ, но не замѣшивается; весь его предметъ только въ томъ, чтобъ закрыть его преступленія. И съ великимъ трудомъ довести я его могъ, что онъ признался, что запрещенныя книги продавать велѣлъ и то тогда, когда я для улики прикащика его привесть хотѣлъ: притворяется такъ, что прежде посланный совѣтникъ Алсуфьевъ съ товарищи увѣрились, что онъ опасенъ въ жизни, и онъ просилъ ихъ, чтобъ его исповѣдать и причастить. Но на сіе Алсуфьевъ не согласился. А маіоръ Жеваховъ сказываетъ, что все падалъ въ обмороки, а у меня при распросѣ началъ такъ притворяться, что онъ будто въ изнеможеніе приходитъ. Но я ему сказалъ, что сіе излишне: хотя онъ можетъ нездоровъ, но не такъ слабъ, а позволилъ ему сѣсть и сказывать отвѣты свои секретарю. И я признаться долженъ предъ Вашимъ Величествомъ, что я одинъ его открыть не могу: надо съ нимъ сидѣть по цѣлому дню, а то онъ шепчетъ, слово скажетъ, другаго искать будетъ. Я и по масонству его которыя читалъ бумаги, спрашивалъ, но онъ все от-

вѣчалъ такъ, что недостойно и писать, то есть въ генеральномъ словѣ: все хочетъ закрыть. То осмѣлюсь сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, что кромѣ Тайнаго Совѣтника Шешковскаго правды изъ него ничего не свѣдаешь, да и ему надо довольно потрудиться. Сегодни въ вечеру еще его въ пополненіе допрашивать буду. Съ нимъ пріѣхалъ докторъ, о которомъ я Вашему Величеству упоминалъ въ предъидущемъ донесеніи. А такъ какъ онъ боленъ или притворяется, посадилъ и съ докторомъ подъ стражу въ домѣ его и маіора князя Жевахова приставилъ главнымъ смотрителемъ. Да и паче потому въ Тайную Експедицію не послалъ, что Ваше Величество въ Высочайшемъ указѣ повелѣть изволили: естьли откроются буквы, то взять его подъ присмотръ.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

26 апрѣля
1792 г.

4.

Московскій купецъ 2-й гильдіи Никита Никифоровъ сынъ Кольчугинъ, прикащикъ Новикова, торгующій въ книжной лавкѣ въ домѣ Новикова, состоящемъ за Никольскими воротами, допросомъ показалъ: Что онъ находится въ числѣ старообрядцовъ; а нынѣ подалъ здѣшнему митрополиту просьбу, чтобъ его присоединить къ православной церкви россійской. Прежде онъ имѣлъ торгъ въ москотильномъ ряду, а потомъ тотъ торгъ, яко малоприбыточный, перемѣня, производилъ уже торгъ книгами, получая оныя изъ Санктпетербургской Академіи наукъ и изъ типографіи Новикова за деньги и на кредитъ. Для чего и имѣлъ здѣсь три лавки на Никольской улицѣ: въ одной самъ сидѣлъ и торгъ производилъ до 790 года, въ другихъ двухъ лавкахъ сидѣльцы. А какъ посредствомъ сего торга познакомился онъ съ Новиковымъ и, получа отъ него разныя выгоды, перешелъ къ нему въ домъ въ прикащики, а въ своей лавкѣ оставилъ сидѣльцовъ. Принявши прикащичью должность и взявъ въ свое вѣдомство книжныя лавки и книжной магазинъ, принималъ отъ Новикова книги въ продажу

изъего типографіи, что въ домѣ, бывшемъ гр. Гендрикова, въ числѣ которомъ и запрещенныя книги отданы были ему въ продажу. Отдаваныжь оныя ему были отъ прикащиковъ, тамо находящихся, по повелѣнію Новикова, въ чемъ онъ и росписку представилъ, данную ему отъ прикащика его Алимпія Иванова сына Панина, которыя онъ и продавалъ, а въ публичный каталогъ ихъ не вносилъ, для того, что онѣ были запрещенныя; а между прочимъ и во всѣ лавки сіи книги отпускалъ онъ торгующимъ за деньги и на кредитъ. А сколько числомъ оныхъ, не упомнитъ, а по собраніи тѣхъ книгъ можетъ онъ узнать и о ихъ количествѣ. И признавая вину свою предъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ томъ проступкѣ, откровенно объявилъ, что всѣ книги запрещенныя хранились кромѣ магазеина на Соляномъ дворѣ и въ Кадашевскомъ домѣ, гдѣ суконная фабрика, а всѣхъ запрещенныхъ книгъ въ пріемѣ у него было 3598; изъ лавкижь и изъ магазеина продано оныхъ, какъ примѣрно онъ считаетъ, третья часть; а всякаго званія книгъ распродавано было въ годъ, какъ онъ считаетъ, тысячь на 25 и болѣе; ежели на 25,000 продано, то, считаетъ онъ, было барыша 15,000. А по возвышенію продажи и барышъ соразмѣрно пріумножался. Въ разсужденіи долгу на бывшей Компаніи, котораго простирается за 300,000 р., не считаетъ онъ, чтобы книгопродажею было великое имъ подкрѣпленіе, какъ натурально, что они и за долги платятъ проценты. И сія Компанія была уже въ самомъ, такъ сказать, разстроенномъ положеніи; но нынѣ заводчикъ Походяшинъ, распродавъ свой заводъ, положилъ, какъ онъ слышалъ, до 300000 своихъ денегъ. Изъ прежней же Компаніи кто сколько клалъ въ капиталъ, оныхъ даны векселя къ возврату имъ положенной суммы, и такъ оные нынѣ въ заведеніи семъ не участвуютъ, а принадлежитъ все оное, какъ и оба дома, бывшій гр. Гендрикова и другой, что на Никольской, Новикову и Походяшину. А каковъ уже между ними былъ разсчетъ въ книгахъ, того онъ подробно не знаетъ. Походяшинъ же побужденъ употреблять на все сіе свое имѣніе, яко онъ находится въ числѣ ихъ братства, и теперь живетъ въ Москвѣ. Его члены сей шайки не выпускаютъ почти изъ виду и обираютъ, сколько возможность позволяетъ. Хотя утвердительно

онъ сказать не можетъ, но однакожь не считаетъ, чтобъ запрещенныя книги были печатаны вновь послѣ запретительнаго Ея Императорскаго Величества указа; но они при осмотрѣ были скрыты, такъ какъ и нынѣ Новиковъ велѣлъ ему содержать ихъ въ разныхъ мѣстахъ для того единственно, что естьли впредь будетъ осмотръ, то чтобы они опять могли быть сохранены: то онъ ихъ и положилъ, какъ выше значитъ, на Солянномъ дворѣ и на Кадашевскомъ дворѣ. Впрочемъ извѣстно ему, что и въ недавномъ времени были печатаны книги такогожь содержанія духовнаго и ихъ ордена, но какія именно, онъ не знаетъ. А сверхъ того Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго позволено было отъ правительства распродать, но впредь не печатать; однакожь они опять ее начали недавно печатать. Притомъ утверждаетъ онъ, что полковникъ Гамалѣй, хотя тамъ и живетъ, но онъ непосредственно тѣмъ не управляетъ заведеніемъ, а управляетъ ассессоръ Аничковъ и батырщикъ Ильинскій, аптекоюжь управляетъ живущій тамъ докторъ Френкель. Онъ же Кольчугинъ, примѣчая ихъ непозволенные обороты, хотѣлъ отойтить отъ нихъ и болѣе года просилъ, чтобы съ нимъ разочлися и оставался единственно, что не сдѣлали съ нимъ разсчету до сего времени. И въ семъ допросѣ показалъ самую сущую правду, какъ долгъ сущаго христіанина и вѣрноподданнаго Ея Императорскаго Величества обязываетъ.

5.

Наборщикъ Степанъ Ильинской показалъ:

1. Назадъ тому два года печатана была книга Метафизика въ 3-хъ частяхъ, которой напечатано триста екземпляровъ и хранится оная нынѣ у типографщика Салькова въ домѣ Гендриковскомъ.

2. Моральной Катехизисъ печатанъ въ нынѣшнемъ году, а отданъ былъ въ типографію Иваномъ Владимеровичемъ Лопухинымъ, и хотя онъ, Ильинской, отговаривался отъ печатанія, но Лопухинъ сказалъ ему, что онъ долженъ печатать, что̀ велятъ; а притомъ далъ ему, противъ прочихъ печатаемыхъ книгъ, большую плату, и обѣщалъ исходатайствовать

офицерской чинъ, почему имъ той книги и отпечатано двѣсти экземпляровъ, которые и взяты имъ Лопухинымъ; и гдѣ онъ ихъ дѣвалъ, не знаетъ.

3. На Французскомъ языкѣ книга *Оригія* дана въ печать Новиковымъ и по отговоркѣ его, Ильинскаго, отъ печатанія оной Новиковъ платилъ ему за каждой листъ по два рубли; при печатаніи же, какъ онъ французскаго языка не знаетъ, корректуру правилъ находящійся въ домѣ Новикова докторъ Багрянской.

4. Назадъ тому года четыре печатана *Христіанская ручная книжка* 1-я часть. Гдѣжъ оная находится, или отдана въ продажу,—не знаетъ. Сверхъ того сказывалъ ему, Ильинскому, наборщикъ Серебренцкой, что назадъ тому года два печатаема была имъ книга *Посланіе Пякова* и говорилъ, что очень хороша; однако онъ, Ильинской, ея не читалъ и, гдѣ оная находится, не знаетъ; а, какъ тогда типографщикомъ былъ Сальковъ, то онъ болѣе о семъ извѣстенъ.

Болѣе жь онъ, Ильинской, о книгахъ ничего не знаетъ.

6.

Дополненіе къ допросу Новикови.

По показанію вашему Компанія собрала деньгами 57,500 рублей; ваше же капиталъ съ братомъ 80,000 р. былъ въ книгахъ; а заведенія ваши по показанію вашему стоятъ 180,000 рублей. Хотя сію сумму положили вы невелику, однакожь и тутъ превосходитъ оная капиталъ 122,500 рублями. Но отсылаете вы сіе на доли ваши слишкомъ 300,000 рублей. Положите 320,000 рублей; со оныхъ полагая по 6 процентовъ, сочиняетъ въ годъ заплаты 19,200 руб. Сверхъ того при ономъ заведеніи потребно на содержаніе смотрителей и работниковъ, тожь на заготовленіе матеріаловъ, слѣдственно примѣрно полагать должно, что вы годоваго дохоту должны имѣть 40,000 рублей, а судя по множеству въ магазинѣ книгъ и давно напечатанныхъ расходъ оныхъ великъ быть не долженъ, а аптека развѣ одна вамъ приноситъ доходы? То сей пунктъ объясните.

Къ 1 пункту. Во объясненіе сего пункта, по причинѣ кажущагося малымъ капитала нашего къ производству заведеній, нами учиненныхъ, нижайше представляю слѣдующее: 1) Что домъ Никольской купленъ мною уже былъ прежде составленія компаніи, по покупкѣ же заложенъ былъ мною же, а равно и перестроенъ; въ компанію же вступилъ готовый и она на него капитала не употребляла. 2) Что расходъ на учиненныя заведенія употребленъ былъ нами не вдругъ, но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, да и то по частямъ; а потому и была удобность къ оборотамъ и производству всего дѣла. 4) Вступившія отъ меня въ капиталъ компаніи книги, хотя и не составили тотчасъ капитала денежнаго; но однако и служили они великимъ пособіемъ въ производствѣ дѣла, потому что они отданы мною въ компанію не по продажной цѣнѣ, но за 25 коп. рубль; слѣдовательно и выручка денежная была не малая. 4) Наличныя деньги, приходившія вдругъ и по большей части прежде употребленія расхода вступившія, были великимъ пособіемъ къ производству дѣла. Они суть слѣдующія: 1) за московскія вѣдомости и журналы, при нихъ издаваныя, вступали всѣ съ начала года; 2) за напечатаніе разныхъ извѣстій при газетахъ; 3) за печатаніе посторонніхъ книгъ, какъ то на щетъ кабинета Ея Императорскаго Величества, такъ и разныхъ партикулярныхъ людей, которыхъ бывало печатано у насъ много, и за которыя по напечатаніи тотчасъ получали всю сумму съ великою выгодою; 4) за печатаніе разныхъ особыхъ объявленій при газетахъ, также разныхъ же особыхъ мѣлкихъ піесъ, какъ то: объявленій театральныхъ, маскерадныхъ и другихъ, векселей для купеческихъ канторъ, питейныхъ контрактовъ, ярлыковъ, билетовъ и протчихъ мѣлкихъ извѣстій, которыя всѣ по причинѣ ихъ множества и малаго расхода въ матеріялахъ на нихъ употребляемаго, приносили прибыли весьма много; а такихъ напечатаній весьма бывало много въ нашей типографіи, по причинѣ довѣренности публики къ исправному, хорошему, наипаче же къ отмѣнно скорому исполненію поручаемыхъ намъ работъ. Такъ что можно сказать завѣрное, что нѣсколько лѣтъ типографія наша была почти единственною въ цѣломъ государствѣ для большей части типографскихъ работъ

изъ присутственныхъ мѣстъ и партикулярныхъ людей; и по такому то умноженію работъ и типографія наша по временамъ увеличивалась и дошла до совершенства, въ какомъ она прежде не была. 5) Книги, печатанныя нами по сускрипціи, доставляли знатныя наличныя суммы денегъ и коихъ у насъ ежегодно бывало много; 6) Продажа собственныхъ нашихъ книгъ, наипаче школьныхъ и учебныхъ, бывшихъ нѣсколько лѣтъ почти во всеобщемъ употребленіи, доставляла немалыя суммы; а наипаче по дѣланной нами уступкѣ и отдаванію въ сроки.

5) Сверхъ всего донесеннаго и слѣдующее дѣлало намъ немалыя выгоды и доставляло способность въ оборотахъ: 1) промѣнъ собственныхъ нашихъ книгъ на книги другихъ типографій; 2) платежи нашими книгами кредиторамъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, за братыя нами разныя матеріялы.

6) Что же касается до многаго числа книгъ, въ магазеинѣ лежащихъ, то осмѣлюсь представить, что мы ходячихъ и надежныхъ книгъ печатали по многу и по нѣскольку разъ; для примѣра донесу объ одной: *юридической словарь* печатали, ежели не ошибусь, три или четыре раза, и помнится тысячи по три екземпляровъ.

7) Годовыя доходы отъ всего донесеннаго, хотя были неравны, но кажется мнѣ, сколько могу упомнить, что гораздо превышали сумму 40,000 руб., а въ нѣкоторыя годы едвали не возвышались и слишкомъ въ двое.

8) Долги наши возрастали не вдругъ, но по нуждѣ и временамъ.

9) Что касается до аптекарскихъ доходовъ, то объ нихъ ничего сказать не могу, сколько они приносили выгоды для того, что аптека поручена въ особое смотрѣніе и о сихъ статьяхъ весьма недостаточное имѣлъ свѣдѣніе, потому что по причинѣ ежегодныхъ моихъ, уже нѣсколько лѣтъ, продолжительныхъ болѣзней, не могъ я входить въ разсмотрѣніе сихъ счетовъ.

Показали вы мнѣ, что духовныя книги печатаны прежде Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа 786 года, а послѣ будто не печатали; но у васъ найдены въ деревнѣ въ противность тому указа напечатанныя многія книги,

которымъ здѣсь реестръ прилагается; [1]) *а годъ ихъ тисненія не означенъ: то для чего ихъ печатали? по вашему ли повелѣнію или другихъ директоровъ вашей типографіи и на какой конецъ оныя въ деревню къ вамъ привезены были?*

Къ 2 пункту. Всепижайше доношу:

---

[1]) Реестръ книгамъ, взятымъ безъ переплету изъ деревни Г-на Новикова: 1) *Магазинъ свободно-каменщической*, содержащій въ себѣ рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ, пѣсни, письма, разговоры и другія разныя краткія писанія стихами и прозою. Москва, 1784 въ типографіи Лопухина съ указнаго дозволенія; 2) *Вольнокаменщическія рѣчи*, говоренныя въ собраніяхъ златаго розоваго креста древнія системы; 3) *Преложеніе соборнаго посланія св. апостола Іакова;* 4) *Духовный путеуказатель*, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей и къ приведенію ея внутреннимъ путемъ къ совершенному созерцанію и ко внутреннему миру. Часть I. Москва. Въ тип. Лопухина съ указнаго дозволенія. 1784. 5) *Колыбель камня мудрыхъ*, описанная неизвѣстнымъ шевалье на французскомъ языкѣ, а на нѣмецкій переведена І. А. М. С. Москва. Въ той же типографіи 1783; 6) *Избранная библіотека* часть II, изданіе второе, или новое начертаніе истинныя теологіи, въ которой ученіе спасенія въ новомъ свѣтѣ представлено ко славѣ Бога и ко всеобщему назиданію съ письмомъ, приписаннымъ всѣмъ человѣкамъ; 7) *Начертаніе всеобщаго нравовъ исправленія чрезъ соединеніе всѣхъ впрующихъ* съ письмомъ посвященнымъ всѣмъ владыкамъ, теологическое и нравственное исправленіе часть 2-я; 8) *Избранная библіотека* часть I, нѣсколько сочиненій о тріединствѣ божіи и о примиреніи; 9) *Собраніе разныхъ пѣсней, ко умиленію души служащихъ*. Часть 1. Москва. Въ тип. Н. Лопухина съ указнаго дозволенія. 1785; 10) *Тайна творенія по видимымъ и невидимымъ чудесамъ его*; 11) *Новое химическое свѣтило, изъ источника натуры и ручнаго опыта почерпнутое* съ присовокупленіемъ философской притчи и разговора между алхимистомъ, Меркуріемъ и Натурою. Сочиненіе Михаила Сендивогія. Москва Въ т. Н. Лопухина съ указнаго дозволенія 1785; 12) *Магическій драгоцѣнный камень;* 13) Часть первая *О рожданіи и рожденіи натуральныхъ вещей;* 14) *Духъ масонства*, нравоучительныя и истолковательныя рѣчи Вильгельма Гучинсона; 15) *Соборное посланіе Св. ап. Іакова* съ толкованіями и примѣчаніями относительно ко внутренней жизни; 16) *Таинство креста Іисуса Христа и членовъ его*. 17) *Простосердечное наставленіе о молитвѣ;* 18) *Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе;* 19) *Іоанна Арндта О истинномъ христіанствѣ, шесть книгъ* съ присовокупленіемъ Райскаго Вертограда, переводъ съ нѣмецкаго. Часть 1. Печатаны въ Москвѣ въ вольной типографіи Н. Лопухина съ указнаго дозволенія 1784; 20) *Библейскій и эмблематическій словарь;* 21) *Должности братьевъ З. р. к. древнія системы*, говоренныя Хризоэпрономъ въ собраніяхъ юніоратскихъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ рѣчей другихъ братьевъ. Москва. У Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1784; 22) *Преложеніе псалмовъ Св. пр. и царя Давида*, по нѣмецкому переводу, 1785 г; 23) *Темный міръ*, книга первая; безъ начала съ 81 листа до 176, конца также нѣтъ.

1) Книги, означенныя въ реестрѣ, сколько могу упомнить, печатаны всѣ до состоянія Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа въ 1786 годѣ.

2) У которыхъ годъ ихъ тисненія не поставленъ, тѣ еще не совсѣмъ были допечатаны; а нѣкоторыя еще и въ половинѣ остановлены;

3) Печатаны были сіи книги по согласію всѣхъ членовъ, имѣвшихъ вліяніе въ дѣла; а въ которой типографіи именно которая книга печатана, не упомню.

4) Всѣхъ сихъ книгъ печатано было по малу: въ продажѣ никогда не было изъ нихъ ни одного екземпляра; но только весьма малое число сихъ книгъ разошлось между собою.

5) Почувствовавъ Монаршій гнѣвъ Ея Императорскаго Величества, убоялись мы, и отъ страха свезены они были въ деревню, дабы сокрыть ихъ.

6) Совсѣмъ не было намѣренія ни у одного изъ насъ когда нибудь выпущать сіи книги въ публику; но печатали единственно съ тѣмъ, чтобы хранить у себя и давать оныя только тѣмъ изъ масоновъ, которые имѣли бы склонность къ познаніямъ сего рода.

Вообще же при намѣреніи печатать сіи книги, не было у насъ никакого злаго намѣренія, даже нималѣйше худаго; но единственно почитая ихъ полезными для собственнаго нравственнаго противъ вольнодумства исправленія и употребленія тѣхъ изъ масоновъ, которые иностранныхъ языковъ не знаютъ.

Не дѣлая въ сокрытіи сихъ книгъ нималѣйшаго извиненія или оправданія, яко виновный, повергаю себя къ священнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ, испрашивая Монаршаго Ея Императорскаго Величества милосердія.

Книги запрещенныя вы продавать съ прочими позволили прикащику вашему, въ чемъ уже и извиненіе предъ Ея Императорскимъ Величествомъ приносите; а только увѣряете, что вы послѣ указа Ея Величества ихъ вновь не печатали, то какже вы могли такое великое число сокрыть? Объясните въ точности: слабостію ли это было осмотрщиковъ или вашею тонкостію? и кто вамъ въ семъ непристойномъ изворотѣ были сообщники?

Къ 3 пункту. Всенижайше доношу:

1) Изъ сихъ книгъ: 1) Хризомандеръ, 2) Карманная книжка, 3) Апологія, 4) Братскія увѣщанія, 5) Крата Репов, 6) Химическая псалтырь, 7) о древнихъ мистеріяхъ и ежели еще есть не помню, конфискованныя въ первый разъ, а въ которомъ годѣ не упомню же, были осматриваны и отобраны только въ университетской книжной лавкѣ; и которыя переписаны, покладены и запечатаны печатью Московской Управы Благочинія и отданы подъ мое сохраненіе, которыя и нынѣ въ томъ коробѣ находиться должны въ лавкѣ. По всѣмъ же другимъ лавкамъ купцовъ, торгующихъ книгами какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, сіи книги отбираемы не были. Даже и въ нашемъ магазинѣ осмотру не было; а потому нѣкоторыхъ изъ сихъ книгъ и осталось помногу. Сіи оставшія книги отданы были купцу Кольчугину на сохраненіе и лежали у него очень долго, гдѣ не вѣдаю, безъ всякаго употребленія, не производясь въ продажу. По послѣ, когда въ другихъ, не нашихъ, лавкахъ сіи книги продолжаемы были продажею, то по слабости и необмышленности по прозьбѣ торгующихъ позволилъ и я съ прочими книгами: у насъ же въ лавкѣ сіи книги продавать отъ меня запрещено было.

2) Что же касается до запрещенныхъ въ другой разъ книгъ, то тѣхъ изъ нихъ, которыя печатаны были у насъ: 1) Драгоцѣнная капля; 2) Седмодневникъ; 3) Минятія третій томъ; 4) Предисловіе къ житію Енохову; 5) Златая книжица и еще какія не упомню: изъ сихъ книгъ ежели остались, то развѣ по скорости отбора и замѣшанности всего магазина, потому что разборъ дѣлали люди непривыкшіе и переносили изъ покоя въ покой безъ всякаго порядка, чѣмъ весь магазинъ смѣшанъ былъ и одна книга по нѣскольку разъ въ осмотръ приходила; послабленія же отъ осматривавшихъ не было никакого: ибо они отбирали по назначенному уже реестру. При семъ осмотрѣ, какъ магазинъ былъ въ разныхъ мѣстахъ съ лавкою, то нѣкоторыхъ изъ духовныхъ книгъ оставлено было для своего употребленія книгъ по 25 и по 50, а какихъ именно, не помню. Но сіи книги въ числѣ разрѣшенныхъ; кто же ихъ отбиралъ, не упомню. Всѣ сіи книги, какъ первыя, такъ и вторыя послѣ Высочайшаго запре-

щенія печатаны подлинно не были, ни одна книга. Не помня же вѣрно всѣхъ книгъ, и кто отбиралъ ихъ, не могу я никого назвать и сообщникомъ; но по сему пункту, гдѣ есть преступленіе себя одного, яко виновнаго, къ священнымъ Ея Императорскаго Величества стопамъ повергаю, испрашивая Высочайшаго Монаршаго Ея Императорскаго Величества милосердія.

7.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ дополненіе донесенія моего Вашему Императорскому Величеству по поводу преступленія Новикова, допрашивалъ я прикащика его книжной лавки и магазина въ домѣ его на Никольской, о которомъ я и въ предъидущемъ Вашему Императорскому Величеству донесеніи упоминалъ; который, давъ мнѣ обѣщанье все объявить, что знаетъ, по истиннѣ, я обнадежить его осмѣлился, Всемилостивѣйшая Государыня, Высочайшею Вашего Императорскаго Величества милостію: что Ваше Императорское Величество, увидя его искреннее признаніе, по всегдашнему Вашего Императорскаго Величества къ подданнымъ милосердію, изволите уменьшить заслуженное имъ по законамъ наказаніе и, можетъ быть, и совсѣмъ простить преступленіе его соизволите. Равно допрашивалъ я одного сидѣльца и переплетчика той же лавки, о которомъ мнѣ сказалъ прикащикъ Кольчугинъ, что онъ давно у Новикова: то и сему таковую жь Высочайшую Вашего Величества милость обѣщать осмѣлился, дабы тѣмъ способомъ открыть скорѣе непозволенные поступки Новикова; и допросы ихъ въ копіяхъ здѣсь всеподданнѣйше Вашему Величеству пріобщаю; такожь копію и вторичнаго допроса Новикова, здѣланнаго мною чрезъ посланные къ нему пункты, здѣсь всеподданнѣйшежь Вашему Величеству подношу; пункты оные для того я къ нему посылалъ, что онъ сказывается нездоровымъ и чтобъ онъ своей рукой противъ оныхъ написалъ. Онъ долго сего не исполнялъ, но я обѣщалъ перевесть его въ Тайную Експедицію и ѣсть ему давать не велѣлъ, то оной и исполнилъ. Но онъ все вертится къ закрытію своихъ важныхъ преступленіевъ, какъ сіе изъ допросу его усмотрѣть соизволите. Желалъ я достичь, Все-

милостивѣйшая Государыня, печатались они вновь запрещенныя книги, по показанію упоминаемаго Кольчугина, что знать о томъ долженъ одинъ изъ церковнослужителей Степанъ Ильинской, какъ онъ наборщикъ при типографіи и смотритель одной части, и давно у него находится. Я велѣлъ привесть его къ себѣ третьяго дни; но тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ сообщество ихъ принятъ и не хотѣлъ ничего говорить. И такъ я ему сказалъ, что «я тебя принужу говорить правду» и отослалъ его при домѣ моемъ подъ стражу находящемуся карауду. А вчерашней день приказалъ директору моей канцеляріи и Тайной Експедиціи секретарю его подробно допросить, которые его допрашивали и по допросѣ отослали въ караульню. Хотя прежде караульной унтеръ-офицеръ его осматривалъ, да, видно, худо: остался у него перочинной ножичекъ; онъ, выпросясь съ часовымъ на сторону, горло себѣ перерѣзалъ. Часовой бросился къ нему, онъ его оттолкнулъ и бросился въ н.....; но часовой его выхватилъ. Лѣкарь мой домовой зашилъ горло и надѣется, что будетъ живъ. Въ каковое зло, Всемилостивѣйшая Государыня, сей Новиковъ завелъ сихъ людей и наполнилъ ихъ вреднымъ фанатизмомъ! Но допросъ его здѣсь Вашему Величеству препровождаю. Показанной въ оном реэстръ о печатанныхъ книгахъ въ Типографіи при первомъ осмотрѣ оберъ-полицеймейстеромъ взятъ; но вновь сихъ запрещенныхъ книгъ въ печатаніи не видно, а многія безъ цензуры печатаны, тожь по показанію часто упоминаемаго Кольчугина Лѣтописецъ Димитрія Ростовскаго печатанной, однакожь означенъ въ особой черной запискѣ. Сколько время позволило, разматривалъ дѣла его Новикова, Всемилостивѣйшая Государыня; но тутъ много обстоятельствъ, по которымъ его должно спрашивать. Но ожидаю отъ Вашего Величества Высочайшаго на первое мое донесеніе указа и прибытія Тайнаго Совѣтника Шешковскаго. А передъ тѣмъ здѣсь Вашему Величеству донесу: видно уже, что они со многими или со всѣми чужестранными ложами имѣли сношенія; а Регенсбургскую ложу называютъ матерью и видно по бумагамъ, что они оной Регенсбургской ложѣ или другому кому, называющемуся вышнимъ главнымъ директоромъ..... А въ нѣкоторыхъ бумагахъ видно, что у нихъ

главный есть начальникъ, о которомъ нижнихъ классовъ масоны не должны и спрашивать и что главные изъ нихъ утвердительно суть ордена розоваго и золотаго креста и чину духовнаго. Они называютъ подчиненныя ложи епархіей. Одна бумага означаетъ, гдѣ въ Россіи ложи, но думаю, не всѣ. Какъ у нихъ разные есть директоры, то я копію со оной здѣсь Вашему Величеству всенижайше подношу; оригиналнагожь за тѣмъ не доставляю, что естьли Ваше Величество прикажете произвесть въ семъ слѣдствіе, то они будутъ нужны здѣсь.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

28 Апрѣля 1792 г.
Москва.

8.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вслѣдствіе отправленныхъ отъ меня къ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшихъ донесеній по матеріи секты розоваго и золотаго крестовъ ожидалъ я отъ Вашего Величества Высочайшаго рѣшенія; но, не удостоясь еще получить, разсудилъ съ симъ всенижайше къ Вашему Величеству сего курьера отправить. А между тѣмъ занимался я чтеніемъ великаго числа бумагъ по сей матеріи, и, что я изъ оныхъ могъ сообразить, всеподданнѣйше Вашему Величеству перечнемъ донесу: ибо сихъ бумагъ безъ поясненія Новиковымъ выполнить или точнаго свѣдѣнія взять невозможно. Въ печатныхъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ бумагахъ видно, что въ 780-мъ и 781-мъ годахъ была переписка съ ложами французскими, италіанскими, австрійскими, швейцарскими и голланскими. И тогда они выбирали главнымъ директоромъ герцога Брауншвейгскаго и назначенъ отъ него былъ съѣздъ повѣреннымъ отъ оныхъ ложъ для положенія институтовъ и обрядовъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, на что и есть печатные листы герцогскихъ циркуляровъ и ихъ писемъ. Но циркуляры имъ не подписаны, а имя его только напечатано: *Фердинандъ Брауншвейгской и Люнебур-*

скій. Но однакожь въ Франкфуртѣ не было оной; а для чего, не видно; а была генеральная между всѣхъ ложъ конвенція въ Вильгельмсбадѣ въ 782-мъ году, и на оную отъ русскихъ ложъ былъ отправленъ Шварцъ, который въ томъ же году отъ генеральной конвенціи опредѣленъ здѣсь главнымъ, и отъ генеральной же конвеціи ложъ въ Москвѣ провинціальной назначено править ложами всей имперіи Вашего Величества. Но кто прежде Шварца былъ провинціаломъ, не видно. На упомянутой же конвенціи положенъ отъ герцога Брауншвейгскаго катехизисъ масонской и въ немъ между прочимъ 1-е правило повиноваться Богу, а второе — Государю; а равенство предписывается только въ ложахъ. Да и прочія письма сего герцога для правительства полезны, но сіе все прежнее. Когда здѣшнія ложи отдѣлились отъ шведской, не видно; но всѣхъ бумагъ я еще не дочелъ. А называютъ они въ нѣкоторыхъ старыхъ бумагахъ Берлинскую ложу матерью. А въ 784 году здѣшнее собратство, по признанью генеральной конвенціи, сдѣлало актъ: отдѣлились отъ власти посторонннхъ ложъ, называя себя въ свѣтѣ 8-ю провинціей и сдѣлали здѣсь три матерь-ложи; но гдѣ, всѣль они здѣсь въ Москвѣ или и въ другихъ губерніахъ есть, не видно; а одна отъ другой независима быть должна. А въ сей бумагѣ называютъ они себя масонами и рыцарями и тутъ признали они начальникомъ подъ названіемъ по сектѣ ихъ, какъ они въ 5-й степени, которую мѣстами называютъ *Тампліе*, даютъ каждому, въ ихъ принятому имя и гербъ; то неизвѣстно кто онъ таковъ. По упомянутомужь акту видно по чиновникамъ, яко то есть у нихъ пріоръ, деканъ, визитеръ, тезаиріръ, канцлеръ, прокуроръ, — что сочиняетъ цѣлую здѣсь капитулу. А въ теченіи времени отъ упомянутаго герцога даны на латинскомъ языкѣ патенты кавалерамъ розоваго креста.

Не успѣлъ я еще прочесть протоколу ихъ на нѣмецкомъ языкѣ, который я слабо знаю, но могу оный съ помощію переводчика разсмотрѣть.

Начало ихъ вступленія въ масонство и въ нижнія степени, — въ ученики, въ товарищи и въ мастера. А называютъ они все вообще—масонство, дабы тѣмъ скрыть орденъ розоваго и золотаго креста. Хотя онъ соглашается въ нѣкоторыхъ

правилахъ съ масонствомъ, но они и сами первоначальные три градуса ни за что почитаютъ, полагая, что сей секретъ можно купить и въ книжныхъ лавкахъ; для чего и присяга онымъ отмѣнена, а берется только честное словс, что таковой будетъ молчать. Предметъ ихъ, кажется, въ томъ, что они ихъ набирали безъ дальняго разбору. . . . . .*) моему извѣстно, что много было купцовъ и нѣкоторое число духовныхъ особъ: тутъ собиралися деньги; а между тѣмъ замѣчали характеры людей и способности къ введенію въ вышнія степени, въ числѣ которомъ не малое было достоинство быть богатымъ. А за тѣмъ выбирали людей ученыхъ и рукомесленныхъ, какъ всѣ братья ихъ общества производили мастерствы даже и переводы безъ заплаты. Не меньшежъ старались они пріобщать къ себѣ людей чиновныхъ и извѣстныхъ въ публикѣ и у двора Вашего Величества; отъ послѣднихъ могли они получать свѣдѣнія.

Но и по вступленіи въ масоны должны они были учить катехизисъ закону христіанскаго и библію и правила онаго наблюдать строго предписывалося, чему дѣлали во всякой ложѣ поученія или сказывали казаньи. Въ строгое правило входило, чтобы ни одинъ нижній степень не любопытствовалъ о верхнихъ степенахъ, а оставался бы не въ вѣдѣніи.

Сколько по бумагамъ видѣть можно, то изъ мастеровъ входили они въ шотландскіе мастера. Тутъ уже была присяга и въ рецепціи вводили ихъ во Святая святыхъ, называемаго ими олтаремъ, гдѣ клятву они приносили. Въ бумагахъ же рецепціи розоваго креста есть шести степеней и въ пятой степени респіендору предъ приводомъ въ ложу (или по ихъ названію, конвенцію) даютъ ему вино пить изъ чаши и хлѣбъ; но не говорится, въ какомъ это видѣ. При рецепціи помазыютъ его миромъ и надѣваютъ полудуховное платье и даютъ названье и гербъ, какъ выше упомянулъ. Всѣхъ степеней по одному листу, съ котораго списокъ на особой бумагѣ здѣсь всенижайше Вашему Величеству подношу, видно девять; но названье въ семъ листѣ 6-й степени разнствуетъ съ бумагою, въ которой положены регулы пріемовъ въ оную сте-

*) Не разобрано.

пень, ибо въ семъ листѣ именуются *маіоресъ*, а въ тетради 6-й степени они принимаются рыцарями и при входѣ въ рецепцію спрашиваютъ: не служитъ ли онъ гдѣ и не имѣетъ ли на себѣ профанскихъ орденовъ и причисляютъ себя къ мальтійскимъ кавалерамъ и потому, кажется, называютъ они себя кавалерами золотаго креста и равнаютъ себя съ ангелами. Въ упомянутой съ листа запискѣ [1]) означается и число, въ ко-

[1]) Выписано изъ главнаго чертежа для настоящаго десятилѣтія, постановленнаго по согласію братьевъ златаго розоваго креста при обычной ордена реформаціи въ лѣто 1777 года № 1.

Градусы по магическому расчисленію для всѣхъ.		Члены.	Число ихъ.
1	9	Маги	7
2	8	Магистры	77
3	7	Адепты Експекти	777
4	6	Маіоресъ	788
5	5	Миноресъ	779
6	4	Философы	822
7	3	Практики	833
8	2	Теоретики	844
9	1	Юніоры	909
			«5856»
Сіи суть каббалистическія и наивысшимъ только начальникамъ извѣстныя деценалія съ десятилѣтія.		Всѣ сіи члены суть и должны быть христіане, не смотря на различіе религіи.	Полное число собратства в собственное время, въ которое они должны всѣ тайны полные воеводы быть, и въ утѣшеніе всему христіанству чрезъ свѣтъ, владать и натуры помоществовать, тмы міра побѣдить.

торомъ классѣ сколько членовъ быть должно. Слѣдственно должно заключать, что выше сихъ шести степеней суть уже настоящія духовныя: ибо жизнь опредѣляютъ себѣ монашескую съ тѣмъ, чтобъ удаляться отъ свѣту и не входить въ излишніе разговоры. И въ сихъ также степеняхъ не должны нижніе вышнихъ спрашивать, въ какой онъ степени; а естьлибъ это случилось, то вышній долженъ только отвѣчать, что онъ выше одной степенью вопрошателя.

Во всѣхъ степеняхъ съ самаго масонства обѣщать они должны, а въ розовомъ крестѣ и въ присягу вмѣщено, что повиноваться они безмолвно должны главному начальнику, но, кто онъ таковъ, объ немъ не спрашивать. Правило ихъ съ масонствомъ, что оное началось при построеніи храма Соломонова, а потомъ, какъ по бумагамъ розоваго креста видно, оное продолжалось, даже, что . . . . . .

. . . . . .

Оное терялось и опять возстановлялось. А розовые кресты начало свое берутъ отъ круасадъ или крестоходителей и, по завоеваніи Палестины возвратяся назадъ, впали они въ роскошь и распутную жизнь; а только нѣсколько (десять) человѣкъ осталося житія божественнаго, которые оное возобновили, пришедъ въ Шотландію. Въ сектѣ розоваго и золотаго креста повелѣвается научаться божественной премудрости и первымъ правиламъ обыкновенной химіи, которая употребляется непросвѣщенными; а потомъ учиться божественной химіи, которая въ открытіяхъ своихъ несравненна съ обыкновенною,

. . . . . .

. . . . . тутъ входитъ камень философскій и многія мистическія понятія. А многое по мнѣнію моему, Всемилостивѣйшая Государыня, и понятію неподверженно; а потому нѣкоторые изъ нихъ наружное свѣдѣніе въ химіи и подлинно взяли и выучили латынскій языкъ.

. . . . . разумѣютъ они Христа и своимъ начальникомъ и въ повелѣніяхъ, которыя идутъ отъ перваго начальника къ провинціалу и отъ онаго, именемъ всегда главнаго начальника приказываютъ, то-есть именемъ Христа или Бога, заключая такъ: что приказываетъ начальникъ, испол-

нить должно, какъ бы самъ Богъ приказывалъ: ибо безъ власти Его ничто дѣлаться не можетъ.

Сей пунктъ, по мнѣнію моему, наиважнѣйшій: гдѣ Христосъ управляетъ или они его вдохновеніемъ, то тутъ другаго правительства какъ гражданскаго, такъ и духовнаго быть не можетъ. И въ семъ видѣ кажется желаніе ихъ чрезъ книги приготовлять умы людскіе по ихъ правиламъ набожности и фанатизму, какъ они наружно себя показываютъ законниками и людьми добродѣтельными. А доказывается паче тѣмъ, что они въ университетѣ и въ прочихъ училищахъ сіе правило заводили. Ибо таковые люди, почтя ихъ законниками, къ нимъ пристанутъ, а они считали тѣмъ способомъ нечувствительно долгить всѣмъ управлять, а паче, тутъ же всѣ братья и равные. Немалой вредъ и въ настоящее время для всѣхъ людей: ибо которые вошли и привязалися къ нимъ, тѣ всѣ удаляются отъ всякаго государственнаго служенія; прочихъ же всѣхъ людей почитаютъ они развратными и погибшими для будущаго преселенія. А о государѣ и отечествѣ нигдѣ въ розовыхъ кавалерахъ не видно; да, кажется, отечества быть у нихъ и не можетъ, какъ они братья со всѣми въ свѣтѣ масонами и розовыми и золотыми крестами. Впрочемъ видно писалъ какой-то начальникъ, къ которому они жаловались, что ихъ притѣсняютъ, а особливо Новикова, который отъ ложи имя имѣетъ Коловіонъ; но начальникъ велѣлъ имъ брать смиренье и для Христа сносить, яко они почитаютъ, что они жить должны и тягости нести во образъ, когда Христосъ несъ крестъ при распятіи Его. Впрочемъ отступаютъ они совершенно отъ исповѣдыванія нашей церкви; одна библія — ихъ законъ, и пріемлютъ, кажется, два таинства духовныя; а церковь за ничто почитаютъ, а ложу свою почитаютъ храмомъ. Тожь видъ ихъ есть ввести единозаконіе въ свѣтѣ. Въ другомъ мѣстѣ видно: увѣдомляли они начальника, что много книгъ выпустили для просвѣщенія людей; онъ ихъ похваляетъ, а въ другомъ мѣстѣ удивляется, какъ они столько книгъ успѣли выпустить и не апробуетъ: какъ де таковое число можетъ ввести и самую матерію въ разнорѣчіе и замѣшательство.

И такъ, Всемилостивѣйшая Государыня, я нахожу, что много тутъ правилъ іезуитскихъ. Иллюминатовъ же они въ нѣкоторыхъ письмахъ не хвалятъ, называя ихъ атеистами; однако адепты розоваго креста называются иллюминатами. По многимъ же бумагамъ видно, что они имѣютъ секретную отъ начальника инструкцію; но оной между бумагами нѣтъ. Къ нему жь они посылаютъ вѣдомости о деньгахъ и списки, гдѣ между прочимъ помѣщается, какого кто изъ братьевъ характеру, натуральной имѣетъ разумъ, какое воспитаніе и ученіе; то на все вышеписанное отъ Новикова неминуемо надо взять объясненіе. То я ожидаю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа и прибытія, если угодно будетъ Вашему Величеству прислать сюда, Тайнаго Совѣтника Шешковскаго. Нужно также отъ Новикова свѣдать, во скольких губерніяхъ у нихъ ложи заведены, и въ каждомъ мѣстѣ кто управляетъ. Да всеподданнѣйше прошу Вашего Императорскаго Величества уничтожить здѣсь гнѣздо сіе отобраніемъ у нихъ дома, бывшій графа Гендрикова, и чтобъ они книгъ больше печатать не могли, какъ они поводъ или, лутче сказать, смѣлость дали и прочимъ типографіямъ печатать непозволенныя книги, а у нихъ въ наставленіяхъ положено имѣть и секретныя типографіи. Осмѣлюсь доложить, Всемилостивѣйшая Государыня: естьли корень истребится, то сучья сами по себѣ погніютъ. Въ масонскихъ ложахъ, какъ сказываютъ мнѣ, очень много и за нѣсколько лѣтъ собиралось ихъ до 800 человѣкъ; всѣ конечно отстанутъ и со временемъ отвыкнутъ, только по уничтоженіи корня сего зла частнымъ правительствамъ надо неослабно наблюдать, чтобъ они опять гдѣ не возобновились. А какъ въ бумагахъ много есть сочиненій Кутузова, находящагося въ Берлинѣ, и какъ по ремаркамъ въ сочиненіяхъ видно, что онъ больше всѣхъ учился и много читалъ: то я осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, доложить, что полезно бъ было, естьлибы его приказали сюда прислать; а то переписка между ими навсегда останется, а только исполнять оную будутъ съ большею осторожностію.

Между бумагъ нашелъ я письменное сочиненіе о разныхъ родахъ государственныхъ правленій, подобно Монтескіеву сочиненію о разумѣ правительствъ, въ которомъ авторъ похваля-

етъ правленіе, гдѣ есть государственный сенатъ и выбранные почтенные мужи и отъ народа депутаты, послѣднее подобно римскому положенію. Затѣмъ въ сей тетради описывалъ авторъ по именамъ государствы и ихъ правленія, а о Россіи сказалъ коротко, что Ваше Императорское Величество самовластны и все зависитъ отъ Васъ. Больше жь о правительствѣ я ничего не видалъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

5 Мая.

9.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшій указъ Вашего Императорскаго Величества отъ 1-го мая съ возвратившимся моимъ курьеромъ я удостоился получить. А какъ сей Высочайшій указъ на первое мое всеподданнѣйшее донесеніе, то въ разсужденіи послѣднихъ моихъ всеподданническихъ донесеній прошедшаго апрѣля отъ 26 и 28-го и сего мая отъ 5 числа, гдѣ уже я могъ обстоятельнѣе Вашему Величеству донести, то пріостановился я, Всемилостивѣйшая Государыня, исполнять онаго отдачею Новикова сужденію по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества учрежденію о губерніяхъ, въ ожиданіи дальнѣйшаго иногда Высочайшаго повелѣнія. Я теперь имѣя въ домѣ его на Никольской подъ стражею, ни съ кѣмъ видѣться не допускаю; а отдавъ его по законамъ сужденію уѣзднаго суда, должно его оставить подъ стражей, но свободу дать ему больше. А тогда будетъ имѣть онъ способъ видѣться съ собратіей своей, то уже труднѣе будетъ, естьли повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, по бумагамъ его спрашивать; почему за лутчее я почелъ о семъ Вашему Величеству чрезъ нарочнаго сего донести.

Въ пополненіе прежнихъ моихъ всеподданническихъ Вашему Величеству донесеній нужнымъ нахожу присовокупить. По книгамъ видно, что многія печатаны въ типографіи Ивана

Лопухина, которую теперь онъ уничтожа, присоединилъ къ Гендрикова дому.

Читая еще бумаги, взятыя у Новикова, нашелъ я, что главный здѣсь начальникъ князь Николай Трубецкой; но по ихъ институтамъ не должны они знать, кто начальникъ, какъ сіе изъ писемъ его къ Новикову видно.

Запомнилъ я донести Вашему Величеству въ отправленномъ вчера донесеніи, что между прочимъ въ присягѣ упоминается секты розовыхъ и золотыхъ крестовъ, чтобъ между ими ни въ чемъ и никакой тайности не было; а все, что каждый вѣдаетъ, обязанъ все сказывать: кажется, и въ государственныхъ дѣлахъ упражняющійся изъ нихъ человѣкъ долженъ уже все сказывать имъ, что ему ввѣрено.

Сколько видно по бумагамъ, то пріемлютъ они кабалистику и алхимію.

Многимъ книгамъ взята черная записка, когда ихъ печатали и гдѣ. По осмѣливаюсь всенижайше доложить Вашему Величеству: лутче бъ было нарядить для сего слѣдствія особую коммиссію, выбравъ людей способныхъ; а паче потому, что изъ нихъ есть люди умные и проворные и дѣла знающіе: то хотя я опредѣлю надзирателей надъ производствомъ; но они замѣшивать будутъ дѣло. Новиковужь надо будетъ дѣлать вновь допросы: ибо допросовъ, сдѣланныхъ ему мною и доставленныхъ въ копіяхъ къ Вашему Величеству, препроводить въ судъ нельзя; какъ въ оныхъ между прочимъ о печатаніи книгъ говоритъ, что онъ печаталъ не на продажу, а для собратій ихъ масоновъ; то судъ обязанъ будетъ спрашивать, что масоны; а тогда всѣ способы будутъ ему замѣшать оное дѣло. На что и буду ожидать Высочайшаго Вашего Величества указа.

6 Мая.

10.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Послѣднія бумаги я просматривалъ и примѣчанія достойнаго Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донесу, что они прежде были подъ начальствомъ въ Швеціи у герцога Сюндермаландскаго, и тутъ же видно, что есть сек-

татеры ихъ въ Могилевѣ и Полоцкѣ. Видно и то, что герцогъ Сюндермаланскій любилъ отъ нихъ получать деньги, какъ они въ Ивановъ день собираютъ оныя со всѣхъ братьевъ по червонцу съ человѣка,—и онъ входилъ въ подробное распоряженіе, назначалъ именно начальниковъ; то они, будучи недовольны, просили принять ихъ подъ начальство герцога Брауншвейгскаго. Болѣе жь въ сихъ бумагахъ ничего не видно. Теперь ожидаю Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія вопросить на оныя бумаги объясненія у Новикова, такъ тогда все откроется должно и недостающія матеріи будутъ имѣть связь и надобную ясность. Въ сихъ же бумагахъ много хотя не такъ важныхъ матерій, но требуютъ поясненія. Есть тутъ хотя несодѣянные прожекты отъ нѣкоторыхъ членовъ, когда собирали они голоса для отправленія Шварца на генеральную конвенцію, чтобы въ Средиземномъ морѣ завести коммерцію. И прочіе подобные сему есть несодѣянные прожекты; но всѣ требуютъ отъ Новикова поясненій, на что и ожидаю Высочайшаго Вашего Величества указа.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

13 Мая.

11.

Ордеръ князю Жевахову.

Секретно для вашего толко сведенья.

Вчера объявилъ я Вамъ данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества указъ, чтобъ содержащаго арестанта Новикова отправить въ Шлюссельбургъ крайне секретно: дорогой бы его никто не видалъ, жизнь его сохранить и утечку. А чтобъ никто не зналъ, куда его везутъ, то взять дорогу на Володимеръ, оттуда на Ярославль, оттуда на Тихвинъ, а оттуда на Шлюссельбургъ. То зная издавна Вашу усердность къ Высочайшей службѣ и исправность, и какъ и нынѣ Вы во всю бытность аресту сего Новикова, бывши при немъ подтвердили, то и препоручаю сіе доставленье Вамъ и къ Вамъ въ команду

и въ помощь опредѣляю эскадроннаго ротмистра Панфирова и прапорщика штата Управы Благочинія, находящагося при мнѣ на ординарцахъ, Яковлева. Впрочемъ же возьмите изъ эскадроновъ Вашихъ надобное число унтеръ-офицеровъ, двухъ или трехъ, и гусаръ шесть человѣкъ, которые бы всѣ были вооружены для всякаго случая. Но какъ при Новиковѣ есть докторъ и человѣкъ его, то вы всѣхъ возьмите съ собой; въ коляску, коя четверомѣстная, посадите Новикова, доктора, сядите Вы и одинъ офицеръ и надобное число гусаръ; въ кибиткѣ тройкой сядетъ офицеръ, человѣкъ Новикова и надобное число гусаръ. Всѣ вещи у нихъ отобрать, чѣмъ могутъ они себя умертвить. Въ другой тройкой кибиткѣ сядутъ гусары и унтеръ-офицеръ, а одну кибитку парой посылать съ унтеръ-офицеромъ напередъ для заготовленья лошадей. Подорожныхъ Вамъ даю четыре: первая до Володимера, вторая отъ Володимера до Ярославля, третья отъ Ярославля до Тихвина, 4-я отъ Тихвина до Шлюссельбурга: то вы. . . . . *) одну до назначеннаго мѣста, дабы тѣмъ лучше скрыть вашу дорогу и настоящее мѣсто, куда вы ѣдите. На прогоны и продовольствіе арестантовъ и команды даю Вамъ 500 руб. малыми ассигнаціями и часть мѣдной монетой. Повозки вы получите въ часъ пополуночи отъ губернатора съ прапорщикомъ Яковлевымъ и въ два часа пополуночи отсюда выѣхать непремѣнно должны. Естли Новиковъ спроситъ, куда его везете; скажите, что Ея Императорскаго Величества на то есть Высочайшее повелѣніе, а куда онъ пріѣдетъ, того объявить ему не можете, а онъ бы повиновался Ея Императорскаго Величества указу. Дорога до Володимера большая, отъ Володимера до Ярославля возьмите отъ губернатора маршрутъ, отъ Ярославля возьмите маршрутъ до Тихвина отъ генералъ-губернатора или отъ губернатора. Но въ Ярославлѣ, слышалъ я, что есть масонская ложа, то во всѣхъ городахъ отъ оныхъ остерегайтесь. Отъ Тихвина также отъ губернатора возьмите маршрутъ до Шлюссельбурга, а тамъ отдайте приложенной здѣсь конвертъ коменданту и къ нему совсѣмъ явитесь и ожидайте отъ него отправленія. Впротчемъ сіи ком-

*) Не разобрано.

миссія есть важная для васъ: естли въ должномъ порядкѣ доставите, то можете получить Высочайшую Ея Величества милость, а въ противномъ случаѣ подвергнете себя и съ командой вашей совершенному несчастью. То берегите его крайне отъ утечки и отъ умерщвленія себя.

12.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Разбирая бумаги, взятыя изъ дому бывшаго графа Гендрикова, въ дѣлахъ Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлось одно старое французское письмо къ покойному Шварцу, которое здѣсь къ Вашему Императорскому Величеству всенижайше представляю. Изъ всего сего видно, что хотѣлось имъ пріобщить къ себѣ людей знатныхъ; но для единой набожности и молитвы, кажется, въ семъ нужды имъ не было? Между самыхъ нужныхъ бумагъ Новикова нашелъ я печатную книжку, которую здѣсь Вашему Величеству подношу. Я оную задержалъ, чтобъ всю прочесть. Содержаніе жь оной, Всемилостивѣйшая Государыня, увидѣть изволите. Я Новикова спрашивалъ: говоритъ ли онъ по французски; но когда онъ отвѣчалъ, что нѣтъ (но онъ и въ томъ потаилъ: онъ, сказываютъ, французскій языкъ разумѣетъ); то я его спросилъ: на что жь онъ сію книжку въ нужныхъ бумагахъ спряталъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ и самъ не знаетъ, какъ то случилось, а получилъ онъ ее между другихъ книгъ отъ книгопродавцовъ. Я приказалъ губернатору изслѣдовать сіе и подлинно Новиковъ получилъ оную отъ книгопродавца Бибера, который далъ каталогъ отправленнымъ къ нему книгамъ, который я также подношу всеподданнѣйше Вашему Величеству [1]), какъ писъма

---

[1]) *Note des livres, qu'on a vendu à M-r Novikoff:*

Accord de la liberté; Catéchisme moral; Essais sur les préjugés; Manuel pour les amateurs; Nazaréen; Oeuvres d'André; Oeuvres de Jory; Qui peut être un bon citoyen; Amour glorifié; Apologie de petit pierre; Chemin pour aller à Christ; Collection des anciens moralistes; Elemens de la morale universelle; Mystère de la croix; Oeuvres de Holbein; Tieden's Abendstunden; de l'origine; le grand livre de la nature; 2 almanac; 1 encyclopédie; 1 deutsche Bibel; 1 idem Lateinische Volgata; manuel élémentaire; 2 expl. de l'origine; dictionnaire de cuisine.

удивительно, какія Новиковъ книги покупалъ. У Бибера только было тѣхъ книгъ двѣ, изъ коихъ одна найдена у Новикова, а другая имъ продана какому то Мансурову. А у другаго книгопродавца Ридигера найдено 8, которыя всѣ и отобраны и увѣряютъ подъ клятвой, что больше продажи оныхъ не было, какъ выше упомянуто. Но какъ книжка у Новикова другаго формату и бумаги, какъ у Ридигера, то показали они, что то прежняго выходу. Осмѣливаюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше просить Вашего Величества, чтобъ повелѣть изволили положить границы симъ книгопродавцамъ книгъ иностранныхъ и отнять способы еще на границахъ и при портахъ подобныя сему книги вывозить, а паче изъ разстроенной нынѣ Франціи, служащія только къ заблужденію и развратy людей, не основанныхъ въ правилахъ честности. Я хотя всѣ мѣры къ сему взялъ, Всемилостивѣйшая Государыня, но довольно способовъ недостаетъ совершенно сіе удержать безъ генеральнаго учрежденія паче потому, что они таковыя книги продаютъ скрытно, а тѣмъ вводятъ многихъ болѣе въ любопытство ихъ покупать и платить гораздо дороже, какъ за публично продаваемыя книги; и безъ ошибки сказать, Всемилостивѣйшая Государыня, можно, что всѣ, какія только во Франціи печатаются книги, здѣсь скрытно купить можно.

Запомнилъ я Вашему Величеству въ предъидущихъ моихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ упомянуть мое замѣчаніе по бумагамъ Новикова. Здѣсь въ Москвѣ пріоратъ и пріоромъ князь Николай Трубецкой, который во всей Россіи надъ ложами имѣетъ начальство, а подъ нимъ здѣсь капитула и въ Петербургѣ другая, а главный пріоратъ въ Брауншвейгѣ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь Александръ Прозоровской.

Мая 20 дня
1792 года.
Петровскій дворецъ.

13.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По арестѣ Новикова маіоромъ княземъ Жеваховымъ и по прибытіи съ нимъ въ Москву разсудилъ я, Ваше Император-

ское Величество, послать въ деревню одного гусарскаго офицера съ четырьмя рядовыми, которыхъ и приказалъ губернатору туда съ наставленіемъ отправить, дабы оттуда ничего безъ позволенія моего не вывозить. А сей офицеръ по нѣсколько времени пребыванія донесъ, что управляющій деревнею Новикова одинъ отставной лѣкарь (мнится мнѣ, что онъ изъ воспитанниковъ ихъ), Марокіянинъ сказалъ ему, что въ одномъ кабинетѣ есть у него немалая сумма денегъ, о которыхъ и совѣтникъ Алсуфьевъ сказывалъ, что онъ видѣлъ нѣсколько тысячь ассигнаціями и много банковыхъ билетовъ, принадлежащихъ Походяшину, такъ и разсчеты ихъ по компаніи. Но онъ тогда ихъ, не считая нужными, не взялъ. И сей управитель опасался, чтобы оные деньги не утратились. То я опять отправилъ туда совѣтниковъ Алсуфьева и Буланина и приказалъ имъ деньги и банковые билеты, ассигнаціи и разсчеты ихъ взять, и оные нашли 11,840 рублей ассигнаціями да разною монетою 25 руб. 66 коп. По позволенію моему оставили на употребленіе по хозяйству 865 руб. 66 коп., а 11,000 руб. доставили ко мнѣ и по секретному свидѣтельству въ здѣшнемъ отдѣленіи ассигнаціоннаго банка оные найдены всѣ дѣйствительно банковыми, которые и отправилъ я на сохраненіе въ кладовую казенной палаты. Билетовъ же банковыхъ болѣе не нашли; то видно, Всемилостивѣйшая Государыня, что оные вывезены секретно племянниками его Хрущовыми, изъ коихъ одинъ имѣетъ лѣтъ 17, а другой гораздо моложе, которые у него воспитывались съ учителемъ россійскимъ же. Думать надо, что и оный учитель также изъ ихъ воспитанниковъ, которыхъ офицеръ изъ деревни выпустилъ, хотя и увѣряетъ онъ, что съ осмотромъ. Но оный офицеръ заболѣлъ, то я не могу изслѣдовать его, для чего онъ ихъ осмѣлился пустить, не сказавъ мнѣ или губернатору о семъ; но въ свое время постараюсь свѣдать. Съ Походяшинымъ положеніе у нихъ было сдѣлано, но не кончено. А въ началѣ сего мая компанія кончила и онъ вноситъ банковыми билетами 80,000 р. въ воспитательный домъ, которыми компанія была должна подъ закладъ дому бывшаго гр. Гендрикова, какъ о семъ совѣтовалъ со мною графъ Минихъ, что нѣтъ ли препятствія оныя принять. Я ему отвѣчалъ, что препятствія быть

не можетъ, хотя сей домъ теперь и запечатанъ, такъ какъ возвратить свою сумму воспитательный домъ непремѣнно долженъ. Разсчеты жь, какіе найдены, ихъ и условія и записку Новикова руки о положеніи его съ Походящимъ здѣсь всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству подношу.

24 Мая.

14.

Разбирая еще бумаги, взятыя изъ дому заведенья ихъ, бывшаго графа Гендрикова, между прочими бумагами Кутузова, что въ Берлинѣ, нашлась бумага достойная также примѣчанія Вашего Императорскаго Величества, которую всеподданнѣйше здѣсь и подношу. Есть возраженіе, сочиненное, кажется Кутузовымъ, на одно, какъ видно изъ онаго, сочиненье нѣмецкое, которое было противу ихъ, гдѣ усмотрѣть, Всемилостивѣйшая Государыня, изволите, какъ и по прочимъ бумагамъ я замѣтилъ, что они іезуитовъ почитаютъ обладающими секретомъ масонскимъ и розовыхъ крестовъ, да безмолвное повиновеніе къ начальству и есть правило іезуитское. Одно сочиненіе, найденное въ бумагахъ Новикова, подъ названіемъ *обнаруженный Вольтеръ* я, Всемилостивѣйшая Государыня, оставлялъ у себя, оное прочесть, а теперь всенижайше здѣсь влагаю: сочиненіе изрядное — въ немъ ничего нѣтъ кромѣ опроверженій вольтеровыхъ сочиненій, относящихся до священнаго писанія. Также между бумагъ Кутузова найдены письма преступника Радищева, изъ которыхъ три показались мнѣ достойными свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, то я оныя здѣсь и препровождаю. Между бумагъ, взятыхъ также въ домѣ ихъ заведеній, бывшаго гр. Гендрикова, нашлись два нѣмецкія письма, изъ которыхъ по одному видно, что они посредствомъ курландскихъ ихъ братьевъ могли безъ паспортовъ отъ правительства за границу людей препровождать. Второе противъ ихъ герцога Бирона; но тутъ то только, Всемилостивѣйшая Государыня, примѣчанія достойно, что они мѣшались, какъ видно, и въ дѣла государственныя.

27 мая.

15.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, протекшаго мѣсяца мая 30-го пущенный, сего іюня 6-го по утру въ 11 часовъ получить удостоился. Сколько взято было бумагъ въ деревнѣ у Новикова и въ домѣ заведеній ихъ, что прежде былъ гр. Гендрикова, знатная часть изъ оныхъ доставлена уже къ Вашему Величеству, а здѣсь по пересматриваніи остались ничего значущія бумаги и то все давнихъ временъ. А кромѣ, что я оставилъ одно нѣмецкое сочиненіе, какъ я всенижайше и доносилъ Вашему Императорскому Величеству, что я оное оставилъ у себя для переводу, но и оное отъ 781 года, которое я при семъ всеподданнѣйше и подношу, а переводъ не успѣлъ еще на бѣло переписать; а какъ переписанъ будетъ, то всенижайше и оный препровожду къ Вашему Императорскому Величеству. Болѣе же сихъ бумагъ не найдено въ означенныхъ мѣстахъ. Во время жъ моего правленія здѣсь открывать начали по повелѣнію гр. Безбородки переписку сей шайки; болѣе оная была съ князь Николаемъ Трубецкимъ, съ Кутузовымъ изъ Берлина, то въ теченіи двухъ лѣтъ ни одного, Всемилостивѣйшая Государыня, пакета не открыли переписки ихъ съ главнымъ пріоратомъ. По бумагамъ ихъ видно, какъ и Ваше Императорское Величество уже замѣтить изволили, что туда они по меньшей мѣрѣ годовыя вѣдомости отправляли, то и надо думать, что они черезъ какія либо конторы оныя доставляли или такъ маскировали, что въ почтамтахъ дойтить до сего не могли. Есть-ли жъ оная переписка, Всемилостивѣйшая Государыня, была, то надо послѣдняго времени бумагамъ быть у князя Николая Трубецкаго, такъ какъ онъ въ Россіи ихъ начальникъ; а еще прежде отправлялъ у нихъ должность секретаря бригадиръ Тургеневъ, то должно онымъ бы быть и у него. Но когда въ послѣдній разъ былъ здѣсь графъ Александръ Андреевичь Безбородко, то извѣщены ль они были изъ Петербурга или свои сдѣлали догадки, что будто Ваше Императорское Величество повелѣли ему сдѣлать имъ осмотръ или слѣдствіе, то Иванъ Лопухинъ привезъ въ домъ къ Тургеневу и, оставшись двое,

ночью сожгли множество бумагъ, что мнѣ извѣстно отъ частнаго пристава, какъ въ домѣ Тургенева одинъ человѣкъ былъ у частнаго пристава въ конфиденціи. А по сему судить я долженъ, Всемилостивѣйшая Государыня, что теперь и князь Николай Трубецкой, естьли были у него бумаги, то онъ ихъ или истребилъ, или такъ спряталъ, что найтить ихъ не можно. Онъ съ братомъ своимъ князь Юрьемъ и Михайла Херасковъ поѣхали въ подмосковную деревню, называемую Очаково, которая у нихъ сказывается общей и у каждаго есть въ ней по домику, о чемъ я прежде всеподданѣйше Вашему Величеству и доносилъ и слухи я чрезъ оберъ-полицмейстера имѣлъ, хотя за вѣрныя почесть ихъ не можно, что они по пріѣздѣ въ деревню разбирали бумаги свои. Естьли осмѣлюсь Вашему Величеству всеподданнѣйше представить мое мнѣніе: не надѣюсь я, чтобъ по коварному расположенію Новикова можно было дойтить до откровенности. А думалъ бы я, чтобъ Ваше Императорское Величество Высочайшимъ указомъ повелѣли прибыть въ Петербургъ князю Николаю Трубецкому, а спустя нѣсколько дней и бригадиру Тургеневу, что и не будетъ видомъ аресту. А по приближеніи къ Петербургу повелѣть ихъ встрѣтить и провезти, куда, Всемилостивѣйшая Государыня, назначить изволите. А такъ какъ князь Н. Трубецкой человѣкъ немудрый и со времени аресту Новикова въ робости, то изъ него можно всю свѣдать истинну, а Тургеневъ, хоть и лукавѣе Трубецкаго, и напосъ совершенно роду мыслей Новикова, но сей не такъ будетъ твердъ, какъ Новиковъ, а онъ всѣ обстоятельства дѣлъ ихъ точно знаетъ. А симъ способомъ, кажется, Всемилостивѣйшая Государыня, все открыть изволите; какъ по бумагамъ вездѣ есть гіероглифы, то надо ихъ и прочія матеріи, чего не достаетъ, чрезъ нихъ пояснить.

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій
князь Александръ Прозоровской.

7 Іюня.

16.

Вопросные пункты князю Николаю Трубецкому.

1-й. Что вы имѣли тайныя сборища въ домѣ своемъ, о томъ правительству не неизвѣстно. А какъ государственными законами таковыя сборища запрещены, то и сказать вамъ: для чего вы таковыя сборища чинить осмѣлились, и какую цѣль въ тѣхъ сборищахъ имѣли, и на какой конецъ другихъ къ тому привлекали?

Отвѣтъ. Признаюсь передъ Богомъ, что я, имѣя собранія въ домѣ своемъ, не думалъ содѣлать какое зло; но, вошедъ изъ любопытства въ масоны и происходя въ градусахъ и не уразумѣя никакого въ пропоказуемомъ оными зла, слѣдовалъ предписаніямъ оныхъ, чтобъ собраніе имѣть, въ чемъ и признаю себя виноватымъ; цѣль же въ оныхъ имѣлъ единую ту, чтобы предписанному въ градусахъ поучать соучаствующихъ въ оныхъ. Что же другихъ принималъ во оные градусы, то причиною оному то, что я думалъ въ нихъ находить доброе и хотѣлъ другихъ во ономъ сдѣлать соучастниками.

2-й. Имѣли вы непозволенную переписку съ герцогомъ брауншвейгскимъ, съ прусскимъ министромъ Вельнеромъ и съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ, да еще и въ такое время когда между Россіей и Пруссіей происходили холодности, и именно до начатія и продолженія шведской войны. А чтобъ сію непозволенную переписку скрыть отъ правительства, то выдумали, въ противность законамъ, шифры. А на сіе и отвѣтствовать вамъ: для чего вы въ такую непозволенную и законамъ противную переписку вступать и оную продолжать осмѣлились, и кто съ вами во ономъ были сообщники, какимъ способомъ и чрезъ кого вы письма свои къ показаннымъ людямъ пересылали, такъ какъ и сами получали, и кто именно о сей перепискѣ, участвующіе въ вашемъ сборищѣ, вѣдали?

От. — Покойникъ профессоръ Шварцъ, ѣздившій въ чужіе краи, былъ отъ масоновъ россійскихъ, или лучше сказать отъ нѣкотораго числа оныхъ, уполномоченъ искать таинства масонскаго, которое, бывъ предлаемо подъ іероглифами, не

могло насъ удовольствовать. Онъ по масонству познакомился съ герцомъ брауншвейгскимъ и съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ и, возвратясь оттуда, уговорилъ насъ и присовѣтывалъ намъ писать. Что же касается до Велнера, то онъ же, Шварцъ по розенъ-крейцерству, которое почитается въ масонствѣ высшими степенями, съ нимъ познакомился, и самъ черезъ посредство Велнера былъ принятъ Шварцомъ въ розенъ-крейцеры. И когда Шварцъ умеръ, то я зачалъ съ Велнеромъ переписываться, и могу передъ Богомъ увѣрить, что кромѣ единыхъ дѣлъ масонскихъ я ни о чемъ и никогда съ нимъ не переписывался, въ чемъ бы послался на самую мою переписку, ежели бы, тоже слѣдуя обычаямъ масонскимъ, не сжегъ я оной переписки по окончаніи каждаго года. Что же касается до того, что я переписывался съ нимъ въ такое время, когда между Россіей и Пруссіей была холодность, то я предъ Богомъ увѣряю, что личной моей съ нимъ переписки уже нѣсколько лѣтъ какъ я не имѣю; но писалъ обо всемъ, до масонства касающемся, черезъ Алексѣя Михайловича Кутузова, который, живучи въ Берлинѣ и бывъ съ нами въ масонской связи, словесно съ нимъ и съ другимъ, называющимся де-Баска, говаривалъ; а при томъ шлюсь на самого Кутузова, у котораго, я думаю, должны быть мои письма, ежели онъ ихъ не сжегъ, что какъ скоро замѣчена мною была холодность между нашимъ и прусскимъ дворомъ, то я къ нему писалъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ Берлина и всѣ связи съ Берлинцами разорвалъ. И хотя я могу поклясться, что я при перепискѣ не думалъ сдѣлать преступленія, ибо почиталъ оную ученою перепискою; но, понеже она подала на меня подозрѣніе, то отъ искренняго сердца, падъ передъ стопы Ея Величества, прошу прощенія, и заклинаюсь никому и ни съ кѣмъ таковой не имѣть во всѣ дни моего живота. Письма, мною писанныя, были посылаемы отъ меня прямо по почтѣ на имя А. М. Кутузова, черезъ котораго я и получалъ отвѣты, такъ какъ сказано выше, словесно принимаемые имъ отъ Велнера и дю-Баска, и ко мнѣ въ его письмахъ объясняемые. Знали же о сей перепискѣ и иногда читывали оную братъ мой, князь Юрій Никитичъ Трубецкой, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. — Что же касается до ши-

фровъ, иногда въ письмахъ употребляемыхъ, то мы оныя получили же съ градусами вмѣстѣ, яко принадлежащія до оныхъ, а не сами ихъ выдумывали.

3-й. Извѣстно по взятымъ у Новикова бумагамъ такъ, какъ и по собственному признанію Новикова, что подчинили себя не только въ зависимость, но и въ неограниченное повиновеніе и послушаніе герцогу брауншвейгскому и объ ономъ посылали свои прошенія къ нему. На сіе отвѣтствовать вамъ: для чего вы, оставя самодержавнаго своего государя, предали себя въ зависимость и повиновеніе постороннему герцогу? А послѣ сего и приносили свои жалобы, что въ Россіи дѣлаютъ вашему сборищу якобы притѣсненія и подозрѣваютъ васъ, такъ какъ и товарищей вашихъ, въ сектѣ мартинистовъ; а посему и на сіе вамъ объяснить: какъ вы осмѣлились приносить на правительство Россіи такія, да еще и несправедливыя жалобы, и чему вы изъ такихъ вашихъ обязательствъ, весьма непозволенныхъ, быть надѣялись, и кто съ вами въ семъ сдѣланномъ преступленіи были соучастники?

Отвѣтъ. При покойникѣ профессорѣ Шварцѣ была переписка съ герцогомъ брауншвейгскимъ и сему уже прошло, кажется, болѣе семи лѣтъ, такъ что по совѣсти и предъ самимъ Богомъ могу сказать, что я почти ничего не помню, что тогда было писано; да и по неограниченной моей Шварцу довѣренности я тогда многое подписывалъ, не читая бумагъ его. Но чтобъ я подвергъ себя неограниченному повиновенію герцога брауншвейгскаго, то въ томъ могу передъ судомъ божіимъ поклясться, что того не помню; что жь до жалобы принадлежитъ, касающейся до притѣсненія и подозрѣнія насъ, яко мартинистовъ, то я клянусь самимъ Богомъ, что не писалъ сего къ герцогу брауншвейгскому, а признаю себя виноватымъ и, падъ предъ стопы Ея Величества, прошу ея милосердаго прощенія, что я не жалобой, но увѣдомленіемъ извѣщалъ Велпера, что господинъ Новиковъ былъ призываемъ къ архіерею, и что онъ претерпѣлъ разореніе отъ запечатанія типографіи, и сіе дѣлалъ я безо всякаго умысла, въ чемъ клянусь самимъ живымъ Богомъ.

4-й. Какимъ образомъ вы и товарищи сборища вашего заботились въ сѣти сборища вашего уловить извѣстную особу,

о коей имѣли вы съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ и переписку? То открыть вамъ, для чего вы такія вредныя предпріятія имѣли, и чему изъ того быть надѣялись, гдѣ объяснить о всѣхъ товарищахъ, въ семъ дѣлѣ съ вами соучаствующихъ и помогающихъ?

Отвѣтъ. Покойный профессоръ Шварцъ предлагалъ намъ, чтобы извѣстную особу сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ, въ Россіи. А я предъ Богомъ скажу, что предполагая, что сія особа принята въ чужихъ краяхъ въ масоны, согласовался на оное изъ единаго того, чтобы имѣть покровителя въ оной. Но чтобы я старался уловить оную особу, то предъ престоломъ божіимъ клянусь, что не имѣлъ того въ намѣреніи, и слѣдовательно ни соучастниковъ, ни помощниковъ имѣть въ ономъ не могъ.

5-й. Бумагу, писанную Бажановымъ архитекторомъ, вы читали, и потомъ сдѣланная Новиковымъ изъ оной выписка отдана вамъ. Вы же, видя въ ней вымышленныя и непристойныя слова, не только по долгу присяги не донесли, но еще таковую выписку переслали къ Кутузову; чего ради объяснить вамъ: *первое*, для чего о толь вредномъ и вымышленномъ враньѣ правительству не объявили? *второе*—чего ради таковую вредную бумагу къ Кутузову переслали, и чему вы изъ того быть надѣялись? и *третье*: кто еще изъ товарищей вашего сборища ее читалъ и у себя имѣетъ,—ибо она ходила по рукамъ товарищей вашихъ, — то и показать о всѣхъ ихъ именахъ и фамиліяхъ?

Отвѣтъ. Что я читалъ бумагу, писанную архитекторомъ Бажановымъ, и не донесъ объ ономъ правительству, то въ томъ признаю себя виноватымъ; и, падъ предъ престоломъ монаршимъ, прошу милосердаго помилованія, не имѣя инаго къ оправданію своему сказать, что я, бывъ родня и друженъ съ Новиковымъ, по слабости моего сердца усовѣстился объ ономъ доносить, не уразумѣвая притомъ и никакого отъ того вреда. А что я всегда недоволенъ былъ пересказами Бажанова и не имѣлъ никогда намѣренія во оныхъ соучаствовать, то я ссылаюсь на самого Новикова, съ которымъ я убѣгалъ объ ономъ говорить, и даже отсовѣтывалъ ему съ Бажановымъ входить во оное, а въ доказательство онаго я пере-

сталъ ѣздить въ домъ Бажанова, въ который ѣзжалъ часто. А Новиковъ много разъ говаривалъ, что Бажановъ фанатикъ, которому кажутся небылицы, а что я фанатиковъ во всякомъ случаѣ боюсь болѣе язвы. — Что жь принадлежитъ до пересылки выписки оной бумаги къ Кутузову, то предъ Богомъ клянусь, что не помню послалъ я оную къ нему или сжегъ ее съ другими бумагами. Но ежели послалъ,—о чемъ не смѣю ни утверждать, ни отвергать,—то могу удостовѣрить всѣмъ священнымъ, что сіе сдѣлалъ безо всякаго умысла и намѣренія. — Что жь касается до того, кто сію бумагу читалъ и у кого она есть, то помнится читалъ ее Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. А есть ли она у нихъ или у кого другаго, то самимъ Богомъ клянусь, что не знаю.

Вопросъ 6-й. Въ сборищахъ вашихъ были епископы, епархи, храмы, престолы, жертвенники и миропомазаніе: то объяснить вамъ, съ чьего позволенія такія священныя вещи вы ввели и употребленіе дѣлали, ибо таковые священные обряды никаково употреблены быть не должны какъ съ разрѣшенія правительства?

Отвѣтъ. Понеже все въ масонствѣ преподавалось и преподается іероглифами, то я всѣ учрежденія и обряды градусовъ принималъ за іероглифы, а не за существительныя вещи, а принимая такимъ образомъ, я всѣ сіи учрежденія почиталъ долженствующими быть наконецъ объяснены и потому въ простотѣ сердца не думалъ дѣлать преступленія, употребляя оныя.

Вопросъ 7-й. Въ сборищахъ вашихъ дѣлали вы присягу предъ евангеліемъ и крестомъ, и оные цѣловали, дѣлая при томъ ужасныя клятвы въ томъ, что о тайнѣ ордена, не свѣдомаго правительству Розоваго Креста, будебъ правительство стало требовать, то терпѣть пытки и розыски, даже и самую смерть, и о той тайнѣ не сказывать. Въ уставахъ о вашихъ сборищахъ сказано, чтобъ великому мастеру во всемъ повиноваться и обо всемъ ему открывать; а какъ вы великимъ мастеромъ почитаете герцога брауншвейгскаго, слѣдовательно всѣ тѣ клятвы и присяги дѣлали оному герцогу, вы жь обязаны должны быть своему самодержцу и государству, то какъ

вы осмѣлились присягать, да еще отрицая повиновеніе правительству, то объяснить вамъ, какіе вы имѣли въ сей обязанности виды и намѣренія?

Отвѣтъ. Что по обрядамъ ордена дѣлалась присяга, на сохраненіе тайны онаго, и что я оныя дѣлалъ, то въ томъ признаю себя виноватымъ. Я воззываю къ милосердому монаршества помилованію. Что жь принадлежитъ до устава, касающагося до обязательства повиновенія великому мастеру, и якобы тѣмъ былъ герцогъ брауншвейгскій, то сего признать не могу, ибо яко розенъ-крейцеръ, то таковой признаетъ наиспытныхъ только начальниковъ, то есть таковыхъ, буде которые всѣ таинства ордена имѣютъ и сокрываютъ себя для того, чтобы не быть повсечастно удручаемы просьбами и докуками объ открытіи оныхъ; что жь принадлежитъ до герцога брауншвейгскаго, то онъ не есть начальникомъ розенъ-крейцеровъ, а начальникомъ такъ называемыхъ Chevaliers Bien-faisants; и я, съ самой смерти профессора Шварца, ни съ какими чужестранными, окромѣ Велпера и Дюбаска, черезъ Кутузова не имѣлъ по масонству никакого дѣла.

Вопросъ 8-й. Что значитъ орденъ Розоваго Креста; кѣмъ онъ установленъ, и какъ вы и товарищи ваши осмѣлились сей выдуманный орденъ на себя возлагать, безъ воли Самодержицы? Но сверхъ сего есть въ вашемъ сборищѣ орденъ святаго апостола Андрея, который также на себя возлагаете; то и сказать вамъ, для чего вы такія непозволенныя украшенія на себя и на товарищей сборища вашего возлагать дерзали?

Отвѣтъ. Я признавалъ орденъ Розоваго Креста, по градусамъ онаго, не за иное то, какъ за науку сокрытую отъ людей, касательно до познанія таинствъ натуры, или за высшую химію; то есть я признавалъ оный за школу высшихъ таинствъ натуры. А что я въ оный вошелъ безъ воли Самодержицы, то, признавая себя виноватымъ, воззываю къ Ея милосердію. Кѣмъ же оный учрежденъ, то сего до сихъ поръ не знаю; а по ученію ордена, онъ происходитъ отъ самыя древности, но систематическаго происхожденія онаго совсѣмъ не знаю. — Что жь принадлежитъ до ордена святаго апостола Андрея, то оный, какъ мнѣ кажется, и какъ я его принималъ, почитается въ масонствѣ іероглифомъ, такъ какъ и всѣ другія масонскія украшенія, и

потому не почиталъ преступленіемъ оныя надѣвать; но, подавая чрезъ то на себя подозрѣніе, никакого въ томъ оправданія не имѣю, я воззываю только къ милосердому помилованію.

Вопросъ 9-й. Сказать вамъ: кто именно въ орденѣ Розоваго Креста товарищи вашего сборища находятся, такъ какъ и крестъ Андрея апостола кто же именно имѣетъ, не утая ни единаго человѣка, ибо вы сего сборища есть изъ главныхъ начальниковъ?

Отвѣтъ. Желая отъ искренности сердца повиноваться сему повелѣнію всѣхъ — сколько упомню — здѣсь напишу, прося милосердаго помилованія, ежели кого-либо безъ намѣренія забуду:

1. Князь Юрій Никитичъ Трубецкой.
2. Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ.
3. Николай Ивановичъ Новиковъ.
4. Семенъ Ивановичъ Гамалѣя.
5. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.
6. Иванъ Петровичъ Тургеневъ.
7. Князь Алексѣй Александровичъ Черкасской.
8. Иванъ Ивановичъ Френкель.
9. Василій Васильевичъ Чулковъ.
10. Алексѣй Ивановичъ Новиковъ.
11. Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ.
12. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Болѣе же сихъ, принадлежащихъ къ ордену золотаго Розоваго креста не упомню. Что же принадлежитъ до тѣхъ, которые имѣютъ крестъ апостола Андрея, такъ какъ оный принадлежитъ къ такъ называемой екосской степени, то ихъ такъ было много, что упомнить не могу. Да и списки оныхъ находились не у меня, а думаю, что въ деревнѣ и въ домѣ у Новикова.

Вопросъ 10-й. По двумъ сдѣланнымъ сборищу вашему запрещеніямъ, для чего вы осмѣлились запрещенныя книги печатать и продавать, и даже разсылать въ отдаленныя провинціи? А какъ тѣ книги наполнены развратомъ и не могутъ быть терпимы церковію и правительствомъ, то и объяснить вамъ, съ какимъ намѣреніемъ данныя правительствомъ повелѣнія осмѣлились преступить, такъ что когда отъ правительства были осмотры тѣмъ книгамъ, то вы осмѣлились оныя скрыть и отвезти въ деревню князя Черкасскаго?

Отвѣтъ. Что принадлежитъ до печатанія, продаванія и разсыланія книгъ, то признаюсь, что прежде сдѣланныхъ запрещеній я былъ согласенъ оныя печатать и продавать. Но послѣ оныхъ, я клянусь на самого господина Новикова, что я ни во что касательно до типографскаго дѣла не входилъ, а имѣлъ отъ него отвращеніе, о чемъ не единократно говаривалъ съ господиномъ Новиковымъ и желалъ прекращенія онаго. А что книги оныя отвезены были въ деревню князя Черкасскаго, то признаюсь, что я оное вѣдалъ; а согласовалъ на оное въ надеждѣ, что когда либо оныя продолжать дозволятъ, въ чемъ признавая себя виноватымъ, прошу милосердаго помилованія.

Вопросъ 11-й. Извѣстно, что отъ вашего сборища установлены въ Россіи, въ разныхъ губерніяхъ таковыя сборища, то и показать вамъ: въ которыхъ оныя губерніяхъ заведены, и кто въ которой начальникомъ, при чемъ дать о всѣхъ тѣхъ начальникахъ, такъ и объ обольщенныхъ, вступившихъ въ тѣ сборища людяхъ списки, ибо вы оныхъ есть начальникъ?

Отвѣтъ. Понеже мнѣ поручено было наипаче правленіе ордена Розоваго Креста, то я подробнаго объясненія и указанія обо всѣхъ учрежденныхъ сборищахъ въ разныхъ губерніяхъ показать не могу, наипаче потому, что господинъ Новиковъ, чрезъ котораго мнѣ всѣ списки доставляемы бывали, въ послѣдніе года жилъ постоянно въ деревнѣ, въ которой я у него не бывалъ; а онъ, пріѣзжая иногда въ Москву, оныя забывалъ, какъ мнѣ кажется, съ собою привозить. Впрочемъ, какъ я думаю, то и онъ многіе списки не предавалъ ли огню, а наипаче въ то время, когда онъ при покойникѣ графѣ Брюсѣ боялся, чтобы не пришли у него отъ правительства оные отбирать. Сколько же упомню, то скажу, что ложа учреждена въ Петербургѣ; но по приказанію моему Осипу Алексѣевичу Поздѣеву, которому она поручена, думаю что не собирается. Другая учреждена въ Орлѣ, подъ надзираніемъ Ивана Владиміровича Лопухина, и она также не собирается. Третья, какъ кажется, въ Бѣлоруссіи, и поручена надзиранію Андрея Ивановича Веревкина, и также не собирается. — Прочихъ, по совѣсти моей, учрежденныхъ ложъ не помню, окромѣ Ивана Петровича Тургенева, у ко-

тораго самое малое число членовъ, которыхъ хорошенько не упомню.

Вопросъ 12-й. Извѣстно, что вы имѣли переписку въ чужіе краи и именно съ Шварцемъ, барономъ Шредеромъ и Кутузовымъ; то вы должны всю сію переписку открыть и отдать при семъ всѣ ваши и тѣхъ людей бумаги, не утаевая изъ оныхъ ни единой; въ противномъ же сему случаѣ, буде что скроете и утаите, то подвергнете вы себя строгому по законамъ сужденію. А какъ сію переписку имѣли и товарищи ваши, то и оныхъ показать именно.

Отвѣтъ. Что имѣлъ переписку съ покойникомъ Шварцемъ, съ барономъ Шредеромъ и съ Кутузовымъ, то въ томъ признаваясь скажу передъ Богомъ, что я переписку съ Шварцемъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ какъ сжегъ, равно какъ и переписку съ барономъ Шредеромъ. Но что касается до переписки съ Кутузовымъ, то сколько оной есть, всю оную, не утаевая ничего, равно какъ и всѣ бумаги, которыя у меня есть, не укрывая ничего, по вѣрноподданнической моей должности представляю.

Вопросъ 13-й. Тайную типографію для чего вы завели, и какіе виды въ томъ имѣли? — ибо и сей вашъ вымыселъ явно обличаетъ, что ваши сборища есть въ государствѣ вредныя, потому что еслибъ во оныхъ не существовало никакого противу правительства развращенія и вреда, то бъ ни для чего тайной типографіи заводить было не нужно. Сія типографія столь тайно содержана была, что въ работѣ при оной не употребленъ былъ ни одинъ изъ русскихъ, а производили работу чужестранцы, а посему и открыть вамъ о семъ вашемъ замыслѣ самую истину.

Отвѣтъ. Что до тайной типографіи принадлежитъ, то я предъ Богомъ клянусь, что я объ ней свѣдѣнія не имѣю, а была за нѣсколько лѣтъ предъ симъ типографія подъ именемъ Ивана Владиміровича Лопухина, по которой однакожь онъ не правилъ, но Новиковъ правилъ. То развѣ сію можно почесть за тайную? Окромѣ же оной я ни о какой тайной типографіи понятія не имѣю, да и сія типографія, уже тому нѣсколько лѣтъ, присоединена къ кампанейской типографіи, въ чемъ клянусь, что сказалъ самую истину.

Вопросъ 14-й. Тайной экспедиціи бывшій секретарь Кочубѣевъ кѣмъ уловленъ въ ваше сборище, и изъ какихъ видовъ, и какой данъ ему орденъ?

Отвѣтъ. Что господина Кочубѣева я видалъ въ ложахъ, то истинная правда, и какъ мнѣ кажется, что онъ былъ принятъ господиномъ Новиковымъ или Гамалѣемъ, но достовѣрно о семъ сказать не могу. Что жь принадлежитъ до какихъ либо видовъ касательно до его принятія въ масоны, то я самимъ Богомъ клянусь, что не зналъ и не знаю объ оныхъ ничего. Ордена же, кромѣ екосскаго никакого, какъ мнѣ кажется, онъ не имѣетъ.

Вопросъ 15-й. Неоднократныя посылки въ чужіе краи Шварца, барона Шредера, Кутузова, Карамзина, такъ и отправленіе студентовъ изъ вашего сборища безъ позволенія правительства, навлекли уже правительству подозрѣніе; то и открыть вамъ о причинахъ отправленія тѣхъ людей, и какія отъ сборища вашего даны наставленія, кои вамъ и объявить при семъ, а равно и какія вы получали увѣдомленія отъ оныхъ вашихъ посланниковъ? Также объяснить вамъ о долгой бытности въ Берлинѣ Кутузова и Шредера, и на чьемъ они иждивеніи туда отправлены были, и по скольку денегъ туда переводимо было?

Отвѣтъ. Отправленіе въ чужіе краи Шварца, барона Шредера и Кутузова имѣли видомъ своимъ исканіе объясненія на іероглифы масонскія, чего ради и наставляемъ былъ Шварцъ, чтобы онъ вездѣ, такъ называемыхъ тайныхъ братьевъ искалъ и просилъ довѣренности ихъ къ намъ. А баронъ Шредеръ и Кутузовъ были уже прямо посланы къ Велнеру для ученія отъ него всему принадлежащему до масонства Увѣдомленія жь Кутузова усмотрѣны будутъ изъ его писемъ, которыя всѣ, сколько ихъ у меня есть, обязуюся представить. Сіе самое и есть причиною долгаго пребыванія Кутузова въ Берлинѣ. Что жь до содержанія ихъ касается, то они донынѣ содержалися изъ доходовъ типографическихъ, а когда оныхъ не было, то занимались деньги и къ нимъ посылались, сколько жь оныхъ на нихъ издержано, то объ ономъ не знаю. Что жь касается до Карамзина, то онъ отъ насъ посланъ не былъ, а ѣздилъ вояжиромъ на свои деньги. Ка-

сательно жь до двухъ студентовъ, то ихъ посылалъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ на свой коштъ учиться медицинѣ. Господинъ же Багрянской былъ посыланъ учиться на счетъ компаніи; а сколько на него издержано, того не знаю.

Вопросъ 16-й. Извѣстной особѣ какія именно посылали книги? сколько, когда и чрезъ кого?

Отвѣтъ. Сколько и когда, и черезъ кого именно посылаемы были къ извѣстной особѣ книги, о томъ достовѣрно сказать не могу.

Вопросъ 17-й. Книга *О таинствѣ креста* откуда вами выписана и кѣмъ переведена?

Отвѣтъ. Откуда сія книга выписана, о томъ достовѣрно сказать не могу; а помнится мнѣ, что она привезена Шварцомъ изъ чужихъ краевъ. Что жь до перевода ея касается, то помнится ее переводили двое, съ нѣмецкаго и французскаго языковъ, а именно Кутузовъ и Багрянскій; а потомъ она была съ оригиналами прочитываема Тургеневымъ, Гамалѣемъ, Новиковымъ и прочими — кто бывало тутъ случится.

Вопросъ 18. Печатная книга *О народной гордости* когда печатана въ вашей типографіи, и кто ее цензировалъ, и кто жь ее сочинилъ или переводилъ?

Отвѣтъ. Я могу предъ самимъ Богомъ удостовѣрить, что я о книгѣ *О народной гордости* никогда не слыхивалъ и никакого понятія не имѣю.

Открывъ таковымъ образомъ по всѣмъ предложеннымъ мнѣ пунктамъ все то, что я знаю, остается мнѣ, падъ предъ стопы Ея Величества, изливая сердечныя передъ нею слезы, воззвать: «Помилуй мя и прости, что я по невѣдѣнію и безъ всякаго намѣренія содѣлался передъ тобою подозрительнымъ! Я буду во всю жизнь мою оплакивать мою неосторожность, ибо, что у меня не было никакого злаго и дурнаго намѣренія, въ томъ призываю во свидѣтельство самаго Господа Бога! Я рожденъ съ пытливымъ духомъ, искалъ вездѣ и во всѣхъ книгахъ просвѣщенія, иногда побуждаемъ былъ къ тому любопытствомъ, а иногда истиннымъ усердіемъ, и сіе есть побудительною пружиною самаго вступленія моего въ масонство. Во ономъ я, проходя всѣ степени, не удовольствовалъ своего любопыт-

ства, почему искалъ далѣе; нашелъ барона Рейхеля, тотъ всю мою довѣренность получилъ тѣмъ самымъ, что опровергнулъ мои прежнія заблужденія, почерпнутыя мною изъ Бела, Гельвеція, Вольтера и прочихъ; обратилъ меня на исканіе истины въ евангеліи. Потомъ, когда онъ не могъ моего любопытства удовлетворить въ масонствѣ, гдѣ искалъ какого-то таинства; то я спознакомился съ покойникомъ Шварцомъ и по возвращеніи его изъ чужихъ краевъ былъ имъ принятъ въ розенъ-крейцеры, гдѣ надѣялся найтить, помощію точнаго исполненія христіанскихъ должностей, великое таинство познанія натуры. Но до сихъ поръ онаго не обрѣлъ. Се суть принципы истинные въ сихъ моихъ дѣйствіяхъ, и я николи никакихъ чуждыхъ сему намѣреній въ исканіи моемъ не имѣлъ; и николи не ожидалъ содѣлаться въ очахъ всемилостивѣйшей моей Государыни подозрительнымъ. Но теперь, видя оное, паки падая предъ стопы Ея, прошу помилованія и удостовѣряю, что я съ сего часа, подавляя въ себѣ только вредный для меня духъ пытливости, отрекаюсь отъ всѣхъ связей, неугодныхъ моей Монархинѣ, какого бы рода онѣ по масонству не были, и повинуясь Ея волѣ всѣ бумаги, которыя имѣю, предлагаю при семъ, и всякую переписку по масонству съ чужими краями прерываю.

17.

*Вопросные пункты статскому совѣтнику Ивану Лопухину**).

Отвѣтъ на 1-й вопросъ. Тайныя сборища въ домѣ своемъ имѣлъ я весьма малочисленныя и, какъ помнится, не болѣе десяти разъ во всѣ годы. Признаюсь однакожь, что сіе не для того, чтобы я не хотѣлъ ихъ имѣть, но потому, что я живу въ домѣ отца моего—девятидесятилѣтняго, зрѣнія немущаго, старца, отъ котораго я всемѣрно старался скрывать упражненія мои въ масонствѣ: ибо свѣдѣніе о семъ могло бы оскорбить его такъ, какъ нынѣ единъ слухъ о высочайшемъ за то гнѣвѣ можетъ для него быть смертоноснымъ ударомъ. Но я, исполненный вѣрноподданическимъ благоговѣніемъ, сы-

*) Вопросные пункты всѣмъ были предложены одни и тѣже, потому ихъ не перепечатываемъ.

новнею любовію и усердіемъ къ Ея Императорскому Величеству, увѣренъ въ правосудіи и милосердіи Ея, матери отечество. Тѣмъ свободнѣе отвѣтствовать буду съ полнымъ чистосердечіемъ и откровенностію, въ твердомъ увѣреніи, что Ея мудрость и правосудіе увидятъ невинность, а милосердіе Ея проститъ мнѣ то, гдѣ я могъ погрѣшить по невѣжеству, а не отъ злаго умысла. Что жь сего послѣдняго у меня никогда не было, тому свидѣтель Всевидящій, и сердца и утробы Испытующій. И такъ, по вышесказанной причинѣ, рѣдко имѣлъ я собранія въ своемъ домѣ, но чаще бывалъ въ иныхъ мѣстахъ. Хаживали часто ко мнѣ сотоварищи мои въ ономъ упражненіи, но не тайно, и мы, не съ запертыми дверями и не скрываясь, бесѣдовали. Все сіе пишу для обстоятельственнаго объясненія по сему артикулу, и не въ извиненіе себѣ сказываю, что рѣдко бывали у меня оныя собранія, зная, что это все равно рѣдко или часто. Вѣдаю, что государственными законами запрещены товарищества, братства и проч., черезъ полицію не дозволенныя. Но собранія масонскія, въ разсужденіи столь долговременной терпимости ихъ правительствомъ,— ибо мы имѣли иногда многочисленныя ложи, въ глазахъ, такъ сказать, цѣлаго народа и конечно не невѣдомо правительству онаго,—собранія оныя почиталъ я болѣе позволенными, однакожь пріемля во всей точности и строгости многочтимые мною законы государственные и вышеприведеннымъ мною резономъ не оправдывая себя, и не осмѣливаясь мнимую мною терпимость предпочитать явному и ясному законному предписанію. Въ упражненіяхъ моихъ въ масонствѣ всѣхъ системъ не было иной цѣли кромѣ желанія чрезъ разныя познанія пути содѣлаться просвѣщеннѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ и истиннѣйшимъ христіаниномъ, вѣрнѣйшимъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества и лучшимъ слугою государства Ея: сія одна была цѣль моя. По склонности къ оныхъ познаніямъ упражнялся я въ оныхъ и другихъ привлекалъ: самъ почитая оное полезнымъ и другимъ того же желалъ, и въ семъ видѣ чинилъ собранія, по обычаю такихъ обществъ.

На 2-й. Со всѣми вышесказанными я никогда никакой переписки не имѣлъ. Когда я вступилъ въ общество, то связь съ герцогомъ брауншвейгскимъ и принцемъ гессенъ-кассель-

скимъ не продолжалась, сколько мнѣ извѣстно, нѣкоторое время, такъ что подлинно можно сказать, нѣсколько только мѣсяцевъ упражнялся я въ той системѣ, гдѣ они участвовались. Не находилъ я въ ней вреднаго, но и полезнаго себѣ не находилъ же; я видѣлъ въ ней одно броженіе, которое, по моему мнѣнію, не могло привести ни къ полезнымъ познаніямъ, ни къ чему доброму, а удобнѣе злоупотреблена быть могла, и могла привести къ видамъ политическимъ и противнымъ благоустройству государственному; чего сообщество наше всегда страшилось и гнушалось. Вся сія система, лѣтъ восемь назадъ, была оставлена всѣми извѣстными мнѣ сотоварищами моими; и принята она единственно была по непохвальному любопытству, по безпрерывной жадности къ познаніямъ и по неискусству. Хотя я не былъ при принятіи оной системы, но вышесказанныя обстоятельства мнѣ извѣстны по короткому знакомству съ принявшими ее и потому, что я, какъ и прежде сказалъ, и самъ короткое время съ ними въ оной упражнялся; но тогда уже переписки по ней не было съ Веллеромъ. Извѣстно мнѣ, что была переписка по системѣ, называемой древняго масонства или Золотаго и Розоваго Креста; переписывался съ нимъ одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Трубецкой. Вся она состояла, думаю, въ пяти или шести письмахъ—ежели не меньше, и прервалась съ того времени, какъ маіоръ Кутузовъ въ чужихъ краяхъ находится, т. е. лѣтъ пять. Переписку князя Трубецкаго съ Веллеромъ я читывалъ — въ ней ничего не было трактовано окромѣ морали и науки о познаніи натуры по системѣ древнихъ и новѣйшихъ, такъ называемыхъ герметическихъ философовъ. Что жъ принадлежитъ до отношенія къ политическому обстоятельству, упомянутому въ семъ артикулѣ, то хотя въ оной перепискѣ прусскаго министра никогда не было ни малѣйшаго подозрѣнія на виды политическіе; однакожъ мы, вѣдая, сколь легко человѣки по пристрастіямъ и корыстолюбію все во зло употребить могутъ, и ни къ кому лично безъисключительной довѣренности не имѣя, а притомъ въ неизмѣнности священнымъ обѣтамъ вѣрноподданныхъ и сыновъ отечества, особливо и крайне бдительны были въ упомянутое въ семъ артикулѣ время, и ежели бы получили что противное хотя мало ни-

тересамъ Императорскаго Величества и отечества нашего, то конечно бы не только отвергли, но и объявили правительству. Сколько мнѣ извѣстно, то шифрами не скрывали сей переписки отъ правительства, съ тѣмъ, чтобы оная могла быть найдена преступническою, и по большей части матерію писали обыкновенными литерами; а нѣчто о книгахъ и наукѣ иногда писывали шифрами для того, чтобы въ случаѣ утраты писемъ и открытія ихъ не подвергнуть посмѣянію и прочимъ такого рода оскорбленіямъ лицъ и вещей отъ такихъ, которые оныхъ упражненій не одобряютъ; и въ семъ случаѣ слѣдовали учрежденію помянутаго масонства, въ котораго степеняхъ и шифры находятся, нами же выдуманныхъ шифровъ я не знаю. По симъ только причинамъ паки производилась оная переписка, которую мы и не воображали быть преступательной въ разсужденіи правительства. Не находя въ ней ничего оному вреднаго, не почитали ея недозволенною, а полагали равнообразною со всѣми разныхъ родовъ философскихъ и учебныхъ переписокъ, по разнымъ людей склонностямъ, переписокъ терпимыхъ въ государствѣ. А ежели бы получили отъ страны чужеземной что противно, то поступили бы, какъ выше сказалъ. Иностранныя письма оныя, сколько мнѣ извѣстно, получаемы были съ умершимъ профессоромъ Шварцемъ, съ барономъ Шредеромъ и по почтѣ. А посылались съ Шредеромъ же и съ маіоромъ Кутузовымъ и такъ же по почтѣ чрезъ нихъ; а одинъ разъ, помнится, прямо на имя Веллера черезъ почту писалъ князь Трубецкой, который одинъ и переписывался. Вѣдали же именно о перепискѣ съ Веллеромъ, сколько мнѣ извѣстно, Кутузовъ, Шредеръ, Новиковъ и я. А связь съ герцогомъ брауншвейгскимъ, думаю, многимъ, такъ называвшимся благотворнымъ рыцарямъ извѣстна тогда была: ибо печатано даже въ чужихъ краяхъ было о положеніи онаго вильгельмскаго конвента масонскаго, на коемъ оный герцогъ поставленъ былъ правителемъ всѣхъ ложъ сей системы. Но при вступленіи моемъ въ масонство не было уже съ симъ переписки и связи, а провинціальная здѣшняя ложа безотносительно къ оному учреждала сама собою.

На 3-й. О началѣ связи съ герцогомъ брауншвейгскимъ я, какъ и прежде сказалъ, обстоятельно не знаю; что къ нему

писано было, то мнѣ совсѣмъ неизвѣстно. Его же письма,— два или три коротенькихъ, — читалъ я у Шварца и нашелъ ихъ весьма обыкновенными и ничего не значущими, а содержанія ихъ прямо не помню и кромѣ того, что и помнить онаго нечего. Я къ нему никогда не писывалъ и не только не подписывалъ прошеній, но до сего часа и не слыхалъ объ оныхъ. О подчиненіи же себя въ зависимость, въ неограниченное повиновеніе и послушаніе герцогу брауншвейгскому я услышавъ только, трепещу въ сердцѣ, исполненномъ вѣрностію, осмѣлюся сказать, особо сыновнею любовію къ моей монархинѣ. Вездѣсущій—свидѣтель симъ чувствамъ моимъ, и онъ да соблюдетъ меня и отъ помышленія одного вступить въ таковую подчиненность къ кому либо, кромѣ его самаго и поставленной отъ него Императрицы и матери нашей. Въ дополнительное объясненіе по сему артикулу еще донесу, что въ то время, когда выходили указы высочайшаго неудовольствія на общество наше и прещенія на книги, существовалъ у насъ единственно институтъ ордена Златаго и Розоваго Креста, который сообщенъ намъ, какъ мнѣ извѣстно, отъ Велнера: то развѣ писали увѣдомленіе о происшествіяхъ оныхъ къ управляющимъ въ ономъ институтѣ, въ которомъ герцогъ брауншвейгскій, сколько я знаю, не участвовалъ. Но какъ тогда еще не присутствовалъ въ здѣшнемъ правленіи розенкрейцерскомъ, то писанія оныя отсюда мнѣ неизвѣстны, и послѣ я ихъ не читалъ и содержанія ихъ не знаю.

На 4-й. Признаюсь, что когда по любви моей къ упражненіямъ въ сказанныхъ мною познаніяхъ естественно было мнѣ желать, чтобы и другія въ томъ же упражнялись, что пристрастіямъ весьма сродно, какъ мнѣ кажется: то особливо неестественно бы мнѣ было не желать того же столь важной и драгоцѣнной особѣ. Но я только что желалъ, подвига же къ тому и совѣщанія о семъ никакого не дѣлалъ; я очень мало и смутно о семъ и знаю: Новиковъ со мною мало о семъ и говаривалъ; когда же говаривалъ, то я ему совѣтовалъ осторожность и говорилъ, чтобы для чистоты сердечной наблюдать, чтобы подъ видомъ христіанскаго доброжелательства не вкралась собственность, изъ которой могутъ породиться пожеланія страшныя для христіанъ и подданныхъ и

гнусныя въ очахъ божіихъ и людей добродѣтельныхъ. Рѣдкая посылка отъ Новикова къ той особѣ книгъ чрезъ архитектора Бажанова и разговоры сего послѣдняго съ нею не казались мнѣ заслуживающими никакого худаго вниманія. Слова особы сея, сколько я слышалъ, переданныя чрезъ Бажанова Новикову, изъявляли ея благодушіе и склонность къ упражненіямъ въ христіанствѣ, мнѣніе сперва о упражненіяхъ нашихъ не худое, а потомъ сумнѣніе и подозрѣніе насъ въ намѣреніяхъ нечистыхъ. Симъ послѣднимъ мнѣніемъ я оскорблялся—какъ то естественно; ибо я почиталъ упражненія мои чистыми, и въ чистотѣ сей увѣренъ былъ, зная однакоже, что особа та не могла вѣдать точно основанія нашего, имѣя свѣденіе только по немногимъ разговорамъ съ Бажановымъ и по слухамъ. Сожалѣніе сіе мое мнѣ было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ важнѣе особа, какъ естественно наибольше желать одобренія своихъ мнѣній и дѣлъ отъ важнѣйшихъ особъ. Съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ я никогда переписки не имѣлъ, а слышалъ я еще отъ Шварца, что онъ къ нему писалъ, — когда заводилось здѣсь то благотворительное рыцарство,—что здѣсь не намѣрены учреждать великимъ мастеромъ никого изъ иностранныхъ, и изъ здѣшнихъ развѣ ту особу, ежели когда-нибудь она то приметъ на себя. Однакоже я знаю, что особѣ сей никогда то предлагаемо не было, и она никакъ не участвовала. А только мнѣ извѣстно, что Новиковъ къ ней посылалъ, сколько же именно разъ, того не знаю, книги у насъ печатанныя, какъ то Арндта *о истинномъ христіанствѣ* и подобныя, а какія именно точно, не помню теперь. И она, судя по книгамъ, почитала упражненія наши, какъ я слышалъ, не безполезными; я же лично никакого подвига къ преклоненію той особы не дѣлалъ и никого къ тому не возбуждалъ. А, по вышесказаннымъ причинамъ, радовался только, слыша объ добромъ мнѣніи о нашихъ упражненіяхъ столь важной особы, и кромѣ сего никакого виду и предпріятія не имѣлъ. Въ объясненіе вышесказаннаго о великомъ мастерѣ еще прибавлю, что у насъ не было онаго учреждено, а управляла директорія, составленная изъ первыхъ чиновниковъ провинціальной ложи.

На 5-й. Бумагу таковую и выписку я не только чтобъ имѣлъ у себя или читалъ, но и вскользь ея не видывалъ; а слышалъ я въ 786 или 87 году, что Бажановъ далъ Новикову какую-то бумагу, въ которой онъ записалъ разговоры свои съ извѣстной особой, коихъ содержанія мнѣ сказывалъ, но точно не помню онаго; предсудительнаго же и такого, о чемъ бы долженъ правительству объявить, увѣренъ, что не слыхалъ. О бумагѣ оной помнится я слышалъ отъ князя Трубецкаго, самъ же ея не видалъ, и чтобъ кто кромѣ Новикова ее у себя имѣлъ, не знаю по истинѣ, такъ же и о томъ, кто ее въ рукахъ имѣлъ, а о выпискѣ я и не слыхалъ: по сему искреннему и вѣрному признанію моему ясно, что я не могъ сію бумагу посылать къ Кутузову, и мнѣ помнится, что сей въ то время еще здѣсь былъ; однакожь того утвердить не могу.

На 6-й. Въ извѣстныхъ мнѣ степеняхъ сановъ епископскихъ нѣтъ, какъ равно и названій таковыхъ. Въ нѣкоторыхъ, помнится, переводахъ нашихъ отъ неисправнаго перевода названо епархіею собраніе нѣсколькихъ круговъ или ложъ розенкрейцерскихъ. И я это всегда почиталъ ошибкою или худымъ выборомъ слова, по каковому мнѣнію никогда и не уважалъ сего; такъ равно престолами и жертвенниками столы предсѣданія давно называются во всемъ масонствѣ, какъ мнѣ помнится. Я сего такъ же не уважалъ, ибо таковыя названія, какъ то престоловъ и жертвенниковъ, даются вещамъ совсѣмъ не священнымъ, и въ мѣстахъ таковыхъ же. Образъ миропомазанія дѣлается въ одной степени, которую я имѣю. Но всего онаго я не почиталъ и, сколько мнѣ извѣстно, въ обществѣ нашемъ все оное не почиталось за священнодѣйственное, а единственно за іероглифы, подобно всѣмъ извѣстнымъ въ масонствѣ разнаго рода и образа іероглифамъ.

На 7-й. Въ разныхъ степеняхъ извѣстнаго мнѣ масонства дѣлались присяги предъ священнымъ писаніемъ, но безъ креста. Ужасныя клятвы, издавна учрежденныя, какъ извѣстно, въ масонствѣ, у насъ уже давно отвержены и, сколько мнѣ извѣстно, не произносились. Присяги о претерпѣніи пытокъ, розысковъ и даже самой смерти для сокрытія отъ правительства тайны ордена Розоваго Креста не давалъ и не знаю.

Есть, помнится, о семъ въ одномъ наставленіи, которое и напечатано въ Германіи. Но я сего пункта по истинѣ никогда не принималъ, такъ какъ и многаго въ тѣхъ уставахъ сердце и разумъ мой безусловно и неограниченно не принимали. Тайною таковаго ордена я никогда не почиталъ оное, какъ то философское дѣло, о которомъ говорится въ герметическихъ книгахъ, и которое, какъ въ нихъ же пишется, обязаны были всегда всѣми мѣрами сокрывать отъ правительства имѣющіе искусство онаго. Дѣла сего я никогда не опровергалъ, не имѣя довольно разуму доказать себѣ невозможность онаго, но никогда и не заботился стяжать оное. Систему же масонства, въ которой не находилъ ничего противнаго обязанностямъ христіанина, вѣрноподданнаго и гражданина, и въ которой упражненія стремятся къ познаніямъ таинствъ творенія, не отвергалъ я по расположенію работъ къ помянутому философскому дѣлу, не бывъ, какъ сказалъ, увѣренъ въ невозможности онаго дѣла, о которомъ однако я и хорошаго понятія не имѣю. Но ежели оно возможно, думалъ я, не отрицая сей возможности по мнѣнію о бездѣ и непоколебимости всѣхъ сокровищъ божественной премудрости твореній ея, то и сіе дѣло безполезно быть не можетъ. Повиновеніе великому мастеру и откровенность ему я и всѣ, сколько мнѣ извѣстно, благомыслящія общества нашего принимали только въ смыслѣ, до науки касающемся; если же бы кто сталъ отъ меня требовать чего противнаго моимъ обязанностямъ христіанина и вѣрноподданнаго, то я не только бы отбѣжалъ отъ него, какъ отъ опаснѣйшаго врага, но и открылъ бы его правительству. Что принадлежитъ до герцога брауншвейгскаго, то я въ предыдущихъ артикулахъ сказалъ, что съ нимъ ни въ какой связи и въ подчиненіи у него не былъ. Что жъ касается до отрицанія правительства самодержавной власти Ея Императорскаго Величества, то я желаю умереть прежде, нежели даже помыслить сіе сдѣлать. Я непоколебимо преданъ Ей и по долгу вѣрноподданнаго и по любви сыновней; давая же во всѣхъ розенкрейцерскихъ степенахъ присяги, т. е. въ тѣхъ, въ которыхъ находился, равно и въ такъ называвшемся предверіи онаго или степенахъ нижнихъ, въ которыхъ, мнѣ помнится, только въ двухъ или въ трехъ съ обрадами принятъ

я былъ. Давая всѣ сіи присяги, никогда я не думалъ, чтобъ они могли простираться на что-нибудь противное обязательствамъ моимъ вѣрноподданнаго Ея Императорскому Величеству и сына отечества моего. И послѣ во всѣхъ актахъ не видѣлъ ничего, которое бы могло открыть мнѣ хотя тѣнь подозрѣнія на то, чтобы оные обѣты учреждены были въ видѣ обращенія ихъ на отношенія политическія, и, ежели бъ одну тѣнь оную примѣтилъ, то возгнушался бы всѣмъ институтомъ, яко богопротивнымъ. Такъ же если бы изъ членовъ онаго, отъ кого либо, услышалъ расположеніе обращать тѣ обѣты на такой смыслъ, то бы почелъ его извергомъ, котораго не только удалиться, но и правительству открыть должно и полезно. Бывшее здѣсь правленіе наше, такъ называемаго ордена Розоваго Креста, въ вышесказанномъ мною вѣрноподданническомъ расположеніи наипаче бдительно было отъ охраненія управлявшихся онымъ членовъ отъ уловленія въ секту такъ называемыхъ иллюминатовъ, о которыхъ намъ сообщено было изъ главной надъ нашею директоріи, что они не только тщатся подкапывать христіанскій законъ, но и разрушать зависимость отъ государей и отъ церковныхъ и свѣтскихъ властей ихъ, для предписанія на каковой конецъ объ осторожности во всѣ подчиненныя ложи, мнѣніе мое, какъ присутствовавшаго въ помянутомъ розенкрейцерскомъ правленіи въ то время поданное въ ономъ, по которому исполнялося, при семъ черное моей руки вручилъ Его Сіятельству, главнокомандующему въ Москвѣ, князю Александру Александровичу Прозоровскому.

На 8-й. Названіе ордена Розоваго Креста почему подлинно здѣлано, я по истинѣ основательно не знаю; а думалъ сходно съ читанными мною въ нѣкоторыхъ ордена сего книгахъ, что оно имѣетъ отношеніе ко кресту Христову, украшенному кровію его. Орденъ сей почитается порожденіемъ герметической школы, которой начало считаютъ философы опой отъ временъ адамовыхъ и древнихъ патріарховъ. Черезъ три или четыре столѣтія онъ извѣстенъ подъ именемъ Золотаго и Розоваго Креста; кѣмъ онъ таковымъ учрежденъ именно, не вѣдаю;—пишутъ въ книгахъ, что однимъ такъ называющимся Розенкрейцеромъ, но подлиннаго извѣстія въ

актахъ, мнѣ свѣдомыхъ, о семъ нѣтъ. Знаки, налагаемые во время собраній, суть разные въ орденѣ семъ, такъ какъ въ масонствѣ нижнихъ степеней. Ордена святаго апостола Андрея никогда на себя не возлагалъ; при ономъ вступленіи моемъ въ масонство, чему теперь около десяти лѣтъ, былъ одинъ, такъ называемый екосской степень, въ которомъ былъ подобный знакъ. По принятіи меня въ оную степень, я его однажды не прилежно читалъ и ничего изъ него по истинѣ не понялъ. Въ самое тоже время и оставленъ степень сей, а на мѣсто его присланъ къ Шварцу другой, по которому я работалъ и другихъ принималъ.

На 9-й. Въ орденѣ Розоваго Креста мнѣ извѣстныхъ здѣсь были (а я долженъ былъ по участію моему въ правленіи здѣшнемъ всѣхъ знать): Шварцъ, умершій, Князь Николай и Юрій Никитичъ Трубецкіе, кураторъ Херасковъ, Николай и Алексѣй Новиковы, бригадиръ Тургеневъ и бригадиръ Чулковъ, надворный совѣтникъ Гамалѣя, полковникъ Поздѣевъ, профессоръ Чеботаревъ, маіоръ Кутузовъ, Шредеръ, докторъ Френкель, полковникъ князь Алексѣй Черкасскій, титулярный совѣтникъ, князь Енгалычевъ, сенаторъ Алексѣй Андреевичъ Ржевскій, премьеръ—маіоръ Фреклихъ, Багрянской докторъ и я. Тотъ степень, въ знакѣ котораго находилось изображеніе креста Андрея апостола, какъ я уже прежде сказалъ, лѣтъ уже девять тому назадъ совсѣмъ не въ употребленіи былъ между нами; и съ того времени никто изъ извѣстныхъ мнѣ не имѣетъ онаго. Отмѣна сего степеня и замѣненіе онаго другимъ, такъ называемымъ екосскимъ же, послѣдовала меньше нежели черезъ годъ по вступленіи моемъ въ масоны, и тогда, когда я никакъ въ правленіи здѣшняго масонства не участвовалъ, и потому и не могу я точно именовать имѣвшихъ съ тѣмъ знакомъ степень оную, и удовлетворительнаго донесенія о семъ сдѣлать не могу. Я получилъ екосскій степень по онымъ обрядамъ и послѣ того помню, что находился не болѣе одного раза при употребленіи онаго въ ложѣ. Затѣмъ послѣдовалъ, какъ выше сказалъ я, новый въ замѣну того екосскій градусъ, который и употреблялся во все время участвованія моего въ правленіи и Благотворительнаго Рыцарства, и братства Розоваго Креста.

На 10-й. Я ни одной запрещенной книги не печаталъ и завѣдомо не продавалъ. Въ бывшей типографической компаніи и въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ уничтоженной нами печатаніемъ и продаваніемъ книгъ управлялъ поручикъ Новиковъ; я въ оное не входилъ и совсѣмъ не зналъ, что перепечатываются запрещенныя книги, такъ какъ и теперь по истинѣ не знаю, какія то были. Извѣстно мнѣ только, что послѣ помянутыхъ запрещеній оканчивалось печатаніе книги, называемой *Божественная Метафизика*; и хотя сія книга подъ запрещеніе не подошла, ибо не допечатана и не открыта тогда была, но по содержанію ея, въ силу оныхъ запрещеній, не должна была въ свѣтской типографіи печатаема быть: то я признаю себя виновнымъ въ томъ, что, вѣдая о печатаніи оной книги, не препятствовалъ сему и не старался всѣми возможными мнѣ способами отвратить онаго, въ каковомъ проступкѣ моемъ, уповая на всемилостивѣйшее прощеніе, равно и въ томъ ежели я не завѣдомо, однакожь отъ небреженія продалъ какія либо изъ запрещенныхъ книгъ, по истинѣ не помня, чтобъ когда то дѣлалъ, но могло оное случиться слѣдующимъ образомъ: въ общую продажу изъ компанейскихъ магазейновъ книжныхъ и въ распоряженіе оной я никакъ не входилъ, но отдавалъ въ разныя времена нѣсколько книгъ на продажу въ курскую и орловскую лавки, бравъ тѣ книги на свой счетъ отъ компаніи по реестрамъ, подаваннымъ мнѣ требовавшими оныя продавцами, и которые подписывалъ я, не читая, чѣмъ однако не оправдываюся. Я, подписывая такимъ небрежнымъ образомъ, означалъ только сумму, на которую отпустилъ. И такъ могли вкрадываться въ тѣ подаваемые мнѣ реестры и запрещенныя книги; съ намѣреніемъ же никогда я ихъ въ продажу не выпускалъ и не разсылалъ, такъ же при реестрахъ книгъ я никакихъ не сокрывалъ; а зналъ, что Новиковъ скрываетъ и хотя и не старался всемѣрно препятствовать тому, въ чемъ еще нахожу себя виновнымъ, однако не одобралъ того поступка и лучше сказать гнушался сокрытіемъ запрещенныхъ книгъ на продажу; о скрытіи въ деревнѣ князя Черкасскаго и свѣдалъ я гораздо позже учиненія онаго. Во время же перваго осмотра книгъ въ концѣ 785 и въ началѣ 786 годовъ былъ

я въ Кромской моей деревнѣ. Въ то время не открыты осмотромъ въ бывшей подъ именемъ моимъ типографіи печатанныя нѣкоторыя книги, какъ-то: *Таинство креста* и проч. Въ отсутствіе мое, равно какъ и всегда оной типографіей распоряжался Новиковъ. Какъ онъ тѣ книги тогда сокрылъ, того обстоятельно не знаю, но увѣренъ, что сіи книги и до осмотру, и послѣ осмотру никогда въ продажу пущены не были. А слышалъ, что ходили украденныхъ какъ то изъ магазейна или при напечатаніи по три или по четыре экземпляра; знакомымъ же нашимъ, до сихъ книгъ охотникамъ, мы ихъ для собственнаго чтенія давали, и я сіе также дѣлалъ.

На 11-й. Мною посредственно или непосредственно управляемыя въ разныхъ губерніяхъ суть: въ Орлѣ, гдѣ главнымъ надзирателемъ вице-губернаторъ Карнѣевъ,—съ нимъ бывшій губернаторъ Неплюевъ числился только, ибо онъ давно отсталъ; совѣтники палатъ Нелѣдинской, Ржевской; ассесоры: меньшой Карнѣевъ и Милоновъ, статскій совѣтникъ Свербѣевъ; въ Вологдѣ главнымъ надзирателемъ — засѣдатель верхняго земскаго суда Остолоповъ, съ нимъ, помнится, человѣка три или четыре малыхъ чиновъ; въ Кременчугѣ года три тому назадъ заводилася ложа ассесоромъ Бѣлоусовичемъ, который былъ со мною въ сношеніи; но оная въ недѣйствіи, и переписка прервана; въ С.-Петербургѣ главнымъ надзирателемъ премьеръ-маіоръ Лѣнивцевъ, съ нимъ также трое или четверо, которыхъ именно теперь показать не помню. Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ была ложа, но какъ она не состояла никогда въ моемъ вѣдѣніи, то обстоятельно объ ней показать не могу, и думаю, что она не въ дѣйствіи. Ибо нѣсколько лѣтъ тому, какъ у насъ собранія и упражненія производились только въ степеняхъ розенкрейцерскихъ и въ послѣдней, къ оными такъ называемой соломоновыхъ наукъ и теоретическихъ философовъ, въ которой степени управляющіе именуются главными надзирателями. Я управлялъ сими ложами, былъ директоромъ круга розенкрейцерскаго, и участвую въ главномъ правленіи сего братства здѣсь, которое съ помянутыми теоретическими ложами одно и существовало наконецъ. Такъ называемая шотландскія матери ложа уже давно не въ дѣй-

ствіи. Система Благотворнаго Рыцарства, на которой должны быть: главная провинціальная ложа, подъ нею директорія, подъ сею капители, а подъ нею екосскія и трехъ—степенныя ложи. Сія система опять давно оставлена, какъ и прежде показалъ, и изображенное мною рыцарства расположеніе не существуетъ, да и никогда не существовало основательно. Восемь лѣтъ уже тому, какъ никто въ братья Рововаго Креста не принятъ, и находящіеся въ ономъ изъ одного въ другой градусъ не переходили. Въ послѣдніе годы розенкрейцерскихъ собраній болѣе не было, какъ четыре или пять въ годъ, а иногда и меньше. Чаще, однако не часто, собирались въ теоретическихъ ложахъ, и были рѣдки принятія въ сію степень, въ прочихъ же степеняхъ пять или шесть лѣтъ можно сказать не упражнялись или такъ мало, что я въ томъ и отчета дать не могу, и самая большая часть масоновъ оставили и оставлены, и мы наконецъ находилися весьма не въ великомъ числѣ.

На 12-й. Когда я вошелъ въ связи масонскія, тогда Шварцъ уже до смерти своей не выѣзжалъ изъ Россіи; къ барону Шредеру во все время писалъ я одно письмо, пересылая вексель, оставленный у меня княземъ Трубецкимъ, при отъѣздѣ его въ Петербургъ третьяго года,—въ которомъ писалъ только о приложеніи онаго и нѣсколько словъ дружественнаго доброжелательства къ Кутузову. По отъѣздѣ его въ чужіе края, писалъ я въ годъ два или три письма и отъ него получилъ столько же; въ то время когда князь Трубецкой жилъ въ Петербургѣ, писалъ я къ Кутузову, часто и отъ него получалъ. Но всѣ письма сіи, какъ не интересны, ни мало не храпилъ, а потому и не могу оныхъ представить. Я писалъ всегда прямо на бѣло и такъ моихъ писемъ къ нему нѣтъ у меня; о прочихъ перепискахъ съ Кутузовымъ и Шредеромъ ни о чьей обстоательно не знаю, кромѣ князя Трубецкаго, который къ нимъ нерѣдко писывалъ, особливо къ Кутузову. Ибо когда сей былъ въ чужихъ краяхъ, то къ Шредеру князь Трубецкой писалъ очень рѣдко, какъ думаю, не по дѣламъ общества нашего, ибо послѣдніе годы къ нему довѣренности не имѣлъ. А когда Шредеръ прежде ѣздилъ одинъ въ чужіе краи, тогда князь Тру-

бецкой нерѣдко къ нему писалъ, но я тогда обстоятельно о семъ свѣдѣнія не имѣлъ. Еще знаю, что Тургеневъ писалъ къ Кутузову во все время письма два, и въ моихъ письмахъ иногда приписывалъ. Новиковъ также, помнится, разъ или два къ нему писалъ, но обстоятельно кромѣ вышесказаннаго ничего не знаю. О времени Шварцева пребыванія въ чужихъ краяхъ ничего не знаю, но я тогда и въ связи сей не находился, а вошелъ въ оную, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ по возвращеніи его въ Россію. И ежели я что въ показаніи семъ скрылъ или утаилъ, то съ полнымъ признаніемъ найду себя достойнымъ строгаго по законамъ сужденія.

На 13-й. Типографія, бывшая подъ именемъ моимъ, объявлена мною при заведеніи ея здѣшней управѣ благочинія и заведена на основаніи высочайшаго указа о вольныхъ типографіяхъ; и даже когда я ее перевелъ, и она вошла въ типографію компанейскую, то и о семъ я объявилъ управѣ благочинія. Но скрытно и сказанными въ семъ вопросѣ людьми печатались нѣкоторыя книги, какъ то *Таинство креста* и еще немногія, но ихъ всѣхъ именовать теперь не упомню. Сею типографіею моею управлялъ, какъ уже выше показано отъ меня, Новиковъ и въ бытность мою въ Москвѣ, и въ осьмимѣсячное мое отсутствіе изъ оной. Нѣкоторыя изъ оныхъ книгъ я совсѣмъ не читалъ, а иныя знаю и признаюсь, что по сильной склонности къ мистикѣ находилъ въ нихъ удовольствіе; кромѣ склонности сей и во мнѣ и въ другихъ, поелику мнѣ извѣстно, никакихъ побужденій къ тому печатанію и замысла при ономъ не было. Сокрывали мы книги сіи единственно для того, что хотя не вышелъ еще тогда запретительный указъ, но были слухи и о томъ, что неугодны правительству книги такого рода. Не могли мы однако думать, что сіи книги, во многихъ экземплярахъ напечатанные, никогда не откроются въ продажу; объявленныя мною въ семъ отчетѣ книги никогда ни тайно, ни явно выпускаемы не были, развѣ то дѣлалось совсѣмъ невѣдомо мнѣ. А любителямъ изъ общества нашего раздавались, какъ я и прежде сказалъ. Хотя сею типографіею, подъ именемъ моимъ бывшею, управлялъ и книги отдавалъ печатать Новиковъ; однако я по склонности къ мистическимъ матеріямъ

участвовалъ много въ томъ печатаніи и усердіемъ, и вѣданіемъ. И хотя Богъ тому свидѣтель, что я во всемъ томъ никакого злаго умысла не имѣлъ, но, не сохраня во всей точности чистоты въ отношеніи къ государственнымъ узаконеніямъ, признаю себя достойнымъ строгости ихъ наказанія, яко виновный, и дерзаю испрашивать помилованія отъ единаго высочайшаго милосердія.

На 14-й. Секретарь сей былъ принятъ Гамалѣею или Тургеневымъ, точно не помню — только кажется, однимъ изъ нихъ; видовъ въ принятіи семъ, кромѣ обыкновенныхъ въ масонствѣ, я не могу предположить никакихъ, а особливо злыхъ, и потому, что сіе дѣлалось во время главнокомандованія покойнаго фельдмаршала графа Чернышева, который имѣлъ гораздо больше довѣренности къ самому Гамалѣе, нежели къ Кочубѣеву. Сей послѣдній часто хаживалъ, и не тайсь, въ ложи многочисленныя, которыя тогда и года три или болѣе послѣ весьма нескрытны были. Кочубѣевъ сей находится въ степени, называемомъ теоретическимъ соломоновыхъ наукъ.

На 15-й. Шварцъ, сколько мнѣ извѣстно стало во время моего вступленія въ сообщество, посланъ былъ для пріисканія лучшаго масонства. Въ какомъ видѣ онъ вошелъ въ связи Благотворнаго Общества и братства Розоваго Креста, всѣ обстоятельства сего происшествія мнѣ неизвѣстны, понеже, какъ я сказывалъ, отправленіе сего и возвращеніе было гораздо прежде вступленія моего въ масонство. Послѣ не интересовался я много развѣдать объ нихъ; и не къ лицамъ токмо имѣя довѣренность, дѣлалъ мои заключенія по бумагамъ, содержащимъ въ себѣ институты рѣзныхъ системъ, и по мнѣнію моему система братства Розоваго Креста представлялась мнѣ гораздо лучшею. И въ ея актахъ не принималъ я все за безпогрѣшное и за достойное слѣпой вѣры, и безъ размышленнаго послѣдованія не отвергалъ никогда того, чтобъ не могли тутъ быть ошибки, свойственныя недостатку человѣчества, но не находилъ тутъ ничего зловреднаго, ничего, по моему мнѣнію, противнаго обязанностямъ христіанина, вѣрноподданнаго и сына отечества: ибо ежели бы подобное находилъ или когда бы то ни было увидѣлъ

оное, то съ трепетомъ бы удалился отъ онаго. И такъ ненаходя того послѣдняго, находилъ много и полезнаго, особливо относительно къ наукѣ, открывающей вѣдѣніе о натурѣ и твореніи Всемогущаго, каковое вѣдѣніе, какъ я думаю, способствуетъ къ познанію о вездѣсущіи божіемъ; а сіе должно возбуждать страхъ господень, который есть начало премудрости. Въ таковомъ расположеніи духа принялъ я оную науку, яко способствующую, какъ я думалъ, къ преуспѣхамъ въ христіанствѣ, съ чистотою котораго я находилъ согласнымъ и нравоученіе, преподаваемое въ извѣстныхъ мнѣ актахъ онаго ордена Золотаго и Розоваго Креста, и въ книгахъ, въ оном рекомендуемыхъ. Поелику мнѣ извѣстно сіе, почелъ я за нужное сказать, яко чистосердечнѣйшее исповѣданіе мое о причинахъ къ тому, что я былъ въ оном орденѣ. Возвращаясь къ вопросамъ о баронѣ Шредерѣ и Кутузовѣ, донесу: баронъ Шредеръ, когда ѣздилъ одинъ, то по возвращеніи привезъ, сколько я знаю, нѣкоторыя степени, не бывшія еще здѣсь, ордена Розоваго Креста, и которыя онъ, какъ я слышалъ, получилъ отъ Велнера, яко отъ главнаго берлинской директоріи, отъ которой наша получила первые акты ордена Золотаго и Розоваго Креста; и тогда еще сей Велнеръ задолго не былъ министромъ. А во время его министерства едва ли князь Трубецкой получалъ хотя одно письмо отъ него и къ нему писалъ ли, утвердить сего не могу, но помнится такъ. Въ послѣдній разъ, когда Шредеръ поѣхалъ съ Кутузовымъ, то безъ всякаго порученія и довѣренности; возвращающемуся ему въ отечество свое, дѣлали мы помощи изъ снисхожденія на его недостатокъ и въ удовлетвореніе за капиталъ его въ бывшей компаніи, который, при уничтоженіи ея, возвращенъ какъ ему, такъ и Кутузову, яко бывшими членами въ оной. Кутузовъ отправленъ въ Берлинъ и въ прочія мѣста, гдѣ, мы полагали, нужно быть можетъ для дальнѣйшаго еще успѣха въ наукѣ того ордена и полученія новыхъ степеней, когда можно будетъ; въ каковомъ ожиданіи онъ и живетъ въ Берлинѣ, упражняясь, сколько мнѣ извѣстно, въ химіи по методѣ орденской. И онъ также получалъ отъ насъ знатныя суммы на прожитокъ и на покупку книгъ. Наставленія Шрейдеру и Кутузову долженъ

былъ давать и давалъ князь Николай Никитичъ Трубецкой; не могу я подлинно сказать и подробно какія, и были ли письменныя, того не знаю. Но по короткому знанію моему сего князя Трубецкаго и по увѣренію въ его добродушіи и честности, увѣренъ, что онъ не давалъ никакихъ вредныхъ и касающихся до чего либо, кромѣ вышесказанной мною цѣли. Увѣдомленія отъ Кутузова и Шрейдера, когда сей послѣдній имѣлъ довѣренность, получалъ также помянутый князь Трубецкой, а я никогда. Я многія и почти все въ нихъ читалъ, но на память отчета въ нихъ дать не могу. Еще для объясненія недовольно ясно, какъ мнѣ помнится, объясненнаго мною иждивенія для посыланныхъ повторю, что оное было отъ насъ. Употреблялось, думаю, оное прежде, во время посылки Шварца отъ Татищева, князя Трубецкаго и Новикова. А потомъ для Шредера и Кутузова изъ расходовъ компаніи, Новиковымъ, отъ князя Трубецкаго и отъ меня. Сколько же на сіе употреблено денегъ во все время, того точно и даже около съ нѣкоторою вѣрностію показать не могу; а знаю только, что сумма знатная. Студенты были посыланы сдѣлавшіеся послѣ докторами: Багрянской, Колокольниковъ и Невзоровъ. Багрянскаго отправлялъ Новиковъ, съ нимъ переписывался и на содержаніе ему посылалъ деньги, сколько — то мнѣ неизвѣстно, какъ равно и то, въ чемъ ихъ переписка состояла, и какія Новиковъ давалъ ему наставленія. Колокольникова и Невзорова отправлялъ я. Они были членами бывшей у меня прежде трехъ—степенной ложи и имѣютъ степень екосскихъ мастеровъ, въ который приняты не весьма задолго предъ отправленіемъ ихъ въ чужіе краи, которое учинено въ 1788 году. Они отправлены были въ слѣдующемъ намѣреніи, — что когда они выучатся химіи, медицинѣ, натуральной исторіи и протчаго, чтобы по впаденіи ихъ въ розенкрейцеры тѣмъ удобнѣе могли упражняться по методѣ и системѣ онаго ордена и быть у насъ лаборантами, каковые при кругахъ бываютъ, и коихъ работы служатъ для наблюденія прочимъ членамъ, коихъ большая часть въ томъ не упражняется. А съ другой стороны думалъ я исполнять долгъ добродѣтели, помоществуя бѣдности и дѣлая имъ состояніе столь выгодное, каковое здѣсь есть докторское. И Багрян-

ской, сколько мнѣ извѣстно, въ таковомъ же намѣреніи посланъ былъ. Колокольниковъ и Невзоровъ получали отъ меня въ годъ рублей около тысячи на содержаніе и ученіе ихъ. Я съ ними переписывался при отправленіи ихъ; все мое наставленіе въ томъ состояло, что я имъ совѣтовалъ наблюдать добронравіе и прилежно учиться. Кромѣ учебныхъ ихъ книгъ совѣтовалъ я имъ упражняться въ чтеніи во первыхъ священнаго писанія стараго и новаго завѣта, которое есть источникъ и основаніе всѣхъ добрыхъ писаній, потомъ книгъ, относящихся къ наукѣ герметической, составляющей упражненіе масонства древнія системы или ордена Золотаго или Розоваго Креста, къ которой они приуготовлялися; медицинской школѣ обучались въ Лейденѣ и Геттингенѣ. По обыкновенію слѣдовало бы ѣхать для окончательнаго курса въ Парижъ, но я воспретилъ сему, съ одной стороны предохраняя ихъ отъ заразительнаго духа разврата и матежа, тамъ нынѣ царствующаго, — а съ другой стороны предохраняя и себя, по бывшимъ тогда слухамъ о томъ, что нѣкоторые подозрѣваютъ насъ въ единомысліи со оными возмутителями, законы божественные и царскіе злобно попирающими душами, отъ чего Всевидящій, и незлобіе моихъ и прочихъ изъ насъ, поелику мнѣ извѣстно, намѣреній вѣдущій, да сохранитъ всякаго человѣка! Однакоже прежде нежели мое письмо, удерживающее отъ ѣзды Колокольникова и Невзорова во Францію, могло придти къ нимъ, получилъ я отъ нихъ изъявляющее желаніе, не смотря на обычай медицинской, не ѣхать туда, хотя бы то было и къ недовершенію изученія, и они не были во Франціи. Писывалъ я къ нимъ по два въ годъ, а въ иной и по три письма, а отъ нихъ получалъ столько же или, можетъ быть, однимъ или двумя письмами больше. Содержаніе писемъ моихъ, весьма короткихъ, состояло, при упоминаніяхъ о вложеніи векселей на содержаніе ихъ, въ коротких же совѣтахъ христіанскаго правоученія и въ напоминаніяхъ о чтеніи вышесказанныхъ мною книгъ и прилежнѣйшемъ ученіи въ классахъ. Ихъ письма ко мнѣ состояли почти только въ просьбахъ о присылкѣ денегъ и еще въ увѣдомленіяхъ о лекціяхъ, слушаемыхъ въ университетѣ, кромѣ двухъ, больше не помню, писемъ Невзоровыхъ раскаятель-

ныхъ и признательныхъ въ лѣности, нерадѣніи и испорченности нрава его, весьма жарко писанныхъ; да еще столькихъ же, помнится, отъ Колокольникова, описавшаго состояніе товарища своего, въ которомъ онъ находилъ дѣйствіе меланхоліи. Писемъ ихъ я не хранилъ и все тратилъ. И еще вспомнилъ, что при отправленіи ихъ накрѣпко подтверждалъ имъ, не дѣлать въ чужихъ краяхъ никакихъ масонскихъ знакомствъ и сообщеній, а говорилъ имъ, что возвратный путь ихъ сюда можетъ быть учрежденъ черезъ Берлинъ; гдѣ они, можетъ быть, будутъ приведены въ дальнѣйшія степени и нѣсколько будутъ упражняться въ орденской химіи; однакожь, оставя сіе, по окончаніи ихъ курсовъ, а паче по желанію ихъ писалъ, чтобъ они ѣхали возвратно въ отечество, не указывая имъ пути и предоставляя оный ихъ разсужденію, посылая имъ денегъ на дорогу. Въ ноябрѣ или декабрѣ прошлаго года, точно не помню, получилъ отъ нихъ письмо, извѣщающее меня о готовности ихъ отправиться въ Россію и о томъ, чтобы къ нимъ уже болѣе не писать. И съ того времени не получалъ отъ нихъ ни строчки, не зная, гдѣ они находятся. Симъ искреннѣйшимъ признаніемъ открывъ причины отправленія отъ насъ сказанныхъ въ семъ вопросѣ, сюда донесу, что касательно до формы, учрежденной для выѣзда за границу, то оная при выѣздахъ всѣхъ оныхъ, сколько мнѣ извѣстно, соблюдена. Какъ Шварцъ ѣздилъ, того я обстоятельства не знаю; но Шредеръ получалъ паспорты отъ правленія здѣшняго. Кутузовъ, имѣющій деревни въ Костромѣ, получалъ, помнится, отъ генералъ-губернатора костромскаго и вологодскаго. О студентахъ же публиковано было въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ, какъ объ отъѣздѣ, такъ и о мѣстѣ жилищъ ихъ здѣсь въ Москвѣ, и они поѣхали съ надлежащими отъ правительства пассами.

На 16-й. Подтверждая при семъ сказанное мною относительно къ сей особѣ прежде, въ сихъ отвѣтахъ моихъ прибавлю, еще, что о посылкѣ книгъ къ ней черезъ Бажанова Новиковымъ, слышалъ отъ сего послѣдняго. О книгѣ арндтовой вѣрно, о книгѣ самопознанія Іоанна Масона, помнится, также; и еще помню, что въ одно время, когда Баженовъ отъѣзжалъ въ Санктпетербургъ, то Новиковъ, собираясь послать

съ нимъ книгу *Таинство креста*, помнится на французскомъ языкѣ, совѣтовался со мною, можно ли ее послать, по слѣдующей причинѣ: въ книгѣ сей въ одномъ мѣстѣ сказано à peu près такъ: «хотя установленія братьевъ Розоваго Креста и есть хорошее изобрѣтеніе, однакожь истинная школа есть школа существеннаго креста Іисусъ Христова» и проч. — То Новиковъ говорилъ, что де сіе можетъ представить оной извѣстной особѣ институтъ нашъ недостойнымъ уваженія, а потому и къ намъ, когда провѣдаетъ, что мы во оном, никогда не будетъ имѣть благоволенія. На сіе отвѣтствовалъ я, что если книга хороша, то причина сная недовольна къ посылкѣ ея: ибо должно желать любви къ истинѣ, а не къ формамъ и лицамъ. Онъ, помнится мнѣ, рѣшился послать, но послалъ ли не помню, какъ и того, какія именно книги посылалъ Новиковъ и когда точно. Также и посредства кромѣ Бажанова никакого не зная, повторяю еще, что весьма темное и отрывистое имѣлъ свѣдѣніе объ отношеніяхъ ихъ къ извѣстной особѣ, а о началѣ оныхъ никакого. Немного разъ говоря съ Новиковымъ, почти каждый говорилъ о неудобностяхъ таковыхъ отношеній по крайнемъ разсмотрѣніи, чисты ли и безкорыстны они; въ семъ смыслѣ, относительно къ Новикову, говаривали мы и съ княземъ Трубецкимъ, и съ Тургеневымъ, которые согласны всегда были съ выше объявленнымъ понятіемъ. Мы говаривали такъ, что стараніе сдѣлаться пріятными той особѣ, хотя въ томъ видѣ, чтобъ когда-нибудь благоволеніе ея обращать на обогащеніе себя и прочее, уже мерзки и гнусны въ отношеніи къ чистой добродѣтели, а видъ сей, по свойственнымъ человѣчеству пристрастіямъ, можетъ тайно, иногда и самому себѣ несвѣдомымъ образомъ, сокрываться подъ личиною мнимаго доброжелательства. И ежели бы случилось привлечь благоволеніе той особы, то всегдашнее играніе собственнолюбія и страстей человѣческихъ могло бы породить въ насъ желаніе скорѣе той особѣ быть въ возможности, благоволеніемъ сныя, существенно пользовать насъ, а одна мысль таковаго желанія есть адская и ужасная для сердца христіанъ и вѣрноподданныхъ. Самъ Новиковъ, какъ онъ мнѣ говорилъ, и сколько мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, уклонился отъ таковыхъ исканій, относитель-

но къ извѣстной оной особѣ. Впрочемъ искренно же и свѣдомое многимъ изъ бывшаго сообщества нашего доиску, что въ послѣдніе годы сей Николай Новиковъ весьма пенскренъ былъ со мною, и между нами была, примѣченная многими, холодность, а только по бывшимъ между нами, такъ называющимся, орденскимъ связямъ оставалось нѣкоторое дружелюбіе и благопристойность хранилась.

На 17-й. Книга сія, какъ мнѣ помнится лѣтъ девять или восемь тому назадъ выписана изъ Лейпцига. Переводилъ ее Багрянской, а съ переводомъ читали оригиналъ и исправляли, готова къ печатанію, вмѣстѣ съ переводчикомъ Кутузовъ, Тургеневъ, Новиковъ и я.

На 18-й. Въ типографіи, подъ моимъ именемъ бывшей, печатана книга *о духовной гордости*,— а таковой *о народной* мнѣ неизвѣстно. Вышесказанная знаю, что переведена, а съ какого языка и кѣмъ подлинно не помню; цензировалась же она, конечно, полицейскою цензурою, подъ которою одною тогда всѣ были вольныя типографіи, въ числѣ коихъ и моя была.

Все сіе, сдѣланное въ отвѣтахъ моихъ, чистосердечное признаніе и показаніе дерзаю заключить поверженіемъ себя къ подножію престола Ея Императорскаго Величества съ полною готовностію вѣрнѣйшаго подданнаго всегда благоговѣйно чтить августѣйшую волю Ея. И всеуниженно прошу всемилостивѣйшаго прощенія во всемъ томъ, что имѣлъ несчастіе сдѣлать неугоднаго Ей. Что жь не имѣлъ никогда намѣренія къ тому, сему свидѣтель Всевышній сердцевѣдецъ. Сей Богъ и Спаситель мой да сохранитъ меня и отъ единаго помышленія таковаго до конца дней моихъ!

Не бывъ вчерась въ состояніи на память безъ справки точно именовать всѣхъ членовъ въ прочихъ губерніяхъ теоретическаго градуса ложъ, въ коихъ, какъ я и прежде сказалъ, только на конецъ и производились работы, кромѣ круговъ розенкрейцерскихъ, сегодня вручилъ именной списокъ членамъ масонъ, мною подписанный, его сіятельству главнокомандующему въ Москвѣ и также представилъ ему и отдалъ всѣ бумаги, сколько у меня ихъ нынѣ было, содержащія въ себѣ упражненія ложъ, состоявшихъ подъ моимъ управленіемъ.

Еще съ сокрушеніемъ сердечнымъ, повергаяся къ освященнымъ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу матерняго помилованія. Обѣщаюсь разрушить всѣ, такъ называемыя, орденскія подчиненности мои, и никогда не входить ни въ какія собранія противныя или неугодныя монаршей волѣ Ея.

На другое утро писанія и подписанія мною послѣдняго вышеписаннаго, собираяся явиться къ его сіятельству г-ну главнокомандующему, по приказанію его, въ тотъ часъ только пришло мнѣ въ память, что есть у меня издавна поставленный сундукъ барона Шредера. Я получилъ оный запечатанный и запертой, какъ мнѣ сказывали, принеся; но я сего не осматривалъ, сундука того не уважалъ; и съ тѣхъ поръ, какъ получилъ его, велѣлъ поставить въ одну палату изъ кладовыхъ въ домѣ моего отца, и не видалъ его, и что въ немъ находится, совсѣмъ не вѣдалъ; слышалъ же, что онъ интересовался объ томъ сундукѣ. И наипаче чистосердечно и вѣрноподданнически уважая требованіе отдачи мною всѣхъ могущихъ быть у меня бумагъ его, за долгъ почелъ донести его сіятельству и просить позволенія отдать ему сундукъ тотъ. Получивъ оное, привезу сей сундукъ къ нему въ таковомъ состояніи, въ каковомъ найду. При семъ, почитая за нужное, осмѣливаюсь еще сказать, что бумаги упражненій въ бывшихъ, какъ кругѣ розенкрейцерскомъ, такъ и прочихъ ложахъ вѣдомства моего представилъ; ни одной, изъ требуемыхъ отъ меня въ вопрошеніи бумагъ, касающихся до переписки иностранной, не утаилъ, какъ равно никакой важной, по силѣ оныхъ вопрошеній, и забвеніемъ не сокрылъ, въ томъ я увѣренъ. Но неувѣренъ, не можетъ ли найтися гдѣ у меня, въ разныхъ мѣстахъ, чрезъ многіе годы, кладеныхъ небрежно бумагъ, касающихся до разныхъ системъ масонства, въ числѣ коихъ считалъ я всегда и розенкрейцерство, бумагъ подобныхъ, родъ представленныхъ мною. Желая же при распросахъ, симъ чинимыхъ мнѣ именно, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества всегда благоговѣйно—чтимой мною волѣ, сохранить всю строгость чистосердечія и откровенности, для полной очистки, просилъ бъ я осмотру, и ежели бы чувство отцелюбія не щадило бы дому отца, на смертномъ почти одрѣ ле-

жащаго, зрѣнія лишеннаго, при девятидесятилѣтней старости, котораго времени большая часть проведена имъ въ вѣрной службѣ Ея Императорскому Величеству, и провождается въ вѣрнѣйшемъ подданствѣ оному,—ежели бы не щадилъ я сего отца моего, котораго угасающая жизнь, жизнь весьма мнѣ драгоцѣнная, можетъ безвременно пресѣчься отъ единаго услышанія о гнѣвѣ на меня Твоемъ, Всемилостивѣйшая Монархиня, Мать, всегда мною не только вѣрноподданнически чтимая, но и любимая искренно! Государыня! я не злодѣй, и не только когда либо обращалось во мнѣ хотя единое помышленіе, противное счастливому подданству Тебѣ, благоутробнѣйшая Монархиня, но никогда ни упражнялся я въ томъ, гдѣ бы находилъ или даже подозрѣвалъ хотя тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сего, дерзну сказать, Господь Спаситель и Богъ мой Іисусъ Христосъ, и печатлѣю сіе чистосердечнѣйшее признаніе мое слезами, не ропота и страха,— ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ Государыня, и ежели есть какая неизвѣстность въ числѣ отношеній сего дѣла, производимаго обо мнѣ, или какая клевета на меня существуетъ, то я увѣренъ, что все сіе исчезнетъ при благоутробнѣйшемъ и прозорливѣйшемъ воззрѣніи Твоемъ на все мое подробное и искреннѣйшее признаніе,—не таковыми слезами, Государыня, но слезами чувствительности сердца, не ощущающаго въ себѣ умышленныхъ преступленій противъ Тебя, Великая Государыня,— сердца, всегда исполненнаго вѣрнѣйшимъ подданствомъ къ тебѣ и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель.

18.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества отъ 1-го августа указа, который удостоился я получить въ воскресенье, то есть 8-го августа, 10-го же числа призвавъ къ себѣ князя Николая Трубецкаго, по вложеннымъ отъ Вашего Величества пунктамъ, учинилъ допросъ, прибавя только во оный одного Карамзина, какъ оный былъ въ чужихъ краяхъ, и ихъ прежде общества. Но увидя изъ перваго допроса князя Трубецкаго, что онъ посланъ былъ не отъ

нихъ, то въ послѣдующихъ исключилъ. А по полудни того же дня призванъ былъ не бригадиръ, а статской совѣтникъ Иванъ Лопухинъ, братъ же его Петръ, бригадиръ, въ отставкѣ; но сей хотя и введенъ былъ въ ихъ общество круговъ или ложъ, но во всѣ гнусные перевороты ихъ, сколько мнѣ извѣстно, не входилъ, а развѣ отъ нѣкоторыхъ былъ свѣдомъ; а посему сей статскій совѣтникъ Лопухинъ тожъ допрашиванъ былъ. За бригадиромъ Тургеневымъ въ среду, августа 11-го, отправилъ въ Симбирскъ, какъ я объ отъѣздѣ его всенижайше Вашему Императорскому Величеству 19-го іюля донесъ, флигель-адъютанта, который, надѣюсь, не замѣшкается пріѣхать прямо ко мнѣ, дабы ни съ кѣмъ прежде онъ не увидѣлся. А сихъ двухъ, спрашиванныхъ мною, допросы всенижайше здѣсь подношу. Кажется, Великая Государыня, отвѣты ихъ довольно искренни, но умалчиваютъ они объ отступленіи въ догматахъ вѣры, проповѣдуемой въ державѣ Вашего Величества. Тожъ не признаются во вредномъ намѣреніи или замыслахъ противу установленнаго въ россійской имперіи правительства, хотя я старался испытать изъ нихъ доказательствомъ тѣмъ, что, когда признаютъ они . . . . . великимъ мастеромъ, и вѣратъ, что по власти . . . или вдохновенію управляетъ ими главный начальникъ, то какая можетъ власть между сею помѣщаться? Оба они врозь сказали . . . . : Трубецкой: какъ де это вѣрить? — то я сказалъ: на что жь сіе для обману употреблять? А Лопухинъ сказалъ, что де это иногда помѣщается въ письмахъ; а относительно управленія или главнаго начальника умолчалъ. А Трубецкой послѣ нѣкотораго молчанія умиленно сказалъ, что всѣ сіи вообще правила суть наши заблужденія. Спрашивалъ я ихъ также пріемлютъ ли они равенство людей. Трубецкой, отвѣчалъ онъ, пишется на бумаги, которыя я видѣлъ, что сего нѣтъ. То я вопрошалъ ихъ: что подчиненность ихъ неограниченная главному начальнику похожа на орденъ іезуитовъ? Онъ отвѣчалъ, что, читая книги, онъ самъ находитъ великое сходство; Лопухинъ сказалъ, что сему быть не можно, а въ разсужденіи сходности съ іезуитами, онъ этого не знаетъ. Наконецъ вопрошалъ я ихъ: что должны они признавать, что называютъ право человѣка? Оба

одинаково сказали, что до ложъ или круговъ ихъ относится, а не далѣе. И такъ ихъ оставя, болѣе къ отвѣту не принуждалъ, ибо они правды сказать не могли. Впрочемъ, Великая Государыня, суди по нихъ, они въ совершенномъ раскаяніи, а особливо князь Трубецкой, какъ то изъ допросовъ ихъ, Ваше Величество, замѣтить изволите. Относительно до содержанія ужасныхъ ихъ присягъ, какъ Всемилостивѣйшая Государыня увидѣть изволите, что Лопухинъ отрекся оныхъ, а послѣ, сводя отвѣты, призывалъ ихъ обоихъ къ себѣ и сказалъ Лопухину, что его показаніе противорѣчитъ князю Трубецкому, а паче въ семъ пунктѣ, и прочелъ ему отвѣтъ Трубецкаго. Онъ говорилъ Трубецкому: когда жь мы присягали? Сей помолчавъ, сказалъ, что имъ надо не оправдывать себя, но просить прощенья. Я за все таковое признаніе его похвалилъ его, сказалъ, что не оставлю всеподданѣйше и Вашему Величеству донести. Лопухинъ прибавилъ о присягахъ, съ половины допросу и онъ откровеннѣе отвѣчалъ и въ послѣдующіе дни свиданья со мной просилъ прибавлять объясненій. Пояснялся я, Всемилостивѣйшая Государыня, словесно съ ними и о начальникѣ ихъ герцогѣ брауншвейгскомъ (они не герцога владѣтельнаго признавали, но дядю его фельдмаршала, который не въ давнѣ скончался): какимъ образомъ по ихъ показанію отрекаются они отъ начальства его, а по бумагамъ ихъ подлинно сіе означаетъ? То они показали такимъ образомъ: когда Шварцъ былъ посланъ въ Берлинъ, то Вельнеромъ принятъ въ Золото-розовый Крестъ; тогда жъ онъ былъ у герцога брауншвейгскаго, искалъ и принятъ былъ въ протекцію его, и начальство принялъ надъ ними; на генеральной же конвенціи всѣхъ почти въ свѣтѣ ложъ онъ предсѣдательствовалъ, и на оной, какъ Ваше Величество изъ бумагъ замѣтить изволите, орденъ Тампліеровъ совсѣмъ отмѣненъ, съ прописаніемъ исторіи ихъ истребленья, и что ни одно правительство терпѣть ихъ не будетъ, а подобно сему и розенкрейцерство отмѣщено. А по просьбѣ Шварца учрежденъ былъ орденъ Chevaliers bienfaisants или благотворительныхъ рыцарей. Вельнеровъ же кругъ или ложа въ Берлинѣ розенкрейцеровъ и разныхъ системъ съ кругомъ герцога брауншвейгскаго и между собой не въ согласіи. По возвратѣ

Шварцъ привезъ обѣихъ ложъ институты; они, разсматривая оные, какъ и прежде бывшій орденъ Тамплiеровъ, переданный имъ изъ Швецiи, оставили оный и благотворительныхъ рыцарей, а избрали орденъ Золото-розоваго Креста, предавшись подъ начальство Вельнеру. Въ числѣ ихъ круговъ и Бишефсвирдеръ. Князь Трубецкой просилъ у меня позволенiя писать въ Берлинъ къ Кутузову о возвращенiи его сюда, но я сказалъ, чтобы онъ взялъ терпѣнье. о чемъ всеподданнѣйше испрашиваю Вашего Императорскаго Величества Высочайшаго повелѣнiя. Черезъ сутки, съ позволенiя моего, чтобы собрать бумаги, Трубецкой оныя ко мнѣ привезъ, но я оставилъ ихъ на время у себя, дабы ихъ разобрать и въ порядкѣ доставить къ Вашему Императорскому Величеству. Между ими статуты всѣ оригинальные, въ числѣ оныхъ оригинальный же статутъ изъ Швецiи на орденъ Тамплiеровъ, который онъ давно уже получилъ отъ князя Гаврилы Гагарина, и тогда, когда оный отказался отъ ихъ обществъ, а у него тожъ безъ дѣйствiя лежалъ, будучи, какъ выше сказано, отмѣненъ. И тутъ же на восьмую степень золото-розовыхъ крестовъ институтъ, который получилъ князь Николай Трубецкой чрезъ барона Шредера, въ которую степень онъ Вельнеромъ признанъ, да онъ принялъ во оной брата своего князя Юрiя. Выше жъ сей степени въ Россiи нѣтъ никого, а маговъ и совсѣмъ нѣтъ здѣсь и не было. Тутъ же находится патентъ, данный князь Николаю Трубецкому на здѣшнее начальство, который, какъ онъ сказываетъ, подписанъ имъ, Вельнеромъ, а другой кто подписалъ онъ не знаетъ; какъ и шифровъ въ семъ патентѣ, означающихъ, по ихъ исчисленiю, годъ и число, разобрать не умѣетъ, то и считаетъ, что другой подписатель есть девятой уже степени магъ. Письма Кутузова успѣли уже разсмотрѣть, но въ нихъ примѣчанья нѣтъ достойнаго; въ одномъ шифратѣ упоминается о Вельнерѣ и Дебаскѣ, то я ему во оном велѣлъ переложить шифры; онъ нашелъ ихъ 7-й степени розоваго креста и переложилъ внизу обыкновеннымъ письмомъ, которыя письма при семъ всеподданнѣйше Вашему Величеству и подношу. Оныя всѣ давнiя, а писемъ въ правленье мое уже здѣсь, хотя оныя мнѣ извѣстны, не доставилъ. А вчерашнiй день и Лопухинъ имѣющiяся у него

бумаги доставилъ, которыя также нужно разобрать; а сегодня доставитъ и упоминаемый въ допросахъ сундукъ барона Шредера. Не разсудилъ я ожидать пріѣзда бригадира Тургенева, а, окончя все съ ними и видя ихъ раскаянье, объявилъ имъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, чтобы они во отдаленіи отъ столицъ ѣхали въ деревни, не выѣзжая изъ той губерніи, и впредь бы не отваживались въ расколъ свой кого привлекать, подъ опасеніемъ тягчайшаго наказанія. Князь Трубецкой спрашивалъ меня — кому онъ сдастъ мѣсто своего главноприсутствія при остаточномъ казначействѣ. Я сего рѣшить былъ иначе, Всемилостивѣйшая Государыня, не въ состояніи, какъ о томъ всеподданнѣйше испросить у Вашего Императорскаго Величества указа; а между тѣмъ по просьбѣ его, какъ подлинно жена у него больна, и для учрежденія его дѣлъ, позволилъ я ему остаться, не болѣе однакожъ десяти дней.

Статской совѣтникъ Иванъ Лопухинъ назначилъ пребываніе свое въ деревнѣ отца его, о которомъ упоминаетъ и въ отвѣтахъ своихъ, генералъ-поручика Лопухина, въ орловскомъ намѣстничествѣ, кромской округи въ селѣ Воскресенскомъ, Литежи тожъ. И просилъ тожъ пробытія здѣсь нѣсколько дней, болѣе для того, чтобы найтить съ пристойностію отцу его о семъ объявить, какъ извѣстно и Вашему Императорскому Величеству, что онъ около девяноста лѣтъ и потерялъ зрѣнье уже нѣсколько лѣтъ, то чтобъ сохранить его здоровье; паче, что онъ весьма огорчится, что сынъ его могъ быть преступникомъ и заслужить гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества, а между тѣмъ и учредить дѣла его; то я также позволилъ для исполненія сего пробыть ему здѣсь въ городѣ не болѣе десяти дней. При допросѣ Лопухина изволите найти, Ваше Величество, черную, писанную его рукой, бумагу, какъ отъ начальства онъ поволѣвалъ въ подчиненные ему круги берочься иллюминатовъ. Я хотя ему сказывалъ, что оная напрасно; ибо какъ тѣ иллюминаты атеисты, а они иллюминаты законники, а притомъ, что я не могу сказать, кому дать преимущество для пользы государственной фанатику или атеисту; но по усильной его просьбѣ позволилъ оное уже приложить.

Осмѣливаюсь всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству мнѣніе мое сказать о дѣтяхъ малыхъ сихъ мартинистовъ, что они ихъ воспитываютъ въ тѣхъ же правилахъ, что и отношу на Высочайшее Вашего Величества разсмотрѣніе.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

19.

Вопросные пункты бригадиру Тургеневу.

1-е. Хотя и не могу я отговариваться невѣдѣніемъ о запрещеніи всякаго рода сборищъ, братствъ и тому подобнаго, но, почитая по заблужденію своему ихъ исключительными изъ сего названія и не находя ихъ вредными, ходилъ въ нихъ и въ томъ милостиваго дерзаю испрашивать прощенія и отпущенія. Наконецъ сборища сіи были такъ малочисленны, что я не думалъ, чтобъ они могли произвести неудовольствіе; а съ сихъ поръ вѣдая, что и они неугодны, то въ нихъ и ходить не буду, ежели бы они гдѣ и были. Цѣль сихъ сборищъ моя была та, чтобъ быть съ пріятелями вмѣстѣ и говорить о чемъ-нибудь, до учености касающемся; приглашалъ же я весьма немногихъ и то въ томъ же намѣреніи, чтобъ упражняться въ учености, а не въ другомъ какомъ, въ чемъ готовъ дать всевозможное подтвержденіе.

2-е. Особенной переписки я не имѣлъ ни съ кѣмъ, ниже съ симъ герцогомъ и министромъ Вельнеромъ и съ принцомъ гессенъ-кассельскимъ. Что жъ принадлежитъ до изобрѣтенія шифровъ, то мы ихъ не выдумывали, а получили вмѣстѣ съ градусами. Для того вступилъ въ сію переписку, что по совѣсти моей не находилъ я противнаго законамъ, для сего самаго и продолжаема нѣсколько она была. Вѣдали о сей перепискѣ князья Юрій Никитичъ и Николай Никитичъ Трубецкіе, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и прочіе нѣкоторые, а кто именно — теперь не помню, потому что сіе было давно. Письма пересылаемы были большею частію чрезъ почту, а еще, помнится мнѣ, привозилъ ихъ Шварцъ.

3-е. Герцогу браунгшвейскому неограниченнаго повиновенія я не обѣщевалъ никогда, а въ зависимости его были на нѣкоторое время и здѣшнія тожь нѣкоторыя ложи, а та ложа, къ которой я принадлежалъ, и не была. Мы желали и просили герцога, чтобъ здѣсь сдѣлана была провинція, дабы и русскіе масоны сами собою управляться могли. Сіе желаніе исполнено и здѣсь учреждена провинція. А такъ какъ въ сей связи не находилъ я ничего, до учености касающагося, то вмѣстѣ и съ согласія прочихъ мы оставили сію связь, а вошли въ знакомство съ Вельнеромъ чрезъ покойнаго Шварца. Зависимость, въ какой мы были съ герцогомъ, почиталъ я не тою зависимостію и не тѣмъ повиновеніемъ, коимъ я обязанъ законному своему Государю, а просто зависимостію масонскою или дружескою. Правда, что писалъ отсюда князь Трубецкой и я о семъ вѣдалъ, что насъ здѣсь подозрѣваютъ, только о семъ было писано къ Вельнеру, а не къ герцогу. Жалобу сію я не почиталъ жалобою противу правительства Россіи, а извѣщеніемъ, каковое бываетъ отъ пріятеля къ пріятелю о его обстоятельствахъ. Обязательствы, въ коихъ я находился, считалъ я обязательствами такими, какія существуютъ между учеными и учителями, и потому думалъ, что они непозволенными назваться не могутъ. Въ обязательства же политическія я не входилъ, да сего и не требовалось отъ меня никогда. Естьли жь бы когда и потребовались, то бы я вѣрно рѣшительно отказался. О томъ, что здѣсь насъ подозрѣваютъ быть мартинистами, писалъ князь Николай Никитичь Трубецкой, а я и прочіе нѣкоторые о о семъ вѣдали и онъ писалъ съ нашего согласія. Вѣдали о семъ еще князь Юрій Никитичь, Иванъ Владимировичь Лопухинъ, Семенъ Ивановичь Гамалѣя.

4-е. Я, почитая масонство очень хорошимъ дѣломъ, желалъ бы, чтобъ всѣ, а особливо великія особы его защищали и утверждали; и моя забота о сей особѣ, здѣсь упоминаемой, состояла только въ мысляхъ, а отнюдь не на дѣлѣ. Слыша же отъ Баженова, что великая сія особа привязана къ масонству, говорилъ объ этомъ и съ нимъ и съ Новиковымъ. Съ принцемъ гессенъ-кассельскимъ о перепискѣ по сему я не вѣдалъ и не вѣдаю. Я уже объявилъ, что вред-

чаго въ семъ дѣлѣ предпріятія я въ душѣ моей не имѣлъ; а въ томъ, для чего мы о семъ и говорить и думать осмѣливались, признаю себя виноватымъ. О томъ, что Баженовъ говорилъ съ важною сею особою, вѣдалъ я, Новиковъ, Гамалѣя, Трубецкіе, такъ равно и всѣ сіи мои товарищи. Посему съ Баженовымъ и говорить не хотѣли и Новикову отсовѣтывали и потомъ о семъ мы отъ Новикова и Баженова ничего не слыхали.

5-е. Сей бумаги, писанной архитекторомъ Баженовымъ, я не читалъ и выписки, сдѣланной Новиковымъ, я не бралъ и мнѣ ее не давалъ никто. Причиною же тому, что я не видалъ сей бумаги, могло быть мое отсутствіе изъ Москвы въ деревню, продолжавшееся полтора года, а потомъ рѣдкое мое свиданіе съ Новиковымъ, съ которымъ сколь прежде, тому лѣтъ пять, я часто видался, столь въ теченіи нынѣшнихъ двухъ лѣтъ съ половиною я бывалъ съ нимъ рѣдко, а того меньше говаривалъ о какихъ-либо дѣлахъ. Впрочемъ о вредномъ и вымышленномъ враньѣ я не слыхалъ, да и Новиковъ уже со мною, такъ какъ и съ княземъ Трубецкимъ и Лопухинымъ съ нѣкотораго времени не сталъ откровененъ. Переслана ль была та бумага къ Кутузову, я не знаю; у кого сія бумага была или есть, я не видалъ и у себя не имѣю, и ходила ль она по рукамъ, я не вѣдаю.

6-е. Въ нашихъ сборищахъ епископовъ не было, епархіевъ также у насъ не было. Храмомъ мы разумѣли всякое наше собраніе, слово жертвенникъ также было въ употребленіи. Ввели сіи вещи, принявъ градусы, въ коихъ они употребительны, ибо, работая по градусу, нельзя было не употреблять и словъ, въ немъ принятыхъ. А что мы приняли градусы безъ дозволенія правительства, въ томъ признаю себя виновнымъ и молю о милостивѣйшемъ прощеніи. Что жъ касается до міропомазанія, то мы не принимали сіе за то, которое употребляется яко таинство въ нашей православной церкви, а почитали обрядомъ, который означаетъ тотъ рецептъ, по коему приготовляются сіи благовонныя вещи, изъ коихъ миро или масло составлено. Подобно сему и обрядъ омовенія, употребляемый въ нѣкоторыхъ масонскихъ принятіяхъ, я никогда не считалъ крещеніемъ, а обря-

домъ, изображающимъ очищеніе отъ пороковъ, принимая сіе въ аллегорическомъ смыслѣ. У насъ было въ употребленіи слово *капитель* и означало ложу высшую, а слово *спархія* въ употребленіи не было.

7-е. Въ сборищахъ нашихъ дѣлали мы присягу предъ евангеліемъ, а креста не было. Содержаніе сихъ присягъ, понеже они хотя разныя, одинаково; однакожь по своему существу въ нихъ именно требовалось быть повиновеннымъ и вѣрнымъ Государю и потому тѣмъ охотнѣе я на сію присягу соглашался. Говорится у насъ, что тайну ордена не открывать никогда и никому; но какъ я сей тайны еще не получилъ, то и обязательства сего не давалъ. А что въ уставѣ масонскомъ сказано, чтобъ повиноваться великому мастеру во всемъ, то сіе принимаемо было аллегорически, понеже градусы всѣ исполнечы аллегоріею и здѣсь великій мастеръ есть тоже, что вселенныя строитель. Мы же надъ собою политическія власти постороннія въ масонствѣ не признавали и не признаемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ принимаемъ власть государскую. Впрочемъ мастеръ или начальникъ въ масонствѣ есть только учитель или наставникъ, а отнюдь не властелинъ. Герцогу мы, и я въ томъ числѣ, присяги не дѣлали, да и связь сію мы не уважали, и я тожь; а держались связи Вельнеровской, считая ея полезною и удаленною отъ всякихъ политическихъ видовъ. Повиновеніе правительству мы не отрицали, а подтверждали, вѣря всею душою, что повиновеніе государю важно, свято и необходимо нужно и полезно. Подтвержденіе сей обязанности тѣмъ казалось намъ нужнѣе, что оно еще болѣе укрѣпляетъ и утверждаетъ ту присягу, которую мы сдѣлали яко граждане. Вотъ виды и намѣренія наши. Хотя же и былъ я принятъ въ 4-ю степень Розоваго Креста, но въ показаніе моего откровеннаго признанія объявляю, что существенныя тайны орденскія я не получилъ, понеже не имѣлъ способностей пройти всѣхъ градусовъ и снискать преподаемое въ нихъ ученіе. Ученіе же сіе состоитъ въ снисканіи великаго таинства или magisterium, кое только тотъ получитъ, кто удостоится чрезъ исправленіе нравственнаго характера душевнаго сдѣлаться столько совершеннымъ, сколько человѣку возможно быть. А

посему и тайну ордена сей одинъ только въ существѣ ея знать можетъ, а потому и присягу давать на вытерпленіе пытки онъ одинъ въ состояніи, а съ меня такого обязательства не требовалось.

8-е. Орденъ Розоваго Креста, по мнѣнію моему, значитъ сіе: роза означаетъ невинность, а колкость ея ту трудность, которую употреблять должно для сохраненія сей добродѣтели. Крестъ значитъ самую сію трудность и протчія неудобства, коимъ бываютъ подвержены хотящія сохранить невинность нравственную. Въ томъ, что сей орденъ и орденъ св. апостола Андрея, или шотландской у насъ называемый, мы дерзнули возлагать на себя, на нашихъ товарищей, въ томъ во всемъ прошу милостивѣйшаго прощенія и извиненія. Возлагали же мы украшенія сіи на себя и товарищей нашихъ для того, что такъ предписывалось нашими обрядами.

9-е. Товарищи наши Розоваго Креста, сколько теперь помню: князь Николай Никитичь и князь Юрій Никитичь Трубецкіе, Михайло Матвѣевичь Херасковъ, Семенъ Ивановичь Гамалѣя, Осипъ Алексѣевичь Поздѣевъ, Иванъ Владиміровичь Лопухинъ, Николай и Алексѣй Ивановичи Новиковы, докторъ Френкель, профессоръ Чеботаревъ, Чулковъ, князь Алексѣй Черкасскій, Кутузовъ, докторъ Багрянскій, а прочихъ не упомню, также и кто носитъ крестъ шотландскій, не упомню. И сіе пишу сущую правду и желаю во всемъ искренно признаться.

10-е. На продажу книгъ послѣ запрещенія я согласенъ не былъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были печатаны не на продажу, а для тѣхъ, кои были въ нашей связи, да и то такія, кои по мнѣнію моему тогдашнему не были противны правительству и церкви. Но какъ и сіе не извиняетъ, то, признавая вину свою, припадая къ стопамъ милосердія, прошу милостиваго отпущенія. При осмотрѣ я никакихъ книгъ не скрывалъ и въ деревню къ князю Черкасскому отвезены были не тѣ книги, кои были печатаны для продажи, а тѣ, кои для знакомыхъ, но и въ семъ далекъ я себя оправдывать и паки прошу милостиваго прощенія.

11-е Сколько мнѣ извѣстно, установлены были наши сборища въ Орлѣ, гдѣ и нынѣ существуетъ подъ управленіемъ

тамошняго губернатора; въ Симбирскѣ я учредилъ, подъ надзираніемъ бывшаго тамъ вицъ-губернатора Голубцова, но она рушилась и теперь тамъ не собираются. А и собиралась ложа сія только нѣсколько разъ въ нѣсколько лѣтъ. Ежели бъ имѣлъ я списки требуемые, я бы при семъ ихъ представилъ, но у меня ихъ нѣтъ. Есть еще ложа въ Петербургѣ, какъ мнѣ извѣстно, подъ начальствомъ Лѣнивцова, но кто ее составляетъ, списка у меня нѣтъ. Была а, можетъ быть, и теперь есть ложа въ Могилевѣ подъ начальствомъ Веревкина, но, какъ я давно не видалъ директоріальныхъ бумагъ, то и не знаю, существуетъ ли оная. Есть ложа въ Вологдѣ; а есть ли гдѣ еще, то сказать безъ бумагъ не могу. Искренно желалъ бы все сказать, но не помню.

12-е. Особенной переписки въ чужіе краи съ Шварцомъ, барономъ Шредеромъ и съ Кутузовымъ я не имѣлъ. Правда, что къ Кутузову въ нѣсколько лѣтъ написалъ и я письма три, но ничего по нашей связи важнаго не писалъ, а только увѣдомлялъ его о своемъ лицѣ и отъ него не получилъ, кромѣ извѣщеній о его здоровьѣ. Буде что скрываю и здѣсь, то подвергаюсь сужденію, сказанному здѣсь. О сей же перепискѣ я вѣдалъ отъ князя Трубецкаго, который и имѣлъ ее.

13-е. Отдѣленіе нѣсколькихъ становъ на печатаніе нѣсколькихъ особенныхъ книгъ не для продажи, а съ тѣмъ, чтобъ давать ихъ читать нашимъ знакомымъ, было дѣлано для того, чтобъ не сдѣлать сіе печатаніе публичнымъ. Книги сіи какъ я, такъ и мои товарищи не почитали вредными, для того ихъ и печатали. Кто именно къ сему отдѣленію печатанія былъ опредѣленъ, я не знаю, понеже сіе возложено отъ насъ было на Новикова. Знаю только, что и иностранцы употребляемы были да и русскіе при семъ отдѣленіи были жь. И въ семъ показаніи сказалъ я самую истинну и во всемъ прочемъ желаю быть и есмь откровененъ.

14-е. Сей секретарь Кочубѣевъ былъ принятъ въ масоны Гамалѣею; при его же принятіи особенныхъ видовъ не было и отнюдь не въ семъ намѣреніи, чтобъ что либо отъ него свѣдать, онъ былъ принятъ. И въ семъ показываю сущую правду.

15-е. Причины отправленія въ чужіе краи Шварца, барона Шредера и Кутузова тѣ только, чтобъ они лично были знакомы съ тамошними масонами, дабы яснѣе могли намъ переносить все, касающееся до масонства и учебной онаго части. Отправленіе студентовъ имѣло въ виду ихъ, яко воспитанниковъ нашихъ, пользу и пользу общественную. Отправлено было всѣхъ студентовъ въ разныя времена трое. изъ конхъ одинъ возвратился докторомъ, а тѣ получили тамъ въ университетахъ голландскихъ докторское званіе. Наставленія имъ отъ общества нашего дано не было, и отправляли ихъ не общество, а нѣкоторые изъ насъ на свой коштъ. А именно двухъ: Невзорова и Колокольникова Иванъ Владимеровичь Лопухинъ, а третей, то есть Багрянскаго,—Новиковъ. Увѣдомленіевъ отъ нихъ никакихъ получаемо не было, а писывали они къ тѣмъ, кто ихъ отправлялъ. Выѣзжали изъ государства Шварцъ, баронъ Шредеръ и студенты, получая паспорты по указамъ, гдѣ надлежало. Такъ какъ въ орденѣ происходитъ молчаніе или такъ называемый *силанумъ* и намъ не хотѣлось, чтобъ Кутузовъ, не дождавшись конца сего *силанума*, выѣхалъ и, надѣясь притомъ, что онъ скоро кончится по увѣренію тамошнихъ знакомыхъ, то и рѣшились мы удержать Кутузова въ Берлинѣ. Денегъ пересылалъ князь Николай Никитичь Трубецкой и Иванъ Владимеровичь Лопухинъ, сколько я знаю, свои собственныя.

16-е. Сей особѣ пересланы были книги, какъ мнѣ сказывалъ Новиковъ: *Іоанна Арндта*, О *подражаніи Іисусу Христу*, *Избранная библіотека* и еще какія не знаю, понеже не я отправлялъ. Брался ихъ вести Баженовъ, въ которомъ именно году, не помню.

17-е. О сей книгѣ *) еще мы вѣдали отъ покойнаго барона Рейхеля; переводилъ ее съ французскаго докторъ Багрянскій, а съ нѣмецкимъ сличалъ я съ Кутузовымъ.

18-е. Я не видалъ никогда печатанной въ нашей типографіи книги подъ названіемъ: *О народной гордости*. А была печатана книга: *О гордости духовной*, но кто ее цензировалъ или переводилъ и сочинилъ, не вѣдаю. Что жъ касается до

*) Таинство Креста.

бумагъ, то, слыша уже многія разглашенія о масонствѣ, я ихъ частію сжегъ, частію изодралъ и теперь у меня, кромѣ нѣкоторыхъ масонскихъ разныхъ градусовъ, нѣтъ, которыя я обязуюсь прислать къ его сіятельству господину генералъ — аншефу и главнокомандующему въ Москвѣ. Впрочемъ, дерзая призывать имя божіе въ истинѣ показаннаго и также и въ томъ, что я никогда не имѣлъ намѣренія дѣлать что-либо неугодное Ея Императорскому Величеству, Всемилосердой нашей Государынѣ, признавая же однако себя неправымъ, но виннымъ, понеже не въ точности исполнилъ то, чтобъ могъ исполнить, ежели бъ былъ осторожнѣе и разсудительнѣе: и для того осмѣливаюсь пасть къ стопамъ Ея Императорскаго Величества и просить милостиваго монаршего прощенія и отпущенія, обѣщаясь впредь отнынѣ ни въ какія ордена сего связи не входить и тѣ, въ кои я вошелъ, оставить, однимъ словомъ: все то исполнить, что по лучшему разумѣнію моему вижу, что есть угодно великой Монархинѣ. Съ полнымъ увѣреніемъ на великія милости и благоутробіе монаршее дерзаю паки просить оставленія.

20.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По времени сколько могъ я разобрать бумаги, изъ нихъ часть всеподданнѣйше представляю здѣсь Вашему Императорскому Величеству: 1-е присланный изъ Швеціи весь обрядъ и исторію тампліеровъ; 2-е осьмую степень золото-розовыхъ крестовъ, которой въ бумагахъ Новикова нѣтъ; въ ней изволите, Всемилостивѣйшая Государыня, усмотрѣть, что тутъ уже употребляется одежда духовная; 3-е патентъ князю Трубецкому на здѣшнее начальство. О сихъ трехъ бумагахъ я Вашему Величеству въ предъидущемъ моемъ отправленіи отъ 14 числа сего мѣсяца упоминалъ, что сіи бумаги получены отъ князя Трубецкаго. Да изъ бумагъ, полученныхъ отъ Ивана Лопухина, большою частію все сказаньи, говоренныя въ кругахъ или ложахъ ихъ, въ томъ числѣ и въ Орлѣ. А между сими есть развратное ихъ положеніе или понятіе объ Адамѣ, то оное здѣсь же всенижайше Вашему Величеству подношу,

а по препорціи ихъ разбору буду по частямъ всеподданнѣйше къ Вашему Величеству отправлять; незначущія жь или которыя уже есть въ бумагахъ Новикова оставлю у себя.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій князь А. Прозоровскій.

Августа 23 дня 1792 года
Петровскій дворецъ.

21.

По всеподданнѣйшимъ реляціямъ моимъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно объ отобранныхъ книгахъ, по слѣдствію Новикова, въ лавкахъ и въ его деревнѣ, прежде запрещенныхъ 3000, да вновь безъ позволенья по секретнымъ станамъ напечатано 3000. Послѣднія пересматриваются законоспасской академіи Ректоромъ и церкви Трехъ Святителей протопопомъ. И хотя не могли они окончить всѣхъ осмотромъ: но между тѣмъ попалась книга подъ названіемъ *Новое начертаніе истинныя теологіи*. Въ первомъ томѣ мистика, но противная проповѣдыванію церкви нашей; во второмъ касается уже до гражданскаго правительства, чтобы по заведеніи новой церкви подчинить оной и все государственное правительство и соединить всѣ народы и законы вообще, а наконецъ стараться завести республику. Я при семъ всеподданнѣйше оную книгу и цензорово замѣчаніе подношу. Но любопытенъ я былъ свѣдать, сочиненье то или переводъ. Я спрашивалъ приватно Ивана Лопухина. Онъ меня увѣрилъ, что переводъ съ французской книги князь Николаемъ Трубецкимъ. Когда и прочимъ книгамъ окончится цензура, то я по одному экземпляру отъ каждаго сочиненья съ замѣчаніями цензоровъ всеподданнѣйше поднесу Вашему Величеству, а прочія, какъ и прежде отобранныя, и находящіяся въ конторѣ Св. Синода истребить. Надобностію сіе почиталъ покойный прокуроръ Гурьевъ: «какъ де онѣ лежатъ въ архивѣ и, можетъ, не усмотрится, кто оттуду по нѣскольку экземпляровъ вынетъ». То и просилъ меня, когда о истребленіи книгъ послѣ отобранныхъ, я буду всенижайше докладывать Вашему Императорскому Величеству, чтобы и объ

оныхъ Вашему Величеству доложить. Отобраны у доктора, что съ Новиковымъ, три банковыя облигаціи на 100,000 руб., надлежащія Походяшину. Я въ свое время писалъ къ тайному совѣтнику Шешковскому, чтобъ Вашему Величеству доложилъ, куда мнѣ ихъ отдать; но онъ за болѣзнію не докладывалъ: то всенижайше и испрашиваю у Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, куда мнѣ ихъ отдать?

Увѣдомлялъ меня также Шешковскій, что Ваше Величество всемилостивѣйше пожаловали командѣ, бывшей при Новиковѣ, годовое жалованье; но я указу не имѣю. А онъ тожь сказываетъ, что за болѣзнію не имѣлъ случаю Вашему Величеству доложить. А къ тому осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать награжденія за усердіе и вѣрность совѣтнику Уголовной Палаты Олсуфьеву,—который всѣ бумаги отыскалъ, и Новиковъ отдавалъ ему все имѣніе, но онъ пристойно какъ дворянинъ ему отвѣтствовалъ,—владимірскимъ орденомъ 3-го или 4-го класса, какъ въ Сенатъ я по сей матеріи представить не могу.

Домы Новикова запечатаны, какъ о семъ по всеподданническимъ моимъ реляціямъ Ваше Величество извѣстны. А въ одномъ изъ оныхъ двѣ иностранныхъ книгъ библіотеки; хотя каталоги сдѣланы, но неосновательны. То не угодно ли будетъ повелѣть ихъ разсмотрѣть и годныя, принадлежащія до богословіи, отдать въ Законоспасскую академію, а прочихъ матерій въ университетъ, а вредныя тожь истребить.

По опраздненіи домовъ отъ библіотекъ не повелите ли, Всемилостивѣйшая Государыня, тѣ домы продать и куда деньги употребить, или отдать въ вѣдомство опеки надъ дѣтьми и имѣніемъ Новикова, опредѣленнымъ опекунамъ вышеупомянутому совѣтнику Олсуфьеву и брату Новикова?

22.

Князь Александръ Александровичъ!

По поданному отъ Васъ представленію повелѣваемъ: 1) хранящіяся въ конторѣ Синодальной забранныя въ деревнѣ Новикова и въ лавкахъ 3000 запрещенныхъ книгъ и вновь секретно напечатанныхъ до трехъ же тысячъ предать огню всѣ

безъ изъятія, не взнося и къ намъ экземпляровъ; 2) равнымъ образомъ по внимательномъ разборѣ и разсмотрѣніи двухъ иностранныхъ библіотекъ, находящихся въ одномъ изъ домовъ Новикова, вредныя во оныхъ книги всѣ истребить, а изъ полезныхъ богословскія отдать въ Заиконоспасскую академію, прочія же въ университетъ; 3) о помянутыхъ домахъ, за Новиковымъ считающихся, справиться достовѣрнѣйшимъ образомъ, собственные ли они его или общественные: въ первомъ случаѣ слѣдуетъ оные отдать въ вѣдомство опеки дѣтей Новикова; но въ послѣднемъ поступить оные должны въ распоряженіе Приказа Общественнаго Призрѣнія; 4) объ отобранныхъ у бывшаго при Новиковѣ доктора облигаціяхъ на 100,000 рублей, Походящину принадлежащихъ, изслѣдовать съ точностію, когда и на что именно они даны и что окажется, Намъ донести, дабы по тому могли Мы изъявить волю нашу о употребленіи ихъ. 5) Совѣтнику уголовной палаты полковнику Олсуфьеву за службу его Всемилостивѣйше пожаловали мы орденъ св. Владиміра четвертыя степени, а командѣ, при Новиковѣ бывшей, указали выдать годовое жалованье. Пребываемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

11 февр. 1793 года С.-Петербургъ.

23.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, собравъ вчерашній день въ уголовную палату московскихъ книгопродавцевъ, принужденныхъ оною къ разнымъ наказаніямъ за продажу и имѣніе въ лавкахъ запрещенныхъ книгъ, въ присутствіи моемъ при собраніи членовъ палаты, при вице-губернаторѣ, оберъ-полиціймейстерѣ и губернскомъ прокурорѣ, приказалъ прочесть имъ, кто къ какому наказанію по законамъ приговоренъ, и потомъ объявилъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ, что Ваше Величество для рожденія великаго князя Николая Павловича всемилостивѣйше ихъ простить соизволили, что приняли они чувствительнѣйшимъ образомъ и, возсылая со слезами проше-

ніе къ Богу о продолженіи здравія Вашего Императорскаго Величества и Великаго Князя Николая Павловича, просили меня объ оном представить Вашему Императорскому Величеству и имъ позволить о здравіи Вашего Императорскаго Величества и В. К. Николая Павловича принести Всевышнему во храмѣ Его молебствіе, что имъ позволивъ, всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству объ оном доношу.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій *М. Измайловъ.*

10 Іюля 1796 года

24.

О дѣтяхъ и объ имѣніи поручика Николая Ивановича Новикова.

Дѣтей онъ имѣетъ: 1-го сына Ивана 10 лѣтъ, который записанъ лейбъ-гвардіи въ измайловскій полкъ сержантомъ и отпущенъ въ домъ для обученія наукъ съ паспортомъ, гдѣ онъ и находится; двухъ дочерей Варвару 9 лѣтъ и Вѣру 5 лѣтъ, которыя также здѣсь въ Москвѣ въ домѣ его находятся.

Имѣніе онъ собственное имѣетъ:

1-е. Въ московской губерніи въ никитскомъ уѣздѣ село Тифинское, Авдотьино тожь, въ коемъ по послѣдней переписи мужеска пола 138 душъ; изъ того числа мнѣ, брату его, принадлежащихъ мужеска пола 8 душъ.

2-е. Въ орловской губерніи мценскаго уѣзда сельцо Вишневецъ, въ коемъ 114 душъ.

Имѣніе съ товарищами вообще:

1-е. У Никольскихъ воротъ домъ каменный, купленный на имя его, Николая Ивановича.

2-е. У Сухаревой башни домъ каменный, купленный на имя бывшихъ членовъ типографической компаніи г. генералъ-поручика и кавалера князя Юрья Никитича Трубецкаго, бригадировъ Петра Владиміровича Лопухина, Василья Васильевича Чулкова, мое и надворнаго совѣтника Семена Ивановича Га-

малѣя, въ коемъ домѣ нынѣ Спасская аптека и типографія компаніи типографической.

Самая оная типографія, со всѣми инструментами, матеріалами и книгами какъ въ семъ домѣ, такъ и въ вышеупоминаемомъ Никольскомъ находящимися. Самая оная Спасская аптека со всѣми матеріалами, посудою и инструментами, къ ней принадлежащими.

Вышесказанное имѣніе съ товарищами общее разумѣю я немногимъ товарищамъ принадлежащее, ибо типографическая компанія въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1791 года по общему согласію оной членовъ разрушена; а имѣніе, всѣмъ общее, и долги сданы Николаю Ивановичу, который вступилъ въ особое товарищество съ г. маіоромъ Григорьемъ Максимовичемъ Походящимъ, получа отъ него на оплату долговъ нѣкоторую сумму деньги, а сколько именно, то мнѣ неизвѣстно. Но за воспослѣдовавшими обстоятельствами не могъ своей съ нимъ сдѣлки привести къ окончанію.

Надворный совѣтникъ Алексѣй Новиковъ.

ЗАПИСКА И. Г. ШВАРЦА

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ НЕМУ И. И. МЕЛИССИНО [1]).

Die Härte und Ungerechtigkeit, womit ich schon seit einiger Zeit von Sr. Excellenz dem Hbr. Curator von Melissino behandelt werde hätte mich schon längst genöthiget bey Sr. Excellenz dem Hb. Oberkammerherrn von Schuwalow, als dem ersten Curator und Stifter der Universität, Hülfe zu suchen.

Da ich aber glaubte dadurch mehr Erbitterung zu verursachen und die Ruhe und den für das Beste der Universität so nöthigen Frieden zwischen deren Chefs hiedurch vieleicht mehr zu stöhren so tröstete ich mich mit der Hofnung Unschuld und Wahr-

---

[1]) Печатаемъ эту записку съ чернового автографа Шварца. Она была писана для представленія И. И. Шувалову. *Ред.*

heit siegt doch zuletzt und es ist besser Unrecht leiden, als Unrecht thun.

Da ich aber jetzund sehe, dass man keine Verläumdung zu schwarz, kein unerlaubtes Mittel zu niedrich gefunden, und duss, wenn ich schweige, Seine Excellenz in einem der Universität höchst schändlicherm Irthume verbleiben, auch nicht nur ich entehrt, sondern auch eine ganze Gesellschaft redlicher und wohlthätiger Männer beleidigt und in falsches Licht gesetzt sind: so sehe ich mich gezwungen zu meiner Entschuldigung und Vertheidigung zu schreiben.

Da ich aber so unglücklich bin directe und indirecte von einigen Personen, die ich das Unglück hatte zu beleidigen, bey Sr. Excellenz dem Hbr. Curator Schuwalow so, angeschwärzt zu werden, dass ich voraussehe nicht Glauben zu finden, so wage ich es mich an Euer Excellenz, die selbst Chef von gelehrten Corps waren und sind, zu adressiren und hochdero Intercession zu bitten, indem es mir äusserst schmerzhaft ist bey Hochdessen Excellenz, die sonst so sehr genädige Gesinnungen gegen mich äusserten, in einem falschen Lichte zu erscheinen.

Die gegen mich ausgeübten Beleidigungen betreffen mich in zwei verschiedenen Verhältnissen, erstlich — als Professor, zweitens als Mitglied der freundschaftlichen gelehrten Gesellschaft. Da die einen in die anderen zusammenflissen und aufklähren, so sehe ich mich genöthigt beyde zu durchgehen.

Anno 1779 den 21 Aug. wurde ich zum Prof. Extraord. der deutschen Sprache bey der Moskowischen Kayserl. Universität ernannt. Ich bekam sogleich den Auftrag von der Conferenz der Kays. Universität sowohl die nöthigen Schulbücher zu besorgen, als auch die Mängel anzuzeigen, die ich in der Methode überhaupt fände. Ich ermangelte nicht sogleich diesen Aufträgen eifrigst nachzukommen, und reichte diesem zufolge verschiedene Vorstellungen, die theils die Ordnung der Studien betrafen, theils den Mangel an Lehrern anzeigten und Vorschläge zu diesem Behufe enthielten. Meine Vorschläge wurden mit Lobes-Erhebungen acceptiret; nur fragte man, wem die Execution aufzutragen sey, weil es an den nöthigen Kosten mangelte. Ich erboth mich gleich nicht nur ohnentgeltlich hierinnen

zu dienen, sondern auch von einigen Freunden unterstützt, verschiedene nöthige Auslagen über mich zu nehmen. Es wurde also den 13 November das Seminarium paedagogicum errichtet und ich zum Inspector desselben ernannt. Meine Dienste erregten soviel Zufriedenheit, dass ich anno 1780 den 5 Februar, ohne darum angesucht zu haben, von der Conferenz zum Professor ordinarius philosophiae erhoben wurde, und mir die verbindlichsten Danksagungen abgestattet wurden, wie aus dem Protocolle der Conferenz zu ersehen. Noch herrschten viele schwer abzuändernde Unordnungen im Gymnasio, die dadurch dass das Institut nach und nach grösser und weitläufiger geworden war, folglich dem ersten Plane nicht mehr conform, eingeschlichen waren. Man fragte mich, ob ich es wohl unternehmen wolle diesen abzuhelfen. Ich,—ohne vorher zu sehen, wieviel mir hieraus Neid und Hass und Verläumdungen zu fliessen würden, wenn ich verjährtern Missbräuchen, die aus Faulheit und Eigennutz entstanden, an die Krone greifen würde, brennend vor Liebe zum gemeinen Besten,—unternahm auch diese mit herculanischer Arbeit verbundene Pflicht ohne Gehalt. Ich sparte keine Mühe und reichte 1781 mit Anfange des Monats Februarii einen vollkommen geänderten Lehr-Plan ein. Diese meine neue Studien-Ordnung wurde in 3 nacheinander folgenden Conferenzen zu wiederhohlten Mahlen vorgelesen, untersucht und mit Lobes-Erhebungen gut befunden, wie es gleichfalls die Conferenz-Protocolle ausweisen. Auch hier war die Schwierigkeit in der Execution, und es war wahr — diese war nicht klein, allein ich liess mich durch nichts abschrecken und executirte in weniger Zeit alle meine vorgeschlagenen Veränderungen.

Hier musste ich unredliche Kränkungen erdulden und da ich die ganzen Tage dies Jahr im Gymnasio zubrachte, so blieben mir nur die Nächte zu nöthigen Ausarbeitengen — und ob ich gleich noch jung und starker körperlicher Constitution, so hatte ich doch mit Ende dieses Schuljahres meine Kräfte ganz erschöpft. Um also sowohl meine Gesundheit wiederherzustellen als auch durch eigene Inspection anderer Schulanstalten über die vorgenommene Veränderungen in der unsrigen mich zu versichern, intentionirte ich eine Reise durch

diejenigen deutsche Länder, wo jetzt die Gelehrsamkeit am meisten florirt.

Ich suchte derowegen bey Euer Excellenz um gnädige Erlaubniss an, die ich nicht nur erhielt, sondern Euer Excellenz geruheten mir noch hiezu speciellere Aufträge zu geben.

Ich präsentirte mich bey meiner Durchreise durch Petersburg Höchstdenenselben, und erhielt noch ferneren Auftrag— eine Vorstellung über den Zustand der Universität und die nöthigen vorzunehmenden Veränderungen einzureichen, dem ich auch vor meiner Abreise folgeleistete. Und ich wage es Eurer Excellenz diesen obgleich in der Geschwindigkeit ausgearbeiteten Entwurf, als eine Probe meiner Kenntnisse, zur strengsten Untersuchung vorzulegen, um hieraus zu ersehen, in wie fern mir Charlatanerie oder gründliche Kenntniss zugeschrieben werden kann. Eure Excellenz geruheten mich höchst dero Gnade zu versichern und ich erhielt eine lebhafte Probe derselben dadurch, dass ich während meiner Abwesenheit, ohne darum angesucht zu haben, von Höchstdenenselben dem Regierenden Senate zur Belohnung vorgestellet wurde und den Rang eines Assessors erhielt. Auf meiner Reise sparte ich keine Mühe alles, was zum Besten der Universität diente, zu besorgen und sowohl litterarische Correspondenz zu errichten, als auch Bücher und Methoden zu sammeln. In Berlin werden mir sowohl der durchläutigste Prinz Friedrich von Braunschweig, welcher sich daselbst befand, der Graf Oberkammerherr Sacken, der Geheime Rath und Justiz President Hyren, der Oberste Consistorialrath Büsching, ein grosser Schulmann, und noch viele andere hierüber die nöthigen Zeugnisse geben, und wenn seine Erlaucht der Fürst Dolgoruky Eurer Excellenz berichtet, wie ich die Bekanntschaften, die mir Hochderselbe mit den dasigen Academicis gemacht, negligiert, so gilt diess bloss von den französischen, aber nicht von den deutschen. Ich bin mit dem berühmten Professor Bernouillie, dem mich seine Erlaucht recommendirt, noch bis jetzt in genauer Verbindung, da ich aber deutscher Schulgelehrsamkeit und nicht Französischer Belletristerey wegen reisete, so blieb mir nicht die Zeit mit denen, die nicht in mein Fach schlugen, zu conversiren.

In Braunschweigischen Ländern werden mir nicht nur die Hbrn Curatores, der Herr Vice-Präsident des Consistorii, Jerusalem, die Ehre deutscher Gelehrsamkeit, sondern auch der Durchlautigsten Herzog selbst hierüber die gnädigsten Zeugnisse geben; in Sachsen des Grafen Anhalt Erlaucht, der Conferenz Minister Wurmb und mehrere anschnliche und gelehrte Manner.

Ich glaubte also durch diese Reise nicht geringe Dienste geleistet zu haben, indem ich nicht nur Deutschland mit dem litterarischen Russland bekannter gemacht, sondern auch sogar an einigen Orten das Studium der Russischen Sprache, als für Historia höchst wichtig, introducirt.

Mit vieler Erwartung der Belohnung und Erkenntlichkeit kehrte ich zurück.

Seit meiner Abwesenheit war der Herr Curator von Melissino zurückgekehrt, ich wartete also erstlich mit Geduld ab, welche Wendung diese Veränderung im Commando der Universität in Anschung meiner machen würde. Es ahndete mir nichts Gutes: denn während der Abwesenheit dieses Herrn waren sehr viele Veränderungen vorgenommen worden. Eine Pension für 50 Adliche, ein Seminarium paedagogicum gestiftet worden, die ganze Ordnung der Gymnasien als fehlerhaft umgeändert, viele neue Bücher herausgekommen, die Typographie in einen Zustand gesetzt worden, dass wenige dergleichen in Europa, in drey Jahre bey der Universität mehr Bücher gedruckt worden, als seit den 24 Jahren, die sie vorher existirt. Alles dieses nebst dem allgemeinen Rufe dass die Universität jetzt in einem bessern Zustande sey, der Zufluss des Adels, der jetzt in viel grösserer Quantität, Anzahl, in derselben studirte, alles dieses liess mich, — da ich hieran sehr grossen Antheil hatte, — nicht viel gutes erwarten. Sr. Excellenz gelangten etwas nach meiner Zurückkunft hier in Moskau an und traten in das Gouvernement der Universität ein.

Anstatt dass ich geglaubt hatte, Hochdemselben nicht eben am gnädigsten angesehen zu werden, so empfand ich fürs ersten das Gegentheil. Sr. Excellenz waren mit allen meinen vorgeschlagenen Veränderungen vollkommen zufrieden, ver-

sicherten, dass alles mit Ihren schon längst vorhergehabten Ideen vollkommen übereinstimmte und dass es Ihnen nur vorhero an geschickten und eifrigen Subjekten zur Execution gefehlt habe. Hochdieselben beehrten mich zu verschiedenen Mahlen mit dero eigenem Besuch und waren mir mehr Freund als Chef. Ich verhielt denenselben daher nicht selbst die kleinsten Verhältnisse meiner Selbst, zeigte Ihnen, welche von denen Professoren, wie auch einigen anderen, und aus was für Ursache diese meine Feinde wären, und glaubte nicht, dass ein Greis, der noch so sehr durch seinen Stand über mich erhoben, diese meine Offenherzigkeit niedrich missbrauchen würde. Doch ich eile zum Ende meiner Historie, qua Professor, um zu derselben, qua Mitglied der Gesellschaft, zu schreiten und erwähne nur noch den Umstand meines ersten Abganges von der Universität. Durch meine Reise war meine Gesundheit nicht gehörig wiederhergestellt worden, ich hatte mich gleichfalls des kurzen Zeitraums, den ich nur abwesend seyn konnte ebenfalls sehr anstrengen müssen und da ich wusste, dass es die Art ist in dem Universitäts-Collegio die Menschen von Gutem abzuhalten, denselbigen die Execution immer selbst erst zu übertragen, hernach durch *Chicanen* zu erschweren, so hielt ich meine Reise-relationen bis zu völliger Wiederherstellung meiner Gesundheit zurück. Man glaubte aber, ich hätte dieselben gar nicht gemacht, und fertigte mir aus der Conferenz d. d. 18 May die Ordre zu in acht Tagen dieselben einzureichen. Ob ich gleich krank war und Mühe hatte in diesem zu kurzem Zeitraume der Forderung Genüge zu leisten, so that ich doch das mögliche und reichte in die nächste Conferenz meine Relation — 13 Werke über die Erziehung und 8 andere seltene Werke in die Universitätsbibliothek als Geschenk ein. In meiner Relation war gesagt, wie das höchst reiche Elementarwerk von Semler und Schütz, das Ihro Majestät der Kayserin dedicirt ist, auf ausdrücklichen Befehl Hochdero Excellenz angeschaft sey und wie dessen Einführung der Universität höchst nützlich seyn könne. Seine Excellenz der Herr Curator von Melissino waren persönlich in der Conferenz, und ich erstaunte nicht wenig, als meine Relation gar nicht öffentlich vorgelesen und auf die in

derselben geschehene Erwähnung der eigenen Ordre Euer Excellenz nicht die geringste Rücksicht genommen und eine für alle meine Mühe und schwere Geldauslegen nicht der geringste Bescheid ertheilet wurde. Ich fand dieses denen sonst geäusserten Gesinnungen Sr. Excellenz des Herrn von Melissino so ganz contrair gehandelt, dass ich glaubte nach dieser so höchst ungerechten Handlung alles befürchten zu müssen und reichte den folgenden Tag, da ich ohnedem mich gegenwärtig zu Erfüllung aller auf mich genommenen Pflichten zu schwach fühlte, gehorsamste Bittschrift um meine Entlassung ein.

Sr. Excellenz der Herr von Melissino liess mich gleich zu sich kommen und versicherte mich seiner völligen Freundschaft, erboth sich mich auf einige Jahre mit völligem Gehalt zu Restituirung meiner Gesundheit von allen Pflichten zu entlassen mit der Versicherung, dass ich eine dergleichen Belohnung bereits hinlänglich verdienet, und zwang mich fast mein Bittschrift wieder zurückzunehmen. Da ich aber doch zu schwach war meinen Dienst gänzlich vorzusetzen, aber mein Gewissen nicht den Vorwurf ertragen konnte Gehalt nicht gehörig zu verdienen, so gab ich eine zweyte Bittschrift ein, dass ich in Zukunft ohne Gehalt dienen wolle, und nur soviel, als Kraft und Gesundheit erlauben wurden, Dienste leisten wollte. Dieses wurde mir gleichfalls mit vielen Lobes-Erhebungen, wie es ebenfalls das Conferenz Protocoll ausweiset, bewilliget und so blieb ich blosser Professor honorarius, glaubend, jetzund von allen ferneren Ungerechtigkeit und Chicane, qua Professor, völlig befreyet zu seyn. Die Folge zeigt aber dasjenige, was ich, qua Mitglied der Gelehrten Gesellschaft, Euer Excellenz gehorsamst zu berichten habe — zu dem ich jetzo schreite.

Sobald als ich nach Russland kam (im Juny des 1776 Jahres) machte ich es mir zum Geschäfte, mich sowohl mit der Russischen Sprache als auch den Nationalschriftstellern der Nation bekannt zu machen. Unter denselben fand ich in den Schriften meines jetzigen Freundes besondern Eifer und Vaterlandsliebe; auch hatte seine so sehr nützliche *Bibliothek Altrussischer Schriften* Ihn bereits sowohl in Deutschland als Frankreich rühmlichst bekannt gemacht. Sehnlichst wünschte

ich diesen Mann persönlich kennen zu lernen, blieb aber der Erfüllung dieses Wunsches bis zu meinem Eintritt in die Universität an 79. beraubt. Eben damals hatte er die Pacht der Universitäts-Typographie übernommen, und arbeitete mit einem Eifer, wagte sich in ein Feld, wo alles zu risquiren und wenig zu hoffen war, verwendete seyn Vermögen zu einer Entreprise, wo 100 gegen 1 zu setzen waren, dass sie missglücken und ihn ins grösste Armuth stürzten würde, und er trug bey allem diesem die schwärzesten Verläumdungen, denn er hatte einer Menge Krähen ihre Nahrung (Brod) geraubt.

Alles dieses zog mich mit ihm Freundschaft zu stiften, obschon im Uebrigen unsere Charactere ganz verschieden sind. Bald wurde ich gewahr, dass er eine Entreprise unternommen hatte, wobey einzelner Menschen Kraft zu schwach, und doch war der Fortgang derselben für die Aufklärung Russland's äusserst wichtig. Ich fasste also Feuer und lebte ganz zu dessen Hülfe, arbeitete selbst Tag und Nacht und, da ich eine sehr zahlreiche Klasse von Auditoren hatte, so suchte ich auch solche zur Mitarbeit anzufeuern und sie zu Uebersetzern zu bilden. Ich fing damit an, dass ich meine Bibliothek unter den jungen Leuten vertheilte, um Ihnen hiedurch Geschmak beyzubringen, — ich hatte es aus eigener Erfahrung, wie viel ein neues hübsches geschenktes Buch auf eine junge Seele wirkt. Ich reüssirte; die jungen Leute wurden mir geneigt, die Väter kamen mir Dank abstatten, fast täglich wurde ich in neue Familien introducirt und mit Lobes Erhebungen und Danksagungen überhäuft; man consulirte mich auch in Häusern, wo man eigene Lehrer hielt, über die Wahl derselben, über die Studien und so weiter. Alles dieses überhäufte mich mit paradisischen Empfindungen, ich brannte vor Begierde gegen eine solche edle, die Wissenschaften so sehr suchende Nation dankbar zu seyn. Ich wurde indignirt, dass so viele edle Väter und Mütter, die so sehr das Gute Ihrer Kinder wünschten, und nur nicht Aufklärung genug hatten zu wissen, wie sie es anfangen sollten, von nichtswürdigen eigennützigen Ausländern hintergangen wurden. Ich intentionirte dahero sogleich eine Gesellschaft, die diesem Uebel abhülfe; die also 1) im Publico nach Kräften Erziehungsregeln verbreitete,

2) die typographische Unternehmung des Hrn von Nowikow durch Uebersetzung und Verlegung nützlicher Werke beförderte; 3) und entweder Ausländer, die Erziehung zu geben im Stande wären, ins Land zu ziehen suchte, oder — welches noch besser — junge Russen auf eigene Kosten zu Lehrern zu erziehen suchte. Die Connexion, die ich in vielen Familien durch meine Lehrstelle bey der Universität bekam, verschafte mir Gelegenheit meine Projecte und dessen Nützlichkeit tag-täglich predigen zu können. Aber lange waren meine Bemühungen vergebens: man lobte meine Vorschläge, aber rechnete Sie in Platons Ideenreich. Inzwischen reussirte ich doch so weit, dass man anfieng die deutsche Sprache mehr zu treiben und viele wirklich gelehrte Ausländer zu Hauslehrern verschrieb. Aber zum Herschuss eines Capitals wollte sich niemand verstehen. Ich sann auf allerley Mittel, aber die Meisten strandeten, so wie auch die Französischen und Deutschen Zeitungen, die ich blos in dieser Absicht, um Geschmack mehr zu verbreiten, das 1780 Jahr herausgegeben habe.

Endlich glückete es mir doch einige Personnen zu entflammen und zu Herschüssung eines Theils Ihres Vermögens zu persuadiren und so entstand *der Fuss* der jetzigen sogenannten *Gesellschaft gelehrter Freunde*. Die ersten Mitglieder waren nicht sehr bemittelt, man hatte also anfangs bloss nützliche Uebersetzungen zum Zweck, endlich kam ich in Verbindung mit dem jetzigen ersten Wohlthäter der Gesellschaft, dem Hbr. Peter Alexewitsch von Tatischtschew. Dieser Mann hatte lange vergebens allethalben Vergnügen gesucht und in nichts gefunden und wusste nicht, dass seine wahre Wollust im Wohlthun bestehen würde. Oft betrogen, wie es jedem Reichen, um den stets eine Menge Schmeichler herumschwärmen und Etwas von ihm zu erhaschen suchen, war er äusserst misstrauisch worden und deswegen von vielen, denen es nicht reussirt hatte von Ihm Geld zu erhaschen, äusserst als geizig verschrieen worden.

Nachdem er mit mir bekannt wurde und sah, dass ich nicht meinen, sondern allgemeinen Vortheil suchte, so schenkte er mir bald einen Theil seines Zutrauens und überliess mir seinen einzigen Sohn, einen edlen, stillen, tugendhaften Jüngling

zur ferneren Bildung; gewann täglich mehr Geschmack an Litteratur und entschloss sich endlich, einen Theil seines Vermögens zum Besten derselben zu verwenden. Einen gleichen Entschluss fassten noch einige andere, zwar weniger reiche, aber ganz eifrige Männer, als: der Fürst Alexander Alexejewisch Tscherkasky, der Fürst Nicolai Nikitsch Trubetzkoi, der Obrist Bassill Wassiliewitsch Tschulkow und noch einige. Als Columbus zuerst Land erblickte, konnte er nicht froher seyn, als ich es war, da ich mich jetzt an der Spitze eines ansehnlichen Capitals zu Bewirkung meiner Platonischen Idee sahe. Jetzt fehlte es mir an nichts, als an gehöriger Kenntniss gelehrter Mitarbeitern und litterarischer Connexion; um also diese Mittel zu erlangen, schlug ich dem Hr. von Tatischtschew vor, — mich mit seinem Sohne die obbennannte Reise durch Deutschland thun zu lassen, nach deren Beendigung wir zu gänzlicher Erfüllung unseres Planes schreiten wollten.

Durch die Reise bewirkten wir alles das, was zu unsern Absichten nöthig, und nach meiner Zurückkehr schritten wir in Gottes Nahmen zur ferne Ausführung. Hier fangen die nachherigen und unangenehmen Verhältnisse an, in die ich mit des Hbr. Curators v. Melissino (Ezcellenz*) gekommen bin. Ich hatte mir diesen Herrn von jeher als einen eifrigen Liebhaber der Wissenschaften, der Stiftung der freyen Russischen Gesellschaft wegen, vorgestellt. Seine freundschaftliche Gesinnungen erregten mein Zutrauen, und wer sollte den Worten — ja den Schwüren eines solchen angesehenen Greisen nicht trauen? Ich schüttete also alle meine wohlthätigen Absichten in dessen Schooss. Er nahm Theil, trat zu unserer Gesellschaft, beehrte dieselbe mit seiner Gegenwart und war unser eifrigstes Mitglied; innig freuten sich unsere Herzen über diese Acquisition; aber meine Freude wurde bald turbirt und nicht nur die obbenannten Handlungen der Conferenz, sondern auch noch ein hieher gehöriger Umstand gaben unserm Bande einen heftigen Stoss. Ich gab, zu mehrerer Beförderung der Kenntnisse der mir anvertrauten Seminaristen, eine Privat-Lection der philosophischen Histo-

*) Написано было прежде.

rie nach dem bekannten Brucker. Es hatte sich ereignet, dass einige meiner Freunde vom hiesigen Adel während dieser Lection mich besucht hatten und als ich dieselbe in Ihrer Gegenwart fortgesetzt hatte, so hatten Sie Geschmak an selbiger gefunden. Sie erbathen sich die Erlaubniss, im Zukunft wieder zu kommen, ich bewilligte dieses mit innigem Vergnügen (und welcher Professor wird dieses nicht?), sie brachten in Zukunft andere mit sich und so wuchs in kurzem mein Auditorium zu einer sehr ansehnlichen Anzahl an, unter welchen verschiedene Herrn von hohem Range waren. Da ich hierbey Gelegenheit hatte über die Nothwendigkeit des Privat-Eifers zu Verbreitung der Litteratur zu sprechen, so vermehrte dieses den Zuwachs der neuerrichteten gelehrten Gesellschaft.

Einige ältere Professoren sahen diese Lection mit sehr scheelen Augen an, verbreiteten übele Nachrichten hievon; einige wurden so wüthend, insbesondere die Professores Barssow und Schaden, dass Sie insbesondere herumfuhren mich zu lästern, mich bey der Geistlichkeit anschwärzten, als mischte Theologie in meine Lectionen. Es war natürlich, dass, wenn von der Philosophie der alten Völker die Rede ist, natürlich auch von Ihrer Gottesgelehrsamkeit,— da Ihre innere Religion blos Philosophie war,—geredet werden muss. Dieses gab Ihnen herrlichen Stoff zum Lästern, besonders hatte ich damals nach dem bekannten Montfaucon und Romeyn de Hooge die Lehre von den Hieroglyphen der alten. Vielen der philosophischen Historie unkundigen reussirte (es) hier würklich diese meine Lectionen für Maçonnerie auszuschreien. Ich wunderte mich über diese grobe Unverschämtheit und Unwissenheit; denn wer kann jetzt so unwissend seyn zu ignoriren, dass die Maçonnerie gar keine Sache ist, die in öffentliche Lectionen gelehrt werden kann? Sie ist ja fast in allen cultivirten Staaten von Europa beynahe öffentlich, wird von den Kirchen-Vorstehern verschiedener Religionen und selbst von den Monarchen geschützt, nimt in England, daher sie sich in andere Staaten verbreitet, als wie andere Gesellschaften an öffentlichen Angelegenheiten Antheil. Wie kann es jemandem im 18ten Jahrhunderte einkommen zu glauben, sie sey eine religiöse

Gesellschaft und könne von der Catheder gelehrt werden? Es ist wahr, man hat noch nicht längst in Pohlen die Juden beschuldigt, dass Sie Christen Bluth essen. Es ist also vom dummen Fanatismo alles zu erwarten. Aber in Moskau, im Centro des Reichs, wer könnte sich vorstellen, dass dergleichen Nachrichten selbst von Professoren könnten verbreitet werden? Ich klagte also dieses Sr. Excellenz, dem Hbr. Curator v. Melissino, aber anstatt meine Gefühle zu adoptiren, nahm derselbige die Partey der mir feindlichen Professoren und rieth mir meine Lectionen lieber an einem andern Orte zu geben.

Ich gestehe, ich konnte gar nicht begreifen, woher diese Gesinnung rühre. Ich begreife sehr, wie Menschen, die nicht gereiset, fremde Sprachen nicht verstehen, üblen ausgesprengten Nachrichten glauben können; aber wie kenntnissvolle Menschen dergleichen so in die Augen fallende, unwahre Nachrichten fürchten oder favorisiren können, begreife ich nicht. Ich sehe also wohl, dass Sr. Excellenz mich nicht, weil ich Wahrheit und Wissenschaften zu verbreiten suchte, sondern, qua Instrument, zu Nebennabsichten liebten.

Nicht lange nachher, als die Gesellschaft gelehrter Freunde lauter wurde, gefiel es obigen Herrn Professoren nebst noch andern niedrigen auszusprengen, dass auch diese Gesellschaft Maçonnerie sey. Ich gestehe, dieses fieng mir an äusserst empfindlich zu werden, denn wer weiss denn nicht, was für ein Unterschied zwischen einer gelehrten Gesellschaft und einer maçonischen ist? Um also allen diesen Nachrichten auf einmahl den Mund zu stopfen, beschlossen wir Sr. Excellenz den Grafen von Tschernitschew um die öffentliche Stiftung unserer Gesellschaft auszusuchen, und höchst derselben nebst Sr. Eminenz den Erzbischof von Moskau zu Protectoren zu erbieten. Bis hieher hatte sich die Nebenabsicht seiner Excellenz des Hbr. Curators v. Melissino völlig gedecket. Als ich Ihm aber diesen unsern Entschluss bekannt machte, wurden Sie offen: er wollte Chef und Protector der Gesellschaft seyn und fand sehr übel, dass wir diese beyde obbenannte Herrn gewählt hatten. Doch balancirte Sr. Excellenz noch einige Zeit, in der Hofnung noch zu reüssiren, arbeitete selbst eine Rede aus, die Sie bey Eröfnung der Gesellschaft halten woll-

ten; es kränkte derselben aber doch zu sehr nicht an der Spitze der Gesellschaft zu stehen. Sie liessen mich also einige Tage vor der Eröfnung der Gesellschaft zu sich kommen und befragten mich, ob sich die Gesellschaft nicht mit der bey der Universität gestifteten freyen Russischen Gesellschaft vereinigen wollte. Ich antwortete, dass dieses unmöglich, indem die Zwecke ganz verschieden, indem die freye russische Gesellschaft blos die Cultur der Sprache, die unsrige aber Erziehung, Uebersetzung nützlicher Werke, Verschreibung gelehrter Ausländer etc. zum Endzweck hat, und dass unsere Mitglieder zu grosse Summen verwenden, um nicht die kleine unschuldige Jalousie zu haben Ihr Werk besonders zu treiben. Hier fieng sich der Zorn Sr. Excellenz und dessen Verfolgung gegen mich an. Die feindseligen Professoren wurden gleich höchst dessen Freunde und. . . . doch ich verschweige alles; kurz: keine mir mögliche Kränkung unterblieb. Ich gehe zu dem letzten Vorfalle, der mich an Euer Excellenz zu schreiben zwingt.

Nach vielem Suchen, wie man mir beykommen könnte, fand man endlich, dass es von Seite des Seminarii paedagogici am besten thunlich sey. Man forderte also von mir, ich sollo noch eine besondere Lection an die Seminaristen geben. Ich gestehe, es kränkte mich äusserst — die Seminaristen waren alle so wohl gerathen, hatten soviel Fortgang gemacht, verschiedene davon waren die besten Lehrer im Gymnasio. Also wozu deren Verbesserung und Treiben, wo aller mögliche Fortgang ist? Auch hatte ich mich, als ich dem Gehalt und Logis entsagte, bloss zu zwey wöchentlichen Lectionen anheischig gemacht, wie könnte man denn jetzt noch zwey, die meine Umstände gar nicht erlaubten, von mir fordern? Doch ich *verbiss* auch diese Ungerechtigkeit und, da wir durch die Bemühung der Gesellschaft hier einen der gelehrtesten Männer und besten Schriftsteller Deutschlands den Prof. Scholl in diesem Fache besitzen, so schlug ich denselben vor und dieser erboth sich ebenfalls gratis Lectionen zu geben. Ich bat am Ende des Briefes Sr. Excellenz mich von allem Zwange zu befreyen, indem ich ohne dem alles mir mögliche thun würde. Anstatt dass man mir danken sollte, dass ich der Universitet einen so äusserst wichtigen Mann für dieselbe procurire,

so fängt Sr. Excellenz an meine Ausdrücke zu beschuldigen, legt Sinn in denselben, der nicht in denselben ist, droht mit Stockschlägen mich aus der Universität jagen, und handelt auf eine Weise gegen mich, wie wohl nie in einem öffentlichen Collegio gegen jemand gehandelt worden. Nachher fährt Selbiger noch fort gegen alle, die Hochdenselben besuchen, mich bitterst zu verlästern. Ich sehe mich also genöthiget um meine gänzliche Befreyung von dem Dienst der Universität anzuersuchen und reichte eine Bittschrift hierum ein. Anstatt aber meine Bittschrift in öffentlicher Conferenz zu verlesen und etwas hierauf zu resolviren, fängt Sr. Excellenz abermals an gegen mich zu handeln und zu reprochiren, dass ich schon längst nicht Lectionen gebe, ohngeachtet Sr. Excellenz der Hr. Director und die Mitglieder der Conferenz bezeugen, dass ich wirklich krank sey.

Ich überlasse Euer Excellenz gnädigstem Urtheile, ob ich eine solche Behandlung verdienet.

Da es gewöhnlich und also erlaubt ist gegen seine Obern seine Verdienste anzuzeigen, so wage ich es auch hier, das, was ich, wenn Euer Excellenz gnädigst befehlen, strenge beweisen kann, anzuzeigen:

1) Als Professor der Deutschen Sprache, habe ich über hundert Eleven in dieser Sprache gebildet, fast einige zwanzig bis zum fähigen und guten Schreiben in dieser Sprache gebracht und noch mehrere zu Uebersetzern, wovon die meisten schon nützliche Werke dem Publico gedrucket, geliefert haben. das Studium der deutschen Sprache aber überhaupt in Moskau emporgebracht.

2) Als Inspector Seminarii paedagogici habe ich ohne Gehalt gedient, und Lectionen gegeben, 10 Seminaristen zu guten fähigen Lehrern gebildet, und eine ansehnliche Summe Geld *) an Büchern und baarem Gelde zu mehrerem Encouragement von meinen eigenen an selbige verwendet.

3) Als Inspector der Gymnasien umsonst gedient, bessere Lehrmethode eingeführt und die armen Schüler, ebenfalls aus eigenem Fond, mit Büchern und Kleidern versehen.

*) Зачеркнуто: fünf tausend Rubel.

4) Durch meine Privat-Lectionen habe ich in vielen angesehenen Personen Liebe zu den Wissenschaften und zu deren Beförderung erregt.

5) Durch die Dienste, die ich bey Stiftung der Gesellschaft gelehrter Freunde geleistet, dem Vaterlande und den Wissenschaften einen sehr reellen Dienst erwiesen. Sollte aber die Verläumdung, als sey die Gesellschaft eine maçonnische. auch zu Euer Excellenz gelangt seyn, so kann ich durch die deutlichsten Beweise und, wenn Euer Excellenz befehlen, publice darthun, dass dieses falsch ist. Ich bin Maçon—das ist wahr, einige der Mitglieder sind es. Sr. Excellenz der Herr v. Melissino ist es selbst, aber die Gesellschaft ist keine maçonische. Auch dürften Euer Excellenz nur geruhen jeden Maçon zu befragen, so wird derselbe gezwungen seyn zu gestehen, dass die Maçons sich gar in Ihren Gesellschaften sich nicht mit Bücherübersetzen, Erziehung etc., wie die genannte gelehrte Gesellschaft, beschäftigen. Ich kann Euer Excellenz heilig versichern, dass in dieser Gesellschaft die wenigsten Glieder nur wissen, was Maçonnerie ist.

6. Durch die Dienste, die ich der Typographie geleistet und durch die Lehrbücher die ich theils selbst herausgegeben und die theils verschiedene meiner Schüler unter meiner Aufsicht herausgegeben haben, habe ich das Studiren der Jugend merklich erleuchtert.

8)*) Viele würdige gelehrte Ausländer ins Land gezogen und selbst der Universität verschiedene sehr nützliche Professores und Docenten procurirt.

*) Такъ въ подлинникѣ.

ИСТОРІЯ О ВѢРѢ И ЧЕЛОБИТНАЯ О СТРѢЛЬЦАХЪ

Саввы Романова *).

Во 190-мъ году маія въ 15-й день по смерти государя царя Ѳеодора Алексѣевича бысть чудо преславно: попущеніемъ святаго Бога возсташа служивые люди на бояръ и убиша князя Юрья Долгорукова съ товарищи. А послѣ того смятенія въ 3-й день бысть промежъ ими дума и совѣтъ заедино, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру возобновити, въ коей россійскіе чудотворцы Богу угодили и прежніе великіе князи и благовѣрные цари и святѣйшіе патріархи до настатія Никонова патріаршества пребывали. И поискавше у себя таковыхъ людей, чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властемъ отъ божественныхъ писаній: «за что они, власти, старыя книги, которыя печатаны при благовѣрныхъ князехъ и царѣхъ и пяти россійскихъ патріархахъ, возненавидѣли и возлюбили новую латино-римскую вѣру, по своей волѣ, а не по божіей сотворенную?»—и не обрѣташеся въ нихъ такови человѣка искусна и читателя божественныхъ писаній, и ктобы челобитную сложилъ и отвѣтъ властемъ далъ. И призваша единаго отъ чернослободцевъ отъ гончарныя слободы, именемъ Симеона Иванова, сына Колашникова, въ Озноби-шинъ приказъ, онъ же и Титовъ именовашеся, и начаша его вопрошати: «Есть ли де у васъ въ посадскихъ людехъ или въ иномъ какомъ чину ревнители о старой вѣрѣ, чтобы были искусные люди божественному писанію и умѣли бы сложить челобитную о старомъ благочестіи и отвѣтъ дати патріарху и властемъ?» И онъ сказалъ: «Слышалъ де отъ своея братіи, посадскихъ людей, обрѣтаются божественныхъ писа-

*) По раскольничьей рукописи настоящаго столѣтія. *Ред.*

ній сказатели и добрѣ вѣдущіе законъ христіанскія правыя вѣры и могутъ отвѣтъ дать патріарху и властемъ». О таковомъ дѣлѣ начаша его моленіемъ молити, чтобы онъ таковыхъ людей къ нимъ въ полкъ привелъ, и онъ, Симеонъ, возвѣстилъ о томъ братіи своей — Никитѣ Борисову, Ивану Иванову сыну Курбатову и Саввѣ Романову, келейнику прежде бывшу въ монастырѣ у архимандрита Макарьевскаго на Желтыхъ Пескахъ, чтобы они о томъ дѣлѣ порадѣли и стрѣльцы де зѣло хотятъ постоять за старую православную вѣру. И они о томъ межъ себя подумали по Апостолу: «аще, братіе, каменіе возопиша, паипаче же намъ не подобаетъ таковаго великаго дѣла въ забвеніе полагати и отрицатися, на сіе бо и звани есмы.» И обрѣтохомъ новаго Илію, ревнителя по отеческихъ преданій и догматахъ, благоговѣйна инока, искусна во ученіи и твердаго адаманта, отца Сергія. И возвѣстиша ему о всемъ, яже сказа намъ Симеонъ. Онъ же, воздохнувъ, прослезился и рече къ нимъ: «Мнѣ мнится, братіе, необратное имъ пришло паденіе, понеже застарѣла въ нихъ ересь и злоба велика въ нихъ возрасте; токмо подвигнемся, писано бо есть: «проповѣди ради благочестію точію да будетъ ти брань»; и паки: «вся твори, кромѣ еже не повредитися благочестію». И пондохомъ въ домъ Никиты Борисова, и положихомъ начало и благословихомся у отца Сергія и начахомъ писати челобитную о старой православной христіанской вѣрѣ отъ божественныхъ писаній отъ лица всѣхъ полковъ и черно-слободцевъ. Тутъ же пришелъ и Павелъ Захарьевъ, и въ другій день, Богу помогающу, совершихомъ челобитную. При часѣ 11-мъ того же дня совѣщахомся и пріидохомъ къ вышереченному Симеону Иванову. Онъ же скоростію тече въ Титовъ приказъ и сказа патисотному, именемъ Ивану: «По вашему де, приказу ходилъ азъ и возвѣстилъ посадскимъ людемъ, и они де съ радостію, написавъ челобитную, пришли ко мнѣ, и вамъ велѣли вѣстно учинить про себя». Онъ же Иванъ, слышавъ, радъ бысть о семъ; взявъ съ собою двоихъ стрѣльцовъ Никиту Юрьева Колчу да Авдѣя Артемьева, пятидесятника, и пріидоша къ нему Симеону на дворъ. Сергій же встрѣтивъ и давъ ему о Христѣ цѣлованіе, и сѣдоша на малъ часъ, таже глаголи ему Сергій: «Слышахъ, братіе, доб-

рое ваше произволеніе, еже хощете попещися о старой благочестивой христіанской вѣрѣ, писано бо есть: «изводяй честное отъ недостойнаго, яко уста моя есть», глаголетъ Господь; и вы Господа ради попецытеся о толико душъ погибающихъ въ мірѣ семъ отъ нынѣшнихъ новыхъ книгъ, понеже вкоренившася въ нихъ многія ереси; а возбраняющаго нѣсть, кромѣ Бога. И вы, братіе, насъ въ поруганіе по прежнему, не дайте, якоже и братію нашу жечь да мучить, но будите готовы обличати ихъ новую вѣру. Аще будетъ, ради мы и кровь свою проліять за старое благочестіе». Пятисотенный же, слышавъ отъ старца глаголемое, радъ быть, и рече: «Мы, честный отче, ради также съ вами заедино помереть за старое благочестіе, а что ты рече—не дайте насъ по прежнему въ поруганіе жечь и мучить, и мы вкратцѣ скажемъ, что будетъ намъ, и то и вамъ». Сергій же поклонися ему до земли, и повелѣ Саввѣ челобитную прочесть предъ ними. Они же, слышавше, удивишася: «мы-де во днѣхъ своихъ не слыхали таковаго слогу и толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ». И взяша съ собою челобитную, и, благословившеся у старца, поидоша вси въ приказъ. Пятисотный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ и иніи, подумавше, послаша деньщиковъ по слободамъ и созваша всѣхъ стрѣльцовъ на съѣзжу избу. Они же скоростію сошедшеся, и посадскихъ тутъ много пришло, и заставиша сотеннаго ихъ полку чести вслухъ всѣхъ. Сотенный же неискусенъ божественному писанію, чтетъ и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ, и тупо гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же перестать ему велѣли; иного поискавше, и нѣсть такова человѣка и принудиша ту Савву чести. Онъ же исперва отрицался, они же съ моленіемъ понудиша его; онъ же начатъ чести и толкомъ ереси разсказывати. Они же прилѣжно слушавше, инози же и плакаху. Егда же прочелъ челобитную, тогда вси единогласно возопиша: «Надобно, братіе, лучше всего постоять за старую православную христіанскую вѣру, и кровь свою проліяти за Христа Свѣта, всѣмъ намъ нужно сіе дѣло: за тлѣнное было головы своя положили, кабы Владыка не помогъ, а за Христа Свѣта для чего не умереть?» И челобитную у насъ взяли къ себѣ въ приказъ и списали, а подлинную опять намъ отдали.

И возвѣстиша о семъ боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому. Онъ же радостенъ бысть о семъ зѣло, и вопроси ихъ: «Есть-ли, де, братіе, кому отвѣтъ дать противу властей? Велико дѣло божіе сіе, надобно люди бы ученые были». И они ему сказали: «Есть-де, царскій боярин, у насъ инокъ зѣло искусенъ божественному писанію и посадскіе люди многіе на сіе дѣло тщатся». Онъ же рече имъ: «Приведите ко мнѣ на домъ инока и посадскихъ людей, кои есть, да и сами пріидете съ ними». Они же пріидоша въ домъ ко иноку и братіи и сказаша: «мы-де о семъ дѣлѣ возвѣстихомъ боярину, онъ же радостенъ бысть, и о васъ сказахомъ по именомъ, и повелѣлъ вамъ къ себѣ придти на домъ: я-де самъ съ ними побесѣдую». И послѣ обѣда того же дни пошли выборные проповѣдывать, и боярин еще не бывалъ домой. Они же, шедше вверхъ, возвѣстиша ему: «какъ-де государь прикажешь иноку и посадскимъ людемъ къ себѣ прійти?» Онъ же рече: «Въ другой день послѣ обѣда». Они же и на другой день о часѣ 4-мъ, поимши отца Сергія и прочихъ братій, христіанскаго закона ревнителей, и пріидоша къ боярину. Боярин же видѣлъ ихъ и велѣлъ людемъ своимъ честно стрѣтити. Они же встрѣтиша ихъ и отведоша во отходную палату, и ждахомъ его тутъ въ палатѣ, яко 3 часа. И боярин отпусти гостей, пріиде къ намъ и поклонися отцу Сергію до земли и глагола ему: «Коея ради вины пріиде къ намъ честный отче?» Отецъ же рече ему: «По приказу твоему пріидохомъ возвѣстити тебѣ о старой христіанской вѣрѣ, въ нейже мы воскормлены нелестнымъ млекомъ отъ сосецъ матери нашея святыя соборныя и апостольскія восточныя церкве, въ ней же вси святіи наши россійскіе чудотворцы Богу угодили и вси благочестивые цари и святѣйшіе патріархи;—и принесохомъ къ твоему боголюбію челобитную на патріарха и властей, въ нейже описаніе многихъ ересей, что содержатъ въ себѣ новыя книги, и за что они власти насъ, не держащихъ ихъ новую латино-римскую вѣру, проклинаютъ и отъ церкви отлучаютъ, и еретиками называютъ, и за что они старопечатныя книги отриновены сотвориля и изъ церкви божіей изринуша, аки непотребни суща, и что въ нихъ ереси и хулы на Бога и Святыхъ Его, иже бы власти въ томъ имъ отвѣтъ дали на письмѣ. Мы же,

Богу поспѣшествующу, ереси ихъ въ новыхъ книгахъ до конца обличимъ». Боярынъ же рече: «Азъ и самъ грѣшный вельми желаю, чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и нематежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизмѣнно держу старое благочестіе и чту по старымъ святымъ книгамъ и воображаю себѣ на лицы своемъ крестное знаменіе двѣма персты». И нача чести символъ православныя вѣры: «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго». И рече: «Тако вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнія новыя никоновы нѣкія вѣры. Самъ бо Господь пречистыми Своими усты рече: «просите и дастся вамъ, ищите, и обрящете, толцыте и отверзется вамъ; всякъ бо просяй пріемлетъ и ищай обрящетъ, и толкущему отверзется: и вся елика просите въ молитвѣ, пріимите». И паки: «живу Азъ, глаголетъ Господь, не хощу смерти грѣшнику, но обратитися и живу быти ему»; и паки: «не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе». И много изрекъ отъ божественныхъ писаній. Сергій же отвѣща къ нему: «Изволь, царской боярынъ, челобитную послушати». И велѣлъ чести челобитную, и слушающе прилѣжно и чудящеся о множествѣ ересей въ новыхъ книгахъ, и по чтеніи челобитныя вопросилъ: «Кто писалъ сію челобитную?» Сергій же отвѣща: «Азъ съ братіею сей потрудихомся, Богу помогающу намъ». Боярынъ же отвѣща: «Вижу тя инока, отче, смиренна и тиха и немногословна, и не будетъ тя съ таковое великое дѣло, надобно противъ ихъ ученому человѣку отвѣтъ держати». Сергій же отвѣща: «Азъ аще и немногословесенъ есмь, и не знаю клюкамъ ихъ и высокоумію, но токмо надѣюся на Сына Божія и вѣрую словесемъ Его, могущая и немудрыя умудрити во спасеніе. Самъ бо рекъ ученикомъ своимъ сице: «предъ владыки же и цари ведени будете Мене ради во свидѣтельство имъ и языкомъ; егда же предаютъ вы, не пецытеся, како или что возглаголете: не вы бо будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего глаголяй съ вами». Боярынъ же рече: «Истинно рекъ еси, невѣдомо, Духъ Святый кѣмъ подѣйствуетъ». Мы же сказахомъ ему и о Никитѣ суздальскомъ, соборномъ священникѣ, на него

же и *Жезла* книга сложена. Бояринъ же радостенъ бывъ и рече: «Знаю я того священника гораздо; противу тово имъ нечего говорить; тотъ уста имъ заградитъ, и прежде сего ни одинъ отъ нихъ противу его не можаше стати, но яко листвіе падоша. Я, братіе, радъ вамъ помогати, да мнѣ не за искусъ дѣло, и въ конецъ божественнаго писанія не знаю, и ихъ обличити умъ не осяжетъ; потому что мы измлада навыкли воинскому чину, а не духовному; а намъ сіе дѣло не за искусъ. А того себе не мните, что по прежнему казнить, да вѣшать, да въ срубахъ жечь: я вамъ въ томъ Бога свидѣтеля представляю, за то радъ стоять». Мы же отвѣщахомъ: «Государь, царской бояринъ! о томъ Бога молимъ и у тебя государя милости просимъ, не дай насъ по прежнему въ наруганіе, и порадѣй, государь, чтобы съ ними цари дали праведный судъ и свидѣтельство отъ божественныхъ писаній въ правду, а не по прежнему безвинно осудить да смерти предать: честь царева судъ любитъ, по писанію». Бояринъ же рече: «Да гдѣ вамъ хощется быть собору?» Мы же рѣхомъ: «Молимъ, государь, твое боголюбіе, чтобы быть собору на лобномъ мѣстѣ предъ всѣмъ народомъ и были бы тутъ цари государи, и благовѣрная царица Наталья Кирилловна и патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ. Буде не изволятъ они на лобномъ мѣстѣ, ино въ кремлѣ промежь соборомъ у Краснаго Крыльца, и повели государь быть собору въ пятокъ». Бояринъ рече: «Послушайте мене въ семъ, не изворотно быть собору въ пятокъ; понеже цари государи станутъ въ недѣлю вѣнчатися царскими вѣнцы, и вы не сдѣлайте великаго смятенія въ народѣ». Сергій же и выборные боярину рѣша: «Намъ, государь, царской бояринъ, то и хочется, чтобы цари государи царскими вѣнцы вѣнчалися во истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ ихъ латино-римской, и можно ли то дѣло отложить до другаго воскресенья?» Бояринъ же рече: «Невозможно никоимъ дѣломъ отложить, все приготовлено и служивымъ всѣмъ отповѣдь была къ нынѣшнему воскресенью; а въ томъ я вамъ свидѣтеля Бога представляю, что цари государи царскими вѣнцы станутъ по старому вѣнчатися, и служба будетъ по старому, по которой вѣнчали на царство царя Ивана Васильевича и сына его Ѳеодора Ивановича,—тоже вѣнчаніе

и имъ будетъ». Сергій и вси выборные рѣша: «Царской, государь, боярине! нестатно то дѣло, что ему патріарху вѣнчать уже по старому. На литургіи станутъ они причащатися государи, а литургію патріархъ станетъ служить по новому своему служебнику, а не по старому, по которому служебнику блаженный патріархъ Филаретъ Никитичь служилъ, и причастіе на пяти просфорахъ, на крыжахъ латинскихъ, а не на истинномъ крестѣ; а въ вѣнчаніи станетъ ихъ государей патріархъ уговаривать, чтобы имъ неизмѣнно стоять за новую вѣру заедино съ нимъ патріархомъ». Бояринъ же рече: «Да вѣдь де ему на царей тѣхъ государей не кабала взять, буди по вашему благому изволенію, что въ пятокъ собору быть». Мы же поклонившеся отъидохомъ во свояси. И въ тоже время прінде къ намъ инокъ Савватій, житіемъ Волоколамской пустыни. Въ день же пятничный въ 5-й часъ дни пондоша выборные вверхъ и возвѣстиша боярину: «какъ де государь изволитъ отцамъ пріити на соборъ?» Бояринъ же повелѣ пріити въ 7-й часъ тогоже дня, и возвѣстиша о томъ отцамъ. Егда же прінде 7-й часъ, и тогда призваша отца священника Стефана и молебная совершившо и благословившеся отъ него. И вземъ отецъ Никита честный и животворящій крестъ христовъ, а Сергій — святое евангеліе, а Савватій — страшный судъ и пріидоша къ Красному Крыльцу, и возвѣстиша о нихъ боярину. Бояринъ же повелѣ ихъ вести въ отвѣтную палату. Бѣ же народъ многъ ту собравшеся, мужеска пола и женска, по нихъ пріидоша, видяще таковое дѣло и недоумѣвающеся, глаголаху другъ къ другу: «что хощетъ быти?» Отцы же пріидоша въ палату и, помолившеся святымъ иконамъ, поклонишася ту сущимъ людемъ по обычаю и сѣдоша. По малѣ же времени прінде ту и бояринъ, князь Иванъ Андреевичь Хованскій; съ нимъ множество пришло дьяковъ и подъячихъ и всѣхъ чиновъ людей. Бояринъ же помолися, цѣлова честный крестъ и святое евангеліе и вопроси ихъ: «Коея ради вины пріидосте, отцы честніи?» Никита же священникъ отвѣтъ даетъ боярину: «Пріидохомъ здѣ великимъ государемъ побить челомъ о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы велѣли патріарху и властемъ служити по старымъ служебникамъ, такоже и книги всѣ бы были во святыхъ церквахъ

старыя и служили бы на 7-ми просфорахъ, а къ воображенію святаго Агнца на просфирахъ былъ бы крестъ истинный трисоставный, а не крыжъ двучастный, и да расторгнется хула на Бога и на святыхъ Его, такоже и въ людехъ да не будетъ мятежа, но подастъ Господь тишину велію. А буде патріархъ не изволитъ по старымъ книгамъ служити, они бы великіе государи велѣли ему патріарху съ нами, богомольцами своими, дать праведное свое разсмотрѣніе отъ божественныхъ писаній: что онъ патріархъ по тѣмъ старымъ книгамъ не служитъ и нынѣ возбраняетъ; и какъ они богочтецы, ревнуя по отеческихъ догматѣхъ истиннаго закона, по тѣмъ старымъ книгамъ чтутъ и поютъ, и онъ патріархъ тѣхъ людей проклятію предаетъ и въ дальняя заточенія засылаетъ, а Соловецкій монастырь велѣлъ вырубить, и за ребра перевѣшать и на морозѣ переморозить; и за что они тѣ старыя книги отриновенны сотворили и въ церкви божіей аки непотребныя? и есть ли въ нихъ какія ереси, или какая неисправа, и что въ нихъ есть хулы на Вышняго Бога и Пречистую Его Богоматерь и на Святыхъ Его? и благочестивы ли были, они по нихъ служили и пѣли, прежніе цари и великіе князи и святѣйшіе патріархи, при коихъ печатаны, или не благочестивы были? И онъ бы патріархъ намъ богомольцамъ вашимъ во всемъ томъ отвѣтъ далъ на письмѣ, а мы, богомольцы ваши, въ нихъ новыхъ книгахъ всякіе затѣи и многія ереси ихъ, Богу помогающу намъ, въ конецъ обличимъ». Бояринъ же имъ рече: «Я-де и самъ желаю истину увѣдѣти, и чту и пою и вѣрую по старымъ книгамъ, какъ святая соборная и апостольская церковь содержитъ,» и много изрекъ отъ божественныхъ писаній, и прочте символъ по старому, такоже и слагаше крестное знаменіе по преданію святыхъ отецъ двѣма персты. И вопроси ихъ: «Есть ли у васъ о томъ челобитная?» Они же сказаша ему: «Есть, государь, и двѣ». Онъ же рече: «Приказали де государи царя челобитную взять и прочесть». И рече Никита: «Да какъ, государь, царской боярину, возмешь у насъ челобитную, а намъ безъ нихъ что будетъ на соборѣ подать?» Онъ же обѣщася живымъ Богомъ: «Что паки къ вамъ принесу, а не учиню того, что не отдать. Когда же положилися на меня во всемъ, вѣрьте же ми не-

отложно». Они же подумавше промежь себе и даша ему челобитную. Онъ же понесе вверхъ къ царемъ государемъ, тутъ же и патріархъ былъ и слушалъ челобитную, и сошелъ къ намъ бояринъ безъ челобитныя. Отцы же начаша ему говорити: «что-де, государь великій боярин, челобитныя къ намъ не принесъ?» Онъ же обѣщася принести. Потомъ въ третій пріиде и челобитную принесе, и рече народу, кои тутъ предстоятъ: «Будетъ, де, противъ тоя челобитныя дѣла недѣли на 3, не токмо еще книги свидѣтельствовать; великое сіе дѣло божіе». Предстоящіи же рѣша: «Подай, Господи, избери что лучшее душамъ нашимъ христіянскимъ.» И сказалъ отцамъ: «Патріархъ де у царей государей упросилъ о семъ дѣлѣ до среды. Въ среду же приходите послѣ обѣдни». И отпустилъ ихъ въ домъ, идѣже пребывающе, и велѣлъ дать караулу 30 человѣкъ стрѣльцовъ ради обережки двора. Отецъ же Никита доложи боярину о преждереченномъ дѣлѣ: «Какъ де государь изволишь царей государей вѣнчать?» И онъ рекъ: «Я де вамъ говорилъ прежде сего, что царей государей станутъ вѣнчать по старому». Никита же: «Хорошо, еслибы патріархъ и литургію служилъ по старому на седми просфирахъ, а крестъ бы воображенъ былъ истинной, а не крыжъ». И боярин рече: «И вы-де велите испечи просфиръ воображенія старымъ крестомъ, я-де патріарху самъ подпесу, и велю служить по старому; а ты, отецъ Никита, тутъ же буди». И пріидоша отцы въ домъ, идѣже пребывше, и патріархъ увѣдавъ, зане служивые всѣхъ полковъ заедино хотяху за православіе стоять, убояся, да не будетъ лишенъ славы и сана своего, посылая по выборныхъ служиваго полку, воздавая имъ честь велію, и повелѣлъ поить ихъ разными питьями и подачи посылая имъ, также и дары великіе, чтобы не поборники были православію, и тако иныхъ слабоумныхъ улести въ свою волю. И на утріе въ субботу пріидоша отцы, Волоколамскихъ пустынь жители, отецъ Дороѳей и Савватій и Гавріилъ, и бысть радость велія промежъ ими; а посылали по нихъ Савву Бѣлевскаго. По утру рано въ воскресный день бысть голка велія въ Титовѣ приказѣ: пріидоша ко отцамъ служивые люди и сказаша: «Попъ де у нихъ новикъ, споруется отъ писанія, а у насъ де противъ него нѣкому оспорить, и зѣло де хулитъ и поноситъ старую

вѣру». Ревнители же благочестія идоша къ нему, онъ же училъ по кормчей книгѣ; а егда видѣ ихъ пришедшихъ, да и замолча, а самъ рекъ: «Время-де мнѣ обѣдня служить». Они же отъ него разыдошася. Никита же отецъ позелѣ нѣкоей вдовѣ искуснѣ просфиры испечи, и понесе ихъ въ соборъ. Народи же московстіи вси собравшеся и ждуще царей государей, и тѣснота бѣ велія въ людехъ, и другъ друга давляху утѣсненія ради; и не дойде отецъ Никита не токмо до боярина, но и до соборныя церкви, и возвратися ко отцамъ и рече имъ: «Простите, отцы: никоими мѣрами не допустилъ народъ до соборныя церкви, и я просфиры назадъ принесъ». Онъ же тѣ просфиры раздаше вѣрнымъ благословенія ради. И въ той день сотвориша царемъ-государемъ вѣнчаніе. Видѣвъ въ Титовомъ полку благоразумніи людіе, яко по улещенію патріарха не быть въ иныхъ полкахъ согласія о православіи, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку, и выбраша старыхъ стрѣльцовъ, пятидесятника Михаила Артемьева, Ивана Максимова, Егорья да Михайла и пріидоша ко отцемъ и благословившеся у нихъ съ челобитною ходити по приказомъ, руки прикладывать. Они же рекоша: «Богъ васъ благословитъ на такое великое дѣло: потружайтеся ради Сына божія, незабвенны будутъ труды ваши у него свѣта на небесѣхъ, и стопы ногъ вашихъ изочтени будутъ, сирѣчь, въ июже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ.» И поищемъ Саву ради прочитанія челобитныя, понеже по приказомъ нѣкому челобитныя честь. И въ той же день приложили руки къ челобитной 4 приказа, а на другой день 3 приказа, и тако приложиша руки 9 приказовъ, а десятое пушкари, и бысть между ими пря велика и брань: иніи хотятъ прикладывать, а иніи не хотятъ, обольстившеся патріархомъ, и говорятъ такъ: «Намъ-де за что прикладывать? мы де отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ и какъ руки приложить, такъ и отвѣтъ давать противу патріарха и властей; а старцамъ умѣть ли противу такова собору отвѣтъ дать? а они смутивъ, — да уйдутъ; а все то дѣло не наше, сіе дѣло патріаршее; мы и безъ рукъ рады тутъ быть, да стоять за православную вѣру и смотрить правду, а по старому де не дадимъ жечь да мучить». И на томъ служивые положили, что, и не приложа рукъ къ челобитной, стоять за одно всѣмъ и

дѣлать правду, а къ коей челобитной руки приложили, и ту челобитную положили въ Титовѣ приказѣ, запечатавъ, и велѣли подавать большую челобитную отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ, на 20 столпцахъ писана. Потомъ въ среду пріидоша къ нимъ выборные: «Честніи отцы! пойдемъ мы въ городъ и благословите вы насъ доложить боярину о томъ, какъ вамъ пріити на соборъ, въ коемъ часу и отповѣдь вамъ дадимъ, а безъ насъ вы не ходите.» И благословившеся у нихъ, пойдоша въ городъ и доложиша боярину: «Какъ-де государь, царской бояринъ, пріити отцамъ на соборъ и въ коемъ часу?» Бояринъ же, видѣвъ промежъ ими смятеніе и непостоянство, велѣлъ всѣмъ выборнымъ собратися вмѣстѣ и ждать себя въ отвѣтнѣй палатѣ. Они же собравшеся пріидоша въ отвѣтную палату. По малѣ же времени пріиде и бояринъ въ палату и рече имъ: «Приказали мнѣ цари государи васъ вопросить: всѣ ли вы полки заедино хощете стоять за старую христіанскую вѣру?» Они же яко едиными усты рекоша: «Мы, государь, царской бояринъ, вси полки и чернослободцы за едино рады стоять за старую православную христіанскую вѣру». Бояринъ же и во второе также вопроси ихъ; они же вси единѣми усты также отвѣщаша. Бояринъ же и въ третіе вопроси ихъ: «Что сказать царемъ государемъ, всѣ ли вы за едино хощете за старую вѣру стоять». Они же тоже вси отвѣчаша не токмо стоять, но умрети ради за старую православную вѣру. Бояринъ пойде вверхъ, и сказа царемъ государемъ, что служивые сказали: «не токмо стоять, но умрети ради за старую православную вѣру». Цари же послаша его къ патріарху и служивые посадскіе многіе тутъ были. И егда пріидоша къ патріарху, бояринъ же пошелъ въ крестовую, а выборныхъ и посадскихъ оставиша въ сѣнѣхъ; и патріархъ выборныхъ всѣхъ велѣлъ взять на погребъ и приказалъ поить довольно водками и краснымъ питіемъ и медомъ. Они же, напившеся зѣло пьяне, пришли въ сѣни къ патріарху и тутъ кои ревнители православія лукавое смышленіе ихъ вельми непостоянно видятъ, что ничтоже наше успѣваетъ, но паче молва бываетъ. И по малѣ часѣ велѣлъ бояринъ идти выборнымъ и посадскимъ въ крестовую, и выборные, кои пьяны, вѣрнымъ рекоша: «Уже-де-какъ станете отвѣчать патрі-

арху и властемъ?» И вышелъ тутъ патріархъ и власти; и выборные пошли къ рукѣ, изъ правовѣрныхъ же ни одинъ не пошелъ. Бѣ же народу полна палата патріаршая крестовая. Нача патріархъ вопрошати: «Чесо ради, братіе, пріидосте къ нашему смиренію, и чесо отъ насъ требуете?» Боярин же отвѣща къ патріарху: «Пришли-де, государь, святѣйшій патріархъ, къ твоему благословленію всякихъ чиновъ люди, надворная пѣхота великихъ государей всѣхъ полковъ, и солдатскаго строю выборнаго полку, и пушкари всѣ, и чернослободцы и посадскіе люди о исправленіи стараго благочестія православныя вѣры христіанскія побить челомъ; и какъ служили при великихъ князехъ россійскіе чудотворцы и святѣйшіе патріархи, по тѣмъ же бы по старымъ книгамъ и нынѣ бы такожде служба была въ соборной и апостольской церкви единогласно и немятежно, по апостолу: «единъ Господь, и едина вѣра, едино крещеніе и единъ Богъ Отецъ всѣхъ»; и паки: «даждь намъ Владыка едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречистое и великолѣпное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь». Того ради пріидоша къ твоему благословенію». И молчаніе бѣ не малъ часъ, и повелѣлъ Хованскій стрѣльцамъ говорить. И сталъ говорить выборный Алексѣй Іюдинъ, Воробина приказу: «Мы, государь святѣйшій патріархъ, пришли къ твоему благословенію о свидѣтельствѣ божественныхъ писаній, и за что старыя книги, печатанныя при великихъ государехъ царѣхъ и при святѣйшихъ патріарсѣхъ, отринуты, и какія въ нихъ пріобрѣтаются ереси, и намъ бы про то вѣдомо было.» Патріархъ сталъ говорить: «Чада моя и братія! вамъ не подобаетъ судити и простаго человѣка, колми паче архіерея святыхъ апостолъ правила возбраняютъ и отъ церкви святіи отцы отлучаютъ и вѣчнѣй клятвѣ предаютъ, аще не престанутъ отъ таковаго начинанія. А вы простаго чину и воинскаго, и вамъ сіе дѣло не за искусъ; но нашею архіерейскою властію разрѣшается и вяжется. Мы на себѣ христовъ образъ носимъ; такоже и азъ пастырь, а не наемникъ, дверьми вшелъ, а не чрезъ ограду, и не самъ азъ на себя такую великую тяготу восхитилъ и докупилъ на апостольскій престолъ, но избранъ есмь повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя и бла-

гословеніемъ всего освященнаго собора; а не противъ моея силы такую тяготу великую на мя возложиша и съ нуждою на сей архіерейскій престолъ возведоша; и азъ за послушаніе такую великую тяготу на себя восхитилъ, и азъ аще и недостоинъ, но пастырь есмь, и того ради подобаетъ вамъ повиноватися и учителемъ и священникомъ, наипаче же архіереомъ и не судити ихъ, аще и житіе имать укоризное. И паки апостолъ глаголетъ: «повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся»; и на се Златоустъ глаголетъ съ прещеніемъ: «А ты ли ниже повиноватися хощеши? Онъ тебѣ ради бдитъ, тебе ради молитъ, за тебя стоитъ Бога просяй, тебе ради молитвы творитъ во всякомъ прошеніи. Вы же нынѣ намъ прекословцы являетеся не токмо намъ, но господнимъ словесемъ глаголющимъ святымъ Евангеліемъ: «слушаяй васъ Мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, Мене отметается». Вы же къ тому глаголете: «у насъ вѣра зла», и Никона бывшаго патріарха называете еретикомъ и сущаго врага святыя соборныя церкви, а онъ не еретикъ былъ и не врагъ святыя соборныя церкви; аще и сана изверженъ, не за вѣру или догматы церковные, но за свое безчиніе и непокорство, згордися самъ оставилъ престолъ свой; а у насъ онъ никакого поврежденія вѣрѣ не учинилъ. А у насъ вѣра православная и святыми апостолы проповѣданная и святыми отцы утвержденная и мученическою кровію запечатлѣнная, стараго православія греческаго закона, въ нейже и святіи отцы Богу угодиша, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ россійскихъ харатейныхъ книгъ, и святѣйшіе вселенскіе патріархи повелѣніемъ великаго государя и всего освященнаго собора на то призвани быша киръ Паисій, александрійскій папа и судія всей вселенней, и Макарій антіохійскій; они же наипаче исправиша и утвердиша и повелѣша православнымъ христіаномъ креститися тремя персты во образъ Святыя Троицы, а не послѣдующихъ ихъ исправленію проклятію предаша. И мы сіе не сами завели отъ себе, но отъ божественныхъ писаній исправихомъ и послѣдуемъ имъ, святѣйшимъ патріархамъ, и сами себѣ погибели не хощемъ и вамъ также не совѣтуемъ». И выборные на отвѣтъ поставиша передъ патріархомъ Павла Даниловца, да Павла Захарьева, и Савву Романова и повелѣша противу

его отвѣщать. Павелъ же Даниловецъ исперва поклонился ему до земли и нача глаголати со смиреніемъ и тихими глаголы: «Въ правду, святѣйшій владыко, рекъ, что вы на себе христовъ образъ носите и вамъ должно есть намъ повиноватися. Спаситель нашъ Христосъ смиренія образъ во всемъ показалъ и Самъ рекъ пречистыми усты: «научитеся отъ Мене. яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ», а не струбами и огнемъ и мечемъ грозилъ. Яко ты глаголеши: образъ христовъ носите, а житію христову не послѣдуете. И апостолъ рекъ: «повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ». И на се Златоустъ толкуетъ: «что убо, рече, егда золъ, неповинуешилися? золъ како глаголеши? аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся, не точію аще человѣкъ былъ бы, но аще ангелъ, съ небеси сшедшій»; рекъ Павелъ: «но аще азъ, или ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ», сирѣчь, аще и малое что подвигнуть, анаѳема да будетъ. И паки Галатомъ пишетъ: «чуждуся яко тако скоро прелагается отъ звавшаго васъ благодатію христовою во ино благовѣствованіе». И мы таковаго апостольскаго запрещенія и проклятія боимся отъ писанныхъ и малое что подвигнуть и паче мертвыхъ возстающихъ писанія быти достовѣрнѣйша; и достоинство лицъ не пріемлется, егда вѣру превращаютъ, или о истинѣ слово будетъ, сирѣчь, говорить о правдѣ не токмо предъ святители, но и предъ цари: понеже благочестія отступити Бога отступити есть, и ничтоже тако раздражаетъ—Бога, якоже церкви раздѣлятся, аще и безчисленная будемъ содѣлавше благая; что же сіе есть яко ниже мученическая кровь можетъ сего загладити грѣха». Патріархъ же къ нему рекъ: «Да статное ли дѣло, что вамъ архіерея судить? Вы Никона патріарха называете блудника и прелюбодѣя, будто онъ бабъ блудилъ и дѣвокъ и молодыхъ ребятъ, и тѣмъ въ людѣхъ смущеніе творите и предаете святительскую власть, и тѣмъ чинъ святительскій ругаете. И то не ваше простолюдиновъ—архіерея судити, но нашей архіерейской власти о томъ разсмотрять и по правиломъ святыхъ отецъ отлучати и судити, ваше токмо повиноватися». Тогда Павелъ отвѣщалъ ему: «Не о семъ намъ, святѣйшій па-

тріархъ, слово; нѣсть намъ о семъ глаголати. Слыши бо самаго Спасителя нашего Христа, глаголющаго: «на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисеи». Вся убо, елика аще рекутъ вамъ творити, творите; по дѣломъ же ихъ не творите; имутъ, рече, санъ, но житія нечистаго. Но не житію, но словесемъ внимай: нрава бо ради ничтоже повреждается». И Златоустъ глаголетъ, яко подобаетъ повиноватися учителемъ и священникомъ и не судить, аще и житіе укорное имутъ; аще же о вѣрѣ погрѣшаетъ, тогда не подобаетъ покоратися имъ, но и бѣгати и судити ихъ.» А епископу подобаетъ, рече апостолъ, безпорочну быти, якоже божію строителю, не дерзу, не напрасливу, не піяницѣ, ни убійцѣ, но боголюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержащемуся вѣрнаго словеси во ученіи.» А на се слово Златоустъ рече: «а иже не вѣдый о правомъ учити ученіи, далече да будетъ престола учительска». И паки: «таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ, безскверенъ и отлученъ отъ грѣшникъ, сирѣчь, нелукавъ, непропырливъ»; и паки: «пасите еже въ васъ стадо божіе не съ нуждею, но волею и по Бозѣ, ниже неправедными прибытки, но усердно, не яко обладающу причту, но образъ бывающе стаду». А что мы, свитѣйшій патріархъ, Никона называемъ еретикомъ и сущаго врага святыя апостольскія церкви восточныя: что онъ Никонъ егда исперва на престолъ взыде, то онъ учинилъ въ церкви расколъ и взялъ отъ папы Формоза римскаго костела и повелѣ христіаномъ тремя персты креститися, а не крестящихся тремя персты всякимъ томленіемъ повелѣлъ мучити отцевъ и братію нашу, да и вы по немъ тоже творите; да и въ молитвѣ Сына Божія не повелѣлъ глаголати. И то, государь святѣйшій патріархъ, какая ересь и хула, что двѣма персты креститися, исповѣдывать божество и человѣчество, и въ молитвѣ Сына Божія глаголати, и за что за то жечь въ струбахъ да пытать?» И патріархъ рече: «Мы за крестъ и молитву въ струбахъ не жжемъ и не пытаемъ; мы за то жжемъ, что насъ еретиками называете и не повинуетеся святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви; а кто какъ хощетъ, такъ и крестится,—двѣма ли персты, трема ли, или всею длапію, то все едино, лише бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ не

истязуемъ». Павелъ же рече: «Святѣйшій Владыко! да не едино онъ сіе разрушилъ, но многія ереси ввелъ въ церковь божію, и книги старыя, по коимъ святіи отцы наши Богу угодили, всѣ исказилъ, испревратилъ на свой разумъ и, вкратцѣ молвить, что ни содержала святая соборная и апостольская церковь — преданіе святыхъ отецъ, писанное и неписанное, то все онъ Никонъ нарушилъ и превратилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ Россіи лѣтъ семь сотъ, отъ Владимірова крещенія до него Никона, не бывало. А до того намъ какое дѣло—архіерея судити; а кто какъ живетъ, блудникъ или пѣвница, или лихоимецъ, кождо отъ своихъ оправдится, или осудится; кто что посѣетъ, тотъ то и пожнетъ; намъ про то скверно говорить неподобно». Тутъ стало патріарху за великой стыдъ, что не ладно молвилъ. Павелъ же много изрекъ отъ божественныхъ писаній; патріархъ же и власти всѣ стоятъ молча, повѣся головы. Павелъ же рече ко властемъ: «Власти государи! помогайте архіерею тому божію говорить съ нами; видите ли онъ изнемогъ, а вы его не перемѣните». И патріархъ спросилъ: «Какъ тебя зовутъ?» «Меня, государь, Иваномъ зовутъ». — «Изнемогъ де, Иванушко, потому что дни три не ѣдалъ». И боярин Павла зѣло похвалилъ: «Не чаялъ де въ васъ такова человѣка». И спросилъ у Савы, стрѣлецъ ли онъ, или посадской? И я ему сказалъ: «Съ посаду де, государь, овчинныя слободы». Сталъ говорить Крутицкій митрополитъ Варсонофій: «что де все вы говорите, а святѣйшему патріарху не дадите единаго слова выговорить». И Павелъ: «Изволь де государь, говори ты». И сталъ патріархъ тѣ же рѣчи говорити: «и де до меня заведена новая вѣра, по совѣту и благословенію святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ исправили съ греческихъ книгъ: здѣ изъ святыя горы много греческихъ старыхъ книгъ привезено, а я на готовое пришелъ». И Сава противу ему рекъ: «Мы, святѣйшій патріархъ, въ томъ на тебя и не сѣтуемъ, что ты завелъ новую вѣру; испревратилъ вѣру христіанскую Никонъ, бывшій патріархъ, да чернецъ Арсеній еретикъ». «Не еретикъ былъ Арсеній, но истинный православный христіанинъ и сынъ святыя восточныя церкви». Сава же отвѣща: «Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ блаженныя памяти при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и при святѣйшемъ

патріархѣ Іосифѣ пріѣзжалъ въ царствующій градъ Москву вселенскій патріархъ Паисій іерусалимскій и привезъ черица Арсенія, родомъ грековина. И егда поѣха вселенскій патріархъ во свою землю, и тотъ чернецъ утаився и скрывся отъ своего патріарха, хотя здѣ плевелы всѣять въ православную нашу христіанскую вѣру. Той же вселенскій патріархъ Паисій писалъ съ пути блаженныя памяти къ великому государю, царю и великому князю Алексію Михайловичу и ко святѣйшему Іосифу патріарху про того черица Арсенія, что онъ еретикъ и въ жидовскомъ обрѣзаніи, и вѣрѣ христіанстѣй конечной врагъ, чтобы ему въ царствующемъ градѣ Москвѣ просто жить не велѣлъ, и держать бы въ крѣпи, потому что онъ многи грады возмутилъ и вѣру христіанскую испревратилъ по своему еретическому умышленію, а не по преданію святыхъ отецъ. И того ради великій государь и святѣйшій патріархъ велѣли того черица сыскать и сослать въ Соловецкій монастырь въ заточеніе. И по указу великаго государя и святѣйшаго патріарха посланъ былъ въ Соловецкій монастырь новогородскій митрополитъ, бывшій патріархъ, ради мощей иже во святыхъ отца нашего Филиппа митрополита московскаго чудотворца. И обхождаше тамо вся службы и больницы, посѣщаше братію, и увидѣвъ его чернецъ Арсеній возопи гласомъ великимъ: «Святѣйшій патріархъ Іосифъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ успе, а намѣстникомъ де быть послѣ него тебѣ, великому государю». Никонъ же за сіе слово взя его съ собою къ Москвѣ, и егда воспрія патріаршества престолъ, взя его къ себѣ въ келлію, и потомъ въ казначеи; и паки потомъ учини его быть первымъ справщикомъ на печатномъ дворѣ, и далъ ему волю въ книгахъ. Онъ же самую первую головную книгу, по которой священнодѣйство совершается, еже есть служебникъ, испревратилъ по своему суетному мудрованію, а не по святыхъ отецъ преданію, потомъ октоихъ, евангеліе, и просто молвить, что ни содержитъ соборная и апостольская церковь, то все нарушилъ и исказилъ, будто и слѣду благочестія у насъ въ россійскомъ царствѣ отнюдь до сего не именовалося. А ты что, святѣйшій патріархъ, изволилъ говорить про нынѣшніе вселенскіе патріархи, что де они, къ намъ пріѣхавъ, вѣру испра-

вили съ греческихъ старыхъ книгъ, и у насъ прежде сего въ россійскомъ государствѣ палестинскихъ патріарховъ бывало много, наипаче же начальнѣйшій и глава всѣмъ Іеремія цареградскій и Ѳеофанъ іерусалимскій, и ни въ чемъ нашея православныя вѣры не хулили и двоихъ блаженныхъ и приснопамятныхъ отецъ нашихъ, святѣйшихъ патріарховъ Іова и Филарета, государству на архіерейскій престолъ хиротописаша, глаголюще: «ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересію; вторый Римъ, еже есть Константинъ градъ, падеся, отъ агарянскаго насилія изсякло благочестіе; московское же государство третій Римъ именовашеся». И завсегда въ соборнѣй и апостольстѣй церкви у вечерни и заутрени были и чинъ уставъ соборныя церкви видѣли, сами съ нашими патріархи божественную литургію служили; и аще бы было кое прегрѣшеніе и неисправленіе въ книгахъ или въ церковномъ чину и поступкахъ напротивъ ихъ греческаго закона, они бы о семъ святѣйшіи патріархи нашимъ патріархамъ воспретили, исправили, кое непротивъ ихъ печатныхъ книгъ. Да и сами о себѣ свидѣтельствовали, что у нихъ въ Грецѣхъ отъ насилія агарянскаго благочестіе изсякло, и нѣсть нигдѣ, кромѣ московскаго россійскаго государства: и о томъ свидѣтельствуетъ книга кормчая. И премудрый Максимъ Грекъ во своей книгѣ пишетъ сице: «Егда плѣненъ бысть Царьградъ отъ Агарянъ, и тогда нѣціи боголюбивіи, собравше вся греческія книги, хотяще цѣло соблюсти благочестіе, отплыша въ Римъ къ папѣ. Папа же съ радостію пріятъ у нихъ книги, бѣ бо отъ многъ лѣтъ ждаше; и повелѣ перевести на свой латино-римскій языкъ; греческія же переведенныя повелѣ огнемъ сожещи; и оттолѣ начаша печатати книги Грекомъ въ Венецѣи и въ Австріи и многія ереси въ нихъ внесоша». А нынѣшнія власти, вселенскіе патріархи, пріѣжжали въ московское государство не вѣры исправлять, но злата и вещи собирати, и учинили лишь раздоръ церкви божіей великій; и не крестящихся тремя персты по ихъ мудрованію проклятію предавати, и огнемъ сожигати и всякимъ томленіемъ житія человѣческаго лишати. И отъ того времени и мятежа великаго и до нынѣшняго дне здѣ въ московскомъ государствѣ и по многимъ городамъ христіанская безвинно кровь

проливается; и мы о семъ молимъ твое боголюбіе: разрѣши сомнѣніе и мятежъ душамъ христіанскимъ, и соедини церковь божію, да не проливается напрасно кровь христіанская. Вы мняще за Христа убиваете, а тѣ любители стараго православія души своя Христа ради полагаютъ, да вѣчно съ Нимъ царствуютъ». И тутъ патріархъ отвѣту ничего не далъ и азъ, отступивъ отъ него, и сталъ близь митрополита нижегородскаго. И митрополитъ ко мнѣ рекъ: «Вы о чемъ стязуетеся? мы никогда за крестъ и молитву не жжемъ, но за ихъ непокорство, что возмущаютъ народомъ въ церкви не ходить и не исповѣдываются у священниковъ, и тѣмъ множество народу отъ церкви отлучили». И Савва противу его рекъ: «Да правду ли, владыко, рекъ, что за крестъ и молитву не жжете? чесоже ради, какъ приведутъ предъ васъ коево христіанина, и въ первыхъ вопрошаете: «какъ крестишься и какъ молитву творишь?» Христіанинъ молвитъ: «я де молитву творю и крещуся по старому, якоже святая соборная и апостольская церковь пріяла отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ седми вселенскихъ соборовъ». И вы за то пытали, да жгли, да его же въ тюрьму. Да у тебя же въ Нижнемъ подъ Ивановскою башнею выкопана яма сажень съ десять, и тутъ сидятъ и донынѣ три человѣка за крестъ и молитву. И по твоему приказу пріѣзжалъ Мироносицкій попъ Евѳимей, изъ ямы велѣлъ ихъ вынять и самъ распрашивалъ: «повинуетеся ли соборнѣй и апостольстѣй церкви и преосвященному митрополиту и хощете ли исповѣдатися и причаститися?» Они же въ первыхъ къ нему къ благословенію пошли и потомъ рекли: «Мы во всемъ повинуемся соборнѣй церкви и митрополиту и хощемъ повиноватися и причаститися и по прежнему прекословити не станемъ, только де не отметай у насъ креста да молитвы по старому». И попъ Евѳимей тебѣ о томъ возвѣстилъ: «во всемъ де, государь, повинуются и по прежнему прекословить не хотятъ, только молитвы да креста не измѣняютъ». А ты ихъ въ туже яму велѣлъ бросить». И митрополитъ: «Да то де не я посадилъ: присланы по государскому указу безъ меня, и какъ изволитъ съ ними государь». И я противу ему рекъ: «Да ты чрезъ государской указъ дѣлаешь, а государской указъ: буде кто повинну принесетъ, ино

его выпустятъ или подъ началъ отдадутъ». И патріархъ на митрополита закричалъ и велѣлъ молчать: видитъ онъ, что неладно говоритъ; и митрополитъ за властей схоронился въ куть, да искусненько изъ-за властей и выглядываетъ, и Саву опознаваетъ; и велѣлъ новгородскому митрополиту спросить его имени, и онъ спросилъ: «Какъ де тебя зовутъ?» И я ему сказался Васильемъ. И нижегородскій митрополитъ призвалъ стрѣльца Титову приказу, да про него же вопросилъ: «Откуда де у васъ сей человѣкъ?» И онъ ему сказалъ: «Нашего де полку, первыя сотни сотникъ». ««А какъ зовутъ?»» «Зовутъ де его Васильемъ». И нижегородскій митрополитъ: «Знаю я его, бывалъ де у насъ, и нашъ де онъ скормленикъ, да нынѣ намъ врагъ сталъ». А новгородскій митрополитъ много съ нимъ говорилъ отъ божественныхъ писаній, и говоритъ ему: «Я де и самъ, Васильюшко, прежде сего много сумлялся о семъ дѣлѣ, да и нынѣ во мнѣ сомнѣніе великое». И въ концѣ онъ о старомъ благочестіи знаетъ; и служивые тутъ стали говорить: «Вотъ де патріархъ противъ двоихъ человѣкъ отвѣту не далъ, лишь только де насъ виномъ да медомъ поить знаетъ, — а намъ де противъ правды стоять будетъ». И Хованскій послѣ тоя бесѣды и выборные пошли къ патріарху къ благословенію, а ревнители правовѣрію ни единъ не пошелъ; единъ лишь Павелъ Даниловецъ пришелъ къ патріарху. Патріархъ протянулъ руку, хощетъ благословити по новому. Павелъ же сталъ говорить: «Нѣтъ де, государь, святѣйшій патріархъ, буде благословишь ты меня по старому, и я радъ отъ тебя благословеніе воспріять». Патріархъ же рекъ: «Когда де будетъ время, тогда и благословлять буду по старому, а нынѣ еще не почалъ». И тако пойдоша вонъ боярин и выборные. Боярин же нача Павла во главу цѣловати, и зѣло похвалилъ: «не зналъ де азъ, малой, тебя до сея поры». Патріархъ еще упрошалъ сроку до среды собору быть; и въ суботу по утру выслалъ попа Саву, иже искусенъ и школьному ученію, и нача учити народъ по Кириллову Евангелію Трансвіліонову и тремя персты креститися, и зѣло на старую вѣру хулу возлагаше. Народи же того попа каменіемъ побиша, еле жива оставиша, и черница у Москворѣцкихъ воротъ бища довольно. И бысть на всѣхъ властей страхъ и

власти иныя начаша благословляти по старому; а кои по обычаю своему благословляютъ и увида коихъ ревнителей благочестію и боящеся, отнюдь удерживая себе, и не благословляху народъ. И съ того часа патріархъ и власти жезлы стали носить старые Петра митрополита;—слышаша въ народѣ глаголющихъ: «како де вы сими власти лукавы да и жезлы съ проклятыми и лукавыми зміями носите, прообразующихъ потребленіе нашея православныя христіанскія вѣры»; и того ради оставиша жезлъ съ проклятыми зміями. Народи же имъ чести и поклоненія отнюдь не воздающе и глаголюще: «когда будетъ у нихъ правая вѣра, и они бы о ней подвизалися и жезлы бъ не носили по своему обычаю съ проклятыми зміями; лише вездѣ видно ихъ непостоянство и мятежъ». И благовѣрная царица Наталья Кирилловна прислала нарочно Парасковью Павловну къ вѣрующимъ, чтобы соборъ былъ на лобнѣмъ мѣстѣ, и были бъ тутъ цари государи; и меня просили на соборъ, а въ соборную церковь никакъ не ходили бы, хотя и съ великимъ моленіемъ станутъ просити, чтобы шли въ церковь; а буде не пойдутъ на лобное мѣсто, что промежь соборомъ на площади и о томъ присылала трижды, чтобы въ церковь не ходили, такоже и въ Грановитую Палату: у нихъ де дьявольской вымыселъ есть надъ вами. И патріархъ разумѣ свое лишеніе и на соборъ не хощетъ идти и говоритъ боярину: «буде де изволятъ, и они бы принесли свои старыя книги—евангеліе и служебникъ, а мы также новыя свои, да положили бы въ раку къ Петру митрополиту, и тутъ знать будетъ, кои правы и не правы; заповѣдалъ бы постъ по всей земли, а соборную церковь запечатали бы царевыми печатьми, да патріарша и выборныхъ также и старцева печать: и о семъ станемъ молиться, да явятъ намъ святіи чудотворцы». И отцы боярину рѣша: «Буди по глаголу его; мы и тако рады, лишь бы правда была». И пришла сверху отповѣдь къ отцамъ: «Буде де изволитъ патріархъ класть въ раку Петра митрополита, и вы печатайте раки чудотворцовы, а не церковныя двери, а у нихъ такой вымыслъ есть, хотятъ внити потайными дверьми въ церковь и старыя книги изъ раки вонъ выкинуть; и повелите около церкви крѣпкой караулъ поставить человѣкъ по 100 на сутки».

И дошла та вѣсть патріарху, что отцы по его вымыслу не хотятъ дѣлать. Онъ же и сіе дѣло отложилъ, — не восхотѣлъ книгъ въ раку положити. По утру же рано въ среду пріидоша выборные ко отцамъ и рекоша: «Мы, отцы, по прежнему боярину о семъ дѣлѣ не станемъ докладывать, потому что они паки станутъ сроку просить; и мы вамъ вѣсть учинимъ, такъ и приходите». При часѣ же 6-мъ въ исходѣ пріиде служивой Михайло десятникъ и велѣлъ отцамъ идти на соборъ. Молебная пѣвше и благословившеся у отца Никиты и вземше крестъ и святое евангеліе и страшный судъ, предъ нимиже и свѣщи понесоша, благоговѣйно на соборъ пойдоша; такоже и божественныя книги на свидѣтельство и на обличеніе ересемъ нѣціи боголюбивіи людіе на главахъ своихъ несоша честно, съ благоговѣніемъ и на бережъ дано имъ 50 человѣкъ стрѣльцовъ. И по нихъ идоша множество народа, утѣсняюще другъ друга, видяще иноковъ всюду огражденныхъ смиреніемъ и страхомъ божіимъ, такоже и на главахъ ихъ образъ благоговѣнія—клобуки старые и покрытые очи до вѣждей, якоже ношаху прежніи святіи преподобніи отцы и дивящеся глаголаху: «не толсто де брюхо-то у нихъ, и не какъ нынѣшніи новаго завѣта учители». Егда же пріидоша въ Кремль, отцемъ не возбранища входъ, народу же воспретиша ни единаго человѣка пустити въ городъ. Народи же устремившеся и распалившеся любовію вси единодушно видѣти бывшее, стрѣльцы же не успѣша вскорѣ вратъ затворити, пройдоша во врата и пріидоша къ соборнѣй церкви. Благочестія же любители близь Архангела поставиша налои и на нихъ разослаша пелены и положиша честный крестъ, святое евангеліе и страшный судъ христовъ и образъ Пречистыя Богородицы и свѣщи предъ ними возжгоша. Бѣже часъ осьмый; а въ соборѣ еще къ обѣдни звонятъ, а въ мірскихъ давно отпѣли. Патріархъ же спущая время для того, дабы ему не свидѣтельствовать предъ народомъ книгъ: и отошла обѣдня во исходѣ 10 часа. А послѣ обѣдни выслалъ попа съ тетрадьми на обличеніе Никитино; объ одну ночь напечатали 160 тетрадей, какъ онъ, Никита, прежде сего повинную приносилъ, что впредь о старой вѣрѣ не бить челомъ и такова дѣла не вчинять. А самъ пошелъ въ келью хлѣба кушать. Попъ же вы-

шелъ изъ церкви, и самъ весь дрожаше. А послѣ откушанья своего патріархъ со властьми пріиде въ Грановитую Палату, выборные пойдоша вверхъ и доложиша боярину: «какъ де, государь, собору быть?» Бѣ же часъ 11-й. Боярин же доложи патріарху; патріархъ же велѣлъ отцамъ идти въ Грановитую Палату: «здѣ де будетъ царица, государи и благовѣрныя царевны: а тамъ имъ быть зазорно предъ всѣмъ народомъ». Выборные же пришли къ отцамъ и сказаша: «Патріархъ де велѣлъ вамъ идти въ Грановитую Палату, тутъ де будетъ царица государыня и царевны». Отцы же возвѣстиша народу о семъ, народъ же воззоша: «Чего ради патріархъ стыдится предъ всѣмъ народомъ свидѣтельство дать отъ божественныхъ писаній и старыя книги съ новыми свидѣтельствовать? подобаетъ собору здѣ быть, а въ Палатѣ невозможно никоими мѣрами; потому что много смятенія о томъ въ народѣ: овіи хвалятъ новую вѣру, а иніи старую, и они бы то сомнѣніе и мятежъ въ нашихъ душахъ христіанскихъ разрѣшили и книги бы старыя съ новыми свидѣтельствовали. А въ Палатѣ гдѣ толику сущу народу вмѣститися? и вы отцы святіи въ Палату не ходите; а царевнамъ государынямъ до сего дѣла нѣсть: достоитъ тутъ быти царемъ государемъ, а не царевнамъ». И отцы выборнымъ рѣша: «Изволь де, государь святѣйшій патріархъ, свидѣтельствовать святыя книги предъ всѣмъ народомъ, а мы въ Палату не идемъ, что невмѣстно будетъ толику народу во одину Палату собратися». Выборные же пойдоша вверхъ. Преждереченный же онъ попъ, иже посланъ патріархомъ изъ соборныя церкви, сталъ противу угла Грановитыя Палаты, и нача чести тетради на обличеніе Никитино; служивые же взяша его и приведоша ко отцамъ, а тетради хотѣли всѣ изодрать и его же также смерти предать. Сергій же отецъ возбрани имъ: «За что его бити? онъ де не самъ собою пріиде, но посланъ отъ патріарха»; и взялъ его Сергій къ себѣ и велѣлъ ему тетради дочитать. Народи же вельми возмятошася о семъ, и хотяще попа каменіемъ прибити. И бысть велія голка и не слышать, что чтетъ. Сергій же рече попу: «Что всуе трудишися: видиши ли: никто не слушаетъ, но паче молва бываетъ?» Попъ же отвѣща: «Азъ, отче, не самъ собою пришелъ, но посланъ есмь отъ патріарха». Царевна же

и весь царскій синклитъ и патріархъ со властьми изъ Грановитыя Палаты сквозь окончины смотряху на народъ, многимъ тутъ стѣсненія ради стоящимъ по палатамъ и церквамъ. Царевна же Софія похвали отца Сергія: «знаѣ де сей инокъ Бога бояся живетъ и добродѣтельно житіе проходитъ, что не далъ попа народу убить». Народъ же начаша молить отца Сергія: «Скажи намъ, отче, Господа ради, отъ божественныхъ писаній, како убѣжати прелести сей Никонскія?» И принесоша скамью. Сергій же взыде на скамью и попа съ собою поставилъ врядъ и рече попу: «Виждь, мы не собою глаголемъ, но отъ божественныхъ писаній». И нача чести Соловецкія тетради о знаменіи честнаго креста, иже рукою слагаемъ, и о крыжѣ, и о жезлахъ, и о просфирахъ, и о всемъ премѣненіи церковномъ. Въ народѣ же бѣ молчаніе веліе, и согбенными руками слушающе прилѣжно чтенія, и воздыхающе изъ глубины сердечныя и нѣціи же плачуще; отцы же вельми угнѣтающе. Служивые же принесоша 6 скамеекъ и поставиша окрестъ святыхъ иконъ. Сергій же по чтеніи велѣлъ отпустить попа. Народъ же моляше Сергія: «Скажи намъ, Господа ради, еще отъ божественныхъ писаній, дабы намъ душами вѣчно не погибнуть». Сергій же изнемогъ вельми: бѣ же третій день, не ѣдущу ему, и понуди ту чести Савву тетради. Онъ же отрекся: «прости отче, не мое сіе учити, но ваше; вы бо на сіе и званы». Потомъ же прінде боярин князь Иванъ Андреевичь Хованскій и помолився честному кресту и святому евангелію и прочимъ иконамъ и цѣлова ихъ, также поклонися и отцемъ, и глагола Никитѣ и Сергію: «Пондите вы въ Грановитую Палату, никакоже вамъ никакова худа тамъ не будетъ; потому что царевны государыни хотятъ тутъ же быти, челобитную слушать, а здѣ имъ быти зѣло зазорно. А собору нынѣ и свидѣтельству отъ божественныхъ писаній некогда быти, сіе дѣло великое надобно не прильпомъ дѣлать, да и на дворѣ также уже поздно; и только лишь хотятъ царевны, государыни и царицы челобитную выслушать, да отпускъ вамъ будетъ». Сергій же отвѣща: «Царской, государь, боярин! мы въ Палату идти зѣло опасны, потому чтобы вымыслу и коварства какого не было надъ нами по прежнему; хорошо бы изволилъ патріархъ здѣ быти, и сему роз-

дѣлу предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовать, а въ Палату гдѣ вмѣститися толику народу? Я вѣдаю, что насъ однѣхъ не пустятъ, народу же ни единаго человѣка не пустятъ; а намъ безъ народу что тамъ дѣлать?» Бояринъ же рече: «Невозбранно будетъ никому идти. Кто хощетъ, тотъ и поди. Когда уже вы, отцы святіи, на мою душу грѣшную во всемъ положилися, вѣрьте же мнѣ и нынѣ. Исперва вамъ въ томъ Бога свидѣтеля представилъ, что вамъ никакова худа не будетъ, не станутъ ни рубить, ни въ струбахъ жечь по прежняму и ни въ ссылку ссылать, а нынѣ буде не вѣрите, въ томъ цѣлую крестъ христовъ и кленуся Пречистою христовою кровію, что вамъ никакова худа не будетъ; развѣ что будетъ мнѣ, тоже и вамъ». Никита же рече Сергію: «Отецъ Сергій! я ему вѣрю, мнѣ онъ одному клялся такоже, и что больше сея клятвы»? Сергій же отвѣща боярину: «Мы, государь князь Иванъ Андреевичь, во всемъ положилися на Бога и на Пречистую Его Богоматерь и на твое благоутробіе; буди тако по твоему прошенію». Бояринъ же пойде и рекъ имъ: «Вы безъ меня не ходите; я малъ часъ побуду въ Палатѣ, да къ вамъ скоро возвращуся». Народи же зѣло прилежно начаша отъ него молити, какъ бы въ Палату не ходити. Ініи же отъ царскаго двора пріидоша, и въ Палату имъ ходити не велѣли. Они же рекоша намъ: «Братіе! въ Палату не пойти, и они насъ назовутъ гордыми и непокорливыми». И по малѣ времени пріидоша изъ Палаты выборные и рекоша отцемъ: «Приказали де царевны государыни въ Палату идти и боярину». Отцы по прежнему взяша честный крестъ и Святое Евангеліе, и иконы и свѣщи предъ ними понесоша; христолюбивіи людіе взяша книги и на главахъ своихъ понесоша, также налои; и много же народу покуснишася идти съ ними и приступиша къ красному крыльцу; служивые весь народъ прутьями стали отбивать, которые тутъ приставлены къ карауду. Егда же Никита поступи на первую степень на Красномъ крыльцѣ, тогда изъ Грановитыя Палаты, яко дивіи волцы или бѣшеные пси, приходскіе попы несбычно устремишася на красный крылецъ и смяша всѣхъ. Единъ же попъ ухвати Никиту за власы; православніи же возопиша: «Видите, православніи, какое коварство навели намъ? Ино де гдѣ бить,

да правду дѣлать? а они при царской свѣтлости бьютъ.» Стрѣльцы же устремишася на поповъ и начаша ихъ подъ боки кулаками бить. Попы же устремишася и разбѣгошася и не свѣдашася другъ друга, а инїи же вверхъ поповъ 50 ушло, а всѣхъ было поповъ 300 заведено за Палату. Отцы же возвратишася на свое мѣсто; служивые рѣша: «То ли де правда? обѣщалися праведной судъ сотворити; или для того и въ Палату и звали, чтобы убити занапрасно по прежнему?» И бысть шумъ великъ и крикъ во всѣхъ людехъ: видятъ, что неправедно дѣлаютъ, — все подставомъ, да обманомъ. По малѣ же времени прїиде боярин и рече: «Чего ради не изволите идти?» Они же рекоша: «Какъ де государь, царской боярин, идти? Ты обѣщался, что по прежнему не будутъ ни бить, ни мучить: а нынѣ при ихъ царской свѣтлости безвинно бьютъ, а инде гдѣ и давно станутъ давити и бить». И указали попа, кой за власы дралъ. Боярин же того попа повелѣ сковать, да въ стрѣлецкой приказъ сослать; а прочихъ поповъ сверху сбить, только небольшихъ оставить по упрошенію властей, и самъ говоритъ: «Я ничего не знаю.» А ихъ набралось что кабацкихъ ярыжекъ. Потомъ боярин прїиде ко отцамъ и рече: «Извольте, отцы святїи, идти». Отцы же отвѣщаша: «Боимся, государь, царской боярин, идти, что неправды стало много»; и боярин паки цѣлова крестъ христовъ въ правду, что никакого зла не будетъ: «я де сего дѣла не вѣдалъ». Народи же единo кричатъ: «Не ходите въ Палату; аще пойдете, худо будетъ, обманутъ тамо васъ лукавствомъ своимъ». Отцы же, вѣря боярской душѣ и клятвѣ, взяша честныя иконы, также и книги по прежнему, и пойдоша въ Палату; много же съ ними посадскихъ людей пойдоша. И егда же внидоша въ Палату, и поставиша среди Палаты предъ царскимъ мѣстомъ налой и положиша честный крестъ христовъ и святое евангеліе и святыя иконы и возжгоша предъ ними свѣщи и поклонишася вси по обычаю царевнамъ и царицѣ до земли; патріарху же никто не поклонися, также и властемъ. На царскомъ же мѣстѣ сѣдяше царица Софія Алексѣевна, а на другомъ царскомъ мѣстѣ Татіана Михайловна, а по правую сторону Наталья Кирилловна, а подлѣ царицы царевна Марѳа Алексѣевна, а промежь царскихъ мѣстъ царевна Анна Михайловна, а

подлѣ царевны Софіи одаль въ углу патріархъ сидитъ на мѣстѣ; а подлѣ патріарха новгородскій митрополитъ и прочіи власти, а по лѣвую сторону стоятъ бояре. И началъ вопрошать патріархъ: «Какова ради дѣла пріидосте въ царскія Палаты, и что требуете отъ насъ?» Никита же отвѣтъ даетъ патріарху: «Пришли къ царемъ государемъ побить челомъ о исправленіи православныя христіанскія вѣры, чтобъ царское свое праведное разсмотрѣніе дали съ вами, новыми законодавцы, и чтобъ церкви божіи были въ мирѣ и соединеніи, а не въ мятежи и раздраніи, и служба была бы въ церкви божіей, какъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ служили по старымъ служебникамъ». И патріархъ рече: «Не на васъ сіе дѣло належитъ и не подобаетъ вамъ простолюдиномъ церковная исправлять и въ томъ архіерея зазрати. Должно есть архіерея архіереемъ судити, а не простолюдиномъ; мы на себѣ христовъ образъ носимъ и даде намъ Богъ власть такову: «егоже аще свяжете на земли, связанъ будетъ на небеси, и егоже аще разрѣшите, разрѣшенъ на небеси»; и паки: «слушаяй васъ Мене слушаетъ, отметаяйся васъ Мене отметается». И Апостолъ рекъ: «повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово хотяще воздати». И азъ аще и грѣшенъ есмь, но пастырь, а не наемникъ и не разбойнически престолъ и такую сію тяготу на себе восхитилъ, но избраніе благочестивѣйшаго великаго царя, второе и потомъ освященнаго собора, и вамъ должно есть повиноватися матери нашей соборнѣй и апостольстѣй церкви и потомъ всѣмъ архіереомъ, пекущимся о вашемъ спасеніи. А у насъ вѣра православная стараго православія греческаго закона, въ немже святіи отцы Богу угодиша, исправлена съ греческихъ и съ нашихъ характейныхъ книгъ по грамматикѣ; и мы отъ себя ничто не внесохомъ въ церковь божію, но все отъ божественныхъ писаній: вы же грамматическаго разума не коснулися и не знаете, какову силу въ себѣ содержитъ». И отвѣща Никита: «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобою говорить, но о церковныхъ догматѣхъ и поговоримъ съ тобою краткими глаголы, и азъ о чемъ тебя вопрошу, ты же ми отвѣтъ дай. Чего ради, егда вы литоргію служите и на

выходѣ выйдешь, взявъ честный животворящій крестъ христовъ въ лѣвую руку, а тройную свѣщу въ правую руку, и машешь обѣма рукама крестообразно на всѣ стороны? Почему свѣща и огнь честнѣе креста господня, и что прообразуетъ огнь и свѣща?» Патріархъ же противъ Никитиныхъ рѣчей ничего не отвѣща; и бросился изъ кута холмогорскій епископъ пустобородый, а имя ему не въ памяти учинилося, и нача громко говорить, а рѣчей не слыхать. Никита же воспрети ему: «Что ты нога выше главы ставишися, я не съ тобою говорю, но съ святѣйшимъ патріархомъ»,—и отведе его мало рукою. Царевна же Софія с а н е ѵ н ѵ и д т а с ѿ такоже и тутъ скочи съ престола и воскрича: «Видите ли, что Никита дѣлаетъ въ нашихъ очахъ, архіерея бьетъ, а безъ насъ и давно убьетъ». И предстоящіи же рѣша: «Нѣтъ де, государыня, онъ не бьетъ, лишь только рукою отвелъ, да не велѣлъ ему прежде патріарха говорить». Царевна же стала говорить: «Да ты ли, Никита, съ святѣйшимъ патріархомъ говоришь? не довелось тебѣ у насъ и на очахъ быть, не токмо что говорить. Помниши ли ты, Никита, какъ отцу нашему блаженныя памяти, и святѣйшему патріарху и всему освященному собору принесъ повинную и великою клятвою клялся: «аще де впредь стану о вѣрѣ бить челомъ, или вчинять по прежнему, и будетъ де на мнѣ клятва святыхъ отецъ, седми вселенскихъ соборовъ»; а нынѣ ты опять за то дѣло принялся? Никита же отвѣща: «Государыня, не запираюся, поднесъ я повинную челобитную отцу вашему блаженныя памяти царю государю такоже и всему собору за мечемъ и за струбомъ; и по челобитной моей, кою подавалъ на соборѣ, мнѣ грѣшному отвѣту никто не отдалъ изо властей—а челобитную я писалъ 7 лѣтъ; лишь згибавъ меня, да въ тюрьму, а не вѣдаю, за что. Да на меня же Жезлъ книгу сложилъ Семенъ Полоцкой, а противъ той челобитной и пятой части нѣтъ къ той челобитной мнѣ отвѣту; а изволишь, государыня, и нынѣ противъ Жезла того мнѣ отвѣщати, и я нынѣ ево очищу и, если виноватъ буду, уже воля ваша, якоже хощете, тако и сотворите». И царевна ему молвила: «Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами, и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быти». И повелѣ царевна челобитную чести думному дьяку, а имя ему

пропамятовалъ; и читаніе его бѣ зѣло стройно и внятно. Егда же дойде въ челобитной до сея рѣчи, что де «чернецъ Арсеній, еретикъ и жидовскій обрѣзанецъ, и съ Никономъ, бывшимъ патріархомъ, поколебали его царской душею, блаженныя памяти царя Алексѣя Михайловича,»—царевна же Софія, не стерпѣвъ сего слова, скочи съ престола и нача со слезами говорити: «Когда Арсеній и Никонъ Патріархъ еретики, такъ и отецъ нашъ и братъ таковы же стали? ино по семъ нынѣшніе цари не цари, и патріархи не патріархи, и архіереи не архіереи стали? и мы де сея хулы не хощемъ слышати, что отецъ нашъ и братъ еретикъ, и мы де пойдемъ всѣ изъ царства вонъ». И стала съ престола царскаго съ иконою и отошла съ сажень прочее и стала. Хованскій, бояра и выборные вси восплакаша: «За что де царемъ государемъ изъ царства вонъ идти? мы де рады за нихъ, государей, головы своя положить.» А иные стрѣльцы видятъ такую неправду, разгорѣвшеся любовію божіею, стали говорить царевнѣ: «Пора де, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно де царствомъ тѣмъ мутить; намъ бы де здоровы государи были, а и безъ васъ де пусто не будетъ». Она же слышавше сіе, бысть ей зазорно вельми и съ великимъ стыдѣніемъ сѣдѣ на царскомъ мѣстѣ, и повелѣ паки челобитную чести. Дьякъ же начавъ челобитную чести о истинномъ тричастномъ крестѣ христовѣ и о крыжѣ латынскомъ, како святіи отцы за едино истинный крестъ христовъ съ крыжемъ латынскимъ не почитали и чести крыжемъ отнюдь не воздавали; и о сложеніи перстномъ приведено много отъ божественныхъ писаній свидѣтельства, иже невмѣстно здѣ написати, но точію вкратцѣ речемъ — Ѳеодоритово, и Мелетія, и Петра Дамаскина, и премудраго Максима Грека и иныхъ богоносныхъ отцевъ многихъ, како креститися и благословити, также книга Кормчая: «Аще кто не крестится двѣма перстома, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ». Она же стала говорить: «Да мы за сложеніе перстное не истязуемъ: кто какъ хощетъ, такъ и крестится, хотя двѣма, хотя трема персты, хотя распростертою дланію, — все то равно». И отецъ Савватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня царевна Софья Алексѣевна, что де воображати крестное знаменіе двѣма персты на лицы своемъ, то древнее преда-

ніе преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ»; и сложа лѣвою рукою три персты по новому: «а сіе щепоть преданія римскаго папы Формозы еретика, онъ такъ благословлялъ и повелѣлъ такоже и креститися». Царевна же рече: «Что де, инокъ, боишься сложить правою рукою три персты, по слагаешь лѣвою?» Саватій же отвѣща: «Ей, Государыня, боюся и зѣло страшно нарушити преданіе святыхъ и богоносныхъ отецъ». Она же рече: «Не бойся слагай правою рукою, мы и сами такъ крестимся всяко: тремя персты и всею дланію, да отъ того не будешь осужденъ». Саватій же рекъ: «Не буди намъ, государыня, оставити преданіе святыхъ отецъ; аще и смерть вкусимъ, вѣдаетъ Владыко за что». Царевна же умолча. Дьякъ же нача чести о сложеніи треперстномъ знаменіи и прінде рѣчь: «а о треперстномъ сложеніи написалъ грекамъ нѣкто Дамаскинъ и Студитъ иподіаконъ, не вѣдаю да что имя ему, не вѣдаю прозваніе». Царевна же начатъ простымъ людемъ внушати: «Уже де Ивана Дамаскина порочатъ и преданія его хулятъ, а его де книгъ церковь божія много пріяла». И Саватій сталъ говорить: «Нѣтъ де, государыня, не буди того намъ, что такова велика свѣтильника и церковнаго учителя опорочити и преданіе его хулити, что церковь божія пріяла; мы преданіе его честно пріемлемъ и любезно цѣлуемъ. А то Дамаскинъ Студитъ иподіаконъ написалъ такъ креститися въ три перста, а не вѣдомо кто, и откуду, и каково его житіе, и въ коемъ градѣ рожденіе, и нигдѣ въ божественномъ писаніи не обрѣтается, только лишь написанъ въ Скрижали въ недѣлю третію великихъ постовъ, слово Дамаскина и Студита иподіакона, а Богъ вѣсть откуда онъ». И тутъ царевна умолчала. И егда дойде во челобитной до сея рѣчи: «да онъ же Дамаскинъ иподіаконъ въ словѣ своемъ въ туже недѣлю третію святаго поста повелѣваетъ намъ православнымъ христіанамъ ходити по татарски безъ крестовъ и пишетъ сице: какая польза, рече, или какая добродѣтель есть носити кому крестъ на рамѣ своемъ?» Она же вскочивши съ престола и нача говорити: «Вотъ смотрите, какую бѣду они написали, будто мы великимъ имъ безъ крестовъ ходити, и стала спрашивать бояръ: есть ли на васъ кресты?» Они же отвѣщаша: «На насъ де, государыня, на всѣхъ кресты есть».—«А на васъ служивые есть ли кресты?»—И

они тоже отвѣщаша: «На насъ, государыня, на всѣхъ кресты есть,»—и начаша казати другъ другу. Никита же священникъ отвѣща: «Да въ вашей же книгѣ написано, что безъ крестовъ ходити?» Она же велѣла Скрижаль книгу предъ себя принести. Никита же, взявъ Скрыжаль, и хотяше къ ней нести; она же воскричала: «Тебя де, Никита, къ сему дѣлу не спрашиваютъ; я вѣдь тебѣ говорила, что тебѣ у насъ недостоитъ и на очахъ быти, не токмо что говорить,»—и велѣла книгу отцу Сергію къ себѣ принести. Сергій же принесъ къ ней Скрижаль и указа ей слово, идѣже написано, что безъ крестовъ ходити. Она же посмотрѣвши и стала говорить: «Я де сего слова не читала и не знаю, да у насъ де по сей книгѣ и въ церкви не чтутъ». Сергій: «Въ томъ же, государыня, словѣ писано и о сложеніи триперстномъ». Она же паки умолче. Дьякъ же нача челобитную чести и дойде до сего слова: «Да онъ же Дамаскинъ не убояся страха божія, отрыгнулъ отъ злаго сокровища своего: въ томъ же словѣ безгрѣшнаго Сына Божія Господа нашего Іисуса Христа именовалъ грѣшнымъ, будто онъ Спаситель нашъ распялся за нѣкое прегрѣшеніе, а не за мірское спасеніе и пишетъ тамо сице: «тако да имате смерть вашу предъ собою, яко и Онъ, иже имать распинатися за нѣкое прегрѣшеніе, носитъ крестъ на рамѣ своемъ и ходитъ трепеща, ожидая смерти». Она же абіе вскочивъ съ престола и рече предстоящимъ: «Видите ли какъ они написали въ челобитной своей, что Спаситель нашъ Христосъ распялся за нѣкое погрѣшеніе, а не за мірское спасеніе; какъ такъ и помыслить нельзя, какъ они такъ плутаютъ». Сергій же отвѣща: «Да въ той же государыня Скрижали напечатано, въ томъ словѣ въ недѣлю 3-ю постовъ». Она же паки повелѣ принести Сергію книгу. Онъ же, вземъ книгу Скрижаль, и принесе предъ нее и указа ту рѣчь, идѣже написано: «имѣть распятися за нѣкое погрѣшеніе». Она же рече: «Я де сего слова не знаю и не читала», и умолчала. Діакъ же нача паки чести, и прінде о аллилуіи, какъ Игнатію Богоносцу отъ ангела предано, еже 2-жды глаголати божественная аллилуіа, а въ третій «Слава Тебѣ Боже», и какъ преподобный Ефросинъ псковскій ходилъ въ Царьградъ ради увѣренія тоя божественныя аллилуіи, и отъ святѣйшаго патріарха вземъ благословеніе и

обхождаше монастыри и пустыни и скиты, и во всей Палестинѣ видѣвъ чинъ глаголющихъ аллилуіа дважды, а въ третій—«Слава Тебѣ Боже»; и како премудрый Максимъ Грекъ въ книгѣ своей написалъ: «еже возчетверяти божественная аллилуіа и то де преданіе римскаго костела, аще де не престанете божественная та аллилуіа возчетверяти, и всѣ нашины обычаи и преданія воспріяти». И тутъ холмогорскій епископъ, взявъ харатейную книгу въ полдесть, прописаны начальныя слова золотомъ, и въ ней написано аллилуіа 3-жды, а въ четвертый «Слава Тебѣ Боже» и сталъ говорить: «Вотъ де въ хвалительныхъ написано книгахъ аллилуіа четверити, да въ греческихъ такоже, якоже у насъ нынѣ соборная церковь содержитъ». Правовѣрніи же отвѣщаша: «Да та харатейная книга взята либо изъ Великаго Новгорода, либо изъ Пскова, преданіе Іова, роспопа троеженца, а не здѣшнихъ великихъ князей. А что де ты рекъ: и въ греческихъ во всѣхъ книгахъ четверичное аллилуіа, и то ты солгалъ.» И показали ему греческій часословецъ въ осьмушку, и мы ему рекли: «Вѣрите ли сему и греческія ли печати?» Онъ же рече: «Печать греческая и руки греческія». И тутъ напечатано послѣ псалма: «Благослови душе моя Господа»: аллилуіа, аллилуіа, докса си о θеосъ, а не четверичная по вашему. А ты лжешь на греческія старыя книги». И тутъ епископъ посрамленъ бысть,— и говорить стало нечего. Дьякъ же сталъ челобитную чести, и множество ересей прочте, и они уже вси молчаша. И при концѣ челобитныя, егда дойде до сея рѣчи, что де они новыя вѣры учители и бывшій патріархъ Никонъ да Іоакимъ патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ насъ православныхъ христіанъ, не пріемлющихъ ихъ латиноримскаго новаго и самомышленнаго преданія и не знаменующихся тремя персты по ихъ суемудренному мудрованію, проклятію предаютъ и по сему знатно: аще мы отъ нихъ прокляти, то и вси наши россійскіе чудотворцы и прародители ваши государевы, благовѣрные цари Иванъ Васильевичь и дѣдъ вашъ государь царь и великій князь Михайло Θеодоровичь всея Россіи и прадѣдъ вашъ государевъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь, и отецъ вашъ государь блаженныя памяти царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичь до настатія Никонова въ томъ

же благочестіи пребылъ, и они по тому же проклятію подлежатъ; якоже и самъ онъ Іоакимъ патріархъ со всѣми властьми по тѣмъ старымъ святымъ книгамъ отъ святыя купели крещеніе воспріяли, такъ и они свое крещеніе тутъ же вмѣстѣ съ нами проклинаютъ. Поистинѣ писано въ правилѣхъ святыхъ апостолъ: «аще святитель не по волѣ божіей проклинаетъ, не послѣдуетъ ему судъ божій». И много отъ божественныхъ писаній писано, яже нелѣть есть вмѣстити продолженія ради. Патріархъ же и вси власти противъ челобитной нимало отвѣта не дали, только сидятъ, повѣся головы. Бояре же, другъ на друга возглядываясь, улыбаются, что власти отвѣта не дадутъ; а иніи зѣло плачутъ, слышавше толикое описаніе многихъ ересей въ новыхъ книгахъ и великую ихъ неправду. Только лишь царевна одна примолвила: «Вижу я, ваше то дѣло подобно сему, якоже сосудъ полнъ полыни, а край же его помазанъ медомъ; такъ то о отцѣ моемъ? когда уже отецъ нашъ еретикъ, на что же его пишете съ полной титлой?» И егда думной прочте челобитную, царица Наталья Кирилловна пойде во свои палаты; патріархъ, взявъ сосуды церковныя, златомъ обложены и подписаны римскими словами преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина, зѣло израдны, и показа всему міру, рече: «Вотъ, государи православные христіане! сіи сосуды преподобнаго отца нашего Антонія Римлянина принесены моремъ въ бочкѣ и крестъ на потирѣ четверочастный». Сергій и прочіе отцы возопиша: «Да мы сей крестъ: христовъ пріемлемъ и покланяемся; сей крестъ тричастный, а не двочастный якоже крыжъ». Бѣ же на сосудѣ крестъ: пресное древо на подножіи, а дщицы, что титло написано, тое нѣсть; обложено крупнымъ жемчугомъ. И еще патріархъ показа книгу служебникъ и доски пробиты, а говоритъ: «служебникъ преосвященнаго Кипріана митрополита», а на свидѣтельство не далъ, какъ въ ней написано, сходно ли съ старыми служебниками или нѣтъ. Да еще книгу показалъ въ тафтѣ обверчену, а сказываетъ: «соборный свитокъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, присланъ къ благовѣрному царю Ѳеодору Ивановичу всея Русіи о исправленіи церковномъ», а не покажетъ, что въ ней писано, сходно ли съ нашими старыми книгами, или не сходно. И отцы тутъ рекли: «Изволь

де, святѣйшій патріархъ, показать, что въ ней писано». И онъ лишь только говоритъ: «Мы на себѣ христовъ образъ носимъ и азъ пастырь, а не наемникъ, и вамъ должно есть намъ повиноватися», а не вѣдаю, за что. Да вышелъ попъ, брюхо велико, и сталъ говорить: «Вотъ ваши любимыя-то книги филаретовскія». И отцы рѣша: «И ты скажи намъ, что въ нихъ неисправно печатано». Онъ же нача честн: «во святый и великій четвертокъ и великую субботу и въ день святыя Пасхи и на Рождество Христово и на Богоявленіе, и въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, и на Успеніе Пресвятыя Богородицы причащаемся святыя воды Богоявленія и тако разрѣшаемъ— яицы на сыръ и на масло, міряне же на мясо». Никита отецъ не разсуди о семъ, сталъ говорить: «Такіе же плуты печатали, какъ и вы». И онъ окаянный непарочно въ простые люди впущилъ, будто въ великій четвертокъ и въ великую субботу въ филаретовскихъ книгахъ напечатано мясо ясти. Царевна же Софія воста съ престола и нача людемъ говорити, да не слушаютъ ревнителей православія, будто лжу на нихъ глаголющихъ. Народи вскричаша, кои въ Палатѣ, великимъ гласомъ и протянуша руки своя горѣ, сложа персты по преданію святыхъ отецъ: «Мы, государыня царевна Софья Алексѣевна, рады за старой крестъ умереть», и возведоша очи горѣ и видѣша въ Грановитой Палатѣ въ небѣ Саваоѳа написанна, на престолѣ сѣдяща и по обою страну благословяща по старому двѣма персты, и рекоша царевнѣ: «Вонъ, Государыня, мы и простіи видимъ преданія святыхъ отецъ, мы тому и послѣдуемъ»—и указываютъ перстомъ на Саваоѳа. Она же со слезами рече: «Невѣдомо, что мнѣ съ вами стало дѣлать»,—пойде на другую страну Палаты и ста въ углу; выборнымъ же велѣла за собою идти и рече выборнымъ: «Видите ли, свѣты: какую хулу возлагаютъ на отца нашего: не тотъ-де воръ, кой крадетъ, тотъ воръ, кой пріемлетъ. Они же называютъ Арсенія старца еретикомъ и Никона патріарха; и потому и отецъ нашъ и братъ также еретики стали, да и мы таковы, и вамъ, свѣты надобно за это дѣло стоять. Да и въ томъ крестѣ цѣловали великимъ государемъ, что за нашъ царскій домъ стояти». И тутъ выборные ко отвѣту Савву поставили; и онъ ей отвѣщалъ: «Нѣтъ-де государыня, они въ челобитьѣ своемъ не называли блаженныя памяти отца вашего

царя Алексѣя Михайловича и брата вашего Ѳеодора Алексѣевича еретиками, но токмо Никона и Арсенія: что они, по наученію діавольскому, исказили и испревратили всю нашу православную христіанскую вѣру, того ради ихъ называли. Да и прежде сего бывало въ Царѣградѣ: пришелъ чернецъ аріанскія вѣры, да и прельстилъ царя православнаго и во иконоборство ввелъ; да того ради отцы не называли еретикомъ царя, но чернца проклинали и еретикомъ называли: тако и они писали и еретиками называли и Никона называютъ; что на нихъ сіе дѣло лежитъ». Царевна же имъ молвила: «Идите же съ миромъ.» И пойде вонъ изъ полаты, такоже и патріархъ со властьми пойдоша; а собору приговорили быть въ пятницу. Народи же, видѣвше отцевъ, возрадовашася и пойдоша вонъ изъ Кремля. Хованскій же приказалъ дать 100 человѣкъ стрѣльцовъ и проводить ихъ до двора ради обережи. Егда же изыдоша вонъ изъ града, народи же начаша молити отцевъ прилѣжно со слезами, дабы на лобнѣмъ мѣстѣ почли отъ божественныхъ писаній. Отцы же по умоленію ихъ сотвориша: и начаша на лобнѣмъ мѣстѣ чести отъ божественныхъ писаній соловецкія тетради и толкомъ разсказывать ереси и какъ отъ нихъ блюстися, и въ книгѣ правой вѣры прочтоша объ отпаденіи юнитовъ и довольно поучивше въ божественныхъ писаніахъ. Бѣ же народу многое множество съ женами и съ дѣтьми слушающе прилѣжно и дивящеся Никоновы вѣры ученію, како превратиша всю нашу православную христіанскую вѣру, и колико ересей насѣяша въ божественныя книги, и воздыхающе изъ глубины сердечныя; инін же плакаху. И по чтеніи взяша честныя иконы и идоша въ Таганскія ворота поюще: «Владычице! пріими молитву рабъ своихъ» (Большую); и «о тебѣ радуется»... и богородичепъ 8 гласа: «царю небесный». Народи же вси по нихъ идуще и другъ другу возвѣщающе съ радостію: «Намъ де цари государи приказали по старому креститися», и показующе всему міру, сложа персты по преданію святыхъ отецъ. И пріидоша за Яузу ко Всемилостивѣйшему Спасу, глаголемое Чигасы, близъ Титова приказу и повелѣша звонити довольно—три часа. И егда внидоша въ церковь и начаша молебная совершати Пресвятѣй Богородицѣ Одигитріи. И послѣ молебна пойдоша въ домъ, идѣже прежде преби-

вающе; народи же, проводивше ихъ до двора, разыдошася съ міромъ. Царевна же Софія по исхожденіи отецъ изъ Грановитыя Палаты, пойде въ свои царскія полаты и потомъ же пріиде патріархъ къ ней со властьми и поклонишася ей до земли, глаголюще: «Не дай де, государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна, въ поносъ и униженіе и въ посмѣхъ таковымъ раскольникамъ»; плачуще и рыдающе и ревуще, яко волы, и слезами ноги ей омывающе. Она же повелѣ призвати выборныхъ всѣхъ полковъ. И сгда пріидоша выборные, и нача царевна имъ говорити: «Молятъ васъ благовѣрные цари государи, и мы съ ними же и весь царскій синклитъ, и потомъ святѣйшій патріархъ и преосвященные митрополиты и весь освященный соборъ, не промѣняйте вы насъ и всероссійское государство наше на шестерыхъ чернецовъ, и не дайте въ поруганіе святѣйшаго патріарха и потомъ всего освященнаго собора.» И поклонишася вси, царевны, патріархъ и власти стрѣльцамъ мало не до земли, вси слезами обливающеся. Выборные же рѣша: «Намъ, государыня благовѣрная царевна, до того дѣла нѣтъ, что стоять за старую вѣру и не наше то дѣло, то дѣло святѣйшаго патріарха и всего освященнаго собора». И обѣщася имъ царевна дать дары и чести великія,— перваго выборнаго Стременнаго приказу пятисотнаго Никифора Силина велѣла помѣтить въ думные дьяки, да боярина пятисотнаго велѣла помѣтить въ дьяки же, а сына вверхъ приказала взять, а инымъ выборнымъ приказала дать по 100 и по 50 руб. и велѣла пить на погребахъ, чего ни хотятъ. Они же напаче сказаша, что намъ до того дѣла нѣтъ. А Титова полку выборные не пошли вверхъ, и по нихъ сверху царевна посылала, и они вверхъ не пошли и начатъ имъ царевна говорити: «Для чего вы съ полками заодно повинныхъ не хощете дати, что впредь о старой вѣрѣ челобитья не заводить?» И пятидесятникъ Авдей Артемьевъ говоритъ: «Мы де, государыня царевна, безъ братскаго совѣта повинной не смѣемъ дать, прибьютъ де насъ каменіемъ рядовые стрѣльцы, какъ пріидемъ въ полкъ.» И велѣла царевна все оружіе у нихъ отбрать и жалованныя грамоты взять, и отказать имъ отъ царскаго двора, что имъ нѣтъ дѣла до караула, какъ хотятъ, такъ и живутъ; велѣла за караулъ отдать. И какъ ихъ повели

за караулъ и единъ отъ нихъ молвилъ: «Добромъ съ ними не раздѣлаешься, пора де опять за собачьи кожи приниматься». И царевна, то услышавъ, повелѣла ихъ возвратити въ палату. Имъ стали говорить: «Ну цари государи въ непокорствѣ вашемъ прощаютъ, живите по прежнему, а оружія и пороховой казны у васъ не отнимаютъ и жалованныхъ грамотъ, и вы принесите съ своею братіею заодно челобитную, что впредь сего дѣла не вчинять». И выборные къ ней рекли: «Добро де, государыня, и мы пойдемъ да возвѣстимъ братіи своей, что они придумаютъ». И отпускъ сотвори всѣмъ выборнымъ, и пріиде кождо въ полкъ свой. И рядовые стрѣльцы стали за нихъ приниматься: «что де вы о правдѣ послапы говорить, а неправду дѣлаете, пропили вы насъ на водкахъ да на красныхъ пойвахъ?» И посадили перевязавши въ тюрьму, а сами говорятъ: «Утре де вамъ указъ будетъ, ино де вы нынѣ Титовъ приказъ руками выдали безъ нашего вѣдому, а ино де иной также отдадите». И выборные имъ стали говорить: «Дворяне государскіе! поднте сами да говорите предъ царевною; всѣ царевны государыни и святѣйшій патріархъ со властьми, а мы при нихъ кто? а они намъ въ ноги кланяются, а сами плачуще говорятъ: «не промѣняйте де всего государства нашего на шестерыхъ старцевъ»; и мы слышавъ отъ нихъ, подумавъ да и отказали, а сказокъ безъ вашего вѣдома не дадимъ». И въ вечеру у выборныхъ совѣтъ былъ въ Стремянномъ приказѣ и придумали, что во всемъ отказать старцамъ и посадскимъ: «намъ до того дѣла нѣтъ». И пришли къ царевнѣ и сказали: «Наша де государыня немощь стала и рядовыя насъ хотятъ каменіемъ прибить, а иныхъ де нашу братью въ тюрьму пересажали, и не вѣдаемъ сами себѣ, что будетъ намъ утрѣ,— живы ли будемъ или нѣтъ? и хотятъ росписываться по прежнему приказы и съ барабаны идти, и наша де, государыня, топере стала немощь». И свѣдавше сіе патріархъ, прибѣжалъ къ царевнѣ и началъ плакать, а самъ говоритъ: «Теперь де наша конечная погибель пришла; напрасно де ихъ раздразнили». И царевна молвила: «Не кручинься, батюшко, ты объ этомъ дѣлѣ, я де знаю ихъ уговорить». И велѣла разослать памяти по всѣмъ приказамъ, чтобы со всякаго полку шли на опасной караулъ къ Троицѣ, иже на рву, по 100 человѣкъ и солдатъ

и пушкарей также. И сошлися къ вечеру со всякаго приказу по 100 человѣкъ и стали сговариваться: «Худо де, братцы; выборные насъ пропили на водкахъ и краснымъ питьѣ и Титовъ приказъ руками хотѣли отдать, а потомъ иной приказъ также отдадутъ». И придумали всѣ полки, что выборныхъ всѣхъ прибить за неправду ихъ, а къ патріарху по прежнему идти съ барабанами. И въ то время прінде сверху невѣдомо какова чину человѣкъ и сталъ имъ говорить: «Дворяне и вся надворная пѣхота великихъ государей! цари государи жалуютъ васъ погребомъ. На 10 человѣкъ по ушату пива простаго и поддѣльнаго, также и мѣра меду». Они же и думать перестали, да и побѣжали всякой десятокъ съ своимъ ушатомъ, да перепились пьяны. И выборные имъ стали говорить къ тому же, которые почести великія взяли на дворянъ государевыхъ: «Чего намъ больше жалованья отъ великихъ государей? Чѣмъ насъ великіе государи не пожаловали?» Они же перепившись, да правовѣрныхъ нашу братію о Христѣ возми да бей: «Вы де бунтовщики и возмутили всѣмъ царствомъ». Они же правовѣрніи, видѣвше ковъ злохитраго діавола и себѣ великую пакость и убійство, возмятошася и другъ друга не свѣдаху, бѣгству себя предаша. На другой день также по сту человѣкъ перепопли, также и на третій день да и вси полки такъ перебрали. Они же служивые, злѣ соединившеся, да и повинныя принесли за руками, что до того дѣла намъ нѣтъ, и впредь не вчинять. Да сто человѣкъ послали по отцевъ и привели на Лыковъ дворъ, никто не вѣдалъ; отца Никиту единаго оставили на Лыковѣ дворѣ за карауломъ, а прочихъ отцовъ взяли на патріаршій дворъ и разсажали порознь. Во вторникъ на первомъ часу отцу Никитѣ главу отсѣкли, и отца Сергія въ ссылку послали въ Ярославль во Спасской монастырь; а прочихъ отцовъ разослали по инымъ монастырямъ. И въ то время не свѣдаху другъ друга, наипаче прінде гоненіе. И что видѣли своима очима и что слышахомъ отъ своея о Христѣ братіи, сія написахомъ.

ПЛАЧЪ ГОРОДЕЦКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРИ ПОСТРОЙКѢ ЕДИНОВѢРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Сообщено А. С. Павловымъ.

Изданіе Высоковскаго единовѣрческаго монастыря.

Плачь и разное молвище
При часовнѣ на кладбищѣ;
Толпы многи собирали
И всѣ жалостно рыдали:
«Настало время отпаденья,
Отъ противна повелѣнья;
Да и зло уже не мало
Въ Городцѣ у насъ возстало:
Сильно насъ отяготили,
Строить церковь испросили,
Да какую жъ? — Благословенную,
Отъ древности повелѣнную!
Неужель на то рѣшаться,
При часовнѣ поселяться?
Да и что за благодать —
Вдругъ часовню разорять?
А тому дѣлу затѣйникъ
Отъ часовни былъ изъѣдникъ, —
Нельзя мыслить тутъ инако:
Злу всему повиненъ Марко,
Марко пакостникъ Малевскій
Вздумалъ сей поступокъ дерзкій!
Да и прочи съ нимъ прельстились,
Отъ часовни удалились;
Имѣть церковь восхищались,
Къ благословенной подписались;
И съ восторгомъ вездѣ трубятъ,
Что деревянну церковь срубятъ.
А потомъ притомъ указъ:
Выстроить церковь у насъ.
Ахъ, увы, увы не мало!
И поповъ у насъ не стало;
Не имѣть чтобъ потаенныхъ
Намъ, кромѣ благословенныхъ.

Охъ, послѣдни, видно, вѣки,
Что прельстились человѣки
Отъ архерея благословляться
И *единовѣрцами* назваться!
Это нѣсть единовѣрье,
А отъ насъ лишь отдаленье —
Концысторіей заняться,
Ей въ правленіе предаться.
Лучше головы положимъ,
А свое мы не отложимъ.
Неужели мы не въ состояньи
Поповъ судить не въ постояньи?
Судить сами ихъ умѣемъ
И правила разумѣемъ,
Хотя не священныя лицы,
Какъ то бываетъ по столицы.
Поповъ мы сами разбираемъ,
Мы ихъ судимъ, запрещаемъ.
Нынѣ жъ древность всю растлили,
Себѣ церковь испросили!
Нут-ко, мужіе, старайтесь,
Отъ новостей удаляйтесь;
Сумму многу собирайте,
Въ Москву, Питеръ поѣзжайте;
Раздавайте, не щадите,
Длительность дѣлу ищите
И всѣ мѣры принимайте,
Церковь строить не пущайте.
Поупрямьтесь, милы братцы,
Часовенны старобрядцы,
И бунтуйте, не сумнитесь,
И начальства не страшитесь;
Къ защищенью всякъ спѣши,
Стой въ одно, хоть колъ теши!
Въ противность же что случится,
То мы должны откупиться.
Пошлемъ въ разныя селенья
Съ повелѣньемъ объявленья,
Что часовню разоряютъ, —
Въ церковь нову претворяютъ.
Тѣ, услышавъ вѣсть ужасну,
Помощь сдѣлаютъ прекрасну.

А ревностны богачи,
Торговые брадачи,
Сильно за сіе возстанутъ,
Отъ часовни не отстанутъ;
Повѣренныхъ изберутъ,
Тысячь много имъ дадутъ,
Чтобъ тѣмъ случай имъ избрати
Противъ церкви воевати.
Гдѣ ни взялся калугеръ,
Варсоноѳей лицемѣръ:
Скитску ревность объявляетъ,
Къ сему дѣлу приступаетъ,
Да еще съ брадой сѣдой,
Къ деньгамъ съ совѣстью жъ такой.
Въ повѣренны ихъ избрали,
На расходы денегъ дали:
Чрезъ Москву и Петербургъ
Обогатились они вдругъ.
Пріѣхавши, говорили,
Что мы деньги раздарили;
Еще бы тысячь двадцать пять,
Такъ бы можно поступать.
Тутъ всѣ розно говорили,
О повѣренныхъ судили:
Иной стоялъ въ изумленьи,
Другой плакалъ въ нетерпѣньи, —
Какъ почтенна Софья мать —
Такъ вотъ честь ей приписать —
Всѣхъ ревностью удивила,
На собраньи говорила:
«О вы, бѣдны и богаты!
Будьте въ деньгахъ щедроваты;
Отъ отступникъ отражайтесь
И отъ церкви откупайтесь.
Время купли наступаетъ,
Власть къ часовнѣ приступаетъ.
Вы же, сильны богачи,
Часовенны товмачи,
Кладовыя отпирайте,
Тѣмъ теперь только и взять,
Что тысячи развязать;
Если будете скупиться,

То часовня претворится
Въ церковь божью, въ новый храмъ.
Охъ, какой же будетъ стramъ!
Чего мы не ожидали,
То почувствовать намъ дали:
Можно-ль было воображать,
Чтобъ попа Василья взять?
Очевидно отъ насъ взяли,
Руки и ноги перевязали,
Повезли въ вѣчной удѣлъ,
Гдѣ судимъ ему предѣлъ.
Ужъ не даромъ я недавно
Видѣла въ нощи, какъ явно,
На яву и не во снѣ
(Тутъ дрожали всѣ плесни)
Такó дивно откровенье:
Что часовня въ разоренье —
Наша мила она мать
Хощетъ въ вѣрѣ пострадать —
Будто звонъ и крестъ съ ней сняты,
Главы нѣтъ, одни палаты».....
Облившись слезой, ушла,
Гдѣ дорога ей пришла;
И такъ спѣшно удалилась,
Что невидно, гдѣ и скрылась.
Вдругъ предсталъ тутъ Меценатъ
Отъ градскихъ высшихъ палатъ,
Почтеннѣйшій на видъ отецъ,
Пришелъ къ собранью въ Городецъ.
Собранье обратило взоры
Къ нему и на него укоры.
Ставъ онъ, какъ на второмъ судищи,
Сказалъ: «несчастное кладбище!»
А самъ вздохнулъ и замолчалъ.
Народъ ему многъ закричалъ:
«Умремъ! хоть головы рубите,
Благословеннаго въ часовню не водите,
Попа такого не желаемъ,
Вси слезно проспимъ и рыдаемъ.
Довольны мы доднесь и тѣмъ,
Снабдилъ святой Пргизъ насъ чѣмъ.»

ОБЛИЧЕНІЕ НА НИКОНА ПАТРІАРХА, НАПИСАННОЕ ДЛЯ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА. [1])

1: Христолюбивый государь, царь і великіі князь Алексѣй Михайловичь, всея великия и малыя и бѣлыя Росіі самодержецъ! милостивно послушай и своего государева богомолца, не свою честь гонящаго, но о святой соборной и апостольской церкви болящаго ко утвержденію царствія твоего. Въ великіі бо страхъ приведе ны преосвященный Паисія, митрополитъ газскіі; сице глаголетъ, яко велми согрѣшаютъ архіереи, что не извѣщаютъ тебѣ, великому государю, о вдовствѣ матери твоея, святыя соборныя и апостольскія церкви, чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ: болѣ бо трехъ мѣсяцъ вдовствовати правила не повелеваютъ [2]), нерадящихъ же о красотѣ ея запрещаютъ и отлучаютъ. Отрекшагожся убо архіерейскаго престола съ клятвою правдоглаголивый архіерей Паисія жива погребенна нарицаетъ; насъ же, архіереовъ, въ правду порицаетъ, сице глаголя: «Пастыри! для какой притчи небрежете престола патріаршескаго, которая есть обшая паства? Оберегайтеса, чтобъ та ваша неприлежность Бога не возбудила до отмщенія і ярости: серпъ бо вижу, рече Захарія [3]), летающь двадесять лакоть длиною, а шириною десять».

Статья 2-я. «Аще бо, рече, (не) вы архіереи о обираніі и поставленіі патріаршескомъ что можете чинити, ктоже іной порадѣетъ чинити? Ваше то дѣло и ваше радѣніе. Для чего вы другъ другу тягости не носите по апостолу [4]), ни обша воспомогаете себѣ, презрѣвше заповѣдь божію: *возлюбиши ближ-*

---

[1]) Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка Въ рукописи статья не имѣетъ заглавія. *Ред.*

[2]) 4-го соб. прав. 25.

[3]) Захар. глав. 5.

[4]) Къ Галат. с. 13.

мяю своего, яко самого себе, еже есть—всѣхъ христіанъ?» И дивяся преосвященный Паисія рече: «Како единоя есте вѣры, не милуете свой народъ и сродники своя? И есть ли вы сами о своемъ добрѣ и о своей чести не радѣете, кто иной странной будетъ радѣть?» Сего ради и мы молимъ тебе, христолюбиваго государя царя: да по заповѣди благочестиваго Пустиніана царя [1]) избраніе сотворіши въ трехъ лицѣхъ, блюдый себе, да не нѣчто праведно постражденіи, по 38 главѣ тогоже благочестиваго Пустиніана царя. Въ правду убо, благочестивый царю, преосвященнаго Паисія митрополита праведное запрещеніе, — «да не нѣчто отъ Бога постраждемъ, не радяще о сихъ.»

Статія 3-я. Сего ради священный онъ мужъ и тебѣ, великому государю, не стыдяся, праведно рекъ, яко, аще ты, великій государь, матерь твою, святую соборную и апостольскую церковь, для достойныя притчины и обычаемъ строителскимъ и для причинъ, которыя намъ невѣдомы, о паствѣ царствующаго града не промышляеши: «великимъ грѣхомъ, рече, не согрѣшаетъ, отъ меньшагожь грѣха нѣси свободенъ»,—потому что многія соблажняются и почитаютъ то дѣло въ лѣность, что ты, великій государь, не радѣешь и прилежности о тотъ не имѣешь. И моля тебе, великаго государя, твое, благочестивый царю, прилѣжное попеченіе о церкви, потому, яко не укрѣпляются дѣла царскія, донележе не укрѣпятся дѣла матере твоея, святыя соборныя и апостольскія церкви. Мати бо твоя, рече, благочестивый государю,—церкви божія и, якожь долженъ еси почитати матерь свою, которая тебя родила, много паче долженъ еси любити и почитати, духовную твою матерь, святую соборную и апостольскую церковь, которая тебя породила во святѣй купѣли святаго крещенія и которая тебя помазала на царство масломъ и хризмою радости.

Статія 4-я. Но, о благочестивый царю, священнаго онаго мужа неухищренная бесѣда, пачеже молба и мы, твои государевы богомолцы, молимъ, да дѣйственна будетъ; воистинну убо никоторое твое царское дѣло крѣпости имѣти не будетъ, донележе мати твоя, святая соборная и апостольская церковь, отъ смущенія не свободится и благъ пастырь той даруется, могій правѣ промышляти о красотѣ ея и благъ миръ той даровати. Отнеле-

[1]) Нов. запов. гл. 28 і 29.

же бо онъ, Никонъ, начатъ вводити смущенна догматы, не имамы чисты молитвы къ Богу; но по извѣстномъ его отверженіі і воистинну страннемъ и нелѣпотномъ патріаршескаго престола съ клятвою, преосвященному Паисію, митрополиту газскому, дерзостно пишетъ сице: «Никонъ, божіею милостію патріархъ, въ Духѣ Святѣмъ преосвященному митрополиту Паисіі милость и благословенія». Облакъ свидѣтелей имать онъ, Никонъ, отрицанію своему, о благочестивый царю: почто озирается вспять? Али не ползова его Христосъ, рекші: «Никтожь, возложь руку свою на рало і зря вспять, управленъ есть во царствіе божіе?»

Статія 5-я. Жена убо Лотова, обратившися вспять, бысть столпъ сланъ, и не дивно: не сохранши бо заповѣдь пострада въ правду. Не сущее бо Никонъ глаголетъ, патріарха себе наричая и, простъ чернецъ, сущему архіерею благословенія дая [1]): не совершивъ бо службы, изъ церкви изшелъ есть и безъ лѣпоты престолъ оставль гнѣвомъ и яростію, презрѣвъ божіі страхъ: прощенія бо паче долженъ есть просити таковаго дерзновенія и ругателства и многихъ соблазнъ. И гдѣ бо обрѣсти имать въ писаніі таковъ образъ оставленія престола? Дерзость бо оного и безсовѣтія обычай правилно сугубо страдати его устроитъ. Іоаннъ бо, мнихъ и молчальникъ, и сущія съ нимъ черноризцы Святыя Горы явѣ показати імутъ сице рекуща [2]): «Своею волею оставльшу кому святительство аще подобаетъ глаголати: *Благословенъ Богъ нашъ* и *Боже ущедри ны и благослови ны* и *Христосъ истинный Богъ нашъ* или кадити, не сущу иному презвитеру, или входити или причащатися внутрь святаго алтаря?» И блаженный патріархъ Николае со всѣми святаго собора отцы сице рекоша: «Никако недостоитъ і на мѣстехъ бо отъ простыхъ людей поставленъ будетъ.»

Статія 6-я. Да аще *Благословенъ Богъ нашъ* и *Боже ущедри ны и благослови ны* и *Христосъ истинный Богъ нашъ* глаголати не подобаетъ оставльшему волею святительство и кадити кадильницею, не сущу иному презвитеру: како убо онъ, Никонъ, паки архіерейская дѣйствуетъ и рукополагаетъ, противися правилу 28 святыхъ апостолъ? Изверженому по праведнѣй винѣ о

[1]) Въ рук. *для.*

[2]) Книг. Кори. вопр. 300, лист. 551.

согрѣшенні явленіе и паки дерзнувшу прикоснутися преже врученныя ему службы, яко гнилъ удъ отъ церкви отсѣщи повелеваютъ. Не явленно ли согрѣшение имать Никонъ, не совершивъ божественныя службы, безчинно изъ церкви изшедъ и безчестно святительскій санъ съ себе сверже предъ многими свидѣтели? И не клевещущі нань быша, но самъ, свою совѣсть познавъ, съ клятвою престола отвержеся, недостойна себе судивъ святительскія власти и чести. Нынѣ дерзая пишетъ, аки и не осудимъ и ни правилъ святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ на себѣ имѣя: будто для непрямыя ярости царевы престолъ оставилъ, послушавъ евангельскаго гласа: *сіда гонятъ вы, изъ града бѣгайте.*

Статия 7-я. Но и гонитель слышишися, о христолюбивый царю, отъ буяго сего! Никто вѣсть, яко тобою, великимъ государемъ, изгнанъ Никонъ и откуду явленно имать быти гоненіе твое государево къ Никону? Пишетъ бо, яко святительскій судъ ты, великій государь, а у него похитилъ и судятъ священный чинъ мирскія твои государевы царевы люди; а тотъ де судъ принела святая мати церковь, владѣніі де о судѣ церковнѣмъ противъ предания святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ седми вселенскихъ соборовъ і иныхъ милостивѣйшихъ царей. И то де владѣніе приняло твое царское величество: ево самово судишъ и преосвященныя митрополиты и архіепископы і епископы, архимариты і игумены и монастыри, освященныя старцы і весь церковный чинъ. Но о сихъ, христолюбивый царю, отъ него, Никона, при отреченіі престола съ клятвою въ церкви нѣсть глаголанно или откуду явленно, яко того ради онъ, Никонъ, оставилъ престолъ і нынѣ дерзая пишетъ къ страшному архіерею, гонителя и хищника тя нарицая, презрѣвъ апостольское правило 84, сице глаголющее [1]: «Аще кто досадитъ царю или князю безъ правды, аще епископъ или причетникъ, извержется»: царя бо верховный апостолъ Петръ чтити повелеваетъ; сице рече: «Князю людей своихъ да не речеши зла»;—и молитися повелеваетъ за царя и за вся, сущая въ величествѣ, досаждати убо князю или царю всѣмъ возбранено есть.

Статия 8-я. І паки Никонъ пишетъ, яко ты, великій государь, учинилъ миръ большой для нѣкоторого царя Грузинскаго,

[1]) Посл. Пет зач. 58 и 43 и 282.

естьлибы свидѣтельствовать истинными свидѣтелствы путь оного, имъ же идяше,—подобно рещи, яко огнь—хожденіе того, убогихъ домы пожигая грабленіемъ. И егда тому жившу въ пристанищи годъ, пишетъ, что ты, великіе государь, въ то время собралъ разныя власти, здѣ живущія, и ничево свыше написанныхъ отъ его отходовъ имъ не сказалъ; но то учинилъ, чтобъ лживыя свидѣтельства написаны были на него, Никона, отъ нѣкоторыхъ людей, въ твоихъ царскихъ палатахъ живущихъ. А иныхъ де ты, великіе государь, мученелствы стражаючи, приказалъ говорить, что онъ, Никонъ, доброволно оставилъ престолъ; архіереомъ и прочимъ властемъ будто ты, великіе государь, дары далъ, чтобъ руки свои подписали, чтобъ впредь ему патріархомъ не быть; и будто мы, твои государевы богомолцы, даровъ ради учинилися тебѣ, великому государю, послушны: не изыскавъ противной притчи и не роспроса отвѣту, для чево онъ отъѣхалъ, судъ чинили не прямо по твоему государеву указу и всѣ руки свои противъ ево подписали не по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, приводя правило одно 16 второперваго собора.

Статья 12. Да еще, благочестивый царю, объ тебѣ, равноапостолномъ помазанникѣ божіи, и о всемъ освященномъ соборѣ таковыя хулы дерзаетъ Никонъ произносити, явно имы отреченіе престола съ клятвою и безлѣпотно: не судъ убо чинити благоволившу ти, великому государю, о немъ и ни винъ искати, чтобъ ему патріархомъ не быть, но безъ зависти и рвенія и кромѣ тщетныя лести распрашивали властей, которыя прилучилися съ нимъ, Никономъ, въ службѣ въ то время. И свидѣтельствовали о немъ, Никонѣ, праведно бояся праведнаго божія суда, и ни по страсти и гнѣву, ни даровъ ради святители убо извѣстили по архіерейству сице; и архимариты і игумены, протопопы и попы и діяконы сказали по священству и весь причетъ по Христовѣ евангельской непорочной заповѣди сказали: что онъ, Никонъ, самовольно отрекеся престола и власти съ клятвою и не пастырь, но насомая овца звашеся и, не совершивъ божественныя службы, безчинно изъ церкви изыде. Свидѣтельствуетъ бо о сихъ писмо ихъ за руками і всего священнаго собора соборное

дѣяние за архиерейскими руками и иеромонашескими, въ немъже не одно 16 правило второперваго собора и 9-е правило третняго вселенскаго собора, 18-е правило сардійскаго собора и святыхъ (апостолъ?) правило 62, облакъ же свидѣтелствъ и правилъ преподобнаго Никона, нпока Черныя горы, нсъ правилъ Матѳеевыхъ, изъ другихъ божественныхъ писанныхъ. Како лжущи пишетъ Никонъ, яко судъ о немъ чинили не прямой по одному правилу второперваго собора и даровъ ради отъ тебе, великаго государя, учинились послушны и руки свои подписали?

Статия 13. Но и 16 правило второперваго собора нерадившаго епископа о своемъ стаде, ни болѣзни ради, ни царевымъ повелѣнпемъ, ни патрнарховымъ одержима, вяще 6 мѣсяцъ отъ своея церкви отшедша, епископскаго сана и чести чюждь праведно сотворити повелеваетъ. И зри здѣ правилнаго суда: не отрекшагося своея паствы сице осуди, но нерадившаго о своемъ стадѣ. Никонъ же отрекся съ клятвою и безчинно. Пишетъ, что его отъѣздъ не таковъ видится ему быти по евангельскимъ письмамъ, такъ какъ и самъ Христосъ отъ ярости Продовы и жидовскія многажды, охраняючися, отходилъ. Но и подражатель Христовъ нареченся суесловесный сей: и кого убо Прода нарекъ или жидовъ буявый? И отъ того съ Москвы побежалъ, подражая Христа! Како не заградятся она хулная уста и невмѣстная глаголющая? Не великимъ бо обозомъ Спаситель нашъ Христосъ бѣгалъ отъ Прода во Египетъ, да не убиенъ будетъ; но, смотренія таинство совершая, Пречистою Дѣвою носимъ, единому бывшу хранителю Іосифу обручнику, и тому нищу; и нашего ради спасенія нищъ на земли былъ, не имѣя гдѣ главы подклонити. И ни о собранні богатства пеклъся, ни многими вещми, но и уча ученики своя, глаголя [1]): *Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное.* И свидѣтелствуя о себѣ, рече [2]): *лисы язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити* [3]).

---

[1]) Матѳ. зач. 10.
[2]) Зач. 26.
[3]) Мар. зач. 32.

Статия 14. Но и отъ зависти жидовскія Христосъ въ пустыню отходилъ единъ со ученики своими, немного съ собою запасовъ имѣлъ, пять бо точію хлѣбовъ и двѣ рыбы. Но и сія народомъ предложити повелѣ и ядоша вси и насытишася и взяша избытки укрухъ 12 коша исполнь; ядущихъ же бѣ мужей яко пять тысящь, развѣ женъ и дѣтей. И паки седмію хлѣбы и малыми рибицами четыре тысящи насыти и избытки укругъ седмь кошь взяша. Но глаголяи, яко подражая Христа, со многимъ богатствомъ изъ царствующаго града изыде. Апостолъ же Павелъ [1]) отъ Июдей, убити его хотящихъ, нощію въ кошницѣ свѣшенъ по стенѣ, не много съ собою взятъ запасовъ и вещей Сице и Петръ [2]) ангеломъ изведенъ исъ темницы, а не ушелъ, и уже желѣзныя на руку имый. Архіерен же и сущая съ ними ересь саддукейская исполнишася зависти і возложиша руки своя на апостолы и послаша ихъ въ соблюдение обшее, рекше въ темницу; но ангелъ господень нощію отверзе двери темницы і изведе ихъ. И зри, како апостоли исъ темницы изводими бяху отъ святыхъ ангелъ, а не уходили. Но и въ сихъ солгалъ Никонъ: да ни въ темницѣ не сидѣлъ, и оковъ желѣзныхъ на руку и на погахъ не имѣлъ, і въ кошницѣ по стенѣ не свѣшенъ; но, умъ погубя, оставилъ престолъ и, никимъ гонимъ, гордости ради и гнѣва остави власть, многа богатства вземъ, отъиде, всуе вонстинну рекъ: подобяся апостоломъ.

Статия 15. Но и Григорій Богословъ самоволно оставль престолъ смиренія ради, а никимъ гонимъ; въ негоже мѣсто Нектарій скоро поставленъ бысть. Аѳанасій же великій отъ Ариянъ 6 лѣтъ по Божію извѣщенію у дѣвицы крыяшеся еретикъ ради, но не отвержеся престола съ клятвою, остави точію престолъ, повинуся волѣ Божіи и скрыся, да не, бусти ради еретикъ, убиенъ будетъ. Властижь, собранныя отъ тебе, великаго государя, свидѣтельствующия ево, Никоново, отверженіе патріаршескаго престола съ клятвою, аще и болши 6 мѣсяцъ прожили на Москвѣ, не суть достойны правильнаго осужденія [3]), зане рождьшіися во благочестіи

[1]) Зач. 28 і зач. 19.

[2]) Зач. 14.

[3]) Карѳаг. собор. прав. 94.

и въ вѣре воспитани бывше цари руку помощи даяти церквамъ должни суть: благочестивыхъ бо царей пособия и помощи церкви всегда требуетъ. Благочестивиже цари должни суть таковая подавати имъ, яко вѣре суще поборницы, да не отъ еретикъ или отъ безчинныхъ человѣкъ преобидимы бываютъ; всѣ бо седмь вселенстіи собори благочестивыми цари собрани быша, святіже и богоносніи отцы христолюбивымъ царемъ благопослушны быша и волю тѣхъ *Божию* волю непщеваша. Всуе бо рекъ Никонъ, что не надобно было слушать архіереомъ тебе, великаго государя царя, и не приходити безъ его повелѣнія.

Статия 16. Но все рекъ Никонъ, возвысився паче мѣры. Въ поставленіи бо святительства во святой соборной і апостольской церкви якова исповѣдь чтена предъ тобою, великимъ государемъ, и предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и предъ всѣмъ міромъ отъ него, Никона, сицева и отъ насъ, архіереовъ, въ поставленіи святительства. И аще бы ты, великіе государь, противно что церкви сотворилъ, въ лѣпоту бы не слушати и тебе, великаго государя царя, аще и смертію претилъ; но твое, великаго христолюбиваго государя царя, о святой соборной и апостольской церкви, матери твоеі, праведно и правилно попеченіе. Сего ради и всѣмъ намъ нужно, да не вдовствуетъ мати наша святая церкви: болѣ бо трієхъ мѣсяцевъ вдовствовати той правила не повелеваютъ. И како убо преслушны явимся, о благочестивый царю, о нихъ же и молитися должны есмы? Зане въ зазорѣ есмы правилно отъ странныхъ архіереовъ: не мы бо во истинну отъ него отступихомъ, но онъ насъ оставилъ, и молимъ со слезами: безчинно отвержеся престола и власти съ клятвою! Всуе бо помінаетъ правило второперваго собора 13, 14, 15: праведно бо тогоже святаго собора 16 правило епископъскаго сана и чести чюжа его устрояетъ.

Статия 17. Явлена бо вина Никонова—всѣмъ безчинное его отверженіе его престола съ клятвою і всему росіскому государству, пачеже и самой той соборной и апостольской церкви крайнее безчестие, яко, и не совершивъ божественныя службы, не проводивъ обычно Ризы Господни, безчинно изъ церкви изшедъ. Гдѣ бо въ писаніі таково ругателство

отъ православныхъ архіереовъ обрѣсти возможно? Въ правду своя ему сѣть, въ нейже и увязе, и ровъ, егоже самъ себѣ ископа. И туне молвилъ онъ Никонъ, яко безъ его воли мы, архіереи, тебя, великаго государя, слушая, въ царствующій градъ собрался. Не послушаніе точію мы, твои государевы богомольцы, тебѣ, великому государю, должны творити; но и молимъ та, равноапостольнаго государя, и со слезами просимъ, да упразнится буесть таковая и безчинна дѣтель: томимый гнѣвомъ туне, исполненный воистинну неправды и лсти да преданъ будетъ подъ крѣпкія начала въ пречестную которую либо лавру; тремъ же монастыремъ строитель отнюдь да не будетъ на пагубу самому тому и другимъ многимъ, но въ молчаніи по своему обѣщанію да спасетъ свою душу, въ твоейже, великого государя, державѣ пакости да не дѣетъ и обидъ многимъ да не творитъ! Мечь бо обоюдуостръ—своя ему воля. Аще обрящемъ благодать предъ тобою, великимъ государемъ, не презри молбы твоихъ государевыхъ богомольцовъ: да возмется нечестивый сей отъ среды нашея, да Божіе праведный гнѣвъ не постигнетъ насъ и въ правду постраждемъ, не пекущеся о благихъ. Благопослушливу же ти бывшу, государю, и дѣломъ сотворшу, о нихъже та молимъ, державу царствія твоего исподиніи благихъ и Бога милостива ко всѣмъ намъ сотворши и самого себе радостна узриши.

Статія 18. Слезно, христолюбивый царю, изгнанъ насилствомъ и чрезъ умъ пишется Никонъ, і будто для исповѣданія соборной церкви и для самой его неправды неправду поносити понужденъ дѣлатель. Воистинну неправды и преисполненъ всякія лжи и лсти: приводилъ правило 19 сардійскаго собора, будто для обидъ въ московскихъ своихъ паствахъ живетъ; и паки пишетъ, яко нынѣ въ великое говѣніе слышавъ отъ тебе, великаго государя, жестокую грозу чрезъ околничего твоего государева Продіона Матвѣевича Стрешнева: что ты, великій государь, буести его не хощешъ болши терпѣти. Праведно, воистинну, то твое государево слово и матери твоей, святой соборной и апостольской церкви, зѣло благопотребно и ко утвержденію царствія твоего, аще дѣломъ показати имаши. Но зри, христолюбивый государю, ру-

гателство оного. Пишетъ, будто слово твое государево показалося ему великая гроза; обаче убо авѣ говоритъ, что предъ тобою, великимъ государемъ, никакой вины не знаетъ, опрочѣ того, что пишетъ и говоритъ, постерегаючи неправды твоея; и что, де, ты, великій государь, святыя божія монастыри до большаго убожества привелъ и церкви божія силною своею рукою разорилъ, разсердився на него, и безъ его благословенія отъ святыхъ церквей и монастырей животы святыя отнимаешь и безъ суда и повелѣнія архіерейскаго подъ власть свою понуждаешь. Правда ли въ сихъ, христолюбивіі царю, глаголемая тѣмъ? Аще ли ни, воистинну ругателство.

Статія 19. И паки пишетъ Никонъ, что епископы и архимариты і игумены безъ архіерейскаго избранія по твоему государеву повелѣнію и по расмотренію поставляются и посылаются и ево, де, самого і весь пресвященный соборъ нѣкія люди судятъ, и называется де тотъ судъ монастырьской приказъ, и которыхъ, де, онъ, Никонъ, важетъ, ты, великіі государь, тѣхъ уволняешь и ни во что связку и проклятие его почитаешь и самъ, съ ними соединенъ, на молитву приходишь, будто преступаючи апостольскую 10 и 11-ю заповѣдь. Десятоеже правило святыхъ апостолъ молящагося со отлученными отъ истинныхъ архіереовъ въ правду отлучаетъ; но онъ, отвергніся и безчинно престола съ клятвою, нѣсть архіерей; сице і 11 правило святыхъ апостолъ молящагося со изверженными по правиламъ соборнѣ, а не страсти ради и гнѣва, сего отъ церкви и отъ сану извергаетъ. Но зри, христолюбивый царю, правилнаго суда [1]): епископа убо всея области соборомъ по нужде 12 епископы судить повелеваетъ, презвитеражь шестма епископы да судятъ и седмый свой да разсмотраютъ о немъ; діяконаже три епископы, четвертый свой; но и тако по правиламъ *судимыма* извергати отъ сана или проклати всея области соборомъ подобаетъ: свидѣтельствуетъ бо о сихъ вся седмь вселенстіі собори и девять помѣстныхъ, по различнымъ временамъ собравшихся еретикъ ради.

Статія 20. На первомъ бо вселенскомъ соборе 318 богоносныхъ отецъ, Арія ради попа собравшіися, извѣстнаго

[1]) Карѳ. правило 12 і 20.

ради врага Божія и еретика [1]), хуливша того на Сына Божія, тварь глаголюща, а не Бога и необратно того блядуща— соборне клятве того предаша. Единомудрствующаже со Ариемъ нечестиваго Македонія, патріарха Цараграда, хуливша Святый Духъ,—тварь, а не Бога того нарицающа, 150 святіи богоносніи отцы втораго вселенскаго соборѣ прокляша. Несторіяже, злочестиваго патріарха Цараграда, и сущихъ съ нимъ еретикъ, о вочеловѣченіи Сына Божія блядущихъ, — два бо сына глаголюща: единаго Бога, отъ Отца рождена, иного отъ Маріи Дѣвы и по любви соединившихся Богу Слову, сего ради и Богородицу Христородицу нарицающе;—но сихъ враговъ третіяго вселенскаго собора [2]) двѣсте святіи богоносніи отцы соборнѣ клятве предаша, не обращающихся отъ злобы. Но и 4-го вселенскаго собора 630 святіи богоносніи отцы вепря дивіяго Діоскора, патріарха александрійскаго, и архимарита Евтиха и прочихъ съ ними соборнѣ прокляша, блядущихъ сице, яко по привидѣнію плоть прія Господь нашъ Ісусъ Христосъ. Пятаго же вселенскаго собора [3]) святіи богоносніи отцы 165 Оригена безбожнаго, Дидима и Евагріа прія (?) злѣ хулящихъ, соборне клятвѣ предаша. 6-го же вселенскаго собора [4]) святіи богоносніи отцы 170, на единоволниковъ собравшеся Сергія и Пира и Павла и Петра, патріарховъ Костянтинограда, и Кирила, патріарха александрійскаго, и сущихъ съ ними еретикъ и иконоборцевъ, соборне прокляша, Господа же нашего Ісуса Христа во единомъ составѣ исповѣдаше, во двоюже естеству—божествѣ і человѣчества. Седмагоже вселенскаго собора [5]) святіи богоносніи отцы 366 иконоборцовъ и христіанохуливниковъ Лва Ісаврянина и единомысленниковъ его Анастасія и Копронима и по нихъ бывшихъ патріарховъ Костянтина града и сущихъ съ ними еретикъ соборне клятвѣ предаша.

Статія 21-я. Онъ убо, Никопъ, безчинно отвергшіся престола съ клятвою, откуду имать власть связати или рѣшити?

---

[1]) Въ Грамогр. въ царство Костан.

[2]) Въ царство Маркіаново.

[3]) Въ царство Іустиніана.

[4]) Въ царство Костан. Брадатаго і сына его Устиніана

[5]) Въ царство Костянтина и матере его Ірины.

Не имый же власти вязати или рѣшити, како имать несудимыхъ правилѣ и не обличенныхъ соборомъ проклинати? Кого бо отъ архиерей і святыхъ отецъ единомудрьствующихъ съ собою имѣя Никонъ? Ей, никого. Но злобы ради самого себе убивъ, а ихъже прокля безъ ума, сихъ въ правду вѣнча и отъ Бога благодати сподоби. Оружие бо извлече Никонъ, по пророку [1]), сострѣляти убогихъ і нищихъ отъ отъ всякия неправды, заклати хотя правыя сердцемъ. Но оружие его внидетъ въ сердце и лукъ его въ правду сокрушится. Хулная же вѣщая на тебе, великаго государя, неопасива уста имѣя, ясно показуяи всѣмъ свою злобу разорителя святыхъ божиихъ монастырей і церквей и тебе, великаго государя, царица, свѣтло являя кротость и беззлобие твое государево, въ правду онъ Никонъ святыя божии монастыри до болшаго убожества привелъ: строя свой Новый Іерусалимъ и другия два монастыря, многимъ скорбь и безчисленную пакость содѣя. Нареченный же его Новый Іерусалимъ противенъ древнему, о немъже древле пророки проповѣдаша, і Сынъ Слово Божие пресвятыма своима ногама ходя освяти и безчисленными знамении и чюдесы онаго прослави і въ немъ волею благоволи о нашемъ спасении пострадати і пречистую свою кровь излияти. Перваго же епископа Иякова, брата господня, во Іерусалимѣ своима руками освяти и по воскресении своемъ божественными своимъ ученикомъ и апостоломъ отъ Іерусалима отлучатися не повелѣ, дондеже облекутся силою свыше; і по вознесении своемъ на небеса къ Богу и Отцу въ день пятьдесятный низпославъ Святаго і животворящаго Духа въ огненыхъ языцѣхъ во Іерусалимѣ же, і на вселенную проповѣдь отъ святыхъ апостоль отъ Іерусалима изыде Свидѣтельствуетъ бо ясно пророкъ Исаія, *яко отъ Сиона*, рече, *изыде законъ і слово господне отъ Іерусалима.*

Статия 22-я. Аще бо во Іерусалимѣ возрастетъ отъ Духа Святаго вѣра и тамо первѣе распространися, вездѣ въ правовѣрныхъ возрасте, а не приде: отъ Іерусалима пшедше, учаху языки, но и паки возвращахуся отъ востоку и до

[1]) Псалом 36.

полудне и отъ запада во Іерусалимъ апостоли; и тамо прибѣжище имъ бѣ, во Іерусалимѣ бо и гробъ господень и пречистыя Богородицы Дѣвы Маріи житіе и успеніе и гробъ ея чюдотворный на мѣсте, нарицаемѣмъ Гевсиманіи, пребываетъ. Но и въ день воскресенія на всако лѣто преславно огнь, съ небеси сходя на гробѣ господни, во Іерусалиме свѣщи вжигая, православному патріарху съ причтомъ поющимъ: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ.* Воистинну, *благословенъ Господь отъ Сиона, живый во Іерусалимѣ.* [1]) І святый убо Захаріи рече: *Обращуся и вселюся посредѣ Іерусалима.* На Сіонъ сниде Іоанъ Дамаскинъ воспѣтъ: *Радуйся, Сіоне святый, мати церквамъ, божіе жилище!* Въ томъ бо Господь Богъ тайну вечерю апостоломъ подаде, разумѣйже церковь, і нареченію въ жилище себѣ до вѣка. Аще бо и чрезъ триста лѣтъ истинныя церкви во Іерусалимѣ не бѣ, одержанія ради мучителей царей, до великаго Константина; но сихъ ради святая мѣста не погибоша: пуста бо бысть церкви іерусалимская за неистовство Жидовъ, но благодати божія не лишишася. Отъ всея бо земли и моря приходятъ [2]) вси и благословеніе кипящее отъ Іерусалима взимаютъ, о немъже пишетъ Ѳеодоритъ на псаломъ 101: *Трилюбезенъ бо есть намъ Сіонъ, аще и зѣло пустъ бысть, любима же и каменія разореная и персть раскопанная ратными: память бо сихъ любезна есть насъ ради содѣянныхъ въ немъ великихъ тайнъ и благодатей.* Но скращу за умноженіе свидѣтелствъ, въ *Книгѣ* бо *о вѣрѣ* въ первомъ словѣ асне узритъ кто.

Статія 23-я. Откуду убо, благочестивый царю, таково дерзновеніе Никону, яко свое жилище Новый Іерусалимъ нарече? *Всяко бо возненавидѣ и не вѣрова въ Сіонѣ бывшимъ тайнамъ, постыдятся отъ Господа и яко трава отъ огня будетъ изсохши,* по пророку бо: Аммосъ претитъ сице лютѣ хулящихъ Сіона. И Давидъ утверждаетъ: Да постыдятся и возвратятся во адъ вси ненавидящіи Сіона. Смѣху же достойно, паче же и плачю: и Истру реку зваше Іор-

---

[1]) Псаломъ 49.

[2]) Въ рук. *преходятъ.*

данъ. И сихъ ради, нехотящихъ звати Іерусалимъ, Іорданъ многимъ скорбь сотвори. Строящіже его обитель несказанны бѣды подъяша отъ приставникъ его. І въ правду священный Паисия, митрополитъ газской, ево, Никоновъ, новый Іерусалимъ *Никаполимя* нарече, сирѣчь: *градовомя смятение*, (смятение?) убо по гречески *паникитасъ*. *никосъ* толкуется смятение, для ради грѣха и смуты, которая приключилась въ первомъ основаніі его. Никтоже отъ отецъ ни отъ благочестивыхъ царей смѣя которое жилище или градъ Іерусалимъ нарещи, точію окаянный Мамантъ еретикъ, иже и Параклита себе именова, и двѣ женѣ, съ нимаже блудъ твораше, Прискиллу и Максимиллу пророчицы именоваше; градецъ же нѣкій во аѳригистѣй области, емуже имя Пепузанъ, Іерусалимомъ нарицаше. Сему подобно сотвори Никонъ, о немъже свидѣтельствуетъ тойже священный Паисия, глаголя сице: «О недостоинствѣ! о непзвычепная новость! Новый Іерусалимникъ, любитель новыхъ речей мужь! не было пророчества о твоемъ непрямомъ Іерусалиме! О Никоне! ново писмо нарицаешъ, зъ жиды единомудрствуя! Жидове бо жалаютъ и дожидаются тебе: что изыдетъ воплотится и родится новый Месия въ Новомъ Іерусалиме. На удачю не въ твоемъ ли, о Никоне, антихристова будетъ родителница? Но кинь, человѣче: не шути святыми дѣлы, не играй рѣчьми богоданными. Единъ есть Іерусалимъ на земли, въ немъже и судити будетъ Христосъ вселенѣй въ правду и воздасть комуждо по дѣломъ его, — о немъже пѣснопѣвецъ вопия глаголетъ: *Въ дому давидовѣ страхъ великъ, ту бо престоломъ поставленомъ судятся всяка племена земная и языцы.* А вторый Іерусалимъ на небеси. Никто не вздумалъ, токмо Мамантъ и Никонъ, но не по достоинству. Блаженный Максимъ Грекъ глаголетъ въ книзѣ своей: *Никоторый градъ*, рече, *называй Іерусалимомъ, аще і всею вселенною обладаетъ: единъ есть Іерусалимъ на земли і единя земля Іюдейская, въ нейже родися Христосъ, і во Іордани крестися, і на горѣ ваворстѣй преобразися и на Голговѣ распятъ быстъ и погребеся нѣде близъ і по воскресеніі со ученики своими 40 дней пожившє и отъ горы елеонскія на небеса вознесеся.*

Статия 24-я. Никонъ же пишетъ, что крутицкого митрополита проклялъ для того, что онъ, митрополитъ, въ недѣлю цвѣтоносия по обычаю въ великой Росіи всѣлъ на жребя предъ всѣмъ міромъ. И, бѣдно себѣ вмѣнивъ, рекъ: «Крутицкой митрополитъ, что Евза проклятъ: отческое ложе осквернилъ і отеческой престолъ опозорилъ: безо всякаго сомневанния всѣлъ на отеческомъ престолѣ со обиженіемъ отчимъ. А во святомъ евангелиі пишетъ, что одинъ Христосъ сидѣлъ и того апостоломъ дѣяти никогдаже не приказалъ.» Но всуе рекъ суемудреный; забы пресвятый Спасовъ глаголъ: *Вѣруяй въ мя дѣла, яже творю, и той сотворитъ и болша сихъ сотворитъ.* Да аще въ преестественныхъ божественнымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ власть даде, еже бо болящая исцѣляти, прокаженныя очищати, мертвыя воскрешати, бѣсы изгонати: смиренное вхожденіе во Іерусалимъ на жребяти осли Господа нашего Ісуса Христа кто возбранн отъ святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, да не обновится таинство сіе на славу пресвятому имени Его? Но аще Христосъ единъ на жребяти седѣлъ и того апостоломъ дѣлать никогда же не приказалъ, нелѣпо баше, по его мудрованію, и ему самому дѣйствовати вайя, еще и не отрекшемуся безчинно архіерейскаго престола съ клятвою, зане апостольскиі і онъ былъ наѣстникъ, аще и первый бысть епископъ всего государства росіскаго: первый бо епископъ не началникъ епископомъ, ни крайніе святитель, но епископъ перваго сѣдалища [1]) наречется, рекше царствующаго многонароднаго града: святительскиі бо санъ единъ есть и тажде на всѣхъ..... [2]) Не наречется сей убо совершенъ, иже несовершенъ, святитель; но вси равни святители, вси епископи, якоже и благодать Святаго Духа равно пріемше. Въ правду своя ему хула на свою главу да обратится! И второе самъ себя прокля, отрицаяся престола, и сдѣства ради вайя гнѣвомъ томимъ, не имый власти ничтоже, ради извѣстнаго отреченія, простъ черецъ — хапаетъ, яко звѣрь, внѣ ума бывъ. Аще бо истиннаго архіерея, власть архіерейскую имущаго і священства благодать, проклинаетъ, играя, досадити хотя; но пѣсть се игра по мнѣнію суему-

[1]) Правило Кар.соб. 39. [2]) Въ рукописи пропущено, вѣроятно, слово: *благодать*.

древняго [1]): воистинну, свой ему мечь его самого гнѣвомъ напыщенное сердце пронзетъ. И не туне въ правду проклятъ первѣе самѣмъ собою, отрицаяся престола, не хотя пастырь быти, но окрастованную овцу себе наричаше; второе — своимъ ему судомъ, имъже безъ вины тщихъ осудилъ, зане и самъ былъ митрополитъ въ Новѣградѣ вайя дѣйствовалъ. Аще бо по того мудрованию ихже (прокля), то и прокляти бываша і въ другихъ градѣхъ дѣйствующая вайя, клятвы не отбѣгоша и вси сообщающіися имъ.

Статия 25-я. Но нѣсть тако, благочестивый царю, яко же онъ, Никонъ, суемудреныі, смыслы, учимъ воистинну древнимъ человѣкоубіицею діяволомъ и съ нимъ совѣтуя всегда, рѣяхъ, ко отчаянию привести тщася и всѣхъ погубити хотя. Забы пресвятый Спасовъ глаголъ: *Миръ мой оставляю вамъ и миръ мой даю вамъ.* Но нѣсть сей сынъ мира, но древняго злодѣя сынъ, ищущаго всѣхъ поглостити,—гнилая воистинну глава, но не церковнаго телесе, своимъ его послѣдующа мудрованіемъ его, прокаженны вся имѣя уды и чюжъ бывъ благодати священства, нелѣпотнаго ради отверженія престола съ клятвою. Внѣ бо ума бывъ, сущеи главѣ церковнаго телесе досаждаетъ, истинныя архіереи сыны себѣ наричаетъ, недостоинъ воистинну и прага церковнаго, зане, чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, еще въ мирскихъ священство принятъ; не къ церкве бо и престолу поставленъ, но на дворянской дворъ въ крестовыя попы, оболгавъ архіерея; мира же отвергніся не любве ради Христовы, ниже смиренія ради, но внѣшнюю честь и славу гоня, нѣкоему реку къ нему, яко великъ імать быть, аще пострижется. Но съ волею же подружні своеи, но и кленущні его, остави ю любопачалія ради и отлучися отъ нея чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ. Въ правилѣхъ [2]) пишетъ сице: Аще кто дѣйствуетъ или воздержится, мерзокъ творя бракъ і яко гнусно отшедъ, а не доброты ради і святаго дѣвственнаго пребыванія, да будетъ проклятъ [3]). Да аще убо проклинаетъ благовѣрія ради отшедшихъ, еже есть іночествовати, то колми паче богатства ради и чести? І святыхъ

[1]) Въ рук. *суединомудренаго.* [2]) Гангрскаго прав. 9. [3]) Корич. 146.

апостолъ правило 15 сице глаголетъ: Аще презвитеръ или діаконъ помощницу свою изженетъ, да отлучится; аще же не введетъ ю паки, да извержется. Богатстважь ради и чести болшія жены своя пущающа не точію отъяти санъ божественное писаніе велитъ отъ нихъ, но и отнюдъ проклясти и отъ святаго обшенія отлучити. Но вѣжь, христолюбивый царю, яко Никонъ не въ сихъ точію увязе, но и сугубо обруга себе самъ. Егце бо въ царствующемъ градѣ Москвѣ белцемъ, а священноіноческую благословенную грамоту взялъ, оболгавъ преосвященнаго митрополита Антонія (Аѳонія?) новгородцкаго і Никона себе нарекъ преже постриженія своего волею и, ѣдучи во анзерскую пустыню, на Вологдѣ въ папертѣ церковнѣй Ильинскимъ игуменомъ Павломъ постриженъ, а не въ церкви; пріѣдучи въ пустыню, абие священноиноческая дѣйствовалъ и подъ началомъ не бывалъ. Аще всю жизнь ево кто извѣстно вѣдали, преже прія чести и власти, въ правду бы рекъ, яко на прагъ церковный нѣсть достоинъ взыти.

Статія 26-я. Преосвященный же Питиримъ, митрополитъ сарскіі і подонскіі, аще і тремя епископіями владѣетъ, но не похити другихъ престолы; свое ему званіе крутицкіі митрополитъ, а не другихъ епископіі По отреченіі бо его, Никоновѣ, престола съ клятвою і по презрѣніі молбы тебе, христолюбиваго государя царя, и триехъ архіереовъ і всего освященнаго собору і всего причта, послѣдующу тому своей ему воли и юзою анаѳема себе связавшу, яко ни мыслити ему патріархомъ быти и, сице рекшу: *да не уподоблюся псу, возвратившуся на своя блевотины*, и сице тому обругавшу царствующаго града престолъ и святительскую власть, яко, ни божественныя службы совершивъ, безчинно изъ церкви изшедъ, и никимъ гонимъ: обаче ты, христолюбивый государь царь, і въ другіі день паки молити того послалъ боляріна своего государева, князя Алексѣя Микитича Трубецкова, якоже і въ соборную церковь, къ нему на подворы, сице і третицею тогоже боляріна въ воскресенскій монастырь посылалъ. Но ярости и гнѣва исполненыі трижды отъ тебе, христолюбиваго государя царя, молбы не пріемъ и третицею отверженія ни мыслити хотя пріяти престолъ. Тогда, христолю-

бивый царю, волею твоею государевою и совѣтомъ архиерей царствующаго града, святыя соборныя и апостольскія церкви правленіе ввѣрено быть преосвященному Питириму, митрополиту. Не властѣже взятъ и суздалскія архіепископіі правленіе, но твоеюже волею государевою, оклеветану бо сущу архіепископу і не приемлему грацкими жители. Не противъ же правиломъ содѣя. Во Антіохіі сиртѣй правило 18, аще и чести епископскія не отъемлетъ отъ таковыхъ і служити не запрещаетъ, но ожидати велитъ всея области епископъ, да соборнѣ управять о немъ, стужающаго же другимъ епископіямъ таковаго отлучити повелеваетъ; хотя же да причтенъ будетъ презвитеры, равну честь приняти ему велитъ; аще же і противу ту сущимъ епископомъ молбу творити начнетъ, и отъ презвитерскія чести да изринется и отъ церкви отлученъ. Сихъ ради нужно, благочестивыі царю, другаго архіепископа и[illegible] дондеже о немъ соборомъ управится, епископіі той не [illegible] правленія быти.

Статія 27-я. Всуе молвитъ Никонъ, что преосвященныі Питиримъ, митрополитъ сарскіі и подонскіі, отческое ложе осквернилъ и отческіі престолъ опозорилъ, безъ всякаго сомнѣванія всѣлъ на отческомъ престолѣ предъ всѣмъ міромъ со обиженіемъ отчимъ. Преосвященный Питиримъ митрополитъ не опозорилъ патріаршескаго престола; но онъ, Никонъ, патріаршескіі престолъ обругая безлѣпотнымъ отреченіемъ і ко блевотинѣ песьѣ того приложи: *да не возвращуся*, рече, *яко песъ на своя блевотины*. Обаче безъ всякаго сомневанія паки алчетъ престола и, пренебрегъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, архіерейская властіе дѣйствуетъ, отчаявся. Преосвященныі же Питиримъ митрополитъ не безлѣпотно что содѣя и по своею волею честь приемъ, ниже чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ. Вси бо епископи, суще по образу Господа нашего Іисуса Христа, — глава церковнаго телеси [1]). Градстіі бо епископи — по образу суще 12 апостолъ вси, на нихъже дуну Господь: *Пріимите*, рече, *Духъ Святый*, і на нихъже низпославъ пресвятый і животворящіі Духъ во огненныхъ языцѣхъ; и глаголаша страннымі языки, имъже і благодать Святаго Духа даяти

[1]) Правило святыхъ апостолъ 18, въ Новой Кесар. прав. 14.

ввѣрено бысть. Селстиіже бо епископи по образу суще седмидесяти апостолъ, имъже есть дарованно благодати Духа Святаго раздаяние. Зриже, христолюбиеый царю, и равенства градскихъ епископъ: по образу бо суще двоюнадесяте апостолъ вси. Зриже и любомудрия апостолъ, яко, егда Филипъ, иже отъ седмидесяти діяконъ сы, шодъ въ Самарию, крести многи,—і слышавше апостоли во Іерусалимѣ, послаша верховнѣйшаго Петра і Иоанна, и ти безпрекословно послушавше вседше полагаху руцѣ на крестившихся,—і пріимаху Духъ Святый. По которому образу Никонъ, будучи на престолѣ, поработилъ свою братію архіереовъ, обругавше патріаршескіі престолъ, и сыны себѣ нарицаетъ и обычно архіерейская дѣйствующихъ проклинаетъ, отъемля царствующаго града красоту и честь? И паки молвитъ, яко преосвященный Питиримъ,-митрополитъ, константинопольскаго патріарха паствы, рекше кіевскія, изволившу ти, государю, и совѣтомъ всѣхъ архіереовъ всея великія Росіі, Меѳодія во Мстиславль и Оршу постави во епископы, не единъ же, но со другима трема архіереома і во время поставленія на первомъ мѣстѣ седѣлъ по чину, сущимъ съ нимъ архіереомъ степенми нижайшимъ. І се—не чрезъ правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ; по правиломъ бо два или три епископы поставляютъ епископа; і индѣже пишетъ, яко епископъ отъ всѣхъ епископъ, сущихъ во области, поставляется; аще ли ни, обаче отъ трехъ поставляется, прочимъ же писаніемъ сложившимся, власть же митрополит. Аще бо и 6-е правило вселенскаго собора коемуждо патріарху своими предѣлы обладати и никому же ихъ иныя области не возхищати, не бывшія прежде подъ рукою ихъ изначала: се бо есть гордость мірскія власти, и кромѣ бо воли старѣйшаго сущаго въ митрополіі епископа, рекше патріарха или митрополита, избраніі 15 поставленіе не бываетъ. Не епископъ бо, аще и поставленъ будетъ въ правду, но мнящся старѣйшина быти [1]) съ клятвою безчинно отвержеся престола и на мѣсто отъ простыхъ человѣкъ самъ себе сведе и безъ отвѣта долженъ есть о своихъ грѣхъ плакати. Аще бо по симъ правиломъ [2])

[1]) 2-го вселенск. соб. прав. [2]) Прав. 3 во Антіохіі.

и не убѣхомъ вины, но должни есмы прощения просити у Костянтинопольскаго патриарха, зане области его прежде сего та страна была [1]), нынѣже волею божнею подъ рукою тебе, христолюбиваго государя нашего царя; и не чрезъ бо волю твою государеву отъ насъ содѣянно что съ тобою, великимъ государемъ. Къ Костянтинопольскому патриарху и прощения просити должны есмы.

Статия 28-я. Во время бо великаго князя Василия Васильевича всея Русні по Ѳотні митрополитѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ истиннаго пастыря не быть 18 лѣтъ. Въ та бо времена приде Исидоръ митрополитъ къ Москвѣ, родомъ Латынникъ, иже поставленъ во Царѣградѣ отъ патриарха Іосифа при царѣ Іване Калуяне. И бывъ Исидоръ на Москвѣ четыре мѣсяцы, и поиде на Ѳлоренскні соборъ и прелстившеся съ патриархомъ Іосифомъ и со другими епископы златомъ, съ нимижъ и царь Іванъ Калуянъ сложися. Точію блаженный Марко, митрополитъ ефескні, і Григорні, митрополитъ иверскні, Исакні, митрополитъ нитріскні, Соѳронні, митрополитъ гаскні, и сущні съ ними, иже латинское злочестие обличаху и соборъ той проклятымъ называху; блаженныі же Марко и чюдеса показа. Цареградскні же патриархъ Іосифъ на томъ проклятомъ соборе умре и погребенъ быть въ латинскомъ костеле; царь же Іванъ Калуянъ, идый отъ богомерскаго собора, абие умре, егоже и земля трижды погребенна изверже, и тѣло его отъ песъ снѣдено быть. Суемудреный же Исидоръ приде къ Москвѣ и нача поминати въ первыхъ папино имя; великні же князь Василні Васильевичь, аще тогда и младъ сыі, но старыхъ премудрыхъ бяше разуменъ,—Исидора, въ прелести суща, обличи его безумие и отъ митрополіи изверже, посла въ Чюдовъ монастырь. Онъ же нощию убѣже бездвернемъ и со ученики своими со Григориемъ и Аѳонасиемъ. Евгенніже папа постави въ Царьградъ на патриаршество отъ Латынъ именемъ Григория, постриженну браду и усъ имуща. Сего ради великні князь Василні Васильевичь, совѣтовавъ со архиереи всеа великия Росні, въ митрополиты резанскаго епископа Іону чюдотворца своими рускими архіепископы і

[1]) Прав. 9.

епископы і всѣмъ священнымъ соборомъ въ лѣто 6956 году (постави). Въ то убо время Исидоровъ ученикъ поставленъ митрополитомъ въ Киевѣ отъ Латынника, отъ цареградскаго патріарха Григорія, постриженну браду и усъ имуща, отступника православныя вѣры. И егда приіде въ Киевъ Григорні митрополитъ, раздиратель церковныі, Исидоровъ ученикъ, нарицая себе митрополитомъ киевскимъ и всеа Русні, блаженныіже Іона, митрополитъ московскіі и всеа Русні, писаше ко кралю—не пріімати Григорія, раздирателя церковнаго, і не послушанъ бысть, въ лѣта 6961-го. І оттолѣ раздрася киевская митрополія съ московскою всеа Русні, еретикъ ради, а до того времени одна паства была. По Іонѣ же, митрополитѣ, поставленъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ митрополиты Ѳеодосні, архіепископъ ростовскіі, рукоположеніемъ своихъ рускихъ архіепископовъ і епископовъ. По лѣтѣ же единомъ Ѳеодосні, митрополитъ московскіі і всеа Русні, постави на Москвѣ въ митрополиты Іосиѳа въ Кесарію Ѳилиппову, во Іерусалимъ оттуду пришедша. І по сему не новъ обычай каковы любо ради вины поставляти епископы и въ другія паствы.

Статія 29-я. А еже пишетъ Никонъ, что преосвященный Питиримъ, митрополитъ сарскіі і подонскіі, во своей области какъ и поставленъ не бывалъ; но преосвященныі Питиримъ митрополитъ во своей области живетъ, какъ и прочія митрополиты, преже его бывшія. Въ лѣпоту Никонъ сказалъ: «Проходилъ ли онъ своея паствы грады?» Бывъ въ митрополитахъ въ Новѣградѣ такоже і въ патріархахъ своея области градовъ, уча ко благочестію, всяко не проходилъ, точію благочестивыя священноархимариты и игумены і протопопы и попы гонилъ, а послѣдующихъ воли его, мира сего мудрованіе имущихъ, любилъ; но і тѣмъ пакости многи творилъ. Прежде его бывшія патріархи въ царствующемъ градѣ Москвѣ и преосвященныя митрополиты, архіепископы і епископы всеа великія Росні, аще і градовъ своея паствы по правиломъ не проходили далняго ради растоянія или тягости ради людей; но учители церковныя благочестивыя архимариты і игумены і протопопы і попы во грады поставили, могущія ползовати вѣрныя люди, отъ нихъ же мнози обрѣтшеся отъ невѣгласъ

и страдалцы, по писанному [1]): *Хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ.* Сихъ ради, благочестивыі царю, і нынѣ тебе молимъ і, припадая на колѣни, милости просимъ: даждь миръ матери твоей, святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви! Миръ же устрои ти никако имаши, аще истинныхъ архиереовъ искати не будешь, проходящихъ добродѣтель і въ чернечествѣ свидѣтелствованныхъ: егоже бо избрати волиши во архиереи, чтобъ отнюдь не менши 15 лѣтъ въ чернечествѣ былъ і въ послушаніі у старца искусна бывъ і въ чернечествѣ въ добромъ свидѣтельствованъ. Царствующаго же града перваго сѣдалища епископа, рекше патріарха, избрати благоволи священное писаніе протолковати могуща и разумѣюща все божественное писаніе со испытаніемъ и священная правила святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ извѣстно вѣдуща, въ лѣтѣхъ же совершена суща и добродѣтелми и крайнимъ смиреномудріемъ цвѣтуща, своеяже воли исправити догматы не имуща, но совѣтомъ, а не дерзостно исправляюща, ревнителя же о благочестіі і не стыдящеся лицъ, многолѣтна въ чернечествѣ суща і въ послушаніі, во еже обрѣзать своя ему воля крѣпко обучившася. Красота бо старецъ — со смиреномудріемъ высокое житіе и не своя воля. Архиерею бо совѣтливу быти подобаетъ і ничтоже дерзостію творити, да не многимъ соблазнъ і претыканіе будетъ. Во мнозѣ бо совѣтѣ спасеніе бываетъ, якоже богоотецъ и пророкъ царь Давидъ, вопія, глаголетъ: *Въ совѣтѣхъ правыхъ и соймѣ велія дѣла господня изыскана во всѣхъ воляхъ Его*; і паче пишетъ: *коли великъ еси, толико смиряй себе.* И сіце, христолюбецъ, не менши 60 лѣтъ да будетъ, яко присно смерть предъ очима имѣти будетъ, єдино мудрствуя, да благолѣпіе церкви сохранитъ и не бы зданіі каменныхъ ни о строеніі градовъ и селъ, но о спасеніі душъ человѣческихъ промышляетъ. Но и о сихъ, христолюбивыі царю, безъ гнѣва послушати благоволи: въ моръ постригшихся и подъ началомъ не бывшихъ, ни своея воли до конца отринувшихъ во епископы поставити блюди себе; і ихъ бо ради не мала бѣда бываетъ въ церкви, еще и мудрствующихъ і свое хотѣніе творящихъ. Но і о сихъ, христолю-

[1]) Къ Тимоѳ. 296

бивыі царю, да не сумнишися, яко скудость архіереі имаши въ державѣ царствія твоего: всеа бо области соборомъ безъ сомнѣнія судится епископъ, но не отвергиіся престола съ клятвою, якоже и Никона; власть архіерейскую имущаго, обличена бывша о грѣсѣхъ или въ ереси суща, сейже безъ совѣта, самаго себѣ связавъ, безсовѣтіемъ держимъ и дерзостныя ради и не соборны клятвы и дѣйства самъ себѣ убивъ. Како о томъ соборъ? Великіі князь Василей Васильевичь митрополита Исидора отъ митрополіі властне изверже и въ Чюдовъ монастырь посла; но и Зосима, новогороцкія ереси суща, 6 архіереовъ рускихъ со архимариты и игумены отъ сана извергоша і въ него мѣсто поставиша Симона, игумена Троицкаго монастыря, въ митрополиты. Сіе же сотворше, не правиломъ противящеся, но да не вдовствуетъ свята соборная и апостольская церковь. Аще бо и пространно царство благочестивыя державы; но не во многѣхъ градѣхъ епископіи. Аще бъ воля твоя, мощно бъ быти, якоже і въ прочихъ паствахъ, епископомъ при благочестивыхъ греческихъ царѣхъ, точію уравнение было въ церквахъ и въ вотчинахъ 300 церквей, — 500 крестьянъ — безъ нужи епископія; а гдѣ малыя зборы отъ церквей мощно дать и 400 церквей епископу; и по сей въ ростовскоі епископіяхъ мощно быти отъ нихъ многимъ епископіямъ, такожде і въ другихъ паствахъ, гдѣ 1000 церквей і крестьянъ.

Статія 30-я. Пишетъ Никонъ, о благочестивыі царю: что оныхъ трехъ иноковъ проклялъ, будто они наругаются исповѣданію православныя вѣры, присланнаго ему отъ святѣйшаго Паисея, цареградскаго патріарха: и во святѣй, до, литургіи въ божественныхъ таинствахъ не довѣруютъ и недружбы чинятъ, противъ того, что онъ ісправилъ думою и благословеніемъ святѣйшихъ вселенскихъ патріархъ, а во благости до своей никогдаже хотѣлъ ни прибавить ни убавить отъ церкве, опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ; еже есть: Кормчую книгу въ тисненіі печатномъ перебилъ и со старыми писмянными книгами отнюдь несходны устроилъ; единъ выходъ былъ, а самыі несогласныі: и съ которыя будто и печатаны, и съ тою несходны. Такоже и прочія книги, при патріаршествѣ его тисненіемъ печатнымъ

изданныя, мятежа и смущения исполнены и 6 бо выходовъ служебниковъ мудрования его сами въ себѣ согласия не имутъ. Но и *Скрижаль* духовная сама въ себѣ несогласна: существа перебиты, а толкованиемъ съ нашими древними печатными служебниками во многомъ несходно. Да аще онъ, Никонъ, отъ цареградскаго патриарха Паисея вѣре научился и исправити потщался: царствующаго града Москвы благочестивыі и христолюбивыі цари і великия князи і князи і боляря и преже его бывшия 5 патриарховъ і преосвященныя митрополиты, и архиепископы и епископы, священноархимариты і игумены, протопопы, іереи і діаконы, і святыхъ великихъ обителей і прочихъ монастырей иноки, паче же и старцы и христолюбивый православный росіскіі народъ ушто до него, Никона, не право вѣровали и безкровную жертву Господеви всегда приносили туне? Оле дерзости и безстудна! Не насытився, убивая вѣрныхъ душа; глаголетъ, ако исправляя и не хотящихъ послѣдовати прелестному его мудрованию проклинаетъ. Не ново убо начинающе святіі они старцы, но древнее святыхъ отецъ преданіе утверждающе, вѣрныхъ души отъ смущения свободити тщашеся. Глаголай же, ако не хотѣлъ прибавить ни убавить опрочѣ правилъ святыхъ апостолъ і святыхъ вселенскихъ соборовъ, приказывалъ: какъ ни есть толко не по старому. О книгахъ убо, благочестивыі царю: — что извѣщалъ преосвященный Паисия тебѣ, благочестивый царю, которыя отъ многихъ странъ собраны заперты безпожиточно, — пишетъ Никонъ, что въ ево далныя монастыри отвезены,—не въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Почто, христолюбивыі царю, попусти сице — не реку, человѣку, но звѣрю, и нимало добра смыслившу святѣі церкви и державѣ царствия твоего?

Сихъ ради молимъ тя, христолюбивый царю: даждь пастыря церкви и благочестивую державу царствия твоего отъ крайняго безчестия свободи и вѣрныя люди отъ смущения избави. Даждь миръ церкви, да не предварятъ насъ отъ Бога праведный гнѣвъ; но да, и чисту молитву возславше Вседержителю Богу, предваримъ лице Его исповѣданиемъ и получимъ милость, славяща святую Троицу, Отца и Сына і Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

III.

С М ѣ С Ь.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ АКАДЕМІИ НАУКЪ *).

(Сообщены К. П. Победоносцевымъ).

1.

Регламентъ академіи наукъ 1725 года.

Божіею милостію мы Екатерина, Императрица и Самодержица Всероссійская

и протчая и протчая и протчая.

Колико блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорское Величество нашъ любезнѣйшій супругъ и Государь о обученіи природные склонности народа своего, особливо ко всякимъ художествамъ и наукамъ рожденнаго и способного, исемѣрно трудился и сколь благополучнымъ успѣяніемъ въ познаніи правительства дѣлъ государственныхъ и въ дѣланіи хитростей воинскихъ мудрымъ своимъ совѣтомъ наставилъ своихъ подданныхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно.

Но якоже блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Августѣйшій Императоръ вся, яже въ войнѣ, исполнити вознамѣрился, тако обычай имѣлъ подвергати жестокому своему испытанію (что никому, развѣ прозорливѣйшему оныхъ намѣреніе явно было); равнымъ образомъ и въ мирѣ состояніе наукъ испытаніемъ изобрѣлъ, провидяще бо преострого разсужденія Императоръ, яко многая еще оскудѣваютъ къ благополучію народа его и науки въ Имперіи его еще не достигли во оный совершенства градусъ, какъ желалъ, и чюжестранныхъ на увеселеніе сердца своего обрѣталъ: въ семъ единомъ умъ его обращался, како

*) Эти документы списаны съ засвидѣтельствованныхъ копій, коихъ орѳографія по возможности удержана.

бы кратчайшій и способнѣйшій путь изобрѣсти, чтобъ завести науки и онымъ людей своихъ, елико мощно скорѣе, обучити. Аще бы общимъ какъ въ иныхъ странахъ, школами и ученными людьми преисполненныхъ, путемъ итти хотѣлъ отъ настоящаго Имперіи состоянія, предусмотрѣлъ, что къ желанному намѣренію своего концу не достигнетъ: ибо, аще хотѣлъ бы учредити академію наукъ по подражанію французскія и англинскія, которая о совершенствѣ токмо и умноженіи наукъ, а не о ученіи ихъ тщаніе имѣетъ, славу во правду пріобрѣлъ бы и похвалы отъ ученаго свѣта возимѣлъ бы, понеже отъ щедротъ его науки и художества нѣкое приращеніе воспріяли бъ; но общество кіяже отъ того вскорѣ плоды или хотя поздныя и по долгомъ уже времени явственныя получило бы; аще ли же способомъ уставленія, которое Университетъ нарицаютъ, ученія начати и хотѣлъ бы, то ученики въ изряднѣйшихъ началахъ наукъ и языковъ наставленныя готовы быти долженствовали бы, но оныхъ число симъ временемъ еще малое обрѣтается.

И того ради Всепресвѣтлѣйшій Императоръ, Имперіи своей славы, народу же явственныя ища ползы, преблаго быти разсуждалъ, аще, совокупя предреченныя образы, соціэтетъ знаменитыхъ ученіемъ людей соберетъ, которыя какъ науки, во оныхъ упражняяся, совершали бы и умножали, такъ и юношество учаще, оныя расплодилибъ, и оной соціэтетъ титуломъ Академіи наукъ, установленію сему зѣло приличнымъ, украсить.

Но понеже немногія нынѣ обрѣлися ученики, которые отъ ихъ наукъ наставлятися и успѣвати въ томъ могли бы, того ради Всепресвѣтлѣйшій Императоръ заблагоразсудилъ нѣсколько добрыя надежды и природы и въ изряднѣйшихъ наукъ и языковъ началахъ уже наставленныхъ студентовъ, которыя виды ученія своего уже показали, изъ чуждыхъ странъ сюда призвать, чтобъ ученія свои за наставленіемъ профессоровъ довершили, тщаливое же юношество въ первыхъ наукъ основаніихъ обучали, и между тѣмъ, дондеже, умножившуся школъ числу, достойныя ученики произыдутъ, языковъ учили бъ и симъ образомъ коллегію или гимназію нѣкую составили бъ.

Нынѣ же Мы, вся сія изслѣдовавъ и разсмотривъ, егда обрѣли, что оная намѣренію блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества, Государству же великимъ суть приращеніемъ и установленію, въ прошедшемъ 1724 году въ генварѣ мѣсяцѣ 12 дня собственною блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорского Величества рукою утвержденному, согласуетъ: того ради постановили и утвердили слѣдующее:

1.

Что мы сію Академію, въ особливое наше пріемше правительство, соизволяемъ, дабы оная кромѣ насъ въ верховномъ Тайномъ Совѣтѣ никому не подлежала и никакими правами, или персонъ или вещей касающимися, обязана, ниже каковыми тягостьми обремененна и утѣсняема не была бы, и дабы какъ самая Академія, такъ и подлежащіи ей къ другому суду въ какомъ либо дѣлѣ или юстиціальномъ, или политическомъ и подъ какимъ либо претекстомъ позываемые безъ вѣдома Академіи ко оному суду явитися не были понуждаемы прежде, пока оная Академія, уразумѣвъ дѣло, виноватыхъ имѣетъ къ суду отослать, куда надлежитъ.

2.

И, дабы сей Академіи чинъ и сей уставленный образъ ненарушимъ и непременен пребылъ, уставили мы надъ нею президента, которой совѣтами своими оной да присутствуетъ, благосостояніе же и благополучіе ея да оберегаетъ, и годовые ея доходы съ библіотекаремъ и камисаромъ, которые къ ней опредѣлены, да управляетъ.

3.

Дабы равно чужестранныя, яко и наши подданныя къ ученію ученій ващше возпалялися, мы особливую свою милость къ тѣмъ, которые, въ сей Академіи учившеся, виды ученій своихъ покажутъ, обѣщаемъ и паче всѣхъ протчихъ въ публичныя достоинства производить ихъ повелимъ, а особливо наши подданныя, которыя, учащеся въ оной Академіи, годны будутъ къ вышнимъ наукамъ по свидѣтельству Академіи и къ тому свою склонность имѣть будутъ: оныя по ихъ желанію имѣютъ при наукахъ остатца и никуды къ другому дѣлу ни въ службу принуждаемы да не будутъ.

4.

И понеже науки никакого принужденія и насилія терпѣть не могутъ, любяще свободу, того для нашимъ указомъ опредѣляемъ, дабы какъ наши Росіяне, такъ и чужестранныя, подданствомъ государству не обязанныя, которыя ученіемъ вдатися похотятъ или уже поле ученій претекшіи, безъ всякаго задержанія пріѣзжати и отъѣзжати и, хотя бы какая-либо удержанію притчина сплеталася, гдѣ похотятъ, тамо пребываніе имѣти и фамилію свою содержати могли; тако и вси, колико ни есть, отроцы и юноши публичному сему наставленію послѣдующіи, ни малую свободы своея часть погубятъ.

5.

Изволяемъ къ тому да тѣ, которые паче инѣхъ преуспѣютъ во ученіяхъ своихъ, виды оныхъ прежде издавъ, въ градусы академическіе производятся и тако и отъ другихъ да отличаются. Такоже установляемъ, да Академія имѣетъ свою собственную типографію съ такою привиллегіею, да вся та, яже или ко умноженію ученій служащая, или къ приращенію или славѣ Имперіи прислушающая быти, Академія разсудитъ, въ печать издаются и продаются.

6.

И дабы нималого профессорамъ Академіи препятія случитися могло въ писменной съ учеными гдѣ-либо обрѣтающимися людьми коррешподенціи, яко то къ разширенію наукъ премного ползуетъ, мы установили, дабы писма, или академическою печатью запечатанныя или на имя Президента Академіи, или на имя всей Академіи подписанныя, безденежно и приниманы и отдаваны были, токмо бы подъ тѣмъ отнюдь посторонніихъ писемъ, Академіи не принадлежащихъ, не было.

7.

Дабы Академія на крѣпчайшихъ пребывала основаніяхъ, мы изволяемъ, дабы оная денегъ сумма, которая опредѣлена на содержаніе Академіи и рукою блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества подписано (а именно двятцать четыре тысячи девятьсотъ двѣнатцать рублевъ, которыя збираются съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Арензбурха таможенныхъ и лицентныхъ, а потомъ по указу Его Императорскаго Величества ноября 6 дня 1724 году положена та сумма отпускать съ денежныхъ дворовъ и въ штатѣ опредѣлена) въ оную Академію такъ доходила, что ни отъ кого подъ какимъ либо протекстомъ оная взята или на иное дѣло употреблена не была, но дабы по осигнаціи Президента, или кто ему приданъ будетъ, немедленно всегда получаема была.

8.

Въ оной Академіи ученія въ три класса расположены да будутъ, отъ нихъ же первый въ математическихъ, вторый въ физическихъ, третій же въ Исторіи, въ языкахъ и философіи частѣхъ состоять будетъ.

9.

Первый классъ имѣетъ состоятися въ четырехъ профессорахъ, сообщивъ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ, которыхъ они каждой въ своей хитрости совершити и къ исполненію того, въ немже сами обрѣ-

таются, званія угодныхъ содѣлати тщатися будутъ. Первый сего класса профессоръ Матезинъ Сублиміоремъ, вышную математику, другій Астрономію и Географію, третій механику и протчіе, къ которымъ математика употребляется, части публично учити будутъ; четвертый же и отъ математики практику (самое дѣло) ово приватнымъ остроуміемъ изъяснити, ово же тщаливое юношество къ изобрѣтенію и дѣланію машинъ наставляти и управляти будетъ.

10.

Второму классу пять профессоровъ начальствовать имѣютъ съ причтенными къ нимъ студентами: первый физики генеральныя, вторый физіологіи, къ правиламъ математическимъ припряженныя, третій Анатоміи, четвертый Химіи, пятый Ботаники наставленіе и украшеніе на себѣ воспріимет.

11.

Третій классъ четырьми профессорами съ сообщники своими отправлятися имѣетъ, изъ сихъ первому и Метафизику, и Логику, и моральное ученіе, и Политику, философскимъ образомъ учимую, единому предавати надлежитъ, да не како согласующихъ между собою философскихъ частей естественныхъ и никакоже отставлятися должный союзъ разрѣшилъ бы ся; другій къ элоквенціи, третій ко ученію и изъясненію Исторіи гражданскія древнія и нынѣшнія умъ приложитъ, четвертый въ правѣ натуральномъ и публичномъ, которое есть частію нѣкоторою, и исторіи, трудитися будетъ.

12.

Имѣетъ же быть при сей Академіи секретарь, который вся добрѣ да распоряжаетъ, и та, яже собраніе академическое публикованія достойна быти разсудитъ, въ печать да производитъ, къ тому же и съ надзирателемъ библіотеки о писменной коррешподенціи попеченіе да имѣетъ.

13.

Для вящшія же чести и вящшаго Академіи приращенія заблаго-разсуждено во всякій классъ принять по два человѣка коррешподентовъ, доброю славою и дѣлами знатныхъ, которыхъ по принятіи сего предложеннаго званія служба тако да наградится, что каждому изъ нихъ титулъ и честь члена Академіи даватися будетъ, и по протествіи всякого двулѣтія шесть сотъ рублевъ на всѣхъ шестерыхъ раздѣлены быть имѣютъ, которое раздѣленіе тако будетъ, что чимъ кто достойнѣйшіе и иножайшія изданія вышлетъ, тѣмъ вящшій подарокъ воспріимет.

14.

Сія о порядкѣ учащихъ и наукъ, въ Академіи сей предаватися имущихъ, уставлена суть, которыхъ обаче впредь не тако держатися надлежитъ, чтобъ онымъ отнюдь по состоянію времени и дѣла не возможно было отмѣнитися; но Академія власть имѣти будетъ въ томъ, которые нынѣ соединены, профессоровъ званія раздѣлити или, аще тако дѣло позоветъ, и сіи начатки, якоже надѣятися есть, благополучное послѣдованіе имѣти будутъ, и число учащихся прибавится, то и множайшихъ учителей въ классы опредѣлити.

15.

И дабы каждый во ономъ ученіи пребывалъ и упражнялся, къ которому, наипаче приложился, и самою натурою и склонностію во первыхъ влечется, уставлено есть, да раздѣленные классы и разныя ученія никоего вводятъ различія чести и достоинства, но каждого достоинство отъ дѣлъ своихъ да почитается.

16.

Профессорамъ между должностьми сіе первое есть: да, яже въ каждыхъ наукахъ понынѣ открыта, изобрѣтена суть, въ свое вземлютъ изслѣдованіе и новыми оная украшеніями и приложеніями умножати да тщатся, а яже отъ иныхъ еще не произведеная изобрящутъ и писанію предадутъ, секретарю да вручаютъ.

17.

Каждый да напишетъ реэстръ книгъ, которыя въ своего ученія родѣ нужны и полезны мнятъ быти; написавъ же да подастъ Академіи, къ сему оная, яже въ древнихъ и новѣйшихъ рѣдчайшая, и къ своей наукѣ или для умноженія, или для изъясненія тоя принадлежати сбрящетъ, съ прилежаніемъ да выписываетъ, и своему изслѣдованію да предлагаетъ, о которыхъ попеченіе приложено будетъ, дабы или со изобрѣтенными и вымышленными въ Академіи вещьми купно или особно въ публику произведены были.

18.

Ради иностранныхъ повсегодно три публичныя собранія уставлены быть имѣютъ: первое отправлятися будетъ на день св. Ап. Петра и Павла, второе на день св. Екатерины, третіе же маія 7 числа, то есть въ день коронованія Ея Императорскаго Величества, или вмѣсто того и оной—день прежде или послѣ того, въ которыхъ собраніяхъ изъ трехъ сихъ класовъ единъ отъ профессоровъ по премѣнамъ орацію, къ разумѣнію слышателей устроенную, къ основателю же и покро-

вительницѣ сей Академіи благоприклонное сердце въ прославленіи похвалъ ихъ свидѣтельствующую, имѣти будетъ.

19.

Надъ сими же дважды во всякой недѣлѣ, т. е., во вторникъ и въ пятницу по полудни отъ четвертаго часа до шестаго приватно сходитися имѣютъ, и тогда каждый объ тѣхъ, яже предлагаются, свою скажетъ сентенцію, правыи же совѣтомъ и доводомъ другихъ на среду представленныхъ уступить, и первѣе дома испытанныя эксперименты предъ всѣми ясно доказовати будетъ.

20.

Чтоже къ языку принадлежитъ, которымъ всякъ свои умствованія изъявлять имѣетъ, понеже удобь предусмотряемъ, что разныхъ націй люди въ собраніяхъ присутствовати будутъ: вся та, яже каждый о своей наукѣ мудрованія на среду принесетъ, латинскимъ языкомъ предлагатися имѣютъ, ибо сей наипаче ученымъ свойственный и употребительный языкъ бывати обыче.

21.

Ежели же единъ и другій экспериментъ предъ всѣми въ собраніи ясно доказанъ и отъ всякаго сумнѣнія очищенъ быти не можетъ, тогда именно нѣкіимъ изъ Академіи членомъ взысканіе истинны вещи тоя вручится.

22.

Но дабы на она, яже въ собраніяхъ предлагаются, гораздо исправнѣе и предъуготованнѣе отвѣщати мощно было, и тѣмъ лучше пользу отъ оныхъ воспріимати, всегда прежде въ собраніи объявлено будетъ, о какомъ дѣлѣ въ послѣдующемъ собраніи дни совопрошеніе имѣти и о чемъ прѣніе творити подобаетъ.

23.

Аще когда кто-либо новыя свои изобрѣтенія въ собраніяхъ предложити или письменно сообщити и ихъ разсмотрѣнію предати изволитъ, оныя или общественно въ собраніи, или, аще нужда востребуетъ, чрезъ выбранныхъ нѣкіихъ всему потомъ собранію дѣло, якоже есть исправно, донести, имущимъ прилежно да изслѣдуютца, каковыя важности и пользы оныя изобрѣтенія будутъ, и да разсмотрятся, могутъ ли оныя по достоинству за новыя приняти быти и тогда множайшихъ голосовъ мнѣніями разсудится.

24.

Аще когда можетъ быти отъ Ея Императорскаго Величества изъ членовъ нѣкоему приказано будетъ о семъ или ономъ вопрошеніи

(предложенными) свою дати сентенцію, тогда во исполненіи того дѣла ни времяни, ни трудовъ пощадѣти имѣетъ.

25.

И всякій профессоръ долженъ будетъ во употребленіе студентовъ своихъ или цѣлую систему нѣкую сочинити, или, аще сіе не весьма нужно быти мнитъ, особливыми толкованіями вымышленія своя изъяснити съ эфемеридами (съ исторіею), которые впрель отъ Академіи публикованныя въ типографіи отнынѣ печатаны быть имѣютъ.

26.

Къ симъ каждый долженъ будетъ объявити, каковую къ изслѣдованію матерію избралъ и какимъ образомъ оную производити намѣрился; тойже паки, до коихъ мѣстъ дошелъ и что достигъ, или Президенту Академіи приватно или всему собранію извѣстить имѣетъ.

27.

Къ лучшему спхъ дѣлъ изслѣдованію, дабы вся потребная въ готовности были, свободный всѣмъ въ нашу Императорскую библіотеку, равно какъ и въ кунштъ-камору входъ отверстъ будетъ; и какъ древнія такъ и новѣйшія книги паче же и всякія инструменты, сколько къ содѣланію экспериментовъ или приватныхъ или публичныхъ служить будутъ, на казенныя деньги безъ всякаго замедленія куплены быть имѣютъ.

28.

Для переводу знатнѣйшихъ книгъ какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ, какъ чюжестранныхъ такъ и домашнихъ четыре, а ежели потребно будетъ, и множайшіе переводчики разныхъ языковъ искусные академическимъ коштомъ содержаны да будутъ.

29.

Такоже дабы науки не токмо сами въ собѣ въ Россійской Имперіи возращены были, но дабы и ко употребленію и украшенію юношества Россійского служить могли, каждый профессоръ во вся вѣдѣли четыре часа публично (учить) будетъ, или своего система, или инаго нѣкотораго автора правиламъ послѣдуя, и тако часы къ ученію юношества опредѣленныя расположатся, да ни единъ другому въ ученіи препятіе сотворитъ.

30.

Профессоръ математики Сублиміорисъ (вышшія) алгебру и геометрію учити будетъ предъ полуднемъ отъ перваго-надесять до втораго-надесять часа.

31.

Профессоръ астрономіи въ астрономическихъ обсерваціяхъ упражнятися будетъ, и въ способной къ дѣланію оныхъ обсерваціи полатѣ начатки сея науки толковать будетъ.

Профессоръ механики механику и, яже къ тому принадлежитъ, въ осмый часъ предъ полуднемъ толкованіями своими изъяснять будетъ.

Профессоръ оныхъ частей, къ которымъ математика употребляется Ѳеатръ Механическій Леопольдовъ лекціями своими отправлять будетъ во вторый часъ пополудни.

И дабы вся математика всегдашнимъ нѣкіимъ союзомъ и непрорывнымъ порядкомъ была предлагаема, единъ изъ приданныхъ математики весь курсъ математическій пройдетъ.

32.

Профессоръ физики генеральные лѣтнимъ временемъ въ четвертый часъ по полудни коллегію физическую экспериментальную отправлять имѣетъ, зимою же физику догматическую по своимъ ея правиламъ толковати будетъ.

Профессоръ физіологіи физіологію, къ правиламъ математическимъ припряженную, въ пятый часъ по полудни предавати будетъ.

Профессоръ анатоміи лѣтнимъ временемъ наставленія медическія, зимнимъ же сѣченія анатомическія и хирургическія въ первый надесять часъ предъ полуднемъ открывати будетъ.

Профессоръ химіи лѣтнимъ временемъ ботанику, по полудни формокопію, а зимнимъ въ тотъ же часъ химику учити будетъ.

Профессоръ ботаники лѣтнимъ временемъ ботанику въ медическомъ огородѣ, а зимою въ домѣ отъ осмаго часа Исторію натуральную, и какъ формулы медическія писать надлежитъ, предлагати будетъ.

Къ сему же классу практикъ нѣкій приданъ будетъ, который студентовъ медицины въ то время, когда нѣкто изъ протчихъ въ классѣ физическомъ учитъ, практикѣ медической научати будетъ.

33.

Для анатоміи въ Академію по ея требованію казненыя, также по требованію Академіи и умершія въ гошпитали отдаваны быть имѣютъ.

Профессоръ логики, метафизики и моральныхъ помянутые философіи части въ осмый часъ по полудни учить и толковать будетъ.

Профессоръ элоквенціи (витійства) въ первыйнадесять часъ предъ полуднемъ училища свои отверзетъ.

Профессоръ исторіи въ часъ вторый по полудни, профессоръ правъ натуральныхъ и публичныхъ въ пятомъ часу по полудни учить будетъ.

34.

И на сіи профессоровъ лекціи, публично отправлятися имущіе, каждому безъ всякихъ своихъ ожиданій приходити свободно будетъ, и всякій свое во учительствѣ усердіе и вѣрность неоскудно являти да потщится.

35.

Обаче въ воли и власти всякаго профессора оставлено будетъ имѣти приватные за мзду коллегіи, но къ тому всякъ дѣла свои тако управлять имѣетъ, чтобъ для пріобрѣтенія прибыли не чрезъ мѣру времяни и труда употреблялъ въ приватныхъ коллегіихъ и собѣ самому въ протчихъ своихъ ученіяхъ размышленіяхъ препятіемъ не былъ.

36.

Каждому профессору единъ или два студента, отъ нихъже презящнаго чего академія надѣятися можетъ, придадутся, которые къ достиженію наукъ профессора своего всѣми мѣрами да приложатся: въ коллегію его тщательно да приходятъ и безъ важнѣйшихъ притчинъ не быти во оныхъ отнюдь да не дерзаютъ, ибо должность ихъ будетъ сія,—аже профессоръ въ лекціи предложилъ прилежно слушателемъ повторяти, обыкновенно паки надлежитъ быти въ собраніяхъ публичныхъ и приватныхъ всегда имъ присутствовать и тщаливое юношество каждого въ своей наукѣ начатныхъ обучати.

37.

Котораго изъ студентовъ между сими изрядный во отправленіи службы своея трудъ явится и кто спцевыи виды, которыя отъ профессоровъ опробованы, будутъ, покажетъ,—таковый съ прибавленіемъ жалованья титуломъ и честію товарыща или экстраординарнаго профессора почтенъ будетъ, къ тому и лекціи публичные ему отправлять позволится, обаче съ симъ обязательствомъ, да управленію профессора своего себя предъ устроенетъ.

38.

А понеже кромѣ академіи потребно есть и таковыхъ школъ, въ которыхъ бы младые отроки разумы языковъ къ наукъ пріобрѣтенію нуждныхъ научалися, и сему дѣлу способствовася, опредѣлитъ имянно нѣкіихъ студентовъ и товарищевъ, которые вѣрно и радѣтельно отроковъ да наставляютъ, отъ нихъже каждый въ семъ наставленіи по вся дни четыре часа,—два предъ полуднемъ, два же по полудни, упражнятися будетъ; но дабы сіе дѣло ученіямъ ихъ самихъ не было препятіемъ, никто ,изъ профессоровъ во оное время учити ихъ имѣетъ.

39.

Къ тому понеже ученикамъ, во единомъ мѣстѣ собраннымъ, не можетъ не случитися, чтобы одни отъ другихъ во успѣяніи ученія не были лучшіе, къ сему недостатку тако пособити заблагоразсуждено, дабы тѣ, которыя въ преуспѣяніяхъ равныя покажутся, особливо учимы были; чего ради пять классовъ уставлены суть, во всякомъ же классѣ по два учительское званіе имѣти будутъ, которыхъ классовъ въ трехъ нижнихъ потребно есть, чтобъ въ каждомъ единъ отъ нихъ зналъ по Русски говорить и писать.

40.

Въ первомъ классѣ ученіе будетъ по латински и по нѣмецки читати и обоихъ языковъ письмена изображати.

41.

Во второмъ классѣ ученіемъ спряженій и склоненій отроческіе разумы изощрятися будутъ, не оставляя и протчихъ, яже къ грамматикѣ принадлежатъ.

42.

Въ третіемъ классѣ учащіяся удобнѣйшихъ къ разумѣнію авторовъ и словесно и письменно на свой языкъ переводити и удобнѣйшія экзерциціи слагати начнутъ.

43.

Въ четвертомъ классѣ къ сочиненію труднѣйшихъ экзерциціи латинскаго языка приложатся, также и Ариѳметики и Географіи отрочата учитися начнутъ.

44.

Въ пятомъ классѣ предаватися будутъ онаго штиля экзерциціи, которыя упражняются въ сочиненіи орацій и эпистолій (грамотокъ), къ тому исторія и первыя Математики начатки, также и Географія, съ глобусомъ соединенная.

45.

Такожде и греческаго и французскаго и италіанскаго языковъ учительство да не пренебрежется.

46.

Всѣ сіи классы тѣмъ пройти надлежитъ, которыя умъ свой къ ученіямъ простираютъ и онымъ себя посвящаютъ. Хотящихъ убо родителей въ ученіе сюда отдавати дѣтей своихъ продувѣщати надлежитъ, вышнимъ ли ученіямъ вдати ихъ, или иному коему художеству обучити желаютъ: тако бо сотворится, что предусмотрѣно быти можетъ, да не како нѣцыя, излишнихъ и ненужныхъ науки частей уча-

шеся, время ту не погубятъ; но да скорше къ сему дѣлу приводятся. Того ради сіе дѣло тако опредѣлено: тотъ, который въ гимназіи надзирательство имѣетъ, приходящихъ спѣянія да выведываетъ, выведавъ же, да записываетъ, и приличныя онымъ классы да назначаетъ, какъ ихъ самихъ, такъ и родителей ихъ имена въ записную книгу прилежно вписавъ. Аще нѣкіе можетъ быть отъ тѣхъ, которыхъ попеченіе родительское вышнимъ ученіямъ посвятило, обрящутся, что или склонности въ себѣ ко онымъ не имѣютъ, или за скудость остроты неспособны быти видятся, оныхъ, изъ классовъ изъемше, къ тѣмъ художествамъ опредѣлять, къ которымъ природную склонность и охоту имѣютъ: ибо коль неразсудно творитъ тѣ, которые отроковъ, нималую остроту и ниже къ вышнимъ наукамъ склонность являющихъ, во оное вдаютъ и съ колікою ово ихъ самихъ, ово же государства тщетою сіе бываетъ, всѣмъ есть извѣсно.

47.

Да будетъ убо о всякаго остротѣ способной ко всякимъ наукамъ свѣдомо, купно же какъ учащихъ такъ и учащихся прилежность и усердіе да усмотрится, дважды же по вся годы уставлены суть испытанія, то есть, единова весною и единова осенью, въ присутствіи собранія академическаго и иныхъ ученыхъ людей, гдѣ слабые и къ вышнимъ наукамъ неспособные разумы отставятся, прилежные же и къ ученіямъ способные производитися будутъ.

48.

Которыхъ отъ ученій удалившимся, или въ воинскую понти службу, или ко изученію другихъ хитростей приложитися охота будетъ, оным къ надлежащему ихъ обученію устроена да будетъ Академія художествъ, четырма художниками украшенная. Отъ сихъ первый въ 8 часъ предъ полуднемъ, по полудни же во 2 ариѳметику, геометрію, тригонометрію, начала перспективы и архитектуру воинскую учити будетъ.

Вторый архитектуру гражданскую въ десятый часъ предъ полуднемъ и въ третій по полудни предавать имѣетъ.

Третій живописное художество показывати будетъ. Четвертый изъ ваятельнаго художества и рѣзного и дѣланія разныхъ модѣлей, (которые учащимся Архитектуры во первыхъ нужны суть) юношество обучать имѣетъ.

49.

А понеже и художество рисованія ученымъ хотя не много пользу приноситъ, однакоже великимъ есть украшеніемъ, того ради и тѣ, которые въ науки отдаются, и тому ученію прилежатъ, на сіи часы,

живописному художеству опредѣленныя, приходити будутъ, обаче больше въ томъ упражнятся не имѣютъ, неже елико ученія допустити могутъ.

50.

Хотя въ настоящемъ времени Академія наукъ съ гимназіемъ и Академіею художествъ слученіе нѣкако имѣется; однако впредь когда Семинаріи и школы добрѣ устроятся и обученныя въ нихъ разумы произведутся, сія отъ оныхъ весьма отдѣлятца, и въ разные собранія, то есть, нижніе школы составятся: того для расходы, которыя нынѣ на нижнія школы имѣютъ употреблены быть, оныя впредь на употребленіе Академіи возмутся, которыя яко особливо на возращеніе и всемѣрное размноженіе наукъ, сердцамъ юношей всѣятися имущихъ, отъ Державнѣйшаго Императора учреждена есть, всѣмъ извѣстно.

51.

Но да учащихъ и учащихся умы иногда отъ трудовъ опочивутъ и прохладатця, трои повсягодно генеральныя отъ трудовъ вокаціи (престанія) уставлены, въ которыя ни собраніямъ, ни училищнымъ коллегіямъ должность предлежать имѣетъ; тои-же празностію (гуляніемъ) и въ школахъ какъ учащіи, такъ и учащіися потешены будутъ. Первая ваканція заключатися будетъ страстною, яже предъ Пасхою, и свѣтлою, яже по Пасхѣ, недѣлями; вторая имѣетъ быть въ недѣлю предъ Рожествомъ Христовымъ, и въ недѣлю по Рождествѣ; третія въ каникулярныя дни.

2.

Инструкція, по которой должны поступать профессоры и прочія канцелярскіе служители.

Каждый Академическій членъ долженъ честь и пользу Академіи охранять и ничего того не оставлять, что къ распространенію наукъ служить можетъ.

Сего ради долженъ онъ въ наукахъ прилежно упражняться, о томъ, что въ оныхъ уже найдено, разсуждать, оное свидѣтельствовать и тщатся исправлять. Такоже и о томъ стараніе имѣлъ, чтобъ онъ чрезъ свое прилежаніе, ежели можно, нѣчто новое изобрѣлъ, съ учеными людьми корресподенцію имѣлъ и все бы вѣрно сообщалъ.

Онъ долженъ во всѣхъ ежо и отдѣльныхъ конференціяхъ безотлучно присутствовать, какая бы матерія въ оныхъ предложена не была, ежели онъ въ томъ важнаго препятствія имѣть не будетъ.

Конференціи имѣютъ на Академическихъ членовъ раздѣлены быть, и о томъ надлежитъ порядочную роспись имѣть, дабы всякъ зналъ, что и когда кому предлагать надлежитъ.

Понеже всякъ Академическій членъ довольное время имѣетъ, то долженъ онъ свою диссертацію по возможности исправно сочинить, и оную за недѣлю или, ежели можно, то еще и прежде секретарю или, въ его небытность, его адъюнкту отдать, который оную въ надлежащее время членамъ сообщить имѣетъ.

Ежели случится, что какая піеса ради ея пространства на одной конференціи окончена быть не можетъ, то можно оную въ другой конференціи вмѣстѣ съ слѣдующею піесою довершить, или, ежели отъ того въ конексіи помѣшательства не будетъ, надлежитъ оную до другаго времени отложить; однакоже въ семъ окуратно поступать надобно, но дѣлать то, что способно учиниться можетъ.

Какъ по Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу которому-нибудь изъ членовъ дано будетъ какое дѣло, до его науки касающееся, о которомъ членѣ извѣстно будетъ, что онъ то дѣло разумѣетъ или разумѣть долженъ: то имѣетъ онъ оное по своей возможности съ охотою исполнить.

Ежели кто изъ членовъ въ старыхъ или новыхъ книгахъ нѣчто примѣчанія достойное найдетъ, то имѣетъ онъ оное сообщать, чтобъ оно или при коментаріяхъ или особливо напечатано было.

Всякъ изъ членовъ долженъ о своей наукѣ книгу сочинить, или какую особливую матерію описать и оное въ печать производить.

Когда до кого изъ нихъ придетъ порядокъ въ публичной Ассамблеѣ слово имѣть, то долженъ оной заданную ему матерію прилежно и тщательно сочинить.

Секретарь долженъ диссертаціи отъ членовъ принимать, оные въ журналѣ записывать и для переписанія копіи съ оныхъ диссертаціи отдавать, оныя копіи надлежащимъ членамъ сообщать, тѣ разсужденія, которыя въ конференціяхъ о упомянутыхъ диссертаціяхъ учинены будутъ, или самъ или чрезъ своего адъюнкта записывать, сію записку въ слѣдующей конференціи опять прочитывать; ежели за потребно разсуждено будетъ, въ коментарія вносить; еще долженъ онъ посылаемыя къ иностраннымъ ученымъ людемъ писма принимать, оныя въ конференціяхъ прочитывать и вмѣстѣ съ сочиненными на оныя письма примѣчаніями въ тѣ книги вносить, въ которыхъ копіи содержатся, а потомъ, по полученіи указа, оныя писма въ надлежащія мѣста отсылать.

Въ небытность секретаря долженъ все сіе отправлять его Адъюнктъ.

Яко профессоръ, долженъ сей секретарь въ касающихся до него наукахъ столько молодыхъ людей обучать, сколько заблагоразсуждено будетъ и ихъ въ оныхъ наукахъ до возможнаго совершенства приводить. Такожде по всякій день кромѣ опредѣленныхъ конференціямъ по ... часовъ, публичныя лекціи имѣть и своихъ учениковъ вѣрно и прилежно обучать.

Императорская библіотека имѣетъ отворена быть по 4 дни въ недѣлю отъ 10 до 12 часа по утру, въ которую всякъ свободно проходить можетъ, а впредь никакія книги изъ оной выданы быть не имѣютъ, выключая обстоятельства, которые того конечно требуютъ, что оныя кому на малое время на домъ дать надлежитъ.

Также имѣетъ и музеумъ содержана быть: ибо, ежелибы то всякому на домъ давать, кто чего требуетъ, тобъ могли въ краткомъ времени многія драгія вещи пропасть, или такъ испорчены быть, что они послѣ весьма негодными учинятся.

Ежели кто или къ приватнымъ или публичнымъ экспериментамъ какихъ вещей требуетъ, или кую нужду имѣетъ, то долженъ Академической канцеляріи предлагать, отъ которой опредѣленіе учинено будетъ, чтобъ ему требованное дано было, или, ежели того скоро учинить или требуемыхъ вещей получить невозможно, то будетъ отъ поминутой канцеляріи оное требующему объявлено; такожде и то показано будетъ, для чего оныхъ вещей получить невозможно, дабы онъ что-нибудь другое дѣлать могъ; а подъ тѣмъ бы видомъ, будто ничего получить не можно, времяни напрасно не тратилъ. Ежели кто имѣетъ такое дѣло, которое онъ же только одному президенту объявить хочетъ, то можетъ онъ съ тѣмъ у него свободно явится.

Трезорье долженъ академическія деньги принимать и оныя по указамъ раздавать, о квартирахъ, дровахъ и свѣчахъ для академическихъ членовъ стараніе имѣть, и оное поминутымъ членамъ промышлять, или деньги за то давать, такожде и чрезъ купчинъ всѣ потребныя вещи покупать и о томъ исправной щетъ содержать.

Россійскимъ и иностраннымъ канцелярістамъ, писарямъ и копіістамъ надлежитъ по публикованому Императорскаго Величества регламенту поступать.

Когда президентъ въ далномъ пути или внѣ города обрѣтатся будетъ, то долженъ въ канцеляріи всегда одинъ изъ профессоровъ засѣданіе имѣть и публичныя дѣла вмѣстѣ съ библіотекаремъ подписывать, что по классамъ и по третямъ раздѣлено быть имѣетъ, а именно въ первыхъ засѣданіе начнетъ:

Изъ 1 класы Господинъ профессоръ Германъ.
» 2 — » — » — » — » — » Билфингеръ
» 3 — » — » — » — » — » Бекенштейнъ.
Изъ 1 класы — » — » — » — » Делиль.
» 2 — » — » — » — » — » Дувернуа.
» 3 — » — » — » — » — » Байэръ.
Изъ 1 — » — » — » — » — » Лейтманъ.
» 2 — » — » — » — » — » Бернуллій.
» 3 — » — » — » — » — » Элоквенціи.

Что до гимназій и до оныхъ школъ касается, которые заведены, для тѣхъ ученниковъ, которые высокимъ наукамъ обучатся не будутъ, то имѣютъ оныя содержаны быть по апробованному прожекту и по даннымъ инструкціямъ.

Переводчики должны все то переводить, что имъ изъ канцелярій прислано будетъ.

Такожде должны художники, мастеровые и ремесленные люди по употребленію ихъ художества и ремесла, такожде по даннымъ имъ инструкціямъ въ ихъ дѣла поступать и то дѣлать, что имъ приказано будетъ. А ежели они не прилежны или упрямы явятся, то имѣютъ они безъ всякаго изъятія изъ жалованья выключены быть.

3.

Вѣдомость о книгахъ, имѣвшихся на лицо въ Академической книжной палатѣ къ 1733 году.

1. Комментаріевъ Академическихъ, 3 части, каждая по 2 р.
2. Россійскій переводъ, 1 часть, по 1 р.
3. Буксбаумова описанія травъ не весьма знаемыхъ, 3 части, по 1 р. 16 к.
4. Сокращеніе математическое, 3 части, цѣною 3 р.
5. Переводъ онаго сокращенія на русской языкъ.
6. Сокращеніе древней статской исторіи на нѣмецкомъ языкѣ, по 60 к.
7. Россійскій вексельный уставъ, по 20 к.
8. Морской пошлинный уставъ, по 25 к.
9. Пошлинный тарифъ, по 25 к.
10. Нѣмецкая грамматика для русскихъ, по 60 к.
11. Байера Музеумъ Синикумъ, по 2 р.

12. Россійскій и нѣмецкій лексиконъ, на обыкнов. бумагѣ, по 2 р. 50 к.
    На писчей б. въ листъ, по 4 р.
    На печатной б. большой руки въ четверть листа, по 2 р. 80 к.
13. Рѣчи академическія, на первомъ собраніи говоренныя, на лат. яз., по 40 к.
14. Рѣчи, на 2 собраніи говоренныя, на лат. яз., по 60 к.
15. Рѣчи, 1732 г. мая 6 говоренныя, по 50 к.
16. Разговоръ о движеніи земли, на франц. языкѣ, по 10 к.
17. Мирный трактатъ между Россійскою Имперіей и Персіей, по 5 к.
18. Расположеніе о ученіи Е. И. В. Петра Втораго, на нѣмецк. языкѣ, по 15 к.
19. Русскій переводъ онаго, по 15 к.
20. Ѣзда въ островъ любви, на русскомъ языкѣ, по 50 к.
21. Бекенштейнова геральдика, 2 части, 2 р.
22. Исторія о Японіи на русскомъ языкѣ, по 40 к.
23. Описаніе коронаціи Ея И. В. на нѣмецкомъ языкѣ, по 4 р.
24. Шрейберово разсужденіе о тѣлѣ и о движеніи, по 15 к.
25. Азбуки нѣмецкія и латинскія, по 4 к.
26. Трефуртово поученіе на день коронованія Ея И. В., на нѣмецкомъ языкѣ, по 22 к.
27. Вѣдомости и примѣчаніе 1729, 1730 и 1731 годовъ.

—

Въ этой вѣдомости, подписанной контролеромъ Гоффманномъ, значится всего 16,220 экземпляровъ академическихъ изданій, цѣною на 20,550 р. 66 к.

4.

Реэстръ съ именнымъ описаніемъ должности и дѣйствительной каждого работы, трудовъ и исправленія академическихъ профессоровъ и протчихъ чиновъ служителей на 1737 годъ.

Профессоры: Совѣтникъ Юстицкій *Гольдбахъ* — секретаремъ при конференціахъ, имѣетъ надзираніе надъ Архивомъ, сочиняетъ всяніе до академической корреспонденціи съ чужестранными учеными людьми касающіяся письма на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, онъ же самъ издаетъ математическія и другія до наукъ касающіяся дѣла и письма, и кромѣ академическихъ дѣлъ въ другія комисіи употребляется.

Деміль, первый профессоръ астрономіи, имѣетъ въ своемъ правленіи Обсерваторіу, днемъ и ночью трудится въ астрономическихъ обсерваціяхъ и надъ генеральною картою Россійскаго государства, а нынѣ старается, чтобъ свой 21 генваря 1737 года поданной прожектъ о измѣреніи земли и поправленіи картъ Россійской Имперіи въ дѣйство произвести, и когда сіе начнется, то онъ потребныя къ его намѣренію астрономическія примѣчанія въ Россійскихъ провинціяхъ дѣлать будетъ.

Байэръ — профессоръ антиквитетовъ (древнихъ вещей); его должность въ томъ состоитъ, чтобъ греческія, римскія, а особливо оріентальныя древнія вещи и языки исправлять, трудится надъ исторіею Его Величества блаженныя памяти царя Алексія Михайловича, а по окончаніи оныя исторію протчихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ равнымъ образомъ сочинять будетъ, а, окончавши, Ея Императорскаго Величества въ кабинетъ для опробаціи подастъ, сверхъ академическихъ коментаріевъ дѣлаетъ нынѣ диссертаціу о ....., начатой китайской Лексиконъ будетъ продолжать; сверхъ того имѣетъ смотрѣніе надъ гимназіею, а въ наступающемъ году имѣетъ публичныя лекціи давать.

Дювернуа, профессоръ анатоміи, дѣлаетъ анатомію надъ человѣческими тѣлами и звѣрми, разсматриваетъ ихъ составы и тѣла, и, что найдетъ, о томъ дѣлаетъ описаніе и читаетъ въ собраніяхъ. Нынѣ пишетъ исторію о слонѣ, моржѣ и китѣ, на будущее лѣто тоже продолжать будетъ.

Крафтъ, профессоръ физики и экспериментальной теоретики, разсматриваетъ натуру размышленіями и частыми экспериментами, а дѣлаетъ на всякой день метеорологическія обсерваціи, вписываетъ въ книгу, а по учиненномъ собраніи—географіи математики и физики, также по совершеніи математики намѣренъ онъ и другія части физики, то есть: гидростатику, гидравлику, оптику и катоптрику такимъ образомъ дѣлать, и со временемъ совершенную систему о физическихъ экспериментахъ писать; въ настоящемъ году имѣетъ на всякой день по цѣлому часу публично о физикѣ читать и надъ примѣчаніями трудится.

Эйлеръ, профессоръ вышней математики, сочиняетъ высокія и остроумныя математическія вещи, которыя, по прочтеніи въ конференціи, издаются въ печать; трудится съ другими въ сочиненіи географіи Россійскаго государства и дѣлаетъ партикулярныя карты, какія только нынѣ по тому примѣру сдѣлать можно, пишетъ вторую часть ариѳметики для гимназіи, а начатыя свои труды о статикѣ и анализъ Інфіи уповаетъ на будущей годъ совсѣмъ окончать, потомъ

имѣетъ давать публичныя лекціи о вышней математикѣ и надъ примѣчаніями трудится.

Вейбрехтъ, профессоръ физіологіи такъ же какъ и анатоміи, разнимаетъ человѣческія и звѣриныя тѣла, всѣ ихъ части смотритъ и старается, какъ бы употребленіе ихъ сыскать, начатую свою десмологію, или описаніе о всѣхъ донынѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ лигаментахъ, въ скоромъ времени окончать надѣется, въ будущемъ году намѣренъ публичныя лекціи давать и надъ примѣчаніями трудится.

Аммонъ, профессоръ ботаники и исторіи, разсматриваетъ и описуетъ все, что въ трехъ частяхъ натуры случается, а именно: звѣрей, травы, камни, минералы и всѣ Остъ-Индскія и Вестъ-Индскія семена, а которыя изъ Сибири, и Астрахани, и Казани присылаются, тѣ садитъ, а травамъ дѣлаетъ описаніе и рисунки. Нынѣ сочиняетъ книгу о 200 разныхъ травахъ, которыя въ Сибири, Астрахани и около тѣхъ мѣстъ растутъ, и сія книга началомъ травной исторіи всея Россійскія Имперіи будетъ; онъ имѣетъ сію работу на будущій годъ продолжать, и притомъ публичныя лекціи давать и примѣчанія писать.

Юнкеръ — былъ профессоръ политики, а 26 числа августа сего 1737 года отъ Академіи взятъ и употребленъ къ соляными дѣламъ.

Лоттеръ — былъ профессоръ элоквенціи, умеръ 1 апрѣля 1737 года.

Винцеймъ, второй профессоръ астрономіи, повѣряетъ на щетѣ всѣ изъ чужихъ краевъ присылаемыя сюда астрономическія обсерваціи, и дѣлаетъ потребныя при обсерваторіи таблицы, сочиняетъ С.-Петербурхскія календари, пишетъ политическую географію и капитулъ Россійскаго государства, на будущій годъ имѣетъ тоже дѣлать и притомъ съ другими будетъ стараться о приведеніи въ совершенство Россійскаго географическаго Лексикона, диктовать публичныя лекціи и надъ примѣчаніями трудится.

Гроссъ, профессоръ исторіи, исправляетъ исторію среднихъ и новѣйшихъ временъ, въ географическомъ департаментѣ содержитъ протоколъ, переводитъ съ французскаго на нѣмецкой и съ нѣмецкаго на французской языкъ, а особливо всякія до Россійской исторіи касающіяся писма на французской языкъ переводитъ; впредь будетъ тоже дѣлать, и притомъ съ другими надъ россійскимъ географическимъ лексикономъ трудится, въ гимназіи по французски учитъ, и для оныя французскую граматику пишетъ.

Гензіусъ, третій профессоръ астрономіи, въ обсерваторіи тѣже обсерваціи, которыя и господинъ Делиль, дѣлаетъ, и одинъ другому взаимно помогаетъ, и когда первой въ ночи, то другой днемъ астрономическія обсерваціи отправляетъ для того, что одному человѣку

сего дѣла исправить не возможно; впредь имѣетъ тоже дѣлать, а нынѣ пишетъ краткое собраніе астрономическихъ наукъ, на будущей годъ будетъ давать публичныя лекціи, и съ другими надъ примѣчаніями трудится.

Тидеманъ, нотаріусъ, содержитъ подъ дирекціею Юстицкаго Совѣтника господина Гольдбаха въ конференціяхъ протоколъ, имѣетъ въ своемъ храненіи всѣ до наукъ касающіяся писма и диссертаціи, сочиняетъ изъ нихъ экстракты и копіи пишетъ, а временемъ при учрежденныхъ отъ Правительствующаго Сената комисіяхъ за секретаря употребляется, и впредь туже должность отправлять будетъ.

Мессеръ — канцеляристъ
Иберкамфъ — копіистъ

пишутъ на бѣло всѣ входящія и исходящія диссертаціи и писма, и сверхъ того означенный канцеляристъ учитъ въ гимназіи по французски.

Ѳедоръ Герасимовъ — сторожъ, топитъ печи въ конференціи и въ Архивѣ и на посылку къ профессорамъ употребляется.

Андрей Туповъ — сторожъ, топитъ печи въ экспериментальной палатѣ и въ двѣ подлѣ оныя обрѣтающихся каморахъ, помогаетъ профессору физики пнеуматическую антлію воздухъ вытягать, содержитъ сей инструментъ въ чистотѣ и употребляется на посылки.

Почетные члены: *Вольфъ* — профессоръ математики въ Марбургѣ.

Билфингеръ — тайный совѣтникъ въ службѣ Герцога Виртембергскаго.

Кинъ — профессоръ математики въ Данцигѣ.

Бернуллій — профессоръ анатоміи въ Базелѣ.

Всѣ тѣ почетные члены Академіи имѣютъ съ нею къ большому приращенію наукъ всегдашнюю кореспонденцію, сообщаютъ ей всѣ свои въ наукахъ учиненные новые изобрѣтенія, присылаютъ разные книги и всякія до наукъ касающіяся вещи, которыя напередъ въ конференціяхъ читаютъ, а потомъ въ коментаріи печатаютъ.

Адъюнкты и студенты: *Ададуровъ* — адъюнктъ профессора физики; его главное намѣреніе физику докончивать, дабы со временемъ самому профессорскаго чина удостоится; для того онъ нынѣ въ сей наукѣ со всякимъ прилежаніемъ обучается и помогаетъ профессору Крафту въ экспериментахъ, перевелъ сокращенную механику на Россійской языкъ, а нынѣ переводитъ математику, сочиненную профессоромъ Эйлеромъ; свои труды читаетъ въ россійскомъ собраніи, а притомъ слушаетъ всякихъ переводовъ, которыя другія читаютъ, и старается, чтобъ оныя переводы на россійскомъ языкѣ исправно въ печать выходили; впредь будетъ всякія выходящія математическія и

физическія книги и вещи по руски переводить, и притомъ возможное тщаніе прилагать, дабы въ физической наукѣ въ большее совершенство притти, обрѣтающихся при Правительствующемъ Сенатѣ юнкеровъ обучаетъ по дважды въ недѣлѣ въ чтеніи и писаніи россійскаго діалекта.

Вильде, докторъ медицины, адъюнктъ или помощникъ профессора анатоміи, обучается анатоміи, дѣлаетъ секцію надъ человѣческими тѣлами и звѣрскими трупами, такъ какъ настоящей профессоръ приготовляетъ всякія къ тому вещи, а наипаче въ остеологіи трудится, впредь будетъ публичныя лекціи давать.

Миллдз — былъ адъюнктъ химіи, отошелъ отъ Академіи 10 іюня 1737 г.

Муллеръ, адъюнктъ профессора вышней математики, онъ себя по своей должности въ сей наукѣ въ совершенство производитъ, и для того къ профессорамъ часто ходитъ и съ ними надъ разными диссертаціями трудится, впредь будетъ тоже дѣлать, и сверхъ того въ гимназіи геометрію учитъ.

Штелинъ — упражняется по должности своей во всемъ, что касается до реторики, до стихотворной науки, до правильнаго писанія и до протчихъ къ тому надлежащихъ наукъ; нынѣ переводитъ онъ съ италіанскаго на нѣмецкой языкъ Марселіево: Военное состояніе Оттоманскія Порты, а впредь будетъ писать примѣчанія на вѣдомости.

Тауберть, студентъ, опредѣленъ къ тому, чтобъ элоквенціи и лутчему стилу писемъ учиться; для того приказано ему къ профессору элоквенціи часто ходить и съ нимъ трудиться; содержитъ въ россійскомъ собраніи протоколъ, читаетъ въ ономъ свои собственные переводы, и въ исправленіи отъ другихъ предлагаемыхъ переводовъ свое мнѣніе объявляетъ. Перевелъ древнюю Азовскую исторію на россійской языкъ, а нынѣ переводитъ Жизнь и дѣла принца Евгенія; впредь будетъ всякія до его знанія и науки касающіяся вещи и примѣчанія переводить.

Клейнбелтъ, студентъ, учится анатоміи, и для того на всякихъ секціяхъ присутствуетъ, профессору и адъюнкту анатоміи помогаетъ, и своимъ прилежаніемъ въ такое себя совершенство приводитъ, чтобъ со временемъ на мѣсто одного изъ оныхъ употребленъ быть могъ.

Брем — обращается больше въ наукахъ, украшающихъ разумъ, и въ письменной исторіи, трудится въ библіотекѣ и сочиняетъ каталоги, содержитъ журналъ книгамъ, которыя онъ же раздаетъ и назадъ получаетъ, правитъ притомъ должность корректора, и въ настоящемъ году будетъ примѣчанія писать.

Рикманъ, студентъ, учится математическимъ наукамъ, а особливо механикѣ и физикѣ и ходитъ того ради на лекціи у профессора физики, помогаетъ ему при дѣланіи экспериментовъ, также и самъ разные до оныхъ наукъ надлежащіе опыты дѣластъ, кромѣ оныхъ диссертацій, которыя онъ Академіи подавать имѣетъ, будетъ онъ еще и примѣчанія на вѣдомости писать.

Россійское собраніе: Камеръ Конторы совѣтникъ *Эмме* — упражняется въ переводахъ, и бываетъ трижды въ недѣлѣ въ россійскомъ собраніи, читаетъ свои труды, или чтенія другихъ переводовъ слушаетъ и въ поправленіи оныхъ помогаетъ; перевелъ математическую и физическую географію и Шрейдерову шацъ-камору, а нынѣ переводитъ военную книгу, называемую Флеминговъ совершенный солдатъ, которую книгу всѣ въ военныхъ дѣлахъ искусные люди весьма апробуютъ; какъ скоро указы напечатаются, то онъ сдѣлаетъ полной имъ реэстръ и будетъ трудиться надъ примѣчаніями.

Тредіаковскій, секретарь, его должность также въ переводахъ и въ присутствіи при россійскомъ собраніи состоитъ, при чемъ онъ свои труды читаетъ и другихъ переводы слушаетъ; онъ перевелъ съ французскаго языка Марсиліеву книгу: О военномъ состояніи Порты Оттоманской; нынѣ оканчиваетъ переводъ татарской исторіи, а впредь во всякихъ переводахъ съ французскаго на россійской языкъ трудиться будетъ.

Керъ *), профессоръ оріентальныхъ языковъ, при иностранной коллегіи, а въ Академіи всякія на помянутыхъ языкахъ случающіяся дѣла переводитъ, онъ же перевелъ исторію о Албухазинахъ съ татарскаго оригинала. Нынѣ трудится надъ другимъ изрядным татарскимъ манускриптомъ (рукописною книгою) Бабунаймъ, турецкую исторію, которой еще никогда въ печати не бывало, и оную на латинской языкъ переводитъ; что всѣмъ ученымъ и до оріентальныхъ древнихъ книгъ охоту имѣющимъ людемъ весьма пріятно будетъ; еще сочинилъ онъ каталогъ о 4000 древнихъ татарскихъ монетахъ, которыя изъ земли выкопаны, и нынѣ въ кунстъ-каморѣ хранятся, а впредь тоже дѣлати и въ переводахъ трудится будетъ.

Горлецкій — переводитъ съ латинскаго и французскаго на россійской, а съ русскаго на оба помянутыя языки, имѣетъ особливую работу при географическомъ департаментѣ, и сверхъ того перево-

---

*) По проекту новаго штата въ 1736 году предположено было къ 3-му классу Академіи прибавить профессора восточныхъ древностей, потому что «ради сосѣдства и великаго союза восточныхъ народовъ съ нами, о семъ ученіи паче всѣхъ прочихъ стараться надлежитъ».

дитъ нынѣ весьма старую хронику россійской исторіи, которая при другихъ русскихъ книгахъ пріобщена будетъ.

Ильинскій — былъ переводчикомъ. Умеръ 20 марта 1737 году.

Толмачевъ — переводчикъ; всякія изъ Сибири, Казани, Астрахани и другихъ дальныхъ мѣстъ присылаемыя сюда метеорологическія обсерваціи на латинской языкъ переводитъ; онъ же перевелъ Россійскую старую хронику по латыни, и впредь такимъ же образомъ трудиться будетъ.

Волчковъ, секретарь, употребляется въ переводахъ, бываетъ съ вышеозначенными въ Россійскомъ собраніи; по переводѣ Свѣской исторіи, трудится нынѣ надъ древнею хроникою, которая къ россійскимъ книгамъ впредь присовокуплена быть имѣетъ. Онъ же переводитъ русскія вѣдомости, впредь будетъ тоже дѣлать, и надъ примѣчаніями трудится.

Кононъ Даниловъ — сторожъ, топитъ печь въ Россійскомъ собраніи, употребляется на посылки.

Гимназія: *) *Шмитъ*, танцмейстеръ, поѣхалъ въ свое отечество въ Прусію, на сво мѣсто принятъ Христіанъ Ландъ, которой при гимназіи обрѣтающихся молодыхъ людей шесть часовъ въ недѣлѣ танцовать учитъ.

Фишеръ, ректоръ латинской гимназіи, его должность состоитъ въ надзираніи за учителями латинскихъ классовъ, дабы отъ нихъ чего упущено не было, самъ онъ учитъ молодыхъ людей первого классу въ штилѣ и реторикѣ, толкуетъ имъ наитруднѣйшихъ авторовъ, а имянно Іулія Цесаря, Светона, Цицероновы писма и ораціи, Овидіевы метаморфозы и Виргиліевы дѣла, изъясняетъ имъ греческія и римскія древнія вещи, учитъ ихъ поэзіи, политической исторіи и ге-

*) Въ 1733 году показывались при гимназіи: Фишеръ—проректоромъ; Миллеръ, Швенвицъ, Шмитъ,—учителями (тѣхъ же предчеловъ что и въ 1737 году); Георгъ *Стикъ* названный «*подмастерьемъ*» нѣмецкаго языка; Декомбель — учитель франц. языка; Лурсеніусъ — шрейбмейстеръ. По новому академическому штату при гимназіи предполагалось имѣть: ректора въ классѣ латинскомъ, нѣмецкаго ректора и имѣетъ инспектора надъ семинаріей, проректора, конректора, двухъ учителей латинскаго языка, одного—нѣмецкаго, шрахмейстера французскаго и итальянскаго, *шрахмейстера* россійскаго языка, танцмейстера, рисовальщиковъ и 4 префектовъ; «понеже,—сказано въ проектѣ,—при академіи семинаріумъ учреждается, въ которомъ юношество по наилучшимъ средствамъ такъ обучено быть имѣетъ, что оное оттуда до вышнихъ наукъ произойти можетъ, того ради академія принуждена число бывшихъ по нынѣ при гимназіи учениковъ нѣсколькими персонами пріумножить.» Число учениковъ при гимназіи не означено въ штатѣ,—и въ наличности показанъ только одинъ «Кейзеръ при гимназіи дисципулъ». Въ 1741 году показано было двое семинаристовъ и пятеро солдатскихъ дѣтей въ обученіи при гимназіи.

ографіи. Кромѣ своей школьной должности переводитъ съ русскаго на нѣмецкой и латинской языкъ разныя къ русскому собранію принадлежащія вещи. А нынѣ профессоромъ Керомъ переведенную Татарскую Исторію въ чистой нѣмецкой стиль приводитъ, впредь будетъ школьную свою должность исправлять и при другихъ переводахъ надъ примѣчаніями трудится.

Мерлинъ, проректоръ, учитъ молодыхъ людей стилю, толкуетъ имъ латинскихъ авторовъ простою и связною рѣчью, обучаетъ исторіи и географіи и приготовляетъ своихъ учениковъ къ вышнимъ классамъ, кромѣ школьной должности обязанъ онъ переводить съ шведскаго и финскаго на нѣмецкой или латинской языкъ, а ежели что на шведскомъ или финскомъ языкѣ печатается, то онъ дѣлаетъ корректуру, нынѣ переводитъ новой, апробованной шведской уставъ, которую работу и впредь продолжать будетъ.

Геллертъ, конректоръ, его должность такъ же какъ предъидущаго въ томъ состоитъ, чтобъ исторіи, географіи и сверхъ того логикѣ учить и такъ своихъ учениковъ въ наукахъ приготовлять, что ежели они въ профекторской классъ произведены будутъ, то бы большую пользу отъ него получать могли, кромѣ школьной должности повиненъ онъ изъ старыхъ книгъ экстракты дѣлать, и оные Академіи предлагать, а впредь будетъ надъ примѣчаніями трудиться.

Миллеръ, учитель, обрѣтающимся у него латинскаго языка ученикамъ толкуетъ легкаго латинскаго автора, приказываетъ и дѣлать экерциціи, показываетъ имъ начальные регулы въ исторіи и географіи, а и впредь тоже продолжать будетъ, притомъ еще долженъ онъ все то исправлять, что ему приказано будетъ.

Шванвицъ, ректоръ нѣмецкой гимназіи, имѣетъ надзираніе надъ учениками нѣмецкого языка, и самъ какъ по нѣмецки такъ и по руски ихъ учитъ, кромѣ своей школьной должности и къ переводамъ употребляется; по переведеніи Ланговыхъ разговоровъ трудится нынѣ надъ переводомъ школьной книги Сейболди, читаетъ свои дѣла въ Россійскомъ собраніи, а притомъ и другихъ чтенія слушаетъ; впредь будетъ тоже продолжать и надъ семинаріею, которая со временемъ построится, смотрѣніе имѣть.

Германъ, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, учитъ своихъ учениковъ фундаментнымъ регуламъ латинскаго языка, велитъ имъ съ латинскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на латинскій языкъ переводить, обучаетъ правописанію, ариѳметикѣ, кромѣ своей ординарной работы учитъ изъ Москвы прибывшихъ сюда учениковъ по нѣмецки, всѣ ему отъ Академіи присылаемыя вещи на бѣло переписываетъ.

Потанскій, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, обучаетъ учениковъ средняго и нижняго класса въ латинскомъ чтеніи, а съ обрѣтающимися въ вышнемъ классѣ повторяетъ нѣмецкую грамматику, твердыть географію и правописанію учитъ, а впредь тоже дѣлать будетъ.

Ланъ, учитель въ нѣмецкомъ классѣ, уволенъ отъ Академіи 22 августа 1737 года.

Эстерманъ — четвертой учитель въ нѣмецкой гимназіи; его должность новопришедшихъ учениковъ писать, читать и ариѳметикѣ учить, съ чужестранными катехизмъ читать, а впредь тоже дѣлать будетъ.

Руйнатъ — учитель, обучаетъ учениковъ французскому языку, и впредь тоже продолжать будетъ.

Степанъ Шишковъ, *Михайла Машаровъ* — сторожами при гимназіи, содержатъ гимназію въ чистотѣ и каждой изъ нихъ по три печи топитъ.

Шварцъ — сторожъ при гимназіи относитъ приказъ обрѣтающагося при гимназіи директора къ ректорамъ и учителямъ, а отъ нихъ репорты къ помянутому директору носитъ.

Нѣмецкая Типографія: *Кевицъ* — наборщикъ, отшелъ отъ Академіи 24 мая 1737 года.

Розе — наборщикъ, нынѣшній годъ набиралъ Военной Регламентъ, нѣмецкой календарь, стихи иллюминиціямъ и фейверкамъ и всякія вѣдомости военныя.

Герасимъ Ивановъ, *Михайла Кондаровъ*, *Степанъ Воротниковъ*, *Петръ Гавриловъ*, *Никита Поляновъ*, *Яковъ Морозовъ*, *Никита Савиковъ* — У становъ печатныхъ приставленныя батырщики и терегорщики.

Руская Типографія: *Федоръ Степановъ* — корректоръ; его должность набирать, исправлять; только онъ нынѣ за старостію худо видитъ и для того ничего больше дѣлать не можетъ кромѣ того, что за тередорщиками, наборщиками смотритъ, ихъ къ работѣ принуждаетъ.

Иванъ Сидоровъ — наборщикъ, набираетъ нынѣ книгу Истинную Политику знатныхъ и благородныхъ особъ.

Козма Маламаховъ — набираетъ Марселіеву книгу о Военномъ состояніи Порты Оттоманской.

Леонтей Васильевъ — наборщикъ, набиралъ Флоринову генеральную экономію.

Андрей Богдановъ — былъ тередорщикъ, а нынѣ употребляется на посылку ко всѣмъ художникамъ, ремесленнымъ и мастеровымъ людемъ для спрашиванія, какъ называютъ ихъ инструменты и протчіе въ ихъ ремеслахъ употребляемыя вещи, и ради увѣдомленія о ихъ всякимъ художествамъ свойственнымъ рѣчамъ и именованіямъ, которые онъ всѣ записываетъ, также изъ нѣкоторыхъ напечатанныхъ книгъ выбираетъ техническіе термины и другія разнымъ ремесламъ свойственныя имена, дабы оныя въ переводахъ и въ рускомъ лексиконѣ, который со временемъ напечатается, съ пользою употребить.

Яковъ Михаиловъ — батырщикъ.

Галактіонъ Чижевъ — наборщикъ, собираетъ указы съ 722 года.

Петръ Степановъ — наборщикъ отпущенъ нынѣшняго году.

Лука Духановъ
Миронъ Ѳроловъ
Сергѣй Луковниковъ
} Батырщики при станахъ.

Въ нынѣшнемъ году въ обѣихъ типографіяхъ набрано и печатано кромѣ вѣдомостей.

Уложенье	»	»	4000 экземпляровъ
Исторія Азовская	»	»	500 экземпляровъ
Военный Регламентъ	»	»	1200 экземпляровъ
Замлункъ, Собраніе всякихъ до Россійской исторіи принадлежащихъ извѣстій		»	1200 экземпляровъ
Зигизбекъ программа медико-ботаническая		»	225 »
Опера на рускомъ и итальянскомъ діалектахъ	»	»	400 экземпляровъ
Нѣмецкой календарь		»	2200 экземпляровъ
Руской календарь	»	»	5200 »

Стихи иллюминаціямъ и фейерверкамъ, всякія вѣдомости военныя.

Нынѣ печатается:

Академическихъ комментаріевъ часть 5.

Зигизбекъ Скнографія (иконографія?) ботаническая.

Бееръ Гисторія Бактріана.

Ариѳметика на рускомъ діалектѣ.

Разговоры на латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ.

Механика въ русскомъ діалектѣ.

Марселіево описаніе о состоянія Оттоманской Имперіи.

Указы отъ 1722 года.

Гисторія Азовская на рускомъ и нѣмецкомъ.

Флоринова генеральная экономія.

Книжная лавка: *Кланнэръ*—факторъ, его должность чтобъ книжную лавку въ добромъ порядкѣ содержать исправно, реэстръ о получаемыхъ изъ чужихъ краевъ и здѣшняго выходу книгахъ имѣть о входящихъ и исходящихъ книгахъ, по данной ему формѣ вѣрный щетъ содержать, съ чужестранными книгопродавцами корреспондовать, листы изъ Типографіи принимать и приказывать, чтобы оные порядочно собраны и въ укладку положены были.

Прейсеръ—бухгалтеръ, въ небытность фактора всю его должность отправляетъ, а особливо содержитъ слѣдующія книги: 1) главную, 2) расходную, 3) купеческую, 4) и черную журнальную книгу.

Сервеліусъ—служитель книжной лавки, обрѣтается у принимания листовъ изъ друкаренъ, складываетъ ихъ въ мѣсто, здѣшняго выходу книги для отправленія въ чужіе края относитъ въ Таможню, а сюда приходящія чужестранныя книги приноситъ изъ Таможни въ книжную лавку, помогаетъ щоты и другія случащіяся дѣла на бѣло писать.

Гербстъ былъ при Академіи купчиною, умеръ.

Нынѣ въ книжной лавкѣ чужестранныхъ книгъ на			8320 р.
Здѣшняго выходу на	»	»	33,958.

Словолитня: *Купій*,—медальеръ, дѣлаетъ понсы и контра-понсы на слова, рѣжетъ математическія и другія фигуры, также виньеты, узлы и протчія къ печатанію книгъ потребныя вещи на мѣди и деревѣ дѣлаетъ, переплетчику стемпели, а постороннимъ людямъ рѣжетъ печати, и за то получаетъ отъ нихъ особливую плату; а нынѣ имѣетъ на рукахъ академическую работу.

Битнеръ — мастеръ всѣ отъ вышеозначеннаго Купіи заготовляемые понсы въ матрицы передѣлываетъ и формы въ такое состояніе приводитъ, чтобъ выливаемые слова ровны и гладки были; при чемъ онъ самъ льетъ и шлейфуетъ, а другихъ словолитцовъ и шлейфовальщиковъ къ работѣ принуждаетъ.

Максимъ Зараевъ
Иванъ Гавриловъ
Гаврила Рудаковъ
Иванъ Дмитріевъ
} Словолитцы.

Въ нынѣшнемъ году сдѣлано:

понсы	»	»	»	179	штукъ.
печатей рѣзано	»	»	»	7	
мѣдныхъ узловъ	»	»	»	45	
литеръ изъ дерева		»	»	174	
разныхъ литеръ литыхъ		»	»	2506 $^{3}/_{4}$ ф.	
матрицъ	»	»	»	221	

Переплетная палата: *Кримендорфъ* переплетнаго дѣла мастеръ, его должность не токмо надъ учениками смотрѣть, но и самому работать.

Браунсъ, *Пасторъ*, *Веккебуръ* } подмастерья, и притомъ все то дѣлаютъ, что имъ отъ мастера дано и приказано бываетъ.

въ нынѣшномъ году переплетено:

въ французскомъ переплетѣ	»	»	1036	книгъ
въ италіанскомъ переплетѣ	»	»	371	
въ простомъ переплетѣ		»	5209	
въ золотомъ морѣ и тавтѣ	»	»	132	
въ футлярахъ	»	»	12	
кругловъ изъ золотой бумаги для стрѣлянія при дворцѣ	»	»	97	

Двѣ ландкарты большихъ положены на полотнѣ.

Фигурная палата: *Кейлеръ* — подмастерье, имѣетъ смотрѣніе надъ работниками; приготовляетъ краску на портреты; когда на пресахъ печатаютъ, то онъ при томъ бываетъ, а въ свободные часы долженъ рисовать или грыдоровать, смотря по времени, что нужнѣе.

Петръ Герасимовъ
Иванъ Тихоновъ
Родіонъ Козминъ
Карпъ Серпѣевъ
Козма Семеновъ
Дорофѣй Петровъ
Ѳедоръ Кириловъ
Серпій Петровъ
Ѳедоръ Погребовъ
Алексѣй Васильевъ
Алексѣй Артемьевъ
Сава Васильевъ
Григорій Матвѣевъ
Иванъ Семеновъ
Осипъ Семеновъ

работники, которыя доски шлейфуютъ, кладутъ на связки пресъ, тиснятъ и стираютъ.

Въ нынѣшнемъ году печатано при фигурной палатѣ—портретовъ и протчаго » 27297 штукъ.
Доски въ разныхъ форматѣ шлифовано » 192 штукъ.

Художники и мастеровые люди:

Шеслеръ — архитекторъ, отпущенъ въ нынѣшнемъ году.

Гзель — съ женою — оба живописному мастерству искусны, мужъ рисуетъ и всякія данныя ему живописныя вещи на маслѣ и на водѣ растворенными красками пишетъ и учениковъ въ гимназіи рисовать учитъ.

А жены его должность въ томъ состоитъ, чтобъ всякія въ кунстъ-каморѣ обрѣтающіяся самородныя и куріозныя вещи водяными красками списывать, которую работу оба они нынѣ исправляютъ и впредь тожъ дѣлать будутъ. Гзель за старостію отъ гимназіи уволенъ, а тамошнюю его должность отправляютъ обрѣтающіеся при гимназіи ученики.

Унформахтъ — грыдоровальный мастеръ, по силѣ своего обязательства, рѣжетъ на мѣдныхъ доскахъ и инструментахъ всякія потребныя слова и письма, а особливо ландкарты, нынѣ грыдоруетъ на мѣди придворной нѣмецкой календарь, а по окончаніи онаго будетъ форшрифты (прописи) и ландкарты на мѣди рѣзать.

Коровякъ — слѣсарь, куетъ грыдоровальныя доски, дѣлаетъ литейныя формы, желѣзо на понсы и мѣдь на матрицы, готовитъ жестяныя линіи и всякую починку у пресовъ исправляетъ.

Вортманъ — грыдовальный мастеръ, онъ по своей должности надъ протчими грыдоровальщиками надзираніе имѣетъ, также портреты, проспекты ландшафты и анатомическія фигуры на мѣди рѣжетъ, а ненадобное заглаживаетъ и вычищаетъ; нынѣ грыдоруетъ портретъ Ея Императорскаго Величества вышиною въ 1 аршинъ, а шириною въ полъаршина.

Брунверъ, механикъ, вымышляетъ и дѣлаетъ всякія модѣли, машины и инструменты, ландкарты и глобусы, рѣжетъ на камнѣ, и учениковъ тому же обучаетъ, нынѣ имѣетъ надзираніе надъ шлейфовальною мельницею въ Петергофѣ, и старается, чтобъ оную въ доброе состояніе привести.

Фричъ, столяръ, дѣлаетъ въ типографіи пресы, ящики, на слова доски, задвижки и другія вещи, а ежели ему свободное время есть, то и въ кунстъ-каморѣ всякую нужную работу исправляетъ; нынѣ дѣлаетъ печатной пресъ и къ тремъ палатамъ кунстъ-каморѣ панель, а зимою будетъ работать достальныя въ кунстъ-каморѣ поставцы.

Гановеръ — подмастерье при ономъ столярѣ, и дѣлаетъ все то, что ему приказано будетъ.

Шеэръ — часоваго дѣла мастеръ, работаетъ въ инструментальной палатѣ все, что до его профессіи принадлежитъ, а особливо колесы и шурупы, починиваетъ часы, квадранты и другія астрономическіе инструменты; нынѣ работаетъ на обсерваторіи при астрономическихъ часахъ.

Вейэръ — циркульной мастеръ дѣлаетъ футляры съ математическими инструментами, и въ мастерскихъ палатахъ потребные инструменты и другія вещи; нынѣ отдѣлываетъ математическій футралъ по присланному изъ Англіи модѣли.

Тебинг — часовой мастеръ, отпущенъ октября 31 числа 1737 года.

Федоръ Самойловъ, *Федоръ Григорьевъ* } Столярные ученики помогаютъ своему мастеру всякую работу дѣлать.

Ученики: *Матис-Андрисъ*—при механикѣ шлейфуетъ стекла и починиваетъ математическіе инструменты, а нынѣ надъ сниманіемъ С.-Петербургскаго плана трудится.

Грыдоровальные ученики: *Матерновій* — ученикъ при грыдоровальщикѣ Вортманѣ рѣжетъ, выглаживаетъ на мѣди всякую работу, а именно, портреты, ландкарты и другія вещи, кромѣ литеръ, нынѣ отдѣлываетъ портретъ блаженныя памяти Его Величества царя Іоанна Алексѣевича, ввечеру срисовываетъ древнія медали и монеты изъ куистъ-камеры и по порядку учениковъ въ гимназіи обучаетъ.

Григорій Качаловъ — тоже дѣлаетъ; а нынѣ трудится надъ портретомъ блаженныя памяти царя Ѳеодора Алексѣевича.

Иванъ Соколовъ — тоже дѣлаетъ, а нынѣ трудится новый портретъ блаженныя памяти государя царя Алексія Михаиловича, понеже первымъ печатать уже невозможно.

Францъ Беренсъ — все тоже дѣлаетъ, что и вышеписанныя только кромѣ портретовъ, вмѣсто которыхъ грыдоруетъ ландкарты, а по вечерямъ рисуетъ.

Григорей Абумовъ – дѣлаетъ ландкарты, механическія и анатомическія фигуры и трапы, рѣжетъ слова, а нынѣ трудится надъ буквы. Б. центурія V.

Андрей Поляновъ — тоже дѣлаетъ.

Друкарни: *Аѳонасій Кошаровъ*, наборной ученикъ, набираетъ по русски, по нѣмецки, по латыни и по французски, а нынѣ трудится при наборѣ Россійской механики.

Михайла Кошаровъ — тоже умѣетъ, набираетъ нѣмецкія вѣдомости, также латинскія, русскія, нѣмецкія и французскія разговоры.

Михайла Яковлевъ — ученикъ при наборѣ книгъ на россійскомъ и чужестранныхъ языкахъ, а нынѣ набираетъ ариѳметику для гимназіи.

Семенъ Горловъ — набираетъ нѣмецкія вѣдомости и вышепомянутые разговоры.

Артемей Остафьевъ — тоже дѣлаетъ.

Тимофей Петровъ — кромѣ ординарныхъ вѣдомостей всѣ на россійскомъ языкѣ одинъ набираетъ, а нынѣ помогаетъ набирать указы 1722 года.

Михаила Ананинъ, при вѣдомостной работѣ, набираетъ, указы 1714 года.

Переплетнаго дѣла: *Василей Куликовъ* — отпущенъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Паладій Ивановъ
Егоръ Мокѣевъ — Ученики планируютъ, то есть намочиваютъ печатные листы съ клеемъ горячею водою, загибаютъ по нумерамъ, уколачиваютъ, сшиваютъ, обрѣзываютъ и дѣлаютъ связки.

Инструментальная палата: *Василей Ивановъ*, дѣлаетъ геометрическія и физикальные инструменты,—а именно: остролябіи, цыркули, линіалы, транспотиры, компасы, солнечныя часы, насосныя трубы, дѣлаетъ нынѣ съ другими для отправленія къ тайному совѣтнику господину Татищеву въ Катеринбурхъ геометрическія и протчія инструменты.

Семенъ Суворовъ — былъ прежде сего у инструментальнаго мастера, а понеже понятія и охоты къ тому не имѣлъ, то отданъ въ словолитню, гдѣ онъ нынѣ вылитыя слова шлейфуетъ.

Петръ Балыкинъ — дѣлаетъ всякіе геометрическіе инструменты, а именно: квадранты, астролябіи, транспотиры, пропорціоналы, цыркули, притомъ знаетъ и раздѣлять.

Александръ Овсянниковъ — изъ молодыхъ, учится часы и принадлежащіе къ тому колесы дѣлать, линіалы, компасы и другія вещи.

Якимъ Терентіевъ — недавно началъ учиться, дѣлаетъ цыркули.

Михайла Махаевъ — рѣжетъ на мѣди и инструментахъ всякія слова, нынѣ дѣлаетъ Россійской придворной календарь, и грыдоруетъ на мѣдной доскѣ къ Марсиліевой книгѣ принадлежащіе слова и надписи.

Иванъ Бѣлаевъ — стеклянныхъ дѣлъ шлейфовальщикъ, шлейфуетъ всякія оптическія и катоптрическія стекла, а именно: очки, зрительныя трубки, микроскопіи, барометры, термометры, и все, что до экспериментовъ физическаго профессора и метеорологическихъ обсерваціи касается; нынѣ дѣлаетъ микроскопіи, барометры и термометры для Камчатской экспедиціи.

Андрей Бѣлаевъ, шлейфовальный ученикъ, всякія стекла какъ и прежней шлейфуетъ.

Словолитня: *Аѳонасій Власовъ* ученикъ, слова льетъ, гренируетъ и шлейфуетъ.

Александръ Ивановъ — учится словолитному и кузнечному, рѣжетъ большія и начальныя слова на деревѣ.

Ѳедоръ Поляновъ — рѣжетъ и гренируетъ.

Матѳѣй Ивановъ — тому же имѣетъ.

Мартинъ Купій — рѣжетъ слова, узлы и виньеты на деревѣ, на зеленой мѣди, дѣлаетъ понсы и контрапонсы.

Николай Купій — рѣжетъ слова на мѣди и на деревѣ.

При гимназіи ученики: *Пешта*—ученикъ, учится латинскому, россійскому и нѣмецкому языку, дабы могъ со временемъ въ переводѣ употребленъ быть.

Кохъ—отошелъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Родіонъ Корелинъ — по желанію и склонности своей отданъ учиться переплету книгъ.

Александръ Каламаровъ — отпущенъ отъ Академіи въ нынѣшнемъ году.

Андрей Нестеровъ — нынѣ обрѣтается въ русской Типографіи.

Иванъ Барышниковъ — у рисованія, имѣетъ къ сему дѣлу изрядную способность, понятіе и охоту, а нынѣ опредѣленъ къ рѣзанію на камнѣ.

Степанъ Сорокинъ — также у рисованія.

Яковъ Треусовъ — учится книжной комерціи.

Иванъ Васильевъ — въ словолитнѣ.

Алексѣй Грековъ — у рисованія, а нынѣ учится грыдоровать.

Иванъ Лебедевъ — учится книжной комерціи.

Андрей Комбаровъ — при словолитнѣ.

Яковъ Печаевъ — при живописномъ дѣлѣ.

Библіотека, канцелярія и кунстъ-камора:

Шумахеръ, библіотекарь, имѣетъ смотрѣніе надъ библіотекою и кунстъ-камерою и всему, что во оныхъ находится, содержитъ обстоятельную роспись, также и о томъ старается, чтобъ небреженіемъ какимъ что испорчено не было; показываетъ тѣмъ, которые хотятъ кунстъ-камору видѣть, все, что находится въ ней примѣчанія достойнаго, изъясняетъ вкратцѣ оныя вещи; теперь готовитъ онъ къ печати особливыя катологи, а кромѣ того имѣетъ еще въ канцеляріи надзираніе и помогаетъ во всемъ президенту.

Медеръ, секретарь, при отправленіи своей должности имѣетъ надзираніе надъ приходомъ и расходомъ денежной казны, и смотритъ, чтобъ щеты порядочно и исправно ведены были.

Гофманъ, актуаріусъ, содержитъ нѣмецкую канцелярію, протоколъ въ порядкѣ, а въ отсутствіи секретаря отправляетъ его должность.

Кисперъ, лекарь, пользуетъ больныхъ академическихъ служителей, иногда самъ, а временемъ подъ дирекціею другова доктора или лекаря, а сверхъ того при случающихся анатоміяхъ и секціяхъ присутствуетъ.

Фелтингъ - экономъ, содержитъ у себя столъ для обрѣтающихся при Академіи холостыхъ профессоровъ, Адъюнктовъ и студентовъ и сверхъ того имѣетъ надзираніе надъ магазиномъ.

Соколовъ, канцеляристъ, у прихода и расхода денежной казны и у сочиненія щетовъ.

Паулъ — канцеляристъ у нѣмецкихъ дѣлъ, а притомъ журналъ содержитъ.

Грековъ — канцелярист при Россійскихъ дѣлахъ.

Михайло Лебедевъ — подканцелярист при русскихъ дѣлахъ.

Иванъ Сухоруковъ — копіистъ у русскихъ дѣлъ.

Ѳедоръ Лебедевъ — копіистъ при Россійской экспедиціи у щетовъ.

Тимофей Ѳедоровъ — копіистъ у щетовъ и употребляется къ покупкѣ разныхъ вещей, и содержитъ журналъ.

Томсонъ — копіистъ при нѣмецкой экспедиціи, пишетъ копіи съ каталоговъ въ Библіотеку.

Бессоновъ — писарь у русскихъ дѣлъ при Географическомъ Департаментѣ.

Краюхинъ — у рисованія грыдоруетъ литеры и ландъкарты.

Брызаловъ — писарь при русскихъ дѣлахъ.

Пухортъ — переводитъ въ книжной палатѣ реэстры, книги и щеты на русской языкъ, и употребляется для переводу на словахъ.

Дмитрій Тимофѣевъ — копіистъ при русскихъ дѣлахъ.

Сташевскій — списываетъ переводы и другія до наукъ касающія дѣла.

Линдорфъ — канцелярист при магазейнѣ, содержитъ магазейныя книги, употребляется на посылку и для собиранія долговъ.

Альбомъ — копіистъ, копируетъ всѣ входящія и исходящія писма, нѣмецкіе, указы и журналъ.

Андрей Грековъ — обрѣтается при кунстъ-камерѣ и дѣлаетъ на инсекты и другія вещи потребно спирту, а на досуги срисовываетъ анатомическія вещи.

Иванъ Федоровъ — содержитъ нижнюю и среднюю книжную палату въ чистотѣ, обметаетъ книги и притомъ на посылку и для нужныхъ дѣлъ употребляется.

Матрена Иванова придана въ помощь госпоже Гзельшѣ для содержанія въ чистотѣ инсектовъ, а особливо папиліоновъ, бабочекъ разныхъ родовъ, къ чему особливаго искусства и великаго прилежанія потребно.

Семенъ Семеновъ дѣлаетъ спиртусъ, и наливаетъ въ кунстъ-канерскія вещи.

Ларіонъ Глуховъ — сторожъ при канцеляріи.

6 человѣкъ гребцовъ — по прошествіи лѣта употребляются во всякую при Академіи потребную работу.

Сухановъ — квартермейстеръ, кромѣ сей должности сторожемъ при академической канцеляріи служитъ.

4 работника при кунстъ-камерѣ — содержатъ кабинетъ и галерію въ чистотѣ, а особливо употребляются на посылку и для показанія пріѣзжающему кунстъ-камеры.

Никита Афонасьевъ — работникъ при анатоміи, содержитъ покровы въ чистотѣ, грѣетъ воду для мертвыхъ тѣлъ.

Исай Зотовъ — истопникъ при обсерваторіи.

Петръ Андреевъ сынъ *Душечкинъ* — топитъ четыре печи: одну въ Географическомъ Департаментѣ, а три въ рисовальныхъ каморахъ.

Василій Родіоновъ — топитъ пять печей и въ инструментальныхъ палатахъ и въ токарнѣ.

Антонъ Спиридоновъ — истопникъ, топитъ пять печей: 1 въ книжной лавкѣ, 1 у цыркульнаго кузнеца, а три въ столярныхъ палатахъ.

Токарня: *Нартовъ* — ассессоръ; ему поручено на время надзираніе надъ инструментальными палатами, а нынѣ трудится въ исправленіи вѣсовъ и мѣры, иногда самъ точитъ, а впредь будетъ тріумфальной столпъ доканчивать.

Иванъ Леонтіевъ—точитъ всякія вещи на и лутчихъ и простыхъ станкахъ, на деревѣ, на кости, на серебрѣ и металлахъ.

Андрей Коровинъ — вертитъ колесо, содержитъ машину въ чистотѣ, а временемъ и самъ простыя вещи точитъ.

Петръ Дмитріевъ — слѣсарь — дѣлаетъ всякіе замки, содержитъ машины въ чистотѣ, попорченное или сломаное прибавляетъ; а нынѣ дѣлаетъ желѣзныя вещи къ мѣдныхъ пресамъ.

Григорій Кандарацкій — тоже дѣлаетъ.

Никита Колпаковъ — бывшій столяръ при токарныхъ станкахъ, а по смерти опредѣленъ на сіе мѣсто сынъ его, который всякую при означенныхъ станкахъ потребную работу отдѣлаетъ.

Петръ Ермолаевъ, *Михайло Семеновъ* — Ихъ должность машины срисовывать и описывать, а впредь токарной работѣ учиться будутъ.

Петръ Кондарацкій, *Семенъ Кондарацкій* — Замочнаго дѣла ученики дѣлаютъ и нилютъ замки; а нынѣ работаютъ у печатныхъ пресовъ.

Иванъ Филиповъ токарный ученикъ, точитъ на деревѣ, на зеленой мѣди и на кости на ординарныхъ станкахъ, а нынѣ дѣлаетъ компасы для отправленія въ Катеринбурхъ.

Андрей Спиридоновъ — ученикъ, живетъ въ Петергофѣ, учится на камнѣ рѣзать.

Максимъ Никитинъ, *Семенъ Никитинъ*, *Сидоръ Бабаевъ*, *Козма Плотниковъ* — точильщики на шлейфовальной мельницѣ въ Петергофѣ.

ЭЛЕГІЯ ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА И ОТВѢТЪ НА НЕЕ АНТІОХА КАНТЕМИРА *).

Ѳеофанъ, архіепископъ Новгородскій.

Плачетъ пастушокъ въ долинѣ непастія.

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,—
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды. О многобѣдно
Мое счастье!
Хотяжь малую явитъ отраду
И поманитъ
И будто польготитъ стаду,
Да обманетъ.
Дрожу подъ дубомъ, и крайнимъ гладомъ
Овцы таютъ
И уже весьма мокротныхъ хладомъ
Исчезаютъ.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
Нѣтъ отмѣны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ
И кручины.
Потщися, Боже! насъ свободити
Отъ печали,—
Наши насъ дѣды къ Тебѣ вопити
Научали.

---

*) Изъ рукописи прошлаго вѣка Императорской Публичной Библіотеки, Отд. XIV, Q, № 6. *Ред.*

Князь Антіохъ Кантемиръ.

Epodos consolatoria ad oden pastoris Pimini, sortem gregis sub tempestatem deplorantis.

На горахъ нашихъ, Пимине славный
Сѣдинами!
Ни свирѣлію тебѣ кто равный,
Ни стадами.
На рожку ль поешь или на сопѣли
Хвалу Богу,
Стихомъ ли даешь промежду дѣлы
Радость многу:—
Забывши травы, къ нейже измлада
Наученны,
Стоятъ и овцы, и козлищъ стада
Удивленны.
Сенька и Ѳедька *), когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ немазанны двери скрипѣли
Ветчиною.
Славному млека и волны зѣло
Когдась вору
Лошадей столько въ мысли не было
И Егору,
Сколько есть овецъ въ твоей оградѣ
Въ лѣтнемъ зною!
Молоко свѣжо при твоемъ стадѣ,
И зимою,
Тыже былъ гораздъ и волковъ бити
Изъ пищали;
Бѣда не могла тебѣ вредити
И печали,
И еще сѣна у тебя много
Вмѣсто травы,
Есть и хлѣвина для дождю злаго,
Ту исправи.—
Сіи запасы—твоему стаду
Въ зиму люту

*) Кантемиръ разумѣетъ здѣсь Симеона Полоцкаго и Ѳедора Поликарпова.

И въ осень мокру дадутъ отраду
И пріюту.
А ты самъ, въ теплой сидя хижинѣ,
Можешь сѣти
Вязать, или что плесть при лучинѣ,
Или пѣти,
Или, милую созвавъ дружину,
Промежь дѣлы
Бражку и винцо подносить *) по чину,
Не унылый.
Они ти за то будутъ при дѣлахъ
Помогати,
Масло и творогъ жирный въ творилахъ
Истискати.
Для чегожь плачешь, чрезъ пять дней было
Что ненастье?
На дождь и стужу смотришь уныло,
За несчастье,
Что мокра осень слѣдуетъ лѣту,
Той противо
Отъемлетъ зима останокъ свѣту?
То не диво.
Послыша весну, ужь ластовицы
Появились;
Уже журавли и ины птицы
Возвратились;
Солнце съ барашка ужь на близнята
Преступило:
Съ матерьми юны въ поляхъ игнята
Блеютъ мило,
И славна въ горахъ нашихъ Діана
Благодатна,
Весны дарами — цвѣты вѣнчанна,
Всѣмъ пріятна,
Оставя горы, въ лѣса приходитъ
Съ дружиною
И знатно красныхъ нимфъ превосходитъ
Лишь главою;
За ней черкесскій въ тулѣ сіяетъ
Лукъ; страшливыхъ,

*) Въ рук.: *поднось*

Готова на ловъ, ужь примѣчаетъ
Звѣрей дивыхъ:
Въ коихъ вертепахъ щенковъ выводятъ
Львы ужасны,
Лютый боброъ и барсъ гдѣ дѣтей плодятъ,
Пятномъ красны.
Вскорѣ ловитвы будетъ корысти
Раздѣляти,
Сихъ звѣрей кожи вмѣсто монисты
Раздавати.
Она и тебе и твое стадо
Охраняетъ,
Да не васъ льстивыхъ волковъ зло чадо
Повреждаетъ.
Ты бо ей главу шишковымъ вѣнцомъ
Вѣнчалъ красно,
Да, въ лицѣ богинь, Россіи концемъ
Свѣтитъ ясно.
Ты въ Ея праздникъ въ жертву приносишь
Агнцевъ бѣлыхъ,
Сыченый братьи медокъ подносишь
Съ сотовъ зрѣлыхъ
И Ея похвалъ ты пѣвецъ славный,
На сопѣли:
Такъ пѣть Амфіонъ и Орфей дивный
Не умѣли.
Для чегожь плачешь, чрезъ пять дней было
Что ненастье?
Уже сіяетъ шестый день мило
Въ твое счастье!
Симъ нынѣ ведромъ буди довольный:
Послѣ зноя
Седьмый наступитъ любаго полный
День покоя.
Тогда, богатый Пимпне, сидя
Безопасный
Подъ дубомъ или подъ кленомъ, видя
Стада красны,
Висящи отъ горъ, и овецъ кущи
Исполненны,
Вымена млекомъ тяжки имущи

И раздѣлены:
Не забудь и намъ, пастушкамъ малымъ,
Помогати;
Не дай Егора другомъ на халымъ
Нападати.
У меня было много козлятокъ,—
Ты извѣстенъ,—
Сей былъ моея паствы начатокъ
Некорыстенъ;
Но и сихъ Егоръ и его други
Отогнали,
Млеко и волну вороги туги
Всю раскрали.
Ужь трижды солнце вкругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
Я не имѣю льготы ни мало
Весь унылый;
Лишенъ и стадца, лишенъ хижины,
Лишенъ нивы
Межь пастушками брожу единый
Несчастливый.
Ниже въ наймиты кто нанимаетъ,
Ни козлятемъ
На заводъ бѣдну кто помогаетъ,
Ни агнятемъ.
То праведнѣйше, нежли въ ненастье,
Я скучаю,
Плачущь тяжкаго сего несчастья
И случаю.
Никто не счастливъ, развѣ сравнится
Съ тресчастливымъ,
Или безчастнымъ, когда дивится
И плачливымъ:
Присмотрись токмо моему лиху
И несчастью,
Будешь въ печали имѣть утѣху
И въ ненастью.

РАСКОЛЬНИЧЬЯ САТИРА ПРОШЛАГО ВѢКА *).

Пышность нынѣшняго время
Оставляетъ при крещеніи данное человѣку бремя;
Днесь исполняется пророческое пророченіе
И философское разсужденіе:
Нынѣ мало кто тщится Богу угодить,
А болѣе любятъ въ веселье пожить.
А особливо на держащихся новой вѣры
Могу показать многіе примѣры:
Потому что молодой человѣкъ тщится щепетко ходить
И одежду по нѣмецки носить:
На шеѣ чтобъ были подвязаны косынка или платокъ,
И на головѣ чтобъ былъ зачесанъ хохолъ на одинъ бокъ;
Еще чтобъ были панталоны, капотъ, жилетъ и сапоги смазные,
Пуховая шляпа, фракъ, сертукъ и перчатки бѣлявые.
Если же еще положитъ въ карманъ часы,
То какой еще лутче этой красы?
А совершеннолѣтній старается чище бороду обрить,
И еще тутo жь многіе любятъ табакомъ носъ набить.
Да говорятъ, что табакъ употреблять грѣшно,
А у насъ давно въ моду взошло.
Естли жь сбросить лѣность, что не хочется писать,
То еще можно нѣсколько о духовномъ дѣлѣ показать:
Во первыхъ пѣвчіе имѣютъ за службою камартонъ
Для того, что онѣ съ него берутъ запѣвательный тонъ;
Ежели жь поютъ, то руками махаютъ,
Потому что чрезъ сіе тактъ пѣнія наблюдаютъ;
И каждый изъ нихъ притопываетъ ногою,
Якоже Исаакій Далматскій предъ сатаною;

*) Изъ раскольничьей тетрадки настоящаго столѣтія. *Ред.*

За обѣдней напереди женщины или дѣвушки стоятъ,
На которыхъ больше иконъ люди глядятъ,
Ибо у нихъ груди почти совсѣмъ наружѣ;
Но что сего Богу противнѣе и хуже?
Потому что ихъ больше Бога почитаютъ
А именно, которые съ вожделѣніемъ прилежно взираютъ.
По какая жь тутъ Богу воздается честь?
Ей ей, друзья, поистину нѣсть!
Теперь посмотримъ на ихъ молитву,
Или, лучше сказать, на удобную ко грѣху ловитву:
Ибо онѣ стоятъ, оттопыря ногу,
И не по подобію молятся Богу:
Крестится—около рта мотаютъ,
На подобіе какъ на балалайкѣ играютъ;
Еслижь которая вздумаетъ пониже поклониться,
И опять роздумаетъ, чтобы чрезъ сіе не посрамиться
И не уподобиться бы деревенскому мужику,
Неученому дураку.
Случается кто кого спроситъ: «что-то я васъ за обѣдней не видалъ?»
На что и отвѣтствуетъ: «да я и не бывалъ,
Потому что мнѣ полникмахера не пришлось у себя застать,
И такъ не кому было голову убрать.»
Естли же кто божественную книгу имѣетъ,
Станетъ читать и въ ней мало разумѣетъ:
Сейчасъ ее сложитъ
И на свое мѣсто положитъ,
Скажетъ про себя:
«О! мнѣ не до тебя;
Я вѣдь не монахъ,
Живу въ мірскихъ суетахъ;
У меня есть Адская Почта, исторіи и Арабскія Сказки,
Которыя научатъ, какъ показать обхожденія и ласки.»
Словомъ сказать, что не имѣютъ въ домѣ ладана и кадила,
А имѣютъ табашныя курила,
И всѣ утверждаютъ,
Будто бы отъ ладана канарейки умираютъ,
А отъ табаку весело воспѣваютъ;
И говорятъ, что академисты всѣ табакъ употребляютъ
И намъ не возбраняютъ.
Изъ такихъ многіе говорятъ: «какъ придутъ къ намъ послѣдніе вѣки,
Будутъ жить въ расплѣненомъ житіи человѣки».

ИЗВѢСТІЕ О ПРОФЕССОРѢ МЕЛЬМАНѢ *).

(Сообщено Д. П. Пловайскимъ).

Высокоблагородный колежскій ассессоръ.
Милостивый мой Государь!

Хотя я не имѣю чести васъ знать, однако чрезвычайно печальный для меня случай принуждаетъ меня васъ обезпокоить моимъ письмомъ. Всячески старался я послѣ отъѣзда моего любезнаго зятя, профес. Мельмана изъ Москвы узнать о его пребываніи, и не могъ понять, по какой причинѣ не получилъ ни малѣйшаго извѣстія; теперь увѣдомляетъ меня одинъ г. Фонъ-Дершау, что мой несчастный родственникъ, отправленъ будучи изъ Россіи съ провожатыми, ему отданъ былъ 28 марта (н. ст.) въ польскомъ городкѣ Старополѣ, но въ печальнѣйшемъ состояніи, въ ужаснѣйшей меланхоліи и въ величайшей слабости. Сей благородный, почтенный человѣкъ, весьма сожалѣя о печальной участи моего несчастнаго любезнаго зятя, все сдѣлалъ, что только въ маломъ городкѣ возможно было, чтобъ возвратить ему здоровье и, думая, что онъ въ рукахъ искуснаго врача, можетъ быть, поправится, отправилъ его подъ самымъ лучшимъ присмотромъ въ Кенигсбергъ; но сожалѣнія достойный зять мой умеръ въ гор. Георгенбургѣ въ 10 миляхъ отъ Кенигсберга.

Ахъ какого сожалѣнія достойны мы, лишившись сего любезнаго брата, который конечно никого не обидѣлъ, развѣ то было совершенно безъ намѣренія! Моя жена, которая любила его болѣе всѣхъ братьевъ, теперь неутѣшна. Я не знаю точныхъ причинъ сего приключенія, но Богъ да проститъ тѣмъ, которые виною его смерти. Добродушный г. Фонъ-Дершау мнѣ прислалъ списокъ всѣмъ вещамъ,

---

*) Любопытныя подробности о Мельманѣ напечаталъ С. М. Соловьевъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей» 1861, Кн. 4.

неходившимся у покойнаго. Но теперь не знаю я, какія учрежденія зять мой предъ отъѣздомъ сдѣлалъ въ разсужденіи своихъ вещей и имѣнія. Я васъ, какъ друга несчастнаго моего зятя, прошу меня увѣдомить, сколько вамъ о томъ извѣстно, что я признаю съ величайшею благодарностію.

Имѣю честь быть,
Милостивый мой государь,
вашимъ покорнымъ слугою.
Грубе.

Въ Любекѣ
6 Мая
1795

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ МАРИНА *).

(*Сообщены А. Н. Аѳанасьевымъ*).

1.

На рожденіе Геракова.

Въ бѣломъ платьѣ полотняномъ,
Пукъ цвѣтовъ держа въ рукахъ,
Подъ финлейнымъ покрываломъ
Вдругъ весна въ нашихъ странахъ
Показалася — и воды
Потекли опять въ рѣкахъ;
Сани бросили народы
И стучатъ на колесахъ:
Горы Охтенски пропали,
Коньки надо покидать,
Чистить улицы ужь стали

---

*) Маринъ извѣстенъ своими сатирическими произведеніями, изъ которыхъ весьма немногія попали въ печать. Краткія свѣдѣнія о немъ сообщени г. Лонгиновымъ въ «Современникѣ» 1856 г., № XI, Смѣсь, стр. 42—46. Геракова былъ учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ и авторомъ многихъ плохихъ книжонокъ: *О духѣ россіянъ*, *Меншиковѣ*, *Совѣты офицерамъ* и пр. Ода Марина на его рожденіе есть пародія извѣстнаго стихотворенія Державина:

Съ бѣлыми Борей власами.

А. А.

И Ивановъ *) не видать;
Полицейски офицеры
Не пускаютъ по рѣкѣ;
Нѣ взялъ кто у насъ квартеры,
Тотъ живетъ какъ вдалекѣ.
Въ сіе время солнце красно
Стало ярче ужь свѣтить,
Родилось дитя прекрасно,
Свѣтъ которо удивитъ.
Не родился онъ въ рубашкѣ;
Нѣтъ, онъ болѣе блаженъ:
Весь обвернутый въ бумажкѣ
Въ свѣтъ онъ матерью рожденъ!
Родился и раскричался,
Голосъ преужасный былъ:
Въ страну мертвыхъ онъ домчался,
Древнихъ грековъ встормошилъ.
Взбунтовалися ихъ души,
Видѣть всѣ дитя хотятъ;
Крылья подвязавъ подъ туши,
Въ страну русскую летятъ.
Всѣ къ ребенку прилетаютъ,
Видъ его ихъ всѣхъ дивитъ!
Колыбель всѣ окружаютъ
И хотятъ его дарить.
Долго, долго говорили:
Что-бъ ему въ подарокъ дать?
Напослѣдокъ положили
Одному за всѣхъ вѣщать.
Жребій Біасу достался,
И совѣтъ то подтвердилъ;
Старецъ кашлялъ, оправлялся,
Такъ ребенку говорилъ:
«Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ;
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчно капитанъ.
Будешь — и судьбы гласили —
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ.»

*) т. е. *Ванекъ* — зимнихъ извощиковъ.

И всѣ старцы подтвердили:
«Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ!»
Совершилось предсказанье,
Свѣтъ въ тебѣ поэта зритъ.
О ушей нашихъ терзанье!
Долголь будешь насъ морить?
Ты престань марать бумагу,
Голову престань ломать;
Нѣтъ тебѣ къ Парнасу шагу!
Когда-жъ будешь продолжать,
То напрасно ты порыщешь,
Съ рукъ товаръ твой не сойдетъ;
Добрыхъ [1]) больше ты не сыщешь,
А весь трудъ твой пропадетъ [2]).

2.

Посланіе къ другу.

Служи отечеству, твердятъ намъ съ юныхъ лѣтъ;
Люби отечество, твердитъ весь бѣлой свѣтъ.
Да только на словахъ тѣ рѣчи исполняютъ
И со вредомъ его счастливо поживаютъ;
А службой вѣрною, любовію къ нему
Что можемъ мы найдтить? Найдемъ костыль, суму,
Съ которыми пойдемъ по улицѣ шататься,
И, именемъ Христа прося свой хлѣбъ, питаться.

---

[1]) Намекъ на изданную Гераковымъ книгу «Для добрыхъ».

[2]) Пародія Марина вызвала подражателей; нѣкто Пиловъ вздумалъ ту же самую оду Державина передѣлать на свой ладъ, воспѣвая рожденіе Геракова, но его передѣлка болѣе длинна, нежели остроумна. Она начинается этими стихами:

Съ рыжими Чухна власами
И съ небритой бородой,
Устрашенный небесами
Скачетъ безъ ума домой.

У колыбели будущаго писателя собираются черные думы и надѣляютъ его всѣми возможными несовершенствами;

По послѣдній, зла ревнитель,
Въ окончаніи изрекъ:
«Будь ты въ корпусѣ учитель,
Будь плѣшивой человѣкъ!»

«Какъ можетъ это быть»? — Что жъ дѣлать? Свѣтъ таковъ:
Онъ бѣдныхъ почитать привыкъ за дураковъ.
Будь честенъ, будь уменъ, да денегъ нѣтъ въ карманѣ
И ходишь ты всегда въ заношенномъ кафтанѣ —
Не можешь никогда ты царству нужнымъ быть!
Ну можно ли тебя куда опредѣлить?
Въ Сенатъ бы напримѣръ: тамъ люди для наряда,
Расшитъ чтобъ былъ кафтанъ, а голова не нада,
И безъ нее дѣла донынѣ тамъ рѣшатъ;
На чтобъ секретарей туда опредѣлять?
Они бы вовсе тамъ безъ дѣла оставались,
Когдабъ сенаторы дѣлами занимались.
А если плутни всѣ и взятки истребить,
То родъ подъяческой льзя-ль въ бѣдность погрузить?
Такъ честность тутъ твоя, мой другъ, и не годится!
Куда же бы теперь хотѣлъ опредѣлиться,
Отечеству чтобъ быть полезну своему?
Въ совѣтѣ засѣдать ты могъ бы по уму,
Да умъ не надобенъ въ верховномъ семъ совѣтѣ,
А надо пріѣзжать въ двухтысячной каретѣ
И цугомъ правилъ чтобъ съ усищами нѣмчинъ,
Лакей въ басанахъ весь чтобъ означалъ твой чинъ,
Чтобъ были у тебя гайдуки, скороходы
И разные къ тому подобные народы;
А еслибъ ты пѣшкомъ въ собраніе пришелъ,
Тобъ умный твой совѣтъ въ немъ мѣста не нашелъ.
Двѣ службы не по насъ. — Ты мѣтишь въ прокуроры,
Такъ будутъ у тебя въ командѣ сенаторы;
По дудочкѣ своей заставишь ихъ плясать
И станутъ всякой день въ Сенатѣ работать,
Не станутъ взятокъ брать, дѣла пойдутъ въ порядкѣ —
Да многимъ голову свернутъ такому дядькѣ!
А если хочешь ты на мѣстѣ этомъ быть,
То долженъ всѣхъ своихъ пріятелей забыть,
Поклонами никакъ не долженъ унижаться,
Считать грѣхомъ большимъ дѣлами заниматься;
Къ тебѣ кто съ просьбою, того не принимай,
Слова ты всѣ забудь, лишь *завтра* повторяй;
Такъ тотчасъ наградятъ казною, деревнями,
Обвѣшаютъ тебя портретами, крестами.
А если иначе ты станешь поступать,

Въ отставку выгонятъ и вѣкъ велятъ молчать.
Такъ видишь ли, мой другъ, чтобъ обществу годиться,
Богатымъ дуракомъ въ свѣтъ надобно родиться,
Или къ отечеству любовь всю истребя
И только лишь себя единаго любя,
На счетъ жить ближняго, и честность презирая,
На счетъ его же жить, народъ весь разоря.
Т.... чтобы служить, карманъ свой набивай
И подати ему и для себя сбирай;
Бывъ страшенъ ты для всѣхъ, окончишь дни спокойно,
И скажутъ «награжденъ за службу ты достойно!»
А съ честностью своей ты бѣдно кончишь вѣкъ,
И скажутъ о тебѣ: «онъ глупый человѣкъ!
Имѣлъ случаевъ тьму, гдѣ могъ бы поживиться,
Да не имѣлъ ума отъ ближняго живиться!»
Вотъ что наградою получишь ты себѣ.
Послушай же совѣтъ мой искренній тебѣ:
Покойную ты жизнь всему предпочитая,
Живи для дружества. Обязанность святая!
Почтеніе ты мнѣ и лентъ всѣхъ, и крестовъ.
Вѣрь, счастье не живетъ возлѣ большихъ чиновъ:
Съ чинами искренность изъ сердца исчезаетъ
И честолюбіе всю душу занимаетъ.
Ты въ бѣдности своей будь добрый гражданинъ,
Будь вѣрный своего отечества ты сынъ:
Оплакивай его, не говоря ни слова!
Коль слово скажешь ты, награда въ мигъ готова:
За честность за твою, за вздохъ объ ономъ твой,
Квартира въ крѣпости и черный хлѣбъ съ водой.

ОПИСЬ БИБЛІОТЕКИ ІЕРОМОНАХА ЕВѲИМІЯ.*)

Сообщена А. Е. Викторовымъ.

1705 г. іюня въ 8 день по указу Великаго Государя и по приказу боярина Іоанна Алексіевича Мусина—Пушкина, Дьякъ Иванъ Вишняковъ въ Патріаршей Ризницѣ, принесенные изъ Чюдова монастыря изъ кельи монаха Евѳиміа послѣ смерти ево въ трехъ сундукахъ да въ коробкѣ книги печатные и письменные Греческіе и Греколатинскіе и Польскіе и Русскіе и тетради письмянные переписалъ, Патріарша Дому при Ризничемъ Филаретѣ, да Чюдова монастыря при діаконѣ Дамаскѣ, да печатнаго двора при чтецѣ монахѣ Германѣ. А что тѣхъ книгъ по разбору ихъ и по переписке явилось, и то писано ниже сего:

Греческихъ въ десть печатные въ переплетѣ.

Книга Библіа въ бумажныхъ доскахъ, переплету Греческаго, безъ застежекъ.

К. Симеона Ѳессалонитскаго на ереси и о православной вѣрѣ, и о церковныхъ таинствахъ, въ доскахъ бумажныхъ, оболочена кожею, по обрѣзу золото, застежки мѣдные, а на верхней доскѣ наклеено и подписано: «книга сія блаженнаго Симеона Ѳессалоникійскаго, дана изъ келіи Святѣйшаго Іоакима Патріарха Чюдова монастыря монаху Евѳимію ради преведенія на Славенскій діалектъ, яже Божіею помощію и преведеся, и молитвами Пресвятыя Богородицы, и положися — въ книгохранильницѣ Святѣйшія Патріархіи Всероссійскія».

К. Каталлаги противу Латінъ, въ доскахъ бумажныхъ ветхихъ безъ оболочки.

К. Нектаріа Патріарха Іерусалимскаго противу Латінъ, въ доскахъ бумажныхъ, держаная, по обрѣзу краснымъ напрыскана.

К. Мелетія Сприга и Досіѳея Патріарха Іерусалимскаго изъ Кальвины и Лютеры.

Греческихъ въ полдесть.

Псалтирь, въ переплетѣ въ доскахъ, по обрѣзу красной сурикъ, застежки мѣдные; держаная.

---

*) Изъ описи Патр. Ризницы 1722 г., хранящейся въ Архивѣ Моск. Оружейной Палаты подъ № 123.

К. Исторіи церковныя и гражданскія въ пергаминѣ, держаная.

К. Евхиридіонъ сирѣчь сѣчиво противо Латінъ, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Григоріа Архіепископа Солунскаго, въ пергаминѣ, ветхая.

Евхологіонъ, въ доскахъ и въ коже красной, по обрѣзу золото, застежки мѣдные, въ малую десть.

Евангеліе харатейное въ малую десть.

Греческія же въ четверть.

К. Псалтирь толковая, въ доскахъ бумажныхъ, прикрыта черною кожею, по обрѣзу киноварь.

К. Грамматіка, въ доскахъ пергаминныхъ, безъ застежекъ.

К. Октоихъ, сирѣчь осмогласникъ въ доскахъ Русскаго переплету, по обрѣзу золото, безъ застежекъ.

Греческія жъ въ малую четверть.

2 книги орологіи, сирѣчь часословы, въ доскахъ, Русскаго переплету, по обрѣзу позолочены, держаные.

Книгъ греколатинскихъ въ десть.

К. Томъ Златоустаго въ доскахъ бумажныхъ, оболоченъ кожею, по обрѣзу золоченъ.

К. Святаго Діонисія Ареопагита, дѣлъ его всѣхъ, переплетъ пергаминной.

Книга Ѳеофилактово толкованіе на Евангелія, въ доскахъ, оболоченыхъ кожею, по верхъ пергаминъ, по обрѣзу было прикрыто киноварь, безъ застежекъ, держаная.

Греколатинскихъ же въ четверть.

К. Латинская Хронологій, сирѣчь лѣтописецъ, въ доскахъ бумажныхъ прикрыта кожею, по обрѣзу зелень.

К. Латинская въ пергаминѣ, по обрѣзу зелень.

Польскихъ книгъ въ десть печатныхъ.

К. Библіи переводу Іеронимова, въ доскахъ Русскаго переплету оболочены черною кожею, по обрѣзу киноварь, безъ застежекъ.

К. Библіи Іакова Вуйка, въ доскахъ ветхихъ, прикрыта кожею, по обрѣзу зелень.

К. Лѣтописецъ Бароніевъ на 1200 лѣтъ, въ доскахъ, прикрытъ бѣлою кожею, по обрѣзу киноварь, ветхъ.

К. Житія Святыхъ различныхъ, въ доскахъ, оболочена бѣлою кожею, одна застежка мѣдная.

К. Зерцало великое, въ доскахъ, прикрыта бѣлою кожею, застежки мѣдные, по обрѣзу киноварь.

К. Разглагольство Любелское о согласіи и несогласіи народа Русскаго, переплетъ бумажный, доски красные, безъ застежекъ.

Библіа Немѣцкая въ доскахъ, кожа спрыскъ, обрѣзъ киноварь спрыскомъ же, застежки мѣдные.

Польскія же полудестовыя.

К. Новый завѣтъ, въ доскахъ, покрыта кожею черною, застежки мѣдные, по обрѣзу зелень.

К. Лѣосъ, сирѣчь камень, доски бумажные, покрыта кожею, завязки ременные.

К. Рыцарь Православнокаѳоліцкой, переплетъ бумажный черный, ветха.

К. Алкоранъ Махометовъ, доски оболочены хоземъ зеленымъ, по обрѣзу золото.

Польскія жъ въ четверть.

К. Молитвенникъ въ доскахъ черныхъ, ветхъ.

К. Зодіакъ, и Путь къ вѣчности въ доскахъ черныхъ по обрѣзу киноварь, ветха, застежки мѣдные, изъ переплету вышла.

К. О отступленіи Грековъ отъ церкве божія, въ доскахъ бумажныхъ, по обрѣзу зелень.

К. Собраніе краткое ученія о членахъ вѣры, оболочена бумагою, ветха.

Книжица Сумаріумъ, сирѣчь ученіе науки христіанскія, въ черной кожѣ.

К. Польская съ Лат., въ бумажныхъ доскахъ, кожа красная, безъ застежекъ, по обрѣзу кіноварь спрыскомъ.

Книги Лексикопы въ десть.

К. Печатная, Лексіконъ Польско - Латіно - Грецкой Григоріа Кнапіа томъ 1-й, въ доскахъ, оболоченъ кожею, одна застежка мѣдная, по обрѣзу зелень.

Того жъ Григоріа Кнапіа томъ 2-й въ полдесть Латінополскій Лексіконъ, въ доскахъ, оболоченъ кожею, по обрѣзу киноварь, держанъ, ветхъ, корень оклеенъ ірхою бѣлою.

К. Лексіконъ Грекославенской списанъ съ Епѳаніева Лексікона жъ, въ доскахъ, прикрыты кожею, по обрѣзу киноварь, держанъ, корень ветхъ, безъ застежекъ.

Книги рукописныя въ десть.

К. Григоріа Богослова, писана полууставомъ, припрявливана и приписывана межъ строкъ, и по полямъ рукою монаха Евѳимія правлена съ Греческихъ, а та де книга была Чудовская, въ доскахъ, стараго переплета, ветха, застежки и жучки мѣдныя.

К. Григоріа Богослова съ той же вышеписанной книги списанная, въ переплетѣ, доски бумажные, въ ней же въ концѣ писаны и иные повѣсти.

К. Діонисія Ареопагита чернена и по полямъ приписывана *ево жъ Евѳиміевою рукою*, въ доскахъ оболочены бѣлою кожею, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдныя.

К. Симеона Ѳессалонитскаго писана уставомъ, по полямъ приписана *ево жъ Евѳиміевою рукою*, была переплетена, а нынѣ расплетена, въ черной кожѣ.

К. Зачиненіе Святыхъ Апостолъ, списана Климентомъ Епископомъ Римскимъ, въ доскахъ, оболочены черною кожею, по

обрѣзу спрыскъ красной, застежки мѣдные.

К. А въ ней сначала написано: Святое Евангеліе и Дѣяніе святыхъ апостолъ, переведена съ Греческихъ книгъ Космою Іеродіакономъ Грекомъ, по полямъ приписывано *Евѳиміевою же рукою*, переплетена въ доскахъ бумажныхъ.

К. Ніла Кавасіла архіепископа Селунскаго о Святѣмъ Дусѣ, 36 тетрадей безъ переплета.

К. На ней на верхней доскѣ бумажной написано: *Кирилла Іерусалимскаго* 18 оглашеній и 5 словесъ тайноводственныхъ, въ переплетѣ въ бумажныхъ доскахъ.

К. Въ ней написано сначала катихисісъ іера, въ доскахъ бумажныхъ.

К. Мелетія Сиріга и Досіѳея Патріарха Іерусалимскаго на Лютери и Кальвины, черненая и приписываная, въ доскахъ бумажныхъ.

К. А въ ней написано Нікона Черногорскаго, правлена межъ строкъ и по полямъ кіноваремъ, въ доскамъ бумажныхъ.

К. Преподобнаго Нікона нареченная тактіконъ, сирѣчь чиновная, писана на пергаминѣ на два параграфа, въ доскахъ, оболочена кожею, застежки мѣдные, по обрѣзу краскою желтою.

К. Ісаака Сиріна, въ доскахъ, оболочена была черною кожею, ветха, писана полууставомъ, застежка мѣдная одна.

К. Въ переплетѣ безъ досокъ, а въ ней сначала написано *золотомъ* Андріантіса Іоанна Златоустаго: черпена и приписывана рукою монаха Евѳимія.

К. Каталлаги Досіѳея Патріарха Іерусалимскаго, писана мѣтнымъ писмомъ, безъ досокъ и безъ оболочки.

К. Пинаксъ сирѣчь оглавленіе на три части исповѣданія православныя вѣры, въ доскахъ бумажныхъ.

Да славенскихъ же писменныхъ полудестовыхъ:

К. А въ ней сначала написано сказаніе о священныхъ и божественныхъ канонѣхъ святыхъ Апостолъ и вселенскихъ помѣстныхъ синодовъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, а ничемъ доски и корень не облочены, яже называется коричая.

К. А на ней подписано на верхней доскѣ, лѣтописецъ, переведеный изъ иныхъ лѣтописцевъ многихъ выписки, а въ книгѣ сначала написано лѣтописаніе православныхъ митрополітовъ Россійскихъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, доски и корень не оболоченъ, писана мѣтнымъ писмомъ.

К. А на ней на верхней доскѣ написано: Симеона Ѳессалонікскаго самосущая, преводная съ греческаго діалекта, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ, писана мѣтнымъ писмомъ. Межъ строкъ и по полямъ справа Евѳиміева.

К. На ней на верхней доскѣ

подписано: Зонара четвертая часть правилныхъ книгъ, вся писма Евѳиміевы руки, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

К. А на ней на верхней доскѣ подписано: Властаря пятая часть правилныхъ книгъ; писана рукою Евѳиміевою, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

К. А на ней на верхней доскѣ написано: 1-я часть правилныхъ книгъ, а въ книгѣ написано: завѣщаніе святыхъ Апостолъ чрезъ Климента Римскаго Епископа, черненье и приписка монаха Евѳиміа, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

Второй части правилныхъ книгъ въ тетрадяхъ.

К. А въ ней рукою монаха Евѳиміа написано: книга сія православное исповѣданіе каѳоліческіѣ и Апостольскія церкве и издадена типографскимъ тисненеемъ лѣта 7202-го, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, доски и корень не оболоченъ.

Другая книжица ево же Евѳиміевы руки письмо, — черная.

К. А въ ней сначала написано: діалоги или мечецъ духовный іеромонаховъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ къ защищенію восточныя церкве; писано 1610-го году, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеснъ, доски и корень не оболоченъ.

Другая черная, а въ ней подписано: діалоги, сирѣчь разглаголство, безъ досокъ, корень оклеенъ.

К. А въ ней написано: Акосъ, или врачеванія, противополагаемая ядовитымъ узрызеніемъ зміевымъ, сочиненіе пхже учителей Іоанникія и Софронія іеромонаховъ Лихудовъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не оболоченъ.

К. Другая к. такая жъ, скорописью черненая, въ такихъ же доскахъ.

К. Въ ней написано: книжица глаголемая сѣчивцо, сложенная отъ іеромонаха Максима Пелопонискаго, ученика Папы Александрійскаго Мелетія, чернена и приписывана, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не оболочена.

К. Остенъ, состроеный изъ духовѣщанія святыхъ отцевъ, низвергающій, отрѣяющій и прободающій напирающіяся къ нему, въ доскахъ бумажныхъ, не оболочена.

К. Литургіа святаго Апостола Іакова брата Божія, писана уставомъ, а при ней о отрастехъ Господнихъ, писано скорописью, въ доскахъ, оболочена зеленою кожею, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдные.

К. Преподобнаго Ѳеодора Студіта оглашеніе о еже въ подвизѣ совершити наше житіе, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеснъ, не оболочена.

К. писана уставомъ, а въ ней сначала слово на бывшее чудо въ Хонѣхъ отъ Архістратіга Михаила, и слово о житіи Алексіа Мітро-

політа, и иные слова написаны, перевязана, а корень не заклеенъ.

К. на оглаголющия священную библію, писана полууставомъ, въ доскахъ бумажныхъ, корень заклеенъ, не оболочена.

К. А на верхней доскѣ написано: Нила Сорскаго, писано метнымъ писмомъ, а въ ней 125 листовъ, въ бумажныхъ доскахъ, корень заклеенъ, ничѣмъ не оболоченъ.

К. во умиленіе и изтязаніе хиротонисуемаго, въ доскахъ бумажныхъ, корень оклеенъ, не оболоченъ.

К. Радивилово странство, а въ книгѣ сначала написано: путешествіе, или нахожденіе въ землю святую Ніколая Радивила; писана метнымъ писмомъ; при немъ же изятіе изъ просклинитаріевъ монаха Арсенія Суханова, ходившаго въ Палестину; писано метью, и собранное описаніе о градѣ Іерусалимѣ; доски бумажные, корень, прхою бѣлою оболоченъ, завяски шелковые.

Въ тетратехъ 147 листовъ, вынято изъ переплету, Василія Великаго 11 бесѣдъ на шестодневъ, по обрѣзу было киноваремъ.

К. Лавсаікъ превожена съ греческихъ, черная, въ переплетѣ корень заклеенъ, безъ досокъ.

Тетради переплетены въ синей бумагѣ, черная, *Евшиіевы руки* писмо; на ней подписано: краткое собраніе святѣйшаго Адріана Патріарха о пресуществленіи святыя тайны Евхаристіи.

Тетради переплетены въ синей бумагѣ, не заклеены, житія Ефрема Сиріна, слово Григорія Нисскаго, завѣтъ умирающаго Ефрема.

Тетрадки въ сѣрой бумагѣ 33 страницы изъ діалоговъ Грека учителя со Іисуітами о первородномъ грѣхѣ.

К. въ доскахъ бумажныхъ красныхъ, сначала писано житіе милостиваго мужа Ѳеодора, званіемъ Ртищева, и о милостыни и о иныхъ.

О діаконѣ Петрѣ, что служилъ у Адріана и Наталіи въ мещанской, отступившемъ отъ благочестія, въ трехъ книжицахъ, одна въ синей бумагѣ, другая писана уставомъ, третья обличеніе на него Петра, писма руки Ніколая Симеонова.

Тетради переплетены, корень клеемъ заклеенъ, безъ досокъ и оболочки, сначала символъ православныя вѣры, преведеный іеромонахомъ Епифаніемъ съ греческаго, и иные разные символы и многіе вещи писаны.

Тетради блаженнѣйшаго и мудрѣйшаго Нектаріа патріарха Іерусалимскаго о началствѣ Папы, безъ досокъ.

К. Во святыхъ отца нашего и исповѣдника Германа Патріарха Константинопольскаго толкованіе на священную литургію и житіе его вкратцѣ собранное.

Книжица о зачатіи Пресвятыя Богородицы грека учителя съ Іезуитомъ писана бѣлоруски, переплетена въ бумажныхъ ветхихъ доскахъ.

К. Писана уставомъ, по ключевымъ и врущѣлѣтнимъ словамъ, недѣли, гласы евангельскіе, стихіры утреннія, Апостолы и Евангелія на указъ, въ бумажныхъ доскахъ, кожею оболочена.

Тетради не оболочены на чинъ Божественныя литургіи, Іоанна Златоустаго наблюденіе.

Тетради о святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, ничѣмъ не оболочены.

Тетради *о седми тайнахъ церковныхъ* полууставомъ писаны.

Тетради о седми вселенскихъ соборахъ метное писмо; въ концы гречески, римски и славенски приписано.

Тетради соборъ Никейскій 1, писмо полуустав, въ концѣ приписано Гречески и Римски.

Тетради Блаженнаго Іоанна Дамаскина изданіе опасное православныя вѣры, яко непостижно Божество, писмо метное.

Тетради Аѳанасіа, архіепископа Александрійскаго, посланія окружная на Аріаны, писмо метное.

Тетради связаны, слова на праздники разные.

Тетради житіе Епифанія, епископа Кипрскаго, писмо метное.

А достальные тетради и всякіе писма, которые переѣшаны, собраныи положены съ теми жъ книгами, въ бѣлой поставъ.

Книги славенскіе въ десть.

К. Уставъ харатейной, безъ начала въ доскахъ, переплетъ ветхъ въ красной коже сыспода 2 жучка, объ одной застежкѣ.

Въ полдесть.

К. Требникъ печатный, изъ переплету вывалился, кожа желтая, въ доскахъ объ одной застежкѣ.

Чиновникъ о благовѣстѣ и звонѣ, въ кожѣ, безъ досокъ.

Служебникъ писанъ на бумагѣ безъ начала, ветхъ велми, верхней полудоски нѣтъ, въ красной ветхой кожѣ.

К. Писменная полууставомъ, за рукою святѣйшаго Никона Патріарха подписана, Воскресенскаго монастыря, въ доскахъ, въ коже красной, безъ застежекъ.

Служебникъ харатейной безъ начала и конца, въ доскахъ, кожа красная, корень ветхъ, по обрѣзу зелень.

К. Симсона Новаго Богослова, писана метью, въ доскахъ, кожа черная съ застежки мѣдными.

Катихисісъ, спрѣчь православное исповѣданіе святыя вѣры, Кіевской печати, въ доскахъ въ коже красной, по обрѣзу спрыскъ, застежки мѣдные.

К. Писана полууставомъ, служба пятдесятницы, въ доскахъ, въ коже красной, застежка одна мѣдная.

К. Требникъ Молдовлахійской въ бумажныхъ слизихъ доскахъ, корень не оклеенъ.

Чиновникъ писменной, въ коже красной.

К. Отъ лѣтописца собраніе, скоропись, въ доскахъ харатейныхъ.

Въ четверть.

Книжица скорописная, ветха, въ ней писано пути на Флоренской соборъ.

ОПИСЬ БИБЛІОТЕКИ ГР. АНДРЕЯ АРТАМОНОВИЧА МАТВѢЕВА И ГРАФИНИ МАТВѢЕВОЙ.

Книги, принятыя отъ графа Андрея Артемоновича Матвѣева.

Латинскихъ въ листъ:

№№ книгъ.

1. Святаго Аѳонасія, архіепископа Александринского, твореніе въ дву книгахъ.
2. Такая жь книга другаго изданія, въ дву книгахъ.
3. Библіа з греческимъ языкомъ двѣ книги.
4. Сократа схоластика и Гермія Созомена исторія церковная.
5. Іоанна Златоуста твореніе и бесѣды, въ шести книгахъ.
6. Новы заветъ на двенатцати языкахъ, вторая книга, первой нетъ.
7. Епіѳаніево твореніе з греческимъ языкомъ, въ дву книгахъ.
8. Библіа з греческимъ языкомъ книга третья, двухъ нетъ.
9. Деонисія Ареопагита твореніе книга вторая, первой нетъ.
10. Климента Александриского твореніе з греческимъ языкомъ.
11. Ѳилипа Лимбурха исторія инквизиціі Толосанскихъ.
12. Самуила Беснагия, погодное описаніе политико-церковное, 3 книги.
13. Юнія святая Библіа съ толкованіемъ.
14. Святаго Іустина твореніе з греческимъ языкомъ.
15. Тестаментъ по седмидесятиному толкованію з греческимъ.
16. Ѳлавія Іосиѳа о древностяхъ Іудейскихъ.
17. Цесаря Боронія погодное описаніе церковное, книга шестая.
18. Ѳр. Рибера толкованіе на книгу двванадесятъ пророковъ.
19. Служебникъ римской.
20. Шерлоговы разсмышленія на песни песней, одна книга.
21. Библіа на аглинскомъ языке въ лицахъ.
22. Календра книга благословенія.
23. Марiана о делахъ Гишпанскихъ.
24. Тита Ливія Грютера исторія римская.
25. Демостена о литарахъ греческихъ з греческимъ языкомъ.
26. Гогона Гроція Епистолиі.
27. Гастелиі трактатъ публичной Европы.
28. Кромера о делахъ полскихъ.
29. Плютарха Херонеского твореніе з греческимъ, въ дву книгахъ.
30. Устиніанна исторія о делахъ венецкихъ.

31. Маврицiя исторiя Бразильская.
32. Гагенна погодное описанiе о дѣлахъ Ѳранцускихъ.
33. Скотовъ курсъ ѳилозовской.
34. Плинiя исторiя натуральная всего свѣта.
35. Туана исторiя своихъ временъ, въ четырехъ книгахъ.
36. Регламенты королей Ѳранцускихъ, две книги.
37. Писатели о дѣлахъ Брунсвицкихъ.
38. Гроцiя погодное описанiе о дѣлахъ Галанскихъ.
39. Старыя писатели о исторiи Аглинской въ дву книгахъ.
40. Анне Сенеки творенiе отъ Юста Липсiя.
41. Аристотелевы творенiя з греческимъ, книга вторая, первой нетъ.
42. Коховского погодное описанiе о Полше, две книги.
43. Албѣрта Кранца о дѣлахъ немецкой земли.
44. Дидацiя Коваррувiасъ творенiя.
45. Локцiя исторiя отъ начала свѣта.
46. Нонтонiя о дѣлахъ Британскихъ.
47. Самула Пуеендорфа о дѣлахъ, чинившихся отъ Карлуса Густава.
48. Того же толкованiе о дѣлахъ швецкихъ.
49. Того же о дѣлахъ чинившихся Ѳридерика Вилгелма, въ дву книгахъ.
50. Векна исъясненiе о школди, две книги.
51. Гоеъмана лексиконъ, всехъ словъ, надлежащихъ до исторiи священной и свецкой, въ четырехъ книгахъ.
52. Театръ человеческой жизни, въ 6 книгахъ, протчихъ нетъ.
53. Ѳранциска Камарелатъ о послахъ и протчихъ дѣлахъ.
54. Венценцыя Короция юрiзская о награжденiяхъ, платахъ и протчаго.
55. Корпусъ правъ гражданскихъ Пустиниановыхъ, две книги.
56. Носнеа Маскарда, права духовная и гражданская саразанетская, две книги, вторая и третья, первой нетъ.
57. Зегея правы церковныя общiя.
58. Бегера сокровище Брандебурское о медалiяхъ съ ѳигурами.
59. Кодексъ правъ народныхъ.
60. Гандреха Пандекты Браддебурскiя.
61. Брокели шестая книга сокровища правъ.
62. Устинианова кодекса 12 книгъ въ одной книге.
63. Кирхерово великое художество света и тьмы.
64. Шкотовъ курсъ математической.
65. Якова Грановiя сокровище древностей греческихъ 13 книгъ.
66. Иоанна Вальнта о греческихъ медалiяхъ.
67. Буцелина о наследствахъ дому Аустринского.
68. Виллигбѣи исторiя о рыбахъ съ ѳигурами.
69. Спигилиева анатомiя.

70. Археология о законникахъ Оѳинскихъ.
71. Представленіе Императорское о правахъ и дѣйствахъ публичныхъ о войне и протчаго.
72. Бегера сокровище Бранденбурское о медаліяхъ греческихъ.
73. Моверста театръ о несекомыхъ въ лицахъ.
74. Виніюнта исторія о Птоломѣяхъ.
75. Іоанна Блива театръ всего света съ картами, 6-ть книгъ.
76. Англинской домъ Оксонія ѳигура означенная.
77. Сарницыя погодное списаніе о дѣлахъ Полскихъ.
78. Лебеница театръ о кометахъ съ ѳигурами.
79. Изобраніе святыхъ греческихъ і московскихъ.
80. Буцелина топографографія Германіи въ четырехъ книгахъ.
81. Виргилія Марона твореніе.
82. Гроцыюсъ о войне и мире, третія книга, протчихъ нетъ.
83. Гелмонда хроника погодная словенская.
84. Исторія о помоществахъ божественной благодати.
85. Плютина о жизни и дѣйствахъ папежскихъ.
86. Гретана хронологія.
87. Книга математическая старая безъ автора.
88. Хроникъ Полской.
89. Арріана исторія индейская з греческимъ.
90. Невговія посольство Батовинское съ ѳигурами.
91. Спенера исторія о знакахъ славныхъ людей
92. Орнольда таблицы географическая.
93. Похвала надгробная Вилгельма третияго і Маріі второи.
94. Кромера о дѣлахъ Полскихъ.
95. Хроника Полская.
96. Якова Тригланда собраніе о Додоне.
97. Каземіра Демоневистъ артилерия.
98. Гелвецыя театръ историчной и хронолоичной.
99. Исторія о дѣлахъ и городе Амъстердаме.
100. Мозолеи о корольхъ и князьяхъ венгерскихъ.
101. Гвангина описаніе о сарматской земли.
102. Преторіі о земле готтической.
103. Гамана отласъ Каршіберской.
104. Гревія слово надгробное Вилгелма третияго Короля Британскаго.
105. Книга уставъ кодекса Юстиніанава.

въ четверть.

106. Тулиа Цицерона твореніе.
107. Германа Витсія собранія расная изъ священного писанія.
108. Іякова Девитъ о древнихъ медаліяхъ.
109. Исторія о законехъ древнихъ персіянъ и іхъ волхвахъ.
110. Петра Полана исторія о тридетинскомъ соборе.
111. Петра Пуерета о наученіі воспитанія закона христія-

авского и таинъ богословскихъ.

112. Іоанна Генденггера Тумулба о тридентинскомъ соборе две книги.
113. Давида Дородона творенія ѳилозовская.
114. Новый заветъ з греческимъ.
115. Ренъ Геднілъ зерцало веры политической.
116. Урлика Губора (или Губера) Уставленіе исторіі гражданской.
117. Ѳилипа Лимбурха о истинѣ Христианского закона.
118. Система о верэхъ еврейскихъ две книги.
119. Другая такая жъ въ дву книгахъ.
120. Бекню хроникокъ съ переводомъ халдейскимъ две книги.
121. Витриарна Уложенье правъ народныхъ, римскихъ і немецкихъ, книга первая.
122. Августа Ѳеивера метафизическая, книга первая.
123. Герарда Деоклитианъ і Максимианъ.
124. Мозиса Монимонида предложение о началехъ божественого устава.
125. Облежение честной горы Ченстоховской.
126. Іоанна Гордвинѣ о высочайшей Пасхѣ.
127. О согласні мѣстъ священного писанія.
128. Спангемилъ о земли Римскои.
129. Устиніана всенородныя правы гражданскія.
130. Гугена Диоптрика съ ѳигурами.
131. Іоанна Бѣклера толкованія академическая.
132. Линѣя, права всенородная римская і немецкая, 5 книгъ.
133. Лебница разныя писатели о делахъ немецкихъ, въ дву книгахъ.
134. Дополненія къ таблицамъ Рисвицкого миру.
135. Камерарія Эмблемы.
136. Леона императора о делахъ воинскихъ з греческимъ.
137. Кандида Курцъ Ѳлюша казание академическая.
138. Евожъ история политическая.
139. Ѳилъ Клювера Географія.
140. Іоанна Люнигія о публичныхъ негоцыацыяхъ всей Европы отъ 1674 по 1702 годъ.
141. Регенвоция система история хронологическая церкви славенской.
142. Шкота маханическая книга съ ѳигурами.
143. Метаѳизика рукописная.
144. Секендорэа толкованія о лютеранстве.
145. Собранія италіанская о разныхъ вещахъ ученыхъ людей, 4 книги.
146. Казаніе объ Божественной литургіі и пощеніі.
147. Тучана оглавленіе собственныхъ імянъ мужескихъ і женскихъ.
148. Изречение Королей Полскихъ.
149. Кнапиусъ лексиконъ с полскимъ.

150. Христиана Гугена околичности о земляхъ і небесныхъ.
151. Иоаннъ Антония Выперана о держаниіПортугали отъ короля Ѳилипа история.
152. Разсуждения богословская, книга старая.
153. Концея дискурсы о правахъ.
154. Петра Кунея о республике Евреиской.
154. Часы Еврейския на послание первое хъ Коринѳянамъ.
155. Петра Либремберка травникъ въ лицахъ.
156. Салмасия о делахъ воинскихъ Римскихъ.
157. Роберта Поркѣя о политѣе Домковской.
158. Повесть о странахъ Индейскихъ отъ Гишпанцовъ разоренныхъ.
159. Диспутация школьная о божественномъ смотрениі.
160. Два поучения о царстве божиі, въ одной книге.
161. Символы исъ ѳигуръ священного писания въ лицахъ.
162. Гендана о начале преступления.
163. Антона Ѳондала о началѣ идолатри и суперстицнеръ правого и ложного пророчества.
164. Павла Сарпа история Тридентинская.
165. Корнигия о рубежахъ Германской земли, 2 книги.
166. Библиа.
167. Горацыя Ѳлякцыя Эпистолы.
168. Книга Алѳабетъ для обучения писма.
169. Права Князя Гвастями ѳранцускимъ языкомъ.

латынския въ осмушку:

170. Грютера Лампада свободныхъ художествъ 5 книгъ. Томы 1, 3, 4, 5, 7, протчихъ нетъ.
171. Плиния Епистоли.
172. Юста Липсия творения 4 книги.
173. Горстия Рая духовный.
174. Библия Венецкой печати.
175. Люцыана творения з греческимъ языкомъ 2 книги.
176. Арндта о истинномъ христианстве 2 книги.
177. Вилиота о разныхъ случаяхъ Европскихъ.
178. Макария Египецкого книга з греческимъ языкомъ.
179. Комения Дверь языкомъ латынского и голанского.
180. Наставление Еврейского языка.
181. Житие Мартина Лютера.
182. Станигурста о бесмертныхъ историяхъ, нравоучительная.
183. Грамматика руская Лондонской печати.
184. Дапъ Еремита о жизни придворной.
185. Лексиконъ съ немецкимъ языкомъ.
186. Лексиконъ триязычный зъ греческимъ и галанскимъ.
187. Светония история Римъская, 2 книги.
188. Альденбурха сокровище о республикахъ, часть 2, 3, 4, три книги, первой нетъ.
189. Лексиконъ зъ Галанскимъ языкомъ.

190. Воссиа реторика.
191. Гроцыя правы натуральныя и народныя.
192. Служебникъ Римской.
193. Другой такой же.
194. Погодное описание о делахъ Аглинскихъ въ королевство Елисабеты.
195. Ѳ. Аквината теологиі часть 3-я.
196. Читания Академиі Кадмелианской.
197. Стеѳана Меноцыя гіерополитика.
198. Приветсва посдравительная на рождение, браки, протчия.
199. Пляута камедиі.
200. Аристотеля риторика.
201. Альтинга краткое собрание историі священной и светской.
202. Лексиконъ Еѳреиской съ халдейскимъ.
203. Венделика Институцыі политическая.
204. История о бичеване.
205. Аннѣ Люкана о войне Цесаря.
206. Иоаннъ Клерика Ѳилозоѳия.
207. Дискурсъ о правахъ прецеденциі.
208. Житие Сканденберха.
209. Поучение на празники.
210. Люлия Лактанцыусъ Богословная.
211. Ганелия о короляхъ Европскихъ и о ихъ статутахъ.
212. Крагия о республике Лакедемонскои.
213. Книга Публия Овидия.
214. Конрингия дискурсъ академическои.
215. Дверь языковъ съ аглинскимъ.
216. Клюверия География.
217. Петра Ѳранка о красноречиі.
218. Горна о улике.
219. Ренегадограѳъ о органахъ женскихъ.
220. Мавритиусъ о войне Галанской.
221. Горна политик историі Географическая.
222. Краткое изъявление греческия церкви.
223. Бетига дискурсы академическия.
224. Саведра Симболы политическия.
225. Королевы Христианнешей о правахъ Брабанскихъ.
226. Изрядства Португальския и Гишпанския.
227. Пуѳендорѳа дискурсы о союзе Шведовъ съ ѳранцузами.
228. Аристотеля реторика.
229. Клерика Ѳилозоѳия восточная, книга вторая, первой нетъ.
230. Бархугена Сентенциі ѳизикохимическия.
231. Алетоѳиля науки езуитския.
232. История епископовъ и Декановъ Ланъдонскихъ.
233. Геллядия о нынѣшнемъ состояниі Греческия церкви.
234. Цыцероновы ораціи.
235. Аннея Ѳлора о делахъ римскихъ.
236. Гревия писма сладкоречия.
237. Ѳирстенерия о праве и посольстве князей немецкихъ.
238. Еразмия глупости хвала.
239. История устоновленниі творение отъ 1708 до 1713 году.

240. Липсия исторія Веллея Патеркуля.
241. Аридта примѣчанія о истинномъ христіанствѣ.
242. Палмерія апологія напапа.
243. Иніституты катихизическія.
244. Анны Маріи Шурманъ епистоліи и поемы.
245. Манестрерія Θилозоеія.
246. Каноны о Тридентинскомъ соборѣ.
247. Пуеендорея дискурсы обligацыи интерегніяхъ, республикахъ и прочая политичная.
248. Горація Флакція поема.
249. Норманне православное исповѣданіе восточныя церкви з греческимъ.
250. Грановія о дѣлахъ римскихъ.
251. Извѣстіе о венгерской землѣ.
252. Тита Ливія о началѣ Іудейскомъ.
253. Сононита с полскимъ языкомъ.
254. Θабулы Езоповы з греческимъ.
255. Іоанна Боны Гистория симъболическая или согласія пѣнія церковнаго, въ трехъ книгахъ.
256. Клерика Физика 2 книги.
257. Гроція погодное описаніе, исторія Галандіі.
258. Петронія Сатирикъ.
259. Браецыя хроникъ обще.
260. Изъявленіе князя святого Никиѳора.
261. О соединеніи до утесненія дому Левино Голстиного.
262. Шамборнера политика.
263. Горна политика.
264. Погодное описаніе свѣта три книги: 1, 4, 6, второй и пятой нетъ.
265. Кепія о храмѣ Соломоновѣ.
266. Другая такая жъ.
267. Горна исторія универсальная.
268. Карола Дрелинкурта о зачатіи и рожденіи человѣка.
269. Голтерія нравоученія сладкорѣчія.
270. Описаніе греческой жалости.
271. О пещерахъ Кіевскихъ.
272. Криспа Салюстія о войнѣ.
273. О старомъ правѣ пресвитеровъ.
274. Сунонні Ідѣя всей исторіи.
275. Устина Исторія о Помпеѣ.
276. Петавія расположенія временъ.
277. Гартнноха о республикѣ полской.
278. Книга псалмовъ со еврейскимъ.
279. Пророчества.
280. Псалтырь съ Евангеліемъ избраннымъ.
281. Списокъ Хронологіи.
282. Синопсисъ въ ней исторіи.
283. Короля Пасхалія посольство.
284. Катологъ книгамъ Веспесіановымъ.
285. Демокритъ смеющейся.
286. О перемѣненіи складу.
287. Лебенталь собраніе политическое.
288. Мартеѣра Географіи.
289. Для уда о мамкахъ и дядькахъ.
290. Театръ изъясненны о Мессіи истинномъ.
291. Горна исторія Орбисъ инперансъ.
292. Іоанна Геронима.

293. Тлука Епиграммы.
294. О скончанiи жизни.
295. Неугаза писма дружелюбныя.
296. Собранiи мѣстъ теологическихъ.
297. Разговоръ о вере каталической.
298. Лактанцыя о смерти гонителей.

Латынские въ полъосмуху:

299. Ѳомы Аквинатисъ о регуле князей.
300. О республике Намурской.
301. Бузбыка эпистоли.
302. Геллиса о Костентиной полицатахъ.
303. О республике Боемской.
304. Валериусъ Максимусъ.
305. Босѳоръ о устье традинскомъ.
306. Венденагера о генеральной республике.
307. Светонiусъ история.
308. Политика генеральная.
309. О республике Венецкой две книги.
310. Разсуждения священная.
311. Описание о Галандiи.
312. Книга Овидiева.
313. О княжестве во Италiи.
314. Списание о Венгерской земли.
315. Кемписъ последование Iисуса.
316. Описание Швецiи.
317. Епиктета списокъ.
318. Разсуждение святаго Августина.
319. О монархе еврейской.
320. Старой и новой заветъ две книги.
321. Гороры и обычай восточныхъ.
322. Магия натуральныя о секретахъ.
323. Размышление о вечности.
324. Гроцыя о лiари свободномъ.
325. Тайности разума гражданская.
326. О республике греческой.
327. Психологiя немецкая.
328. Олая Магня Готты о дивныхъ вещахъ натуры.
329. Гроцiя эпистоли.

Фрацускiе въ листъ:

1. Лексиконъ Рожѳортовъ на ѳрацускомъ языке.
2. Лексиконъ исторической Морериевъ четыре тома, въ дву книгахъ.
3. Лексиконъ Универсалной, названной трезоръ, въ трехъ книгахъ.
4. Лексиконъ критической Бѣлевъ, въ трехъ книгахъ.
5. Исерсера Инвентарь генералной на историю ѳрацускую.
6. Бернардова история о короле Людовике третьемъ на десять.
8. Театръ исторической въ дву книгахъ въ лицахъ.
9. О начале Ѳрацускаго дому.
10. Доматовъ уставъ гражданской по чину натуральному, две книги.
11. Рикарда о диспозицiяхъ завещательныхъ.
12. Трактаты мирные, четыре книги.
13. Церемонiи Ѳрацуской две книги.
14. О медаляхъ Людовика четвертого на десять съ ѳигурами.

15. Реляция путешествия короля Англинскаго въ Галандию.
16. Описание инвалида дому болныхъ солдатъ въ лицахъ.
18. Первыя пять книгъ Полибовыхъ о разныхъ государъствахъ, переведенные зъ греческаго въ одной книге.
19. Георгия Ѳурникера гидрография и наѳигаци.
20. Путешествие Лебруново въ Персию съ вигурами.
21. Собрание для украшения домовъ.
22. Паула Гостя описание о коробляхъ.
23. Негоцыацыя президента Аннина писания грамотками.
24. Уставъ о полицы книга первая, протчихъ нетъ.
25. Николая Шевалиера изыскание о древностяхъ въ лицахъ.
26. Ларрея история о Англіи.
27. Журналъ посольства Граѳа Портлака во Ѳранцыи, рукописная.
28. Новое изложение о географи исторично.
29. Планы и лицо ратуши амстердамской.
30. Планы и ѳасады домовъ королевскихъ въ Париже и около.
31. Отласъ Сампсоновъ большой бумаги въ двухъ книгахъ.
32. Собрание картъ географическихъ Делилевыхъ.
33. Годевилля отласъ исторической, вторая и третия книга.
34. Коронелля книга корабѣлная съ толкованиемъ частей на италиянскомъ языке.
35. Карусельская книга.

Ѳранцуские въ четверть:

37. Ѳикѳорта должности полской.
38. Лока Ѳилозоѳия о разсуждении человеческомъ.
39. Трактаты мирныя, въ семи книгахъ.
40. Письма Кардинала Доссата, две книги.
41. Кузина история римская.
42. Собрание панегириковъ академи Ѳранцуской.
43. Лянга новая ѳорма по новымъ указомъ.
44. Кузина история, четыре книги.
45. Рикарда о промене по завещанию или договору.
46. Помея лексиконъ треязычной, две книги.
47. Кузина история костентинопольская семь книгъ, второй нетъ.
48. Паравицына девизи и емблемы любовныя на семи языкахъ.
49. Ѳелибиена начала архитектурная, резныя и живописныя.
50. Описание о дворе ѳранцускомъ рукописная.
51. Сентевремонта о разныхъ вещахъ, две книги.
52. Политика дому аглинского.
53. Домъ королевской версальской.
54. Такой же поменше.

Ѳранцуские въ осмушку:

55. Уведомление негоцыатеромъ.
56. О революциі полской.
57. О государстве великобританскомъ книга вторая.

58. О государстве аглинскомъ книга вторая.
59. Регламентъ генеральной восемь книгъ, а четырехъ первыхъ нетъ.
60. Указы военные, книги три: первая, вторая и четвертая.
61. Вояжь Еѳропской три книги: 6, 7, 8, протчихъ нетъ.
62. О мастерствахъ живописцовъ три книги: 2, 4, 5.
63. Наука людей придворныхъ, приказныхъ, военныхъ, две книги.
64. О архитектуре военной, книга вторая.
65. Септевремонта о разныхъ вещахъ книга вторая.
66. История о бунтованіи аглинскомъ две книги 1, 6-я.
67. Случеи Розелля, книга вторая, первой нетъ.
68. Барклая апология въ истинной теологіи христианской.
69. Ѳигуры версальские.
70. Лабиринтъ версальской.
71. Шонебѣрга История о законникахъ въ лицахъ.
72. Еножъ о всехъ ордѣнахъ ковалерскихъ, две книги.
73. О войне Гишпанской.
74. Нодота мемориалы и описани Италіи, две книги.
75. Ѳерриеа уложеніе правъ Французскихъ две книги.
76. Поученне Ѳлегъводовы.
77. Письма граеа Естрады три книги: 1, 4, 5.
78. О государстве Французскомъ книги 1, 3, второй нетъ.
79. Мембурха Исторія о схисме грековъ, книга первая.
80. Садовникъ Ѳранцуской две книги.
81. Поученіе Сорионовы.
82. О княжествахъ Ѳлоренскомъ, Молоденскомъ и Мантуанскомъ.
83. Домъ регулярной.
84. Новыхъ трактатовъ две книги.
85. Письма любовные.
86. Шапуда космограеия история, книга первая.
87. История о дворе римскомъ.
88. Уставы морскія короля Людовика четвертогонадесять.
89. Собраніе разныхъ трактатовъ мирныхъ, две книги.
90. Межа о государстве великобританскомъ.
91. История Корнелия Іоанн Девитъ.
92. Письма Гилтамиля, книга вторая.
93. Мемориалъ маркиза Гилькарда.
94. Комедіи. Шепетълевы, книга вторая, первой нетъ.
95. Примѣчание о нидерлянской земле.
96. Мемориалы о Полше, две книги.
97. Сентреалъ о вещахъ разныхъ критическихъ.
98. Девера совершенной посолъ, книга вторая.
99. Адвокады для Шевереля и противъ евожъ.
100. Манеръ, какъ письма писать.
101. Дѣйства жалостные любви, книга первая.
102. Житие Буелоново.
103. О интересахъ аглинскихъ.
104. Наука, какъ говорить.

105. Проектъ о десятине королевской.
106. Сокровище о молитве душевной съ полскимъ языкомъ.
107. Кордиера разговоры съ латынскимъ.
108. Реляция географическая о Москве на италианскомъ языке.
109. Клеопатра часть третия.
110. Секретарь кабинетной.
111. Защищение вышнихъ альпатовъ, вторая часть.
112. Изрядства испанския две книги, первая и третия.
113. О государстве францускомъ.
114. Книга о каноетахъ и протчихъ приправахъ.
115. Походы Карлуса второго надесятъ, короля швецкого.
116. Новая грамматика француская съ латынскимъ.
117. Краткое описаніе о вере католической съ полскимъ.
118. Жадра история Людовика, короля францускаго.
119. Разобрание света со тмою.
120. О владеніи папежскомъ, книга первая.
121. Кабинетъ княжской.
122. Грацыана человекъ придворной.
123. Мемориалъ госпожи Х-Х-Х.
124. Гринарета о походахъ Королюса двенатцатого, короля Сведского, книга четвертая, первыхъ нетъ.
125. О делахъ Европскихъ 1709 году.
126. Дискурсъ о скоте учиненномъ въ машину.
127. О житье графа Дегалловея.
128. Введение для обученія языка латынского въ лицахъ.
129. О государстве нынешней имперіи Морока.
130. Мемориалъ Іоанна Девита.
131. Бѣллегардъ роелексіи моральныя, забавныя.
132. Описание двора римского.

Разныхъ языковъ книгъ:

133. Пашквиль Галанской на Француза въ лицахъ, въ листъ,
134. Книга домъ галанской Клинледалъ планы и фасады, въ листъ.
135. Атласъ морской галанской.
136. Книга псалмовъ и стиховъ полской.

въ осмушку.

137. Псалтырь съ нотами на галанскомъ языке.
138. Известія о древней церкви западной, Полская.
139. Книга Турецкая или Персидская въ четверть.

Реэстръ Полскимъ книгамъ.

1. Книга история риторовая о монархи Турецкой въ десть.
2. Книга издание Вакланова о зачатіи гербовъ шляхтъ полской и великого княжества литовского, виршами въ десть.
3. Книга поученіе ксенза Томаша Млодяновского въ десть.
4. Книга Економика земская Казимера Гавра, въ десть.
5. Кроникъ полской отъ 1198 году, а чье издание неизвестно, начального листа не имѣетца, въ десть.

6. Книга поученіе о пришествіи антихриста, а чье изданіе неизвестно, начальныхъ листовъ нетъ.
7. Кроникъ полской Мартина Бѣлского въ десть.
8. Книга житіе святыхъ ксенза Петра Скарги, въ десть.
9. Книги годовые деяни церковные отъ рождества Христова ксенза Петра Скарги, въ десть.
10. Лексиконъ на латынскомъ, немецкомъ и полскомъ языкѣ, а чье изданіи, не извѣстно начальныхъ словъ не имѣетца, въ четверть.
11. Книга называемая ноти и пятранъ Христовы Черниговского архіепископа Лазаря Барановича въ четверть.
12. Книга, называемая Люстия Ополонова полскими виршами въ четверть.
13. Книшки жарты дворские, въ четверть.
14. Книга изданіе ксенза Бѣнедикта Павла Болка о древней вере, въ четверть.
15. Книшка названа политика божия или дѣяніе Христово, изданіе Францушка Виллегаса въ четверть.
16. Книга перегринація князя Миколая Криштофа Радивила къ святой земле изданіе ксенза Андречей Варгоцкого въ четверть.
17. Книга гисторія о чудотворномъ образе пресвятыя Богородицы Честоховской, въ четверть.
18. Книшка при всякихъ случаяхъ различныхъ привѣтстве, въ четверть.
19. Книшка, названа смерти или креста Христова, изданіе архіепископа Черниговского Лазаря Барановича, въ четверть.
20. Книшка Страсти Господни, изданіе Веспѣзіана Кохановского, виршами, въ четверть.
21. Книга исправленіе обычаевъ полскихъ, въ четверть.
23. Книга названа алфавѣтомъ о наученіи и наврущени геретиковъ къ вере, въ четверть.
24. Книга житіе святыхъ вкратце, виршами, въ четверть.
25. Алкоранъ противъ Махометовыхъ наукъ изданъ въ Чернигове, въ четверть.
26. Книшка прислозиемъ полскимъ, въ четверть.
27. Книшка собраніе краткое естъ, въ четверть.
28. Тетрадь Економія крестьянская на четыре части года, въ четверть.
29. Книга о уставахъ русскихъ и отпоръ на єллинвые вопросы, на латынскомъ и полскомъ языке, начальныхъ листовъ нетъ. въ четверть.
30. Книшка, письма и церемоніальные разговоры, изданіе ксенза Войцела Тылковского, въ осмушку.
31. Книга, называемая Гарѳа духовная, молитвенникъ, въ осмушку.
32. Книшка духовная ежедневного размышленія, изданія ксенза полскаго, въ осмушку.

33. Книга гисторія о Мелюзинѣ, въ осмушку.
34. Книшка воинского благочестія въ которой науки, молитвы и приклады воинскому чину принадлежащие, изданіе ксенза Петра Скарги, въ осмушку.
35. Книшка, наука о исповеди, въ осмушку.
36. Книшка Псалмовъ полскихъ виршами, въ полъосмушку.
37. Книшка сынонима или дицыонаръ на латынскомъ и полскомъ диалекте въ осмуху.
38. Книга апологія, разсужденіе Римской церкви о вере, на латинскомъ и полскомъ языке, въ четверть.

Книги немецкого языка и на протчихъ диалектахъ:

1. Книга, называемая театрумъ Преценціе, одна часть о вражде, вторая о учрежденіи сиятельныхъ рангов, изданіе Еремгарта Цвейбурха, въ десть.
2. Книга магдебурскихъ учрежденей и особливыхъ приказаней, изданіе Магдебурского управителя князи Августа, въ четверть.
3. Книга житіе и чюдеса святаго Николая Мирликійского, въ четверть.
6. Книга, описаніе что имѣетца въ саксонскихъ каморахъ вещей курюзныхъ, на латынскомъ и немецкомъ языке, въ осмушку.
7. Книга Януа на трехъ языкахъ латынского, греческого и немецкого, въ осмушку.
8. Книга новы тестаментъ Армянского языка, въ осмушку.
9. Книга автора Лоти, житіе Филипа втораго Короля Гишпанского на немецкомъ языке, въ осмушку.
10. Книга Якова Котса эмблемы съ фигурами на голанскомъ языкѣ, въ десть.
11. Книга Христофора Мебо практика конская на аглинскомъ языке, въ десть.
12. Книга Корнелія Дебруна путешествіе Московского, Персицкого и Индіи, на голанскомъ диалекте, въ десть.
13. Дикціонаръ аглинской съ голанскимъ Севейся въ четверть
14. Книга навигацкая на аглинскомъ диалекте, въ четверть.
15. Книга трактаты голанские съ разными потентами, на голанскомъ языкѣ.
16. Книга путешествіе Кондроита Фонклека, чрезвычайного посланника къ его Императорскому Величеству всероссійскому, на голанскомъ диалекте, въ четверть.
17. Книга о правахъ морскихъ и корабѣлныхъ на аглинскомъ, въ четверть.
18. Книга трехъ-лѣтнее путешествіе Избранта въ Хину съ Москвы, на голанскомъ языке, въ четверть.
19. Книга исторія о состояніи армянского народа, на армянскомъ языке, въ осмушку.
20. Книга, называемая комедія Гварика постуверные на го-

ланскомъ, виршами, въ осмушку.
21. Книга церкви армянской стиховъ, на армянскомъ языке, въ осмушку.
22. Книга разговоры ученья на галанскомъ и францускомъ диолекте, въ осмуху.
23. Книга Гисторія о великой Британіи, на галанскомъ диолекте, въ осмуху.
24. Книга генеологическая, политическая разныхъ властелиновъ, вторая часть, на галанскомъ языке въ осмуху.
25. Книга такая жъ генеологическая, третья часть, на галанскомъ языке, въ осмуху.
26. Книга вояжъ Нивстадовъ съ Полши въ Москву на галанскомъ языке, въ осмушку.
27. Книга новой заветъ на греческомъ диолекте, въ осмушку.

Книги руские.

1. Собраніе картъ географическихъ и протчихъ творенію Куприяново въ большихъ листахъ.
2. Евангеліе Московской печати.
3. Симеонія Псалмовъ.
4. Служба и житіе чюдотворца Сергія.
5. Артикулъ и уставъ военной старой, Московской печати.
6. Другой такой же.
7. Катихисисъ.
8. Православное исповеданіе веры восточные церкви.
9. Земноводного круга краткое описаніе.
10. Варлаама и Посаоа царевича.
11. Регламентъ о управленіи адмиралтейства, Санктъ-Питеръбурской печати.
12. Треодь постная Киевской печати.
13. Разсужденіе о войне швецкой, Санктъ-Питеръбурской печати.
14. Ариѳметика творенье Магницкого, Московской печати.
15. Уставъ военной, Санктъ-Питеръбурской печати.
16. Введеніе въ исторію чрезъ Самуила Пуѳендорѳа, Санктъ-Питеръбурской печати.
17. Ученія и практика артилеріи.
18. Требникъ Петра Могилы, Киевской печати.
19. Книга географія генеральная, Московской печати.
20. Евангеліе Кирилла Транквилиона.
21. Кирилла архіепископа Перусалимского, Московской печати.
22. Венецъ христовъ, Киевской печати.

Книги писменные въ листъ.

23. Глаголемая Козмы, нарицаемого Индикоплова.
24. Нравоученіе святаго Антиоха.
25. Житіе и подвизи преподобного отца нашего Никиты Столпника, переславского чюдотворца.
26. Житіе блаженного Петра царевича и братанича царя Берка.
27. Большая космографія славенского языка, древняго письма.
28. Книга глаголемая Деонисія Ареопагита.

29. Семиона блаженного архіепископа Θессалопійского.
30. Служба святаго великомученика Андрѣя Стратилата.
31. *Книга списковъ германскихъ на имя Артемона Сергѣевича Матвѣева.*
32. Вѣнецъ вѣры коѳолические на основаніи символа святыхъ Апостолъ.
33. Регламентъ генеральной.
34. Алкоранъ Магметовъ ученіемъ жидовскимъ исполненый.
35. Преподобного отца нашего Дмитрея Вологоцкого чюдотворца и служба ему.
36. Книга правилная священноинока Матвѣя.
37. Юлія Ѳронтина сенатора римского о случаихъ воинныхъ, на четыре части раздѣленные.
38. Храмографъ.
39. Святаго Василія Амасійского.
40. Книга, глаголемая судопренія святаго Аѳанасія.
41. Собраніе обучательное складамъ и письмамъ съ латинскимъ и полскимъ языкомъ.
42. О разныхъ вещахъ нравоучительныя.
43. Уставленія временъ вѣнца, писано лѣтописцомъ.
44. Костентина Арменопола.
45. Книга записная Юстицъ—Колежская, получаемымъ указомъ 1720 году изъ сената.
48. Діоптра зерцало живота человѣческого, Киевской печати.
49. Другая такая жъ.
50. Служба Іоанна войственника, Московской печати.
51. Следованная псалтырь съ канунами, Киевской печати.
52. Новой заветъ, Киевской печати.
53. О житіи святаго Ефрема Сирина и протчихъ, Московской печати.
54. Синопсисъ, Киевской печати.
55. Лексиконъ триязычны съ греческимъ и латынскимъ, Московской печати.

Книги печатные въ четверть.

46. Мессія, Киево-печерской печати.
47. Апологія, Могилевской печати.

Книги писменные въ четверть листа.

56. Космографія малая.
57. Епистоли Цицерона.
58. Житие Никона Патріарха Московского.
59. Всяческого рода предначинание.
60. Меѳодія Епископа Памфилиского.
61. Брашно дѣйствъ различныхъ.
62. Приклады, выписано изъ житія святаго отца нашего Григорія Назианзина.
63. Житие и страдалчество святыя великомученицы Екатерины.
64. Служба и чюдеса блаженного Исидора юродиваго, ростовского чюдотворца.
65. О крещеніи и о крещеніи.
66. Служба и чюдеса пресвятые Богородицы, именуемыя Толскія.
67. Поученіе Іоанна Златоустого, архіепископа Костентина града.

68. Зерцало богословіи, отъ многихъ книгъ богословскихъ избранное.
69. Іакова жидовина, списано Іосифомъ новокрещеным.
70. Летописецъ вкратце списано о двинскихъ жителяхъ, и о наслѣдникахъ и о судьяхъ и воеводскихъ и дьячихъ приѣздахъ.
71. Другой такой же.
72. Чиновникъ.
73. Служба пресвятыя Богородицы и приснодевы Маріи Тихвинские и чюдеса.
74. Служба и чудеса святаго Филипа митрополита.
75. Житие и подвизи преподобного мученика Никиты Столпника Переславского чюдотворца.
76. Служба и житие благовернаго князя Глеба Владимерскаго.
77. Изображение Кириллово Іерусалима.
78. Тропникъ.
79. Толкование на некоторы Евангели.
80. Приклады правоучительныя.
81. Судище отъ Еврей надъ Христомъ отъ пантиского Пилата.
82. Ѳеофилакта архиепископа Болгарского предисловие.
83. Беседа Белоцерковная.
84. Святаго Іоанна Домаскина.
85. Поминание прежде отшедшихъ душъ къ Богу.
86. Оглавление повестей, обретающихся въ гранограве.
87. Служба преподобнаго и богоноснаго отца нашего Михаила Клопскаго, Новогородскаго чюдотворца.
88. Житие Езопа Фригискаго.
89. Оглавление статей з государева указу.
90. Святаго Ѳеодора Лѣукара, бывшаго епископа Карискаго.
91. Службы и чюдеса отъ образа пресвятыя Богородицы въ великомъ Нове граде.
92. Чинъ на патриаршески престолъ.
93. Ермология на старыхъ нотахъ.
94. Приклады исъ пророковъ.
95. Книга хлебъ животны.
96. Святыхъ отецъ писание полского немецкого языка.
97. Житие и чюдеса святаго праведнаго и блаженнаго Прокопия иже Христа ради юродиваго, Устюжскаго новаго чюдотворца.
98. Врачевание полагаемое противъ ядовитыхъ угрызеневъ.
99. Святаго Іоанна Домаскина.
100. Житие преподобныхъ Зосима и Савватия Соловецкихъ.
101. Проблемы геометрическия.
102. О запоседяхъ и тайнахъ, выписано изъ книгъ разныхъ.
103. Сборникъ, потому что изъ многихъ книгъ выписана.
104. О двою во Христе естеству и единой ипостасне толкование.
105. Описание церквиі Соѳиские.
106. О разбойническомъ Ѳлоренскомъ соборище.
107. Патерикъ Печерской.
108. Соборникъ малой.
109. Описание воротъ чести въ Га-

ге учиненныхъ ко пріезду Вилгельму Аглинскому, Скотскому, Францускому и переводъ исповѣдания вѣры ихъ.

книги печатныя полчетвертныя.

110. Грамматика.
111. Геометрія.
112. Логіома.

книги писменныя получетвертныя:

113. Деолектика о послани Иоанна Домаскына.
114. Слово на погребеніе Христово и о иныхъ вещахъ.
115. О сотвореніи мира съ бесѣдами.
116. Книга Григорія Богослова.

Противъ присланнаго рѣэстру явилось сверхъ во излишестве.

Книга Θигуры оптическия въ ней девять листовъ.

Книшка Валерія Максима, приклады нравоучительные, въ четверть.

Книшка Хвальковскаго нѣкоторые полские описание, въ четверть.

Книшка Полская, наука о исповѣди покоянія, въ осмуху.

Книги, которые приняты отъ Графини Матвѣевой.

Русские въ листъ.

1. Книга Вечери душевныя.
2. Книга Обѣдъ душевны.
2. Псалтырь виршевая.

Въ четверть листа.

4. Книга Слово благодарственное Господу Богу.
5. Книга Лексиконъ имянъ толковая.
6. Книги Лексиконъ треязычный.
7. Книга службы мученице Варваре.
8. Книга тестаментъ, въ полчетверти листа.

Въ листъ писменныя:

9. Книга вѣнецъ вѣры.
10. Книга Бесѣдословіе.
11. Книга о разнстве.
12. Книга Святаго Антонія Сійскаго.
13. Книга псалтырь толковая.
14. Книга святаго Максима Грека.
15. Книга, глаголемая Богословія.
16. Книга святаго Іоанна Златоустаго.
17. Книга святаго Козмы пресвитера.
18. Книга святаго Григорія Бесѣдовника.
19. Книга святаго Іоанна Златоуста.
20. Книга Хризологіа.
21. Книга Исака Сирина.
22. Книга зерцало Богословіи.
23. Книга святаго Кирила Іерусалимскаго.

Въ четверть листа.

23. Книга службы Богородицы Θедоровской.
26. Книга толкованія на соборное посланіе Іаковля.
27. Книга святаго Юродиваго Андреи.
28. Книга служба Θилипу митрополиту.
29. Книга апоѳегматъ или извѣщание.

30. Книга служба Александру Свирскому.
31. Книга приклады духовныя.

Иностранные въ листъ.

1. Земляная и морские карты о понте Евксинскомъ въ большомъ листу.
2. Новой большой атласъ на большомъ листу.
3. Постии опера архитектоника Хагеномичиива втукта (?), на большомъ листу.
4. Посца архитектора, томисъ I.
5. Юсти Липса все опера тому 2, 4, две книги.
6. Посольства Өридереци Демарселеръ.
7. Спанхеми де Нумисъматибусъ, томи.
8. Уптани десурдно милитарні такоже олюрумъ Пера, страница.
9. Леунклавні Гисторія Мусулмана.
10. Посевнии Московія Этъ алія опера.
11. Беринги Өлорусъ данникусъ.
12. Мерси Гисторика данука етъ бельгика.
13. Спесънери Театрумъ нобилатитисъ Европе.
14. Магнуса Гисторія Государствъ русскихъ и швецкихъ.
15. Региструмъ хронологикумъ и протчие древние печати, на большомъ листу.
16. Меибома Германскихъ делъ Пасцы, волуменъ I. I.
17. Витрувія архитектора.
18. Маураценні Гисторія венецкая.
19. Адагие, то есть пословицы собранные.
20. Инеортнатумъ сеи Банденгиарумъ гражданскихъ правъ томусъ (?)
21. Рягаѳека регіумского.
22. Девислѣ лесъ Өортиенкацыонъ.
23. Волуменъ Легумъ парвамъ.
24. Эгвинати Баронисъ вирнутумъ квестіонумъ юрисъ, волуменъ (?)
25. Белумъ доместикумъ косокосъ интеремъ тартаросъ, такожъ Московъ соекососъ Гунтатовъ Полоние.
26. Венеронисъ Лексиконъ на полскомъ языкѣ.
27. Вигелін дигесторумъ опера.

Въ четверть.

28. Клювери Епитомъ гисторіарумъ о всемъ свете.
29. Еманулисъ Сашания въ Евангели (?)
30. Аѳпандрні четыре Евангелия.
31. Бекманисъ систагматисъ дигнитатумъ парсъ.
32. Аѳпандри которые части второго завета (?)
33. Смети антиквитатесъ Исомагессесъ (?)
34. Вите селѣ игнуромъ аликвотъ вирорумъ.
35. Линиѣ авдиціонесъ адъ юсъ публикумъ.
36. Завадски Гисторія аркана сенъ анналиумъ Полоникорумъ, либри VII.
37. Сегнети хомо христіанусъ.
38. Өритъсени пакосъ русвикенсисъ.

39. Табула Хранология севе дукумъ лотхаригея Брабантие.
40. Мансингерисъ обсервацыумъ юрисъ Кунтурие.
41. Тарновиусъ инъ понамъ проѳетамъ.
42. Брини Коллегиумъ политико-юридикумъ.
43. Описание разныхъ городовъ.
44. Гартмана и протчее квестионумъ юрисъ либеръ I. I. Инкантакту.
45. Арданансъ Ледовиса XIV.
46. Гарати опера.
47. Вехенъменеръ казанні.
48. Пруская Ѳама́.
49. Есаи дас диктионари контентъ и онной Санне Ди монде.
50. Лезусъ этъ коутумесъ де ла меръ.
51. Штиле Уневерзалде тутесъ Деламеръ лесъ курсесъ парме Гауретъ, томи I. I. вторая книга.

Въ осмуху.

52. Престанциумъ Ерудиторумъ вирорумъ Епистола.
53. Грутери тесаурусъ критикусъ.
54. Унгерская и турецкая кроника.
55. Годвинъ Моисея Иоарона.
56. Мигестатскои презентъ дела Гринтъ бретаніи томъ I. I.
57. Аулусъ Геллиусъ.
58. Марендони комитисъ Гистория дела лебелномъ Англинскои тере томусъ I. I. IV. V.
59. Кроеси Гистория Герреорумъ.
60. Марлианні та автрумъ политика.
61. Нердени Инитио Академиа Ѳреверенъсисъ.
62. Вестери казанні о страстяхъ Христовыхъ.
63. Летресъ меморесъ редематъ ле коръ тадеестрадесъ, томиусъ I. I. I. I. I. две книги.
64. Мигири Писпиология.
65. Вите етъ мортисъ Ѳрантунде витъ Гистория Галлице.
66. Реляция Купанисъ де анно 1710 г.
67. Трактатусъ догматикусъ де вокацыоне Гентриумъ.
68. Ѳаутесъ десъ деникс коѳедере.
69. Антони Девера лагатусъ парѳектусъ Галлице.
70. Лесъ Консеисъ етъ летъ максимисъ де Писпасъ.
71. Алхенбулгери тесаурусъ рерумъ публикарумъ.
72. Дескриптионъ ноувеллѣ де ла виллѣ де Пари томулусъ. I.
73. Статъ Ѳранцуской I. I. III. две книги.
74. Леттресъ ди мисюри ле хевалесъ Гурьтемпле.
75. Летръ де парлесъ аллемандъ, томулусъ. I. тожъ 10. две книги.
76. Регламентъ ардонансесъ дуроиде ѳомулусъ.
77. Лесъ делицесъ дель Еспагне этъ ду Португаль томулусъ. III. XIII. XIV.
78. Акта регисъ Туриненсисъ э стривигенъсисъ Галлице.
79. Лексиконъ новой съ ѳранцускаго зъ греческимъ.
80. Коде милитаире репаръ деставде.
81. Ла гверре де Италие.
82. Статера белли Парижская, парсъ прима.

83. Шурманъ мелнорись партисъ елѣтсно.
84. Лебле трактатусъ де Инструменты Футиря Консилиари.
85. Лаутербахи компендіумъ юрисъ инверія.
86. Кулписъ де легаціонибусъ статумъ.
87. Новообъявленной Европского Стата титулаевъ.
88. Аттесъ книга менорисъ реконъсервантъ да ариксъ утеретъ, томулусъ III.
89. Тачатукъ пишисъ доносим... [illegible]
90. [illegible] Цедаиратумъ.
91. [illegible]
92. [illegible]
93. [illegible]
94. [illegible]
95. [illegible]
96. [illegible]
97. [illegible]
98. [illegible]
99. [illegible]
100. [illegible]
101. [illegible]
102. [illegible]
103. [illegible]
104. [illegible]

105. Конѣки анъне ... инстубулумъ.
106. Цепронисъ Филадорнинорумъ, волуменъ.
107. Букстория лексиковъ на европскомъ языке.
108. Сибери концентирнусъ, въ минтъ.
109. Кондреяи лити медонусъ позиявригтъ.
110. Гвидии вонверъясливы навили.
111. [illegible] (*)
112. О [illegible] (*)
[illegible] (*)
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

126. Тесаурусъ просимъ петикулярумъ Булери.
127. Ротеродами Эрасми Либеллусъ луренсъ де сивилитате морумъ ювенилиумъ.
128. Лукануcъ.
129. Книга Юлиусъ де белло галлико.
130. Цыцеронисъ Епистоле адъ фамилиаресъ.
131. Псирбихромъ Антиквитатесъ анонимн.
132. Мировски пастрестра Пититисъ.
133. Рацио дискенди лингвамъ латинамъ адиодумъ компендиоса.
134. Сентенция апоѳегмата сине инициo, немецкая и латинская словесная книга.
135. Пемата галлика инкомпатиусъ.
136. Либеръ амплификацыонесъ вери манусъкриптусъ.
137. Либеръ класмастикусъ или Исуса Сирахова.
138. Лоси сумма катехетка.
139. Де конскрыбендисъ эпистолисъ синтаксиа институцыонесъ, анонима.
140. Арсъ диалектика.
141. Прецесъ Полонико девметъ санктосъ.
142. Пепаирсъ Граматика лингветолисъ.
143. Лесъ клемеисъ Геометрия манскриптусъ.
144. Летре суръ энтусиме.

Остальныя за росписью приняты: Конха риторская рукописная, въ четверть, Цыцероновы и протчихъ Ѳилозоѳовъ разныя собранія, въ осмуху; псалтырь на немецкомъ языкѣ, въ осьмуху; Европскія увѣдомленія 709 году на Ѳранцускомъ языкѣ, въ осьмуху.

Въ 1735 году, въ вѣденіи Камеръ-цалмейстерскаго помощника Слизова, хранились слѣдующія книги:

Въ 5 ящикѣ 13 книгъ нѣмецкихъ.

Книга русская скорописная съ персоною Ея Императорскаго Величества Блаженныя памяти Екатерины Алексѣевны, на на верьху написано: *слово похвальное.*

Три книги нотныя.

Книга рисовальная (въ 6-мъ ящикѣ).

Книга нѣмецкая.

1. Книга новый завѣтъ въ полчетверти листа, печати Кіевской.
2. Акаѳистъ, въ полчетверти, печатной.
3. Молитвенникъ такой же, писменный.
4. Псалтырь маленькая, Кіевской печати, въ полчетверти, въ серебреной кожѣ.
5. Молитвенникъ, Кіевской печати, маленькой, въ чехлѣ красномъ.
6. Кононникъ Богоматери Тольской.
7. Синопсисъ, въ четверть листа, въ красной кожѣ.
8. Псалтырь, Московской печати, ветхая, въ полчетверти.
9. Лексиконъ Кіевской печати, въ четверть листа, ветхой.

10. Книга письменная о взятіи Сибири, въ четверть листа.
11. Книга письменная объ копіяхъ, въ четверть листа.
12. Синопсисъ печатной въ полчетверти.
13. Книжка Архитектурная, печатная, въ полчетверти.
14. Книжка печатная, водохожденіе, въ полчетверть.
15. Книжка печатная, нравоучительная, въ четверть листа.
16. Книжка немецкая, ветхая.
17. Книжка писменная, чертежъ всего свѣта, въ четверть листа.
18. Книжка печатная Троянской исторіи, въ полчетверти.
19. Книга Ѳеатронъ, по краямъ золочена, печати Кіевской, въ четверть.
20. Книга Ѳеатрумъ, такой же печати, въ четверть, кожа серебреная.
21. Лексиконъ трязычный, печатной, въ четверть.
22. Книга Кіевской печати, житіе преподобнаго Дороѳея, въ четворть листа.
23. Псалтырь учебная, въ четверть листа, въ красной кожѣ.

Книги въ десть:

24. Апостолъ, края золоченые, въ красной кожѣ.
25. 13-ть книгъ Минеи мѣсячныхъ.
26. Книга Григорія Назіанзина, по краямъ золочена, ветхая.
27. Патерикъ Печерской.
28. Книга о дворянинѣ добронравномъ, писменная.
29. Книга должность человѣка и гражданина, писменная, по краямъ золочено.
30. Арефметикъ печатной.
31. Еограсія печатная.
32. Хрисмологія о пророчествѣ Даніловѣ, письменная.
33. Полидара Виргилія, печатная.
34. Архитектурная, немецкая, ветхая.
35. Книга древняго Словенскаго народа, писменная, края золочены.
36. Книга писменная о покояніи и о исповѣданіи.
37. Книга о Китаѣ, печатная, ветхая.
38. Книга прахтика артелерная, печатная.
39. Книга Герба, т. е. травникъ, писменная ветхая.
40. Псалтырь, ветхая, печатная.
41. Книга родословная, писменная.
42. Книга о старинныхъ вещахъ и челобитьяхъ, писменная.
43. Псалтырь толковая.
44. Книжка о вертементахъ, сиречь предосторожностяхъ, въ четверть листа, писменная.
45. Двѣ тетради въ золоченой бумагѣ, немецкія, печатныя.
46. Книга въ десть, на Александровской бумагѣ, о коронахъ иностранныхъ, печатная въ бѣлой кожѣ и два листа писменные поздравительные, съ золотомъ.
47. Книга оклѣена бархатомъ зеленымъ и обложена сѣткою золотою, печатная немецкая, въ ней писменовъ на 2-хъ

листахъ, немецкая и русская, да 2 листа счетовъ письменныхъ русскихъ.

48. Книга оклѣена бархатомъ малиновымъ, писменная немецкая; въ оной же книгѣ листъ немецкой печатной, два листа писменные.

О коронаціи Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны, оклѣена бархатомъ зеленымъ, съ свѣтою золотой.

Другая оклѣена бархатомъ малиновымъ.

Книгъ большихъ и малыхъ немецкихъ разныхъ 370 книгъ.

Русскихъ книгъ (въ листъ).

1. Окта четырехъ гласовъ 5, 6, 7, 8, повсядневная.
2. Окта старой писменной: часословъ старой печати съ мѣсяцесловомъ.
3. Минея праздничная сентября мѣсяца.
4. Минея общая годовая.
5. Артикулъ военной, старой, Московской печати.
6. Служба преподобному Алексѣю человѣку Божію.
7. Псалтырь учебная, ветхая.
8. Часословъ ветхой.
9. Бесѣды Апостольскіе толковыя, посланіе къ Коринѳянамъ.
10. Житіе преподобнаго Корнилія Комелскаго чудотворца.
11. Двѣ книги: грамматики печатныя.
12. Соборныхъ на 12 мѣсяцевъ, въ немъ же указуетъ Евангели, Апостолы и прокимны.
13. Служба и житіе чудотворца Николая, писменныя.
14. Служба днѣ Господне, писменная; служба святой мученицѣ Екатеринѣ, письменная.
15. Артикулъ краткой, военной, Князя Александра Меншикова.
16. Книга перло многоцѣнное, печатное.
17. Книга житіе Зосимы и Савватія Соловецкихъ.
18. Въ двухъ ящикахъ книгъ немецкихъ, разбитыхъ въ переплетахъ.
19. Въ двухъ ящикахъ 18-ть тетрадей, обогнуты въ золото и красныхъ бумагахъ.

Всѣ эти книги были спасены во время бывшаго въ Москвѣ, въ 1737 году пожара, ибо изъ описи 1738 года видно, что первыя 19 книгъ хранились въ 1-й палатѣ, идучи съ Кормоваго Дворца на Потѣшной дворъ, на лѣвой рукѣ изъ приходныхъ сеней съ приходу, что называлась Оружейная; а послѣднія 48 книгъ во 2-й палатѣ; гдѣ же хранились остальныя не обозначено.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Сообщены А. С. Павловымъ.

I.

Стихъ св. Ефрема Сирина.

На послѣднее сіе время,
Какъ попуститъ нашъ Владыка
За умноженье злобы нашей,
Народится сынъ нечистый,
Какъ по имени антихристъ.
Онъ распуститъ свою прелесть
Онъ по городамъ, по уѣздамъ,
Онъ по селамъ, по деревнямъ.
Ужъ какъ пишетъ сынъ Васильевъ,
Преподобный отецъ Ефремей:
«Вы бѣжите, мои свѣты,
Вы во темные во лѣсы,
Вы скрывайтесь, мои свѣты,
Вы во горы, во вертепы;
Вы вселяйтесь, мои свѣты,
Вы во пропасти земныя;
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками, пепелами;
Облизайтесь, мои свѣты,
Вы горячими слезами;
Пребывайте, мои свѣты,
Во постѣ и во молитвахъ,
Во всенощномъ частомъ стояньи:
Тако избудите отъ антихриста».

II.

Стихъ Іоанна Предтечи.

Мы проспали, пролежали,
Проходили, прогуляли;

Мы ни въ чемъ вѣкъ проводили,
Христовскую заутреню просыпали,
Воскресенскую обѣдню проздали.
Сослалъ Господь Богъ три дара:
Ужъ какъ первый даръ — крестъ и молитву,
Второй даръ — любовь и милостыню,
Третій даръ — ночное моленье,
Четвертую заповѣдь — читательную книгу.
Читаетъ Іоаннъ Предотечь,
Самъ слезно плачетъ:
«Вы рабы мои и рабыни,
Вы рабы мои, христолюбцы;
Вы постойте, пострадайте
За истинную вѣру,
За крестъ, за молитву;
Приходитъ на насъ послѣднее время:
Народился антихристъ,
Народился, воцарился.
Не долго свѣту свѣтить,
Не долго солнцу сіять, —
Послѣднее пришло время!
Убирайтесь, мои свѣты,
Во дальныя пустыни,
Во пропасти во земныя,
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы хрещами, пеленами,
Пребывайте, мои свѣты,
Во постѣ и во молитвѣ,
Во всенощномъ частомъ моленьи:
Тако избудете отъ антихриста».

III.

Стихъ о послѣднемъ времени.

При концѣ-то жизни вѣку,
Будутъ трусы и мятежи,
Будутъ лживые пророки.
Кто бы, кто бы намъ построилъ
Келью малу, невелику
Не на житейскомъ бы мѣстѣ,
Гдѣ бы Ему, свѣту, угодно,

Гдѣ душамъ нашимъ на пользу,
Гдѣ бы, гдѣ бы я не видѣлъ
Всего всемірнаго соблазну,
Гдѣ бы, гдѣ бы я не слышалъ
Человѣческаго гласу?
Самъ Господь Богъ пророцаетъ:
«Вы рабы-ли мои, рабыни,
Правовѣрніи христіяне!
Вы не весело живите,
Вы боясь Бога ходите!
Уже антихристъ народился,
Змій-собака воцарился;
Онъ разсѣялъ свою прелесть
По всей матери-вселеннѣй;
Разметалъ онъ свои сѣти
По всему своему царству;
Онъ и станетъ всѣхъ прельщати,
Въ свои сѣти уловляти:
Кои вы сильніи, боритесь,
А немощніи убирайтесь.
И не будетъ вамъ уходу
Ни во градахъ, ни въ заводахъ,
Вамъ не въ селахъ, и не въ весяхъ,
Не въ лѣсахъ вамъ, не въ пустыняхъ,
Не въ горахъ и не въ вертепахъ.
Уходите вы, мои рабыни,
Во пропасти во земныя
Отъ той прелести отъ злыя.
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы песками, пепелами,
Еще мелкими камнями.
Вы постойте, мои рабыни,
Вы за крестъ и за молитву,
Вы за истинную вѣру;
Умирайте, мои рабыни,
Вы голодною смертію.
Азъ прикрыю васъ, рабыни,
Своею рукою христовой,
И подарю Азъ васъ, рабыни,
Своими златыми вѣнцами».

IV.

Убойся Бога, человѣче,
Уже смерть за тобою стоитъ,
Она востритъ на тебя криву косу,
Она ждетъ повелѣнія божія:
Егда повелитъ Господь,
Во единый часъ подкоситъ твои ноженьки
И разслабитъ твои рученьки,
И языкъ твои пріумолкнетъ,
И глазыньки твои закроются;
И придутъ къ тебѣ посланки божія:
Они вынутъ изъ тебя душеньку безъ милости
И понесутъ ее къ мытарству страшному.
И увидитъ душенька мытаревъ — испугается,
И возмолится къ божіимъ ангеламъ:
«О ангели божіи! Отпустите вы меня
Покаитца во грѣхахъ моихъ тяшкіихъ!»
Отвѣщаютъ душеньки святыи ангели:
«Опоздала ты, душа, каитца:
Теперича торгъ разъѣхался
И двери затворилися,
Здѣся нѣту покаянія,
Ни грѣхамъ твоимъ прощенія».
И приступятъ къ душѣ страшныя мытари
И отъимутъ душу отъ рукъ ангельскихъ,
Понесутъ ее въ мѣсто темное,
И посадятъ душу въ муку вѣчную.
И тогда душа горько всплачется:
«На што-та меня отецъ мать породила?
Горе мнѣ во огни горѣть,
Горче того во смолѣ кипѣть!»
(Изъ раскольничьей рукописи).

V.

А вы гой еси, ангели крылаты!
Вы небесной рай намъ отверзайте,
А вы праведныя души пропущайте,
А вы грѣшныя души задержайте!
А котора душа тяжко согрѣшила —

Въ утробѣ младенца погубила:
Ей не будетъ во вѣкъ прощенья,
На второмъ суду не бывати,
Самово Христа въ очи не видати [1])!

VI.

Что есть у насъ три печали великія,
Какъ-та намъ тѣ печали минувать будетъ?
Первая печаль: какъ умереть будетъ?
А вторая печаль: не вѣмъ когда?
А третья печаль, что не вѣмъ гдѣ на томъ свѣтѣ обрящуся?
И гдѣ я тамъ жить буду?
И кто мн домъ созиждетъ?
Что нѣтъ у меня добрыхъ дѣлъ и покаянія,
И нѣтъ у меня чистоты тѣлесныя и душевныя:
Осквернилъ я свое тѣло и душу беззаконіемъ.
Какія мнѣ туда Богу дары принести будетъ?
Принести бы должно три дары великія:
Постъ и молитву и святую милостыню, —
Приметъ Господь паче злата и сребра
И введетъ тебя въ царство небесное
И будеши со Ангелы во вѣки радоватися.
Господи І. Х. С. Б. помилуй насъ!

ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ ПОВѢСТИ О МУТЬЯНСКОМЪ ВОЕВОДѢ ДРАКУЛѢ.

Повѣсть о Дракулѣ, бывшемъ воеводѣ въ Валахіи въ первой половинѣ XV столѣтія, была составлена вскорѣ по смерти этого жестокаго воеводы, тогда же перешла въ переводѣ къ намъ на Русь и доселѣ сохранилась въ рукописи того же XV столѣтія (См. въ моей Хрестоматіи столб. 700 и слѣд.). Вѣроятно, повѣсть эта въ свое время была очень извѣстна; потому что Себастіанъ Мюнстеръ въ своей знаменитой Космографіи, приводя ее въ сокращеніи, свидѣтельствуетъ о своемъ

[1]) Стихи подъ №№ 1, 2, 3 и 5 получены мною въ подлинникахъ изъ Сибири, отъ учителя Томской гимназіи Д. Л. Кузнецова. *А. П.*

источникъ слѣдующими словами: «Man liszt wunderbarliche ding von seiner Tyrannischen gerechtigkeit.“ Безъ сомнѣнія, это читалось въ той самой повѣсти, которая извѣстна была нашимъ предкамъ въ упомянутомъ переводѣ, какъ это можно видѣть изъ сокращенія у Себастіана Мюнстера, которое привожу здѣсь сполна. «Zu den zeiten Königs Matthias von Ungern, ist Weywoden in dieser Welachey gewesen, d' streng ja Tyrannisch Mann Dracula, den König Matthias fieng und 10 jar in der Gefengknusz hielt. Man liszt wunderbarliche ding von seiner Tyrannischen gerechtigkeit. Alsz auff ein zeit der Türck hett ein Bottschafft verordnet zu diesem Dracula, und sie vor ihm stunden, und nach gewohnheit die Schlappen nicht abzugen von dem Haupt, bestetiget d' Dracula ihnen ihren Brauch und liesz ihnen mit dreyn Neglen die Schlappen auff den Kopff naglen, damit sie ihre Hüttlein nimmer dörfften abziehen. Zu einer andern zeit als er viel Türcken hett in Spisz gesteckt, liesz er und' die Spisz zurichten ein wolbereiten Tisch, lebt wol mit seinen Freunden under den armen sterbenden Menschen. Zu einer andern zeit versammlet er alle armutselige Bettler, und liesz ihnen zurichten ein gut Maal, und alsz sie wol gessen und getrunken hetten, zündt er das Hausz an und verbrennt sie alle. Item wann er Türcken gefangen hatt, liesz er ihnen die Haut abschinden under den Füssen, und streich Saltz dareyn, und liesz Geissen herzu führen, die mit ihren rauhen Zungen dz Saltz ableckten, mehret also den arbeitseligen Leuten ihre Marter. Zu einer andern zeit kam ein Kauffmann von Florenz in sein Herlichkeit, der hat viel Gelts, und wuszt nicht wem er es solt vertrawen, da gebote ihm Dracula dasz er es zehlt, und legt es uber nacht auff die Gassen, fand es auch am Morgen ohnversehret. Da ward Wald so ungehewr, es macht ihn jederman mit Gelt und Gut durch wandlen. Alsz nun dieser Dracula zehen jar in der Gefengknusz gewesen, unnd wider in sein Herrschafft ward gelassen, ward er endtlich in einem Türkischen Krieg erschlagen, und sein Haupt für ein Schenke dem Türkischen Keyser gebracht.» Cosmogr. Кн. 4, гл. 82. При этомъ повѣствованіи политипажъ, изображающій троихъ Турокъ, проткнутыхъ кольями.

Судя по теченію разсказа, надобно полагать, что авторъ Космографіи имѣлъ подъ руками источникъ, состоящій изъ отдѣльныхъ эпизодовъ о жестокостяхъ Дракулы, то есть, въ такомъ же видѣ, какъ и извѣстныя въ древней Руси повѣсть. Нѣкоторые варіанты, предлагаемые въ Космографіи, могутъ навести на ближайшіе слѣды источника нашей повѣсти; но, судя по древнѣйшей ея редакціи, сохранившейся у насъ, надобно полагать, что это редакція первоначаль-

ная. Себастіанъ Мюнстеръ могъ заимствовать свой разсказъ изъ какой-нибудь Венгерской хроники, куда вошла повѣсть уже въ сокращеніи, и, можетъ быть, съ опущеніемъ намека на борьбу православнаго исповѣданія съ католическимъ, между тѣмъ какъ въ редакціи русскаго перевода отступничество Дракулы отъ православія имѣло для нашихъ предковъ интересъ національный. Мутьянскій воевода, прославившійся своимъ тиранствомъ, заключаетъ свои звѣрскіе подвиги отступничествомъ отъ православія. Сверхъ того, эпизодъ о наказанной лести хитраго латинскаго монаха былъ совершенно во вкусѣ древне-русскихъ православныхъ читателей. Со временъ Ивана Грознаго, повѣсть о Дракулѣ получила для нашихъ предковъ новый интересъ по сближенію, которое дѣлали между жестокостями обоихъ этихъ правителей. Такъ эпизодъ о пригвожденныхъ къ головамъ шапкахъ иностранныхъ пословъ приписывался Ивану Грозному. Замѣчательно, что Мюнстеръ называетъ Валашскихъ правителей по славянски *воеводами* (Weynoden od'Weywoden); и на оборотъ, въ нашемъ переводѣ встрѣчаются иностранныя слова западнаго происхожденія, именно *дукатъ*, *миля* (смотр. въ моей Христоматіи столб. 704 и 705).

Ѳ. Буслаевъ.

ПОВѢСТИ О МУДРЫХЪ ЖЕНАХЪ *).

Сообщены А. Н. Аѳанасьевымъ.

1. Повѣсть о премудрыхъ женахъ, которая жена медвѣдя грамотѣ научила. Глава 5-я **).

Нѣкій благоплеменитый и честный человѣкъ, имѣя въ селѣ своемъ попа, и по нѣкоему оклеветанію разгнѣвася на него и великую пеню возложи на попа. Попъ милый біяше челомъ, да отпуститъ ему вину; господинъ же ре(че) ему: «Аще не хощеши виновенъ (быти) предо мною, то изучи мед(вѣдя гра)моте». Пришедъ убо ми(лый попъ въ д)омъ свой зило печа(ленъ. Жена же) вопроси его о приключившейся нашедшія печали; онъ же сказа и ей, како господинъ вину возло-

*) Изъ полууставной рукописи прошлаго вѣка.

**) Заключенное въ скобки поставлено по догадкѣ; въ рукописи эти мѣста вырваны. Рукопись начинается 5-ю главой; предъидущія, по видимому, утрачены.

жилъ: «дадѣ ми во двоемъ на волю или вину дати или медвѣдя грамотѣ изучити; но обое тяжко и неудобно, паче же звѣря грамотѣ учити». Слыша сіе попадья рѣче ему: «Господине мужу! паче удобнѣе грамотѣ звѣря учити, нежели толику скорбь принять, сирѣчь напрасну быти; и азъ ти, сыне, сотворю не во многое время медвѣдя грамотѣ изучити». Попъ бѣдный весьма радъ бы(сть, слы)ша таковые глаголы отъ (жены) и вземъ у господина (медвѣдя), приведе въ домъ (свой. Жена) бѣдная прикормила прежде медвѣдя хлѣбомъ и пріучила къ себѣ и, пріемъ книгу, прокладывала между листовъ писаныхъ блинами и изучила медвѣдя блиновъ искати и листы превращати и морикотати: и тако его за хлѣбомъ выучила книгу держати и листы превращати. Попъ, видѣвъ сію хитрость жены своей, подивися и приведе медвѣдя къ господину своему и показуя ученіе, посадивши медвѣдя, дадѣ ему книгу. Медвѣдь, яко обычаенъ хлѣба искати, нача листы обращати и говорилъ по книгѣ по своему языку: «мру, мру, мру». Господинъ зѣло увеселися о семъ и вину попову остави. Того ради можеши молвить смѣлѣе: «жена хитрое зеліе, злѣе мужа своего» *).

2. Како жена мужа прелукавила. Глава 6.

Нѣкая жена, имуща мужа своего, и подъдаде себя иному. Прилучися же мужу ея узрѣти и, егда чужій мужъ обня оную жену и поцѣлова; и отъ сего въ сердцѣ его вселися болѣзнь немалая. И въ скоромъ домышленіи родъ женскій, жена, хотя сію скорбь изцѣлити и отвести мужа отъ печали и гнѣва, нача поститися и молитися и исправися, пойде каятися предъ нѣкоего священника; исповѣдася, возвести, яко, отъ мужа своего согрѣшаючи, прижила съ чужимъ сына себѣ. Священникъ, хотя то покаяніе будетъ таинственно, повелѣлъ ей вмѣсто всякаго исправленія сказати сіе мужу и просити прощеніе о своемъ нечестіи. Жена съ радостію заповѣдь пріа и лобзавреніе таинству сицевымъ образомъ показа: нача хвалити своя дѣти, а мужу глаголати: «Како бы имъ боязнь дати и плача уняти?» И сіе изглаголавъ пойде испроси у нѣкоего мошкоры, а по нашему харя, съ великою сѣдою брадою и паки раздразня, егда начаша дитя плакати, рече мужу: «Вздѣнь мужъ, харю на ся и постращай дитя, да и впредь боятися будутъ». Мужъ, послуша, харю на себя вздѣлъ; она же, пріемъ дѣтища, принесе близъ мужа, стращая: «Иди прочь, дѣдъ; не дамъ тебѣ, не дамъ: не твое, дѣдушка, дити, но нашего отца». И тако дитя ухранила, и покаяніе добрѣ

*) Разсказъ подобнаго содержанія въ Pfaffe Amis V, 181—315; въ Eulenspiegel, cap. XXIX и у Поджіо въ его Facetiis. Си. Dr. Thomas Murners Ulenspiegel, herausgegeben von Lappenberg, p. 246. *Ред.*

сохранила и мужа отъ великія болѣзни избавила и таинственно показала веліе и дивное потреба науки.

3. Како баба діявола обманула. Глава 7-я.

Некая жена вдова не въ горѣ жила, имѣя домъ богатъ. Въ лѣто же едино быть умноженіе веліе плодовъ земныхъ и толико у тоя умножися, — невозможно убрати наемники своими домовыми; и хотя еще приняти, что не возможе убрати наемниками домовыми, и хотя еще принаняти не возможе. О семъ вдова оная впаде въ велію печаль и тако ходя и сѣтуя. По случаю же срете ю дьяволъ, вопроси: «О чесомъ жено печалуешиси?» Она же вопроси: «Кто еси ты?» Онъ же отвѣща: «Азъ есмь дьяволъ.» И рече ему жена: «Воистину, дьяволе, въ пользу срѣтеся ты со мною, ибо имамъ на поли добра многа и хощу то управити, да все сіе будетъ въ гумнѣ моемъ; но наемниковъ принаняти не обретохъ. Прошу тя: помози ты мнѣ и все ми сіе въ гумно мое свози.» Отвѣща ей демонъ рече: «Аще весьма предаси себе мнѣ, то ни единъ работникъ будетъ ти потребенъ; единъ все сіе и, что восхощеши, сотворю тебѣ.» Жена отвѣща: «Добре глаголеши; на пользу мнѣ отдамся тебѣ, точію сотвори ми три вещи, ихъже ти повелю: первое съ поля безъ убытка пристрой хлѣбъ мой въ гумно мое, и второе грамаду дровъ переноси и перерубя и, си сотворшы, прійди: что третіе повелю сотворити, — повѣмъ.» Діяволъ, слыша отъ жены, сіе все исполни и той имать бо кони вертки и секеру остру: на годъ дровъ великую грамату перерубя и переноси. «И сіе сотворишы, прійди и что третіе творити повелю.» Діяволъ слыша отъ жены сіе все исполни: навозилъ хлѣбъ въ гумно весь свозилъ и прійде къ женѣ вопросити ея, что третіе повелитъ творити. Жена окаянная зѣло громко п...етъ и рѣче демону: «Поймай тотъ часъ п...ень мой и свей ужище, еще мнѣ съ поля во ометъ сѣно возить; и аще ли сего не сотворишы, то безъ вины я есмъ, въ чесомъ тебѣ обѣщалася: се мое третіе слово исполни.» Діяволъ же весьма опечалился и въ той школѣ не бывалъ, гдѣ бы учили п...ѣнье сбирать и ловить и веревки изъ него вить. Думавъ много, отыде отъ бабы со стыдомъ. Такова то хитрость женъ! ибо самъ діяволъ посрамленъ отъ злой жены: чего демонъ не разумѣетъ, тожъ женская плоть умѣетъ.

4. Какъ жена мужа помянала. Глава 8-я.

Веси единыя житель умирая и завѣща женѣ своей продати вола по смерти своей и, еже за него возметъ что, раздати во имя божіе за душу его. Жена, видя кончину мужа своего, и зело плакася о немъ

и обѣщалася сіе сотворити: «и не точію сіе сотворю, но еще отъ своихъ утварей продамъ и дамъ о душѣ твоей.» И егда умре мужъ и погребе его, приведе быка продати во градъ, взяже и съ собою и кота домоваго продати. И пріиде рѣзникъ, сирѣчь мясникъ, и нача вола торговати и вопроси: «Что дати?» Отвѣща жена: «Дай ми за него, господине, единъ грошъ за вола.» Удивися сему рѣзникъ онъ; прилежно смотря на ню, вопроси: «Продаеши или глумишися?» Она же паки рѣче: «Истинно отдамъ за единъ грошъ; точію безъ кота не продамъ его, вонеже положихъ слово куплю сихъ обоихъ продати во едино время.» И рѣзникъ вопроси: «Что жь за кота дати?» Отвѣща жена: «Четыре златыхъ, меньше отнюдь не возьму.» Мясникъ размысли: «и аще котъ и дорогъ, но ради вола купити»,—и тако даде за вола грошъ, а за кота четыре златыхъ. Жена, пріемши цѣну, пріиде въ весь, идѣже живаше; и еже взя за кота, во удивленіе положи, а грошъ, иже взя за вола, по завѣщанію мужа отдаде во имя божіе за душу его.

ПОВѢСТЬ О СКВЕРНОМЪ БѢСѢ *).

Сообщена А. С. Павловымъ.

Повѣдаше намъ нѣкій старецъ, яко онъ отъ святыхъ отецъ слыша, глаголющихъ о нѣкоемъ отцѣ великѣмъ, яко нѣкогда, ходящу ему по пустыни, видѣ бѣса, идуща мимо его, всего окаляна гноемъ скверными отъ главы и до ногу. И рече ему старецъ: «Гдѣ былъ еси, діаволе, и чего ради окаланъ гноемъ?» Отвѣща діаволъ: «На блудномъ дворѣ былъ и оскверняхся отъ блудныхъ женъ». И рече ему старецъ: «Да почто не омылся еси въ рѣцѣ, или въ источницѣ?» Онъ же рече: «Не велитъ ми вышній Богъ». И паки рече ему старецъ: «Да поне бы въ блатѣ измылся?» Онъ же рече ему: «Запрещаетъ ми Богъ нашъ измытися въ немъ». Глагола старецъ: «Да поне бы въ колесницѣ?» **) Не велитъ намъ скверниться, понеже христіане піютъ;

---

*) Изъ раскольничьей рукописи.

**) Въ колеи после дожди.

повелѣвастъ ангелу водному (Апокал. 16,5) отгонати насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя насъ». Старецъ рече ему: «Да гдѣ можешь измытися?» Бѣсъ рече: «Пойду въ христіянскіе домы, и гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся. Они же послѣ мене пріимутъ болѣзни тяжки и кашлеве и трясавицы и иныя скорби». И сія рекъ, невидимъ бысть.

ПЯТЬ ДРЕВНЕРУССКИХЪ ПОУЧЕНІЙ *).

1. Повѣсть глаголетъ отъ избранныхъ словъ о праведномъ солнцѣ і не внимающихъ божіихъ заповѣдей, иже людіе другъ друга зовуще солнцемъ праведнымъ, льстящи себе.

Невѣденіе бо человѣку бываетъ злое бесогрѣшеніе, понежь неленъ грѣхъ малу вину творитъ; невѣдѣніеже отъ покаянія отлучаетъ: отъ невѣденія жь у человѣка ражаетъся непослушаніе, отъ непослушаніяже исходитъ непокореніе, отъ непокоренія же бываетъ невниманіе; непослушаніежь и прекословіе во глубину ада низводитъ; послушаніежь ізъ глубины возводитъ; покореніежь со вниманіемъ близь Бога поставляетъ. Невниманіежь божіяго словеси во многія

---

*) Предлагаемыя поученія напечатаны по скорописной рукописи XVII вѣка, находящейся въ моей библіотекѣ. Всѣ они писаны, судя по одинаковости преобладающихъ въ нихъ литературныхъ пріемовъ, по манерѣ изложенія, однимъ лицомъ и, вѣроятно, въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка. На это указываютъ и содержаніе, и нѣкоторыя отдѣльныя мѣста поученій. Во второй половинѣ XVI вѣка латинскія новизны съ замѣтной силой вторгаются въ русскую жизнь, литературу, искусство и вызываютъ энергическое противодѣйствіе въ приверженцахъ православной старины. Вѣра въ звѣздозаконіе, планеты особенно развилась на Руси со второй половины XVI вѣка; тогда-то появились въ нашей литературѣ и плинидники, и альманахи, и звѣздочетцы и другія гадательныя книги астрологическаго содержанія. Въ первомъ поученіи попадается фраза Стоглава (изъ гл. 2-й); въ послѣднемъ поученіи есть мѣсто, буквально сходное съ словами статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Мы напе чатали его курсивомъ. *Ред.*

пути грѣховныя приводитъ и въ закосѣніе неподобное устрояетъ; сисканіеже божественнаго писанія на пути божественныя возводитъ і самою истинну показуетъ и беззаконныхъ путей отлучаетъ і отъ неведенія къ богоразумію привлачаетъ. Мнози бо въ невѣдѣніі, аки во тме, шатаются, отъ невѣдѣнія же не могутъ разумѣти грѣховныя совести. На всѣже грѣховныя сѣти далъ намъ Богъ разумѣти божественнымъ писаніемъ; отъ сегожь божественнаго писанія показалъ намъ путь милосердый Богъ уклонитися во спасеную благодать. Въ настоящихъ же родехъ отъ невѣденія мнози отъ человѣкъ правду на лжу сводятъ и істину беззаконіемъ совокупляютъ і благочестіе съ нечестіемъ слагаютъ і многажды прилагаютъ свѣтъ ко тмѣ, понежь бо невѣденіемъ и неразсужденіемъ мнози человѣцы благодатное слово въ ласкателныхъ словесехъ возлагаютъ на тлѣннаго человѣка. О сихъ же скажу вамъ, братіе; понежь бо глаголютъ человѣцы во лстивыхъ и въ ласкателныхъ словесехъ и во ономъ нѣкоторомъ прошеніі единъ ко другому глаголетъ: «солнце праведное!» Отъ сегоже человѣческаго неразумія велми ужасается душа моя и трепещетъ во мнѣ духъ мой. И паки о семъ же глаголю вамъ, братія, и молю послушати сего со вниманіемъ, да скажу вамъ о семъ извѣстно: понеже бо солнце праведное именуется божіе имя. О семъ же имени пророцы провозвѣстиша, праведное солнце Христа, Сына божія, прознаменоваша, і многіе отцы святіі въ дохматехъ въ славу и хвалу именуютъ быти солнце праведное Христа Бога нашего: понеже бо самъ Господь о семъ глаголетъ пророкомъ Малахіемъ сице: «возсіяетъ вамъ, боящимся имени Моего, солнце праведное». О семъ же Златоустъ глаголетъ во своихъ толкованіяхъ: «взыде бо намъ, — рече, — солнце праведное, Христосъ отъ Маріи по плоти: востокъ имя ему». Тожь въ тропарѣ глаголетъ: «Звѣздою поучахуся тебе кланятися, солнцу праведному». И во ономъ пишетъ: «Солнце праведное ста въ чину своемъ». І инде глаголетъ: «Иже во тмѣ сѣдящимъ явися, солнце сый праведное, просвѣтити хотя». Индѣ пишетъ: «Вместо столпа огненаго праведное возсія солнце». Тажь Іоаннъ Дамаскинъ глаголетъ: «Понежь бо Богъ есть разумный свѣтъ, солнце праведное и востокъ въ писаніі именовася Христосъ». О томъ же толкуетъ въ евангеліі и въ неделю пятдесятую глаголетъ: «Богъ есть солнце праведное, якожь пишетъ, всѣмъ просто сіяя, зоря благости». И что много о семъ глаголати? Понежь бо во всѣхъ дохматехъ божественнаго писанія глаголетъ солнца праведнаго Христа, Сына божія, и кроме того праведнаго солнца Христа, истиннаго Бога, не описуетъ быти праведнымъ солнцемъ никоего святаго, но токмо единаго Бога именуетъ быти праведное солнце. Въ настоя-

щемъ же времени мнози тлѣнни і скаредни человѣцы въ ласкателныхъ и во лстивыхъ словесехъ нарицаютъ другъ друга праведнымъ солнцемъ. Оле, оле таковое неудобное неразумие, и превозношение исчезающее и лесть непотребна! Како бо о такомъ словеси возможно помыслити? Или како вместитися нарещи тлѣнаго і скареднаго и грѣшнаго человѣка праведнымъ солнцемъ? Понежь бо такового словеси никоімъ святымъ не прилагаетъ быти. О семъ же самъ Господь глаголетъ Исаіемъ пророкомъ: «Во онны дни взыдетъ солнце и будетъ бо Господь тебѣ свѣтъ вѣчный: іному никому славы моея не дамъ». Внимайтежь, любимцы, о семъ: како бо человѣцы скаредніі і смертни славу божию на ся возлагаютъ и христовымъ именемъ, рекше праведнымъ солнцемъ, другъ друга нарицаютъ, или рабъ господина молитъ въ ласкателныхъ словесехъ, въ нихъ же глаголетъ его праведнаго солнца. О Владыко! пощади душа наша за таковое невѣдение і не предаждь насъ окаяныхъ невѣрнымъ на поругание, таковаго ради словеснаго непзправления! Буди же намъ, Господи, славити Тебе, единаго праведнаго солнца, Христа Бога нашего: Ты бо еси Богъ нашъ, мыжь людие твои, Тобѣ, единому солнцу праведному, слава въ вѣки аминь.

По семъ же возвратимся на предняя. Понежь бо мнози въ человѣцехъ, отъ неразсужения і невѣденца именуютъ быти солнце праведное нами видимо, стоящее на кругѣ небеснемъ; азъ же вамъ глаголю о семъ: то бо есть никако не праведное солнце, понежь бо есть бездушно и безсловесно: огнено то бо есть существо отъ самаго Бога сотворенно быть въ невещественномъ огни и наречено быть самѣмъ же Богомъ свѣтило дневное; понежь сотвори его Богъ и постави его на тверди небесней и повелѣ ему свѣтити во дни на землю. Нарицаютъ же нѣцыі то свѣтило дневное чювьственымъ солнцемъ. Чювьственое бо праведное солнце ко свѣту прилагаютъ по сему: понеже бо чюемъ и видимъ, еже во свѣте дѣется или что сотворится. О семъ бо Спасъ нашъ глаголетъ: «аще кто ходитъ во свѣте, не подкнется; аще кто ходитъ во тмѣ, подкнется». Посему же свѣтило дневное сотвори Богъ и постави его на тверди небесней на просвѣщение дни, человѣческаго ради устроения; понежь человѣцы сами творятъ и видятъ и по тому всякое земное дѣло устрояютъ, нощъ же человѣку на покой сотворена быть. Солнцемъ праведнымъ свѣтила дневнаго никако не именуютъ быти; то бо есть именовано отъ некихъ солнцемъ чювьственымъ, а никакожь праведнымъ. Праведное же солнце по истинѣ именую быти самаго истиннаго свѣта Христа, Сына божия: понежь самъ свѣтъ истинный, Христосъ, Богъ нашъ, праведный, на землю, взыскати заблудившихъ і спасти погибшихъ, отъ

высокихъ небесныхъ и свѣтлыхъ круговъ пришелъ есть, праведное солнце по истинѣ: свѣтъ бо есм кемерцающі самъ Христосъ, истинный Богъ нашъ. О семъ же самъ глаголетъ: «Азъ есмь свѣтъ миру всему», отъ негоже источникъ исходитъ свѣту, і отъ того сотворяется всякая благостыня. Разумѣйтежь о семъ, любовныя братія; никакоже не нарицайте другъ друга праведнымъ солнцемъ, нижь самого царя земнаго, никогожь отъ властелей земныхъ не можите нарицати праведнымъ солнцемъ: то бо есть божіе имя, а не тлѣннаго человѣка. Царемъ же і всѣмъ властелемъ земнымъ дана бысть отъ Господа держава и сила отъ Вышняго, отъ самого Свѣта истиннаго, Праведнаго Солнца, Христа, Бога нашего. Выжь, земныя власти, накажитесь отъ Господа и работайте Господеви со страхомъ, пріимѣтежь наказанье о такоѣмъ словеси и велми храните себѣ отъ нарицанія праведнаго солнца и простое чади не повелевайте себѣ нарицати праведнымъ солнцемъ, да не сведѣте себѣ гнѣвомъ отъ Господа. Воспомянитежь прежнихъ царей погибель, како страдали отъ Господа: за превозношеніе велію казнь отъ Господа воспріялъ Нохходоносоръ царь, понежь отъ человѣкъ отгнася и со звѣрми дивіими живяше и траву, аки волъ, ядяше и отъ росы тѣло его обросте и власи ему, аки лву, возвеличаше; и ногти ему, аки птицамъ, возрастоша и измѣнися сердце его и сердце звѣрино дадесь ему, дондежь позна, яко владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ и, емужь хощетъ, тому и дастъ и вся ходящая со превозношеніемъ можетъ смирити. Но семъ же мнози і инні царі различными казньми за превозношеніе такоже отъ Бога пострадаша. Выжь, благочестивіі власти, смирите душа своя и телеса предъ Господемъ нашимъ, Іесусъ Христомъ, емужь слава во веки, аминь.

2. *Поученіе сказуетъ о златицахъ и сребреницахъ, иже бываютъ у святыхъ иконъ въ прикладѣ.*

Мнози бо во человѣцехъ тшатся святыя иконы украшати овіи златомъ, овні драгимъ каменемъ, інні жемчюгомъ. І всѣ человѣцы, любящіі Бога, такое дѣло творятъ въ честь и во славу Богу и пречистей его Матери і всѣмъ святымъ Его угодникомъ. Мнозижь человѣцы отъ неразумія прикладываютъ ко святымъ иконамъ златицы, на нихъже бываютъ латынскихъ королей воображеніе; а на иныхъ златицахъ бываютъ написаны імена бусорманскихъ царей. Такихъ же златицъ съ латынскимъ воображеніемъ и съ бусорманскими имены прикладывати ко святымъ иконамъ и образомъ никакожь не достоитъ; понежь святая соборнія и апостольская церковь латыни и бусорманы

отлучаетъ, занежь Латыни бываютъ отметники образа христова, бусорманыжь бываютъ враги креста христова. Разумейтежь сие, како возможно вместити въ церковь господню латынское воображение и отреченное бусорманское имя. О семъ же пишетъ божественно писание, понежь не повелеваетъ случати честнаго съ недостойными. Глаголетъ бо Господь Иеремѣомъ пророкомъ: «Аще отлучиши честнаго отъ недостойнаго, будеши бо, яко уста моя і устрояются въ любимыхъ моихъ». Виждь, любимиче, разумей по сей повести. По сему же и образъ господень и пречистые Богородицы, святъ бо есть и честенъ и прочихъ угодниковъ господнихъ; такожь и каноны по Бозе святи и честни бысть. А латынское воображение и бусорманское имя отречено есть и проклято. А на златицахъ тѣ отреченные имена многажды бываютъ отъ неразсудныхъ человѣкъ въ прикладе у святыхъ иконъ, въ почтение. Како бо возможно такии златицы присовокуплати ко святымъ иконамъ въ почесть и случати честная съ недостойнымъ? Никако не подобаетъ. Въ настоящихъ же родехъ множество случаютъ недостойныя златицы съ честными иконами. О семъ же приведу вамъ свидѣтеля апостола Павла, глаголюща: «кое бо причастие правде и беззаконию или кое общение свѣту ко тмѣ?» кое согласие Христови и Велиару или как часть вѣрну съ невѣрными? или кое сложение церкви божіі со идолы? О семъ же непщую быти, понежь съ латынскимъ воображениемъ златицы подобни судь идоломъ: понежь въ древнихъ родехъ такожь храбрыхъ человѣкъ и богатырей дѣливали воображение златые и сребреные,—и то убо суть идоли; нареченижь по сему идолскому воображению златицы съ латынскимъ воображеніемъ и з бусорманскими имяны отнюдь не подобаетъ прикладывати у святыхъ иконъ. О семъ же Спасъ нашъ показалъ во своемъ вочеловѣченіі. Егда принесоша къ нему златицу нѣцыи данную и рече къ нимъ: «Покажите ми златицу, чіі образъ есть и надписание?» О нижь рекоша: «Кесаревъ». Онъ же рече имъ: «Воздадите кесарева кесареви, а яже божие Богови». О томъ же пишетъ въ паторице видѣние отца Евлогия: «понежь ангели господни поданху исходящимъ изъ церкви мнихомъ отъ нѣцыя молитвеннаго онымъ златицы, на нихже воображенъ образъ владыки нашего Христа, на инѣхже крестъ господень». По семуже и намъ, братие, подобаетъ творити. Ащели кому благоволитъ Богъ принести въ церковь господню златицу или сребреницу въ честь и въ славу божию ко образу господню, или богородицыну, или коему святому или святей, подобаетъ же на ней вообразити образъ господень или пречистые Богородицы или крестъ господень, по евлогиеву видѣнию. Съ таковымъ бо спасовымъ воображениемъ довлѣетъ златицы или

сребренницы прикладывати ко святымъ образомъ во украшеніе. О семъ же пространнее выше рекохомъ и положихомъ писаніе о томъ отъ различныхъ главъ въ разсужденіе и пользу христіанскихъ людемъ.

3. *Отъ избранныхъ словъ о крестномъ знаменіи.*

Возлюбленніи! не будемъ враги креста христова, не попремъ крестнаго знаменія ногами своими: і многажды бо по путемъ лежитъ на крестъ древцо или иная которая вещь, крестомъ назнаменуетца и по земли лежитъ. О семъ бо человѣкомъ много извѣстно и сея же заповѣди человѣцы отнюдь не тщатся исправити. О семъ же отческая правила велми претятъ, ежь чрезъ крестнаго знаменія ходити или буди на чемъ кресты нашиты, отнюдъ на томъ не повелеваютъ сидѣти, или крестомъ какія вещи дѣлати во древцехъ, или въ лычкахъ, или въ чемъ ни буди, вязати на крестъ и метати простоты ради на землю. О семъ же велми запрещаютъ правила 6-го собора глава 73, глаголетъ бо сице: «Иже крестъ на земли написанъ будетъ или сложенъ, да погребенъ будетъ или развержень.» Вниманіе тежь о семъ, любимцы, і не уклоняйтеся на такую простоту, еже ходити кому чрезъ крестное знаменіе: аще бо видите,—на пути лежитъ древцо на крестъ или какая иная вещь, выжь, избранницы божіи, всѣ православніи христіяне, потшитеся исправляти по правиломъ святыхъ отецъ, якожь выше писахомъ вамъ. Понежь бо, аще на земли кая вещь на крестъ лежитъ назнаменованна, и то бо мѣсто загладити; аще ли въ простоте что на крестъ лежитъ, ту бо вещь развергни; и не мозите мимо проходити, не исправя такіе любо вещи на земли, на крестъ лежащіе, да не будетъ крестное знаменіе неразумнымъ человѣкомъ въ поправіе и скоту въ поруганіе. Молюжь васъ, любимцы, и колѣномъ вашимъ касаюся: Господа ради потшитеся такую вещь исправляти, все бо творимъ божія ради любви и страха ради господня. Аще ли кто учнетъ тако творити и исправляти во истинну, таковый наречется истинный христіанинъ и за такое исправленіе велію себѣ мзду воспріиметъ отъ Бога. Аще кто видитъ на которомъ неудобномъ мѣсто крестъ начертанъ, или древо на крестъ лежитъ, или какая иная вещь крестнымъ знаменіемъ на земли явится воображена,—и кто будетъ чрезъ таковое крестное воображеніе ходитъ и того крестнаго знаменія не исправляетъ, якожь выше писахомъ, таковый убо уподобися невѣрнымъ обычаю и наречется таковый ругатель крестному знаменію. Вѣсте ли, братіе: понеже крестнаго знаменія бѣси трепещутъ и такови мѣста велми отбегаютъ: понеже гдѣ бываетъ мѣсто, крестомъ назнаменовано; о семъ же въ

паторице пишетъ. Глаголетъ бо сице: «Нѣкій жидовинъ идяше путемъ и нача обношевати во идолскомъ требищи. І въ то время помысли вѣру христіянскую и отъ бесовскаго мечтанія прекрести себя крестнымъ знаменіемъ. Въ тужь нощь во идолское сошедшеся множество бесовъ, и узрѣша жидовина лежаща, и приступиша къ нему бѣсове, глаголюще о немъ: «сей бо сосудъ нечистъ лежитъ да крестомъ покровенъ». Сегожь ради крестного знаменія не могуще ему бѣсове никаковы пакости сотворити. О семъ же во утреннії день самъ жидовинъ вся подробну сказалъ и сея*) ради вины крестися во имя господне». Выжь, любимцы, разумейте крестную силу и честь, такія жь ради вины не мозите наступати на пути на таковую вещь, что любо крестнымъ воображеніемъ на земли лежаще; і въ томъ да не будемъ въ приобщеніе языкомъ, незнающимъ Бога; и тщитеся всею душею о томъ исправляти, якожь выше рекохомъ. Богу нашему, на крестѣ распятому и воскресшему изъ мертвыхъ, слава во вѣки. Аминь.

4. *Слово учително наказуетъ о впровавшихъ въ стрѣчю и въ чехъ* **).

Подобаетъ же намъ, братіе, на всякомъ мѣсте молитву творити; аще ли въ путь идемъ или на мѣстѣ сидимъ, имяжь господне всегда да не исходитъ изъ устъ твоихъ. Глаголи же сице: «Господи Исусе Христе, Сыне божій! помилуй мя грѣшнаго». Писано бо есть: «Прокляти суть уклоняющеися отъ заповедей господнихъ». О сихъ же апостолъ пишетъ: «Не любите мира и яже неподобная въ мире: аще кто неподобная въ мире любитъ, врагъ бываетъ Богу». Сеже и мню быти неподобная въ мире вѣрованіе въ стрѣчю и въ чехъ и во птичій грай. О томъ же апостолъ глаголетъ «О братіе! блюдитесь, да никтожь васъ будетъ прелщая хитростію и тщетною лестію по преданіемъ человѣческимъ, по стихіемъ мира сего, а не по Христе Исусе; никтожь бо себѣ да прелщаетъ, аще кто мнится мудръ быти, тако бо въ вѣце семъ буй да бываетъ. Тѣмъ же да никтожь хвалится въ человѣцехъ: Господь бо гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. И не бывайте удомъ преложени ко иному ярму, якожь невѣрніі; никтоже васъ льститъ суетными словесы, сихъ бо ради приходитъ гнѣвъ божій на сыны непокорівыя.» Выжь, любимцы, покоримся Богу и пойдемъ въ слѣдъ святыя его заповеди, отже-

*) Въ рук.: *сил*.

**) Это слово находится также въ полууставной рукописи Новгородской Софійской библіотеки № 1428, л. 520.

нем отъ себе богомерзкия помыслы; понежь бо есть лучши Бога истиннаго познати и имя святое Его прославляти, нежели въ стречю и въ чехъ вѣровати: сия бо есть прелесть, а не божие предание, нижь святыхъ отецъ повелѣние. Мнози бо человѣцы тщетною прелестию вѣруютъ во стрѣчи, и въ чехъ, и во птичей грай и во всякая мечты бесовския,— и тѣ послѣдуютъ обычаю невѣрныхъ языкъ, не знающимъ Бога, отъ нихже такая прелесть во православие преселися. О любимцы! внемлите себѣ о семъ прилѣжно, повеже подобаетъ просити совести благи у Бога, аще хощетъ воля божия быти во всемъ, нежели злотворящимъ совестемъ послѣдовати и вѣровати во стрѣчю и въ чехъ и во птичей грай. Таковажь прелесть и такое неподобное вѣрование никакожь во христианехъ именуется быти. Довлѣетъ же намъ быти по апостолу, — волю невѣрныхъ языкъ отложити: понежь встрѣчная и чеховная прелесть невѣрныхъ языкъ увѣрение, вѣркымъ жѣ о семъ божественная писания нигдѣ не описуетъ быти. Въ такихъ же прелестехъ невѣрнии языцы ходятъ и симъ же неподобнымъ похотѣнъ мнози вѣрнии прилепляются; понежь осуетишася помышлении своими и омрачися неразумное ихъ сердце. Человѣче! потщися по апостолу себѣ искусна во всемъ поставити предъ Богомъ дѣлателя непостыдна, правяще слово истинное; буихъ же и ненаказанныхъ стязании отрицайся. Мнози бо неразумнии и ненаказаннии *) человѣцы увѣряютъ себе въ стрѣчю и въ чехъ и тѣмже бесовскимъ помысломъ повинуются; симижь помыслы явственне бесове отводятъ насъ отъ Бога и Духа Святаго отъ насъ удаляютъ, понежь Духъ Святый дѣйствуетъ во священницехъ и въ дьяконехъ и во иноческомъ чину и во братии христове, рѣкше въ нищихъ: такии бо чини отъ Бога всѣ благословени суть. Мыже тѣхъ всѣхъ чиновъ на встрѣче гнушаемся, и отвращаемся отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣче и поносимъ ихъ въ то время на пути многимъ поношениемъ. О окаяннии человѣцы! разумейте о сихъ благословенныхъ чинехъ; азъ вамъ о тѣхъ чинехъ отъ апостола покажу, понежь буия мира, и немощная, и худородная и уничиженная мира избра Богъ, а крѣпкия, и премудрыя и силныя посрами и упраздни и уничижи Богъ, да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ. О священницехъ же апостолъ глаголетъ сице: «Прилежащая попы добре сугубыя чести да сподобляются отъ Бога, отъ нихже по благодати Святаго Духа мы приемлемъ тѣло и кровь христову и покаяниемъ разрѣшение грехомъ нашимъ приемлемъ, отъ нихже обновляемся». Апостолъ же глаголетъ: «Старцу не твори пакости, но утешай, яко

*) Въ рук: *нескаянныи*.

отца; старица, яко матере». Разумѣйже, человѣче, о такихъ чинехъ: коль велицы именуются у Бога! Мыжь, окаянствомъ своимъ и встрѣчною прелестию, такихъ чиновъ на первой стрѣчѣ гнушаемся, и отвращаемся, и уничижаемъ и укоряемъ ихъ, яжь самъ Богъ возлюби. Мнози же отъ человѣкъ сему встрѣчному помыслу и прелестному повинуются. Разумей же о сихъ: понежь бо аще кто на первой стрѣче гнушается священническаго чина, той бо божия служителя гнушается, понежь бо первѣ образъ господень носятъ въ службѣ; нарицаютъ же ся первѣ плотиі серафими, понежь Господа на главѣ своей носятъ: по сему же перейская почесть къ Богу восходитъ. По сихъ же аще ли кто въ первое стрѣтение смрадитъ мнишескаго чина и образа, той бо посмрадкаетъ инока, плотнаго ангела божия, понежь мниси подобие носятъ ангелскаго образа. По сихъ же аще кто укоряетъ на первое встрѣтение нищая и худородная, то Бога укоряетъ и братию христову, ихъже самъ Господь нарицаетъ нищихъ—меншую свою братию. По сихъ же всѣхъ аще ли кто первыя ради встрѣчи укоряетъ какови либо богоугодника человѣка, той убо укоряетъ образъ подобия божия, понежь самъ Господь о человѣце глаголетъ: «Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобию». Вникайтежь, любимцы, о сихъ всѣхъ и не бывайте мудри о себѣ и не прилепляйтесь лукавому и прелестному бѣсу: той бо всѣваетъ въ человѣки на увѣрение встрѣчныя и чиховныя и всякия злыя помыслы. Тыжь, рабе христовъ, въ то время вооружайся крестнымъ знамениемъ и призывай имя господне и рцы сице: «Господи Исусе Христе, Сыне божіі! помилуй насъ». Глаголетъ бо апостолъ: «Всякъ, иже призоветъ въ кое аще время имя господне, спасется». По сихъ же молю васъ, любовная братия, блюдитесь творящихъ распря и раздоры, понеже въ тѣхъ неподобная совершается. Посемужь встрѣчныхъ и чиховныхъ и всякихъ злыхъ помыслъ возненавидимъ всякимъ нравомъ,—молюся,—угодимъ же Богу правою вѣрою и чистымъ житиемъ, славяще святую Троицу, Отца и Сына і Святаго Духа ныне и присно и во веки вѣкомъ. Аминь.

5. Поучение къ впрующимъ отъ прелестнаго разума въ рожение мѣсяца, и въ наполнение, и въ ветохъ и въ преходня звѣзды, и во злые дни и часы.

Многажь милость и неизреченны щедроты и человѣколюбие явися на насъ великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа, понежь бо свыше отъ небеснаго востока осия насъ Солнце Праведное и показа намъ пресвѣтлую лучу, обоженную плоть, еже есть Сынъ божіі. И родися безъ сѣмени отъ пречистыя матере своея зачатиемъ Святаго

Духа и со человѣки на земли поживе и снабди весь родъ человѣческіі своимъ животочнымъ источникомъ, животворящею кровію и водою, и омый преступленіе адамле, и насъ избавитъ отъ неправеднаго греха и свободи насъ отъ насилья дьявола. Насилиемъжь дьяволе сотворяется отторгновеніемъ отъ Бога и склоненіемъ во злочестивыя и богонеугодныя дѣла, еже и бысть во древнихъ родехъ человѣкомъ, по своимъ волемъ ходящимъ и внимающимъ бесовскимъ прелестемъ,— еже бо кумирослуженію работаху и тварь паче творца почитаху и служаху небесному движанію и поклоняющеся овіі солнцу, иніі мѣсяцу, иніже звездамъ внимаху, иніже каменіемъ жруще, иніі ко источникомъ и ко прочимъ водамъ приходяща и жертву бесомъ твориху. Таковаго же неистоваго дѣла не терпяще зрѣти Неусыпающее Око и воспомяну дѣла руку своею и своего созданія, еже человѣческаго существа не остави во грѣсѣхъ погибающаго и возрѣ на насъ грѣшныхъ своимъ пресвѣтлымъ солнцемъ, и сниде отъ небесныхъ круговъ къ намъ на землю немерцающее Праведное Солнце и показа намъ пресвѣтлую свою лучу, еже есть обоженую и нетлѣнную плоть, и тѣмъ обнови отъ прежняго греха и преступленія прадеда нашего Адама и насъ избавляетъ отъ смерти грехопаденія и животъ вѣчный намъ даруетъ. И сотре Христосъ Богъ нашъ насиліе дьяволе и вся сосуды его лукавыя и сѣти непризнеными сокруши и себе великаго Бога и единаго Творца во всю вселенную показа Христосъ, истинный Богъ нашъ. Мы видѣхомъ свѣтъ истинный небесный, еже есть, отъ небесъ Бога въ плоть пришедшаго; и родися отъ Духа Свята отъ пресвѣтлыя и браконенескусимыя чистыя Дѣвы, отъ негоже мы обретохомъ вѣру истинну: та бо насъ спасаетъ. По семъ же отъ писанія сказую и предлагаю вамъ, любимая братія, неразумныхъ человѣкъ прелесть, понеже воспоминаю древнее человѣческое злонравіе, о нихъ же выше рекохомъ. Посемужь и въ нынешнихъ родехъ неистовыя человѣцы забываютъ Бога, спасающаго насъ, и оставляютъ Творца своего помощь и послѣдуютъ прежнему еллинскому и еретическому злонравному обычаю, понеже нынѣ, въ настоящемъ времени, мнози неразумніі человѣцы оплазнивымъ своимъ разумомъ вѣруютъ въ небесное движаніе, рекше во звѣзды и въ мѣсяцъ, и разчитаютъ гаданіемъ, потребныхъ ради и миролюбивыхъ дѣлъ, роженіе мѣсяцу, рекше, молоду; іниіжь усмотряютъ полнаго мѣсяца и въ то время потребная своя сотворяютъ; иниіжь изжидаютъ ветхаго мѣсяца; иниіже ущерба, сирѣчь перекроя; иниіжь ходятъ по звѣздному хожденію, такоже гаданіемъ исчитаютъ добрыя часы и злыя. И мнози неразумніі человѣцы увѣряютъ себѣ тщетною прелестью и облачаютъ себѣ неистиннымъ разумомъ: понеже бо овіі дворы строятъ въ нарожіе

мѣсяца, нинѣже храмины созидати начинаютъ въ наполнение мѣсяца; нині бо въ тажь времена женитвы и посягания учрежаютъ. И мнози баснословнемъ своимъ, по томужь мѣсячному гаданию, увѣряючи себѣ неистовымъ разумомъ, и земная сѣмена насаждаютъ и многия плоды земныя устрояютъ. И тако неразумині человѣцы несвершеным своимъ разумомъ увѣряютъ себе въ преходныя звѣзды, рекше въ зодейныя, и въ томъ звѣздномъ хожении мятутся и гадание творятъ по сему, понеже безумині людіе вѣруютъ въ двинадесять преходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ болшихъ планидъ, въ нихъ же невѣгласи вѣруютъ и волхвуютъ, понеже *ищутъ дней рожении своихъ и санов полученіе, въ нихъ же ищутъ рока житию и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и вазней* *) *въ службахъ и въ куплехъ, и въ ремеслехъ и выныхъ строенііхъ. Симъ же дѣломъ безумніи человѣцы, оставя божию помощь, и уклоняются въ развращенная, а не вѣдуще, яко нѣсть се божие повелѣніе, ни святыхъ апостолъ, ни святыхъ отецъ предание, но богоненавистно и мерзко быть Богу такое окаянное дѣло, второе бо идоловприе именуется* **), занеже еретицы отъ бѣсовъ такіі плевель всѣяща невѣгласомъ и неразумнымъ и буимъ душамъ на пагубу. По семуже окаянному лѣлу безумніі уклоніются на греховную себѣ спону, понеже добрыя дни и злыя часы исчитаютъ по семужь мѣсечному хожению и звѣздному. Сіи же человѣцы тѣмъ умъ свой погубиша и въ таковыя прелести себѣ погрузиша и осуетишася умы своими и не познаша истинным разумомъ божественнаго писанія; понеже неизреченная мудрость Сынъ и Слово божие самъ проповѣдуетъ ученикомъ своимъ и глаголетъ: «Нѣсть ваше разумети времена и лѣта, яже Отецъ положи своею областию». О томъ же благовѣщанная уста и Богомъ избранный сосудъ, апостолъ Павелъ вопиетъ и глаголетъ сице: «Тако вы возвращаетеся паки на немошныя и худыя стихіи, имъ же паки свыше служити хощете, дни смотряюще, мѣсицы и времена и лѣта». Внимайтежъ, о вселюбовная братія, колико намъ заповѣдуетъ Духъ Святый не уповати на немошныя и худыя стихія и не повелеваетъ вѣры прилагати къ худымъ и немошнымъ стихіямъ, рекше небесному двизанию. Небесноежь двизание именуется солнце и мѣсацъ и звѣзды: движими суть отъ ангелъ божіимъ повелѣніемъ за человѣческое спасение, а не сами о себѣ движутся. О семъ же обновляетъ свидѣтель небесному двизанию, ижь до третиего небеси

---

*) Въ рук: *казней*.

**) Курсивомъ напечатанное сходно съ однимъ мѣстомъ статьи о *книгахъ истинныхъ и ложныхъ*.

восхищенъ бысть, апостолъ Павелъ и нарицаетъ по своему свидѣтелству солнце и мѣсяцъ, луны и звѣзды худую и немощную тварь. Мыжь да глаголемъ: «по истинне бо есть такъ», и о семъ по благодати Святаго Духа явственне известимъ и въ разумное сказание положимъ: понеже бо солнце и мѣсяцъ и звѣзды бездушны и безсловесны суть и помощи и власти отнюдь никакия не имѣютъ и плода никакова не творятъ ни добраго, ни злаго, понеже бо не воздаютъ добрымъ добраго, ни злымъ злаго. Сотворенныжь бысть солнце и мѣсяцъ и звѣзды великимъ Богомъ отъ невещественаго огня, рекше отъ негасимаго, понеже бо негасимый, рекше невещественный огнь, по божию створенію горитъ самъ себѣ, безо всякия вещи и бесъ приkладу: отъ сегожь огня сотвори Богъ солнце и мѣсяцъ и звѣзды и постави ихъ на тверди небесней своимъ великимъ божіимъ промысломъ и повелѣ имъ свѣтити по земли, солнцежь постави на просвещеніе дню, мѣсяцъ же и звѣзды постави на просвещеніе нощи. І ныне солнце и мѣсяцъ и звѣзды по сотворению создателеву изначала и до сего времени во единомъ огненемъ существѣ пребываютъ, и ничтожь ино свѣтится въ солнце и въ мѣсяце и во звездахъ, токмо огнь единъ; горитъ же и свѣтитъ надъ земнымъ лицемъ беспрестанно божіимъ повелѣніемъ. О семъ же во псаломнице глаголетъ: «Ты совершн заря и солнце, луну и звѣзды, яжь ты основа; яко той рече и быша, той повелѣ и создашася». Безумнні же человѣцы осуетишася умы своими и не познаша твари божия истиннымъ разумомъ, понеже вѣруютъ волхованию и еретическому обычаю и нечестию и прилагаютъ вѣру къ бездушному и къ бесловесному огню, занеже смотрятъ на мѣсячная времена и звѣздное хожение потребныхъ ради миролюбныхъ дѣлъ. О семъ же явственне выше рекохомъ. Сегожь божия зданія не разумѣша бун человѣцы, о нихже въ подобу притча глаголетъ: «понеже въ лукаву душу не внидетъ премудрость». Слышитежь и ужасайтеся, ангели бо, бесплотнаго словеснаго естества суще, божественными просвещении и осіянні богатнѣ всего наслажаются, но і тіи бо ничтожь боле свѣдуще отъ будущихъ, развѣ елико открыетъ имъ Духъ Святый. И како бо звѣзды, бездушнаго естества и неразумнаго и глухаго суще, предувѣдателныя силы нѣкия суща причащаются и власти таковыя, яко бо и житія наша жеребствовати і силою влещи къ добродѣтелемъ и къ злобамъ? Но во истину глухи и неразумны отнюдь исповѣдавшаго и приемлюще горшему ослепленію. О томъ же бо глаголетъ отъ соборнаго послания Петра апостола: «Понеже придетъ день господень, яко тать въ нощи», воиже убо небеса мимо идутъ съ шумомъ, стихия же сожигаемы разорятся, земляжь и вся, яже на ней, дѣла згорятъ; сими убо всѣмъ разоряемо

чающе быти пришествия божияго дне, егоже ради небеса жегома разорятся и стихия опаляеми растаются. Внимайтежь о семъ: понеже небеса и свѣтила, рекше солнце и мѣсяцъ и звѣзды, гдѣ тогда обрящутся? Нынеже невѣгласи укоряютъ себѣ отъ такихъ прелестей восприяти велие приобрѣтение по внѣшней хитрости, за такую жь прелесть сами геоньскимъ огнемъ осудятся. О нихъ же: кая, рече, звѣзды соблюдающе и мѣсяцы исчитающе, і се быша яко стеблие: огнь сожже ихъ и не избавитъ души своея отъ пламени огненаго. О сихъ же Григориі Богословъ глаголетъ, яко непотребна суть звѣздная плетения і образы, имиже губятся промыслы рождения, и рождение и ина таковая вся оплева. Внимайте, братие, о семъ, понеже намъ прелестнаго разума отнюдь довлѣетъ всякимъ нравомъ удалятися; подобаетъ же намъ, братие, своею истинною и зъ горящею любовию божия помощи къ себѣ искати во всякихъ дѣлехъ, нежели безсловесному и бездушному огню вѣровати. Творитижь намъ и строити полезно есть и спасено всякое дѣло во имя господне, силенъ бо есть Богъ во всячесьихъ и дивенъ Господь во всѣхъ дѣлехъ своихъ и преподобненъ во всѣхъ чюдесехъ своихъ и близь Господь всѣмъ, призывающимъ Его. По семужь, любимицы, намъ всемъ серцемъ Бога славити и благодарити во всякомъ дѣле и призывати на помощь Творца нашего, Бога и Господа Исуса Христа; понеже бо велиі Господь нашъ и велия крѣпость Его и разуму Его нѣсть числа. Всяже тварь небесная и земная трепещетъ единаго владыки Творца небеснаго, Бога Господа нашего Исуса Христа. Намъ же, братие, не буди упование имѣти на немошныя и худыя стихия, ниже имамы вѣру прилагати бездушному и безсловесному огню, рекше солнцу и мѣсяцу и звездамъ, понеже бо они въ существѣ огненомъ пребываютъ, о нихже яснѣе выше писахомъ. Буди же намъ, братие, во всякомъ дѣле славити и величати утро и вечеръ, и въ полудне и во всяко время Творца нашего, въ Троицы единаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа. А о днехъ и часехъ злыхъ гдѣ въ которыхъ книгахъ обретается или кая святая повесть о томъ явственно глаголетъ? Псаломницажь глаголетъ сице: «Твой есть день и твоя есть нощь», дни же злаго и часа ни единого не сказуетъ. Такожь и иная святая писания глаголетъ: «На всякъ день благословлю тя, Господи; и день пребывъ, благодарю тя, Господи!» О зломъ же дни и часѣ ни единыя повѣсти не дѣетъ. По семужь мнози святиі отцы на соборехъ кругъ годовой изъяснили, златожь дни и часа ни единого не показали. Такожь и Иванъ, златоглаголивая уста, духомъ святымъ состави молитвы по часомъ дневныя и нощныя, і въ тѣхъ молитвахъ не рекъ злаго ни единаго дне, ни часа. Потомужь святый ангелъ предаде молитвы святому Пахомию

і повелѣ ему творити молитвы на кіижедо часъ и не рече злаго ни единого часа. По семужь и во многихъ гранесахъ пишетъ і глаголетъ сице: «на всякъ часъ благодарю тя, Господи!» Злагожь часа нигдѣ не обретаю въ божественыхъ писанніхъ; но токмо баснословцы укоряютъ быти днемъ и часомъ злымъ и добрымъ; насъ же, милосердый. Боже, избави отъ толикыя прелести и научи насъ во всякі день и часъ творити волю Твою! Посемъ же молю васъ, любовная братіе: бежимъ и возненавидимъ неудобныя и отреченныя прелести и отвратимся вѣрованія въ небесная движанія, рекше въ мѣсяцъ и звѣзды, и угоднымъ Богу чистою и несумненною вѣрію, и дѣлы добрыми и благоугодными обрящемъ себѣ вѣчную жизнь и наслѣдіе царства небеснаго, егожь буди всѣмъ намъ получити о Христѣ, Бозе *нашемъ, емуже слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь* *).

ПУТЕШЕСТВІЕ ИНОКА МИХАИЛА ВО СВ. МѢСТА **).

Сообщено А. С. Павловымъ.

«Путешествіе инока Михаила во св. мѣста, гдѣ святые отеческіе монастыри, патріархи и митрополиты, по Христову словеси: се азъ съ вами есмь до скончанія вѣка. — Ходъ: Отъ Москвы на Казань, на Екатеринбургъ, на Тюмень, на Камскій (?) [1]), на Бирюлъ [2]), на Небошской верхъ, по рѣкѣ [3]) Катуяѣ, на Красноярскъ. Тутъ деревня Ай и тутъ часовня [4]). И деревня Устюба къ рѣкѣ, и тутъ въ Устюбѣ спросить страннопріимца Петра Кирилова. И пещеръ тутъ множество; отъ пещеръ снѣговая гора на триста верстъ: отъ Адама ледъ стоитъ въ своемъ виду и никогда не таетъ. За го-

*) Слова, напечатанныя курсивомъ, приписаны позднѣйшею рукою, такъ какъ заключительная строка этого поученія была утрачена.

**) Въ статьѣ П. И Мельникова *Раскольническіе архіереи* (Русскій Вѣстникъ, 1863 г., № 4, стр. 624) напечатано это произведеніе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство, писанъ дѣйствительнымъ самовидцемъ инокомъ Маркомъ Топозерской обители, бывшемъ въ Опоньскомъ царствѣ.*» Списокъ, нами печатаемый, короче списка г. Мельникова и авторомъ путешествія называетъ не Марка, а Михаила. Варіанты, относящіеся къ именамъ мѣстъ, заимствуемъ изъ списка г. Мельникова.

Ред.

[1]) Каменогорскъ.

[2]) Выбернумъ деревню.

[3]) На Избенскъ вверхъ.

[4]) Этой фразы нѣтъ.

рою деревня Дионская [1]), въ той деревнѣ часовня и обитель, а настоятель инокъ схимникъ Іосифъ. Отъ той обители есть ходъ сорокъ дней со отдыхомъ чрезъ китайскую землю и четыре дни (чрезъ) Куканію [2]), потомъ въ Японское царство. Живутъ въ губѣ окіана-моря, мѣсто, называемое Бѣловодье, и озеровъ много и семьдесятъ острововъ. Острова есть по шести сотъ верстъ, и между ихъ горы. — О Христѣ подражатели соборной Апостольской церкви! Прошу прямыхъ образомъ, безо всякой лести: тамо антихристъ не можетъ быть и не будетъ. А лѣса темные, горы высокія, разсѣлины каменныя. А народъ отъ Россіи особенной, а воровства никогда не бываетъ. Аще китайцы были бы всѣ христіане, то ни единя бы душа не погибла. Вѣру ми имите, любители христовы: грядите; повѣрьте Іоанну Богослову: За женою змій испусти воду, и разсѣдеся земля и пожре воду, а женѣ Богъ помогъ: дадеся два крыла и парятъ въ пустыню, и препитана будетъ время и времена и полвремене, то есть 42 мѣсяца, — вѣдомо есть, — толкуютъ еретицы, но противно Христу. Ассиріяне отъ папы римскаго гоними были и изъ своей отлучились пять сотъ лѣтъ, а прiисковали мѣста два старца. Церквей христіанскихъ ассирійскихъ до сту, а патріархъ антіохійскій и 4 митрополита и всѣ особы духовныя существуютъ неизмѣнно и нерушимо, а россійскихъ 40 церквей и 4 митрополита занялись отъ патріарха ассирійскаго, отлучившись отъ своихъ мѣстъ отъ лѣтъ Никона патріарха. А проходъ ихъ былъ отъ Изосима и Савватія соловецкихъ кораблями чрезъ ледовитое море. Такимъ же образомъ отцы посылали изъ монастыря Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ. А сей памятникъ писанъ тѣмъ самымъ, который тамъ самъ былъ, а имя мое многогрѣшный инокъ Михаилъ. Аминь.

---

[1]) Ульменска.

[2]) 44 дни ходу чрезъ Губань.

ЗАГОВОРЪ ОТЪ УКУШЕНІЯ ЗМѢИ.

Сообщенъ П. П. Барсовымъ [1]).

Святый Боже! бáсловъ! [2]) Святый Боже! бáсловъ! Въ чистомъ полѣ, въ темномъ лѣсѣ, на крутомъ рáвни, на морѣ-окіанѣ, тамъ стоитъ игруша; на той грушѣ 700 дубцевъ, 700 кокотовъ [3]), на тѣхъ кокотахъ змѣиное гнѣздо, а въ томъ гнѣздѣ змѣя-змѣица, всѣмъ змѣямъ царица, Катерина-Ригатуха. Прихожу я рабъ божій, *имярекъ*, къ тобѣ-змѣѣ, Катеринѣ-Ригатухѣ, отъ Господа Бога, отъ большаго брата, отъ большей сестры: «Собери ты весь свой гадъ змѣй, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевять покрасы, и вынимай ты съ *такого-то* раба свой златъ зубъ маковымъ зерномъ, ховнинымъ [4]) перомъ. Коли соберешь ты весь свой гадъ змѣй, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевять покрасы, и вымешь ты свой златъ зубъ съ *такого-то* раба: то я прощу тобѣ со всѣми твоими змѣями, что въ тебѣ есть въ свѣтѣ тридевять покрасъ; а не вымешь ты свого злата зуба, то я тебя заклину со всѣми твоими змѣями, что есть у тебя въ свѣтѣ тридевять покрасы; а не я тебя заклину, заклянетъ тебя Господь Богъ и Михаилъ архангелъ животворящимъ крестомъ. Собирай рѣчныхъ рѣчницъ, озерныхъ озерницъ, земляныхъ земляницъ, травяныхъ травяницъ, боровыхъ боровницъ, лѣсовыхъ лѣсовицъ, кустовыхъ кустовицъ, полевыхъ полевицъ, копныхъ копницъ, межевыхъ меженицъ, дворовыхъ дворовицъ, варковыхъ варковицъ, гноевыхъ гноевицъ и ползучую, и бѣгучую, и летучую, и ярую, и переярую и веретеницу и сереновицу. Святый Боже! бáсловъ! Мать Пречистая! ходи ко мнѣ на помóчь. Ангелъ на радощахъ!» Выползала змѣя съ болóньи, съ лукоморья, съ зеленой и съ сырой земли и укусила змѣя *такого-то* раба за бѣлое тѣло. Идетъ Мать Пречистая, сверь качаетъ; изъ этого раба змѣиные зубы выбираетъ: «Выпадьте зубы изъ *такого-то* раба изъ бѣлаго тѣла, и утихни есель [5]); а я, Мать Пречистая, стала на помóчь и *такого-то* раба ангелъ на радощахъ!»

---

[1]) Записанъ орловской губ. трубчевскаго уѣзда въ селѣ Котовкѣ. [2]) Благословен. [3]) Сучьевъ. [4]) Совинимъ. [5]) Опухоль.

ДВА РАСКОЛЬНИЧЬИ СТИХА. [1])

Сообщены И. П. С-ным.

1. Пѣснь умильна Лаврентьева монастыря.

Боже! прiидоша времена до насъ,
О нихъ прорекоша еще прежде насъ.
Пустыни была всѣмъ прибѣжища;
Нынѣ ужь тамъ нѣтъ прибѣжища.
Разсылаютъ насъ, разлучаютъ насъ...
Ради бъ неразлучно идти за Кавказъ.

---

[1]) Первый изъ напечатанныхъ здѣсь стиховъ взятъ изъ раскольничьяго сборника Моск. Д. Акад. № 431. Лаврентьевъ монастырь принадлежалъ къ числу обширнѣйшихъ раскольничьихъ монастырей. Онъ находился въ могилевской губернiи, въ бѣлицкомъ (нынѣ гомельскомъ) уѣздѣ, неподалеку отъ Гомеля, въ имѣнiи князя Паскевича. Уничтоженъ въ сороковыхъ годахъ, при настоятелѣ игуменѣ Аркадiѣ. По разореніи монастыря Аркадій ушолъ за границу и тамъ бѣлокриницкимъ митрополитомъ Кирилломъ произведенъ въ епископы, съ названіемъ брачловскаго. Ему приписываютъ и сочиненіе стиха о разореніи Лаврентьева монастыря Стихъ этотъ, положенный на голосъ, составляетъ досель любимую канту у раскольниковъ. Другой стихъ взятъ также изъ раскольничьяго сборника Моск. Дух Акад., который носитъ курьозное названіе «собранія разныхъ свѣтскихъ нравственностей». Подъ именемъ этихъ нравственностей внесены въ рукопись частію стихотворенія и изреченія сочинителей-нераскольниковъ,—изъ нихъ нѣкоторыя не цензурнаго содержанiя и притомъ далеко не нравственнаго, — частію стихотворныя же произведенія раскольничьяго пера. Опыты раскольничьяго виршетворенія, какъ можно догадываться, принадлежатъ одному автору—нѣкоему мѣщанину Святославскому. На оберткѣ рукописи есть между прочимъ слѣдующая надпись: „1842 года 31 генваря занималася

Въ сей книгѣ чтеніемъ московской мѣщанинъ,
И за написаніе Святославскаго хвалилъ,
За то, что много римѣъ (sic) въ ней написалъ
И любителямъ сатиры показалъ.
Читатели! стихи и эпитафіи прочтите,
А за написаніе Матвѣя Святославскаго хвалите.“

Къ сожалѣнію „критика“ на табакъ не окончена; подъ нею есть приписка: „въ критикѣ еще половины не написано.“

Не противимся божіей воли,
Идемъ по своя мы по неволи.
Оставляемъ храмы, пречудно созданны,
Златомъ и сребромъ богато убранны.
За царя молить и въ поли будемъ,
Про житье свое въ вѣкъ не забудимъ.
Пущай владѣютъ чужимъ насильно;
Скоро Судія воздастъ обильно:
Равенъ у него и царь и воинъ,
Богату и нищу судія единъ.
Иргизскія воды въ море утекли;
Его жителей понъ вытиснили.
Поселили ихъ близь Ленкорана,
Имъ свобода тамъ вся вполнѣ дана.
Араратъ гора и Аракъ рѣки
Въ сосѣдствѣ у нихъ въ послѣдни вѣка;
Каспійское море ихъ обливаетъ,
Песчаная степь ихъ обливаетъ;
Снѣговыя горы покрываютъ ихъ,
И рѣка Ефратъ недалече ихъ.
Дождались и мы жестокой зимы,
Выслали всѣхъ насъ безъ всякой вины.
Мы во всемъ власти повинуемся,
За обидящихъ насъ Богу молимся.
Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ келій,
Мы будемъ въ молчаніи, вмѣсто громкихъ пѣній.
Помнить мы будемъ про житье свое,
Жили при рѣкѣ, при быстрой Узѣ.
Но время быстрѣе сей нашей рѣки;
Оно унесло младые вѣки.
Цвѣла обитель болѣе ста лѣтъ;
Нынѣ опустѣла, уже ея нѣтъ.
Звонъ былъ удивленный, яки громъ гремѣлъ;
Соборъ разныхъ птицъ громко пѣсни пѣлъ.
Теперь все замолкло и нѣтъ ничего;
Погибло, потлѣло, травой заросло.
Перестаньте пѣть, веселыя птицы,
Скоро улетайте за море отъ насъ,
Скажите за моремъ, что ужь насъ тутъ нѣту,
Къ намъ не прилетайте къ будущему лѣту.
Пущай распѣваетъ здѣсь одна сова,

Летучія мыши, воробьевъ стада.
Прохожій не можетъ безъ слезъ пройти,
Разсматривая разны предметы.
Никого не видитъ, никто не встрѣчаетъ;
Онъ, все обзирая, главою качаетъ.
Гдѣ праведный судъ? — Его не стало,
Какъ превратное время настало.

II. Справедливая критика на табакъ.

Враждебникъ нашихъ душъ и лжи отецъ
Предвидѣлъ вѣка близкій конецъ.
Страшась горѣть въ геенѣ безконечной,
Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчной
И въ тартарѣ зубами заскрипѣлъ,
Какъ левъ, разверзши челюсти, взревѣлъ:
«Коль горестно душа моя томится,
«Что ѳиміамъ Месіи лишь курится!
«Почто распятый Маріинъ сынъ
«Пріемлетъ днесь почтеніе одинъ?
«Я зрю: хотя уже развратенъ свѣтъ,
«Но мнѣ благоуханной жертвы нѣтъ.
«Уже я скверны моды выдавалъ,
«Училъ піянству, драки воздвигалъ;
«Еще душа моя не насытилась,
«И новое желаніе явилось.
«Еще вновь сердце во мнѣ горитъ;
«Я тѣми жертвами весьма не сытъ.
«Пущай издамъ на свѣтъ отличну моду;
«Дай отъиму молитвенну свободу.
«Прелестно ремесло подать хочу,
«Чѣмъ рану нестерпиму залѣчу.
«Пилатъ что, на Голгофѣ водрузилъ,
«Тѣмъ древомъ сердце мое пронзилъ.
«Страдалъ ей тысящу и больше лѣтъ,
«Погибъ мой умъ, къ лѣчьбѣ надежды нѣтъ».
Изрекъ сіе и безъ вѣсти пропалъ,
Какъ въ адѣ томъ онъ вѣчно не бывалъ.
Въ бездонный тартаръ съ шумомъ опустился,
И въ размышленье злое погрузился.
И долго думалъ тамъ, какой бы грѣхъ

Поспѣшнѣй могъ прогнѣвать Бога всѣхъ.
Оттолѣ долго бѣси ожидали;
Почто же скрылся, всѣ того не знали.
И выдумалъ премерзко утѣшенье
На нераскаянное прегрѣшенье.
И вдругъ изъ тартара какъ огнь явился,
И съ радостью на тронѣ очутился.
Немедля онъ начальства тьмы собралъ
И планъ обдуманный имъ разсказалъ.
Ура! кричали всѣ, тѣмъ честь явили,
И всѣ полки знамена приклонили.
Тутъ князю тмы далъ строго приказанье,
Достать травы чтобъ приложилъ стараньe,
Послать за табакомъ, гдѣ бралъ Веспуцый.
«Сейчасъ!» И полетѣлъ туда бѣсъ куцый,
Слуга на зло послушный и ретивый.
И хватъ, къ дѣламъ не промахъ торопливый:
Какъ молнія въ Америку слеталъ,
Съ папушами діаволу предсталъ.
А онъ его велѣлъ смолоть, подправить,
Но, чтобъ покрѣпче былъ, велѣлъ золы подбавить.
Когда же бѣсъ мололъ, и въ тотъ горшокъ
Подсыпалъ діаволъ адской порошокъ
Разъѣдистый, приманчивый, куражный,
На вѣкъ волшебной силою преважный.
Князь тьмы сперва отпробовалъ самъ,
Потомъ начальникамъ и всѣмъ бѣсамъ.
И коль съ него тогда развеселились!
Играли, прыгали, какъ всѣ взбѣсились.
Тутъ громко всѣ: «виватъ! ура!» кричали,
За выдумку почтенье отдавали.
Тутъ новостію Веелзеулъ занялся,
Всей силою зло вымыслить старался,
Желаемый успѣхъ чтобъ получить,
Бѣсовской прихоти всѣхъ обучить:
Послалъ бѣсовъ къ развратному народу,
Чтобъ научить и выкинуть всѣмъ моду:
Какъ нюхать въ носъ, и въ чемъ его хранить,
Какъ трубки работать, и какъ курить.
Вдругъ табакерки выдумать не могъ,
То сатана велѣлъ насыпать въ рогъ.

И чтобъ скорѣй табакъ всѣ полюбили,
Отвергли Божій страхъ, и адъ забыли,
Важнѣй всего къ концу привесть успѣхъ,
И не былъ бы порожній носъ у всѣхъ,
И чтобъ нельзя молитвы сотворить: —
Всѣхъ научили трубки ртомъ курить.
И для такой бѣсовской моды новой
Во адѣ трубки не было готовой;
Діаволъ далъ на вѣчную посмѣшку:
Изъ ада вытащилъ горящу головешку,
Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
Потомъ и табакомъ всю начинилъ.
Велѣлъ, чтобъ бѣсъ большымъ весь притворился
И хитростью обманщикомъ явился,
И, взявши въ ротъ, по улицѣ ходилъ, —
Держа кисетъ въ рукахъ, се курилъ.
Кто спроситъ: «что ты дѣлаешь такое?»
— «Лѣчюсь! се есть лекарство дорогое.»
«Но гдѣ ты взялъ толь чудное лекарство?»
— «Скажи, ходилъ за море въ дальне царство,
«Божусь, царемъ кой миръ весь покоритъ,
«Его держава царства устрашаетъ;
«Клянусь! берусь я крѣпко за него,
«Курп! ты здравой будешь отъ него.
«Его курить и нюхать въ носъ способно,
«Всегда оно для всякаго пригодно,
«Табакъ тебѣ неложный исцѣлитель,
«А я наставникъ твой и покровитель;
«Кто нюхаетъ, хоть юнъ пль во сто лѣтъ, —
«Бываетъ здравъ, уменъ и скуки нѣтъ.
«И въ горѣ кто, онъ тѣхъ увеселяетъ,
«И боленъ чѣмъ, все вскорѣ исцѣляетъ.»
Вотъ такъ князь тьмы, правитель всей геенной,
Пустилъ се ремесло по всей вселенной.
Коль злой обманъ выдумалъ сатана!
Всѣжь инятъ,—потѣха отъ Бога дана.
Опомнись ты, табашникъ грѣховодникъ:
Неужели нашъ Богъ—грѣху виновникъ?
Во дни міросданія создатель всѣхъ
Ничто не сотворилъ для злыхъ потѣхъ;
Хотя и произвелъ сіе творенье,
Ужель на грѣхъ и скверно утѣшенье?

Увы! вездѣ умножился табакъ,
И безъ него не могутъ жить никакъ.
Друзья! воззрите въ путь протекшихъ лѣтъ:
Стоялъ и безъ забавъ бѣсовскихъ свѣтъ;
Бывали въ старь военны полководцы,
Судьи, князья и мудры мореходцы,
Тогда бывали крезы — патріоты,
Любили пить и къ роскошамъ охоты,
Бывали пресвященные владыки
И силою ума зѣло вѣлики.
Изъ тѣхъ, хоть и грѣшникъ кто бывалъ,
По табаку никто и не знавалъ.
Вотъ такъ премерзкая вошла забава,
Игрушка дьявольска, душамъ отрава.
Какъ море разлилась сія чума;
Лишился міръ духовнаго ума.
Въ немъ кроется магическая сила,
Какъ талисманомъ миръ обворожила,
Какъ злой халдѣйскій хитрый чародѣй
Вовлекъ и пріучилъ къ себѣ людей.
Волшебно дѣйствіе въ себѣ являетъ:
Понюхай, какъ магнитомъ привлекаетъ.
Только протекло ужь тысящь лѣтъ,
И наконецъ бѣсъ прихоть издалъ въ свѣтъ. ...

НѢСКОЛЬКО НАРОДНЫХЪ ЗАГОВОРОВЪ [1]).

Молитва 1-я.

1. Матушка, пресвятая Богородица! преложи моленія и попеченія рабу божіему, имркъ, по рабу божіему, имркъ; чтобы рабъ божій, имркъ, не накла на рукѣ и не на ноги и не отверзалъ языка своего до нынѣ и до вѣку. Аминь.

2. На мори на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, тамъ стоитъ 12 дубовъ, у каждова дуби 12 корней; подъ этѣми корнями лежитъ чугунная доска, подъ той доской лежитъ имрекова тоска. И подойдите 12 братовъ и выкиньте тую доску на востокъ солнушка и выкиньте

[1]) Изъ раскольничьей тетрадки новаго письма. *Ред.*

имрекову тоску и вложите такоитому человѣку имрека тоску, чтобы рабъ божій имрекъ I по рабу божіему имрекъ II тосковалъ и горевалъ, сухотился и печалился, въ никакихъ помыслахъ не замышлялъ въ пиру и въ бесѣдѣ любить донынѣ и до вѣка. Аминь.

3. На морѣ на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ, тамъ стоитъ зеленой садъ, въ томъ саду стоитъ столбъ, въ томъ столбѣ самъ Господь разсылаетъ ангелей и архангелей: «Пойдите вы въ расійскую землю, такоитою губѣрну и уѣзда и сельца и найдите такойтаго раба имрека I, и разслабите его жилы и мозгъ въ головѣ разрейте понеже, чтобы рабъ божій имрекъ I тосковалъ и горевалъ, печалился и сухатился, ни въ какихъ помыслахъ не замышлялъ и въ пиру и въ бесѣдѣ отнынѣ и до вѣка. Аминь.

4. Есть у Господа Бога на сотвореніе на свѣти 77 земель, 77 птицъ, 77 звѣрей, 77 скорбей, 77 травъ, 77 рыбъ; рыбы же—земныя, въ небуже стоитъ старой Іерусалимъ Христовъ по предѣленію Господа душамъ христіанскимъ *отнынѣ и до* [1]) вѣка. Аминь. Закрѣплена слава рабу божіему имрекъ по рабу божіему имрекъ, на 40 дней; не на 40 дней, но на 40 лѣтъ; не на сорокъ лѣтъ, но на весь вѣкъ. Донынѣ и до вѣку. Аминь.

5. Царскія двери растворяются, судія царской къ рабу божіему имрекъ приклоняется. Матушка, воску яроваго свѣча и богоявленская вода! утоли раба божіева имрекъ отъ всякаго злодѣйскаго супустата и отъ лихова человѣка 77 именъ отъ (в)сего міру православнаго христіянскаго *отнынѣ и до* [2]) вѣка. Аминь.

Молитва 2-я.

6. Есть у насъ отъ діявола или отъ лихова человѣка три листа и три писанныхъ: первой листъ—мать пресвятая Богородица, второй листъ—Іоаннъ Креститель, третій листъ—самъ Іусъ Христосъ. Чтобы тебѣ, діяволу и лихому человѣку, не визаться и не касаться: нѣтъ тебѣ тутъ тѣхи и веселія, не радость и не корысть, а вонъ тебѣ тѣха и радость и корысть—у стараго хозяина. Кто тебе посылаетъ и кто карижаетъ, тамъ ты тѣшься и веселися, радуйся и корыстуйся, и ты его ломай на вѣчную могилу, на третью кадилу. Вѣка. Аминь.

Когда хочешь идить къ кому о чемъ просить, то три раза прочитай.

Или читать три раза надъ водою крещенской и также единоразно свѣчу богоявленскою и подать ту воду, на каво читаешь.

---

[1]) Эти три слова въ рук. пропущены. [2]) Тоже.

О НАПАСТВОВАНІИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА [1]).

О напаствованіі і терпѣніі новыхъ страдалецъ священнопротопопа Аввакума, священнопротопопа Никифора, священномірѣя Лазаря і инока Епифанія, и како Лазарю со Епифаніемъ языки отрѣзаны и въ заточеніе посланы.

Лѣта 7172-го году августа въ 24 день сосланъ былъ въ Пустоозерской острогъ протопопъ Аввакумъ, и во 174-мъ году марта въ 1 день привезли съ Мезени къ Москвѣ, марта въ 9 день послали подъ началъ въ Пафнутиевъ монастырь и держали на чѣпи. Тогоже лѣта маія въ 13 день привезли изъ монастыря и проклинали і остригли, мая же въ 15 день послали въ Угрѣшеской монастырь съ полуголовою и со стрѣлцами. І во 175-мъ году сентября въ 5 день взяли съ Угрѣши и перевезли въ Пафнутиевъ монастырь и держали скована, сентября въ 12-й день ѣздилъ въ Пафнутиевъ дияконъ вдовой уговаривать и привозилъ выписки въ тетратѣхъ отъ властей изъ пушкарей Василей Васильевъ. Тотъ же дияконъ приѣждалъ генваря въ 30 день отъ Павла и отъ Ларіона і приходилъ къ нему пьянъ ночью, хотѣлъ извести сво. Декабря въ 4 день приѣжжалъ съ Москвы игуменъ Пафнутиевской Парѳеній и морилъ ево три дни і въ студеной тюрмѣ держалъ сво. Апрѣля въ 30 день привезли изъ Пафнутьева къ Москвѣ и держали скована. Маія въ 3 день имали къ Чюдову монастырь по приказу государеву архимаритъ чюдовской Іоакимъ да Спаса изъ Ярославля Сергіі Волкъ уговаривали и прелщали его. Тогожь мѣсяца въ 11 день по государеву указу і вселенскихъ патріарховъ тѣже архимариты имали уговаривать же. Іюня въ 17 день имали на соборъ сребролюбныя патріархи въ крестовую соблажнити і отъ вѣры отвращати и, уговаривая, не одолѣли: послали на Воробьевы горы, предавъ воиномъ полуголовѣ да тридесятимъ стрѣлцомъ, твердо стрещи заповѣданъ. И того же мѣсяца въ 26 день посланъ отъ царя дякъ конюшеннаго приказу Тимоѳей Семеновъ да старецъ Григорій Нероновъ уговаривать же. Въ 30 день перевезли во Андрѣевской монастырь на Конюшенной дворъ. Іюля въ 4 день по указу цареву приѣзжалъ отъ тайныхъ дѣлъ дякъ Дементей Баш-

[1]) Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка. *Ред.*

маковъ уговаривати и въ 20 день перевезли на Угрѣшу къ Николѣ чюдатворцу; а въ 22 день приѣзжалъ голова Юрьи Лутохинъ уговариватижъ по государеву указу. Со Аввакумомъ же и інии 4 страдалцы: Никифоръ протопопъ, Лазарь иерей, Епифаниі инокъ, Ѳеодоръ дияконъ. И, яко не возмогоша прелстити ихъ, днема повелѣша, срамоты ради своея, языки урѣзати: Лазарю до вилокъ языкъ отрѣзаша, Епифанию такожъ, августа въ 27 день. И егда Лазарю языкъ вырезали, явися ему кроровъ божия Илия и повелѣ ему о истиннѣ свидѣтелствовати. Онъ же, выплюнувъ кровь изо рта, и начатъ глаголати ясно и чисто. Но прежде убо, егда прогождаху ихъ, коегождо разными необычными съ Москвы дорогами,—у Лазаря, яко глаголютъ, рука десная вся отъ языка обагрена кровию, онъ же благословляше люди, егда его везоша около Москвы въ Калужския ворота, черезъ реку, по Даниловскому мосту, по за Симонову монастырю и Спаса Новаго монастыря и Андроникова по за слободамъ, по полямъ, зъ дороги на дорогу перенимаяся, якоже кто есть не благо, паче зло сотворилъ,—укрываяся, бѣгаетъ. Доправився на Переславку по Троицкой дороге, въ Братовщино всѣхъ направили кромѣ Ѳеодора, иже подъ церковию въ Богоявленскомъ вселенъ есть. Лазарь же, егда достигъ Аввакума и братию его, улыскаяся сказывалъ имъ свою побѣду и коварство ихъ мучителское: какъ ихъ казнили, и что имъ выговоръ былъ: «были, де, двѣ плахи да два топора и, посадя на скамьи, языки наши вырезали; но ничто,—рече,—насъ отлучитъ отъ любве христовы.» У Лазаря кровь единымъ временемъ вся и много истече; у Епифанияжь не по многу доволны дни капаше. Сего ради не ядше пребыша, молящеся, яко Епифаниі не глаголетъ, плакахуся, Богу тако изволившу. Аввакумъ писаше къ своимъ: «Азъ, грѣшный Аввакумъ, не сподобихся таковаго дара: поплакавъ надъ ними, перецеловавъ ихъ кровавыя уста, благодаривъ Бога, яко сподобихся видѣти мученики въ наша лѣта и зѣло утѣшихся радостию велиею о неизглаголемѣмъ дарѣ, яко Лазарь свѣтло глаголаше и яко отцы и братия моя пострадали Христа ради и церкви ради. Хорошо такъ и добрѣ запечатлѣли со исповѣданиемъ кровию церковную истинну! Благословенъ Богъ, изволивый тако! Ну, свѣты! молите о насъ, а мы, елико можемъ, о васъ. По семъ отъ насъ вамъ миръ и благословение и мученики вамъ, миръ давъ и благословение, челомъ бьютъ. Егда сию грамоту писалъ, въ то время старецъ ко мнѣ прислалъ изъ иныя избы стрелца съ радостию: «Не кручинся, деі, обо мнѣ: и мнѣ, де, дала языкъ пресвятая Богородица; говорю, де, и азъ благодатию божиею.» И я, Аввакумъ, збродилъ къ нему самъ встащася. И егда въ избу къ нему иду, и онъ ясно возопилъ: «Слава Отцу и

Сыну і Свитому Духу» и прочая, тако ясно во услышание всѣмъ, якоже и прежде. Азъ же возрадовахся, начехъ *достойно* говорить. Онъ же у меня перехватилъ со усердиемъ великимъ и тако кончали отпустъ. И порадовахся; говоря кое что, разыдохомся; сказыван мнѣ, какъ проглаголахъ и какъ его казнили: «Мылъ, де, образъ пречистые Богородицы и мыслию помыслилъ, чтобъ мнѣ глаголати и дерзати о имени Ісусъ Христовѣ; таже мнѣ отверзла уста и языкъ дало и учалъ говорить ясно.» А до того я у него былъ, онъ же мнѣ ничто не могъ промолвити, токмо, запечатлѣвъ уста, седѣлъ весь слезенъ: кровию оба изошли, понеже жилы вырезаны. О великое божие милосердие! не вѣмъ, что рещи, но токмо: *Господи! помилуй*. И Дамаскину Іоанну по трехъ днехъ рука приросла, а новымъ сихъ мученикамъ христовымъ Лазарю въ той же день языкъ Богъ даровалъ, а старцу во вторый день.» Дондѣ Аввакумъ.

Пристижение. Вы же, христолюбцы, судите: Прошали сіи страдалцы суда праведнаго о церковныхъ догматѣхъ, чтобъ всѣмъ собраномъ быти расточеннымъ со всѣхъ странъ и судитися съ еретикомъ Никономъ, или свитки написавъ или книгу старую и новую положивъ къ которому чудотворцу въ раку, постъ людемъ заповѣдавъ, молити Бога, да явитъ знамение и помилуетъ люди и раздоръ утогитъ. Но любители новыхъ сего не восхотѣша сотворити, ослѣпи бо ихъ злоба ихъ; или огнемъ искусити писание, но ни сего помыслиша отнюдь суединомудренні архиереи, боящеся своея ихъ плотской мудрости не твердой, начехъ рещи — бѣсовской. Но ругахуся окаяніи, глаголюще: «Что родъ сей знамения проситъ? Аще дастся сиу знамение въ послѣднихъ лѣтехъ сихъ?» Се Христосъ далъ есть знамение рабы своими — вѣрнымъ на подверженіе, невѣрнымъ же вамъ на обличение; не мало знамение — до плоти языкомъ вырѣзаномъ свѣтло глаголати. Но еще и чюднѣ творитъ Богъ знамения, обличая вашу злобу и жестосердие: человѣку бо нѣкоему отъ Никоновой ереси начевшейся дважды отрѣзанъ языкъ за церковь христову, — и до днесь свѣтло глаголетъ, обличая вы, якожь предтеча Іоанъ Ирода; имя же человѣку тому — Стефанъ, по прозвищу Черной, а седѣлъ дьякомъ въ Нижнемъ. Женѣ же нѣкоторой, Пустынѣименемъ, чюдотворецъ Игнатні Вологоцкой разслабленной и слепой исцѣлѣние тѣла и свѣтъ очию даровалъ и заповѣдалъ вамъ лукавое свое начинание еретическое оставити, яко непотребно и недостойно: повелѣ новой да старой служебники положитъ въ раку Алексѣю митрополиту: «ужь, де, людъ безъ причастия, какъ есть скотъ, гинетъ.» Сими являючися ей засвидѣтельствовавше. И государь благочестивой ужь тому другое лѣто какъ вамъ отдалъ на соборъ челобитную и до сего

времени ни отказу, ни приказу, христову же рабу саму третью за приставомъ морите голодною смертию и мразомъ. О лицемѣрства вашего! охъ увы мучительству вашему! Который градъ или страну не запеписте? Или которую пустыню не исполнисте крови? или село? или погостъ? Горы бо и дубравы і дебри и холми плача исполнисте, убиваючи чада свѣтлообразная церковная. Благовременно убо псаломски рещи по истинну о сицевыхъ: «*Положиша трупия рабъ твоихъ звѣремъ земнымъ и пролияша кровь ихъ, яко воду, окрестъ вселенныя и не бѣ погребаяй.*» И быхомъ поношение сосѣдомъ нашимъ зѣло и страхъ знаемымъ, яко по двухъ и третіе уже Римъ падаетъ началными, ополчиша бо ся на истинну, уготоваша стрѣлы въ тулѣ сострѣляти убога и нища, заклати правыя сердцемъ, сынове Еоремли, наляющие и спѣюще луки: не сохраниша завѣта божия и въ законѣ Его не изволиша ходити и забыша благодѣяніи его и чюдесъ Его, ихъже яви имъ предъ отцы ихъ, — яже сотвори чюдеса въ земли гречестѣйже и русьстѣй неісповѣдимаже и неизслѣдома, и напита ихъ отъ тука пшенична і вина и елея. И яде и уды утолстѣ и разшири и остави Бога отецъ своихъ и не вѣрова і не упова на спасеніе Его і не вѣроваша чюдесемъ Его и исчезоша въ суетѣ дніе ихъ и лѣта ихъ, со тшаніемъ въ піянствѣ і въ козногласіі неподобномъ и непреподобномъ, мусикіискомъ и арганскомъ согласіі, отъ Бога удаленомъ и отъ святыхъ возненавидѣномъ: возлюбиша бо Бога усты своими и языкомъ своимъ солгаша Ему: сердце ихъ не бѣ право съ нимъ, ни увѣришася въ завѣте Его и отвратишася и отвергошася, превратишася въ лукъ развращенъ. Сего ради удержа ихъ гордыни до конца; одѣяшася неправдою и нечестіемъ своимъ. Изыдетъ, яко исъ тука, неправда ихъ; преидоша въ любовъ сердца, помыслиша и глаголаша въ лукавствѣ неправду, въ высоту глаголаша, положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ прейде по земли. Вскую шаташася языци и людіе поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земстіі и князи собрашася вкупѣ.

О приѣздѣ страдалцовъ паки къ Москвѣ. Іюля въ 5 день привезли въ ночи отъ Николы съ Угрѣши и приѣзжали 3 архимарита 2-жды уговаривать и въ 8 день приѣждалъ въ ночи Дементей Башмаковъ уговариватиже. И въ 10 день въ ночи приѣждалъ Артамонъ да архимаритъ уговариватижь; тогожь дни имали въ Чюдовъ монастырь прелшати і уговаривати митрополитъ Крутицкой Павелъ да архіепископъ Рязанской Іларіонъ, і въ 11 день приѣждалъ архимаритъ чюдовской. И августа въ 22 день и въ 24 день Артемонъ былъ отъ царя съ вѣлосовѣомъ съ Симеономъ чернцомъ и зѣло было стязание много: разошлися яко пьяни; не могъ и поѣсть послѣ крику. Старецъ

мнѣ говорилъ: «Острота, острота тѣлеснаго ума да лихо упрямство; а се не умѣетъ науки.» И я въ то время плюнулъ, глаголя: «Сердитъ я есмь на діавола, воюющаго въ васъ, понеже со діаволомъ исповѣдуеши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царьствуетъ несовершенно; равно со діаволомъ и со Еллины исповѣдуеши во своей вѣре. И Артемонъ, говоря много, учнетъ грозить смертію; і я говорилъ: «Смерть—мужу покой есть, и смерть грѣхомъ опова; не грози мнѣ смертію; не боюсь тѣлесныя смерти, но развѣ грѣховныя». И паки подпадетъ лестію и, пошедъ, спросилъ: «Что, старъ, сказать государю?» І я ему: «Скажи ему миръ и спасеніе и тѣлесное здравіе». А въ 22 день одинъ былъ; такъ говорилъ мягче отъ царя со слезами, а иное приграживалъ, и я въ тѣ поры смѣюся. И много того было: много и Богъ посрамилъ отъ нашей худости, да что съ ними дѣлаешь? А пошедъ Артемонъ одинъ, кланяется низенко и прощается умильно въ правду; Аввакумъ же говорилъ: «Ты ищешъ въ словопрѣніи высокіе науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами, и мнѣ кое общеніе? яко свѣту со тмою или Христу съ Велиаромъ!» І ему стыдно стало і противъ тово въскозь зубовъ молвилъ: «Намъ, де, съ тобою не сообщно.»

О ЗАТОЧЕНІИ ДІЯКОНА ѲЕОДОРА [1]).

О посланіи въ заточеніе и о нестерпимомъ мученіи діакона Ѳеодора за святую церковъ і о еже како іскусилъ властей прелестныхъ.

Возвѣщу вамъ, возлюбленніи мои отцы и матери и братіа о Христѣ, да познасте, како мя грѣшнаго діакона Ѳеодора покарали къ новому нечестію на Угрѣше и чего ради азъ въ палѣ восходилъ имъ, тамо седя въ темницѣ. Егда изгнаша насъ архіереи изъ соимища своего и священный санъ содраша съ насъ, съ священнымъ протопопомъ Аввакумомъ во единъ день, и егда изведоша мя изъ церкви: і азъ грѣшный и ту, людемъ безчисленнымъ стоящимъ, свѣтлымъ гласомъ проповѣдахъ истинну, сложа въ рукѣ своей (христово) крестное знаменіе и горѣ то воздвигъ и возопилъ къ народу: «За сію истинну стражду и умираю, братіа, и за прочія догматы церковныя!»

---

[1]) Изъ раскольничьяго сборника XVII вѣка. *Ред.*

І въ ту пору, отведше, посадиша мя въ холодной чюланъ на патріаршѣ дворѣ и тутъ сидѣлъ два дни за сторожами. И на третей по утру за три часа пришедше отъ царя воини взявше і ведоша мя ко красному крыльцу. И сверху сошелъ голова и спросилъ: «То ли дияконъ благовѣщенской?» И они сказаша: «Тотъ.» І повелѣлъ голова (воиномъ) стрѣлцомъ взявше и посадити за карауль у каменнова мосту. И егда стало свитать, тогда пришелъ полуголова и велѣлъ за собою вести стрѣлцомъ безоружнымъ ко Тресвитцкому мосту и тутъ пріѣхалъ думной Дементей и сказалъ мнѣ: «Поѣдь, куды повезутъ, и не кручинься: сердце царево въ рукѣ божіи.» Азъ мнѣлъ, яко царь въ Коломенскомъ и къ нему везутъ мя на распросъ, понеже подалъ въ церкви тогда челобитную за печатью,—великия дѣла божіи писаны,—и чаялъ, самъ царь тамъ распрашивать станетъ: и ево дѣла были тутъ писаны. Егда выде за городъ, появилися извощики и стрѣлцы со оружиемъ и, посадивше на телѣгу, повезли мимо Коломенскова, не вѣмъ, куды, страннымъ путемъ по берегу Москвы реки да по болотамъ, а не прямою дорогою ко Угрѣшескому монастырю, чтобъ никто не видалъ знакомой, куды посадитъ. И по семъ, уѣхавши, азъ оглянулся и увидѣхъ: вдаль мене отца Аввакума везутъ. Отъ Москвы повезли на свѣту, а на Угрѣшу привезли въ осмомъ часу. І какъ привезли къ монастырю насъ, і взяли отца Аввакума два стрѣлца подъ руки и обвиша главу его япанчею и повели на монастырь сторонними враты, что отъ рощи. И азъ, необычное зря, ужасомъ одержимъ, стахъ, помнѣхъ въ себѣ: въ пропасть глубокую хотятъ насъ сажать на смерть; начахъ прощатися со женою и чады и со всѣми вами вѣрными. И отведше Аввакума, не вѣдалъ, камо его дѣша. И пришедъ полуголова и велѣлъ стрѣлцомъ взяти мя такоже, а главу мою со очима рогожею покрыть и до ногъ. И, приведше, посадиша мя въ башню пустую, а бойницы замазали и двери заключили. И по малѣхъ днехъ сталъ полуголовѣ бить челомъ, чтобъ вѣску подалъ женѣ моей, гдѣ сосланы, чтобъ жена моя, безвѣстнаго ради сосланія, напрасной смерти не предала себе и души своея не погубила мене ради грѣшнаго: и посулъ давалъ ему, онъ же не восхотѣлъ отнюдъ послати вѣсти: «Царя де не смѣю.» И по трехъ недѣляхъ помыслихъ окаянный молити всещедраго Бога, дабы известилъ сердцу моему Христосъ: аще неправо что старое наше благочестие и новое что добро. И три дни грѣшный не ѣлъ и ни пилъ и не спалъ, токмо плача милости просилъ у Творца своего. И Христосъ, Спасъ мой, паче еще сердце мое утвердилъ, яко умрети за всѣ старые, а новаго совѣсть моя сложилася сердцу отнюдь ни во что не приимати: «все лукавствомъ составлено» — глаголя во мнѣ совѣсть.

бодиѣе заниматься книгами, перемѣнилъ мірское званіе подъячаго на монашество. М. Евгеній замѣчаетъ между прочимъ: «одаренъ будучи остротою ума и отъ природы даромъ краснорѣчія, притомъ начитавшись разныхъ книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ склонность къ духовному званію и постригся въ монашество, а наконецъ былъ строителемъ и настоятелемъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря. Въ Москвѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ ученымъ іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ и былъ его въ словесности ученикомъ.» Самый осторожный и внимательный изслѣдователь жизни Медвѣдева и первый цѣнитель его ученыхъ трудовъ, г. Ундольскій говоритъ: «Должность и занятія подъячаго въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ видно не нравились Медвѣдеву. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ—«устраниться міра и его молвы.» Въ 1670 годахъ, еще бывши бѣльцомъ, Медвѣдевъ съ Молченскимъ игуменомъ Софроніемъ былъ въ Москвѣ, познакомился съ тамошними учеными и въ особенности съ Симеономъ Петровскимъ Ситіановичемъ Полоцкимъ.» Вотъ тѣ соображенія, какія могли явиться сами собою при голомъ сказаніи о подъячествѣ Медвѣдева.

Для пополненія скудныхъ свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго и несчастнаго лица, сообщаемъ здѣсь нѣсколько данныхъ, случайно намъ встрѣтившихся при пересмотрѣ приходо-расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа. Свѣдѣнія эти офиціальныя и потому несомнѣнныя. Открывается, что въ 1665 году Медвѣдевъ находился уже въ числѣ подъячихъ Тайнаго Приказа и по случаю рожденья царевича Симеона Алексѣевича получилъ 5 апрѣля денежное награжденіе 12 рублей вмѣстѣ съ прочими своими товарищами, такими же подъячими *). Необходимо замѣтить, что соотвѣтственно значенію этого Приказа, какъ собственной, кабинетной канцеляріи Государя, въ подъячіе въ эту канцелярію выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, ибо тѣмъ же подъячимъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ,—его тайныхъ дѣлъ, исполняемыхъ помимо опубликованія ихъ въ думѣ, какова напр. была его переписка съ воеводами, съ послами, Ордынымъ Нащокинымъ и другими близкими лицами, къ которымъ грамоты царя возили обыкновенно подъячіе этого Приказа. Затѣмъ на нихъ же возлагалось исполненіе разныхъ порученій по домашнимъ дѣламъ, такъ

*) Въ это время въ Приказѣ подъячими были Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанецъ, Андрей Черново, получавшіе по 16 руб.; Григорій Ключаревъ, Артемій Степановъ, Семенъ Медвѣдевъ, Петръ Кудрявцевъ, по 12 руб.; Иванъ Полянскій, Маркелъ Ваталинъ по 10 р.—Жены подъячихъ, вѣроятно бывшихъ въ посылкѣ, Кирилы Демидова, Порфирья Оловянникова, тогда же получили по 15 р.

щался, не согрѣшивъ предъ народомъ: и азъ слышахъ, — такое лукавство надъ нами творити начинаютъ,—мѣсто гнѣву ихъ далъ: взявши жену и чадъ, убѣжавши, скрылся, рекъ въ себѣ: «лутче ми умрети, нежели соблазнити единаго отъ малыхъ, вѣрующихъ правѣ.» И егда услышалъ, яко ищутъ мя прилѣжно и грамоты посылаютъ по градомъ и друговъ моихъ по Христѣ стали истязовати, приводя въ приказъ, и крѣпити во мнѣ: тогда азъ паки пришелъ самъ свою душу за нихъ положити, а ихъ чтобъ свободили пожаловали. Спамятовалъ азъ Спаса своего слово, еже рече: *Болши сея любве никтожь имать, еже кто душу свою положитъ за други своя.* То мое, свѣты, все повиновение.

ЗАМѢТКА ДЛЯ БІОГРАФІИ СИЛЬВЕСТРА МЕДВѢДЕВА.

Извѣстно, что Семенъ Медвѣдевъ, въ монашествѣ Сильвестръ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей второй половины XVII ст., былъ сначала подъячимъ. Родился онъ въ Курскѣ, — но тамъ ли поступилъ въ это званіе или же подъяческая служба его началась въ Москвѣ, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Современники его засвидѣтельствовали только, что «родомъ бѣ отъ града Курска и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій;» что служилъ онъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ (слѣдов. въ Москвѣ) вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Шакловитымъ, въ одномъ чинѣ и имени. Но когда все это было, въ какихъ именно годахъ, современники не упоминаютъ, по простой и очень понятной причинѣ, потому что для ихъ цѣлей вовсе не были важны и даже нужны такія подробности. Имъ необходимо было только обличить его въ отступничествѣ отъ православія и въ еретичествѣ.

Позднѣйшіе описатели его жизни, затрудняясь скудостью свѣдѣній, вдавались по необходимости въ предположенія, невсегда вѣрныя. Митр. Евгеній говоритъ, что Медвѣдевъ сначала служилъ подъячимъ въ Курскѣ, а потомъ уже въ Москвѣ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Г. Сахаровъ свидѣтельствуетъ, что онъ «служилъ подъячимъ въ Губной избѣ, въ Курскѣ, состоявшей тогда въ вѣдомствѣ Приказа Тайныхъ Дѣлъ.» Преосв. Филаретъ Харьковскій, Курскую и Московскую службу Медвѣдева совокупляетъ въ одно, говоря, что Медвѣдевъ «вмѣстѣ съ извѣстнымъ Шакловитымъ былъ *Курскій подячій* (?) въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ.»

Изъ предположеній позднѣйшихъ біографовъ выясняется также и то, что Медвѣдевъ, весьма наклонный къ книжному ученію, чтобы сво-

бодиѣе заниматься книгами, перемѣнилъ мірское званіе подъячаго на монашество. М. Евгеній замѣчаетъ между прочимъ: «одаренъ будучи остротою ума и отъ природы даромъ краснорѣчія, притомъ начитавшись разныхъ книгъ, онъ почувствовалъ въ себѣ склонность къ духовному званію и постригся въ монашество, а наконецъ былъ строителемъ и настоятелемъ московскаго Заиконоспасскаго монастыря. Въ Москвѣ онъ познакомился съ извѣстнымъ ученымъ іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ и былъ его въ словесности ученикомъ.» Самый осторожный и внимательный изслѣдователь жизни Медвѣдева и первый цѣнитель его ученыхъ трудовъ, г. Ундольскій говоритъ: «Должность и занятія подъячаго въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ видно не нравились Медвѣдеву. Полюбивъ науки, онъ пожелалъ—«устраниться міра и его молвы.» Въ 1670 годахъ, еще бывши бѣльцомъ, Медвѣдевъ съ Молченскимъ игуменомъ Софроніемъ былъ въ Москвѣ, познакомился съ тамошними учеными и въ особенности съ Симеономъ Петровскимъ Ситіановичемъ Полоцкимъ.» Вотъ тѣ соображенія, какія могли явиться сами собою при голомъ сказаніи о подъячествѣ Медвѣдева.

Для пополненія скудныхъ свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго и несчастнаго лица, сообщимъ здѣсь нѣсколько данныхъ, случайно намъ встрѣтившихся при пересмотрѣ приходо-расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа. Свѣдѣнія эти оффиціальныя и потому несомнѣнныя. Открывается, что въ 1665 году Медвѣдевъ находился уже въ числѣ подъячихъ Тайнаго Приказа и по случаю рожденья царевича Симеона Алексѣевича получилъ 5 апрѣля денежное награжденіе 12 рублей вмѣстѣ съ прочими своими товарищами, такими же подъячими *). Необходимо замѣтить, что соотвѣтственно значенію этого Приказа, какъ собственной, кабинетной канцеляріи Государя, въ подъячіе въ эту канцелярію выбирались люди способные и, главное, испытанной честности и преданности, ибо тѣмъ же подъячимъ очень часто поручалось отъ царя исполненіе самыхъ близкихъ ему дѣлъ,—его тайныхъ дѣлъ, исполняемыхъ помимо опубликованія ихъ въ думѣ, какова напр. была его переписка съ воеводами, съ послами, Ордынымъ Нащокинымъ и другими близкими лицами, къ которымъ грамоты царя возили обыкновенно подъячіе этого Приказа. Затѣмъ на нихъ же возлагалось исполненіе разныхъ порученій по домашнимъ дѣламъ, такъ

*) Въ это время въ Приказѣ подъячими были Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанецъ, Андрей Черново, получавшіе по 16 руб.; Григорій Ключаревъ, Артемій Степановъ, Семенъ Медвѣдевъ, Петръ Кудравцевъ, по 12 руб.; Иванъ Поляевскій, Маркелъ Ваталинъ по 10 р.—Жены подъячихъ, вѣроятно бывшихъ въ посылкѣ, Кирилы Демидова, Порфирья Оловянникова, тогда же получили по 15 р.

что они по необходимости становились ближайшими наблюдателями всѣхъ, такъ сказать, кабинетныхъ отношеній государя. Все это, разумѣется, требовало значительной осторожности въ выборѣ молодыхъ людей на службу въ Тайный Приказъ и, если молодой Медвѣдевъ попадаетъ въ число подъячихъ въ тайныхъ дѣлахъ царя, то одно уже это обстоятельство служитъ достаточнымъ удостовѣреніемъ, что если не особыя дарованія, то испытанный нравъ его вызвалъ [illegible] такой выборъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что и умственныя дарованія отличали его даже отъ товарищей.

Въ томъ же 1665 году онъ вступаетъ въ школу, учившую по латыни и грамматикѣ, школу, [illegible], можетъ быть, [illegible] при царѣ [illegible], что есть [illegible] и [illegible], [illegible] съ особенною [illegible].

Въ [illegible] Тайнаго Приказа [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

онъ находится еще въ числѣ подъячихъ; въ это число ему выданъ былъ годовой окладъ жалованья на 178 годъ всего 22 рубли *).

Теперь о знакомствѣ Медвѣдева съ Полоцкимъ. Мы уже знаемъ, что по крайней мѣрѣ осенью 1665 г. онъ поступилъ въ школу учиться по латинямъ и граматики, что школа была вновь построена въ Заиконоспасскомъ монастырѣ по царскому повелѣнію, на деньги Тайнаго Приказа, т. е. на собственныя кабинетныя деньги государя. Кто жь былъ учителемъ въ этой школѣ, латинской, какъ видно? Хотя и нѣтъ прямыхъ положительныхъ указаній на то, что учителемъ въ этой школѣ былъ знаменитый Полоцкій, однако по нѣкоторымъ соображеніямъ почти нельзя въ томъ сомнѣваться. Полоцкій, по собственному его свидѣтельству, прибылъ въ Москву въ 1664 г. т. е., незадолго до учрежденія школы*). Онъ прибылъ, по всему вѣроятію, по вызову самаго царя, узнавшаго его лично, еще во время своихъ бѣлорусскихъ походовъ. Много вѣроятнаго, что сначала онъ поступилъ учителемъ къ десятилѣтнему царевичу Алексѣю Алексѣевичу, котораго ученіе впервые въ Московскомъ дворцѣ было ведено по системѣ тогдашней школьной науки, именно путемъ *ученія граматичнаго*, какъ на славянскомъ, такъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ. *Для ученія по латинямъ*, можетъ быть, и избранъ къ царевичу іеромонахъ Симеонъ Полоцкій. По прибытіи въ Москву, Полоцкій поступаетъ прямо въ Верхъ, т. е. во Дворецъ и содержится съ своими челядинцами и даже съ собственными лошадьми на *дворцовый* счетъ. Вся остальная жизнь его въ Москвѣ проходитъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ ко дворцу и къ царскому семейству. Можно сказать, что онъ былъ придворнымъ ученымъ и первымъ у насъ придворнымъ стихотворцемъ.

Вѣроятность же, что онъ былъ учителемъ царевича Алексѣя Алексѣевича (а потомъ уже и Ѳедора) можетъ раскрываться въ слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Въ 1667 году царевичу Алексѣю исполнилось 13 лѣтъ, онъ былъ всенародно и торжественно *объявленъ* наслѣдникомъ престола. Когда въ честь этого радостнаго всенароднаго событія царь давалъ во дворцѣ, 7 сентября, почетный торжественный столъ, то на обѣдѣ въ числѣ другихъ оффиціальныхъ лицъ находился и *учитель старецъ*

*) Въ 1666 г. онъ получалъ 20 р. Тогда въ Приказѣ подъячими были Юрій Никифоровъ, Ѳедоръ Казанецъ, Андрей Чорново, получавшіе по 25 р.; Григорій Ключаревъ, Кирила Демидовъ, Артемій Степановъ, Семенъ Медвѣдевъ, Артемій Аѳанасьевъ по 20 р; Иванъ Полянскій, Перфирій Оловянниковъ, Петръ Кудрявцовъ по 15 р., Маркелъ Ватолинъ 12 р. — Въ 1670 г. къ этимъ именамъ прибылъ Еремей Полянскій, самый младшій по порядку, поступившій вѣроятно на мѣсто выбывшаго Кирила Демидова, котораго въ спискѣ уже не значится.

Симеонъ, какъ отмѣчено въ современной запискѣ *), сидѣвшій даже *въ особомъ столѣ* въ близости отъ государя, по лѣвую сторону государева мѣста или трона. Этотъ старецъ Симеонъ былъ никто другой, какъ іеромонахъ Симеонъ Полоцкій; и можно догадываться, что потому онъ и удостоенъ былъ чести сидѣть на обѣдѣ объявляемаго всенародно царевича, за особымъ столомъ и притомъ съ именемъ *учителя*, что въ дѣйствительности былъ его учителемъ и призванъ былъ оффиціально торжествовать государственный праздникъ своего ученика. Послѣ стола Полоцкій говорилъ государю рѣчь, сочиненную, вѣроятно, на прославленіе и поучительное изъясненіе этого случая, за что 16 сентября получилъ въ награду атласную соболью шубу. Въ расходной книгѣ Казеннаго Приказа подъ этимъ числомъ 1667 года записано между прочимъ: «Учителю старцу Семіону Полотцкому 10 аршинъ отласу зеленаго по двадцати по шести алтынъ по 4 денги аршинъ; да емужъ велѣно дать исподъ соболей въ 60 рублевъ, и ему данъ сорокъ соболей въ 60 рублевъ; а пожаловалъ государь его по своему государеву именному указу для того, въ нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 7 день, былъ у великаго государя у стола въ Грановитой Полатѣ и великому государю говорилъ рѣчь» **). Награда въ 67 рублей за одну только рѣчь слишкомъ значительна по тому времени и по сравненію съ другими подобными наградами. Безъ сомнѣнія, сюда же входило и вознагражденіе за труды по учительству, по крайней мѣрѣ другіе учителя при началѣ или въ концѣ ученья получали всегда точно такія же награды.

Такъ *учителю* царевича Ѳедора Алексѣевича *Аѳонасью Ѳедосѣеву* дано 3 мая 1667 года, когда царевичу было шесть лѣтъ и, вѣроятно, онъ только что выучился грамотѣ, а, можетъ быть, только еще садился учиться, сорокъ соболей въ 50 рублевъ да камки вишневой травной 10 аршинъ. Ему же въ 1669 году іюля 1, сорокъ соболей въ туже цѣну и 10 аршинъ камки таусинной хрущатой травы куфтерныя. Другому учителю царевича Ѳедора, Посольскаго Приказа подъячему Панфилу Тимофееву***) государь пожаловалъ въ 1670 г. ноября 21, *какъ царевича посадили учить писать*,—сорокъ соболей въ 60 рублевъ да камку кармазинъ зеленой мѣрою 10 аршинъ.

Какъ бы то ни было, мы теперь знаемъ, что Полоцкій во дворцѣ въ 1667 году носилъ титулъ *учителя*.—Царевичъ Ѳедоръ, какъ видно изъ приведенныхъ сейчасъ записокъ, имѣлъ уже учителя Аѳонасья Ѳедосѣева, учившаго его, вѣроятно, грамотѣ, такъ какъ другой учи-

*) Записка дневанью, 176 года, въ государственномъ архивѣ М. И. Д.

**) Въ Архивѣ Оруж. Палаты, № 384.

***) По фамиліи *Бѣлянинова*. Исторія Россіи, г. Соловьева, Т. XIII, стр. 187.

тель Панфилъ Бѣлянинов училъ его только писать, для чего и взятъ былъ изъ Посольскаго Приказа, гдѣ старинная каллиграфія процвѣтала, какъ необходимая потребность службы въ этомъ Приказѣ. Притомъ, какъ мы замѣтили, въ 1667 г. царевичу Ѳедору было всего только шесть лѣтъ. Едва ли начальное ученіе грамотѣ могло быть поручено ученому старцу Симеону, который съ большею пользою могъ заниматься *по латинѣ* и другими науками съ старшимъ царевичомъ Алексѣемъ, разстроившимъ даже свое здоровье отъ прилежнаго ученья, такъ что самая смерть его, какъ думали лѣкаря, послѣдовала отъ сидячей жизни. Можетъ быть, Полоцкій поступилъ въ учителя къ царевичу Ѳедору по смерти царевича Алексѣя, въ 1670 году, когда Ѳедору исполнилось 9 лѣтъ—возрастъ, съ котораго грамматичное обученіе началось и для царевича Алексѣя.

По всему вѣроятію Полоцкому же принадлежитъ первая мысль завести латинскую школу для дворцовыхъ подъячихъ. Время устройства этой школы почти совпадаетъ со временемъ его пріѣзда въ Москву. Мы допускаемъ даже, что хоромы, выстроенные для школы въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ какъ извѣстно жилъ и Полоцкій, строены были столько же и для ея учителя, т. е. для самого Полоцкаго. Патріархъ Іоакимъ въ своемъ поучительномъ словѣ свидѣтельствуетъ: «Симіона Полоцкаго ученикъ, его наслѣдникъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, прельстившійся отъ книгъ и писаній и словесъ устаглаголанныхъ учителя своего, онаго Полоцкаго Симеона, *купно бо ся имъ въ единой келліи живяше...*» Эта единая келлія и должна быть упомянутая *школа*, общая для учителя и учениковъ, и если не для всѣхъ, то для одного изъ нихъ подъячаго Приказа Тайныхъ Дѣлъ—Медвѣдева, какъ и отмѣчено въ современной запискѣ (см. выше). Что келлія достаточна была для такого именно помѣщенія, — въ этомъ можетъ удостовѣрить выданная на ея постройку сумма 170 рублей, на которые по тогдашнимъ цѣнамъ можно было выстроить очень помѣстительные хоромы, какъ на самомъ дѣлѣ эта постройка и названа въ оффиціальныхъ запискахъ. Оставаясь подъячимъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ, Медвѣдевъ жилъ въ школѣ съ своимъ учителемъ Полоцкимъ, получа изъ своего же Приказа необходимую сумму на отопленіе и освѣщеніе школьныхъ хоромъ. Безъ сомнѣнія въ этой же школѣ, или вообще при посредствѣ учителя впервые завязано было и близкое знакомство Медвѣдева съ другимъ ученикомъ Полоцкаго, царемъ Ѳедоромъ, который очень расположенъ былъ къ своему товарищу по наукѣ, какъ это видно изъ собственныхъ его писемъ *).

*) Что касается *Ѳедора Шакловитаго*, то онъ былъ взятъ въ подъячіе Тайнаго Приказа въ 1673 году, когда уже Медвѣдева тамъ не было. Подъячими въ

Окончивъ ученіе, Медвѣдевъ тогда только и почувствовалъ необходимость перейдти въ монашество, ибо, какъ умный и дальновидный человѣкъ, очень хорошо понималъ, что такое удаленіе отъ міра и его молвы гораздо вѣрнѣе и скорѣе можетъ приблизить его къ тому независимому положенію въ мірѣ, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарованія.

Ив. Забѣлинъ.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ ДЛЯ ИСТОРІИ СТОГЛАВА И ЕГО ВРЕМЕНИ.

Можно надѣяться, что по поводу изданій Стоглава въ нашей литературѣ явится не мало замѣчаній, толковъ, а можетъ быть и цѣлыхъ изслѣдованій и о Стоглавѣ и о временахъ Стоглава. Надобно желать только, чтобъ изслѣдованія и разсужденія нашихъ ученыхъ и литераторовъ о Стоглавѣ отличались той серіозностью и обстоятельностью, какихъ именно заслуживаетъ этотъ замѣчательный памятникъ старины, а не походили, напр., на то безобразное и жалкое фразерство, которымъ въ видѣ предисловія г. Кожанчиковъ украсилъ свое не менѣе жалкое, хотя очень благообразное изданіе Стоглава. Говоря же о Стоглавѣ, нельзя будетъ не обратить особеннаго вниманія и на предсѣдателя Стоглавнаго собора митрополита Макарія. Опять нельзя не пожелать, чтобъ было сказано основательное слово о дѣятельности этого знаменитаго пастыря древней Руси. Макарій ждетъ своего историка, которому, нельзя не сознаться, предстоитъ трудъ обширный и нелегкій, потому что дѣятельность Макарія обнимаетъ собою цѣлую эпоху, весьма замѣчательную, особенно въ исторіи русской церкви и духовнаго развитія русскаго народа. Имѣя въ виду эти будущіе труды, какъ любопытный матеріалъ для нихъ, печата-

---

этомъ году были: Герасимъ Бовыкинъ, Михаилъ Воиновъ, Артемій Волковъ, Назаръ Шишкинъ, Андрей Озеровъ, Гаврила Деревнинъ; взяты вновь: Ѳедоръ *Шокловитой*, Герасимъ Протасовъ, Иванъ Невѣжинъ, Григорій Гавриловъ. Въ тотъ же 1673 году 4 октября государь оказалъ оклады имъ учинить, между прочимъ, Шокловитому: денегъ въ годъ 22 р., хлѣба 22 чети ржи, овса тожъ. Семенъ Медвѣдевъ, какъ выше замѣчено, получалъ тоже 22 р.; это ведетъ къ предположенію, не поступилъ ли Шакловитый на мѣсто выбывшаго тогда Медвѣдева, почему и былъ верстанъ его же окладомъ?

емъ ниже одинъ памятникъ литературной и пастырской дѣятельности митрополита Макарія, памятникъ доселѣ неизвѣстный, — по крайней мѣрѣ намъ не случалось встрѣтить нигдѣ на него указаній. Это—«отвѣтъ» м. Макарія, въ видѣ посланія къ царю Ивану Васильевичу, «о недвижимыхъ вещахъ церковныхъ».

Когда и по какому поводу писанъ былъ этотъ «отвѣтъ», изъ нихъ указаній ни въ самой статьѣ, ни въ рукописи, изъ которой ее заимствуемъ (быв. Волок. библ. № 522), не находится. Можно предполагать, что составленіе его было въ связи съ занятіями Стоглавнаго собора. Въ предварительныхъ бесѣдахъ съ м. Макаріемъ о разныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ «поизшатавшихся», о различныхъ чинахъ «порушенныхъ» и требовавшихъ исправленія, или утвержденія, царь Иванъ Васильевичъ, быть можетъ, выразилъ ему мысль и объ отобраніи отъ монастырей имѣній, на дурное управленіе которыми онъ жаловался и на соборѣ. Мысль же о неприличіи монастырямъ владѣть имѣніями была не новою во времена Грознаго. Послѣ Нила Сорскаго и Іосифа Волоколамскаго, вопросъ о имѣніяхъ монастырскихъ поднятъ былъ и рѣшенъ не въ пользу монастырей знаменитымъ Максимомъ Грекомъ, который во время Стоглавнаго собора былъ еще живъ и съ сочиненіями котораго Иванъ Васильевичъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ хорошо. Митрополитъ Макарій со всею силою пастырской ревности возсталъ противъ мысли Ивана Васильевича о лишеніи монастырей и церквей жалованныхъ имъ разными благотворителями имѣній. Мнѣніе свое онъ изложилъ въ особомъ посланіи къ царю. Быть можетъ, это рѣшительно и твердо выраженное мнѣніе и было причиною, что на соборѣ вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ предложенъ былъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ иной, смягченной формѣ. Объ отобраніи церковныхъ имуществъ въ немъ нѣтъ и рѣчи; царь поставляетъ на видъ собору только дурное управленіе монастырскими имуществами, да неумѣренную заботливость монастырей объ умноженіи имуществъ, чѣмъ докучали и ему (См. въ 5 гл. Стогл. 15 цар. вопр.). Въ отвѣтѣ «о вотчинахъ и купляхъ, которыя боголюбцы давали святымъ церквамъ» соборъ сдѣлалъ постановленіе о прекращеніи безпорядковъ въ управленіи имѣніями и о томъ, чтобъ монастыри, достаточно обезпеченные, «впредь благочестивому царю не стужали и излишняго не просили и угодій не припрашивали: и такъ де у меня царя понимали много по всѣмъ монастырямъ, а братіи во всѣхъ монастырехъ по старому, а нынѣ и стараго меньше», и проч. (Стогл. 75 гл.) [1]). Но достойно замѣчанія, что, сдѣлавъ такія распо-

[1]) Приводимъ эти слова по рукописи (быв. Волок. № 517), о которой считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе для занимающихся изслѣдованіями о Стоглавѣ

ряженія, прямо соотвѣтствовавшія царскому вопросу, соборъ въ томъ же самомъ отвѣтѣ гораздо полнѣе и съ особенной силой раскрываетъ мысль о неприкосновенности данныхъ церквамъ и монастырямъ имѣній, за отнятіе и расхищеніе которыхъ угрожается страшнымъ прещеніемъ не только духовнымъ и мірянамъ простымъ, но и *самымъ царемъ и вельможамъ*; еще полнѣе и рѣшительнѣе, съ указаніями церковныхъ правилъ и постановленій, раскрывается таже мысль въ отвѣтѣ «о святительскомъ судѣ», хотя ни здѣсь ни тамъ вопросы царя къ тому не вызывали. Не было ли все это направлено именно противъ прежде выраженной Иваномъ Васильевичемъ мысли объ отобраніи имуществъ отъ монастырей, хотя на соборѣ онъ уже не дѣлалъ объ ней никакого напоминанія. Предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что въ томъ и другомъ отвѣтѣ соборномъ приводятся тѣже самые доводы въ защиту неприкосновенности церковныхъ имуществъ, тѣ же соборныя правила, тѣ же заповѣди царскія, и встрѣчаются тѣ же самыя выраженія, что̀ и въ посланіи м. Макарія къ царю Ивану Васильевичу «о недвижимыхъ вещехъ, вданныхъ Богови». Да и самое заглавіе посланія: «*отвѣтъ* отъ божественныхъ правилъ» и проч., не указываетъ ли именно на связь этого памятника съ дѣяніями Стоглавнаго собора, на которомъ были предложены царемъ вопросы и даны святителями отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ?

Но предлагаемый «отвѣтъ» м. Макарія заслуживаетъ вниманія и самъ по себѣ, независимо отъ отношенія его къ Стоглавному собору. Въ «Днѣ» былъ поднятъ вопросъ о церковныхъ имуществахъ, по поводу пресловутой статьи г. Чистовича о митрополитѣ ростовскомъ Арсеніѣ. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы исторически прослѣдить,

---

Это сборникъ in 4°, несомнѣнно принадлежащій къ XVI в. Кромѣ характера письма, въ этомъ удостовѣряетъ надпись: «книга черница Васьяна Фатѣева ученика, отъ правилъ избраніе»: а Фотій былъ ученикъ Касьяна Босова, современника и сподвижника пр. Іосифа. Послѣдніе листы сборника (187—219) заняты выписками изъ Стоглава,— именно выписаны: гл. 49, 50, 51, 52, 75, 76, 66, 67, 68 и изъ 41 гл. 31 пар вопр. Такой выборъ не лишенъ значенія. Въ Казанскомъ изд. Стоглава на стр 258 помѣщена весьма любопытная грамота м. Макарія въ Симоновъ монастырь, отъ іюля 1551 г., извѣщающая о опредѣленіяхъ Стоглавнаго собора. У грамоты приписка: «да съ тою же грамотой послати *по монастыремъ* поученіе *главы истов же соборные книги* выписати, глава 49, гл. 50»... словомъ, тѣ самыя главы, которыя помѣщены въ Волокол. сборникѣ. Надобно думать, что современный Стоглавному собору писецъ внесъ ихъ въ свой сборникъ именно тогда, когда онѣ съ подобной же грамотой м. Макарія были присланы и въ Волоколамскій монастырь. Вотъ новое свидѣтельство о подлинности Стоглава, если только есть еще нужда въ такихъ свидѣтельствахъ.

какъ смотрѣла на этотъ вопросъ русская церковь и какъ рѣшала его въ разное время, мнѣніе столь знаменитаго святителя, какъ м. Макарій, составитъ, безъ сомнѣнія, весьма важный матеріалъ, который между прочимъ показываетъ и то, отступилъ ли Арсеній Мацѣевичъ въ своемъ протестѣ отъ исконнаго взгляда православной русской церкви на неприкосновенность монастырскихъ и церковныхъ имѣній.

Н. С—нъ.

Іюль 1863 г.

Отвѣтъ Макарія митрополита всея Росіи отъ божественныхъ правилъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ седми соборовъ, и помѣстныхъ, и особосущихъ святыхъ отецъ, и отъ заповѣдей святыхъ православныхъ царей, къ благочестивому и христолюбивому и боговѣнчанному царю, великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи самодержцу, о недвижимыхъ вещехъ, данныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ.

Слыши и внемли, о боголюбивый и премудрый царю, и разсудивъ царскы, душеполезная и вѣчная изберн; а тлѣнная и мимотекущая мира сего ни въ чтожъ, царю, полагай; зане преходна суть; но едина добродѣтель и правда пребываетъ въ вѣкы.

Отъ прваго благочестиваго и равноапостольнаго святаго царя Константина греческаго, и всѣ благочестивыя царн греческыя, и до послѣдняго благочестиваго царя Константина греческаго, ни единъ отъ нихъ не смѣлъ дрзнути, или двинути, или взяти отъ святыхъ церквей и монастырей данныхъ и взложенныхъ Богови и пречистой Богородици, въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, церковнаго имѣнія недвижимыхъ вещей, завѣсъ, и сосудъ, и книгъ, и непродаваемыхъ вещей, рекше: села, нивы, земли, винограды, сѣножати, лѣсъ, борти, воды, озеро, источници, пажити и прочая данная Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, бояся отъ Бога осуженіа и отъ св. апостолъ, и отъ св. отецъ седми соборовъ, и св. отецъ помѣстныхъ и особь сущихъ страшныя и грозныя и великіа ради заповѣди. Тамо бо святымъ Духомъ взгласиша святіи отцы: аще кій царь, или князь, или инъ, въ каковомъ сану ни буди, всхытитъ или взметъ отъ святыхъ церквей, или отъ святыхъ монастырей взложенныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, отъ недвижимыхъ вещей, таковіи бо по божественнымъ правиломъ отъ Бога аки святотатцы осуждаются, а отъ святыхъ отецъ подъ вѣчною клятвою да суть. И того ради всѣ пра-

вославныя цари, боися Бога и св. отецъ заповѣди, не смѣли двинути отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. И не токмо не взимаша, но и сами благочестивыя цари святымъ церквамъ и монастыремъ села, и виногради, и прочая недвижимыя вещи подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ съ писаніемъ и съ великимъ утвержеміемъ и съ златыми печатьми царства своего, боися Бога и заповѣди святаго и равноапостольнаго нраго благочестиваго великаго царя Константина. Тако бо онъ, святымъ Духомъ просвѣщенъ и наставленъ, духовную заповѣдь, царскою своею рукою подписавъ и страшными и велелѣпными клятвами утвердивъ, въ раку святаго врховнаго апостола Петра положивъ, и тако взгласи всему тому непоколебиму и недвижиму быти отъ всѣхъ православныхъ царей и отъ всѣхъ князей и вельможъ по всей вселенней и до скончанія міру. И толико почте блаженнаго папу Селивестра и по немъ всѣхъ святителей почитати по всей вселенней повелѣ.

Понеже бо той блаженный папа на вѣнцѣ главнаго постриженія знаменіе створи, егоже чести ради блаженнаго Петра имѣетъ, не всхотѣ златымъ вѣнцемъ носити; мы же покрывалу его главному о семъ бѣлымъ видомъ свѣтлое воскресенье господне начертавше, на честную главу его своима рукама положихомъ; бразде коня его своима рукама держаще ради чести блаженнаго Петра конюшьскимъ саномъ дахомся ему. Повелѣваемъ того же чина и обычаи всѣмъ, иже по немъ, святителемъ всегда творити въ поѣздѣхъ своихъ по подобію царства нашего. Тѣмже ради сего постриженнаго знаменія врховнаго святительскыя главы, да не мнитъ кто се постриженіе худо быти и безчестно. Но паче земнаго царства саномъ, и славою, и силою украшати подобаетъ. Но и Рымскаго града, и всей Италіи, и западныя власти и мѣста и земли и грады сему же, ижъ многажды предреченному, блаженному отцу нашему Селивестру, сборному папѣ предающе и отступающеся ему и всѣмъ иже по немъ бываемымъ святителемъ, и въ всей вселенней, идѣже православная наша вѣра обдержитъ, владѣніе и судъ держитъ, ради божественнаго и нашего сего сдѣланнаго утвержения повелѣваемъ устрояти правду святой сей церкви Римской подлежащей пребываема подаваемъ бывати. Тѣмже пригодно судихомъ, нашего царства причетъ къ восточнымъ странамъ премѣстити града Византійскаго, чуднаго и красивѣйшаго мѣста, въ свое имя градъ создатъ и тамо царство свое вдрузити. Идѣже бо священническое начало и власть.... (и т. д. до конца, какъ приводится въ Стогл. гл. 60., по казан. изд., стр. 270—274).

И того ради всѣ православныя цари, бояся Бога и св. отецъ заповѣди и заповѣди великаго царя Константина, не смѣли двинути отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ; и не токмо не взяша, но и сами благочестивіи цари святымъ церквамъ и монастыремъ села и виногради и прочіа недвижимыя вещи подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, съ писаніемъ и съ великимъ утвержеміемъ и съ златыми печатьми царства своего. И всѣ тѣ православныя цари и до скончанія греческаго царства съ святѣйшими папами и съ пресвятѣйшими патріархы и съ пресвященными митрополиты и съ всѣми святители и съ святыми отцы на всѣхъ седми сборѣхъ сами быша и божественными правилы и царскыми законы утвердиша и страшными и велелѣпными клятвами седмью соборы запечатлѣша, съ царскымъ подписаніемъ, и уставиша всему тому ни отъ когоже неподвижну быти и до скончанія вѣка; и на обидящихъ святыя церкви и святыя монастыри всѣ православныя цари съ святители крѣпко стояху и поборахъ царскы и мужескы, и никому же попустиша вданныхъ Богови и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ, освященныхъ и вданныхъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, прикасатися, или поколебати недвижимыхъ вещей и до скончанія міру.

Такоже и въ нашемъ благочестивомъ и христолюбивомъ россійскомъ царствіи, отъ прваго благочестиваго и равноапостольнаго святаго прадѣда твоего, великаго князя Владиміра кіевскаго и всея Русіи, и сына его благочестиваго великаго князя Ярослава и всѣхъ твоихъ святыхъ прародителей и до твоего христолюбиваго царства, ни единъ же отъ нихъ не смѣлъ дрзнути или двинути, или взяти отъ святыхъ церквей и монастырей вданныхъ и взложенныхъ Богови и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ церковнаго имѣнія недвижимыхъ вещей, потому же, якоже и прочіа православныя цари греческыя, бояся отъ Бога осужденія и отъ св. апостолъ и св. отецъ седми соборовъ, помѣстныхъ и особь сущихъ, страшныя и грозныя и великыя предреченныя заповѣди и клятвы. Тако бо они святымъ Духомъ возгласиша святіи отцы: аще кій царь, или князь, или янъ, въ какомъ сану ни буди, всхытитъ или взметъ отъ святыхъ церквей или отъ святыхъ монастырей взложенныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ отъ недвижимыхъ вещей, таковыи по божественнымъ правиломъ отъ Бога аки святотатци осуждаются, а отъ святыхъ отецъ подъ вѣчною клятвою да суть [1]). И того ради всѣ православніи цари греческіи и русскые цари, прародители твои, бояся

[1]) Правило это буквально приводится въ 63 гл. Стоглава, въ концѣ завѣщанія в. к. Владиміра. См. по Казан. изд. стр. 285—286.

отъ Бога и отъ св. отецъ заповѣди, не смѣли двигнути отъ святыхъ церквей и отъ св. монастырей недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, и до днешняго дни; не токмо отъ св. церквей вданныхъ Богова не взимати, но и сами святымъ церквамъ и монастыремъ недвижимыя вещи, села, и винограды и прочіа недвижимыя вещи безчислено подаваху въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ. Якоже и прадѣдъ твой, святый и равноапостольный князь великій Владимеръ кіевскій и всеа Русіи толику вѣру къ Богу показа и къ святымъ церквамъ веліе тщаніе, изъ всего царства своего по всей руской земли десятую часть даде святѣй церкви и отдѣли святѣйшимъ митрополитомъ кіевскимъ и всеа Русіи. Тамо бо въ своемъ царскомъ завѣщаніи и законоположеніи написа сице: (Слѣдуетъ завѣщаніе Владиміра, составляющее 63 гл. Стоглава, по Казан. изд. стр. 280—285; но здѣсь оно приводится все до конца)... Да будутъ проклати въ сей вѣкъ и въ будущій отъ седми соборовъ святыхъ отецъ вселенскихъ. А се о десятинахъ. Отъ всего княжа суда десятая вѣкша, и съ торгу десятая недѣля, и отъ даней, отъ виры и изъ всего схода и прибытка, и отъ лова княжа и отъ всякаго стада, и отъ всякаго жита десятое въ соборную церковь епископу. Царь или князь въ девятихъ частѣхъ, а церкви соборная въ десятой части. Основаніа же инаго никтожъ можетъ положити, паче лежащаго сего, и да вси сужаютъ на семъ основаніи. Иже кто разсыплетъ храмъ божій, разсыплетъ того Богъ, церкви бо божіа свята есть. И аще кто измѣнитъ святый сей уставъ отчскый, грѣхъ и горе себѣ наслѣдуетъ. Аще пообидитъ судъ церковный, платити ему собою, а предъ Богомъ томуже отвѣтъ вздати на страшнемъ судѣ предъ тмами ангелъ, идѣже когождо дѣла открываются явѣ, благая или злая, идѣже не поможетъ никтоже никомуже, но токмо правда и добрая дѣла; тѣмъ избавитися второй смерти, рекше вѣчныя муки и прещеніа неспасеннаго геоньскаго огня. Сдржаще истину въ неправдѣ, о тѣхъ глаголетъ Господь: огнь ихъ не угаснетъ и червь ихъ не умретъ. Створшимъ же благая жизнь вѣчная и радость неизреченная; а створшимъ злая, рекше неправедно судившимъ и лукавно, неизмолимъ судъ обрѣсти. Аще кто уставленіе мое порушастъ, или сынови мои, или внуци мои, или отъ рода моего, или отъ князь, или отъ бояръ кто аще порушатъ мой рядъ и вступятся въ суды митрополичи, что есми далъ митрополиту отцу своему и епископомъ по правиломъ св. отецъ и по первыхъ православныхъ царей управленію, судивше того казнити по закону. Аще кто имѣтъ судити, преслушавъ насъ, церковные суды, что преданы митрополиту отцу нашему, той станетъ со мною предъ Богомъ на страшномъ судѣ и да будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ.

Такоже и прародитель твой, благочестивый и христолюбивый князь великій Андрей Юрьевичь Боголюбскій заложи въ Володимери и поставя церковь Успеніе пресвятыя Богородица о единомъ врсѣ, и вдаде пресвятѣй Богородици и отцу своему Константину, митрополиту всеа Русіи, и иже по немъ митрополитомъ до вѣка многы имѣніа и слободы и з даньми (съ данями), и села лучшая и дани, и десятину во всемъ, и въ стадѣхъ своихъ, и торгъ десятый во всемъ своемъ царствѣ по томуже, якожъ и прадѣдъ твой святый и равноапостольный князь великій Владиміръ кіевскій и всеа Русіи. И Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцовъ молитвами и святыхъ царей рускихъ, прародителей твоихъ и царскихъ родителей твоихъ святыхъ молитвами и бреженіемъ и твоимъ царскимъ жалованьемъ и бреженіемъ, тѣ всѣ села и слободы и земли съ всѣми угодьи по старинѣ въ дому пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ въ святѣйшей митрополіи русстѣй и до днешняго дни никимъже недвижими и невредими бываютъ; аще и на время отъ злыхъ человѣкъ оскрбляются, но божіимъ милосердіемъ и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ молитвами и вашимъ царскимъ жалованьемъ и заступленіемъ, по святыхъ церквахъ поборающихъ, паки наполняются и николиже истощеваются, занежъ вся сія Богови освященна суть и никтожь можетъ церкви божіа оскорбити, или поколебати, или недвижимая отъ церкви божіа двинути, понеже бо церкви божіа небесъ вышше и твердѣйше и земли ширьше и мори глубочайше и солнца свѣтлѣйши и никтоже можетъ ея поколебати, основана бо бѣ на камени, сирѣчь на вѣрѣ христова закона. Аще и мнози невѣрніи покусишася поколебати, то вси погыбше и ни въ чтоже быша; а и ніи же мнози и отъ нечестивыхъ царей въ своихъ царствахъ отъ святыхъ церквей и отъ святыхъ монастырей ничтожь взимаху и недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути, или поколебати, боася Бога и заповѣди святыхъ отецъ и царскихъ уставовъ древнихъ законоположительныхъ, но и зѣло по святыхъ церквахъ поборяху. Не токмо въ своихъ странахъ, но и въ русскомъ нашемъ царствіи нѣкогда быша сіа, въ лѣта великихъ чудотворцевъ Петра, и Алексѣя, и въ лѣта Михаила, и Ивана, Ѳеогноста, русскихъ митрополитовъ; но и ярлыкы свои тѣмъ святымъ митрополитомъ подаваху на утвержденіе святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ съ великимъ запрещеніемъ, чтобы ни отъ кого не обидимы и не движимы были до скончанія царства ихъ. И донынѣ въ русской митрополіи тѣхъ святыхъ митрополитъ седмь ярлыковъ написаны пребываютъ, отъ нихъ же единъ нынѣ написахомъ, великаго чудотворца Петра, митрополита кіевскаго и всеа Русіи, имуща сице (приводится вполнѣ ярлыкъ хана Узбека, данный святителю Петру).

Коль же паче тебѣ подобаетъ, благочестивый и боговѣнчанный царю, свою царскую вѣру къ Богу показати и веліе тщаніе ко святымъ божіимъ церквамъ и къ святымъ монастыремъ, — не токмо недвижимая взимати, но и самому ти подобаетъ подавати. Якожъ и вси святіи царскые твои прародители и родители подаваху Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, сице и тебѣ, царю, подобаетъ творити царства ради небеснаго, сущу благочестивому и христолюбивому и велеумному царю, великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи самодержцу, пачежъ всѣхъ царей въ вашемъ російскомъ царствіи тебѣ, царю, отъ Бога нынѣ взвышенному и почтенному, единовластному царю, въ всемъ великомъ російскомъ царствіи самодержцу сущу, и вконецъ свѣдущему христовъ законъ евангельскаго ученіа и святыхъ отецъ заповѣди и вся тебѣ божественная писаніа въ конецъ вѣдущу и на языцѣ носящу,—не человѣческымъ бо ученіемъ, но данною ти отъ Бога премудростію. И сего ради, благочестивый царю, подобаетъ тебѣ разсудивъ смотрити и творити полезная и богоугодная. Якожъ и прочіи благочестивіи цари блюди и храни свою царскую душу и свое христолюбивое царство отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. А милость божіа и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ молитва и благословеніе, да и нашего смиреніа благословеніе да есть съ твоимъ христолюбивымъ царствомъ въ вѣкы аминь.

Такожъ и вси святѣйшіи папы, и пресвятѣйшіи вселенстіи патріарси, и пресвященніи митрополити и боголюбивіи архіепископи и епископы, снастольници и спрестольници святыхъ апостолъ, и честныя архимандриты, и богобоязнивіи игумены, и смиреніи мниси, и инози отъ тѣхъ великіа чудотворци быша, и никтожъ отъ тѣхъ створи, или попусти взложенныхъ Богови и вданныхъ святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ въ наслѣдіе благъ вѣчнымъ недвижимыхъ вещей отдати, или продати. И на всѣхъ святыхъ седми сборѣхъ и помѣстныхъ и особосущихъ святыхъ отецъ, Святымъ Духомъ наставляеми св. отци утвердиша и заповѣдаша, и грозными и страшными и великыми клятвами о томъ зѣло взгласиша и запечатлѣша седмью сборы, по даннѣй намъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа, и грому подобно возгласиша сице: аще кто отъ церковнаго имѣніа святыхъ завѣсъ, или святыхъ сосудъ, или святыхъ книгъ, или отъ иныхъ вещей, ихже не подобаетъ продати, или отдати, взложенныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, недвижимыя вещи, рекше села, нивы, винограды, сѣножати, лѣсъ, борти, воды, езера, источници, пажити и прочая, вданная Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, аще кій епископъ, или игуменъ отъ церковныхъ недвижимыхъ вещей продасть, или отдастъ князю земли тоя или инымъ вельможамъ, не

тверду быти проданію, но паки проданная или отданная святѣй церкви въ епископію, или въ монастырь да взвратятся; епископъ же той, или игуменъ, се творя, да изгнанъ будетъ изъ епископьи, а игуменъ изъ монастыря, яко расточивъ злѣ, ихже не сбра; аще ли кто инь отъ священническаго чина суще таковая створитъ, да извргутся; мниси же, или мірстіи человѣцы суще, осуждены отъ Отца и Сына и Св. Духа, да устроени будутъ, идѣже червь не умираетъ и огнь не угасаетъ, яко гласу господню противятся, глаголющему: не творите Отца моего дому купленаго моего.

Тѣмже и вси пресвященніи митрополити русстіи, отъ прваго пресвященнаго митрополита Леона кіевскаго и всея Русіи и до великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя и Іоны, и прочіи митрополити русстіи и до твоего христолюбиваго царства и до нашего смиренія, всѣ боголюбивіи архіепископи и епископи и честныя архимандриты и богобоязнивіи игумени, великіе чудотворцы Сергій, и Кириллъ, и Варлаамъ, и Паѳнутій и прочіи святіи русстіи чудотворцы и смиренніи мниси святыхъ монастырей,—и никтожь отъ тѣхъ створи или попусти взложенныхъ Богови и вданныхъ святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ недвижимыхъ вещей отдати, или продати, по тѣмъ же божественнымъ святымъ правиламъ и по заповѣди всѣхъ святыхъ отецъ седмь сборовъ и помѣстныхъ и особосущихъ святыхъ отецъ.

Коль же паче не подобаетъ мнѣ смиренному, аще и грѣшну и нѣсмь достоинь учительства слову, такого святительскаго сану; но по даннѣй намъ благодати отъ Святаго и животворящаго Духа митрополитъ нарицаюся; той же о мнѣ смиреннѣмъ и недостойнѣмъ всещедрый и человѣколюбивый Богъ обычнымъ своимъ человѣколюбіемъ устрои, имиже судьбами вѣсть самъ, дарова и вручи истинное слово правити ми ради пречистыя матере своея, Богородица мои. И сего ради не могу таковая страшная дрзати, или помыслити отъ взложенныхъ Богови и пречистой Богородици и великимъ чудотворцемъ вданныхъ недвижимыхъ вещей въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, изъ дому пречистыя Богородици и великихъ чудотворцевъ таковая дати, или продати; не буди того и до послѣдняго нашего издыханіа, и избави всѣхъ насъ всесильный Боже и схрани насъ отъ таковаго законопреступленіа, и не попусти тому быти нетокмо при насъ, но и по насъ, до скончаніа вѣка, за молитвъ пречистыя твоея Матере, нашея Богородица, и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, аминь,

И сего ради не всхитись удивленіемъ о томъ, о боголюбивый царю, нижъ ласканіа вещь помысли. Якожь бо святіи отци Святымъ Духомъ уставиша и заповѣдаша и седмью сборы запечатлѣша намъ

хранити, аще и мы мрствуемъ и храним и до послѣдняго своего издыханія. Человѣцы бо есмы; плаваемъ въ многомлвенномъ семъ морѣ; впредь что будетъ намъ, не вѣмы; зане хотящая быти не явлено всѣмъ человѣкомъ: но токмо боятися намъ подобаетъ небеснаго серпа, егоже видѣ Захарія пророкъ сходяща съ небесе, в долготу двадесять сяженей, а в широту десять саженъ, на обидящихъ и неправеднѣ судящихъ и кленущихся именемъ Божіимъ во лжу. И сего ради боюся. Егда рукополагахся, сирѣчь поставляхся въ святительскый санъ, и тогда посреди священнаго сбора въ святѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви предъ Богомъ, и предъ всѣми небесными силами, и предъ всѣми святыми, и предъ тобою благочестивымъ царемъ, и предъ всѣмъ синклитомъ, и предъ всѣмъ народомъ кляхся судовы и законы и оправданіе наше хранити, елика наша сила, и предъ цари за правду не стыдитись; аще и нужа будетъ ми отъ самаго царя, или отъ вельможъ его, что повелятъ ми говорити кромѣ божественныхъ правилъ, не послушати ми ихъ, но аще и смертью претятъ, то никакожъ ни послушати ихъ. И сего ради бояхся, глаголю ти, благочестивый царю, и молю твое царское величьство, останися, государь, и не створи такова начинаніа, егоже Богъ не повелѣваетъ вамъ, православнымъ царемъ, таковая творити, но и вси святіи его взбраниша вамъ, православнымъ царемъ, и намъ архіереомъ священными правилы зѣло запретиша и запечатлѣша седмью соборы по данѣй имъ благодати отъ святаго и животворящаго Духа. И того ради молимъ твое царское величьство и много съ слезами челомъ біемъ, чтобы еси, царь и государь князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Русіи самодержецъ, по тѣмъ божественнымъ правиломъ у пречистой Богородици и у великихъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ взяти. А милость божіа и пречистыя Богородица и великихъ чудотворцевъ молитва и благословеніе да и нашего смиреніа благословеніе да есть всегда съ твоимъ христолюбивымъ царствомъ, въ многые роды и на вѣкы, аминь.

ЗАМѢТКА ДЛЯ ИСТОРІИ СТОГЛАВА.

Въ полууставномъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Волоколамскому монастырю (№ 566, л. 218 — 219 об.), а теперь хранящемся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, находится небольшая статья, въ которой неизвѣстный русскій архипастырь замѣтилъ нѣсколько церковныхъ «неисправленій», ставшихъ впослѣдствіи однимъ изъ предметовъ обсужденія на Стоглавомъ соборѣ 1551 года. Статья называетъ 16 «неисправленій» и притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно указываютъ, что составитель ея участвовалъ въ Стоглавомъ соборѣ и предложилъ на его усмотрѣніе замѣченные имъ безпорядки. Чтобы видѣть отношеніе этой статьи къ Стоглаву, мы печатаемъ ее буквально и указываемъ въ выноскахъ параллельныя ей мѣста въ Стоглавѣ [1]. Статья не имѣетъ заглавія и читается такимъ образомъ:

Бжьею блгтию и пртыя бцы помощию. ѡбрѣто ко истинѣи ѡбласти многая неисправлениа. иже е неугоно бгоу и неполезно дши и прьвое въ православнои вѣре, кртное целование на кривѣ и на правѣ[2]. второе и в шютка кленоуса имене бжїи[3]. трее ѡбразы бжьи мастеры иконные[4] не по ѡбразу пишоу и поклонаются и. а на собор не приноса[5]. д і. мастеры книжные написа книгу не исправливают и служа по ни[6]. е.е в ки-

---

[1] Не придавая никакого ученаго значенія Петербургскому изданію Стоглава, переполненному самыми грубыми ошибками, мы будемъ приводить выдержки изъ Стоглава по изданію Казанской Духовной Академіи.

[2] «Также бы есте своихъ дѣтей духовныхъ поучали.... чтобы.... и криве бы креста не цѣловали и божіимъ именемъ во лжи не ротилися и не клялися.» гл. 37, стр. 154.

[3] «Кленутся именемъ божіимъ во лжу всякими клятвами». гл. 5, стр. 68.

[4] Въ рук. иконное.

[5] «А святыя и честныя иконы.... по образу и по подобію.... образъ божій написати.» гл. 5, стр. 51.

[6] «Божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, и написавъ не правятъ же.... и по тѣмъ книгамъ въ церквахъ божіихъ чтутъ и поютъ. Гл. 5, стр. 52.

лкикий по. и въ апльскїй по запобѣданое ѡдл. ѕ.е холопьство рока все конїины и после живота своего дѣтя свои даю а архиепспы приписывают. з.е дѣти крта до шти недѣ после роженья до очищенья мтрна. а кршный чтый младенець. нечїстую мтрь есть[1]. и.е многое кумове и кумы единого младеца крта мзы ра[2]. ѳ.е матерны лаю невъзбраїно во сваре и в шука[3]. і.е долго не женится а жыкоу блоуно[4]. аі.е бороды брею и усы ркоу то образу бжию порꙋгаюся и вѣре супротивлаеся к женскый обрі пребращаются[5]. ві сщнники многые ѿ црквe ва многы црква преходя и служа невъзбраїно. гі. сщнники свои пртлы ѿставлаю. а наимуются у иных пртолевь служи а сщннику пова единой невѣсте обручепой мужеви быти. ді. шахматы и таблеими и ликами[6] играю[7]. еі. сваты творя и на бракы призывкаю ерее со кртом а скоморохи з доудами. и хрмелє к невсо обра преикраснишися[8]. и вѣнчаются ве врежения а не постатся. ѕі. попы вдовьци и дрꙋгыя жены держа а служа. а иныя попы вдовьци постригають во иноческый чи да служать[9] а все то стыми оци запов҃ѣдано и проклято сие и паке заскидѣтельствоуе. прокля вся иже не пребуде во всѣ писанїи во книзе законей. и творити и пррка вели-

---

[1] Съ этимъ пунктомъ можно сближать 2-й вопросъ 43-й главы: «Дѣти родятся въ сорочкахъ и тѣ сорочки приносятъ къ попомъ и велятъ ихъ класти на престолъ до шти недѣль». стр. 166.

[2] «А кумъ былъ бы одинъ любо мужескій полъ, а любо женскій; а по два бы кума и мнози кумове не были, какъ у васъ преже сего было». гл. 17, стр. 110.

[3] .... «И лаются безъ зазору всегда всякими укоризнами и богомерзкими рѣчьми.» гл. 5, стр. 68.

[4] «А которыя ваши дѣти духовные не возмогутъ чистоты хранити, и они бы женилися и бракомъ сочталися». гл. 36, стр. 152. Ср. гл. 33.

[5] Знаменитое заблужденіе Стоглава. «.... Въ тридцать лѣтъ и старые главы брѣютъ и брады и усъ (подкусываютъ)». стр. 67. «Не постризайте брадъ вашихъ, се бо женамъ лѣпо.... Вы же, се творяще, ... противящеся закону, ненавидимы отъ Бога будете, создавшаго васъ по образу своему.» стр. 161.

[6] Въ рук. лйклми.

[7] Ср. 20-й вопросъ 41-й главы.

[8] «Въ мирскихъ свадбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскіе пѣсни поютъ, и какъ къ церкви вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ». стр. 178.

[9] См. глав. 78 — 81.

си проклати ꙋклонающиися ѿ заповедей твоих и инде пишѣ. законопреступницы потребятся вкупѣ. и останци нечестивых потребятся. очима своима смотриши. и воздаяніа грѣшником оузриши. аще мало и не боудеть грѣшника. взыщеши мѣсто его и не ѡбрящеши. яко сама гл҃ ркѣ.

Статья написана, очевидно, до Стоглаваго собора: иначе зачѣмъ было бы автору ея записывать «неисправленія», противъ которыхъ были уже приняты мѣры соборомъ? Самый сборникъ, изъ котораго заимствована эта статья о церковныхъ «неисправленіяхъ», составленъ былъ въ первой половинѣ XVI вѣка, потому что въ 1576 году онъ отъ употребленія такъ износился, что потребовалъ передѣлки, какъ видно изъ слѣдующей приписки на послѣднемъ листѣ рукописи: сій соборникъ. клики леѡнида. рєꙋдиского и миропьского; передѣлалъ лѣта ҂з҃пд мѣца іюна. и҃».

Кто былъ составителемъ вышеприведенной замѣтки, рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что сборникъ, въ которомъ помѣщена замѣтка, принадлежалъ одному изъ вліятельныхъ членовъ Стоглаваго собора. Въ сборникѣ находится нѣсколько другихъ статей, которыя цѣликомъ или въ извлеченіи вошли въ Стоглавъ. На л. 1 об. помѣщено слово ст҃го ѳеѡрита, внесенное въ Стоглавъ (стр. 135), какъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу двуперстнаго сложенія крестнаго знаменія. На л. 341 и слѣд. читается Никинѣскаго сбора правило єрєємъ. иже не ѡбѣдуютса въ свещныя ризы. или нерадоуренніе. или гордостью. или лѣностью, помѣщенное въ Стоглавѣ (стр. 102) безъ приписанія правила Никейскому собору. На л. 341 об. вписано правило іоа митрѯ о томъ же предметѣ, и въ Стоглавѣ (стр. 103) слѣдующее за предыдущимъ правиломъ. На л. 436 находимъ слово ѡ кртящихся, вставленное и въ Стоглавъ (стр. 136). На Стоглавомъ соборѣ возникло сомнѣніе такого рода: «Что въ уставѣ приписано на усѣкновеніе честныя главы воздержатися въ той день отъ мяса и рыбы повелѣваетъ и всю седмицу поститися, *невѣдомо отколе взято*?» (Стогл. стр. 192). Въ сборникѣ, л. 151, читаемъ объясненіе этого поста обычаемъ, заимствованнымъ у Грековъ: «и на оусекновеніе ст҃ыя глвы. и на положеніе поеса. и на ѡбрѣтеніе главы и на оусекновеніе главы мнѣ не ясти тоже ѿ грекъ пошло ажь оу кого глава болить и очи. а иніи ядять аще не въ срѣ боудеть и в пт҃. якоже ѿ .кг҃. днѧ мяса ясть. Наконецъ на 283 л.

сборника вписаны ѿ оныя книги, петра и павла завѣщанія о празднованіи, отрывокъ изъ коихъ есть въ Стоглавѣ (стр. 270). Составитель замѣтки о церковныхъ неисправленіяхъ былъ, вѣроятно, и владѣльцомъ сборника, по крайней мѣрѣ замѣтка пользуется нѣкоторыми статьями и указаніями сборника, какъ ими пользовался и Стоглавый соборъ. Въ замѣткѣ указано, что «многіе кумове и кумы единаго младенца крестятъ мзды ради», и на 5 л. сборника читаемъ: Сего ради коумовъ немногымъ достоитъ быти. иже коумоу и коумѣ. яко хсе к нашей силы творимо є.

Въ 1577 году сборникъ, о которомъ мы говоримъ, принадлежалъ рязанскому владыкѣ Леониду и, вѣроятно, достался ему отъ члена Стоглаваго собора Касьяна, предмѣстника его на рязанской каѳедрѣ. Какъ бы то ни было, особенно достойно вниманія то обстоятельство, что этотъ сборникъ, въ который внесенъ наскоро набросанный планъ нѣкоторыхъ частей Стоглава и которымъ несомнѣнно обусловились нѣкоторыя главы онаго, заключаетъ въ себѣ между прочимъ и Кормчую, составленную Вассіаномъ Патрикѣевымъ [1]. Эта Кормчая осуждена была на соборѣ 1531 года, потому что въ ней приводились доказательства противъ права монастырей владѣть отчинами. Въ разсматриваемомъ сборникѣ это мѣсто Вассіановской Кормчей читается такъ: [2] Аще ли кто възглаголетъ. прѣ сего монастыри селами жили, но не тако но прѣ сего вси отци начальници. селъ оу монастырей не держали, ни пахомій великий. ни харитонъ великій. ни еѳимей великый. ни сава освященый ни ѳеодосій великии, ни антоній великий. ни симеонъ чюдотворець. иже на дивнѣи горѣ. ни афонасій афоньскыи. ни ѳедоръ стоудийскии. ни иныя прежніе начальници. селъ оу монастырей. не имали. Августа первыи ѿ семже три писаны. Аще кто и давалъ и села. ини не имали. но жили безмятежно по еуаглию. и по своемъ ѡбѣщанію. Такоже и роусьскыя земли здѣшние началници и чюдотворци. антоній и ѳеодосій печерьскии иже в киевѣ чюдотворци. и сергій радонежьскій. и кириллъ бѣлозерьскии и варламъ новогородскій. и павелъ комельскии селъ къ своимъ монастырем не имали. но своихъ оучениковъ оучили по еуаглію жити. и по иночьскомоу ѡбѣщанію. нонѣ запрещали и о се своимъ писанием, ни в мирьские ни в какие вступатися вещіно. ѡ горе оубы. престоупникъ заповѣди бжиі, и оцъ

---

[1] Описаніе рукописей Толстова. Отд. I, № 169. Прибавленія къ Творен. св. отцовъ, X, 515.

[2] Ср. Палеограф. снимки къ описанію рукоп. Толстова, № 4.

своѝ оученіа. села и̇ манастырѣ ѿимаютъ и̇ попоущаютъ. и̇ владѣютъ и̇ми. и̇ вса ѕлаа̇ содѣлаютъ ѿ нихъ. и̇ноко противна и̇ заповѣдемъ бж҃іи. ѿхъ что боудетъ въ дн҃ь сꙋдный. единоу заповѣдь престоупитъ чл҃вкъ. мьнїи наречетса въ цр҃твіи нб҃нѣ; а̇ и̇нии. и̇но ничто моука вѣчьная и̇ геона ѿгненаа. А въ а̇плѣ и̇ въ ст҃ыхъ ѿц҃ь писанїи многа̇ такова̇ запрещенїа не хранащи заповѣди бж҃іа (л. 210 об. 211). Затѣмъ слѣдуютъ перечень и мѣста изъ писаній противъ владѣнія монастырей отчинами. Постриженникъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Вассіанъ не любилъ старцевъ Іосифова монастыря. Іосифъ, какъ извѣстно, отстаивалъ права монастырей на владѣніе отчинами. Касьянъ, епископъ рязанскій, также неблагосклонно смотрѣлъ на Іосифа Волоколамскаго. На соборѣ 1531 года Касьянъ «нача хулити книгу преподобнаго Іосифа, еже сей преподобный списа на ересь новгородскихъ еретиковъ». [1] Воззрѣніе Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей на вопросъ о монастырскихъ имуществахъ одержало верхъ и на Стоглавомъ соборѣ, хотя, конечно, находило сопротивленіе въ нѣкоторыхъ членахъ собора. [2] Авторъ замѣтки (кто бы онъ ни былъ) успѣлъ обратить вниманіе членовъ собора почти на всѣ замѣченныя имъ «въ православной вѣрѣ неисправленія» и выставить противъ нихъ запрещенія собора Стоглаваго; но въ Стоглавѣ нѣтъ ничего противъ важнаго пункта, указаннаго въ замѣткѣ: *холоньствомъ робятъ безъ кончины* и послѣ живота своего дѣтямъ своимъ даютъ, *а архиепископы приписываютъ*. На Стоглавомъ соборѣ получила перевѣсъ партія митрополита Макарія, проводившая убѣжденія Іосифа Волоцкаго о владѣніи монастырей отчинами. Не лишено интереса и то обстоятельство, что престарѣлый Іоасафъ, митрополитъ ростовскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на статьи Стоглаваго собора проситъ уничтожить новый налогъ на крестьянъ, который установленъ былъ соборомъ для искупленія плѣнныхъ. Этотъ окупъ Іоасафъ совѣтуетъ брать не съ сохъ, а «изъ митрополичи и изъ архиепископли и изо всѣхъ владычныхъ казнъ и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ.» «Крестьяномъ, государь царь, (объясняетъ Іоасафъ) и такъ твоей много тягли, въ своихъ податехъ, государь, покажи имъ милость..» Печалуясь за крестьянъ и переводя съ нихъ налогъ на монастырь и казну владыкъ, Іоасафъ даетъ проскользнуть

[1] Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и древн. IX, отд. IV, стр. 1.

[2] Смотри любопытный отвѣтъ митр. Макарія въ предъидущ. статьѣ.

въ своихъ замѣткахъ недоброжелательству на Іосифа Волоколамскаго. «Написано, государь, въ твоихъ спискахъ: у дѣда твоего, государя нашего, у великаго князя Ивана Васильевича на соборѣ былъ игуменъ Іосифъ Волоцкой, какъ государь соборовалъ дѣдъ твой и государь нашъ о вдовыхъ священникахъ. *И на томъ соборѣ у дѣда твоего были многихъ монастырей честныя архимандриты* и игумены и старцы многіе, тѣхъ же монастырей пустынники, *которые житіемъ были Богу угодны и святое писаніе извѣстно разумѣли*, потому же, государь, какъ нынѣ у тебя, государя, на соборѣ многіе архимандриты і игумены і многіе старцы изо всѣхъ монастырей. *И опричь, государь, игумена Іосифа никто не написанъ, кто у дѣда твоего былъ на томъ соборѣ.* И будетъ, государь, тебѣ угодно дѣда твоего, государя нашего, тотъ соборъ, и ты бы, государь, Бога ради и тѣхъ честныхъ монастырей архимандритовъ и игуменовъ і старцовъ велѣлъ написати въ той статьи во своемъ спискѣ». (Стоглавъ, стр. 429).

Рязанскій епископъ Касьянъ, противникъ Іосифа Волоцкаго, въ 1551 году лишенъ былъ епископской каѳедры, которую получилъ Леонидъ, владѣлецъ сборника, изъ котораго заимствована нами замѣтка о церковныхъ «неисправленіяхъ». Касьянъ лишился сана, между прочимъ, за хулу на книгу Іосифа Волоцкаго. Новый рязанскій епископъ Леонидъ былъ постриженникомъ Іосифова монастыря и горячимъ приверженцемъ его основателя. Это видно изъ слѣдующей челобитной Леонида [1]: «Богомъ вѣнчанному и христолюбивому государю царю великому князю Ѳедору Ивановичю всеа Русіи бьетъ челомъ богомолецъ твой государевъ епископъ Леонидъ Резанской и Муромской. Пожаловалъ еси, государь, меня богомольца своего, велѣлъ мнѣ быти у себя, государь, за столомъ на Рожество Христово. И архіепископъ Государь Ростовской Еѳимей мнѣ, богомольцу твоему, съ собою ести з блюда не далъ и меня, богомольца твоего, конечно позоровалъ. А прежь того, государь, при отце твоемъ при нашемъ государи при цари великомъ князе Иване Васильевиче всея Русіи *и язъ*, богомолецъ твой, *ѣдалъ со архіепископомъ съ новогородцкимъ с одново блюда*, а въ томъ, государь, дѣле воленъ ты, государь, какъ тѣбѣ, го-

[1] Изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго Волоколамскому монастырю (нынѣ Московской Духовной Академіи), № 564, л. 74—об.—75 об., XVI вѣка. Ср. Акты Историч. I, 410.

сударю, Богъ извѣститъ. А о томъ тебѣ, государю, молю и челомъ бью, что, государь, насъ богомольцовъ твоихъ осифовскихъ постриженниковъ называетъ всѣхъ не осифляны, но жидовляны. И преподобнаго, государь, Іосифа постригъ Паѳнутей чюдотворецъ Боровской своими руками, а Паѳнутья, государь, постригъ старецъ Никита, ученикъ Сергѣя чудотворца, Іосифу, государь, преподобному свидѣтель житію; преподобного Паѳнутія чудотворца по прошенью его и по моленью далъ Богъ дѣду твоему наслѣдника царствію вашему отца твоего, нашего государя царя, великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи, а приемникъ его былъ во святѣи купели Касьянъ Босой, ученикъ Паѳнутія чудотворца и собесѣдникъ старцу Іосифу преподобному, да Данилъ архимандритъ Малой Переславской, ученикъ Паѳнутія чудотворца. И къ тому тебя, государя, молю, что, государь, прежь сего при прадеде из Осифова монастыря [1] были богомольцы ваши власти болшие. Изъ Осифова монастыря при твоемъ государе, при прадеде и при дѣде на Москвѣ былъ Данилъ митрополитъ всеа Русіи, въ Ростове на архиепископье Касьянъ, братъ Іосифу чудотворцу, а въ Смоленску Сава Слепушкинъ, а на Коломне Васьянъ Топорковъ, а при отцѣ при твоемъ, при нашемъ государе, въ Новѣгороде на архиепископствѣ былъ Феодосѣи, Іосифовъ же постриженникъ, да во Тверѣи епископъ Окакѣи, да на Крутицехъ Сава черной, да Иѳантъ, да Галактіонъ, да въ Смоленску епископъ Гурей Заболоцкой, да въ новомъ просвѣщенномъ царствѣ Казани былъ архиепископъ первой Гурей да Германъ да Лаврентей да Тихонъ да Ерѣмея, да на Крутицахъ Семіонъ, да въ Полоцку Трифонъ архиепископъ. И при твоемъ, государь, при отцѣ, при благовѣрномъ царѣ, великомъ Князи Иване Васильевиче тѣмъ архиепископомъ и епископомъ укоризны никакой не бывало и такова неподобного слова, еже и мирскимъ человѣкомъ гнуспа. Милостивый царь государь! покажи милость, вступися; оборони пречистыя домъ отъ такова навѣтного и поносного слова. Милостивый царь государь! смилуйся».

Мѣсто противника Іосифова Касьяна рязанскаго занялъ такимъ образомъ Іосифлянинъ Леонидъ, какъ видно, пользовавшійся покровительствомъ Макарія, ѣдавшій съ нимъ съ одного блюда. Въ вопросѣ о монастырскихъ отчинахъ Макарій

[1] Это слово въ рукописи пропущено.

держался взгляда Іосифа Волоцкаго и этотъ взглядъ восторжествовалъ на Стоглавомъ соборѣ, благодаря съ одной стороны вліянію Макарія, съ другой вліянію другихъ членовъ собора, бывшихъ постриженниковъ Іосифова монастыря: къ послѣднимъ, по свидѣтельству челобитной Леонида, принадлежали изъ засѣдавшихъ на Стоглавомъ соборѣ: Осодосій, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова, Гурій, епископъ смоленскій и брянскій, Акакій, епископъ тверской и кашинскій.

И. Тихонравовъ.

Слово о злыхъ женахъ[1].

Олово стыи ѿць. на соуесловесниковъ. и глть по своимъ мыслемъ. на непочитающие стго писаниа. и не приимлющие в бгодхновеныя книги. гни благви ѿче.

Горе члвкоу томоу. иже всяко злое створение приложить къ бгоу. а бгъ зла ничтоже не створи. ни ѿбрѣтеся лесть во оустнахъ его. аще кто обрѣте что рече злое ми далъ. а не разоумѣючи яко диявole есть дѣло. а бгъ ни смрти не створи. ни радуется ѿ погибели грѣшныхъ члвкъ. ни на члвка мучения не створи. но створена бысть моука на дьявола. аще кто дьявола заповѣди творить. съ диаволомъ в моукоу ѿходитъ. аще кто гна заповеди творить то съ гмь црствуеть в вѣки. мы же есмы в книгѣ пре бгомъ. и зло ѿ насъ раждается ѿ нашего же зла естьи исходити изноутри телеснаго. к нимъ же есть зима и скрежеть зубомъ. к нимъ же змии и черви а кроучины въ члвцѣ .г. желта. зелена. черна. ѿ жлътыя исходить огненая болѣзнь. ѿ зеленыя исходить ноутреняя болѣзнь. а ѿ черныя смрть. а кроучина здѣлаются ѿ лишния пиaньства и спания. и женоложния великаго. аще бы члвкъ пилъ ялъ в мѣроу спилъ бы

---

[1] Изъ полууставн. сборника первой половины XVI в., принадлежавшаго Іосифову Волоколам. мон., № 566, л. 528 об.—531 об. *Ред.*

былъ и долголѣтиемъ вѣкъ его. вѣкъ бо есть коротокъ грѣшникомъ. а мука вѣчная без конца. будиже всякъ чл҃вкъ скоръ на послушание а лѣнивъ на гл҃ание. да приметь жизнь вѣчную. ѿ г҃а по дѣломъ своимъ. пчела летить на звонъ. а мудрый на полезное слово идеть. добръ чл҃вкъ оухо преклонаеть како истина. а лихва оуклонаетса. оутла соуда не мочи налити. а безоумнаго не мочи насоучити. како бо оутлѣ соунѣ ѣздити. такоже безоумна наоучити. какъ соудно разломлено составливати. тако и безоумный чл҃вкъ въ адѣ накажетса. да не будетъ емоу пользы к вѣкы. егда загоритса храмина. чимъ гасити; водою. что болѣ воды; вѣтръ. что горѣе вѣтра; гора вѣтра не радить. что силнѣе горы; чл҃къ. в гороу всплаетса. и вниде к ню и походить. что боле можеть чл҃вка хмель. той ѿимееть роукы и ногы. что злѣе хмелю сонъ; что лютѣе сна; жена зла. на моужа. что противно женѣ развѣе древа бездоушнаго; чредне .е.ро: аще будеть добра ина боитса и послоушаеть. аще будеть люта и не боитса ни моужа ни древа жена зла не стыдитса никогоже ни стыда же срамлаетса ни ѿнию к богоу возводить. ни закона знаеть. но вса ѿсоужаеть. нѣ̑ злобы па̑ змииныи злобы развѣе женьскыя. еретица змия. и скоропия. ехидна. того злѣе жена зла. змия оубо идеть къ чл҃вкоу инъ боитса ея. бѣжить ѿ нея. а жена зла возлѣ моужа лежить. дышеть змиевымъ духомъ. червь древо иссоушить. а жена зла моужа погоубить. како бо оутлѣ лодьѣ ѣздити. тако с безоумною женою жити. лоуче жити со лвомъ и змиемъ в поустыни. нежели с женою лихою. соупостатливою. с прокоудливою. первое адама жена погоубила. илию прорка жена в поустыню загнала. иѡа крстла звѣри в поустыни вселиса. жена зла главоу его оусекноула. иѡа златоустъ рече. азъ видѣ кротимы вобе медвѣди ногоибе. а жена зла некротимый звѣрь есть. самаго иѡа златоустаго жена загнала в поустыню. соломона премоудрѣе нѣ̑ на земли. и того жена прельстила. идоломъ са поклонилъ. а жены послоушавъ. ѿць менедръ рече. аще ли хощеши без печали жити не жениса. елико ти есть требѣ сдержати плоть свою. ѿ похотѣнии женьскаго. аще кто хощеть себе не мога оунати женитиса претерпѣвъ до конца. что живоуще спсетса а подавъ себе волю погоубитса. аще ти са поиметь

жена добра то оумъ твои не строится никоудѣ. идеши ли гдѣ плакаеши ли. к поуть шествоуеши. ѡ домоу ся не печеши. оумъ твои цѣлъ. не забоудется ни в чемъ. а коли дома боудеши ѡбрадоуешися о добрѣ женѣ и о дѣтех своих. на чюжоу радость не хода. радость твоя дома есть. аще ли комоу жена дасться за грѣ. что ти ити на мртвца плакатися. а ты дома плачешися по вся дни. аще ти слезы не летать. но срце плачеть. а к лю ше оуныбаешь. люди веселятся. а тобѣ срце плачеть. ѡ домоу своемъ печалоуеши. но прольывъ воды не сграбить. безоумнымъ рече. бгоу нашемоу слава. всегда и нынѣ и прно.

Stanford University Libraries
3 6105 001 348 643

PG
3200
T544
V.5

DATE DUE

AUG 30 1976			
OCT 13 1976			